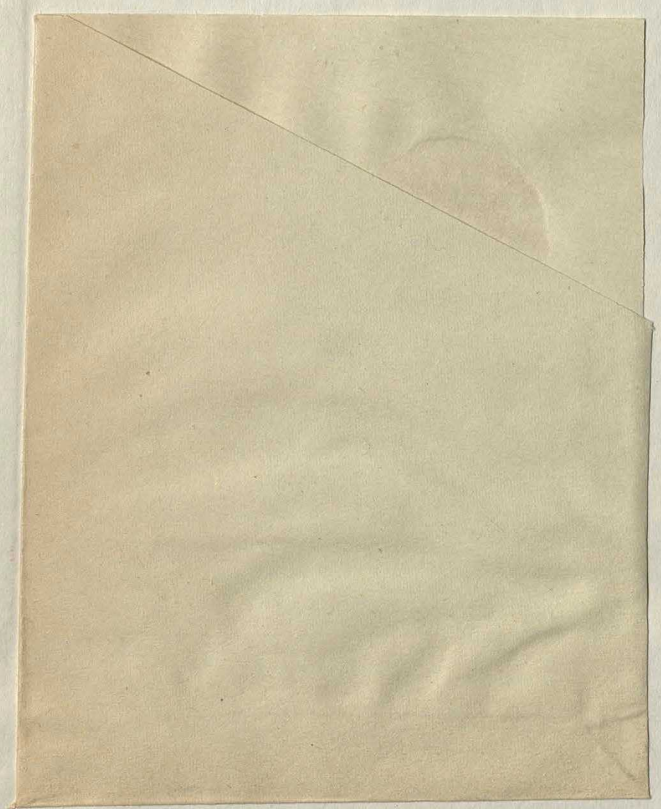
M 127/24 b. 2



М 127/24

ВѢСТНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ИСТОРІИ

ВЫПУСКЪ II

Подъ редакціей Замѣстителя Предсѣдателя
М. К. СОКОЛОВСКАГО

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА
ИСТОРІИ ДРЕВНОСТЕЙ
РОССІЙСКИХЪ

Тип. П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная ул., 12
1915

М 127/24

ВѢСТНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ИСТОРІИ

ВЫПУСКЪ II

Подъ редакціей Замѣстителя Предсѣдателя
М. К. СОКОЛОВСКАГО

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА
ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ
РОССІЙСКИХЪ

Тип. П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная ул., 12
1915

Р.33-3228

2014058303

1

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таб-ниц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1976
	1	8.2				5	586/31	96

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Герцогъ **Г. Н. Лейхтенбергскій.** Въ Италіи сто лѣтъ назадъ. (Принцъ Евгеній и Мюратъ).	1
Князь **Н. В. Репнинъ.** Шестьдесятъ лѣтъ назадъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній).	29
Н. Н. Мамантовъ. Полвѣка назадъ. (Изъ моихъ воспоминаній)	46
П. И. Бѣлавенецъ. Измѣненіе Россійскаго Государственнаго герба въ Императорскій періодъ. (Историческая справка)	58
Е. И. Аренсъ. Гангутская побѣда	85
В. П. Мегорскій. Олонецкія марціальныя воды при Петрѣ Великомъ	119
Графъ **К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ.** Мѣстечко Бѣшенковичи въ 1812 году	127
К. А. Военскій. Къ исторіи Отечественной войны 1812 г. Пріѣздъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь 23 сентября 1812 г. (неизданное письмо очевидца).—Платокъ англійской работы 1813 года, отпечатанный въ краскахъ, съ изображеніемъ сатирическихъ картинъ изъ политической жизни Наполеона I.	137
П. И. Ковалевскій. Имамъ Шамиль	152
А. В. Бородинъ. Иноземцы—ратные люди на службѣ въ Московскомъ Государствѣ	185
А. Ѳ. Кони. Петръ Великій и народное просвѣщеніе	202
Т. О. Соколовская. Капитулъ Феникса. Высшее тайное масонское правленіе въ Россіи (1778—1822 г.г.)	217
А. Д. Григорьевъ. Мурманскій инокъ—архимандритъ Іонафанъ	317
Библіографія	332
Смѣсь	336

Въ Италіи сто лѣтъ назадъ.

Принцъ Евгеній и Мюратъ.

Въ истекшемъ году минуло сто лѣтъ со времени освобожденія Германіи и Европы отъ ига Наполеона. Кампанія 1814 года въ общихъ своихъ чертахъ извѣстна болѣе или менѣе всѣмъ, какъ извѣстны и ея результаты: отреченіе Наполеона отъ престола и возстановленіе Бурбоновъ на тронѣ Франціи.

Блестящія дѣла, совершившіяся на поляхъ Франціи въ томъ году, совершенно заслонили собой то, что происходило въ то же время въ Италіи—второстепенномъ театрѣ войны, но изъ чего выросло нѣчто не-второстепенное для политики средины прошлаго столѣтія—порабощеніе Италіи Австріей.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появился капитальный трудъ на эту тему французскаго историка M. H. Weil подъ названіемъ «Le Prince Eugéne et Murat en 1813—1814», который день за днемъ разобралъ всѣ документы разнообразныхъ архивовъ, относящихся къ этой эпохѣ. Ознакомившись съ нимъ и использовавъ нѣкоторые оригинальные документы нашего семейнаго архива, рѣшаюсь изложить краткій очеркъ событій 1814 года въ Италіи и предложить его вниманію нашихъ русскихъ читателей, для которыхъ онъ, можетъ быть, представитъ нѣкоторый интересъ, какъ мало вообще извѣстный.

Сто лѣтъ тому назадъ Европа, какъ и сейчасъ, была объята пожаромъ всеобщей войны, но тогдашняя коалиція (Россія, Австрія, Пруссія и Англія) была направлена не противъ расы, какъ сейчасъ противъ германцевъ, а лишь противъ отдѣльнаго лица — Наполеона, ненасытное властолюбіе котораго также не давало покоя міру, какъ и нынѣшній расовый милитаризмъ Германіи.

Въ военныхъ операціяхъ 1813—1814 годовъ Италіи было суждено сыграть роль лишь второстепеннаго театра, такъ какъ судьба Наполеона рѣшалась на поляхъ Франціи; но зато она составила вознагражденіе, облюбованное себѣ Австріей «за труды», и, какъ таковое, имѣла для нихъ бо́льшее значеніе. Однако, вожделѣніямъ австрійцевъ, можетъ быть, не

было бы суждено исполниться вполнѣ и королевство итальянское могло бы остаться независимымъ, если бы во главѣ его стоялъ не честный и прямой вице-король, принцъ Евгеній Богарне [1]), а болѣе тонкій политикъ, какимъ считалъ себя Мюратъ [2]), король Неаполитанскій, оказавшійся на дѣлѣ однако, эгоистомъ-измѣнникомъ.

Дѣйствительно, всѣмъ нынѣ извѣстно, что союзники, предлагали вице-королю наслѣдственную корону Италіи, при условіи, чтобы онъ къ нимъ присоединился. Но это означало измѣну въ отношеніи къ государю и благодѣтелю, и принцъ Евгеній съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, вслѣдствіе чего, при дѣлежѣ добычи послѣ Фонтенблоскаго договора, Италія досталась Австріи, а принцъ Евгеній остался при... однихъ обѣщаніяхъ «устроить» его гдѣ-нибудь «приличнымъ образомъ».

Но едва ли выигралъ больше и Мюратъ, ведшій все время двойную

---

[1]) Евгеній Богарне родился 3 сентября 1781 года въ Парижѣ былъ сыномъ виконта Александра Богарне и Жозефины Ташеръ-де-ля-Пажери. Во время революціи Александръ примкнулъ къ конституціоналистамъ, былъ одно время предсѣдателемъ учредительнаго собранія командуя Рейнской арміей, отказался отъ поста военнаго министра, вышелъ въ отставку въ 1793 году, обвиненъ въ измѣнѣ и въ томъ же году обезглавленъ. Вдова его въ 1795 году вышла замужъ за генерала Бонапарта, который впослѣдствіи, ставъ Императоромъ Наполеономъ, усыновилъ Евгенія и 1/13 іюня 1805 года назначилъ его вице-королемъ новаго королевства итальянскаго. 2/14 января 1806 года, по приказанію Императора онъ женился на дочери короля Баварскаго Максимиліана Іосифа, принцессѣ Августѣ-Амаліи, но этотъ бракъ «по приказу» оказался удивительно счастливымъ. Отъ него произошло 6 человѣкъ дѣтей: Жозефина, Евгенія, Августъ, Августа-Амалія, Теодолинда и Максимиліанъ, за которыми было признано право наслѣдованія въ будущемъ итальянскаго престола.

Принцъ Евгеній участвовалъ въ войнѣ 1809 года противъ Австріи и 1812 года противъ Россіи, командуя въ послѣдней 4-мъ корпусомъ. Онъ отличился въ Бородинскомъ сраженіи, взявъ курганъ Раевскаго, а особенно при Малоярославцѣ, которымъ неоднократно овладѣвалъ съ боя. По отреченіи Наполеона въ 1814 году, Евгеній переѣхалъ въ Баварію, гдѣ король даровалъ ему титулъ герцога Лейхтенбергскаго. На деньги же, данныя ему вѣнскимъ конгрессомъ, какъ возмѣщеніе за потерю Италіи, онъ купилъ въ Баваріи княжество Эйхштедтское, гдѣ и прожилъ въ семейномъ уединеніи до своей кончины 9/21 февраля 1824 года.

[2]) Іоахимъ Мюратъ, сынъ трактирщика, родился 14/25 марта 1767 г. въ Кагорѣ, въ южной Франціи, готовился къ духовной карьерѣ, но поступилъ въ армію; во время революціи началъ свою карьеру офицеромъ, причислился адъютантомъ къ генералу Бонапарту во время первой его итальянской кампаніи и вернулся изъ нея съ чиномъ бригаднаго генерала. Съ тѣхъ поръ онъ сопровождаетъ Бонапарта во вторую итальянскую кампанію и въ Египетъ, помогаетъ ему въ переворотѣ 18 Брюмера и вскорѣ затѣмъ вступаетъ въ бракъ съ сестрой Бонапарта Каролиной. Выказавъ блестящія способности кавалерійскаго начальника въ кампаніяхъ 1805 и 1806 годовъ, Мюратъ въ 1808 году назначается королемъ обѣихъ Сицилій, принявъ наименованіе короля Іоахима-Наполеона. Въ 1812 году сопровождалъ Императора Наполеона въ Россію и возвратился оттуда въ Неаполь въ январѣ 1813 г. Измѣнивъ Наполеону въ 1814 году, Мюратъ, во время «ста дней», опять примкнулъ къ нему, но былъ разбитъ Австрійцами, схваченъ при попыткѣ возвратиться изъ Корсики въ Неаполь и разстрѣлянъ 1/13 октября 1815 года.

игру, колебавшійся открыто стать на опредѣленную сторону и только подъ самый конецъ примкнувшій къ врагамъ своего покровителя-Наполеона. И если вице-король, лишившись владѣній и власти, сохранилъ зато незапятнаннымъ свое доброе имя, то Мюратъ, сохранивъ на непродолжительное время свое королевство, навсегда потерялъ честь и заклейменъ исторіей названіемъ измѣнника. Противоположные характеры этихъ двухъ лицъ, взаимно другъ друга не выносившихъ, никогда не сказались такъ ярко, какъ въ 1814 году.

Покидая «Великую Армію» въ Сморгони въ концѣ 1812 года, Наполеонъ поручилъ командованіе ею Мюрату, но послѣдній не оказался въ состояніи справиться съ этой, правда нелегкой, задачей и вскорѣ, въ Познани, бросилъ армію и ускакалъ, подъ предлогомъ болѣзни, въ свое королевство, судьба коего его очень безпокоила. Пришлось, волей-неволей, вступить въ командованіе арміей принцу Евгенію, оставшемуся старшимъ изъ начальниковъ.

Въ свое время, на страницахъ «Военнаго Сборника», пишущій эти строки, подробно, на основаніи оригиналовъ-документовъ, изслѣдовалъ его дѣятельность за этотъ періодъ времени. Здѣсь напомню лишь вкратцѣ, что если Евгеній Богарне и сдѣлалъ ошибки, то онъ все-таки сумѣлъ сохранить въ цѣлости переформированную имъ изъ остатковъ «Великой Арміи» новую армію и привести ее, въ составѣ 70.000 человѣкъ, въ полной боевой готовности на поле сраженія при Люценѣ, и, во главѣ ея, первымъ войти 27 апрѣля (8 мая) 1813 г. въ Дрезденъ, откуда Императоръ приказалъ ему отправляться въ Италію, для сформированія тамъ новой арміи.

Поставленный въ 1805 году, 24 лѣтъ отъ роду, во главѣ новоявленнаго «Королевства Итальянскаго», какъ вице-король, Евгеній Богарне, хотя уже успѣлъ проявить себя съ лучшей стороны въ военномъ дѣлѣ, но административныя способности его были еще вполнѣ неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, подъ руководствомъ своего геніальнаго вотчима, слушая приданныхъ имъ ему совѣтчиковъ, онъ, со своимъ уравновѣшеннымъ умомъ, природной привѣтливостью и добрымъ сердцемъ, успѣлъ многое сдѣлать для внутренняго устройства Италіи. Но эта его дѣятельность вообще слишкомъ мало извѣстна и оцѣнена, ожидая еще своего историка.

Несомнѣнно одно, что за 9 лѣтъ управленія Италіей вице-король и его супруга, принцесса Августа-Амалія, дочь короля Баварскаго, сумѣли снискать любовь и привязанность своихъ подданныхъ, и нечего поэтому удивляться, если хроникеры писали, что «радость и веселіе царили на улицахъ Милана, когда онъ 1/13 мая 1813 года возвращался въ свою столицу изъ Дрездена, послѣ похода въ Россію».

Отъ предложенныхъ ему городомъ празднествъ и чествованій онъ, однако, отказался, помня, что цвѣтъ итальянской молодежи погибъ въ снѣгахъ Россіи и что поэтому все населеніе въ траурѣ; да и не до этого ему было: его манили прелести семейной жизни, отъ которой онъ былъ отор-

ванъ болѣе года, а съ другой стороны его ждала большая работа по созданію новой итальянской арміи и устройству обороны страны.

Съ этою цѣлью, Императорскимъ декретомъ отъ 6/18 мая, должна была быть сформирована армія, достигавшая номинальной силы въ 40.000 пѣхоты и 4.500 коней и названная «Обсерваціоннымъ корпусомъ Эча». Но эта армія существовала пока лишь на бумагѣ, такъ какъ на дѣлѣ ея баталіоны состояли не болѣе какъ изъ 20 человѣкъ каждый. Но Наполеону нужно было пускать пыль въ глаза своимъ врагамъ, «симулировать», такъ сказать, сильную армію на югѣ, чтобы отвлечь туда побольше непріятельскихъ силъ; съ этою же цѣлью онъ предписалъ вице-королю принять всяческія мѣры для распространенія преувеличенныхъ слуховъ о силѣ этой арміи, которая вскорѣ, на бумагѣ же, возрасла до 80.000 чел.

Какъ бы то ни было, но, когда истекло заключенное послѣ Бауценскаго сраженія перемиріе, то на границѣ Италіи съ Австріей стояла франко-итальянская армія, правда молодая и не очень хорошо обученная, но численностью, на дѣлѣ, въ 45.000 пѣхоты и 1.500 коней.

Стоявшая противъ нея австрійская армія генерала Хиллера насчитывала до 40 тысячъ человѣкъ, но, постепенно усиливаясь и постоянно маневрируя горами, въ обходъ лѣваго крыла вице-короля, постепенно принуждала его отходить съ одной оборонительной линіи на другую; наконецъ, присоединеніе Баваріи къ врагамъ Наполеона, грозя ему новымъ обходомъ изъ Тироля, вынудило его къ 1 ноября 1813 года отойти на линію р. Эчъ, имѣя свою главную квартиру въ Веронѣ.

О своемъ присоединеніи къ коаліціи король Баварскій увѣдомилъ принца собственноручнымъ письмомъ отъ 26 сентября (8 октября,) изложивъ и причины, побудившія его на этотъ шагъ. Евгеній отвѣтилъ, что очень жалѣетъ о принятомъ королемъ рѣшеніи, но что онъ, во всякомъ случаѣ, исполнитъ свой долгъ до конца и сумѣетъ «остаться всегда достойнымъ зятемъ короля», котораго онъ искренно любилъ и уважалъ. Въ концѣ письма онъ просилъ короля только объ одномъ — что-бы ни случилось, не забыть своей дочери и внуковъ. На этомъ ихъ переписка прекратилась.

Но 10/22 ноября къ передовымъ постамъ итальянской арміи подъѣхалъ австрійскій парламентеръ и пожелалъ видѣть вице-короля, которому просилъ передать письмо. Черезъ три часа прибылъ верхомъ принцъ Евгеній и къ немалому своему удивленію въ австрійскомъ офицерѣ узналъ адъютанта короля Баварскаго, князя Турнъ-и-Таксиса. Оказалось, что послѣдній привезъ ему отъ короля письмо, къ которому добавилъ устно нѣкоторыя разъясненія. Въ общемъ, смыслъ всѣхъ писемъ и рѣчей былъ тотъ, что король, отъ имени союзниковъ, предлагалъ вице-королю отложиться отъ Наполеона, или, по крайней мѣрѣ, остаться нейтральнымъ, за что ему и его потомству гарантировали корону Италіи, наслѣдникомъ которой онъ, кстати сказать, былъ офиціально провозглашенъ Наполеономъ и состоялъ вплоть до рожденія короля Римскаго.

Предложеніе, что и говорить, было заманчиво; Евгеній, однако, ни на секунду не задумался отвѣтить Таксису, что это дѣло совершенно невозможное и что «его дѣти не захотѣли бы короны, купленной цѣною измѣны» и т. д. Всѣ старанія и уговоры Таксиса не привели ни къ чему и единственное, на что согласился вице-король, потому что считалъ это для Императора выгоднымъ, это заключить перемиріе на два мѣсяца, оставаясь обоюдно на занятыхъ позиціяхъ. Таксисъ уѣхалъ, а Евгеній немедленно же написалъ Наполеону подробный отчетъ о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ

Принцъ Евгеній Богарне,
Вице-король Италіи.
1781 — 1824.
Съ миніатюры Беннера 1814 года. (Изъ собранія Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго).

и своемъ отказѣ и испрашивалъ согласія Императора на перемиріе. Согласіе было вскорѣ получено, но оказалось ненужнымъ: перемиріе не состоялось.

Маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій и генералъ Дантуаръ (D'Anthouard) бывшій адъютантъ принца Евгенія, печатно во времена реставраціи, распустили, впослѣдствіи, слухъ, что вице-король велъ переговоры съ союзниками и измѣнилъ Императору. Вице-королева горячо принялась за защиту его памяти, обратилась къ самому Таксису, тогда уже старику, съ просьбой дать отчетъ о своей тогдашней миссіи къ принцу Евгенію въ 1813 году и о томъ, что отвѣтилъ вице-король. Таксисъ, дрожащей старческой рукой (до-

кументъ этотъ и посейчасъ имѣется въ нашемъ домашнемъ архивѣ) подробно описалъ все, что происходило на передовыхъ постахъ итальянской арміи, и вся хитро-сплетенная ложь разсѣялась, а память принца Евгенія осталась незапятнанной. Такимъ образомъ, было доказано, что если «переговоры» и были, то лишь почетные для вице-короля. Еще недавно M. H. Weil подробно, день за днемъ, разработавшій по документамъ эту эпоху въ своемъ капитальномъ трудѣ Le Prince Eugéne et Murat en 1813—1814 г., нашелъ подтвержденіе вышесказанному въ одномъ документѣ, доселѣ неизвѣстномъ: это письмо генерала Хиллера [1]) фельдмаршалу Бельгарду [2]) отъ 11/23 ноября 1813 г. Въ письмѣ онъ пишетъ: «Вице-король отвѣтилъ ему (Таксису), что онъ не считаетъ себя въ правѣ располагать судьбами королевства итальянскаго, а состоитъ лишь простымъ представителемъ Императора, и что ему, какъ таковому, невозможно переговариваться съ союзниками, не будучи обезчещеннымъ и не нарушая данной имъ Императору клятвы». Такимъ образомъ, показаніе Таксиса подтверждается и съ австрійской стороны и легенду объ измѣнѣ, или даже просто о двусмысленномъ поведеніи Евгенія, надо считать окончательно уничтоженной.

Когда Таксисъ явился къ королю Максимиліану съ отвѣтомъ вице-короля, онъ, пробѣжавъ отвѣтное письмо Евгенія и вновь запечатывая его, сказалъ: «я же имъ говорилъ...» (Je le leur avais bien dit). Высокая честность и порядочность принца Евгенія были по достоинству оцѣнены союзными монархами и даже самымъ Меттернихомъ, но... «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ», говоритъ пословица, и когда настало время переговоровъ, несговорчивость Евгенія, заслужившая ему уваженіе его

[1]) Хиллеръ, баронъ Иванъ, родился въ 1748 году въ Моденѣ и въ 1768 году произведенъ въ офицеры. Послѣдовательно пройдя всѣ чины, онъ въ 1799 году произведенъ въ фельдмаршалъ-лейтенанты и въ слѣдующемъ году отправленъ главнокомандующимъ въ Тироль, до 1805 года. Командуя въ 1809 году тремя лѣвыми корпусами австрійской арміи, онъ, отступая передъ Наполеономъ, потерпѣлъ пораженія при Ландсгутѣ и Абенсбергѣ, которыми былъ отдѣленъ отъ главныхъ силъ эрцгерцога Карла, храбро сопротивлялся при Эберсбергѣ и отличился въ сраженіи при Эсслингенѣ, заслуживъ чинъ фельдцейхмейстера. Замѣненный во главѣ итальянской арміи въ 1813 году, по происками гофкригсрата, фельдмаршаломъ Бельгардомъ, онъ находился въ Трансильваніи, а потомъ въ Галиціи, гдѣ и умеръ 5 іюня 1819 года.

[2]) Бельгардъ, графъ Генрихъ (de Bellegarde), сынъ саксонскаго генерала, родился 29 августа 1756 года въ Дрезденѣ. Вступилъ офицеромъ въ австрійскую армію въ 1772 году, въ драгунскій полкъ. Произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1792 г. и въ 1794 г., получилъ военный орденъ Маріи-Терезіи, а въ 1796 г., заслуживъ особое расположеніе Императора Австрійскаго, назначенъ фельдмаршалъ-лейтенантомъ. Съ 1799 года по 1805 годъ онъ принимаетъ участіе во всѣхъ кампаніяхъ въ Италіи, а въ 1809 году командуетъ двумя корпусами въ сраженіяхъ пра Эсслингенѣ и Ваграмѣ, произведенъ въ фельдмаршалы и назначенъ вскорѣ предсѣдателемъ знаменитаго Гофкригсрата. Въ 1813 году командовалъ австрійской арміей, дѣйствовавшей въ Италіи, гдѣ оставался главнымъ начальникомъ послѣ заключенія мира, затѣмъ вновь предсѣдательствовалъ въ Гофкригсратѣ и въ 1825 году оставилъ службу по болѣзни глазъ. Умеръ въ Вѣнѣ 22 іюля 1845 года.

противниковъ, была ему все-таки поставлена въ минусъ и онъ не получилъ того, что ему предлагали за измѣну и на что онъ, казалось бы, имѣлъ достаточное право. Но вѣдь политика и чувство часто совершенно несовмѣстимы.

Въ тотъ самый день 10/22 ноября, когда вице-король такъ благородно отвѣчалъ на соблазнительныя предложенія союзниковъ, король Неаполитанскій, Мюратъ, его-же якобы союзникъ, писалъ своему генералу Коллетта, поручая ему обрекогносцировать правый берегъ рѣки По, переправы на ней, селенія и проч. Если бы онъ дѣйствительно считалъ себя въ союзѣ съ Наполеономъ, какъ пока утверждалъ, то ему, казалось бы, не было надобности въ этой рекогносцировкѣ и сборѣ свѣдѣній, которыя онъ скорѣе, проще и точнѣе получилъ бы отъ штаба вице-короля, къ которому онъ будто бы шелъ на помощь, чѣмъ путемъ долгой и трудной развѣдки.

Далѣе онъ предписываетъ Коллеттѣ постараться войти въ сношенія съ генераломъ Пино [1]), всегда двусмысленно ведшимъ себя въ итальянской арміи, и кончаетъ словами: «Вамъ слѣдуетъ быть весьма сдержаннымъ въ своихъ рѣчахъ и ограничиваться утвержденіемъ, что итальянцы всецѣло могутъ разсчитывать на помощь нашихъ войскъ». Уже этой одной фразы, кажется, достаточно, чтобы показать истинныя намѣренія Мюрата, которыя къ тому времени достаточно опредѣленно сложились въ его умѣ.

Дѣйствительно, безумно-храбрый на полѣ битвы, въ глубинѣ души безусловно искренно-преданный Наполеону, но не умный и безхарактерный Мюратъ былъ честолюбивъ. Онъ чувствуетъ, что вѣсы военнаго счастія теперь начинаютъ склоняться не на сторону Императора, онъ боится потерять свою корону и поэтому начинаетъ заигрывать съ союзниками, войдя въ тайные съ ними переговоры, въ разсчетѣ и надеждѣ, можетъ быть совсѣмъ искреннихъ, объединить подъ своимъ скипетромъ всю Италію и не думая, пока, объ активномъ вооруженномъ выступленіи противъ того, кому онъ единственно обязанъ своимъ тропомъ, всей своей карьерой...

Съ другой стороны, онъ готовитъ 40-тысячную армію, увѣряя Наполеона и Евгенія, что она предназначена въ помощь имъ и въ порывѣ чувства совершенно, повидимому, искренно, пишетъ Императору: «Прикажите, и я спасу Италію, очищу ее отъ непріятеля. Или вызовите меня къ себѣ въ армію, и я буду служить вамъ съ прежней преданностью»... Но скоро опасенія за свою судьбу заставляютъ его колебаться, и онъ, подводя посте-

[1]) Пино, графъ Доминикъ, родился въ Миланѣ 1 октября 1767 года, въ 1796 году поступилъ добровольцемъ въ Цизальпійскій легіонъ и съ тѣхъ поръ постоянно мечталъ объ освобожденіи и самостоятельности Италіи и былъ заподозрѣнъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ сообщниками, но сталъ въ ряды французскихъ войскъ. Въ 1804 году, въ чинѣ бригаднаго генерала, онъ былъ сдѣланъ графомъ Имперіи и назначенъ военнымъ министромъ итальянскаго королевства, которымъ оставался два года. Командовалъ затѣмъ дивизіей въ Испаніи и въ 1812 году въ Россіи, состоя въ корпусѣ, которымъ командовалъ вице-король, но съ ней не отличился. Во время Миланскихъ безпорядковъ въ 1814 году игралъ подозрительную роль и былъ Бельгардомъ уволенъ въ отставку, и умеръ въ 1826 году, не игравъ больше никакой роли.

пенно свои «дружественныя» войска къ правому берегу р. По, занимая попутно нѣкоторые города, оккупируетъ понемногу всѣ провинціи къ югу отъ этой рѣки, на берегу которой и останавливаетъ передовыя части своей арміи. 3/15 декабря 1813 г. онъ пишетъ герцогинѣ Тосканской и сестрѣ Наполеона Элизѣ [1]), а своей свояченицѣ: «я приказалъ генералу Міоллису [2]), командующему французскими войсками въ Тосканѣ, устроить въ Фолиньо (Foligno) продовольственный магазинъ на 35.000 человѣкъ... Я только что увѣдомилъ генерала Міоллиса, что я вступилъ въ командованіе всѣми странами, занятыми его войсками, и *предписалъ ему болѣе не принимать приказаній отъ вице-короля*».

Это значило, что Мюратъ желалъ располагать всѣми средствами провинцій къ югу отъ р. По, и довольно точно выясняло его настоящія намѣренія. Элиза, конечно, не замедлила передать содержаніе этого письма Наполеону и Евгенію; послѣдній, хорошо зная Мюрата, мало сомнѣвался, что тотъ ведетъ двойную игру и не замедлитъ измѣнить своему Государю: цѣлый рядъ мелкихъ инцидентовъ (о которыхъ здѣсь было бы слишкомъ долго разсказывать) еще болѣе укрѣпляли его въ этомъ убѣжденіи, которое онъ не скрывалъ отъ Императора. Но послѣдній оставался глухъ къ его предупрежденіямъ и расточаемыя Мюратомъ увѣренія въ преданности, повидимому, брали верхъ надъ опасеніями вице-короля, которыя Наполеонъ считалъ, можетъ быть, преувеличенными, относя ихъ къ нерасположенію Евгенія къ Мюрату.

Политическій тезисъ послѣдняго мы находимъ въ письмѣ его къ Императору отъ 16/28 декабря 1813 г.; онъ былъ слѣдующій: Италія стремится къ объединенію. «Дайте мнѣ всѣ провинціи къ югу отъ р. По, и я ручаюсь, что ни одинъ австріецъ не вступитъ на эту территорію. Но для этого дайте мнѣ начальствованіе всѣми силами Италіи (т. е. подчините мнѣ вице-короля, или, по крайней мѣрѣ, не подчиняйте меня ему), а главное отвѣчайте, отвѣчайте, на эти вопросы; а Вы молчите... Скажите слово—и Италія спасена»...

Хитрая лиса Фушé [3]), герцогъ Отрантскій, посланный Наполеономъ, чтобы слѣдить негласно за дѣйствіями Мюрата, вмѣсто этого, наоборотъ, видимо, поддерживалъ его и писалъ Наполеону въ томъ же почти смыслѣ. Тѣмъ временемъ австрійскій эмиссаръ при неаполитанскомъ дворѣ сумѣлъ

---

[1]) Элиза Бонапартъ, сестра Наполеона, герцогиня Тосканская, была замужемъ за генераломъ Баччьоки.

[2]) Міоллисъ, графъ Секстій, Александръ, Францискъ, родился 18 сентября 1758 года, былъ въ 1814 году губернаторомъ римскихъ владѣній отъ имени Наполеона. Въ періодъ «ста дней» состоялъ комендантомъ крѣпости Меца и былъ уволенъ въ отставку въ 1816 году. Умеръ 18 іюня 1828 года.

[3]) Фуше, Іосифъ, герцогъ Отрантскій (родился въ 1754 году, умеръ въ 1820 году), аббатъ-разстрига, былъ министромъ полиціи Наполеона; имѣлъ репутацію «всезнающаго», и тайная полиція его была дѣйствительно образцовой. Фуше былъ уменъ, хитеръ и двоедушенъ. Когда счастіе начало измѣнять Наполеону, онъ не задумался измѣнить и передаться на сторону Бурбоновъ, съ которыми, какъ и съ врагами Наполеона, онъ давно поддерживалъ тайныя сношенія.

получить отъ королевы Каролины, жены Мюрата и сестры Наполеона, женщины чрезвычайно властной и честолюбивой, имѣвшей на своего слабовольнаго супруга большое вліяніе, письменное согласіе на вступленіе его въ коалицію, и везъ теперь, со всевозможными предосторожностями, этотъ важный документъ сквозь аванпосты вице-короля, къ австрійскому гене-

Іоахимъ Мюратъ,
Король Неаполитанскій.
1767 — 1815.
Изъ собранія Герцога Н. Н. Лейхтенбергскаго.

ралу Нугенту [1]), высадившемуся съ довольно сильнымъ отрядомъ войскъ въ Равеннѣ и занявшему къ тому времени городъ Форли.

[1]) Нугентъ, фонъ-Вестенратъ (графъ Лаваль), князь римской Имперіи, происходилъ изъ старинной ирландской семьи, родился въ Баллинакорѣ, около Дублина въ 1777 году. Поступивъ офицеромъ въ австрійскую армію въ 1794 году, онъ вплоть до 1800 года принимаетъ съ отличіемъ участіе во всѣхъ кампаніяхъ противъ французовъ въ Италіи. Въ 1813 году командовалъ бригадой и за отличія въ этомъ и 1814 году награжденъ командорскимъ крестомъ ордена Маріи-Терезіи. Въ 1815 году, уже фельдмаршалъ-лейтенантомъ, онъ бьетъ неаполитанцевъ, получаетъ разрѣшеніе остаться на службѣ у короля Фердинанда до 1820 года, когда его призываютъ на военно-административныя должности въ Италіи, а позже во внутренней Австріи. Въ 1848 году принимаетъ видное участіе въ усмиреніи революціи въ Италіи, а въ 1849 году—въ Венгріи, за что произведенъ въ фельдмаршалы. Въ 1859 году добровольно сопровождалъ главную квартиру Франца-Іосифа и присутствовалъ, 82-хъ лѣтнимъ старикомъ, при сраженіи у Сольферино. Умеръ 21 августа 1862 года.

Наконецъ, 30 декабря 1813 г. (11 января 1814 г.) между австрійскимъ генераломъ графомъ Нейппергомъ[1]) и Мюратомъ былъ подписанъ союзный договоръ, по которому Австрія гарантировала ему цѣлость его владѣній въ Италіи и обязывалась содержать въ полѣ въ Италіи 60-тысячную армію, которую Мюратъ, въ свою очередь, обязывался усилить 30 тысячами. Главное начальствованіе всѣми войсками должно было принадлежать королю Неаполитанскому, а до его прибытія—австрійскому фельдмаршалу графу Бельгарду. Австрія, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣщала оказать посредничество для заключенія мира между Неаполемъ и Англіей. Послѣдняя и король Сицилійскій Фердинандъ признавали за Мюратомъ право владѣнія Неаполемъ, а онъ въ свою очередь отказывался отъ своихъ притязаній на Сицилію. Было еще нѣсколько тайныхъ пунктовъ, не представляющихъ, впрочемъ, особаго интереса. Такимъ образомъ, все казалось, устраивалось къ лучшему для Мюрата; но въ сношеніяхъ съ Англіей ему пришлось столкнуться съ нежеланіемъ ненавидѣвшаго его лично англійскаго начальника въ Сициліи лорда Вилльяма Бентинка, вступать съ нимъ въ переговоры, которые тотъ и затягивалъ сколько могъ, вопреки приказамъ своего правительства.

Фушé, въ письмѣ къ Наполеону, выражалъ мнѣніе, что главной причиной, побудившей Мюрата окончательно броситься въ объятія Австріи, была его ненависть къ вице-королю (впрочемъ обоюдная) и что если бы Императоръ рѣшилъ подчинить Евгенія Мюрату, или отозвать перваго изъ Италіи, то послѣдній повелъ бы свои войска на помощь ему, и, кто знаетъ, можетъ быть выгналъ бы австрійцевъ изъ Италіи; и дѣйствительно, 30 тысячъ неаполитанцевъ дали бы серьезный перевѣсъ въ силахъ франко-итальянской арміи, и положеніе Бельгарда могло тогда оказаться весьма незавиднымъ.

Хотя эта ненависть, врядъ ли, конечно, была *главной* причиной измѣны Мюрата, но нѣкоторую роль она въ этомъ сыграла несомнѣнно, подогрѣвая его самолюбіе. Какимъ образомъ могъ, однако, Императоръ отнять у вице-короля командованіе арміей управляемой имъ страны, которую она защищала, чтобы отдать его Мюрату, годъ назадъ постыдно сбѣжавшему изъ Познани, а теперь ведшему подозрительные переговоры съ врагами Наполеона? Это было бы болѣе чѣмъ неосторожно — почти преступно. Да

---

[1]) Нейппергъ, графъ Адамъ, родился въ Вѣнѣ 8 апрѣля 1765 года, умеръ въ Пармѣ 22 февраля 1829 года. Отличившись въ кампаніяхъ 1792—94 годовъ въ Нидерландахъ, онъ попалъ въ плѣнъ къ французамъ. Освобожденный черезъ годъ, онъ переѣзжаетъ въ Италію и тамъ съ отличіемъ служитъ во всѣхъ кампаніяхъ противъ французовъ по 1805 годъ. Произведенный въ фельдмаршалъ-лейтенанты и награжденный орденомъ Маріи-Терезіи за Лейпцигское сраженіе, онъ въ 1814 году заключаетъ съ Мюратомъ союзный договоръ. Въ 1815 году назначенъ состоять при Императрицѣ Маріи-Луизѣ, представителемъ которой состоитъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Романъ его съ бывшей Императрицей, тогда же начавшійся, заключился впослѣдствіи морганатическимъ съ ней бракомъ. Отъ этого брака родилась одна дочь, вышедшая замужъ за графа Санъ-Витале. Она похоронена, какъ и ея мать, въ замкѣ Фонтанеллато, близъ Пармы, отданной въ удѣлъ бывшей супругѣ Наполеона.

и какъ объяснить надобность такого распоряженія принцу Евгенію, ничѣмъ не провинившемуся, а только что, напротивъ, давшему доказательства своей преданности? Какъ бы то ни было, а послѣднему приходилось считаться вмѣсто 30-тысячной подмоги съ такимъ же приращеніемъ силъ враговъ, направленнымъ къ тому же на его болѣе открытый правый флангъ, черезъ Анкону и Флоренцію, а лѣвому его флангу, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинали угрожать силы союзниковъ, двигавшіяся черезъ Швейцарію на Гренобль во Франціи, и которыя могли спуститься съ Альпъ даже въ тылъ ему Пришлось, поэтому, изъ предосторожности, отойти еще нѣсколько назадъ и стать на линіи р. Минчіо, оперевъ свой лѣвый флангъ въ крѣпость Пескьеру, на Гардскомъ озерѣ, центръ на крѣпость Мантую, а крайній правый—въ тетъ-де-понъ Боргофорте на р. По, позволявшій, въ случаѣ надобности, дебушировать на правый берегъ этой мощной рѣки.

Къ этому періоду относится новое обвиненіе Принца Евгенія Мармономъ [1]) въ измѣнѣ. Онъ въ своихъ воспоминаніяхъ выражаетъ мнѣніе что, при сложившейся обстановкѣ, вице-королю слѣдовало бы бросить Италію и спѣшить со своей арміей на помощь Императору черезъ Монъ-Сени, на соединеніе съ маршаломъ Ожеро, формировавшимъ армію въ Ліонѣ, что Наполеонъ *приказывалъ ему исполнить подобное движеніе, но вице-король не послушался и тѣмъ, слѣдовательно, измѣнилъ Императору и погубилъ его.*

На первый взглядъ, это мнѣніе можетъ, пожалуй, показаться вѣрнымъ, такъ какъ Наполеонъ, въ ноябрѣ еще убѣждавшій вице-короля упорно оборонять Италію на сильныхъ линіяхъ Эча и Минчіо [2]), теперь (очевидно по полученіи письма Фуше) пишетъ ему 5/17 января: «Герцогъ Отрантскій, вѣроятно, увѣдомилъ васъ, что король Неаполитанскій присоединяется къ нашимъ врагамъ. *Какъ только вы получите о томъ оффиціальное извѣщеніе,* мнѣ кажется важнымъ, чтобы вы *со всей вашей арміей направились къ Альпамъ. Въ такомъ случаѣ* вы оставите гарнизонами въ Мантуѣ и другихъ крѣпостяхъ итальянцевъ, озаботившись вывозомъ серебра и драгоцѣнностей моего дома, а также и кассъ».

Приказаніе это, было, несомнѣнно, какъ видно изъ текста *условное.* Косвенно это подтверждается еще и словами военнаго министра Франціи,

---

[1]) Мармонъ, Августъ, герцогъ Рагузскій, родился въ 1774 году, умеръ въ 1852 году. Одинъ изъ талантливѣйшихъ сподвижниковъ Наполеона, прославился своимъ предательствомъ, когда, послѣ сдачи Парижа въ мартѣ 1814 года, передался въ м. Эссоннъ на сторону союзниковъ съ лучшей частью остававшихся у Наполеона войскъ, чѣмъ лишилъ его возможности продолжать борьбу и подалъ сигналъ къ отложенію отъ Императора многихъ другихъ генераловъ. Впослѣдствіи онъ всецѣло примкнулъ къ Бурбонамъ. Оставилъ по себѣ весьма интересные мемуары.

[2]) „При этомъ я не принимаю въ разсчетъ короля Неаполитанскаго, пишетъ онъ; если онъ останется вѣренъ мнѣ, Франціи и чести, то я разсчитываю, что онъ придетъ на По съ 30.000, и тогда всѣ комбинаціи измѣняются".

герцога Фельтрскаго, сказанными имъ въ это время другому генералу, «Его Величество не *приказалъ* итальянской арміи *возвращаться во Францію*, а только *приблизиться къ Альпамъ*», т. е. стать такъ, чтобы имѣть возможность свободно отступить во Францію, въ случаѣ необходимости.

А въ тотъ самый день, когда произносились въ Парижѣ эти слова, вице-король писалъ Императору 13/25 января, отвѣчая на его письмо: «Я буду дѣйствовать согласно желаніямъ Вашего Величества. До сихъ поръ на этотъ счетъ (объявленіе войны Мюратомъ) нѣтъ еще ничего оффиціальнаго». Далѣе онъ излагалъ свои политическія и стратегическія соображенія по этому поводу.

Но и ранѣе онъ не оставался бездѣятельнымъ и 2/14 января послалъ Мюрату въ Неаполь своего адьютанта, генерала Джифленга, съ собственноручнымъ письмомъ, которое мы приводимъ дословно:

«Ваше Величество. Не мнѣ, конечно, разгадывать секреты политики вашей. Умоляю Ваше Величество вѣрить, что я знаю границы моихъ обязанностей и далекъ отъ мысли выходить изъ нихъ.

Но, Ваше Величество, чувства мои къ Его Величеству Императору и тѣ, которые я питаю къ Вашему Величеству съ самаго моего дѣтства, налагаютъ на меня также и обязанности, которыя только я и исполняю, позволяя себѣ писать вамъ.

Вотъ уже три мѣсяца, что я разсчитываю на помощь, которой вы меня обнадежили; и Ваше Величество не сомнѣваетесь, что я вполнѣ довѣряю Вашимъ обѣщаніямъ.

Я былъ увѣренъ, что какъ только войска Вашего Величества подъ Вашимъ начальствомъ присоединились бы къ войскамъ Императора, вся Италія уже не имѣла бы болѣе причинъ бояться внѣшнихъ своихъ враговъ. Счастливые результаты моихъ слабыхъ усилій съ начала кампаніи оправдываютъ, кажется, и подтверждаютъ такое мое мнѣніе.

Съ нѣкоторыхъ поръ, однако (и Ваше Величество не можете не знать этого), народы Италіи стали опасаться вліянія, которое иностранные агенты, могли возымѣть на Вашъ кабинетъ, и теперь надо, больше чѣмъ когда-либо, бояться, кажется, чтобы Ваше Величество, пользуясь тѣмъ положеніемъ, въ которое поставила Васъ наша справедливая довѣрчивость, не выступили вмѣстѣ съ врагомъ противъ того самаго Итальянскаго королевства, всѣ двери котораго мы съ такой предупредительностью и удовольствіемъ поспѣшили открыть Вамъ и предоставили всѣ средства.

Ваше Величество, я не захотѣлъ вѣрить всѣмъ росказнямъ, распространяемымъ по Италіи, вотъ уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и увѣряю Васъ, что я еще далекъ отъ мысли имъ вѣрить.

Время, однако, бѣжитъ; войска Вашего Величества уже глубоко вошли внутрь королевства, и однако же они все еще не дѣйствуютъ противъ врага. Или уже успѣли убѣдить Ваше Величество, будто истинные интересы

Ваши требуютъ не только отдѣленія судьбы Вашей отъ судьбы Императора, но даже и обращенія противъ него оружія Вашего?

Если это такъ, Ваше Величество, то я не сомнѣваюсь, что это могло случиться только, заставъ врасплохъ Ваши убѣжденія, представленіемъ Вамъ картины того, что грозило бы Италіи безъ Вашей помощи, и скрывъ, напротивъ, отъ Вашего Величества все то, что Вы, совмѣстно съ Италіей, могли бы сдѣлать для нея, продолжая служить Императору.

Но въ дѣлѣ такого рода и столь важномъ надо быть лучше освѣдомленнымъ, чѣмъ я, чтобы рѣшиться считать мое мнѣніе безошибочнымъ. Только время и событія могутъ показать, кто изъ насъ ошибся: Вашъ кабинетъ или я.

Какъ бы то ни было, я надѣюсь пріобрѣсти новыя права на благосклонность Вашего Величества, смѣя сказать Вамъ: со всѣхъ сторонъ рождаются надежды на миръ. Какъ желательно было бы, чтобы Ваше Величество не выступали открыто противъ Императора, не убѣдившись передъ тѣмъ, что эти надежды не лишены основанія!

Пусть Ваше Величество одобритъ хоть чувство, продиктовавшее мнѣ только что высказанное пожеланіе. Во всякомъ случаѣ, Ваше Величество, смѣю Вамъ сказать, что было бы недостойнымъ Вашего характера, если бы человѣкъ, который здѣсь защищаетъ интересы Императора, узналъ отъ другихъ, помимо Васъ, лицъ, какое рѣшеніе Вы найдете нужнымъ принять окончательно.

Я довѣрчиво поэтому обращаюсь къ Вашему Величеству, чтобы отъ Васъ лично узнать, чего войска и подданные Императора должны надѣяться или опасаться со стороны Вашихъ войскъ?

Если Ваше Величество примкнете къ сторонѣ, враждебной Императору, я буду глубоко опечаленъ; но я отъ этого не позабуду связывающихъ меня съ личностью Вашей чувствъ и, какъ бы тяжело ни оказалось тогда положеніе, въ которое Ваше Величество меня поставите, я все же не перестану желать счастія Вамъ и Вашему семейству».

Кромѣ этого письма, которое говоритъ само за себя, было устно приказано Джифленгѣ употребить всѣ усилія, чтобы остановить Неаполитанскаго короля на той наклонной плоскости, по которой онъ неудержимо стремился къ своей погибели.

Джифленга пріѣхалъ въ Неаполь 8/20 января и на слѣдующій же день былъ принятъ Мюратомъ въ трехчасовой аудіенціи, но не смогъ его переубѣдить. Король далъ ему длинное письмо къ вице-королю, въ которомъ, ничего не признавая и не отрицая, онъ отдѣлывался общими мѣстами, но, въ концѣ-концовъ, категорически обѣщалъ, что «*если бы онъ былъ вынужденъ принять окончательное рѣшеніе, онъ не предприметъ никакою движенія, могущаго угрожать арміи вице-короля, не предупредивъ его своевременно*», и это свое обѣщаніе онъ, надо отдать ему справедливость, впослѣдствіи сдержалъ. Съ этимъ отвѣтомъ Джифленга прибылъ къ Евгенію въ Верону 16/28 января.

Для вице-короля такимъ образомъ, не только не наступили тѣ обстоятельства, которыми обусловливался для него приказъ очищать Италію, а, наоборотъ, онъ получилъ твердую увѣренность, что о приближеніи такого момента онъ будетъ своевременно увѣдомленъ. Такимъ образомъ, обвиненіе его въ неоставленіи Италіи, измѣнѣ и проч., какъ это дѣлаетъ Мармонъ, является ничѣмъ не обоснованнымъ и не заслуженнымъ.

Но съ измѣнившейся обстановкой ему приходилось все-таки считаться и, скрѣпя сердце, покидать Верону и линію Эча, чтобы укрѣпиться, какъ сказано выше, на линіи Минчіо. Движеніе это онъ, все-таки, задержалъ на нѣсколько дней, написавъ вторичное письмо Мюрату, и получилъ отъ него 21 января/2 февраля, слѣдующій странно-несвязный отвѣтъ, свидѣтельствующій о полной растерянности этого человѣка:

«Дорогой племянникъ.

Вчера, на пути въ Анкону, я получилъ письмо Вашего Императорскаго Высочества. Я еще разъ подтверждаю Вамъ обѣщаніе не начинать непріязненныхъ дѣйствій, не предупредивъ Васъ, и я искренно надѣюсь, что миръ, столь необходимый всему міру, избавитъ меня отъ горькой необходимости столкновенія съ войсками Вашими, моими соотечественниками.

Но я не могу поручиться въ томъ же за войска графа Бельгарда, планы коего мнѣ совершенно неизвѣстны.

Прошу Васъ вѣрить всему тому, что я высказалъ Вашему ординарцу относительно дружбы, которую я продолжаю питать къ Вамъ. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Ея Императорскому Высочеству Вице-Королевѣ.

P. S. Будьте столь добры, дорогой Евгеній, напомнить обо мнѣ Императору и растолковать ему мое горе. Я проливаю слезы, начертывая эти немногія слова. Нѣжно Васъ обнимаю».

Какъ бы справедливо суровъ не былъ приговоръ исторіи надъ Мюратомъ, но человѣческое чувство не можетъ не внушить намъ извѣстнаго состраданія къ этому человѣку, который подчасъ отдавалъ себѣ отчетъ въ степени своей вины; онъ въ ужасѣ отшатывался отъ исполненія преступленія, которое онъ радъ бы не совершать, но онъ не имѣлъ уже больше ни силы, ни средствъ остановиться на избранномъ имъ гибельномъ пути. На походѣ, вдали отъ постороннихъ вліяній, онъ какъ бы пришелъ въ себя, и весь ужасъ, наполнившій его душу, вылился въ этомъ письмѣ совершенно откровенно и правдиво, какъ крикъ отчаянія.

Понявъ это, Евгеній еще разъ пытается затронуть сердечныя струны Мюрата и вернуть его на путь чести: «я вижу», пишетъ онъ ему изъ Мантуи, куда перемѣстилась главная квартира, «изъ письма Вашего Величества и особенно изъ немногихъ словъ, добавленныхъ собственною Вашею рукою, насколько тягостно для Васъ положеніе, въ которое Вы попали. Возникшая въ груди Вашей борьба меня не удивляетъ; но ея проявленія я читалъ съ глубокимъ умиленіемъ. Дѣйствительно, Ваше Величество не могли безъ боли

видѣть враговъ въ лицѣ тѣхъ самыхъ французовъ, которые всегда гордились считать Васъ своимъ соотечественникомъ. Ваше Величество, послушайтесь голоса Вашего сердца, отвергните совѣты, послѣдствіемъ коихъ были бы лишь горькія сожалѣнія, обождите еще нѣкоторое время. Императоръ выступилъ изъ Парижа. Пройдетъ нѣсколько дней и минетъ время опасностей и неизвѣстности и, кто знаетъ, можетъ быть политика окажется согласной съ влеченіемъ Вашего сердца».

Евгеній былъ правъ: одного блестящаго успѣха, одной побѣды Наполеона было бы, конечно, достаточно, чтобы продлить колебанія короля Неаполитанскаго, чтобы измѣнить, вѣроятно, его образъ дѣйствій, чтобы побудить его остаться, несмотря на все, простымъ зрителемъ военныхъ операцій, долженствовавшихъ развиваться въ долинахъ Минчіо и По. Но, вмѣсто извѣстія о побѣдѣ и отступленіи главной союзной арміи во Франціи, вице-король получилъ вскорѣ свѣдѣнія о проигранномъ Императоромъ сраженіи при Ла-Ротьерѣ. Звѣзда Наполеона начинала окончательно меркнуть.

«Поэтому, онъ поступилъ правильно», говоритъ M. H. Weil, «отведя 23 января/4 февраля свои войска съ Эча на Минчіо, такъ какъ на Эчѣ его правый флангъ былъ уже обойденъ войсками Нугента, не считая Неаполитанцевъ. На Минчіо же, опираясь правымъ флангомъ на тетъ-де-понъ Боргофорте, на р. По, онъ всегда могъ своевременно обратить часть своихъ главныхъ силъ противъ Неаполитанцевъ, противъ которыхъ пока у него стояла заслономъ въ Пьяченцѣ лишь одна слабая дивизія генерала Граціена».

Движеніе это съ Эча на Минчіо было, однако, истолковано Бельгардомъ и его приближенными генералами, какъ начало окончательнаго отступленія вице-короля къ западу, можетъ быть къ Альпамъ; самъ вице-король старался поддерживать это мнѣніе среди Австрійцевъ, которые наконецъ рѣшили, что долѣе нѣсколькихъ дней принцъ Евгеній и не подумаетъ останавливаться на Минчіо. Но они жестоко ошибались: успокоенный на нѣсколько ближайшихъ дней со стороны Неаполитанцевъ, благодаря вышеупомянутому письму Мюрата, вице-король готовился нанести австрійцамъ Бельгарда жестокій ударъ. Дѣйствительно, расположеніе ихъ было нѣсколько разбросано; принцъ Евгеній рѣшилъ воспользоваться этимъ, чтобы атаковать ихъ и разбить по частямъ, а затѣмъ, оттѣснивъ ихъ на Эчъ, обратиться со всѣми силами противъ Неаполитанцевъ къ сторонѣ Пьяченцы и «дать имъ по носу», какъ онъ самъ выражается о войскахъ Нугента и Мюрата. Нападеніе выходило для австрійцевъ несомнѣнно неожиданнымъ, внезапнымъ и сулило поэтому большой успѣхъ и, если на дѣлѣ вышло нѣсколько иначе, то лишь благодаря простой, но рѣдкой случайности.

На 27 января/8 февраля вице-король приказалъ начать наступленіе слѣдующимъ порядкомъ: 1-я колонна, генерала Гренье [1]), должна была дебу-

[1]) Гренье, графъ Павелъ, родился 29 января 1768 года въ Сарлуи, въ Лотарингіи, 16 лѣтъ поступилъ въ армію солдатомъ, былъ при Вальми произведенъ въ капитаны, въ 1799 году въ генералъ-маіоры и осенью того же года въ дивизіонные

шировать изъ Мантуи; 2-я, — при которой шелъ самъ вице-король, черезъ мостъ въ м. Гойто, и 3-я, — генерала Вердье [1]), черезъ мостъ въ Монцамбано и Валеджіо; всѣ эти три колонны должны были затѣмъ концентрически идти на Виллафранку для атаки центра расположенія Бельгарда. Для удержанія же на мѣстѣ его фланговъ, одна дивизія, выйдя изъ Мантуи, должна была отбросить передовыя части противника и, двигаясь затѣмъ прямо на востокъ, удерживать и тѣснить лѣвый австрійскій флангъ; дивизія же Паломбини, составлявшая гарнизонъ Пескьеры, должна была выйти изъ крѣпости и идти на Верону, атаковать правый непріятельскій флангъ и отвлечь его на себя; если же бы онъ все-таки пошелъ на подмогу центру, то Паломбини долженъ былъ слѣдовать за нимъ по пятамъ. Силы обѣихъ сторонъ были почти равны, и планъ этотъ, удачно задуманный, сулилъ успѣхъ и былъ во всякомъ случаѣ безопасенъ, такъ какъ пути отступленія обратно черезъ Минчіо было всегда обезпечены.

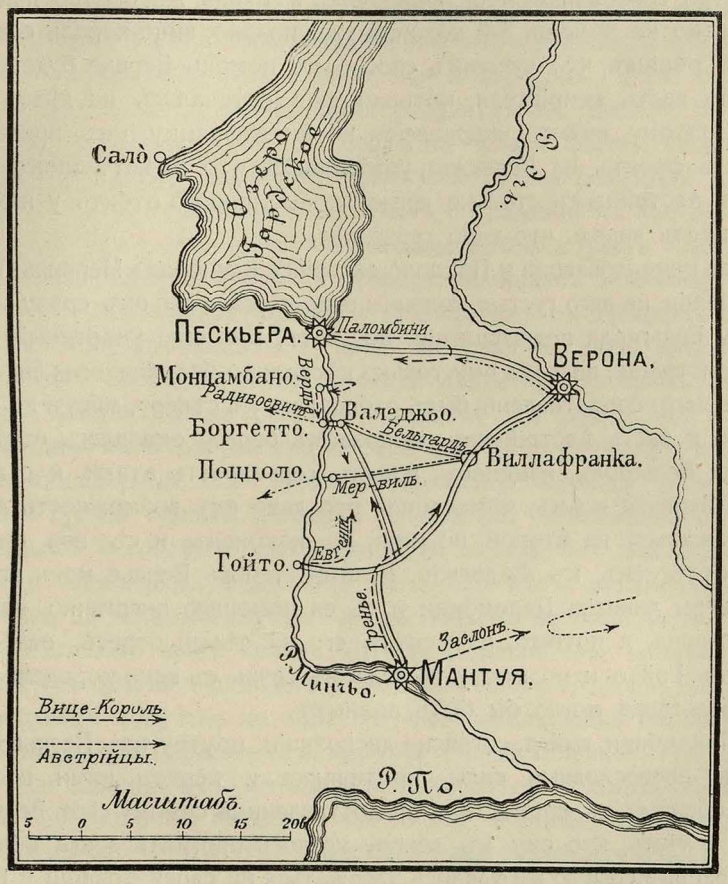
Но, рѣдкій въ военной исторіи, случай совпаденія нѣсколько нарушилъ исполненіе плана вице-короля, такъ какъ Бельгардъ, убѣжденный, какъ сказано выше, что его противникъ только и думаетъ какъ бы уйти съ береговъ Минчіо, что онъ уже началъ это движеніе и противъ него, Бельгарда, оставлено всего двѣ дивизіи, въ видѣ заслона для прикрытія отступленія, рѣшилъ также, и именно 8 февраля, перебросить свою армію черезъ Минчіо на правый его берегъ, прорвавъ непріятельское расположеніе у м. Боргетто, ниже Валеджіо, а въ Поццоло наведя понтонный мостъ. И до того полна была его увѣренность въ своей проницательности, что онъ даже не счелъ нужнымъ обрекогносцировать расположеніе противника и убѣдиться, заняты ли еще мосты или нѣтъ! Главнымъ его силамъ было приказано идти двумя колоннами на Боргетто и Поццоло для переправы, а частямъ, наблюдавшимъ Пескьеру и Мантую, произвести демонстраціи. Такимъ образомъ, обѣ арміи рѣшили одновременно произвести однородный маневръ.

Выборъ для переправы различныхъ пунктовъ обѣими сторонами и отсутствіе развѣдки со стороны Австрійцевъ привели къ тому, что, когда

генералы. Графъ Имперіи въ 1809 году, онъ принималъ участіе въ кампаніи этого года въ Италіи и Австріи; въ 1812 году, со своимъ резервнымъ корпусомъ прикрывалъ отступленіе остатковъ «Великой Арміи». Приведя въ 1814 году во Францію французскія войска итальянской арміи, онъ вышелъ въ отставку во время реставраціи и умеръ 17 апрѣля 1827 года. Онъ былъ лучшимъ изъ генераловъ, сподвижниковъ принца Евгенія.

[1]) Вердье, графъ Иванъ-Антонъ, родился въ Тулузѣ 2 мая 1767 года и въ 1785 году поступилъ на военную службу. Произведенный въ генералы на полѣ сраженія подъ Кастильоне въ 1796 году, былъ раненъ при Арколе, и вторично при Сенъ-Жанъ д'Акрѣ въ 1800 году, всюду отличался и въ томъ же году произведенъ въ дивизіонные генералы и вызванъ обратно въ Францію до очищенія Египта. Въ 1812 году онъ командовалъ одной изъ дивизій корпуса Удино и былъ тяжело раненъ подъ Полоцкомъ и отправленъ затѣмъ въ Италію. Въ 1815 году вышелъ въ отставку и удалился въ частную жизнь.

на разсвѣтѣ ихъ дивизія Радивоевича [1]) подошла къ Боргетто, то она нашла его незанятымъ, такъ какъ посты были уже стянуты къ Монцамбано, исправила мостъ и безпрепятственно вступила на правый берегъ; то же случилось съ другой австрійской колонной у Поццоло — она безпрепятственно по наведенному мосту переправила бригаду кавалеріи; казалось, предположенія Бельгарда оправдались. Самъ онъ тѣмъ временемъ оставался съ



резервами въ Валеджіо, въ то время какъ остальныя части его арміи стягивались къ Минчіо.

Въ это же время, 1-я и 2-я колонны вице-короля переходили также рѣку въ указанныхъ мостахъ, отбросили передовые посты непріятеля передъ

[1]) Радивоевичъ, Павелъ фонъ (?), родился въ Венгріи въ 1759 году, служилъ офицеромъ въ вольномъ гусарскомъ эскадронѣ Кнезевича (Княжевича?), послѣ роспуска его, въ 1792 году вновь поступилъ въ сербскую вольную дружину и постепенно прошелъ всѣ чины, до фельдцейгмейстера включительно (въ 1829 году). Радивоевичъ въ томъ же году скончался въ Веронѣ 1 іюля. Онъ былъ православнымъ, слѣдовательно, былъ, вѣроятно, какъ показываетъ и фамилія, сербомъ.

Мантуей и двинулись на Виллафранку, гдѣ онъ разсчитывалъ найти и разбить противника. Каково же было его удивленіе, когда на равнинѣ у Поццоло обнаружились большія массы Австрійцевъ! Почти одновременно раздалась сильная канонада на сѣверѣ — это 3-я колонна Вердье, переправлявшаяся въ Монцамбано, столкнулась съ втрое сильнѣйшимъ противникомъ и теперь старалась удержать дальнѣйшее наступленіе его отъ Валеджіо.

Быстро сообразивъ что произошло, и столь же быстро понявъ, что идти обратно на помощь 3-й колоннѣ уже поздно, вице-король совершенно правильно рѣшилъ, что лучшимъ способомъ помочь Вердье будетъ быстро разбить ту часть непріятеля, которая еще оставалась на лѣвомъ берегу Минчіо. Поэтому, вмѣсто направленія на Виллафранку, онъ приказываетъ перемѣнить фронтъ на Валеджіо, убѣжденный, что имѣетъ много шансовъ причинить Австрійцамъ столько вреда, чтобы надолго отбить у нихъ охоту предпринимать впредь что-либо серьезное.

Когда командовавшій у Поццоло австрійскій генералъ Мервиль [1]) увидѣлъ дебуширующія на него густыя колонны вице-короля, то онъ сразу же сталъ просить у Бельгарда подкрѣпленій, но тотъ, все еще увѣренный, что это лишь демонстрація, послалъ ему только нѣсколько батальоновъ; Мервиль же, послѣ упорнаго сопротивленія былъ отброшенъ къ сѣверу, мостъ въ Поццоло разрушенъ и часть Австрійцевъ на правомъ берегу оказалась отрѣзанной.

Тогда Бельгардъ, наконецъ, понялъ серьезность атаки и сталъ подкрѣплять Мервиля всѣмъ, чѣмъ могъ; это дало ему возможность довольно долго удержаться на второй позиціи, но, наконецъ, и съ нея онъ былъ сбитъ и оттѣсненъ къ Валеджіо. Если бы теперь Вердье могъ притянуть изъ Пескьеры дивизію Паломбини и съ ея помощью энергично насѣлъ бы на Радивоевича, а потомъ, оттѣснивъ его на лѣвый берегъ, овладѣлъ бы мостомъ въ Гойто и по мосту вошелъ въ связь съ вице-королемъ, то пораженіе Бельгарда могло бы быть полнымъ.

Но Паломбини, выйдя, согласно диспозиціи, поутру изъ Пескьеры, скоро встрѣтилъ превосходныя силы противника и передъ ними постепенно отошелъ обратно въ крѣпость, а предоставленный самому себѣ Вердье былъ доволенъ и тѣмъ, что ему къ вечеру удалось прогнать врага обратно на лѣвый берегъ. Мервилю же удалось удержаться на своей позиціи у Валеджіо до наступленія темноты, которая и положила предѣлъ дѣйствіямъ. Австрійцы въ этотъ день потеряли около 2.500 чел. выбывшими изъ строя и столько же плѣнными, а вице-король 2.500 чел. выбывшими изъ строя. Впрочемъ, цифры эти гадательныя; точно ихъ установить нельзя.

За ночь стороны разошлись, а черезъ день Бельгардъ, пользуясь оставшимся въ его рукахъ мостомъ въ Боргетто, вновь попытался пере-

---

[1]) Мервилль, баронъ Франциск Моруа фонъ, родился въ Лувенѣ въ 1759 году. Командовалъ въ 1814 году дивизіей и своимъ упорнымъ сопротивленіемъ спасъ австрійскую армію въ сраженіи на Минчіо, за что получилъ командорскій крестъ ордена Маріи-Терезіи. Умеръ 3 апрѣля 1816 года.

бросить свои войска на тотъ берегъ, но вице-король, войдя въ связь съ Вердье, своевременно его подкрѣпилъ и Бельгардъ потерпѣлъ довольно чувствительное пораженіе съ потерей до 1.000 чел., послѣ котораго у него прошла всякая охота возобновлять наступательныя дѣйствія на Минчіо. Такимъ образомъ, если никто не можетъ себѣ приписывать положительной побѣды въ сраженіи на этой рѣкѣ (да никто изъ военоначальниковъ ее себѣ и не приписывалъ), то все же нельзя не признать, что *нравственная побѣда* оказалась на сторонѣ вице-короля, разъ послѣдствіемъ этого боя былъ отказъ Бельгарда отъ наступленія и переходъ съ его стороны къ пассивнымъ дѣйствіямъ, въ ожиданіи результатовъ давленія со стороны австро-неаполитанскихъ войскъ Мюрата на правый флангъ вице-короля.

Здѣсь мы опять подошли къ критическому для репутаціи послѣдняго моменту: въ то время какъ съ донесеніемъ о сраженіи на Минчіо отъ него ѣхалъ къ Наполеону его адъютантъ и родственникъ графъ Ташеръ де-ля-Пажери, Императоръ 28 января/9 февраля, приказалъ военному министру еще разъ по телеграфу, эстафетой и дубликатомъ съ офицеромъ, подтвердить принцу Евгенію приказаніе идти къ Альпамъ, какъ *только король Неаполитанскій объявитъ войну Франціи.* Извѣстный историкъ Наполеона, Фредерикъ Массонъ, лично говорилъ пишущему эти строки, что телеграмма эта несомнѣнно была отправлена, но, что такъ какъ телеграфъ въ то время былъ еще семафорный, а въ горахъ и въ самой Франціи господствовалъ въ эти дни густой туманъ, дѣлавшій оптическую сигнализацію очень трудной, а подчасъ и совсѣмъ невозможной, то неизвѣстно, дошла ли эта телеграмма по назначенію. Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ: никакихъ слѣдовъ о ея полученіи, во всякомъ случаѣ, нигдѣ найдено не было. А между тѣмъ, на этой телеграммѣ враги принца Евгенія строили свои нападки на него, утверждая, что онъ не исполнилъ приказанія своего государя. Между тѣмъ, разъ телеграмма получена не была, то онъ имѣлъ лишь письменное приказаніе Императора, переданное эстафетой и подкрѣпленное, по его желанію, письмами къ Евгенію отъ его матери Императрицы Жозефины и сестры, королевы Гортензіи. Въ письмахъ этихъ обѣ женщины должны были увѣщевать Евгенія исполнить это приказаніе, какъ будто онъ отказывался это сдѣлать; видимо, Наполеону кто-то сумѣлъ внушить недовѣріе къ вице-королю, если онъ рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствію матери и сестры своего пасынка. Но, пока эти письма ѣхали къ нему, навстрѣчу имъ, вѣстникомъ побѣды, скакалъ во Францію Ташеръ, и ко времени полученія везомыхъ съ обѣихъ сторонъ извѣстій, обстоятельства значительно измѣнились въ пользу Императора Французовъ.

Тѣмъ не менѣе, полученныя письма поставили вице-короля въ теченіе нѣсколькихъ дней въ весьма тяжелое положеніе, причинили ему немало нравственныхъ мукъ, терзаній и сомнѣній, такъ какъ 3/15 февраля Мюратъ, придравшись къ вылазкѣ блокированнаго въ Анконѣ французскаго гарнизона, сбросилъ маску и на имя начальника штаба вице-короля, генерала

Виньоля, прислалъ объявленіе о войнѣ Франціи, вслѣдствіе чего входило въ силу условіе отхода къ Альпамъ. Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ, большинство французскихъ офицеровъ, служившихъ Мюрату, покинули его и перешли на службу въ армію принца Евгенія. До вице-короля, однако, это извѣстіе дошло лишь 5/17 февраля, въ то самое время, когда извѣщенный о побѣдахъ Императора надъ Блюхеромъ, онъ праздновалъ ихъ пальбой изъ орудій. «Мнѣ доносятъ, писалъ онъ по этому поводу своей женѣ, что король Неаполитанскій выступилъ противъ насъ. Онъ выбралъ весьма неудачное для себя время».

Письмо военнаго министра онъ получилъ наканунѣ 16-го, тотчасъ же отвѣтилъ, что въ точности исполнитъ *условное* приказаніе, идти къ Альпамъ, но что Мюратъ пока еще не объявлялъ войны, что онъ Евгеній, во всякомъ случаѣ будетъ отходить медленно, а если желаютъ, чтобы онъ торопился во Францію, то пусть пришлютъ категорическое приказаніе, но что онъ предупреждаетъ, что тогда армія его на $^{2}/_{3}$ растаетъ, такъ какъ состоитъ въ такой же пропорціи изъ итальянцевъ внѣшнихъ провинцій, которые не пожелаютъ идти во Францію. Получивъ же вслѣдъ за отправленіемъ этого отвѣта извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій Мюратомъ, онъ справедливо разсуждалъ, что когда подтверждалось ему приказаніе объ отходѣ, то не было, во-первыхъ, извѣстно объ его успѣхѣ на Минчіо, а, во-вторыхъ, не было еще серьезныхъ побѣдъ Императора во Франціи, слѣдовательно, обстановка теперь была иная, болѣе утѣшительная.

Не утѣшительными были для него только письма матери и сестры, въ строчкахъ которыхъ онъ читалъ со стороны Императора, недовѣріе, сомнѣніе въ его преданность и пожалуй, со стороны и самихъ его родственницъ, даже нѣкотораго рода упрекъ. Это сильно его разстроило и онъ написалъ Наполеону длинное письмо, подчеркивая, что приказъ объ очищеніи Италіи былъ обусловленъ объявленіемъ войны Мюратомъ, что послѣдовало лишь вчера, и что все-таки Мюрату, видимо, претитъ вступать въ бой съ французскими войсками, что положеніе его, слѣдовательно, не рисковано и что поэтому, очищеніе Италіи, было бы весьма опаснымъ, вреднымъ шагомъ, такъ какъ только присутствіе арміи сдерживаетъ еще Австрійцевъ и Неаполитанцевъ; но, что, если ему, все-таки, прикажутъ, то онъ, понятно, немедленно же очиститъ королевство. То же самое, но горько жалуясь на неблагодарность Императора, писалъ онъ своей матери и женѣ. Но онъ, конечно, не терзался и не жаловался бы такъ, если бы могъ слышать то, что въ этотъ самый день Наполеонъ поручалъ Ташеру ему передать.

А говорилъ онъ, подбодренный побѣдами при Шампобер̀ѣ и Монмиралѣ, вотъ что: «поѣзжай обратно, скажи Евгенію, что я приказываю ему держаться въ Италіи какъ можно дольше и защищать ее». То же самое хотя въ нѣсколько менѣе опредѣленной формѣ онъ подтверждалъ письмомъ, врученнымъ Ташеру. Такимъ образомъ, рѣзкія обвиненія Евгенія Мармономъ въ непослушаніи разсѣиваются, какъ дымъ, и проигрышъ кампа-

ніи во Франціи, приписываемый имъ этому непослушанію (если даже приписывать неэвакуаціи Италіи такое рѣшающее значеніе на ходъ военныхъ дѣйствій) уже никакъ не можетъ быть поставленъ въ вину и на отвѣтственность принца Евгенія. Полученіе отъ Ташера этой депеши, написанной на другой день послѣ сраженія у Монтеро, вполнѣ успокоило и утѣшило Евгенія, разсѣявъ всякія сомнѣнія его, а послѣдующія событія показали, что онъ былъ правъ, не поторопившись тогда же очищать Италію, сумѣвъ проявить иниціативу и примѣниться къ быстро измѣнившимся обстоятельствамъ.

Здѣсь начинается крайне странное поведеніе Мюрата: объявивъ войну— онъ бездѣйствуетъ; подъ впечатлѣніемъ ли побѣдъ Наполеона, не довѣряя ли союзникамъ,— но онъ никакъ не можетъ рѣшиться выступить открыто, а, наоборотъ, пользуется всевозможными предлогами, для того, чтобы, посылая вице-королю офицеровъ, ординарцевъ, личныхъ адъютантовъ, съ весьма, впрочемъ, неопредѣленными порученіями, все-таки не совсѣмъ порывать связей съ вице-королемъ. Справедливо видя въ этомъ признаки колебаній короля Неаполитанскаго, вице-король пользуется этими случаями, чтобы стараться на него воздѣйствовать и задержать активное его вступленіе въ борьбу съ его войсками.

Благодаря ли этимъ увѣщаніямъ, или по инымъ какимъ причинамъ, но когда генералъ Гренье, усиленный частью главной арміи вице-короля, 19 февраля/2 марта атаковалъ Австрійцевъ Нугента у Пармы и заставилъ ихъ отступить, то бывшіе тутъ же неаполитанскія войска не приняли участія въ бою, а нѣсколькихъ человѣкъ, попавшихся въ плѣнъ, вице-король приказалъ отпустить въ свои части.

На другой день, 3 марта, принцъ Евгеній опять пишетъ Мюрату, прося его, наконецъ, окончательно и категорически отвѣтить ему, чего онъ, вице-король, можетъ и долженъ ожидать отъ Неаполитанской арміи. Мюратъ даетъ уклончивый отвѣтъ, но втайнѣ уже рѣшился окончательно остаться съ союзниками: онъ одновременно получилъ собственноручное письмо австрійскаго императора, служащее предварительной ратификаціей заключеннаго союзнаго договора, а изъ главной квартиры союзниковъ—вѣрныя вѣсти о томъ, что дѣла Наполеона видимо принимаютъ окончательно дурной для него оборотъ. Все это вмѣстѣ взятое побудило его рѣшиться: онъ самъ становится во главѣ австро-неаполитанскихъ войскъ, 22 февраля (6 марта) переходитъ съ ними въ наступленіе и постепенно оттѣсняетъ Гренье къ Пьяченцѣ, гдѣ тотъ и запирается 2/14 марта.

Но передъ тѣмъ, терзаемый сомнѣніями, онъ почти одновременно (4 марта) пишетъ письма Меттерниху и Наполеону. Первому — что онъ не можетъ питать ненависти и злобы противъ Франціи и Наполеона, что онъ присоединяется къ союзникамъ для установленія всеобщаго мира и кончаетъ увѣреніями въ дружескихъ чувствахъ къ Меттерниху. Другими словами, онъ этимъ письмомъ отдаетъ себя всецѣло интересамъ коалиціи.

Наполеону же онъ пишетъ слѣдующія душу раздирающія строки, поздній, но безполезный крикъ наболѣвшей души:

«Ваше Величество, Вы въ опасности. Франціи грозятъ въ самой ея столицѣ, а я не могу умереть за Васъ, и самый любящій другъ Вашъ является по видимости Вашимъ врагомъ!

Скажите только слово, Ваше Величество и я пожертвую моимъ семействомъ, моими подданными, и погибну; но я окажу Вамъ услугу, я докажу, что я всегда былъ лучшимъ Вашимъ другомъ. Пока я не прошу ничего иного, какъ чтобы вице-король разсказалъ Вамъ о моемъ поведеніи.

Слезы застилаютъ глаза мои и мѣшаютъ мнѣ продолжать. Здѣсь я одинокъ среди постороннихъ. Даже слезы свои я долженъ скрывать. Это письмо дѣлаетъ Ваше Величество всецѣло вершителемъ моей судьбы. Жизнь моя принадлежитъ Вамъ; я вѣдь поклялся умереть за Ваше Величество. Если бы Вы видѣли меня, если бы Вы знали, что я выстрадалъ за эти два мѣсяца, Вы пожалѣли бы меня! Любите меня всегда, никогда еще я не былъ настолько достоинъ Вашей нѣжности. До самой смерти Вашъ другъ».

Тонъ этого письма бѣднаго Неаполитанскаго короля свидѣтельствуетъ, что онъ былъ вполнѣ искрененъ, когда писалъ его; слезы его были настоящія. Среди мечтаній его разочарованнаго тщеславія и исчезнувшихъ надеждъ онъ ясно видѣлъ будущее во всемъ его ужасѣ, онъ измѣрялъ и оплакивалъ непоправимую ошибку, которую его вынудили сдѣлать. Но ничто не можетъ извинить его, ничто не можетъ оправдать. Увы! Мы можемъ развѣ только пожалѣть его, чувствовать къ нему состраданіе, пишетъ по этому поводу M. H. Weil. И мы можемъ только присоединиться къ его мнѣнію.

А отношенія Мюрата и союзниковъ, между тѣмъ все болѣе и болѣе портились, какъ съ Австрійцами, такъ въ особенности съ представителемъ Англіи, лордомъ Вилльямомъ Бентинкомъ [1]); все больше становились разногласія между ними, тѣмъ болѣе, что Бентинкъ, какъ мы уже сказали, лично

---

[1]) Бентинкъ, лордъ Вильямъ, Кавендишъ, родился 14 сентября 1774 года, былъ сыномъ третьяго герцога Портландскаго и 18 лѣтъ поступилъ офицеромъ въ ряды англійской арміи. Причисленный къ штабу Суворова, онъ съ русской арміей выполнилъ всю кампанію 1799 года, но остался съ Австрійцами въ Италіи, съ которыми и проводитъ всю кампанію 1800 года. Разновременно участвуя въ разныхъ военныхъ экспедиціяхъ въ Европѣ и Индіи, онъ, наконецъ, въ 1811 году назначается англійскимъ посланникомъ въ Сициліи и командующимъ тамъ англійскими войсками и сразу же вступаетъ въ борьбу съ королевой Маріей-Каролиной, женой короля Фердинанда. Въ 1814 году былъ оттуда изгнанъ этимъ королемъ, послѣ того, какъ въ 1813 году, издавъ прокламацію о свободѣ итальянцевъ, причинилъ много затрудненій своему правительству. Укрывшись въ Римѣ, онъ жилъ тамъ почти въ немилости до 1821 года, когда былъ отправленъ губернаторомъ Бенгаліи въ Индію, коей былъ впослѣдствіи первымъ англійскимъ генералъ-губернаторомъ, принявъ массу полезныхъ мѣръ и реформъ. Въ 1838 году, по болѣзни, вышелъ въ отставку и умеръ въ Парижѣ 17 января 1839 года, одинаково оплакиваемый какъ англичанами, такъ и мѣстнымъ населеніемъ Индіи.

ненавидѣлъ короля Неаполитанскаго и только по приказанію свыше, смотрѣлъ на него, какъ на союзника.

Наполеонъ же, получивъ вышеприведенное письмо Мюрата, наконецъ рѣшился, и 7/19 марта принцъ Евгеній получилъ отъ него приказаніе войти въ переговоры съ королемъ Неаполитанскимъ и подѣлить Италію на двѣ части, съ условіемъ, чтобы послѣдній немедленно обратилъ свое оружіе противъ Австрійцевъ. Но было уже поздно.

На состоявшемся 10/22 марта свиданіи уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ, съ неаполитанской стороны были предъявлены требованія, чтобы сѣверо-Итальянское королевство простиралось лишь до р. По и Таро, при томъ при условіи, чтобы французская армія ушла за Альпы; а Геную и Пьемонтъ они соглашались отдать Императору лишь при условіи уничтоженія только что проведенныхъ черезъ Альпы дорогъ. Такія предложенія были, конечно, совершенно непріемлемы, и уполномоченные разошлись злыми, ничего не рѣшивъ. Переговоры, однако, конечно въ большой тайнѣ, продолжались и дальше, но все-таки союзники о нихъ провѣдали, хоть и смутно, и это также не могло не повредить Мюрату въ ихъ глазахъ.

А великая драма Наполеона приходила между тѣмъ къ концу на берегахъ Сены, и смутные слухи о происходившемъ вокругъ Парижа стали носиться по Ломбардіи и доходили до вице-короля. Трудно съ увѣренностью сказать, зналъ ли онъ навѣрное о паденіи Парижа, когда 27 марта (8 апрѣля 1814 г.) посылалъ съ генераломъ Джифленга, своимъ довѣреннымъ адъютантомъ, послѣднее свое письмо Наполеону испрашивая его устныхъ дальнѣйшихъ инструкцій. Если даже зналъ, то онъ, значитъ, не считалъ, чтобы съ паденіемъ Парижа все было проиграно, и конечно никакъ не разсчитывалъ на отреченіе Императора. Но письмо это дошло до назначенія лишь послѣ этого отреченія въ Фонтенбло.

1/13 Апрѣля, наконецъ, въ самый день, когда у вице-королевы въ Мантуѣ, куда она заперлась вмѣстѣ съ мужемъ и арміей, родилась дочка, принцесса Теодолинда, Бельгардъ послалъ Евгенію парламентера съ оффиціальными свѣдѣніями о всемъ, что произошло во Франціи, предлагая ему заключить перемиріе. А на слѣдующій день, на аванпосты итальянской арміи прибыли австрійскій генералъ Нейппергъ и баварскій генералъ Вартенбергъ; послѣдній имѣлъ письмо отъ короля Баварскаго, въ которомъ тотъ говорилъ Евгенію, что жребій Наполеона рѣшенъ и что ему поэтому теперь пора и можно, безъ угрызенія совѣсти, подумать и о собственной судьбѣ и проч.

На свиданіи съ ними, вице-король счелъ себя, при данныхъ обстоятельствахъ, обязаннымъ согласиться на предложеніе Бельгарда и заключить съ нимъ договоръ, въ силу котораго французы его арміи подлежали возвращенію во Францію. Самъ же онъ, какъ часовой на посту, рѣшилъ ожидать въ Италіи грядущихъ событій, такъ какъ въ то время ему Фонтенблоскій договоръ еще не былъ извѣстенъ и онъ не считалъ себя свободнымъ отъ

возложенныхъ на него Наполеономъ обязанностей; и если онъ при этомъ, въ глубинѣ души, и надѣялся, что можетъ быть вотчимъ выговоритъ для него королевство Итальянское, то кто можетъ его за это упрекнуть?

5/17 Апрѣля договоръ былъ подписанъ и французскія войска могли начать движеніе за Альпы, подъ начальствомъ генерала Гренье, между тѣмъ какъ итальянскія войска продолжали содержать гарнизоны въ незанятыхъ непріятелемъ городахъ, причемъ дальнѣйшее движеніе австрійскихъ войскъ могло начаться не ранѣе, какъ черезъ 8 дней по выступленіи французовъ, во избѣжаніе столкновеній между ними.

Въ главную квартиру союзниковъ должна была отправиться выборная депутація отъ королевства, въ томъ числѣ два генерала, какъ представители арміи, чтобы тамъ выяснить дальнѣйшую судьбу Италіи, и ходатайствовать о ея самостоятельности. Если бы этой депутаціи не удалось достигнуть удовлетворительнаго соглашенія съ союзниками, то военныя дѣйствія могли возобновиться не ранѣе, какъ черезъ 15 дней по полученіи рѣшенія державъ.

Отпуская домой французскія войска своей арміи, вице-король распростился съ ними прочувствованнымъ приказомъ. Объясняя, почему ему нельзя лично вести ихъ во Францію, онъ говорилъ: «Другой народъ, добрый, великодушный, преданный, имѣетъ право на остатокъ моей жизни, которую я посвящаю ему уже десять лѣтъ. Пока мнѣ будетъ разрѣшено пещись о его счастіи, которое составляло всегда мою самую дорогую заботу, я не прошу иного назначенія».

Недоброжелатели принца Евгенія, хотѣли вывести изъ этихъ его строкъ заключеніе, что онъ имѣлъ честолюбивый замыселъ воцариться въ Италіи что онъ велъ въ этомъ направленіи переговоры съ союзниками и, слѣдовательно, измѣнилъ Наполеону.

Но вѣдь онъ, когда писалъ эти строки, не зналъ о Фонтенблоскомъ отреченіи, не зналъ, что Наполеонъ отказался уже за *себя и своихъ* наслѣдниковъ отъ Итальянскаго престола. Слѣдовательно онъ и не имѣлъ права оставлять своего намѣстничества. Впрочемъ, вотъ что говоритъ по этому поводу M. H. Weil: «не измѣняя никакому своему долгу, не измѣняя своимъ клятвамъ, развѣ не могъ онъ, въ свою очередь помечтать о возможности услыхать о предложеніи ему трона, отъ котораго онъ отказался, когда ему предлагали купить его цѣною измѣны?».

И, конечно, если бы по Фонтенблоскому договору ему была бы предложена Итальянская корона, то онъ бы ее и принялъ. Но — по этому договору, Ломбардія отдавалась Австріи и королевство Итальянское переставало существовать. Партія итальянцевъ, льнувшая къ Австріи, такимъ образомъ, одержала успѣхъ, но ея интриги привели въ Миланѣ къ безобразной революціи, среди которой былъ звѣрски убитъ министръ Прина, было провозглашено временное правительство и регентство, а вице-король былъ чуть ли не отрѣшенъ отъ власти. А депутація, отправленная къ союзни-

камъ, вернулась, между тѣмъ, ни съ чѣмъ. Итакъ, партизаны Австріи и Мюрата, соединились, чтобы осилить лучшую часть населенія, бывшую за кандидатуру принца Евгенія на Итальянскій престолъ, но не съумѣвшую собрать достаточнаго числа голосовъ.

«Не задумываясь ни на мгновеніе», говоритъ M. H. Weil, «не подумавъ объ удовлетвореніи злопамятства, которому всякій другой человѣкъ склоненъ былъ бы поддаться, безъ малѣйшаго сожалѣнія о власти, которую онъ такъ честно проявлялъ, о тронѣ, на который онъ могъ надѣяться быть призваннымъ свободной волею народа, имъ любимаго, безъ тѣни даже мысли о личномъ тщеславіи, занятый исключительно только заботой добыть для націи, надъ которой онъ царствовалъ, тѣ гарантіи, которыми онъ желалъ ее обезпечить, оставивъ ихъ въ наслѣдство какъ послѣднее прости, онъ уже 11/23 апрѣля подписываетъ съ Бельгардомъ конвенцію», которой урегулировалась передача Ломбардіи въ управленіе Австріей и оберегались вмѣстѣ съ тѣмъ интересы и права Итальянской арміи.

Узнавъ 20 апрѣля о событіяхъ во время Миланской революціи, принцъ Евгеній, понятно не особенно хотѣлъ оставаться дольше въ Италіи, и въ частности въ Мантуѣ. Но супруга его была еще слишкомъ слаба послѣ родовъ для того, чтобы пускаться въ длинное и утомительное путешествіе черезъ Альпы въ Баварію, куда они рѣшили переѣхать. Тѣмъ не менѣе они 12/24 выѣхали изъ Мантуи въ Верону, гдѣ съ большимъ почетомъ были приняты Бельгардомъ, успѣвшимъ оцѣнить высоту характера своего противника. Отдохнувъ въ Веронѣ три дня, принцъ Евгеній 15/27 апрѣля 1814 года покинулъ предѣлы Италіи вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Военная и политическая роль его была кончена.

Но передъ отъѣздомъ, сердце его получило радостное утѣшеніе тѣмъ адресомъ, который бывшіе подъ его начальствомъ французскія войска рѣшили поднести ему, передъ выступленіемъ во Францію. Вотъ онъ:

«Ваше Императорское Высочество. Прежде чѣмъ тронуться въ путь, чтобы возвратиться на лоно своей родины, французская армія ставитъ себѣ пріятнымъ долгомъ повергнуть къ стопамъ Вашимъ чувства благодарности и благоговѣнія, которыми она преисполнена къ особѣ Вашей.

Итальянская армія всегда будетъ гордиться своимъ начальникомъ: служить подъ начальствомъ Вашего Императорскаго Высочества стало почетнымъ знакомъ.

Да пользуетесь же Вы счастіемъ и славою, которыхъ Вы достойны по Вашимъ прекраснымъ и благороднымъ качествамъ; это пожеланія всей арміи, которая съумѣла оцѣнить ихъ при столькихъ обстоятельствахъ и память о которыхъ она сохранитъ навсегда».

Да, съ легкимъ сердцемъ и спокойной совѣстью могъ принцъ Евгеній отправляться въ Баварію, напутствуемый такой лестной аттестаціей. Тамъ, среди семейнаго счастія, тихо и мирно провелъ онъ тѣ немногіе годы, которые ему судьбой еще было суждено прожить.

А Мюратъ?

Бѣдный король Неаполитанскій вскорѣ по заключеніи Фонтенблоскаго договора, получилъ отъ Бельгарда указаніе, (чтобы не сказать приказаніе) очистить территорію къ югу отъ По. Болѣе ненужный союзникамъ, онъ отстранялся ими и, безсильный, долженъ былъ повиноваться. 22 апрѣля (3 мая) онъ возвратился въ Неаполь; съ какими чувствами,—предоставляю судить читателю

На вѣнскомъ конгрессѣ вполнѣ выяснилось, что Мюратъ пожалъ то, что онъ посѣялъ: втянутый въ политическую авантюру честолюбіемъ жены болѣе чѣмъ собственнымъ и хитростью старой лисицы-Фуше, такъ сказать помимо, если не противъ своей воли, онъ, благодаря своей нерѣшительности и колебаніямъ, своимъ переговорамъ то съ одной стороной, то съ другой, заслужилъ только то, что изъ этого вытекало — всеобщее недовѣріе. Неудивительно поэтому, что на Вѣнскомъ конгрессѣ перспективы для него открывались нерадужныя и что мечта его объ объединеніи Италіи подъ своимъ скипетромъ разсѣялась, какъ дымъ.

Наступилъ 1815 годъ; съ Эльбы вернулся Наполеонъ, тріумфально прошелся до Парижа, восторженно встрѣченный своими бывшими сослуживцами и населеніемъ. Нечего поэтому удивляться, особенно если вспомнимъ послѣднее письмо Мюрата къ Наполеону, что онъ повѣрилъ въ новое восхожденіе звѣзды Императора и, видя, что со стороны союзниковъ ему нечего ни ожидать, ни терять, онъ присоединился къ Наполеону. Но времена были иныя, народы устали отъ войны и то, что въ 1814 году могло бы, можетъ быть, если и не спасти Наполеона, то все же смягчить его неудачу, теперь было явно обречено на погибель. Разбитый австрійцами при Толентино, потерпѣвъ вторичное пораженіе на Монсерратской позиціи, Мюратъ бѣжалъ во Францію, гдѣ предложилъ свою шпагу Императору. Но услуги его не были приняты: армія считала его измѣнникомъ, и Наполеонъ боялся возбудить ея негодованіе и неудовольствіе принятіемъ въ ея ряды заклейменнаго такимъ названіемъ человѣка. Австрійскій Императоръ предлагалъ ему въ то же время убѣжище въ своихъ владѣніяхъ, при условіи отказа имъ отъ своего престола. Но и тутъ Мюратъ не нашелъ лучшаго выхода и изъ Корсики, гдѣ онъ въ то время находился, отвѣтилъ отказомъ, сославшись на то, что теперь уже слишкомъ поздно. Въ дѣйствительности онъ, вѣроятно, довѣрился обманчивымъ извѣстіямъ изъ Неаполя, призывавшимъ его обратно на тронъ, и, поддавшись имъ, рѣшилъ вновь завоевать утраченное свое королевство. Однако, конецъ былъ плачевный: выданный капитаномъ своего корабля, онъ былъ арестованъ раньше, чѣмъ успѣлъ высадиться на берегъ, судимъ военно-полевымъ судомъ и разстрѣлянъ на берегу моря у замка Пиццо. Такъ печально кончилъ свое существованіе этотъ лихой кавалеристъ, съ безпримѣрнымъ пыломъ увлекавшій за собой въ атаку кавалерійскія массы Наполеона въ блестящій періодъ первой имперіи, но плохой король и еще менѣе

искусный политикъ. Пощаженный пулями и картечью въ сотняхъ боевъ и сраженій, онъ безславно погибъ, какъ только пустился въ дебри политическихъ интригъ, въ духоту дипломатическихъ канцелярій.

Въ заключеніе и чтобы не показаться пристрастнымъ, приводимъ не свои сужденія, а слова M. H. Weil'я о принцѣ Евгеніи, которыми онъ заканчиваетъ свой нелицепріятный трудъ.

«Не послушавъ соблазнительныхъ предложеній коалиціи, вице-король не задумался отвергнуть какъ лестные намеки Австріи, такъ и еще болѣе выгодныя предложенія Императора Александра I въ 1814 году. Письма его къ Александру, его интимная переписка съ вице-королевой всячески свидѣтельствуютъ, что безъ затаенной мысли о своей личной выгодѣ, принцъ Евгеній желалъ заслужить свою славу и свое положеніе не иначе, какъ своимъ послушаніемъ, своимъ патріотизмомъ, своею вѣрностью своему Государю и странѣ, своею неуклонною привязанностью къ своимъ собратіямъ по оружію. Онъ твердо рѣшилъ до послѣдняго дня раздѣлить ихъ судьбу и судьбу своего благодѣтеля, высоко и твердо держать до послѣдняго конца знамя, подъ сѣнью и складками котораго онъ всегда сражался, знамя, довѣренное ему Франціей и Императоромъ».

«Впрочемъ, достаточно одного факта, чтобы установить, что вопреки тому, что утверждаютъ его критики и враги, вице-король никогда не имѣлъ затаенныхъ мыслей о личномъ интересѣ. Если бы онъ дѣйствительно пробовалъ ловить рыбу въ мутной водѣ, воспользовавшись всеобщимъ переворотомъ, чтобы попытаться короновать себя желѣзной короной, то онъ давно не преминулъ бы сдѣлать то, что ему много разъ совѣтовали, но чего онъ никогда не сдѣлалъ—окружить себя Итальянцами».

«Если политическое поведеніе вице-короля несокрушимо выдерживаетъ всякую критику, надо также признать, что несмотря на нѣкоторыя совершенныя имъ, особенно въ началѣ кампаніи, ошибки, трудно было бы повести военныя операціи лучше, чѣмъ сдѣлалъ это онъ, особенно если принять во вниманіе условія, въ которыхъ онъ находился, имѣя части слабаго численнаго состава, дезорганизованныя или формируемыя, съ арміей изъ солдатъ молодыхъ, неопытныхъ, плохо, или по крайней мѣрѣ недостаточно снабженныхъ кадрами, съ генералами, кромѣ Гренье, вообще неспособными, усталыми, отягощенными годами, деморализованными, мечтавшими о покоѣ, который они считали заслуженнымъ прежней ихъ службой».

«Принцъ Евгеній не былъ, конечно, ни лучшимъ ни самымъ блестящимъ изъ сподвижниковъ Императора; но никто не можетъ оспаривать, что онъ былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, самымъ надежнымъ, самымъ вѣрнымъ, и самымъ преданнымъ изъ его слугъ. Императоръ, впрочемъ, самъ же озаботился изложить въ Memorial de Sainte Hélene высокое свое мнѣніе относительно военныхъ способностей вице-короля».

«Рѣдко и трудно совмѣстить всѣ свойства, необходимыя для того, чтобы быть великимъ военоначальникомъ. То, что было желательнымъ и

наиболѣе выдвигало тотчасъ кого-нибудь изъ ряда, было равновѣсіе у этого лица ума или таланта съ характеромъ или храбростью. Это Наполеонъ называлъ быть одинаково квадратнымъ въ основаніи и въ вышину».

«Если значительно перевѣшивала храбрость, то генералъ во вредъ дѣлу предпринималъ больше, чѣмъ могъ обдумать и, наоборотъ, если его характеръ или его храбрость уступали его уму, онъ не рѣшался выполнить всѣхъ плановъ. *Наполеонъ тогда приводилъ въ примѣръ вице-короля, у котораго единственнымъ достоинствомъ было именно это равновѣсіе, но одного этого было уже достаточно, чтобы сдѣлать изъ него выдающагося человѣка и начальника*».

«Въ теченіе этой послѣдней, столь трудной и полной западней и ловушекъ кампаніи, среди этого кризиса, въ которомъ суждено было потонуть славѣ столькихъ лицъ, намъ кажется, что вице-король вдохновлялся и руководствовался одновременно и тѣмъ совѣтомъ, который ему когда-то преподалъ Императоръ въ своемъ письмѣ изъ Бурггаузена отъ 8/30 апрѣля 1809 года: «война — это игра серьезная, въ которую можно потерять и свою репутацію и свою страну», а также прекраснымъ и глубокимъ изрѣченіемъ Вильгельма Оранскаго: «*Нѣтъ надобности надѣяться для того, чтобы предпринимать, ни имѣть удачу для того, чтобы продолжать*».

«Окруженный, оберегаемый своей всемірной и столь справедливо заслуженной репутаціей прямоты и честности, вице-король одинъ выплылъ изъ великаго кораблекрушенія Наполеоновской эпопеи. Такъ велико было особое уваженіе, оказываемое ему государями Европы, что несмотря на полную замкнутость, которой онъ придерживался въ тихомъ и скромномъ пристанищѣ, гдѣ онъ всецѣло посвятилъ себя своему семейству, одинъ только престижъ, связанный съ его именемъ въ серьезной степени озабочивалъ министровъ Людовика XVIII. Такъ, на конгрессѣ въ Аахенѣ, герцогъ Ришелье, объявляя 8 ноября 1818 года королю объ окончаніи спора Бадена съ Баваріей о Пфальцѣ и Брейсгау, добавлялъ:

«Намъ уже нечего опасаться, чтобы когда-нибудь Австрія вошла въ соприкосновеніе съ Пруссіей, какъ нечего опасаться и непрерывности территоріи Баваріи, укрывающей въ себѣ *того человѣка, который при настоящемъ настроеніи умовъ могъ бы стать наиболѣе для насъ опаснымъ — Принца Евгенія*».

И не служитъ ли этотъ страхъ, внушаемый этимъ именемъ, столь выдающемуся человѣку, какъ представителю Франціи на Аахенскомъ конгрессѣ, лучшей наградой за незаинтересованность и преданность вице-короля, добраго гражданина, человѣка, по самому существу честнаго и прямого, всю жизнь руководившагося девизомъ, который онъ самъ въ своей Веронской прокламаціи давалъ солдатамъ своей арміи:

«Честь и постоянство» («Honneur et Fidelité»).

Герцогъ Г. Лейхтенбергскій.

Шестьдесятъ лѣтъ назадъ [1]).

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

... Зима 1854 года прошла, какъ и предыдущая; мы готовились къ выпускному экзамену, но война все сильнѣе разгоралась, и вскорѣ стало извѣстно, что послѣ экзаменовъ выпускные классы учебныхъ заведеній въ лагерь не пойдутъ и что производство въ офицеры произойдетъ не въ августѣ, а въ іюнѣ, и что вскорѣ послѣ того вся гвардія и гренадерскій корпусъ выступятъ въ походъ къ западной границѣ.

Вслѣдствіе этого тотчасъ послѣ экзаменовъ мы подали заявленіе о желаніи поступить въ тотъ или другой полкъ, при чемъ изъ школы мой товарищъ Лаппо-Данилевскій и я получили разрѣшеніе быть зачисленными въ Кавалергардскій полкъ и стали заниматься заказомъ обмундировки и походныхъ принадлежностей.

По школьному обычаю выпускные до производства отправлялись изъ Петербурга пѣшкомъ въ Стрѣльну на богомолье въ Сергіевскую пустынь, и мы этотъ завѣтъ свято исполнили.

Наконецъ, 17 іюня 1854 года всѣ выпуски изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній были собраны на плацу 1-го кадетскаго корпуса, и здѣсь мы были произведены въ офицеры.

Конецъ іюня прошелъ въ представленіяхъ начальству и приготовленіяхъ къ походу. Въ томъ мѣсяцѣ нашъ полкъ былъ размѣщенъ въ окрестностяхъ Стрѣльны, а Царская Семья и весь дворъ были въ Петергофѣ.

Мы оба, молодые корнеты, были опредѣлены въ 4-й эскадронъ полка. Командиромъ эскадрона былъ полковникъ Алексѣй Николаевичъ Тепловъ, а старшими офицерами были Александръ Васильевичъ Шереметевъ и Петръ Ивановичъ Скоропадскій, а къ намъ двумъ черезъ нѣкоторое время примкнулъ произведенный изъ полковыхъ юнкеровъ Василій Петровичъ Шере-

[1]) Авторъ настоящей статьи князь Николай Васильевичъ Репнинъ одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ Императорскаго Общества Ревнителей Исторіи. Онъ родился въ 1834 г., служилъ сначала въ Кавалергардскомъ полку, состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Пирятинскомъ уѣздѣ въ 1865—1877 гг., кіевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ 1878—1880 г. и кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ 1880—1809 гг. Нынѣ—оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго Двора и Членъ Государственнаго Совѣта. *Ред.*

метевъ. Мы тоже поселились въ стоянкѣ 4-го эскадрона въ маленькой деревушкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Стрѣльны.

1-го іюля, въ день рожденія Императрицы Александры Ѳеодоровны, шефа Кавалергардскаго полка, въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ былъ церковный парадъ полка, а потомъ поздравленіе Государыни Императрицы и baise-main.

Въ большомъ залѣ Императрица сидѣла на креслѣ, передъ нею стоялъ небольшой столъ съ подушкой, на которой покоилась Ея рука.

За ея кресломъ стоялъ Государь Николай Павловичъ и наблюдалъ за тѣмъ, какъ мы подходимъ къ рукѣ Императрицы. Мы всѣ ужасно боялись, чтобы Государь не нашелъ въ насъ какого-либо нарушенія этикета, или формы, но все обошлось благополучно.

Днемъ были пущены всѣ фонтаны, а вечеромъ зажжена традиціонная великолѣпная иллюминація. Днемъ вся Царская Семья каталась со свитой по нижнему саду, и всѣ кавалергардскіе офицеры верхами въ аллеяхъ многократно встрѣчались съ Августѣйшимъ Шефомъ.

Очень скоро развлеченіямъ насталъ конецъ. На 10 іюля всей первой кавалерійской гвардейской дивизіи былъ назначенъ въ Высочайшемъ присутствіи, въ Стрѣльнѣ, смотръ передъ выступленіемъ въ походъ. Въ тотъ день утромъ при великолѣпной солнечной погодѣ, Государь, простившись съ нами, пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ въ конномъ строю. Я помню, что на мѣстѣ смотра были устроены земляныя препятствія и, между прочимъ, высокій брустверъ, и что мы получили благодарность за переходъ чрезъ него, безъ потери равненія.

На другой день, рано утромъ, мы выступили въ походъ изъ нашей деревушки и въ тотъ же день пришли въ Ропшу, гдѣ имѣли дневку. Царская Семья переселилась въ Ропшинскій дворецъ. Государь Николай Павловичъ угощалъ весь полкъ на прощаніе. Всѣ офицеры полка въ походной формѣ были приглашены на обѣдъ во дворцѣ. Послѣ обѣда мы всѣ были приглашены перейти на балконъ и въ садъ, и здѣсь Государь Николай Павловичъ, столь строгій и грозный въ служебномъ отношеніи, показалъ себя самымъ радушнымъ и благодушнымъ хозяиномъ, предлагая намъ фрукты и каждаго спрашивая, чего онъ желаетъ, и поощряя къ веденію самого непринужденнаго разговора. Это былъ послѣдній разъ, что я его видѣлъ. Послѣ того мы выступили уже въ дѣйствительный походъ, который продолжался въ 1854 году четыре мѣсяца и оказался смѣной самыхъ противоположныхъ ощущеній.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ свѣтской жизни былъ танцовальный вечеръ на дачѣ у Маріи Трофимовны Пашковой, рожденной графини Барановой. У нея тогда было много дочерей дѣвицъ; изъ нихъ одна только старшая была замужемъ за графомъ Апраксинымъ, а въ дѣвицахъ были еще и Марія Михайловна (княгиня Голицына), и Ольга Михайловна (Бутурлина), и остальныя. Мы много веселились и на прощаніе много танцовали.

20 іюля мы пришли въ Нарву, гдѣ имѣли дневку; этимъ я воспользовался для осмотра старинной крѣпости Иванъ-Города. Въ самомъ началѣ похода матушка письмомъ съ дороги извѣщала меня, что она ѣдетъ изъ Дрездена въ Петербургъ и по пути желала бы меня видѣть. Дальнѣйшее наше движеніе прошло безъ инциндентовъ, а по приходѣ въ Іевве, 24 іюля, я испросилъ и получилъ отпускъ на нѣсколько дней для свиданія съ матерью и поѣхалъ обратно по направленію къ Нарвѣ; я встрѣтился гдѣ-то на шоссе, не доѣзжая города, съ матушкой, младшимъ братомъ и сестрой. Я провелъ съ ними въ Нарвѣ нѣсколько дней и мы осматривали разныя достопримѣчательности Нарвы и ея окрестностей. Въ городѣ осмотрѣли старинную церковь съ гербами нѣмецкихъ бароновъ, дома съ оригинальными старинными фасадами, около Нарвы водопадъ, а на балтійскомъ побережьи дачныя мѣстности Мерекюль и Гунгербургъ. Разставшись съ семьей, я возвратился къ полку въ Везенбергъ, куда онъ пришелъ 30 іюля и услышалъ отъ товарищей разсказъ о томъ, какъ при проходѣ вдоль Балтійскаго моря они видѣли англійскій военный корабль, ставшій на мель, вслѣдствіе чего полку было приказано его атаковать.

Само собой разумѣется, что изъ невозможнаго столкновенія столь разнообразныхъ силъ ничего не вышло.

Въ Везенбергѣ, небольшомъ городкѣ Эстляндской губерніи, мы потанцовали у г-жи Вейсъ, родственницы князей Трубецкихъ. При ней жила племянница, для которой она и устроила вечеринку, пользуясь наличностью многихъ танцоровъ.

5 августа мы выступили изъ Везенберга и тутъ-то, въ особенности въ Эстляндіи, намъ пришлось испытать цѣлый рядъ противоположностей во время переходовъ и стоянокъ. Въ Эстляндіи, въ пятидесятыхъ годахъ было много поселеній, въ которыхъ крестьяне жили не въ избахъ, а въ большихъ землянкахъ, куда спускались чрезъ одну дверь и гдѣ жили крестьяне, совмѣстно со всѣми домашними животными; никому изъ насъ не было охоты тамъ проводить ночь. Въ такихъ случаяхъ лошадей оставляли въ коновязяхъ и, если имѣлся подъ рукой хоть одинъ сарай, то онъ служилъ помѣщеніемъ для офицеровъ. Въ такую обстановку попали мы вскорѣ послѣ выступленія изъ Везенберга, да еще на дневку. Въ 4-мъ эскадронѣ только у одного Александра Васильевича Шереметева была палатка, въ которой онъ пріютилъ полковника Теплова и Скоропадскаго. Мы же, молодые офицеры, устроились кое-какъ въ клунѣ (ригѣ), на которой не было крыши. Предшествующій намъ эскадронъ конногвардейскаго полка былъ счастливѣе насъ. Офицеры этого эскадрона были богаче нашихъ, и у нихъ имѣлось три палатки, въ которыхъ они всѣ и размѣстились, эскадронныхъ же лошадей помѣстили въ клуню, а на подстилку имъ сняли крышу.

Послѣ нихъ намъ досталась ажурная постройка, къ которой пришлось какъ-нибудь приспособиться. Къ счастью, погода была сухая, только по ночамъ—холодная. Я приказалъ мои вьючные чемоданы и надъ ними надувной

матрасъ поставить подъ промежуткомъ двухъ балокъ и надъ постелью отъ балки до балки протянуть полотнище клеенки на случай ночного сюрприза. Отъ холода на ночь я покрылся ватной шинелью и, проснувшись посреди ночи, я въ первую минуту былъ очень озадаченъ видѣть надъ собой звѣзды, а не потолокъ. Хозяйство наше въ этотъ походъ сложилось такъ: образовались двѣ артели—одну составляли полковникъ Тепловъ, А. В. Шереметевъ и Скоропадскій, другую я, Лаппо и В. П. Шереметевъ; у каждой артели былъ свой поваръ, своя посуда и вино и общая повозка, въ которой все это перевозилось съ остальнымъ домашнимъ скарбомъ. Обѣдали мы всѣ вмѣстѣ, чередуясь артелями. На такихъ стоянкахъ, какъ только что описанная, приходилось готовить пищу на открытомъ воздухѣ, на треножникѣ.

Послѣ подобныхъ стоянокъ особой прелестью являлись стоянки у любезныхъ помѣщиковъ, предоставлявшихъ намъ и хорошее помѣщеніе, и всѣ прочія удобства чисто европейской жизни. Таковой явилась одна изъ послѣдующихъ стоянокъ у Бенкендорфа въ им. Левенвальдъ. Онъ самъ [1]), бывшій товарищъ нашихъ старшихъ офицеровъ, находившійся тогда уже въ отставкѣ, теперь жилъ бариномъ въ деревнѣ и оказалъ намъ много любезности и предупредительности.

Изъ Везенберга мы выступили 5 августа и пришли въ Феллинъ 12 августа, гдѣ имѣли и дневку.

Въ Феллинѣ намъ было отведено отличное помѣщеніе въ домѣ госпожи Иверсенъ, на пригоркѣ. Мы пришли туда въ великолѣпный солнечный день и были пріятно обрадованы любезностью и предусмотрительностью хозяйки—мы нашли готовый завтракъ со множествомъ закусокъ. Въ особенности приглянулись намъ дымящіяся сосиски, на которыя мы и набросились, но тотчасъ были удивлены ихъ вкусомъ; вмѣсто свиного мяса эти сосиски были начинены сладкимъ рисомъ съ коринками.

Вечеромъ г-жа Иверсенъ накормила насъ очень вкуснымъ обѣдомъ.

Днемъ ходили мы гулять въ пригородный паркъ, очень оригинальный по своей топографіи; въ немъ съ ровнинами перемежались нѣсколько холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ и съ бесѣдками на вершинахъ. Эти холмы носили оригинальныя названія Tanz-berg, Thée-berg, Cafée-berg.

19-го были мы въ Вольмарѣ, а 22-го пришли въ Венденъ. Здѣсь въ красивой и волнистой мѣстности находились грандіозныя развалины замка Меченосцовъ. Сохранились еще высокія башни и стѣны, которыя такъ часто выдерживали осады русскихъ войскъ. Мнѣ передавали, что подъ этими развалинами были обширныя подземелья; я поинтересовался ихъ осмотрѣть, но я никого не нашелъ между моими товарищами, кто бы согласился мнѣ сопутствовать, и потому съ проводникомъ изъ мѣстныхъ крестьянъ я рѣшилъ одинъ пуститься на эту развѣдку. Входъ былъ почти засыпанъ обвалившимися камнями и намъ пришлось проползти чрезъ узкое и довольно

[1]) Графъ Германъ Павловичъ Бенкендорфъ владѣлъ имѣніемъ Левенвальдъ, недалеко отъ Везенберга.

длинное отверстіе и наконецъ попали въ очень просторныя и высокія сводчатыя подземныя залы.

Изъ Вендена мы пришли, не помню котораго числа въ имѣніе бароновъ Транзее. Здѣсь мы простояли довольно долго, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Многіе изъ насъ воспользовались близостію Риги и поѣхали туда на нѣсколько дней развлечься отъ монотонности по-

Князь **Н. В. Репнинъ** (кавалергардомъ).

ходной жизни. Никто изъ семейства Транзее въ имѣніи не жилъ и намъ отвели цѣлый домъ съ большими комнатами, за исключеніемъ большого углового зала, который, не смотря на наши просьбы, отказались открыть, не объясняя причины. Это насъ сильно заинтересовало. Мы постарались разсмотрѣть внутренность зала чрезъ дверныя щели и замочныя скважины, и наши изысканія наконецъ увѣнчались успѣхомъ: мы увидѣли посреди залы на возвышеніи хрустальный пустой гробъ. Тогда только намъ объяснили, что этотъ гробъ приготовила для себя г-жа Транзее.

Черезъ нѣкоторое время пришло распоряженіе снова двинуться въ походъ и идти черезъ Динабургъ и Вильну въ Минскую губернію на зимнія квартиры. Чрезъ Кокенгузенъ пришли мы 9 сентября въ имѣніе Корфа Крейцбургъ, гдѣ перешли черезъ Двину и шли при довольно скверной дождливой погодѣ.

Послѣ Динабурга имѣли мы дневку въ имѣніи графа Зиберъ-Платера. Въ этой усадьбѣ былъ большой домъ, въ которомъ жилъ самъ владѣлецъ, а по бокамъ два многоэтажныхъ каменныхъ флигеля, изъ которыхъ одинъ былъ предоставленъ намъ, совмѣстно съ нашимъ полковымъ командиромъ графомъ Бреверномъ-де-ла-Гарди и полковымъ штабомъ.

Въ оба дня намъ сервировали во флигелѣ завтракъ и обѣдъ отъ графа Платера, но когда полковой командиръ захотѣлъ его посѣтить и благодарить за гостепріимство, графъ Платеръ отказался его принять. Въ 1863 году тогдашній владѣлецъ принялъ участіе въ возстаніи, былъ схваченъ, казненъ и имѣніе было конфисковано.

Вообще во все время нашего похода по Литвѣ и Польшѣ большинство польскихъ помѣщиковъ насъ чуждались, и когда приходилось съ ними на нейтральной почвѣ сходиться, мужчины обходились съ нами корректно, но дамы злоупотребляли нашей благовоспитанностью и говорили намъ разныя колкости относительно всего русскаго.

29 сентября пришли мы въ Вильну и имѣли тамъ дневку. Въ Вильнѣ генералъ-губернаторомъ былъ тогда Илья Гавриловичъ Бибиковъ, котораго жена Варвара Ивановна, рожденная Мятлева, была другомъ моей матери; я былъ очень любезно принятъ въ ихъ семействѣ. Дочери ихъ, съ которыми я въ дѣтствѣ игралъ въ Коеровѣ, были взрослыя дѣвицы,—старшая Елена, вышедшая впослѣдствіи за Свѣчина, вторая Екатерина за Татищева, меньшая, Варвара, была еще подростокъ.

Изъ Вильны мы проходили по довольно безотраднымъ мѣстностямъ черезъ городъ Лиду и только при проходѣ черезъ лѣса князя Петра Витгенштейна, наслѣдовавшаго ихъ отъ матери, рожденной княжны Радзивиллъ, могли любоваться могучей растительностью мачтовыхъ сосенъ и дремучестью лѣсовъ, тогда еще сохранившихся въ этихъ мѣстахъ.

Наконецъ, пришли мы въ Новогрудокъ, уѣздный городокъ Минской губерніи, долженствовавшій стать штабомъ нашего полка въ предстоящую зиму. Ничего въ немъ замѣчательнаго не нашлось, кромѣ виннаго погреба еврея Гаркави, гдѣ мы нашли самыя лучшія вина, хорошо выдержанныя, а старыя венгерскія, удивительнаго качества.

Послѣ прибытія на зимнія квартиры въ Новогрудокъ, офицеры всего полка получили приглашеніе на вечеръ къ князю Радзивиллу, въ Миръ, куда мы поѣхали въ многочисленной компаніи. Тамъ нашли мы большой замокъ съ вполнѣ петербургской обстановкой. Князь Радзивиллъ былъ уже пожилой человѣкъ, женатый. Эта чета принимала насъ очень любезно, угостила насъ отличнымъ обѣдомъ и ужиномъ, на балъ была приглашена

вся мѣстная аристократія и балъ удался на славу; очень хороша и велика была библіотека. Вслѣдствіе ея высоты для верхнихъ шкафовъ была устроена вокругъ всей залы галлерея.

Для четвертаго эскадрона была отведена стоянка въ небольшомъ селѣ, въ двадцати верстахъ отъ Новогрудка, гдѣ мы кое-какъ размѣстились въ невзрачныхъ домахъ.

Предполагая провести тутъ нѣсколько мѣсяцевъ, при отсутствіи всякихъ развлеченій въ штабѣ полка, мы стали искать знакомства между землевладѣльцами и, между прочимъ, познакомились съ арендаторомъ одного изъ крупныхъ имѣній Петра Витгенштейна, господиномъ Гастингсомъ, семейнымъ человѣкомъ, жившимъ въ 50 верстахъ отъ нашей деревушки и 70 верстахъ отъ Новогрудка.

Онъ пригласилъ всѣхъ насъ офицеровъ 4-го эскадрона на балъ 25 октября и мы къ нему съ радостью поѣхали и предполагали протанцовать тамъ всю ночь напролетъ.

Но не тутъ-то было: удалось на половину. Танцовали съ увлеченіемъ, протанцовали мазурку, ужинали, принялись за вторую мазурку — какъ вдругъ около 4-хъ часовъ утра получается, чрезъ нарочнаго изъ штаба полка, приказъ: фельдмаршалъ князь Паскевичъ съ фельдъегеремъ прислалъ приказъ всему гвардейскому корпусу немедленно сняться и идти на австрійскую границу.

Въ полковомъ приказѣ было сказано всѣмъ эскадронамъ и штабу выступить рано утромъ 26 октября и идти въ Слонимъ, куда прибыть 28-го (два перехода), а корнету князю Репнину прибыть въ Новогрудокъ, собрать хлѣбопековъ со всего полка и съ ними слѣдовать въ Слонимъ и приготовить хлѣбъ къ приходу полка 28 октября. Еще въ темнотѣ поскакали мы отъ Гастингса обратно и въ нашей деревнѣ, на разсвѣтѣ, застали эскадронъ, готовый къ выступленію и наши вещи уложенными и нагруженными въ фургоны.

Нашему 4-му эскадрону предстоялъ небольшой переходъ, потому что наша деревня находилась ближе къ Слониму, чѣмъ городъ Новогрудокъ, и можно было достичь ночлега проселочными дорогами. Поскакалъ я дальше, пріѣзжаю въ Новогрудокъ; всѣ выступили, кромѣ казначея и нѣсколькихъ писарей, хлѣбопеки еще не всѣ прибыли изъ дальнихъ эскадроновъ. Занялся пока полученіемъ ассигновокъ и прогоновъ. Наконецъ, когда всѣ, довольно поздно, собрались, я расчиталъ, что моя команда, при самомъ усиленномъ переходѣ прибудетъ въ Слонимъ слишкомъ поздно и что хлѣбъ не успѣютъ приготовить и къ выходу полка изъ Слонима; я спѣшилъ двѣ трети всей команды, приказалъ одной трети оставленныхъ на лошадяхъ солдатъ, ведя въ поводу по двѣ остальныхъ лошади, слѣдовать усиленнымъ маршемъ въ Слонимъ, а посадивъ двѣ трети спѣшенныхъ хлѣбопековъ на почтовые фургоны, вмѣстѣ съ ними на почтовыхъ къ вечеру пріѣхалъ въ Слонимъ и обратился къ полиціи для отвода печей, а къ интен-

дантамъ за полученіемъ муки и дровъ, и къ утру могъ приступить къ работѣ. Такъ какъ въ Слонимѣ предстояла дневка, то 28 октября при вступленіи полка въ Слонимъ я могъ доложить графу Бреверну, что въ этотъ день не могу сдать хлѣба, но ручаюсь всю партію изготовить и сдать на другой день, наканунѣ выступленія полка, что мнѣ и удалось исполнить. Выступили мы изъ Слонима 30 октября при сносной погодѣ, но уже 1 ноября сильно похолодѣло и начались морозы.

Въ Кобринъ на Брестъ-Литовское шоссе мы пришли 7-го ноября. Этотъ переходъ отъ Слонима до Кобрина былъ очень непріятенъ, вслѣдствіе значительныхъ морозовъ безъ снѣга. Вѣдь мы шли въ походѣ въ каскахъ и кирасахъ, которыя въ лѣтнее время держали насъ въ постоянномъ поту, а при значительныхъ морозахъ, доходившихъ до 12° градусовъ, на головѣ чувствовались точно тиски, а подъ кирасу можно было подъ сюртукъ надѣть только легкую фуфайку, да сверхъ сюртука простую солдатскую шинель, впервые установленную для офицеровъ въ Крымскую кампанію. Ничего больше на себя надѣть нельзя было изъ-за кирасъ, которыхъ обѣ половины обязательно должны были сходиться. Отъ холода, чтобы не мерзли ноги, мы ихъ обматывали внутри сапога мягкой бумагой, а стремена суконной кромкой. Трубы были обмотаны суконными кромками, но это не всегда помогало. На приказъ трубить сигналъ, трубачи иногда, при всемъ стараніи, не могли извлечь никакого звука.

Другое неудобство этого перехода были плохія помѣщенія на стоянкахъ. Одно мнѣ очень памятно: пришлось помѣститься въ полевой корчмѣ на перекресткѣ двухъ дорогъ; въ этой корчмѣ были двѣ комнаты, въ одной помѣстились мы, пятеро офицеровъ, въ другой люди и кухня.

Послѣ перехода, усталые, мы ложились спать на нѣсколько часовъ, просыпаясь къ обѣду. Въ этой корчмѣ, когда разставили наши пять кроватей, онѣ сплошь наполнили небольшую комнату; негдѣ было поставить стула; когда мы проснулись, то пришлось убрать центральную кровать, чтобы установить нашъ складной обѣденный столъ.

Но еще хуже оказались два послѣдніе перехода изъ Кобрина въ Брестъ-Литовскъ 8 и 9 ноября. На шоссе при 12° мороза и безснѣжіи была страшная гололедица, и лошади падали, что вынудило насъ эти два перехода пройти пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. Наконецъ, придя въ Брестъ-Литовскъ 9 ноября, мы были вознаграждены за долгія невзгоды. Нашли теплыя и просторныя квартиры въ предмѣстіи и очень горячій пріемъ въ крѣпости у коменданта, генерала Бартоломея, который оказался товарищемъ всѣхъ нашихъ старшихъ офицеровъ. Въ Брестѣ мы пробыли 9, 10 и 11 ноября и, между прочимъ, комендантъ Бартоломей не преминулъ воспользоваться нашимъ присутствіемъ и устроилъ очень оживленный балъ.

12 ноября мы выступили изъ Бреста и въ тотъ же день пришли и размѣстились на зимнія квартиры въ г. Бялѣ и его окрестностяхъ, Люблинской губерніи.

Штабъ нашего полка былъ расквартированъ въ городѣ Бялѣ на шоссе отъ Бреста на Варшаву. Эскадроны были размѣщены въ селахъ въ окрестностяхъ города. На долю 4-го эскадрона выпало довольно большое село Пнщацъ. Тамъ жилъ помѣщикъ средней руки; въ его усадьбѣ былъ довольно большой домъ, въ которомъ онъ уступилъ нѣсколько хорошихъ комнатъ для офицеровъ; ихъ заняли полковникъ А. Н. Тепловъ и

Князь **Н. В. Репнинъ** (кавалергардомъ).

старшіе офицеры А. В. Шереметевъ и П. И. Скоропадскій. Насъ же троихъ—меня, С. А Лаппо-Данилевскаго и В. П. Шереметева помѣстили въ селѣ на площади, въ еврейской корчмѣ; у насъ была одна большая комната и за нею двѣ коморки, которыя по жребію достались Лаппѣ и Шереметеву; я помѣщался въ большой комнатѣ; но, чтобы обособиться, я, при помощи легкихъ ситцевыхъ перегородокъ, раздѣлилъ ее на двѣ части и получилъ такимъ образомъ спальню и общую столовую. Нельзя сказать, чтобы наше помѣщеніе было привлекательно, и потому мы часто уѣзжали въ городъ, а иногда въ отпускъ на нѣсколько дней въ Брестъ-Литовскъ.

Въ смежности съ нашимъ помѣщеніемъ, въ другой половинѣ дома, за стѣной, у которой стояла моя кровать, жила вся многочисленная семья еврея-корчмаря — человѣкъ пятнадцать и, когда ночью тамъ поднимался шумъ, неоднократно приходилось кулакомъ ударять въ стѣну, чтобы добиться отъ сосѣдей тишины.

Брестъ-Литовскій комендантъ Бартоломей нѣсколько разъ устраивалъ балы, на которые мы охотно ѣздили, благодаря отличному шоссе и хорошимъ почтовымъ лошадямъ.

Передъ масляной многихъ изъ насъ отпустили въ Варшаву, развлечься въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Тамъ я засталъ дальнихъ родственниковъ, изъ нихъ больше всего я бывалъ въ семьѣ Андро; онъ былъ президентомъ города Варшавы и жилъ въ казенномъ домѣ, напротивъ Большого театра. Жена его Анна Алексѣевна, рожденная Оленина, была троюродной сестрой моего отца, у нихъ было три дочери — старшая очень умная и бойкая— Александра, которую звали Лала, вторая Софія — la belle Sophie и меньшая Антонія (Нетка) и сынъ Мими. Старшей было тогда лѣтъ 12. Другіе болѣе отдаленные родственники были Протасовы: онъ самъ, Николай Яковлевичъ, адъютантъ фельдмаршала князя Паскевича, жена его Елизавета Дмитріевна, рожденная Васильчикова, дочь троюроднаго брата моей бабушки Репниной; у нихъ была одна дочь Александра (Лина). Посѣщали мы театры и балы, изъ которыхъ памятны мнѣ болѣе всего два: одинъ большой, данный городскимъ управленіемъ, подъ названіемъ редутъ; другой у графа Константина Браницкаго и его жены графини Гедвиги, рожденной гр. Потоцкой, въ ихъ великолѣпной усадьбѣ Фраскати, около Лазенокъ.

Начался балъ, какъ всегда, а окончился довольно необыкновенно, около 10 часовъ утра. Кромѣ обыкновенныхъ танцевъ, послѣ мазурки поужинали, а послѣ котильона протанцовали вторую мазурку, около 4 час. утра, и мы стали собираться уѣзжать, но это оказалось невозможнымъ: наружная дверь была заперта и графиня положила ключъ въ свой карманъ. Пришлось подчиниться и продолжать хореографическія упражненія. На этомъ балу выдѣлялась красотой дѣвица Муханова, отецъ которой занималъ высокій постъ въ управленіи Царства Польскаго и былъ женатъ на графинѣ Мощинской; дочь ихъ была очень бойкой и отлично танцовала мазурку. Она вышла замужъ за князя Александра Алексѣевича Щербатова, впослѣдствіи бывшаго Московскимъ городскимъ головой. Двѣ другія красавицы были сестры графини Симоничъ, обѣ тогда вышедшія замужъ за двухъ конногвардейскихъ офицеровъ: старшая, у которой были совершенно бѣлыя волосы, за графа Виктора Егоровича Канкрина, младшая небольшого роста, но бывшая еще красивѣе сестры,—за князя Павла Павловича Голицына.

Къ утру, когда разсвѣло, мы протанцовали третью мазурку, но насъ еще не отпустили, накормили утреннимъ отличнымъ ужиномъ и только послѣ того насъ освободили.

Вдругъ въ разгаръ сезона, 19 февраля получается въ Варшавѣ ошеломившее всѣхъ извѣстіе о смерти Государя Николая Павловича. Фельдмаршаломъ княземъ Паскевичемъ сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи всѣхъ офицеровъ къ своимъ частямъ и принесеніи тамъ присяги на вѣрность службу молодому Императору.

По возвращеніи въ полкъ пошла монотонная гарнизонная служба; до весны на мѣстахъ стоянокъ эскадроновъ вслѣдствіе распутицы нельзя было производить ученія, и потому было разрѣшено офицерамъ до Пасхи на собственный счетъ переселиться въ городъ, чѣмъ многіе и воспользовались, а я однимъ изъ первыхъ, чтобы хотя на время избавиться отъ нашей корчмы. Мѣстомъ, гдѣ собирались въ Бялѣ наши офицеры, была довольно хорошая цукерня, гдѣ усиленно играли на билліардѣ; въ этой игрѣ особенно отличался Николай Павловичъ Граббе, одинъ изъ симпатичныхъ нашихъ товарищей, котораго мы всѣ называли Граббишъ. Тамъ же устраивались и общіе обѣды, которые проходили не безъ выпивки. Пальму первенства въ этомъ отношеніи надо было отдать четыремъ конногвардейскимъ офицерамъ, которые вмѣсто Мендзержица, ихъ штабной стоянки, облюбовали для обильныхъ возліяній Бахусу Бялу и иную, чѣмъ наша, цукерню.

Много играли тогда въ пикетъ и ландскнехтъ, но это происходило большею частью на квартирѣ кого-либо изъ насъ.

Въ Бялѣ была небольшая рѣчка и за нею находились развалины замка, отъ котораго сохранилась и верхняя часть съ большимъ заломъ, куда можно было проникнуть съ опасностью, по полуобвалившейся лѣстницѣ.

Въ городскомъ костелѣ былъ гробъ Іосафата Кунцевича съ застекленнымъ отверстіемъ противъ головы; чрезъ него было видно бѣлое, точно восковое лицо. Ксендзы говорили, что тѣло его хорошо сохранилось, но мнѣ кажется, что это была искусственная поддѣлка.

Въ апрѣлѣ я получилъ отъ матери извѣстіе о смерти въ Москвѣ моего дядюшки, графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородки, скончавшагося тамъ черезъ семь недѣль послѣ смерти своего брата графа Григорія Григорьевича Кушелева.

Въ 1854 году вскорѣ послѣ нашего выступленія въ походъ, отецъ купилъ мнѣ парадера, завода Дирина, Гектора, высокихъ кровей, заплативши за него 2000 руб., и прислалъ мнѣ его въ полкъ. Хотя онъ и былъ выѣзженъ, но при многочисленныхъ моихъ попыткахъ на немъ ѣздить оказалось, что эта ѣзда было одно мученіе—онъ безпрестанно становился на дыбы. Таскалъ я его съ собой до Бялы, и тамъ онъ стоялъ у меня безъ пользы. Родители совѣтывали мнѣ послать его на продажу въ Варшаву, но по нѣкоторымъ признакамъ, какъ опрокидываніе въ конюшнѣ, оказалось, что онъ боленъ колеромъ, и пришлось его пристрѣлить.

Лѣтомъ 1855 года стало яснымъ, что Австрія не примкнетъ къ союзникамъ, которые заняты были осадой Севастополя и бомбардировкой другихъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, а англійскій флотъ сосредо-

точилъ всю свою дѣятельность въ Балтійскомъ морѣ. Поэтому было рѣшено въ концѣ іюля вывести гвардію изъ Царства Польскаго и размѣстить ее въ Литвѣ.

До выступленія нашего изъ Бялы я получилъ отъ матери два письма, извѣщавшія о смерти 2 іюля тетеньки Ел. Ник. Кривцовой съ подробнымъ описаніемъ ея болѣзни, кончины и похоронъ.

Мы выступили изъ Бялы 20 іюля на Мендзержицъ и Сѣдлецъ. Здѣсь мы покинули шоссе и пошли отвратительными грунтовыми дорогами по направленію къ Ломжѣ. Къ этому присоединились постоянные ливни, и мы приходили на отвратительные ночлеги промокшими до костей, такъ какъ дождь скатывался съ каски прямо за воротникъ сюртука. Эти условія пагубно отразились на здоровьѣ войскъ, развился сильный, скоротечный и смертельный тифъ. Въ особенности тифъ далъ себя знать при переходѣ черезъ западный Бугъ у Нура. Изъ Кирасирской дивизіи первымъ эшелономъ шли синіе кирасиры, потомъ желтые, за ними конногвардія и послѣдними кавалергарды. 23 іюля мы были въ Сѣдлецѣ, а 27 перешли черезъ Бугъ; здѣсь, на правомъ берегу, въ отдѣльно стоящемъ домѣ, былъ устроенъ полевой лазаретъ. Въ немъ по-очереди легли заболѣвшіе тифомъ офицеры, изъ которыхъ со всей кирасирской дивизіи тамъ же умерло тринадцать человѣкъ. Наконецъ, мы выбрались изъ этой негостепріимной мѣстности и вступили на шоссе и черезъ Остроленку прибыли въ Ломжу 8-го августа и въ этомъ хорошенькомъ городкѣ оправлялись отъ трудныхъ переходовъ. Отдохнувши, мы отправились далѣе, при установившейся хорошей погодѣ. Черезъ Августово, Сувалки и Кальварію пришли мы въ Маріамполь. Около Кальваріи проходили мы по очень живописной мѣстности. Наконецъ, перейдя по пловучему мосту черезъ Нѣманъ, вошли мы въ Ковну. Очень живописны возвышенные берега Нѣмана напротивъ Ковны. Съ этихъ возвышенностей наблюдалъ въ 1812 г. Наполеонъ за переправой своей арміи. Въ Ковнѣ мы имѣли дневку и намъ устроенъ былъ вечерній пріемъ въ мѣстномъ собраніи. Здѣсь очень интереснымъ было зданіе одной церкви, въ которомъ когда-то было языческое капище.

Мы выступили изъ Ковно къ мѣсту нашей новой стоянки, 22-го у Янова переправились черезъ Вилію, а 24-го пришли въ Вилькомиръ, уѣздный городъ на шоссе. Въ немъ размѣстился штабъ полка, а эскадроны были расквартированы по окрестнымъ селамъ. Нашъ эскадронъ расположенъ былъ въ 7 верстахъ отъ города и потому хотя мы иногда и ночевали въ нашей деревенской квартирѣ, но очень часто пріѣзжали въ городъ. Въ немъ поселились бригадный генералъ Туманскій съ женой и Родзянко, командиръ эскадрона, женатый на Черевиной.

Всѣ эти семейные офицеры часто собирали у себя офицеровъ, и мы сносно проводили время.

Въ Вилькомирѣ жилъ уѣздный предводитель дворянства Костко, большой хлѣбосолъ, который часто приглашалъ офицеровъ на обѣды.

Кухня была у него сносная, но когда случалась у него дичь, то за жаркимъ трудно было усидѣть, до того она была у него ультра faisandée. Онъ приказывалъ прислугѣ всю дичь въ перѣ вѣшать за хвостъ въ отхожемъ мѣстѣ и только тогда признавалъ ее годной для стола, когда она отваливалась. Помѣщиковъ въ Вилькомирѣ мы не знали и не видали, потому что въ окрестностяхъ были или бѣдные крестьяне, или громадныя имѣнія мѣстныхъ магнатовъ, въ своихъ имѣніяхъ не жившихъ.

Осенью въ Вилькомирѣ былъ наборъ рекрутъ. Никогда еще не видѣвшій этой процедуры, я ходилъ въ присутствіе смотрѣть на осмотръ и былъ заинтересованъ наружнымъ обликомъ какъ новобранцевъ, такъ и ихъ семейныхъ сородичей. Въ то время въ этой мѣстности все мужское населеніе волосъ не стригло и у нѣкоторыхъ волоса были длинными, какъ у женщинъ. Въ то время на службу поступали на 25 лѣтъ, и потому плачъ былъ всеобщій, а лишенный своей гривы юноша дѣлался неузнаваемымъ для своихъ близкихъ.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября 1855 года нашъ полковой адъютантъ графъ Владиміръ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, занявшій эту должность послѣ ухода въ 1854 г. Николая Аркадьевича Болдырева, получилъ отпускъ въ Петербургъ, и мнѣ было приказано временно исполнять должность полковаго адъютанта. Вслѣдствіе этого я окончательно переселился въ городъ, гдѣ начались мои ежедневные доклады графу Бреверну-де-ла-Гарди. Не смотря на его суровую внѣшность и кажущуюся непривѣтливость, онъ былъ въ обращеніи съ подчиненными отмѣнной вѣжливости и мнѣ ни разу не пришлось сѣтовать на его отношеніе ко мнѣ. Во время моего адъютантства пришлось мнѣ неоднократно заниматься обученіемъ трубачей, что не было особенно пріятно — при нѣкоторыхъ безусловно способныхъ музыкантахъ, было немало лишенныхъ всякаго слуха, и часто получалась страшная какофонія. Приходилось ихъ останавливать и требовать болѣе исправнаго исполненія.

Въ январѣ 1856 г. возвратился въ Вилькомиръ Пушкинъ и вступилъ въ исправленіе своей должности, а я вскорѣ воспользовался отпускомъ и поѣхалъ въ Петербургъ на нѣсколько недѣль для свиданія съ родными. Съ матерью я не видѣлся три съ лишнимъ года, за исключеніемъ пяти дней, проведенныхъ съ нею около Нарвы вскорѣ послѣ выступленія нашего изъ Петербурга.

Во время моего пребыванія въ Петербургѣ я бывалъ, кромѣ семейнаго круга, и въ обществѣ,—но танцы начались только на масляницѣ, по окончаніи траура по Николаѣ I. Тогда же былъ я на первомъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ и былъ пораженъ перемѣной въ наружномъ обликѣ Государя Александра II, котораго я въ послѣдній разъ видѣлъ Наслѣдникомъ Престола. Тогда же состоялась и свадьба Великаго Князя Николая Николаевича съ принцессой Александрой Петровной Ольденбургской. При обратномъ шествіи изъ церкви было разбито зеркальное стекло въ галлереѣ около Николаев-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ
С.С.С.Р.

скаго зала и суевѣрные люди говорили, что это на счастіе, что однакожъ не оправдалось впослѣдствіи.

По возвращеніи изъ Петербурга въ началѣ марта наша жизнь въ Вилькомирѣ потекла также однообразно, какъ прошлой осенью, съ той только разницей, что съ открытіемъ весны мы вынуждены были изъ города переселиться въ наши эскадронныя стоянки, гдѣ начались эскадронныя ученья въ виду предстоявшаго смотра корпуснымъ командиромъ. Этотъ смотръ состоялся въ апрѣлѣ. На него мы явились прямо изъ нашихъ стоянокъ на плацъ въ Вилькомиръ, по довольно грязной дорогѣ отъ недавно бывшихъ дождей. Производилъ смотръ командиръ гвардейскаго корпуса Родіонъ Егоровичъ Гринвальдъ и смотръ прошелъ въ общемъ благополучно, для всѣхъ, за исключеніемъ нашего эскадроннаго командира А. Н. Теплова, котораго ген. Гринвальдъ посадилъ на сутки подъ арестъ за то, что у него красно-бѣлая подпруга сѣдла оказалась забрызганной грязью. Спрашивается: какимъ образомъ возможно было избѣгнуть этихъ брызгъ, пройдя семь верстъ верхомъ по грязной дорогѣ?

Другой эпизодъ произошелъ при проѣздѣ чрезъ Вилькомиръ изъ-за границы въ Петербургъ королевы Нидерландской Анны Павловны. Я въ этотъ день стоялъ на дежурствѣ съ карауломъ на гауптвахтѣ на площади, обсаженной кругомъ деревьями. Гауптвахта была отдѣлена отъ шоссе всей шириной площади, во всю ширину гауптвахты, свободной отъ посадокъ. Когда четырехмѣстная карета королевы показалась, я вышелъ съ карауломъ и отдалъ честь, но тутъ произошла неожиданность: карета остановилась напротивъ гауптвахты, окно опустилось, королева стала противъ окна и присѣла, а потомъ поѣхала дальше.

Миръ былъ заключенъ 30 марта 1856 года, а 27 апрѣля мы выступили изъ Вилькомира по направленію къ Москвѣ, гдѣ въ концѣ августа предстояла коронація. На второмъ переходѣ отъ Вилькомира нашему эскадрону пришлось квартировать въ большой помѣщичьей усадьбѣ. Въ ней была большая зала, обитая полосатой матеріей съ синими, красными и желтыми полосами; само по себѣ тутъ ничего страннаго не было, но курьезъ проявился, когда самъ владѣлецъ вышелъ въ полосатомъ жилетѣ этихъ трехъ цвѣтовъ.

5 мая мы прибыли въ Динабургъ, гдѣ имѣли дневку. Вечеромъ прибыла Императрица Александра Ѳеодоровна, нашъ шефъ, а 6-го числа былъ у нея Высочайшій пріемъ и baise-main. На другой день полкъ выступилъ изъ Динабурга, но я и мой товарищъ графъ Карлъ Толль, назначенные квартирьерами, выѣхали изъ Динабурга еще 6-го числа. Мы сначала ѣхали вмѣстѣ для приготовленія расквартированія полка, но послѣ перваго этапа пришлось вполнѣ измѣнить нашу тактику.

Дѣло въ томъ, что маршруты и дислокація для размѣщенія полка и его эскадроновъ на стоянкахъ, сообщаемыя намъ квартирмейстеромъ нашей дивизіи, весьма рѣдко совпадали съ дѣйствительностью, а большею частью

разница была такъ велика, что намъ приходилось самимъ разыскивать помѣщенія, измѣрять ихъ и составлять свою дислокацію. Для исполненія этой цѣли и обезпеченія ночлежныхъ пунктовъ для различныхъ частей полка, нужно было не менѣе двухъ сутокъ впередъ. По этимъ соображеніямъ мы съ Толлемъ распредѣлили между собою поѣздку такимъ образомъ: одинъ изъ насъ оставался въ районѣ завтрашней стоянки полка, занимался распредѣленіемъ квартиръ и встрѣчалъ полкъ; другой продолжалъ свой путь до слѣдующей стоянки, соображалъ, получивъ дислокацію, о возможности примѣнить ее въ дѣйствительности или о необходимости ее измѣнить по наличности условій мѣстности и возвращался къ первому для обѣда, который при возникшихъ затрудненіяхъ отодвигался иногда до полночи. Для слѣдующаго этапа, первый изъ насъ, встрѣтивши полкъ, уѣзжалъ тотчасъ на два перехода впередъ и занимался тамъ новой дислокаціей. Такимъ образомъ, мы съ Толлемъ чередовались въ теченіе двухъ недѣль, на которыя продлилась наша квартирьерская служба, голодая днемъ, если не встрѣчался гдѣ-либо гостепріимный становой. Въ особенности это случалось съ тѣмъ изъ насъ, который выѣзжалъ впередъ, потому что, не намѣтивши будущую дислокацію, рисковано было возвращаться къ своему очагу. Наши люди и кухня подвигались впередъ только на одинъ переходъ.

Затрудненія у насъ возникали двоякаго рода. Очевидно, у генеральнаго штаба того времени были невѣрныя карты и такія же статистическія свѣдѣнія. Напримѣръ, былъ такой случай: по дислокаціи всѣ эскадроны полка должны были находиться кругомъ штаба въ районѣ нѣсколькихъ верстъ, въ дѣйствительности оказалось, что намѣченныя поселенія дѣйствительно находились близко отъ штаба полка *по птичьему полету*, а въ дѣйствительности до нихъ было тридцать верстъ, вслѣдствіе непроходимаго болота, находившагося между этими двумя мѣстностями, и не разъ пришлось растягивать размѣщеніе полка на тридцать верстъ, при чемъ задній эскадронъ, послѣ перехода, не доходилъ до предыдущей стоянки головного эскадрона.

Другое затрудненіе происходило отъ полнаго несоотвѣтствія размѣровъ помѣщеній съ предположеніями генеральнаго штаба. Тутъ большую роль играла малая населенность въ эту эпоху Витебской и Смоленской губерній. Въ лѣсной части, въ сторонѣ отъ большой дороги, посреди густого лѣса были одинокія усадьбы, съ большими сараями, старообрядцевъ, чуждавшихся общенія съ православными. Помнится, что мнѣ пришлось подъѣхать къ такой усадьбѣ, гдѣ по дислокаціи можно было расквартировать два эскадрона, а по измѣреніи оказалось возможнымъ помѣстить только два взвода. Пришлось отыскивать станового для указанія недостающаго помѣщенія еще на шесть взводовъ. Съ утра я ничего не ѣлъ, этотъ становой напоилъ меня чаемъ, указалъ новый поселокъ, и я вернулся обѣдать въ два часа по полуночи.

Такой же случай приключился со мною въ уѣздномъ городѣ Дриссѣ.

Въ этомъ бѣдномъ уѣздномъ городкѣ была предположена стоянка для штаба полка со всѣми его учрежденіями и для лейбъ-эскадрона.

Въ дѣйствительности оказалось возможнымъ размѣстить только полкового командира, адъютанта, канцелярію, казначея и трубаческую команду. Отправился я верхомъ съ моей командой квартирьеровъ за поисками поселеній въ лѣсистой мѣстности, гдѣ не было большихъ селъ; кое-какъ я могъ составить новую дислокацію, раздѣляя каждый эскадронъ на нѣсколько частей. Не все еще было обезпечено, когда мнѣ указали усадьбу богатаго помѣщика Щуки, гдѣ будто бы могло найтись помѣщеніе для цѣлаго эскадрона и его офицеровъ. Подъѣзжаемъ—ворота заперты и калитка тоже. У калитки звонокъ; приказалъ унтеръ-офицеру позвонить—выходитъ прислуга; прошу доложить—приходятъ съ отвѣтомъ, что не приказано принимать и что нѣтъ помѣщенія для войска. Тогда посылаю мою карточку и прошу принять меня лично—такой же отвѣтъ. Пришлось мнѣ продолжать поиски, а на другой день я доложилъ полковому командиру о враждебныхъ дѣйствіяхъ г-на Щуки. Занимались мы этой неблагодарною работой до Дриссы, послѣ чего насъ вернули во фронтъ. Въ Дриссѣ мы были 12 мая. Оттуда добрались къ 16 мая въ Полоцкъ, который и тогда былъ порядочнымъ городомъ, съ большимъ зданіемъ кадетскаго корпуса и большимъ соборомъ; то и другое было передѣлано изъ іезуитской коллегіи и костела.

23 мая мы пришли въ Витебскъ, гдѣ имѣли дневку; здѣсь насъ принималъ и угощалъ М. А. Храповицкій, губернскій предводитель—товарищъ нашихъ старшихъ офицеровъ. Городъ показался намъ довольно красивымъ. Далѣе мы проходили чрезъ Порѣчье 30 мая, Духовщину 4 іюня, Дорогобужъ 9-го. Мы шли по старой Смоленской дорогѣ. Эта часть похода оставила во мнѣ мало воспоминаній. Однако же преобладающее впечатлѣніе—это курная изба, гдѣ часто приходилось намъ, младшимъ офицерамъ, помѣщаться на ночлегахъ и дневкахъ. Въ то время въ Смоленской губерніи эти избы преобладали. Въ нихъ не было трубъ; дымъ изъ варистой печи стлался подъ потолкомъ сплошнымъ слоемъ; этотъ слой часто опускался такъ низко, что, лежа на походной кровати, спящій находился внѣ дыма, но если сядетъ въ постели, то голова попадала въ дымовой слой. Очевидно, внѣ сна мы проводили все время внѣ избы. Единственная выгода курныхъ избъ было отсутствіе таракановъ и другихъ насѣкомыхъ. Въ довольно красивомъ городѣ Вязьмѣ, куда мы пришли 15-го іюня, насъ встрѣтили отъ города не съ хлѣбомъ и солью, а съ громаднымъ вяземскимъ пряникомъ.

Потомъ мы вступили въ Московскую губернію. 25 іюня были мы въ Можайскѣ. Мы воспользовались дневкой, посѣтили Бородинское поле сраженія и въ монастырѣ, еще живую въ то время, игуменью Тучкову, вдову павшаго въ Бородинскомъ сраженіи героя 12 года Тучкова. Были мы на обѣдѣ и потомъ катались на лодкахъ въ недалекомъ оттуда имѣніи И. Пашкова, женатаго на Н. А. Долгоруковой. 27-го пришли мы въ Кубинку,

а 28-го—въ имѣніе князя Голицына Кагулъ, гдѣ помѣстились въ великолѣпномъ, но довольно пустомъ и заброшенномъ владѣльцемъ дворцѣ.

Наконецъ, послѣдняя наша стоянка передъ Москвой была въ Филяхъ, гдѣ мы посѣтили историческую избу Кутузова и замѣчательную по своей архитектурѣ церковь, построенную Нарышкиными, а 3 іюля вступили въ Москву, гдѣ полкъ размѣстили на Москворѣчьи за Крымскимъ бродомъ, недалеко отъ Нескучнаго, въ обширныхъ зданіяхъ пустовавшей фабрики Титовыхъ.

Здѣсь весь офицерскій составъ, начиная отъ полкового командира, былъ расквартированъ въ большомъ трехъ этажномъ зданіи. Для молодыхъ офицеровъ былъ отведенъ третій этажъ; въ огромныхъ длинныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ прежде были прядильныя машины, было понастроено изъ деревянныхъ досчатыхъ перегородокъ, не доходившихъ до потолка, цѣлый рядъ конурокъ болѣе походившихъ на стойла, чѣмъ на комнаты. Въ такомъ помѣщеніи намъ предстояло прожить три мѣсяца. Поэтому большинство изъ насъ жило въ болѣе центральныхъ частяхъ Москвы и мы ночевали въ Титовскихъ казармахъ только наканунѣ раннихъ смотровъ и ученій...

Князь Н. Репнинъ.

Полвѣка назадъ [1]).

(ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

Въ одномъ году съ судебною реформою, о которой наше Общество недавно выслушало блестящій рефератъ высокоталантливаго А. Ф. Кони, положено начало другой хотя менѣе замѣтной для широкой публики, но одинаково благотворной финансово-контрольной реформѣ.

Съ 1 января 1864 г. въ Петроградѣ было введено единство кассы и установленъ новый порядокъ ревизіи, документальной и современной, а затѣмъ въ апрѣлѣ того же года произведенный опытъ было Высочайше повелѣно распространить на три военныхъ округа, обнимавшіе 12 губерній, съ открытіемъ въ нихъ первыхъ контрольныхъ палатъ съ отдѣленіями. На первыхъ порахъ эта реформа надѣлала не мало шума и имя ея творца, В. А. Татаринова, переходило изъ устъ въ уста какъ у приверженцевъ реформы, такъ и у ея враговъ. Даже съ театральныхъ подмостковъ слышались тогда куплеты про единство кассы. Но вотъ прошло съ того времени 50 лѣтъ, и въ текущемъ году ни одна большая газета не обмолвилась, на сколько намъ извѣстно, ни единымъ словомъ по поводу этого юбилея и не возстановила въ народной памяти имени ея главнаго виновника. Случилось это, быть можетъ, потому, что на всю Имперію новый контрольный порядокъ былъ распространенъ лишь въ 1866 г., почему и юбилейное торжество предполагается пріурочить къ 1916 г. Но, во всякомъ случаѣ, за всѣ протекшія 50 лѣтъ въ печати если и появлялись статьи, касавшіяся самаго существа реформы, то однакожъ полной біографіи ея творца, В. А. Татаринова, и понынѣ не издано. Имя его только вскользь упомянуто въ книгѣ А. А. Головачева, наиболѣе подробно разобравшаго существо данной реформы («Десять лѣтъ реформы—1861—1871 г.»), а изъ числа замѣтокъ лично о самомъ Татариновѣ намъ извѣстны лишь слѣдующія: статейка подъ заглавіемъ «В. А. Татариновъ», напечатанная въ № 47 «Биржевыхъ Вѣдомостей» 1871 г. въ самый день погребенія его тѣла; рѣчь,

---

[1]) Авторъ настоящей статьи, Николай Николаевичъ Мамантовъ,—одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ Императорскаго Общества Ревнителей Исторіи. Онъ родился въ 1837 г., окончилъ Петроградскій университетъ въ 1857 г. Служилъ въ Государственномъ Контролѣ и Морскомъ Министерствѣ, гдѣ составилъ счетно-судовой уставъ. Въ 1897 г. назначенъ сенаторомъ. Нынѣ—дѣйствительный тайный совѣтникъ; состоитъ Товарищемъ Предсѣдателя Императорскаго Общества спасанія на водахъ. *Ред.*

произнесенная ближайшимъ сподвижникомъ покойнаго, М. Н. Островскимъ при его прощаніи въ 1878 г. съ контрольными чинами, и выдержки изъ служебнаго формуляра Татаринова, помѣщенныя въ исторіи государственнаго контроля, изданной по случаю исполнившагося въ 1911 г. столѣтія этого учрежденія. Въ этомъ послѣднемъ изданіи В. А. названъ выдающимся «государственнымъ человѣкомъ и честнымъ дѣятелемъ, имя котораго навсегда сохранится въ исторіи». Тѣмъ не менѣе, повторяю, до сего времени никѣмъ не написано и не издано полной его біографіи. Трудъ этотъ было бы, конечно, всего легче исполнить ближайшему сотруднику покойнаго статсъ-секретарю М. Н. Островскому, но онъ почему то за этотъ трудъ не взялся. Другой же современникъ, Т. И. Филипповъ, считавшій себя лучшимъ контрольнымъ стилистомъ и позднѣе занявшій постъ государственнаго контролера, съ пренебреженіемъ отнесся къ вышеупомянутой краткой замѣткѣ, вышедшей въ день погребенія, заявивъ, что о Татариновѣ слѣдуетъ писать или очень много, или ничего, и обѣщавъ составить, по собраннымъ имъ матеріаламъ полную біографію Татаринова, обѣщанія этого однакожъ не исполнилъ. Между тѣмъ В. А. Татариновъ, какъ сподвижникъ Императора Александра II въ періодъ великихъ преобразованій, такой біографіи болѣе чѣмъ заслуживалъ, и теперь, черезъ 43 года послѣ его смерти, написать такую біографію, если и не легко, то доступно во всякомъ случаѣ для современныхъ контрольныхъ дѣятелей, которымъ открыты дѣла и архивы Государственнаго Контроля. Надо надѣяться, что такой дѣятель найдется хотя бы къ будущему юбилею самой реформы 1916 г. или ко дню столѣтія въ томъ же году со дня рожденія ея творца. Я же съ своей стороны, гордясь своею службою при покойномъ В. А., но уже давно покинувъ Государственный Контроль, взяться за такой сложный трудъ не берусь и могу предпослать ожидаемой біографіи лишь нѣкоторыя отрывочныя данныя изъ жизни покойнаго, преимущественно за тотъ ея періодъ, въ которомъ мнѣ посчастливилось стать довольно близко къ знаменитому реформатору финансово-контрольной части Имперіи. Буду вполнѣ вознагражденъ за свой небольшой трудъ, если онъ не пройдетъ незамѣченнымъ для будущаго біографа Татаринова.

Началомъ блестящей карьеры Татаринова послужила его командировка въ 1845 г. въ Тамбовъ для приведенія въ порядокъ отчетности мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія. Со словъ современниковъ могу засвидѣтельствовать, что эта командировка была дана Татаринову не потому, что уже въ то время цѣнились его выдающіяся способности и рѣдкое трудолюбіе, какъ говорится въ исторіи Государственнаго Контроля, а только благодаря простой случайности. По сдѣланному запросу во всѣ тогдашнія части Государственнаго Контроля, желающихъ ѣхать въ ту командировку не оказывалось. Услышавъ объ этой неудачѣ, Татариновъ, тогда скромный и незамѣтный труженикъ, предложилъ свои услуги. Предложеніе это было принято съ недовѣріемъ, усмѣшками и лишь въ виду безвыходнаго для дѣла положенія. Поэтому понятно, что на вопросъ одного изъ

тогдашнихъ директоровъ о томъ лицѣ, которое поѣдетъ въ Тамбовъ, ближайшій начальникъ Татаринова, презрительно указавъ на него, пояснилъ такъ: «да вотъ этотъ долговязый!» И вотъ этотъ-то долговязый и обнаружилъ исполненіемъ порученія тѣ выдающіяся способности, которыя позднѣе создали ему извѣстность и славу.

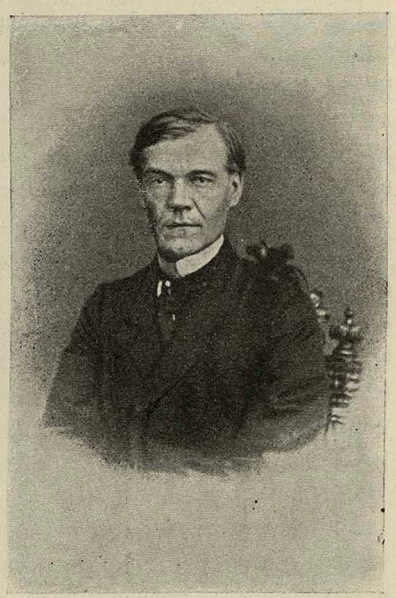
Въ числѣ его достоинствъ, но уже послѣ его смерти, восхвалялась и въ печати, и устами современниковъ, и наконецъ Государственнымъ Совѣтомъ необычайная его бережливость при расходованіи государственныхъ средствъ, но нигдѣ, кажется, и ни разу не было упомянуто о томъ, что чувство бережливости было не напускное для пріобрѣтенія дешевой популярности въ чиновномъ быту, но прирожденное и наглядно проявлявшееся прежде всего въ его домашней жизни. Между тѣмъ эту отличительную черту называли при жизни его даже скаредностью, а въ доказательство приводили, что каждый рябчикъ подавался за его столомъ разрѣзаннымъ будто бы обязательно на четыре доли. Утверждать этого я не могу, такъ какъ за его обѣдами не бывалъ, но не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ, получая деньги мѣдною монетою которая была въ концѣ 60-годовъ въ большомъ ходу, онъ обязательно раскрывалъ каждый полученный свертокъ и самымъ терпѣливымъ перечетомъ убѣждался, находится ли въ сверткѣ дѣйствительно та самая сумма мѣдяками, которая значится въ надписи. При ежемѣсячныхъ расплатахъ съ булочною, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ подчиненнаго чиновника, Татариновъ обыкновенно спрашивалъ камердинера: «а были ли вычтены булочникомъ законные проценты?» или въ другой разъ: «а что дано булочникомъ на прибавку?» Эти вопросы не могли быть пріятны его прислугѣ, и вотъ она то, не понимая истиннаго смысла такихъ вопросовъ, распускала молву о скаредности своего барина.

За время его управленія Государственнымъ Контролемъ ни гостей, ни пріемовъ у него не водилось, и парадныя комнаты почти не открывались. Да и о друзьяхъ, подходящихъ къ нему по ихъ служебному положенію, что-то не было слышно. Его прямо боялись, какъ лица, покушавшагося на ихъ карманъ ограниченіемъ ихъ правъ на казенныя средства и выводомъ на свѣтъ Божій нечистыхъ дѣлишекъ. При такихъ условіяхъ, бывшая въ парадныхъ залахъ его квартиры казенная мебель за 8 лѣтъ (1863—1871) управленія Татариновымъ контрольнымъ вѣдомствомъ сильно обветшала. Поэтому преемникъ Татаринова, большой баринъ, А. А. Абаза, предпочелъ остаться въ своемъ домѣ на Фонтанкѣ, и никѣмъ не было сказано слова благодарности Татаринову за сохраненныя имъ для казны ремонтныя по дому деньги.

Единственнымъ платнымъ развлеченіемъ внѣ дома служила для Татаринова, страстнаго любителя музыки, итальянская опера, которую онъ посѣщалъ по средамъ. Но даже въ театрѣ онъ выходилъ въ антрактахъ въ фойе для дѣловой бесѣды съ тогдашнимъ министромъ финансовъ М. Х. Рейтерномъ, въ тѣ же среды абонированнымъ. Прочитавъ однажды въ газетѣ «Голосъ» непріятную для себя статью, онъ пожелалъ узнать имя ея автора.

Редакторъ «Голоса», зная, что Татариновъ бываетъ по средамъ въ Большомъ театрѣ, согласился назвать это имя не иначе какъ лично только самому Татаринову въ театрѣ, въ одинъ изъ оперныхъ антрактовъ. Пришлось Татаринову отъ своего желанія отказаться. «Если я только разъ пройдусь по залу вмѣстѣ съ Краевскимъ», рѣшилъ В. А., «то объ этомъ будетъ знать, черезъ его газету, весь городъ, и меня могутъ заподозрить въ какой-либо некорректной сдѣлкѣ съ печатью». Такъ имени автора упомянутой статьи Татариновъ и не узналъ.

Между тѣмъ къ Краевскому лично и къ его газетѣ Татариновъ относился съ уваженіемъ, и бывали случаи, что даже подчиненнымъ Татариновъ рекомендовалъ внимательно прочесть ту или другую изъ помѣщенныхъ статей, указывая при этомъ на ея дѣловитость и на прекрасный слогъ въ особенности.



В. А. Татариновъ.

Хорошій слогъ весьма цѣнился Татариновымъ и считался необходимою принадлежностью даже для сухихъ дѣловыхъ бумагъ. Самъ онъ писалъ коротко, ясно и литературно-красиво и всегда былъ готовъ принять къ себѣ на службу лицъ, свободно владѣющихъ перомъ. Лучшимъ писакой считался тогда въ Государственномъ Контролѣ Т. И. Филипповъ, и Татариновъ нерѣдко давалъ ему различнаго рода бумаги для улучшенія редакціи. Съ своей стороны, Т. И. Филипповъ такимъ почетомъ гордился и нерѣдко задерживалъ и исправлялъ бумаги только потому, что встрѣчалъ въ нихъ столь обычныя и въ чиновничьемъ міру понятныя выраженія въ родѣ: «надлежащій», «подлежащій» или «о послѣдующемъ увѣдомить». Филипповъ замѣнялъ эти слова длинно-описательными фразами, но, право, самой бумаги ими не улучшалъ.

Самолично В. А. только въ рѣдкихъ случаяхъ исправлялъ поступавшія на его просмотръ дѣловыя бумаги; обыкновенно же, не вполнѣ довольный изложеніемъ, возвращалъ бумагу къ ея составителю съ надписью «объясниться». Исполняя такое приказаніе, составитель получалъ словесно соотвѣтственныя указанія, и бумага исправлялась согласно выраженному Татариновымъ желанію. Бывали однакожъ, повидимому, и такіе случаи, когда имъ утверждались проекты бумагъ исключительно благодаря почерку, которымъ бумага была писана и къ которому онъ питалъ довѣріе. Такъ, мнѣ вспоминается случай, при которомъ проектъ совѣтскаго журнала, писанный рукою составителя, былъ дважды возвращаемъ безъ утвержденія и

безпрепятственно утвержденъ съ прежнимъ своимъ содержаніемъ, но лишь перебѣленный другой рукою, Татаринову близко знакомою.

При разъѣздѣ управляющихъ палатами по своимъ губерніямъ Татариновъ совѣтовалъ всѣмъ сокращать насколько возможно всякую переписку и стараться рѣшать спорные вопросы за стаканомъ чая. Очевидно, онъ упускалъ при этомъ изъ виду, что такіе стаканы чая обходятся въ губерніи недешево и могли бы оказаться для управляющихъ расходомъ непосильнымъ при ихъ, даже и по тогдашнему времени, скромномъ содержаніи. Въ центральныхъ же управленіяхъ Государственнаго Контроля переписка возросла до-нельзя, такъ что о стаканѣ чая въ столицѣ не могло быть и рѣчи, а работать въ первые годы дѣйствія единства кассы приходилось не за себя только, но и за другія вѣдомства, и за Министерство Финансовъ въ особенности. Всякое представленіе подчиненныхъ учрежденій, сколько-нибудь связанное съ единствомъ кассы, передавалось обязательно въ Государственный Контроль «на заключеніе», и только по полученіи отъ контроля этого заключенія, министерства издавали свои циркуляры или посылали отвѣты подчиненнымъ учрежденіямъ. Въ особенности часто поступали въ канцелярію Государственнаго Контроля запросы постороннихъ вѣдомствъ о томъ, не встрѣчается ли со стороны Государственнаго Контроля препятствій къ приведенію той или другой мѣры въ исполненіе. Такіе запросы поступали ежедневно десятками и нерѣдко по предметамъ весьма мелочнаго значенія. Но отвѣчать и на нихъ просто и коротко, одною фразою въ томъ смыслѣ, что къ приведенію данной мѣры въ исполненіе препятствій со стороны контрольнаго вѣдомства не встрѣчается, было строго воспрещено. Надлежало непремѣнно, слѣдуя усвоенной самимъ Татариновымъ практикѣ, давать свое согласіе въ трехъ періодахъ, начинающихся связующими частицами «хотя», «но» и «потому». При иномъ, краткомъ способѣ изложенія, училъ Татариновъ, лицо, получившее бумагу, будетъ поставлено въ необходимость перечитывать самый запросъ, безполезно тратя на это время, а начальствующій контрольный чиновникъ не будетъ имѣть увѣренности въ томъ, что его подчиненный близко ознакомился съ содержаніемъ запроса, а не написалъ своего отвѣта на-авось. Въ этомъ наставленіи нельзя не признать большой доли основательности.

Приступая къ своимъ преобразованіямъ, В. А. относился съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ къ чинамъ, занимавшимся въ то время въ Контролѣ по старой контрольной системѣ. «Я ищу, говорилъ онъ, для новаго дѣла и людей новыхъ». Слѣдуя этому принципу, Татариновъ набиралъ къ себѣ на службу врачей, писателей, даже лицъ, лишенныхъ права поступленія на государственную службу, вообще лицъ, очевидно несвѣдущихъ въ контрольномъ дѣлѣ, лишь бы самъ онъ могъ считать ихъ людьми способными, честными и исполнительными. На его зовъ шли цѣлыя толпы искателей. Всѣхъ ихъ самъ онъ самолично испытывалъ, подолгу съ каждымъ бесѣдовалъ и затѣмъ поручалъ имъ небольшія письменныя работы,

которыя потомъ самъ разсматривалъ и оцѣнивалъ. Въ своемъ выборѣ людей онъ былъ строгъ необычайно. Такъ, напр., назначивъ одному искателю быть у него въ 12 ч. дня, онъ прождалъ его до 12 ч. 15 м., и когда ему доложили о приходѣ этого лица послѣ точно назначеннаго имъ часа, онъ его не принялъ и, какъ ни оправдывался опоздавшій, Татариновъ этихъ оправдываній не уважилъ и просилъ его болѣе своимъ приходомъ не утруждать. Другого посѣтителя Татариновъ принялъ во время своего завтрака (а завтракалъ онъ всегда въ своемъ служебномъ кабинетѣ) и, замѣтивъ у него изо-рта винный запахъ, поставилъ ему короткій вопросъ: «вы завтракали?» Думая, что министръ намѣревается предложить ему раздѣлить съ нимъ поданный завтракъ, посѣтитель поспѣшилъ разсыпаться въ благодарностяхъ, заявляя, что онъ успѣлъ позавтракать. «Напрасно поторопились», сказалъ В. А. и, вставъ съ кресла, далъ понять, что аудіенція кончена. Посѣтитель этотъ никогда болѣе къ Татаринову не приходилъ. Одна высокопоставленная и съ графскимъ титуломъ барыня пріѣхала къ Татаринову съ просьбою взять на службу къ нему ея племянника или сынка въ званіи камеръ-юнкера. «А позвольте узнать, графиня, гдѣ получилъ вашъ родственникъ свое образованіе», спросилъ Татариновъ. «Дома, дома, подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ», заторопилась обрадованная графиня. «Поручите же ему выдержать экзаменъ въ университетѣ, и когда онъ получитъ дипломъ, я съ удовольствіемъ приму его на службу». Понятно, что ни этой графини, ни ея птенца Татариновъ у себя болѣе не видѣлъ. Ни протекція, ни связи не имѣли вообще въ глазахъ В. А. ни малѣйшаго значенія; онъ цѣнилъ и поощрялъ только способности и трудъ.

Разсказы о его требовательности наводили на контрольныхъ старослужащихъ чувство опасенія за свою будущую службу. Остаться за штатомъ или, еще хуже, быть уволеннымъ раньше времени прямо въ отставку никому не нравилось. Побаивался и я лично за свою службу, тѣмъ болѣе, что ни я Татаринова, ни онъ меня, ни разу не видѣли. На мое благополучіе директоръ моего департамента былъ близкій родственникъ Татаринова. Онъ взялъ на себя трудъ рекомендовать меня Татаринову, но и онъ могъ добиться его согласія на мѣсто для меня только въ отдаленной губерніи съ содержаніемъ въ 1.400 р., тогда какъ на своемъ мѣстѣ и въ Петроградѣ я получалъ 1.600 р. Отъ такого убыточнаго предложенія пришлось отказаться, заявивъ, что въ провинцію я могу поѣхать только на должность управляющаго палатою. Послѣ нѣсколькихъ докладовъ моему начальнику удалось сломить несговорчивость Татаринова, но все-таки не такъ, какъ мнѣ было желательно. «Пускай онъ останется при своей должности и при теперешнимъ содержаніи, а въ палату ѣдетъ временно управляющимъ», рѣшилъ Татариновъ.

Рѣшенію этому пришлось покориться, и до отъѣзда къ мѣсту моего назначенія предстать впервые передъ свѣтлыя очи Татаринова по его приглашенію на бесѣду его съ другими, одновременно со мною намѣченными управляющими контрольными палатами. Долго бесѣдовалъ онъ съ нами,

давалъ подробныя указанія о томъ, какъ всѣмъ намъ слѣдуетъ вести себя въ губерніи по отношенію къ разнымъ губернскимъ властямъ, внимательно вслушивался въ предлагаемые ему вопросы и охотно давалъ свои разъясненія. Дерзнулъ и я обратиться къ нему съ какимъ-то вопросомъ. Татариновъ видимо поразился моею смѣлостью и, насупивъ брови, грозно сказалъ мнѣ: «вы ѣдете временно, на короткій срокъ, и потому вамъ нечего задумываться объ отдаленномъ будущемъ». Изъ этой вспышки я уразумѣлъ, что навязанъ ему насильно и не обмолвился ни однимъ словомъ болѣе. При прощаніи онъ даже не подалъ мнѣ руки, а отрѣзалъ сухо и коротко: «познакомьтесь въ губернскомъ казначействѣ съ незнакомою вамъ системою новаго счетоводства, подучитесь, на сколько успѣете, и черезъ недѣльку отправляйтесь на мѣсто. О своей дѣятельности тамъ пишите мнѣ непосредственно, простыми письмами, но только правдиво и безъ всякихъ вычуръ. Управляющаго же палатою я назначу черезъ мѣсяцъ, а много черезъ два».

Предоставленнымъ мнѣ правомъ обращаться со своими донесеніями непосредственно къ самому Татаринову я широко воспользовался и тѣмъ, какъ позднѣе выяснилось, успѣлъ угодить, хотя, говоря откровенно, могъ сообщать ему на первое время не столько свѣдѣнія о дѣлахъ, сколько курьезные анекдоты изъ отношеній ко мнѣ, его посланцу, губернской администраціи.

Такъ я писалъ, что въ первомъ на пути уѣздномъ казначействѣ на мой вопросъ: давно ли получилъ мѣстный казначей вновь изданную инструкцію для новой его дѣятельности и успѣлъ ли онъ съ нею ознакомиться, мнѣ былъ данъ слѣдующій смѣхотворный отвѣтъ: инструкцію-то я получилъ, но только въ двухъ экземплярахъ, почему я и заперъ ее, чтобы не украли, въ денежный сундукъ, а изучать ее, при моемъ обычномъ дѣлѣ, мнѣ было некогда.

Въ томъ же городѣ чины почтовой конторы, изъ непонятнаго страха, передо мною ли лично или передъ новыми порядками въ ихъ счетоводствѣ, встрѣтили меня въ мундирахъ и съ такимъ же трепетомъ, съ какимъ былъ встрѣченъ гоголевскій ревизоръ. Поэтому мнѣ и не удалось сообщить имъ болѣе или менѣе путныя данныя по предстоящей реформѣ.

Позднѣе, въ одномъ губернскомъ городѣ, пришлось мнѣ разъяснять значеніе словъ «кассы спеціальныхъ сборщиковъ», и на мой вопросъ, въ заключеніе лекціи, была ли она достаточно ясна для слушателей, мнѣ отвѣчали, что, если нынѣшніе чиновники будутъ уволены, то спеціальныхъ сборщиковъ придется выписывать изъ Москвы.

Старикъ-предсѣдатель одной изъ уголовныхъ палатъ принялъ меня за судебнаго дѣятеля, присланнаго для упраздненія его палаты на основаніи судебныхъ уставовъ Александра II, а когда я пояснилъ ему настоящую цѣль моего пріѣзда, то онъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «если слова ваши справедливы, то вамъ ближе обратиться не ко мнѣ, а къ управляющему казенною палатою», и не сталъ больше меня слушать.

Одинъ изъ губернаторовъ, успѣвшій еще до моего пріѣзда получить

кой-какія свѣдѣнія насчетъ единства кассы, просилъ меня проэкзаменовать его въ его познаніяхъ и указать, такъ ли онъ понимаетъ предстоящую реформу, какъ это слѣдуетъ. «У каждаго изъ нашихъ губернскихъ учрежденій, говорилъ генералъ, были пока свои отдѣльные у каждаго денежные мѣшки; теперь же предстоитъ всѣ эти мѣшки вложить въ одинъ общій объемистый». Услышавъ отъ меня, что всѣ эти мѣшки слѣдуетъ предварительно развязать и высыпать ихъ вмѣстимость въ общій, генералъ вскочилъ съ кресла со словами: «благодарю, благодарю васъ; теперь только я понялъ сущность вводимой реформы».

Подобныхъ курьезовъ было представлено мною не мало, и, какъ я позднѣе слышалъ отъ М. Н. Островскаго, они заняли Татаринова, видимо еще мало тогда знакомаго съ характеристикою губернскихъ властей, и полученный мною прощальный приказъ его былъ признанъ имъ исполненнымъ въ точности, хотя мнѣ лично тотъ приказъ по первому впечатлѣнію показался прямо суровымъ, и я подумывалъ даже отказаться отъ поѣздки, не расчитывая удовлетворить своего высокопоставленнаго начальника.

Н. Н. Мамантовъ
(во время службы у В. А. Татаринова).

Добрые мои сослуживцы, ближе зная нравъ Татаринова, отклонили меня отъ моего намѣренія и успокоили убѣжденіемъ въ томъ, что мнѣ удастся сойтись съ Татариновымъ и снискать его довѣріе. И дѣйствительно, первыя же мои донесенія были Татариновымъ одобрены, гнѣвъ его смѣнился на милость и черезъ два мѣсяца, когда я сталъ проситься въ Петроградъ по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ, мнѣ было разрѣшено вернуться подъ условіемъ—«когда домашнія обстоятельства позволятъ», ѣхать обратно, но уже не временнымъ, а настоящимъ управляющимъ.

Я не пожелалъ, однакожъ, воспользоваться этой честью и, пристроившись подъ начальствомъ М. Н. Островскаго на второстепенную должность, думалъ спокойно и долго сидѣть на новомъ мѣстѣ. Надеждамъ этимъ не пришлось осуществиться. Неожиданно призванный Татариновымъ, я выслушалъ отъ него слѣдующую тираду: «вы еще молоды и лѣтами, и по службѣ; но цѣня проявленную вами дѣятельность, я рѣшаюсь дать вамъ въ управленіе большую и лучшую палату. Я разумѣю палату Оренбургскую, которая ревизуетъ Оренбургскій военный округъ (тогда существовавшій) и обороты вновь покореннаго Туркестанскаго края. Согласитесь, что для васъ предстоитъ тамъ обширное поле дѣятельности».

Не намѣреваясь покидать Петрограда и слышавъ немало непріятнаго про климатъ Оренбурга, я представилъ доводы, вынуждавшіе меня отклонить лестное предложеніе. «Я и не требую отъ васъ немедленнаго согласія. Переговорите предварительно съ вашими домашними, и я думаю, что ваши планы измѣнятся. А мои планы таковы. Вы выѣзжаете на будущей недѣлѣ, заѣдете по дорогѣ въ Пензу и тамъ дождетесь Высочайшаго приказа о назначеніи васъ въ Оренбургъ. Жду васъ къ себѣ завтра съ окончательнымъ отвѣтомъ». Такъ говорилъ Татариновъ и на этотъ разъ любезно протянулъ мнѣ руку, очевидно расчитывая, что я, какъ маленькій чиновникъ, ломаюсь и не могу не принять почетнаго назначенія.

Но на этотъ разъ Татариновъ обманулся въ своихъ расчетахъ. На завтра, какъ онъ приказывалъ, я къ нему не явился, и черезъ М. Н. Островскаго заявилъ, что въ Оренбургъ я ни въ какомъ случаѣ не поѣду; если же государственный контролеръ не пожелаетъ отмѣнить мое туда назначеніе, то я готовъ уйти въ отставку. Послѣ долгихъ дебатовъ на предположенное мнѣ мѣсто былъ назначенъ другой сослуживецъ, а «мы», какъ объявилъ мнѣ Островскій, «должны все-таки разстаться». Я принялъ эти слова за приказаніе подать въ отставку; но, какъ оказалось, я ошибся, они сводились къ желанію упорнаго Татаринова перевести меня въ его канцелярію на каторжную въ то время работу, по законодательной части. Предмѣстникъ мой сидѣлъ на этой работѣ по 18 час. въ сутки, а когда до Татаринова дошла его жалоба на непосильный трудъ, то совершенно спокойно онъ перевелъ его на низшую должность, сказавъ: «на этой должности мнѣ нужна ломовая лошадь, работающая по 18 часовъ; вы не хотите быть такою лошадью, почему я и замѣняю васъ другимъ лицомъ, которое ею будетъ».

По молодости лѣтъ я не убоялся стать такою лошадью и, сознавая ясно, что распоряженіе Татаринова не слѣдуетъ объяснять однимъ его упорствомъ и желаніемъ наказать меня за оказанное непослушаніе, видѣлъ въ немъ признаки моей будущей карьеры, а со стороны Татаринова правило сажать на извѣстныя мѣста, для пользы службы не перваго встрѣчнаго, а такихъ лицъ, которыя, по его убѣжденію, могутъ быть для того мѣста пригодны. Поэтому я принимался за свою работу съ большимъ напряженіемъ своихъ силъ, работалъ не покладая рукъ и не досыпалъ ночей, думая примирить съ собою Татаринова; но, увы! этого достигъ я нескоро; на первыхъ же порахъ я долженъ былъ вынести немало невзгодъ. Такъ, В. А. не представилъ меня въ томъ году къ очередной и имъ же самимъ до моего отказа уже намѣченной Высочайшей наградѣ; онъ отказался замѣнить ее денежною, пояснивъ, что разъ мною не была принята должность съ большимъ окладомъ, то, слѣдовательно, въ деньгахъ я не нуждаюсь; отказался читать бумаги, писанныя моимъ почеркомъ, приказавъ ихъ перебѣлять, тогда какъ прежде, когда я служилъ при Островскомъ, онъ свободно разбиралъ мой почеркъ, и наконецъ, что было всего обиднѣе, для личныхъ по моей части объясненій призывалъ къ себѣ не меня, какъ прямое отвѣт-

ственное лицо, а моего помощника. Доходило дѣло даже до того, что въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній не могъ удовлетворить его требованія, ссылаясь на то, что данный вопросъ могу разрѣшить одинъ только я, Татариновъ приказывалъ тому же помощнику переговорить со мною и о томъ, что онъ отъ меня узнаетъ,—доложить.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ пришлось мнѣ служить болѣе полугода, и только слѣпой случай измѣнилъ мою злосчастную судьбу.

Сосѣдъ мой, начальникъ другого отдѣленія, задумалъ переходить въ другое вѣдомство, и о немъ сдѣланъ былъ обычный запросъ, который Татариновъ долгое время оставлялъ-было безъ отвѣта. Когда же мой сосѣдъ, чтобы сломить упорство Татаринова, рѣшилъ подать просьбу объ отставкѣ, то В. А. заявилъ, что онъ отвѣтитъ и на запросъ, если только М. (т. е. вашъ покорный слуга) приметъ въ свое управленіе оба отдѣленія и свое, и сосѣднее. По массѣ дѣлъ въ каждомъ изъ отдѣленій, превышавшихъ количествомъ силы одного человѣка, заявленное Татариновымъ желаніе и мнѣ, и моему сосѣду казалось прямо смѣшнымъ и несуразнымъ; но я, расчитывая только на то, что Татариновъ въ короткій срокъ убѣдится въ неудобоисполнимости придуманной имъ мѣры, рѣшилъ выразить вырываемое у меня согласіе и въ награду за него получилъ къ своему прежнему содержанію въ размѣрѣ 1.600 рублей прибавку въ 200 рублей, тогда какъ мой сосѣдъ одинъ получалъ свыше 3.000 рублей. Вотъ до чего доходили расчетливость Татаринова и его стремленіе къ сокращенію государственныхъ расходовъ!

Не былъ онъ вообще щедръ на награды и поощренія, и денежныя въ особенности, но лично для меня онъ сдѣлалъ сравнительно многое.

Чтобы привязать меня крѣпче къ Государственному Контролю, онъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на производство мнѣ добавочнаго содержанія въ размѣрѣ 500 руб., доколѣ я буду находиться на службѣ по Государственному Контролю.

Впрочемъ, и эта награда была испрошена неспроста. Около того же времени мнѣ представлялся случай перейти въ Министерство Финансовъ. Узнавъ объ этомъ, Татариновъ отправилъ меня на ревизію, и во время моего отсутствія испросилъ означенную прибавку, а желательная для меня вакансія была во время моего отсутствія замѣщена. Даромъ, т. е. безъ личной пользы для себя или вѣрнѣе для службы, Татариновъ щедрости не проявлялъ.

Представивъ меня къ награжденію высшимъ орденомъ помимо слѣдовавшаго мнѣ очереднаго и встрѣтивъ къ этому препятствіе со стороны Комитета Министровъ, В. А. отказался отъ одной наградной вакансіи (а ихъ тогда было всего 13 на весь Контроль) и не затруднился представить Государю о награжденіи меня, вмѣсто ордена, какъ я и самъ желалъ, слѣдующимъ чиномъ, который я въ то время уже выслуживалъ, со старшинствомъ трехъ лѣтъ назадъ, что позднѣе сослужило мнѣ двоякую службу: сильно подвинуло меня въ чинопроизводствѣ и облегчило, послѣ смерти

Татаринова, мой переходъ на службу по Морскому Вѣдомству. Случилось мнѣ представиться, въ частномъ домѣ, совершенно мнѣ незнакомому Морскому Министру Н. К. Краббе, который, услышавъ мою фамилію, спросилъ меня, не тотъ ли я М., за котораго «распинался» когда-то въ Комитетѣ Министровъ покойный Татариновъ. А услышавъ, что я дѣйствительно служилъ при Татариновѣ, Краббе предложилъ мнѣ перейти въ его вѣдомство на бо̀льшее, противъ получаемаго мною въ то время, содержаніе. Не могу позабыть также тѣхъ условій, при которыхъ была мнѣ объявлена та же высокая награда.

В. А. при докладахъ любилъ выслушивать возраженія и нерѣдко подолгу спорилъ съ докладчикомъ, но послѣднее слово всегда оставлялъ за собою. Такъ и при одномъ изъ моихъ докладовъ, по времени въ первыхъ числахъ апрѣля, онъ упорно отстаивалъ свое мнѣніе по какому-то неважному вопросу кассоваго характера. Я возражалъ ему нѣсколько разъ, и не находя наконецъ достаточныхъ доводовъ для контрвозраженія, но все-таки не желая считать себя мною побѣжденнымъ, онъ быстро всталъ съ кресла и развернувъ на конторкѣ папку съ только-что утвержденными всеподданнѣйшими докладами (а въ ихъ числѣ и о моей наградѣ), В. А. не сказалъ ни единаго слова и только пальцемъ указалъ на испрошенную для меня, на 17-е апрѣля, награду. Я, понятно, разсыпался-было въ благодарностяхъ, но онъ тотчасъ прервалъ меня словами: «Тс... только съ 17-го». Такимъ образомъ, послѣднее слово оставалось за нимъ, хотя спорный вопросъ былъ рѣшенъ согласно съ моимъ мнѣніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Татариновъ не подалъ вида, что моя стойкость и убѣдительность доводовъ ему понравились. Вообще онъ не имѣлъ привычки кого-либо хвалить или благодарить за службу. Даже выраженіе его лица оставалось всегда одинаково, и на немъ нельзя было прочесть выраженія похвалы или порицанія. Порицаніе свое онъ выражалъ обыкновенно письменно на разсмотрѣнной работѣ мѣтко и рѣшительно, но въ то же время деликатно. Случалось и мнѣ получать порицательныя резолюціи, преимущественно за невольную (по недостатку канцелярскихъ средствъ) медленность въ исполненіи работъ; но близко вращаясь около него болѣе пяти лѣтъ и чувствуя, что онъ моими работами доволенъ, я только въ послѣдній мой докладъ у него въ самый день его смерти услышалъ отъ него ласковый, да и то своеобразный, привѣтъ. Одновременно со мною въ кабинетѣ находилась его маленькая дочь и все время доклада возилась за моей спиной на медвѣжьемъ коврѣ. При моемъ уходѣ, она не пошевельнулась; но отецъ, замѣтивъ это, громко сказалъ ей: «Встань, дѣвочка, и дай дядѣ ручку; этотъ дядя хорошій». Можно ли было думать, что эти слова будутъ послѣдними, слышанными мною отъ незабвеннаго Татаринова, въ тотъ моментъ, видимо, здороваго?

Но, увы, въ ночь на слѣдующій день онъ отошелъ въ вѣчность. На утро, въ 6 часовъ, курьеръ привезъ мнѣ печальную вѣсть о смерти В. А. и я (не скрываю) чуть самъ не умеръ отъ печальной неожиданности. Въ

траурной процессіи я несъ на подушкѣ самую почетную звѣзду покойнаго (Св. Владиміра) до Александро-Невской лавры, гдѣ на старомъ кладбищѣ, состоялось погребеніе дорогого усопшаго.

«Великимъ по чувству долга гражданиномъ русской земли» назвалъ Татаринова его чуть ли не единственный другъ М. Н. Островскій, и едва ли не онъ одинъ плакалъ горючими слезами при погребеніи дорогого покойника. Другихъ друзей у него не было, а враги радовались его кончинѣ, прервавшей его преобразованія, все болѣе и болѣе стѣснявшія административный произволъ и водворявшія законность въ распоряженіяхъ достояніемъ казны. Даже въ самомъ Государственномъ Контролѣ приходилось съ большою осторожностью упоминать о покойномъ. На словахъ, пожалуй, всѣ почитали его, но внутренно питали иныя чувства къ нему и его величію. Большинство подчиненныхъ, въ виду замкнутости покойнаго, говорили о немъ мало хорошаго и напротивъ даже въ частной его жизни искали фактовъ для насмѣшекъ и злословія. Въ особенности не любили его за крайнюю ограниченность, за его время, наградъ и пособій по вѣдомству, упуская изъ вида ограниченность бывшихъ въ его распоряженіи денежныхъ средствъ, едва хватавшихъ на содержаніе личнаго состава, постоянно разроставшагося безъ новыхъ на это расширеніе ассигнованій. Забывали также неблагодарные, что право обращенія остатковъ отъ содержанія служащихъ въ раздѣлъ между ними же отвоевано именно В. А. и что до него эти остатки, не оставаясь, конечно, въ казнѣ, обращались на выдачу большихъ наградъ министерскимъ любимцамъ или даже на удовлетвореніе разныхъ министерскихъ прихотей.

Только подробная біографія, съ нелицепріятнымъ критическимъ отношеніемъ къ разнымъ мѣропріятіямъ покойнаго, приходившимся не по вкусу его современникамъ, могла бы освѣтить свѣтомъ правды высоконравственную личность В. А. Татаринова.

Н. Мамантовъ.

Измѣненіе Россійскаго Государственнаго герба въ Императорскій періодъ.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА).

I.

Россійскій Императорскій Государственный гербъ состоитъ изъ двухъ главныхъ эмблемъ: 1) Чернаго двуглаваго орла на золотомъ полѣ и 2) «Московскаго герба» съ коннымъ изображеніемъ Святаго Георгія, колющаго копіемъ змія.

Это изображеніе Святого всадника на Московскомъ гербѣ появилось значительно ранѣе двуглаваго орла, который былъ принятъ лишь Московскимъ Царемъ Іоанномъ III. Затѣмъ эти двѣ эмблемы были объединены, помѣщеніемъ щита съ изображеніемъ Святаго Георгія на груди двуглаваго орла, который, будучи, повидимому, первоначально *золотою* цвѣта, только со времени приблизительно 1709 года сталъ *чернымъ* и уже въ дальнѣйшемъ вплоть до нашихъ дней остался неизмѣнно чернымъ двуглавымъ орломъ (см. рис. 1).

Императоръ Петръ Великій подъ конецъ своего царствованія учредилъ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ графа Санти, которая должна была выработать точный и правильный типъ Государственной печати и вообще нашихъ провинціальныхъ (губернскихъ) гербовъ. Комиссія закончила свою работу лишь въ царствованіе Императора Петра II; ея труды были затѣмъ переданы графомъ Минихомъ въ Военную Коллегію, и рисунки гербовъ для изображенія ихъ на воинскихъ знаменахъ удостоились Высочайшаго утвержденія.

Лакіеръ приводитъ описаніе этихъ гербовъ: «Государственный гербъ— по старому: двоеглавый орелъ, черный, на главахъ — короны, а наверху, въ серединѣ, большая Императорская корона — золотые; въ серединѣ того орла, Георгій на конѣ бѣломъ, побѣждающій змія; епанча и копье — желтыя, вѣнецъ желтый же, змій черный; поле кругомъ бѣлое, а въ серединѣ красное».

Итакъ: 1) орелъ *двуглавый*; 2) на груди орла *красный* щитъ съ изображеніемъ Святого Георгія, который колетъ копіемъ *чернаго* змія; 3) поле, на которомъ изображенъ Государственный гербъ — бѣлое, но тутъ рѣчь идетъ лишь о (см. рис. 2) знаменахъ, а не объ Императорскомъ штандартѣ.

Петръ Великій приглашалъ въ Россію гравера Іоганна Гендлингера, но онъ въ это время работалъ въ Стокгольмѣ по заказу шведскаго правительства, исполняя для него Государственную печать, и тогда не поѣхалъ въ Россію, а только въ 1736 г., по приглашенію Императрицы Анны Іоанновны,

De *Czaar* van *Muſcovien.* 295

Wapen.

Verklaringh van't Wapen des *Czaars* en Groot-vorſts van *Muſcovien.*

't BEſtaet uyt een dubbele of Twee-koppige geelen Arend, gedeckt met drie Kroonen; hebbende op de borſt een roodMiddel-ſchild;en daer in een ſilvere *S. Joris* met den Draeck; in de reghter Klauw een Scepter, in de lincker een Weereld Kloot houdende.

T 4 Ti-

Рис. 1. Изображеніе и описаніе Русскаго (Московскаго) Государственнаго герба изъ голландскаго геральдическаго сочиненія де-Вріеса (de-Vries), напечатаннаго въ Амстердамѣ въ 1700 году.

прибылъ въ С.-Петербургъ, гдѣ оставался до 1740 года. За это время онъ выгравировалъ большую Государственную печать, которая и была единственной большой печатью со времени Императрицы Анны Іоанновны до конца царствованія Императора Николая Павловича, т. е. свыше 127 лѣтъ, а потому заслуживаетъ безусловно особеннаго выдающагося вниманія съ

нашей стороны. На этой печати изображенъ могучій двуглавый орелъ, который по своему величію вполнѣ соотвѣтствуетъ величію Россійской Имперіи. Печать эта по своимъ деталямъ ближе всего подходитъ къ 5-й разновидности печатей временъ Петра Великаго, а именно къ той Русской печати, на которой впервые появился титулъ «Императоръ», а поэтому слѣдуетъ считать, что граверъ Гендлингеръ (швейцарецъ родомъ) сохранилъ старый русскій и именно *Петровскій* образецъ, но только выполнилъ его болѣе художественно въ деталяхъ (см. рис. 3).

На описаніи этой печати приходится нѣсколько остановиться. Изъ прилагаемой фотографической копіи съ подлинной печати видно, что на двуглавомъ орлѣ изображенъ только одинъ грудной щитъ съ Московскимъ гербомъ — Святымъ Георгіемъ, колющимъ змія; титульные гербы изображены вокругъ орла на шести отдѣльныхъ щитахъ, которые расположены строго въ порядкѣ, какъ они написаны въ титулѣ Государя, при этомъ первыми стоятъ Русскія провинціи, а потомъ уже завоеванныя.

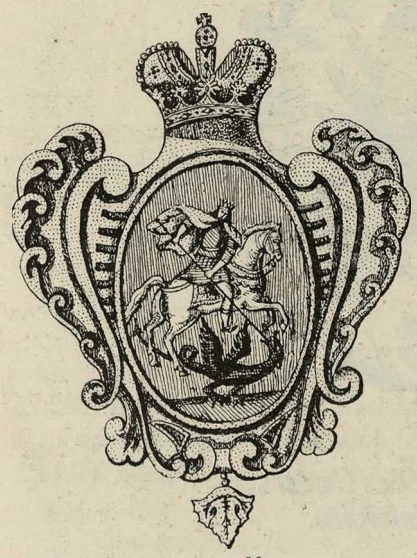


Рис. 2. Рисунокъ Московскаго герба изъ комплекта полковыхъ гербовъ.

Въ царствованіе Императора Николая Павловича было сдѣлано измѣненіе только средней Государственной печати, на которой титульные гербы изображены не вокругъ орла, а на крыльяхъ. Къ сожалѣнію, былъ нарушенъ геральдическій порядокъ, ибо на основаніи его приходится читать по титулу неправильно: сначала помѣщены титульные гербы на одномъ крылѣ, а потомъ на другомъ, что, конечно, представляется уже нарушеніемъ геральдическихъ правилъ, якобы во имя которыхъ было сдѣлано само исправленіе; на печати этого типа орелъ хотя нѣсколько и отличенъ отъ рисунка работы Гендлингера, но, тѣмъ не менѣе, онъ продолжаетъ быть могучимъ, сильнымъ и, конечно, съ поднятыми крыльями, ибо въ Императорскій періодъ у насъ никогда не было ни одной Государственной печати, ни большой, ни даже малой, съ опущенными внизъ крыльями; такая вольность въ изображеніи Государственнаго герба бывала допущена только на печатяхъ различныхъ учрежденій, на монетахъ, пуговицахъ, каскахъ и проч., а Государственной печати такой произволъ и вольность не коснулись.

Только что указанный второй типъ орла встрѣчается на средней Государственной печати Императора Александра II; я находилъ ее на документахъ до 1860 года включительно.

Повторяю, этотъ новый (второй) типъ не изображался на *большой* Государственной печати.

Въ царствованіе Императора Николая Павловича у насъ появился нѣкій г-нъ Кене [1]), выходецъ изъ Германіи, который сталъ потомъ барономъ

Рис. 3. Государственная большая печать работы Гедлингера.

фонъ-Кене. Онъ почиталъ себя большимъ знатокомъ западной геральдики,

[1]) Баронъ Борисъ Васильевичъ Кене род. 4 Іюля, 1817 г., скончался 5 Февраля, 1886 г. Въ 1845 г. перешелъ на русскую службу и опредѣленъ по рекомендаціи Рейхеля (нѣмца) консерваторомъ нумизматическаго отдѣленія Императорскаго эрмитажа; былъ учредителемъ и первымъ секретаремъ Спб. Археологическаго Общ-ва. (А. В. Морозовъ, каталогъ русскихъ портретовъ II, 518). Бернгардъ Кене, по-русски Борисъ, былъ сыномъ берлинскаго еврея, принявшаго реформатское вѣроисповѣданіе (Н. И. Веселовскій. Истор. Имп. русск. археол. общ., стр. 17).

совершенно не считаясь съ русской стариной и русскими традиціями, не рѣдко ошибочно (?) цитируя необходимые ему документы.

Барону фонъ-Кене не понравился общій типъ Русскаго герба на Государственной печати, которая была совершенно отличной отъ печати единственной тогда Имперіи въ Европѣ — Имперіи Австрійской. Кене рѣшилъ измѣнить нашего орла на Австрійскій ладъ, а вообще всю печать на манеръ Прусской; копія послѣдней для сравненія прилагается (см. рис. 4).

Кене удалось провести свои измѣненія: общій типъ Русской Государственной печати былъ передѣланъ на Прусскій образецъ, для чего гербъ былъ помѣщенъ на особой мантіи подъ куполомъ, надъ которымъ изображенъ вымышленный Государственный стягъ, рѣзко отличавшійся отъ Русскаго Государственнаго знамени. Въ Прусскомъ гербѣ изображены два обнаженныхъ тевтонца, и Кене на нашемъ гербѣ вмѣсто нихъ изобразилъ Архистратига Михаила и Архангела Гавріила, хотя противъ этого возсталъ митрополитъ московскій Филаретъ.

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ графу Адлербергу митрополитъ 7 февраля 1856 года писалъ: ...«Должно ли кого-либо изъ Архангеловъ или Святыхъ, прославленныхъ мужей, представить держащими Государственный гербъ? Въ церкви видимъ въ иконостасахъ Архангеловъ, стоящихъ по сторонамъ Господа Вседержителя и держащихъ круглые камни съ написанными на нихъ именами. Будетъ ли спокойно благочестивое чувство православнаго, если увидитъ ихъ низведенными къ тому, чтобы держать Государственный гербъ, предметъ величайшей важности въ государственномъ отношеніи, который, однако, не есть знаменіе Божественное или святыня? Благочестивѣйшій Императоръ не носитъ самъ Государственнаго герба, а поручаетъ сіе государственнымъ служителямъ, иногда не самыхъ высшихъ степеней. Будетъ ли съ симъ сообразно, если представить святыхъ великихъ князей Владиміра и Александра Невскаго, несущихъ россійскій Государственный гербъ? Полагаю, что сія дисгармонія идей, сіе подчиненіе идеи святого идеѣ гражданской неблагопріятно почувствуется людьми строгого благоговѣнія святынѣ. Не могу не подчиниться сему соображенію и не признать болѣе несомнительнымъ то, что составъ Государственнаго герба образованъ былъ, собственно, по государственнымъ идеямъ, подобно какъ и Московскій гербъ, вошедшій въ составъ герба государственнаго. Всадникъ, поражающій дракона, есть символъ православной державы, побѣдоносной надъ зломъ. По соображеніи съ симъ, Государственный гербъ могли бы держать воинъ въ одеждѣ и вооруженіи временъ Святого Владиміра и воинъ въ одеждѣ и вооруженіи временъ Петра Великаго. Одинъ былъ бы знаменіемъ начала православной и побѣдоносной державы, а другой — ея преобразованія черезъ просвѣщеніе. Или, позволитъ ли геральдика, чтобы Государственной гербъ держали великій князь Іоаннъ III, собиратель Русской земли, и Петръ Великій. Если позволитъ, то и симъ образомъ рѣшиться можетъ дѣло. А если не позволитъ, то чрезъ сіе подтвердитъ, что не должно позволять и того, чтобы Госу-

дарственный гербъ держали архангелы, или православные святые мужи. Сіи посильныя изслѣдованія и мысли смиренно предаю на судъ государственной мудрости».

Митрополитъ Филаретъ не остановился на семъ, но послалъ графу Адлербергу дополнительно письмо слѣдующаго содержанія: «Простите, если довѣріемъ, которое вы оказали мнѣ вопрошеніемъ о нѣкоторыхъ предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ Государственномъ гербѣ, я воспользуюсь, можетъ

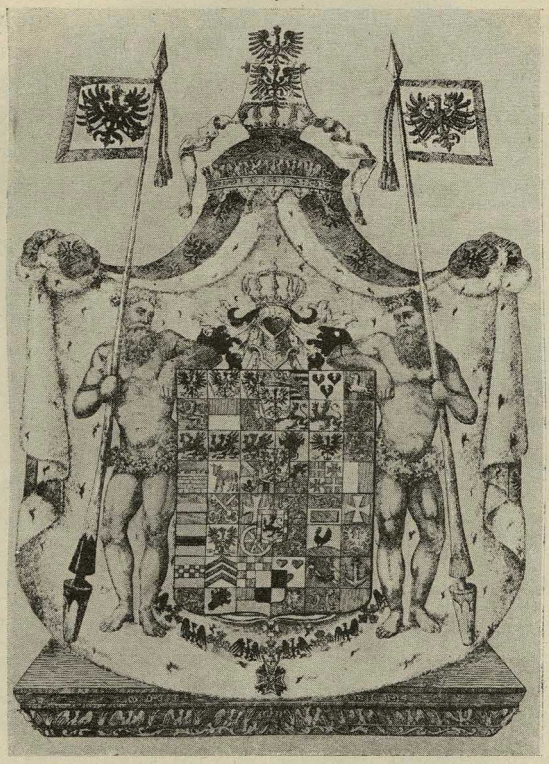


Рис. 4. Прусскій Королевскій гербъ.

быть, до чрезмѣрности. Самъ по себѣ не смѣю разсуждать о предметахъ государственныхъ; но, бывъ вызванъ, почитаю долгомъ вѣрности и усердія къ благочестивѣйшему Государю Императору сказать все, что нахожу требующимъ вниманія. Если сіе и не такимъ найдено будетъ, останусь довольнымъ тѣмъ, что исполнилъ долгъ, какъ умѣлъ. Государственный гербъ есть предметъ вѣковой и многовѣковой. Съ теченіемъ времени онъ становится и болѣе понятенъ народу, и болѣе досточтимъ. Напримѣръ, пріятно сыну отечества, смотря на государственнаго двуглаваго орла, думать, что это есть знаменіе православной державы греческой. Посему Государственный гербъ долженъ быть постояненъ и можетъ допускать измѣненія

только по особеннымъ важнымъ причинамъ. Сіе можно доказать опытами. Блаженной памяти Государь Императоръ Павелъ I положилъ было въ гербѣ на грудь орла мальтійскій крестъ, но вскорѣ, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, надлежало снять оный. Если бы не поспѣшили ввести новый знакъ, народъ спокойно смотрѣлъ бы на неизмѣненный гербъ. Увидѣвъ же снятіе мальтійскаго креста, онъ почувствовалъ ущербъ. Въ царствованіе блаженной памяти Государя Императора Александра I, когда предубѣжденіе въ пользу всего французскаго проникло и въ кабинеты нѣкоторыхъ министровъ русскихъ, двуглаваго орла стали изображать не съ поднятыми выспрь крыльями, а съ простертыми горизонтально и нѣсколько наклоненными, по подобію французскаго. Сія малость не осталась безъ послѣдствій; были недовольные симъ, какъ бы нѣкою примѣтою, что Россія уже не возвышается, а опускаетъ крылья. Это предразсудокъ, но не излишня предосторожность и противъ предразсудковъ, которые возбуждаясь, производятъ разстройство въ мысляхъ народа.

Посему и въ настоящее время государственной мудрости, думаю, долженъ встрѣтиться и не быть оставленъ безъ вниманія вопросъ: настоитъ ли дѣйствительная потребность и благовременность предпринять измѣненія въ Государственномъ гербѣ? Надѣюсь, изволите согласиться, что я могу только напомнить сей вопросъ, а отвѣчать на него и не позволю себѣ, и не имѣю возможности» [1]).

Въ отвѣтъ на эти письма графъ В. Ф. Адлербергъ отъ 23 того же февраля, писалъ митрополиту Филарету:

«Долгомъ поставляю принести Вашему Высокопреосвященству искреннюю мою благодарность за сообщеніе, въ почтеннѣйшемъ отношеніи ко мнѣ, отъ 7 сего февраля, откровеннаго и глубокообдуманнаго мнѣнія Вашего о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ Государственномъ гербѣ. Раздѣляя оное вполнѣ, я не оставлю изложенныя вами по сему предмету сужденія внести въ комитетъ, временно учреждаемый, для лучшаго устройства геральдической части у насъ, заключеніе котораго будетъ потомъ представлено мною на Высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества. Но какъ нельзя еще опредѣлить времени окончательнаго рѣшенія предметовъ, сему комитету на обсужденіе предлагаемыхъ, а между тѣмъ нужно неотлагательно приступить къ распоряженіямъ по предстоящему Священному Коронованію, при торжествахъ котораго на нѣкоторыхъ предметахъ необходимо изображеніе Государственнаго герба, то по всеподданнѣйшему докладу моему выше упоминаемыхъ отзывовъ Вашего Высокопреосвященства Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, устраня щито-держателей, ограничиться лишь тѣми измѣненіями въ ономъ (неважными), кои потребны для возвращенія гербу должнаго первоначальнаго его вида, искаженнаго въ теченіе времени отъ несоблюденія правилъ науки».

[1]) Изъ подлинныхъ бумагъ митрополита Филарета, хранящ. въ Императорской Московской Духовной Академіи. Пакетъ № I.

Изъ отвѣта графа Адлерберга видно, что *Государь Императоръ повелѣлъ*: 1) устранить щитодержателей; 2) ограничиться лишь *неважными* измѣненіями въ гербѣ, чтобы возвратить гербу должный *первоначальный* видъ, *искаженный* въ теченіе времени отъ несоблюденія правилъ науки.

На дѣлѣ-то вышло именно наоборотъ: *первоначальный Императорскій* типъ герба былъ искаженъ именно Кене. *Государь Императоръ* пове-

Рис. 5. Государственная печать Царя Іоанна Грознаго. Провинціальные гербы расположены по титулу.

лѣлъ *устранить щитодержателей*, а Кене ихъ ввелъ, но не по русскому иконописному образцу, а изобразилъ какихъ-то двухъ бѣлокурыхъ не то юношей, не то дѣвицъ.

Дѣлая исправленіе нашего герба на основаніи правилъ геральдики, Кене нарушилъ даже то, что соблюдалось на древнихъ Русскихъ печатяхъ, а именно на *большой* гербовой печати Царя Іоанна Грознаго, (см. рис. 5) на печатяхъ временъ Петра Великаго и на *большой* Государственной печати всего слав-

наго Императорскаго періода, когда у насъ не было исправителей герба изъ Германіи; я въ данномъ случаѣ напираю на строго геральдическую послѣдовательность титульныхъ гербовъ. Теперь же Кене, исправитель русской геральдики на печати варварской Россіи, весь этотъ геральдическій порядокъ титульныхъ гербовъ совершенно перепуталъ: у насъ въ титулѣ

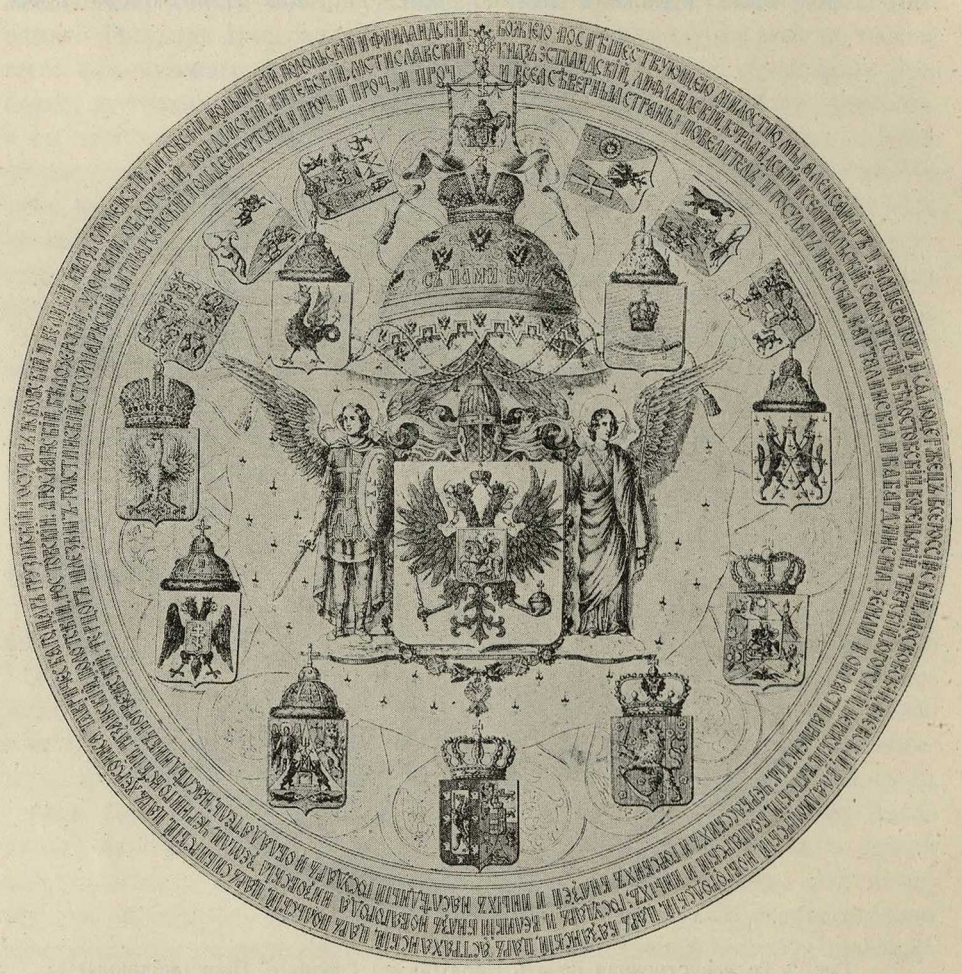


Рис. 6. Государственная печать исполненная по замыслу Кене.

Государя первыми идутъ Русскія Удѣльныя Великія Княжества (Кене помѣстилъ ихъ внизу, слѣва на предпослѣднемъ мѣстѣ) (см. рис. 6). Засимъ Царства завоеванныя: Казанское, Астраханское, Польское, Таврическое (Кене помѣстилъ ихъ очень торжественно на отдѣльныхъ щитахъ подъ вымышленными коронами). Далѣе полная путаница: Гербъ «Царь Грузинскій» изображенъ въ числѣ другихъ гербовъ на щитѣ справа внизу, гербъ по титулу «Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій» на маломъ щитѣ съ остальными гербами около

самой хоругви; Литовскій, Волынскій, Подольскій — на другомъ щитѣ; Финляндскій почему-то внизу на отдѣльномъ щитѣ (подъ вымышленной новой короной); «Князь Лифляндскій, Эстляндскій, Курляндскій и Семигальскій» — опять на соединенномъ щитѣ наверху, и такъ далѣе. Чтобы розыскать послѣдовательно, по титулу, гербы, необходимо соотвѣтствующія изображенія искать то въ одномъ, то въ другомъ концѣ печати, и при этомъ нѣкоторымъ изъ нихъ Кене далъ особое предпочтеніе передъ остальными. Въ общемъ же выходитъ, что Удѣльные Русскіе гербы соединены вмѣстѣ, какъ маловажные, на общихъ щитахъ, а завоеваннымъ оказано предпочтеніе и предоставлены большіе отдѣльные щиты.

Итакъ, выходитъ, что Кене, исправляя во имя геральдики Русскій Государственный гербъ, измѣнилъ:

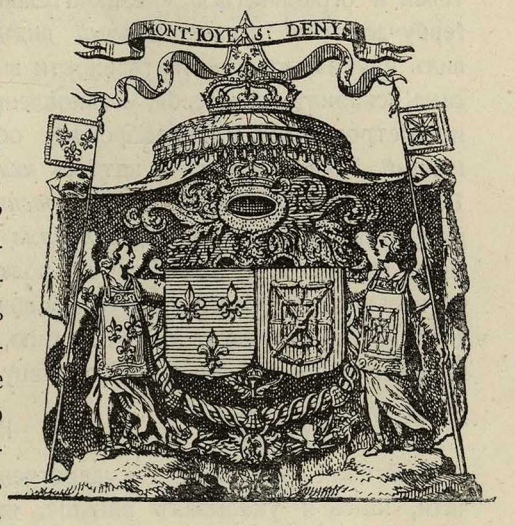


Рис. 7. Французскій королевскій гербъ изъ соч. де-Вріеса изд. 1700 г.

1) Его общій видъ — на прусскій ладъ и прибавилъ щитодержателей, при чемъ были изображены два архангела, что безусловно противно *православію* и чего нѣтъ ни въ одномъ христіанскомъ Государственномъ гербѣ. Обыкновенно щитодержателями бываютъ геральдическіе звѣри, люди дикіе, женщины обнаженныя и проч. Если Кене ссылается на французскій гербъ, то и тамъ изображены просто ангелы-герольды въ геральдическихъ гербовыхъ супервестахъ, т. е. анонимные прислужники, если позволите такъ выразиться, а не персоны высокихъ степеней архангельскаго чина при Господѣ (см. рис. 7).

2) Совершенно не считаясь съ тѣми же геральдическими правилами, во имя которыхъ казалось бы, онъ дѣлалъ исправленія, онъ перепуталъ распредѣленіе всѣхъ титульныхъ гербовъ.

3) Главною фигурою нашего Государственнаго герба является двуглавый *черный* орелъ на желтомъ полѣ. Этихъ цвѣтовъ Кене не измѣнилъ, ибо они тѣ же самые, что и у Имперіи австрійской. Русскій же типъ орла, вполнѣ ясно выразившійся на *большой* Государственной печати, Кене рѣшилъ переправить, для чего онъ придалъ орлу ощипанные крылья, сдѣлавъ его хвостъ какимъ-то тощимъ. Орелъ изображенъ разинувшимъ пасти, высунувъ языки. Получилось вмѣсто прежняго впечатлѣнія воинственной торжественной силы какое-то отчаянное растрепанное изображеніе русской государственной эмблемы. Этотъ первоначальный Кеневскій типъ былъ Высочайше одобренъ и напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи за 1857 годъ, томъ XXXII, приложеніе къ № 31720. См. рис. 6.

4) Кене совершенно измѣнилъ и даже исказилъ изображеніе второй эмблемы, т. е. Святого Георгія — о чемъ укажу ниже.

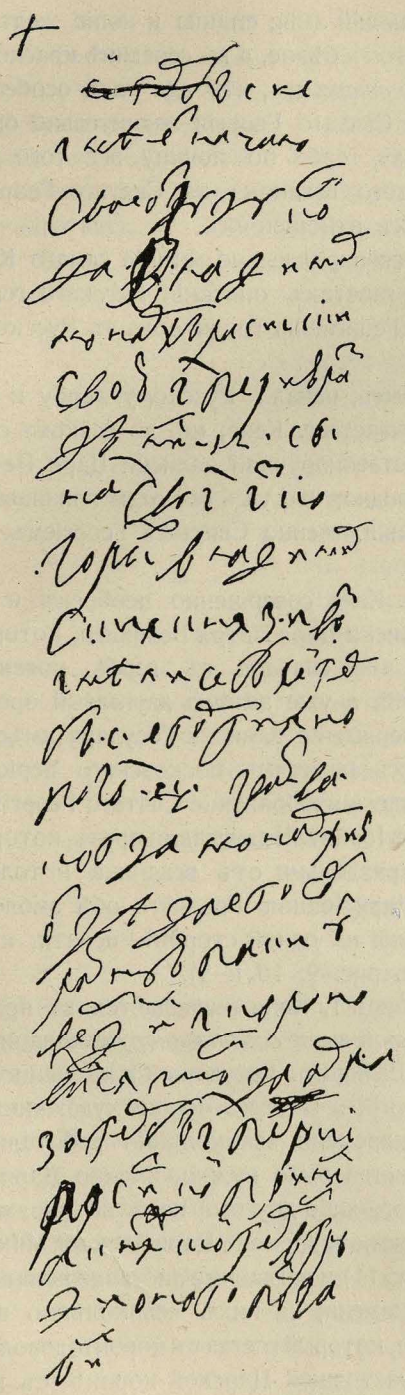
По замыслу Кене исполнены три новыхъ Государственныхъ печати— *большая, средняя* и *малая*, съ исправленіемъ прежняго герба, якобы по геральдическимъ правиламъ, что въ дѣйствительности сдѣлано вопреки сложившемуся вѣками русскому образцу, русскому типу и сдѣлано на манеры прусскій и австрійскій.

Несмотря на то, что графъ Адлербергъ, тогда Министръ Императорскаго Двора, сообщилъ въ письмѣ Митрополиту Филарету, что Государь Императоръ вполнѣ съ нимъ согласился и *повелѣлъ устранить* щитодержателей и ограничиться «незначительными исправленіями, дабы возвратить гербу должный *первоначальный* видъ, *искаженный* отъ несоблюденія правилъ науки», въ дѣйствительности вышло совершенно наоборотъ. Г-нъ Кене самъ исказилъ типъ герба, установленный Императоромъ Петромъ Великимъ, по Петровскому Императорскому образцу болѣе художественно исполненный Гендлингеромъ и затѣмъ *неизмѣнно просуществовавшій* слишкомъ 127 лѣтъ на *большой Государственной печати*; т. е. Кене не исправилъ русскій типъ, а наоборотъ *исказилъ вполнѣ установившійся русскій типъ*. Несмотря на ясно выраженную волю Государя Императора, изложенную въ письмѣ Адлерберга, Кене изобразилъ, въ *противность православному* и даже *общехристіанскому* толкованію, вмѣсто щитодержателей архангеловъ, которые и по иконописному образцу не имѣютъ русскаго типа.

II.

Второй эмблемой Государственной *Россійской Императорской* печати, какъ я указывалъ раньше, является конное изображеніе Святаго Георгія, поражающаго змія. Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе, съ какихъ поръ это изображеніе признается безспорно Святымъ Георгіемъ, укажу лишь на собственноручно написанную Царемъ Петромъ Великимъ записку, которую я отношу къ періоду между 1712 — 1718 г.г.; эта подлинная записка хранится въ Петроградскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; въ ней Самъ Государь описываетъ Свой штандартъ и Русскіе морскіе флаги, а на переписанной начисто запискѣ дѣлаетъ помѣтку, которую я привожу здѣсь въ автографѣ и рядомъ разборъ его очень труднаго почерка (см. рис. 8). Изъ этой записки очевидно: 1) *Самъ* Царь признавалъ, что на груди Русскаго Государственнаго герба изображенъ *Святый Георгій*, а не кто-либо другой; 2) что, по Его мнѣнію, изображеніе Святаго Георгія на Русскомъ гербѣ предшествовало принятію двуглаваго орла; 3) по принятію новой эмблемы они изображались врозь и уже позднѣе стали изображаться вмѣстѣ, помѣщеніемъ Святаго Георгія на груди двуглаваго орла.

Эта собственноручная записка не указываетъ раскраски ни Святаго Георгія, ни щита, на которомъ онъ изображенъ. Но мы это находимъ въ офиціальномъ описаніи графа Санти. Повторю его слова: «въ срединѣ того



~~СЕи ГЕрБЪ~~ СIЕ
IМѢЕт НАЧАЛО
СВОЕ ОтТУДУ КОг
ДА ВЛАДИМИр
МОНАрХЪ РАСИIСКИ
СВОЮ IмПЕРИЮ РАз
ДѢЛИл.I2.СЫ
НАМ СВОИм Iз КО
ТОРЫх ВЛАДИМИр
СКИЯ КНЯЗИ ВОз
IМѢЛИ СЕБѢ СЕй ГЕР
БЪ.С.ЕГОрРИЯ НО
ПОТОм.Ц.IВАн.ВА.
КОГДА МОНАрХИЮ
От ДѢДА ЕГО СОб
РАНУЮ ПАКИ Ут
ВЕрДИл I КОРОНО
ВАлСЯ ТОгДА ОрЛА
ЗА ГЕрБЪ IмПЕРИI
РОСИсКОй ПРИНЯл
А КНЯжСКОй ГЕрб В ГРУ
ДИ ОНОГО ПОсТА
ВИх

Рис. 8. Запись Петра Великаго о русскомъ гербѣ и ея разборъ.

орла, Георгій на конѣ бѣломъ, побѣждающій змія; епанча и копіе желтыя, вѣнецъ желтый же, змій черный; поле кругомъ бѣлое, а въ серединѣ красное», и передъ этимъ описаніемъ написано «*по старому*», что для насъ особенно важно. Изображенія какъ орла, такъ и Святаго Георгія значительно были измѣнены на Русскомъ *Императорскомъ* гербѣ по почину все того же Кене, который не хотѣлъ признавать этого всадника за Святаго Георгія. Кене измѣнилъ его изображеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Для большей наглядности приводятся параллельно мнѣніе самаго Кене изъ напечатанныхъ имъ въ нѣмецкихъ газетахъ описаній Русскаго герба съ его *тезисами* относительно Святаго Георгія на груди орла въ Русскомъ Государственномъ гербѣ:

1) Всадникъ на груди щита двуглаваго орла — старая Византійская эмблема, которая изображаетъ Царя, какъ защитника христіанства.

Можетъ быть, начало Русскому гербу и то, которое указываетъ г. Кене, но, во всякомъ случаѣ, изъ собственноручной записки Царя Петра Великаго очевидно, что ужъ *онъ самъ* признавалъ фигуру всадника именно Святымъ Георгіемъ.

2) Эта фигура принята одновременно съ двуглавымъ орломъ.

Тезисъ г. Кене совершенно невѣренъ и на основаніи записки Царя Петра Великаго, который подчеркнулъ, что сначала въ гербѣ появился Святый Георгій, а уже затѣмъ двуглавый орелъ. Полное подтвержденіе записки Государя имѣемъ на подлинныхъ печатяхъ московскаго періода; сначала появилось изображеніе Святаго Георгія, а лишь при Царѣ Іоаннѣ III двуглавый орелъ, который изображался раздѣльно отъ всадника и только со временъ Царя Іоанна Грознаго обѣ эмблемы были соединены на одной сторонѣ печати, и то не всегда (см. рис. 9, 10 и 5).

3) Она постоянно изображала самаго Царя, и только съ 1727 года, по ошибкѣ графа Санти, была принята за Святаго Георгія.

Этотъ тезисъ г. Кене распадается въ прахъ отъ приведенной выше *собственноручной* записки Царя Петра Великаго. Государь *Самъ* написалъ «Святый Георгій». Затѣмъ наши художники и граверы того времени великолѣпно работали и изображали, когда было нужно, именно Царя на конѣ, а не кого-либо другого; какъ на образецъ могу указать монету временъ Царя Алексѣя Михайловича (см. рис. 11) и заглавные листы церковныхъ книгъ того времени; на нихъ великолѣпно изображали *Царя*, который всегда въ коронѣ, довольно близкой къ настоящей Царской коронѣ (съ верхомъ). Царь *всегда* изображенъ съ бородой, иногда въ бармахъ и со скипетромъ въ рукахъ, а иногда

съ копьемъ, колющимъ змія; при этомъ поворотъ фигуры обыкновенно въ *церковную* сторону, т. е. въ обратную геральдической (см. рис. 12 и 13).

4) Всадникъ никогда раньше не изображался съ нимбомъ и не имѣлъ иконнаго вида.

Дѣйствительно, Святый Георгій на русскихъ печатяхъ изображался *всегда* безъ нимба, какъ въ періодъ Московскій, такъ и теперь, въ Императорскій, т. е. не смотря на то, что уже теперь всадникъ изображаетъ именно Святаго Георгія, онъ по образцу старыхъ печатей имѣетъ изображеніе безъ нимба, но нимбъ необязателенъ, ибо существуетъ множество иконъ Святаго Георгія безъ нимба; зато на всѣхъ портретахъ нашихъ царей до временъ Царя Іоанна Грознаго, напримѣръ въ титулярникѣ 1672 года, всѣ князья и цари изображены съ нимбами. Во многихъ государствахъ на орденскихъ знакахъ Святаго Георгія онъ изображенъ *безъ нимба*, такъ что считать обязательнымъ присутствіе нимба на иконографическомъ изображеніи безусловная ошибка со стороны г-на Кене. На нашемъ орденѣ Святаго Георгія нимба нѣтъ. На очень многихъ иконахъ нимба нѣтъ, но зато есть одно обязательное условіе: Святый Георгій изображенъ юношей, безъ усовъ и безъ бороды. Вооруженіе обыкновенно на подобіе Римскаго (см. рис. 14).

Наконецъ, теперь въ Государственномъ гербѣ изображенъ безусловно Святый Георгій, но и тутъ Кене все-таки не изобразилъ *нимба* и не помѣстилъ упоминанія о немъ въ описаніи.

5) Раньше всадникъ изображался повернутымъ безразлично въ какую сторону; теперь же, разъ онъ получаетъ значеніе гербовой фигуры, то его должно изображать согласно геральдическимъ правиламъ.

Выразителемъ Русскаго Государственнаго герба можетъ быть только Русская Государственная печать, а въ ней поворотъ всадника *всегда* былъ *исключительно* обратный геральдическому, т. е. изображеніе Святаго Георгія повернуто въ *церковную* сторону, по-кавалерійски *ѣздой направо*; исключеніемъ является только печать Дмитрія Самозванца и то на экземплярахъ польской работы. На *всѣхъ же русскихъ Государственныхъ печатяхъ всѣхъ трехъ періодовъ*, то есть *Великокняжескаго, Царскаго* и *Императорскаго, изображенія Святаго Георгія имѣютъ повороть фигуры «по церковному»* или *«ѣздой направо»*, т. е. всегда поворотъ, обратный геральдическому (см. всѣ рис.).

Итакъ, нежеланіе г. Кене видѣть въ изображеніи всадника на груди прежняго Русскаго двуглаваго орла *Святаго Георгія* и его тезисы не имѣютъ научнаго основанія; тѣмъ не менѣе въ виду его тезисовъ фигура Святаго Георгія была повернута въ сторону, обратную противъ русскаго образца,

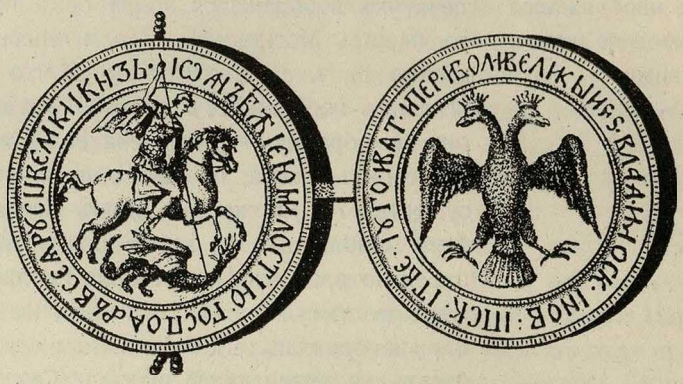


Рис. 9. Печать Царя Іоанна III, гдѣ двѣ эмблемы помѣщены врозь.

а затѣмъ и расцвѣтка дана, очень сильно искажающая Русскую Государственную эмблему (см. рис. 16, 17 и 18).

По толкованію г. Кене, всадникъ слѣдующимъ образомъ описанъ нынѣ въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи: «На груди орла гербъ Московскій, въ червленномъ съ золотыми краями щитѣ Святый Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій въ серебряномъ вооруженіи и лазуревой приволокѣ съ золотою бахромою, на конѣ, поражающій золотого, съ зелеными крыльями, дракона, золотымъ, съ осьмиконечнымъ крестомъ наверху, копьемъ».

Рис. 10. Печать Царя Ѳеодора Іоановича.

Итакъ, здѣсь сравнительно съ текстомъ графа Санти имѣются значительныя измѣненія и главное въ цвѣтѣ змія; раньше былъ *черный*, символизировавшій великое зло, а *теперь*, по-Кеневски, змій сталъ *золотой* съ *зелеными* крыльями, т. е. символизируетъ *великое богатство* и *надежды*, а потому теперь, по Кеневскому замыслу, нашъ гербъ символически читается: *Святый Георгій*, патронъ Россіи, *богатствомъ* (золотое копье) и *православіемъ* (*копье увѣнчано восьмиконечнымъ* крестомъ) *убиваетъ великое богатство* и *надежды Россіи*.

Въ изображеніи же герба собственно Московской губерніи, исполненномъ въ 1857 году Бегровымъ, въ нашей герольдіи и *Высочайше* утвержденномъ, змій нарисованъ *зеленымъ*, т. е. тутъ Святый Георгій православіемъ и богатствомъ убиваетъ великую надежду Россіи (см. рис. 17).

Не смотря на то, что Кене не хотѣлъ признавать на старыхъ печатяхъ всадника на груди Русскаго двуглаваго орла за Святаго Георгія потому что нѣтъ нимба, онъ самъ, однако, передѣлывая, и по своему исправляя Русскій гербъ, *не сдѣлалъ нимбовъ* у главы Святаго Георгія ни на рисункахъ, ни на самой печати, и даже не упомянулъ о нимбѣ въ описаніи герба въ Законѣ.

Въ текстѣ закона говорится, что копье Святаго Георгія украшено восьмиконечнымъ крестомъ, но на печати эта подробность пропущена.

Итакъ, Кене исказилъ по самому замыслу описаніе Московскаго герба и во имя правилъ геральдики повернулъ изображеніе всадника въ обратную сторону, ссылаясь на то, что въ старину на Руси всадникъ рисовался безразлично въ какую сторону. Но въ дѣйствительности это не такъ, ибо во *всѣхъ* Государственныхъ печатяхъ изображеніе повернуто безъ изъятія

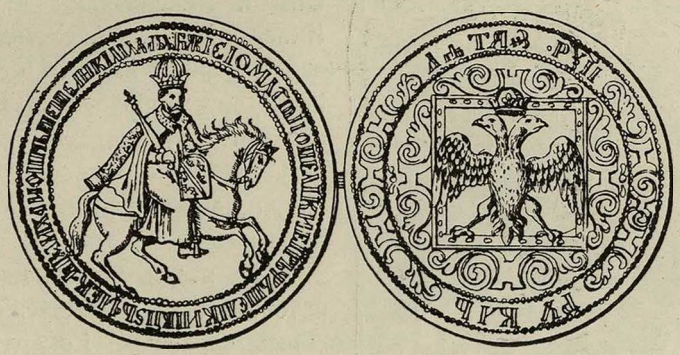


Рис. 11. Рубль временъ Царя Алексѣя Михайловича съ изображеніемъ Государя,—онъ со скипетромъ въ коронѣ (видна борода).

ѣздой направо, а вотъ въ различныхъ рисункахъ разныхъ заѣзжихъ къ намъ «нѣмцевъ, всякихъ странъ», дѣйствительно этотъ всадникъ изображенъ въ разныя стороны, даже обнаженнымъ; для доказательства прилагаю копіи этихъ рисунковъ (см. рис. 19, 20, 21, 22, 23 и 24), но, конечно, они въ расчетъ при научномъ разборѣ приниматься не могутъ, тѣмъ болѣе, когда имѣется такое трогательное единеніе въ изображеніяхъ *всѣхъ Россійскихъ печатей* Великокняжескихъ, Царскихъ и Императорскихъ.

Но эти иностранцы дѣлали свои рисунки по незнанію, а г. Кене, начальнику Гербоваго отдѣленія Департамента Герольдіи Россійскаго Сената, такая невнимательность къ русскимъ подлинникамъ и русскимъ традиціямъ непростительна.

III.

Въ заключеніе необходимо еще сказать о введеніи по замыслу того же Кене въ 1858 году положенія о *гербовыхъ* цвѣтахъ Имперіи, что вошло въ Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи за 1858 г. (кн. 3-я при-

ложеніе къ № 33289) текстъ слѣдующій: «Описаніе *Высочайше* утвержденнаго рисунка расположенія гербовыхъ цвѣтовъ Имперіи на знаменахъ, флагахъ и другихъ предметахъ, употребляемыхъ для украшеній при торжественныхъ случаяхъ. Расположеніе сихъ цвѣтовъ горизонтальное, верхняя полоса *черная*, средняя *желтая* (или золотая), а нижняя *бѣлая* (или серебряная). Первыя полосы соотвѣтствуютъ черному Государственному орлу въ желтомъ или золотомъ полѣ и кокарда изъ двухъ сихъ цвѣтовъ была основана Императоромъ Павломъ I, между тѣмъ какъ знамена и другія украшенія изъ сихъ цвѣтовъ употреблялись уже во время царствованія Императрицы Анны Іоанновны. Нижняя полоса бѣлая или серебряная соотвѣтствуетъ кокардѣ Петра Великаго и Императрицы Екатерины II; Императоръ же Александръ I, послѣ взятія Парижа въ 1814 году соединилъ правильную гербовую кокарду съ древнею Петра Великаго, которая соотвѣтствуетъ бѣлому или серебряному всаднику (Святый Георгій) въ Московскомъ гербѣ».

Рис. 12. Центральная часть съ заглавнаго листа съ изображеніемъ Царя Алексѣя Михаиловича, колющаго копьемъ змія (ясно видна борода).

Въ этомъ текстѣ масса грубыхъ неточностей въ отношеніи историческихъ справокъ. Кокардъ не существовало до французской революціи, а потому кокардъ во времена Петра Великаго и Екатерины Великой не было, а были банты и плюмажи на шляпахъ. Объ этомъ укажу ниже.

При Петрѣ Великомъ были установлены цвѣта расцвѣтки въ обмундированіи полковъ гвардіи и арміи, что дошло и до нашихъ дней, а именно: въ первыхъ полкахъ *красный* цвѣтъ, во-вторыхъ *синій*, и въ третьихъ *бѣлый* — эти цвѣта отмѣчаются въ петлицахъ, выпушкахъ, обшлагахъ, а затѣмъ на лацканахъ. Были знамена, на коихъ нашита кайма треугольникомъ сихъ трехъ цвѣтовъ, равно съ полосами поверху и понизу знамени, тоже бѣло-сине-красныя. Временами наши полковыя и остальныя знамена имѣли ту же расцвѣтку, а теперь она строго проведена со временъ Императора Александра III, когда въ знаменахъ вообще приблизились къ *русскимъ* образцамъ.

Петръ Великій установилъ шарфы черезъ плечо и темляки тѣхъ же трехъ цвѣтовъ: *бѣлаю, синяю* и *краснаю*; нѣсколько такихъ подлинныхъ

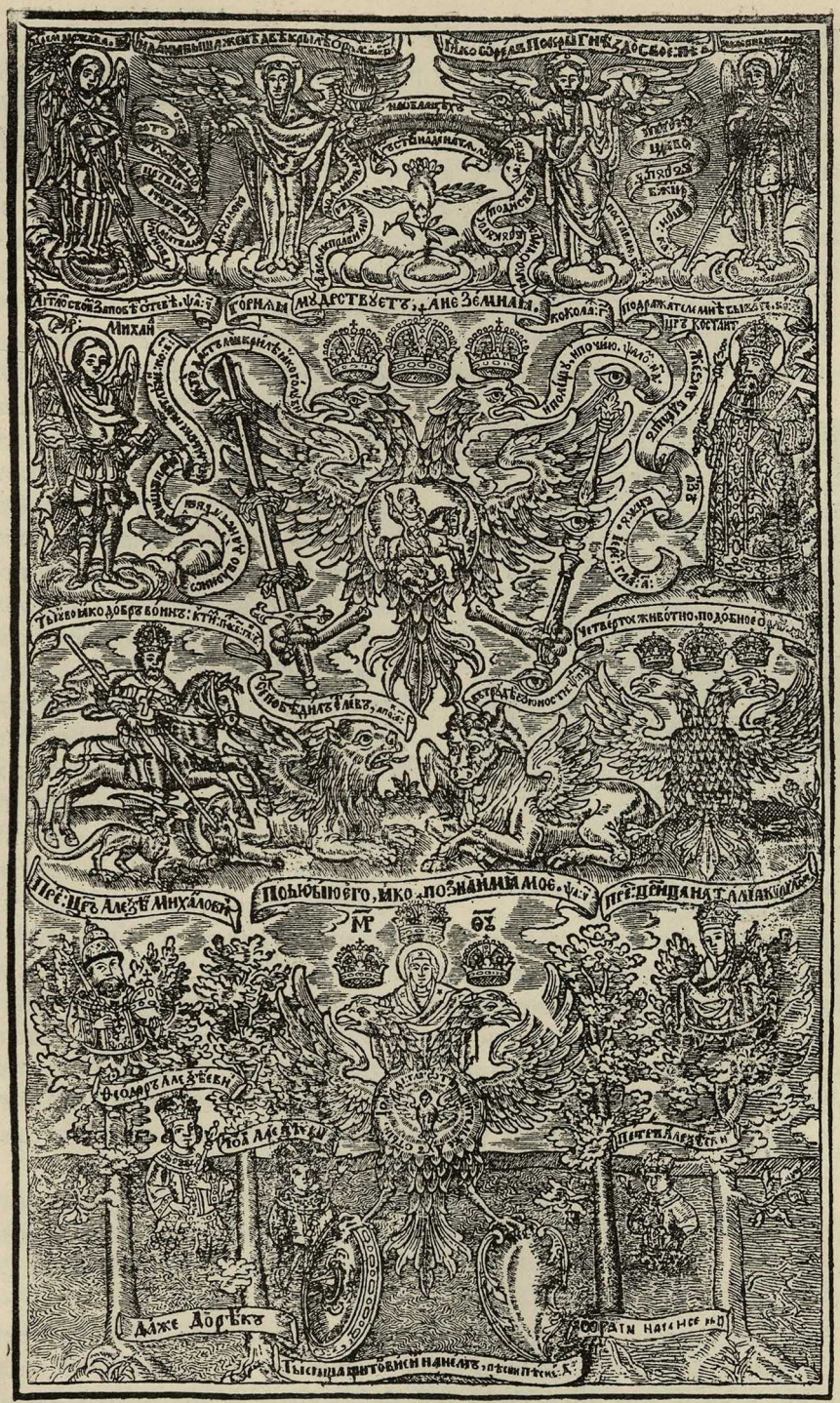


Рис. 13. Титульный заглавный листъ изъ церковной книги, гдѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ изображенъ Царь на конѣ (всюду онъ съ бородой).

шарфовъ и темляковъ изъ гардероба Петра Великаго сохранились и до сего времени; они имѣютъ именно эту расцвѣтку, т. е. *бѣлый-синій-красный*, а не въ другой комбинаціи, какъ о томъ писалъ Висковатовъ (т. е. сине-бѣло-красный или сине-красно-бѣлый). Расцвѣтка подлинныхъ шарфовъ и темляковъ *бѣло-сине-красная*, что вполнѣ совпадаетъ съ расположеніемъ этихъ цвѣтовъ въ нашемъ флагѣ *бѣло-сине-краснома*, установленномъ незыблемо Царемъ Петромъ и названнымъ въ таблицѣ флагомъ 1709 года («Обычайно торговыхъ и всякихъ Россійскихъ судовъ флагъ»).

При Петрѣ Великомъ были на шляпахъ плюмажи бѣлаго и краснаго цвѣта.

Итакъ, при Петрѣ Великомъ *никакихъ кокардъ еще не существовало;* были шарфы черезъ плечо и темляки *бѣло-сине-красные,* что вполнѣ было проведено и въ расцвѣткѣ обмундированія, въ расцвѣткѣ знаменъ *гвардіи* и отразилось на плюмажѣ шляпъ, равно на окраскѣ на барабанахъ; а затѣмъ, что очень знаменательно, въ эти именно цвѣта была выкрашена кайма на ботикѣ *«Дѣдушка русскаго флота»*, чему безспорнымъ доказательствомъ можетъ служить, какъ самъ ботикъ, такъ и гравюры того времени, сохранившіяся въ большомъ количествѣ и на которыхъ окраска показана штриховкой совершенно опредѣленно (см. рис. 25).

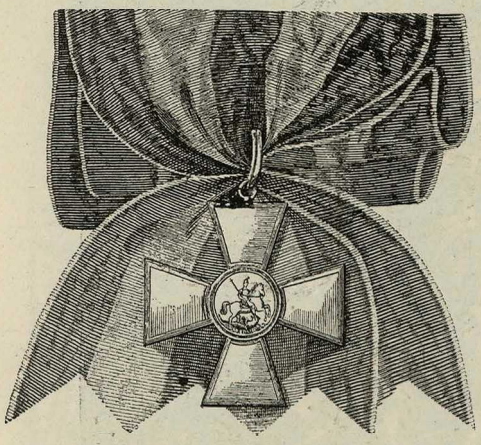


Рис. 14. Изображеніе ордена св. Георгія 1-й ст. изъ печатнаго Статута.

Первыя измѣненія были сдѣланы въ этомъ отношеніи у насъ на Руси, когда при дворѣ усилилось нѣмецкое вліяніе временщиковъ: Бирона, Миниха и проч., и именно тогда-то замѣнили бѣло-сине-красные шарфы и темляки на черно-желтые *по гербу*. Противъ этого возсталъ русскій генералъ Бутурлинъ, но ему было отвѣчено, что по ордеру бывшаго генералиссимуса Принца Антона Брауншвейгскаго надлежитъ «имѣть шарфы и темляки черные съ золотомъ»; 17 декабря 1742 г. это было подтверждено Высочайшимъ указомъ.

И тѣмъ не менѣе плюмажъ на гренадеркахъ Лейбъ-Кампаніи остался Петровскій *бѣло-красный.*

Императоръ Петръ III, преклонявшійся передъ всѣмъ германскимъ, повелѣлъ выкрасить всѣ караульныя будки въ цвѣта: желтый и черный; повелѣніе объ этомъ отъ 20 января 1762 года помѣщено въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи за № 11410.

При Императрицѣ Екатеринѣ Великой были тѣхъ же гербовыхъ цвѣтовъ шарфы, а банты на шляпахъ были черные съ нѣсколькими желтыми полосками, а не бѣлые, какъ было указано въ приведенной статьѣ закона 1858 года.

Императоръ Павелъ тоже до чрезвычайности преклонялся передъ всѣмъ прусскимъ, потому имъ было повелѣло окрасить караульные дома, будки, шлагбаумы, верстовые столбы въ бѣлый и черный цвѣтъ, а по линіямъ сихъ цвѣтовъ обвести тонкой чертой *краснаго* цвѣта.

Языковъ, большой сторонникъ теоріи черно-желто-бѣлаго сочетанія, въ своей брошюрѣ пишетъ: «Какое значеніе было дано симъ цвѣтамъ, не извѣстно; но полагали, что какъ главная цѣль шлагбаума есть задержаніе проѣзжаго, а цвѣта эти ярко отличаются, то и необходимо, чтобы онъ, также, какъ и верстовые столбы, замѣтны были издали, подобно тому, какъ тѣ же цвѣта для той же цѣли употребляются въ означеніи межевыхъ линій».

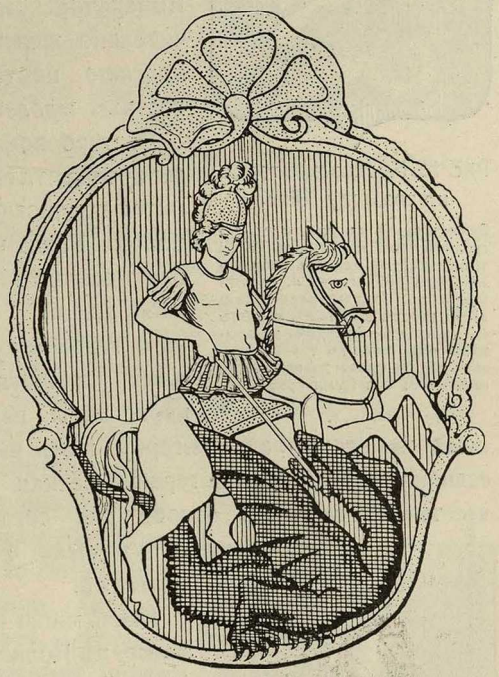


Рис. 15. Рисунокъ Московскаго герба съ большой Государственной печати, работы Гедлингера.

При Императорѣ Павлѣ появился кромѣ прежняго Императорскаго штандарта съ картами (Морского) новый штандартъ—береговой, поднимавшійся на дворцахъ; этотъ штандартъ не имѣлъ *чернаго* орла на *желтомъ* полѣ, а подобно прусскому имѣлъ *чернаго* орла на *бѣломъ* полѣ; слѣдовательно, отъ этого штандарта, производя гербовые цвѣта, повидимому, и получились гербовые цвѣта: по орлу *черный*, по полотнищу *бѣлый* и по красному щиту, на которомъ изображается Святый Георгій, *красный* (толкованіе совершенно чуждое русской старинѣ).

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Императора Павла установлены черные и оранжевые банты на шляпахъ (Полн. Собр. Зак. Рос. Имп., т. XXIV, стр. 93, гл. IV, § 7, 20 ноября 1796 г., № 17587).

Оранжевый цвѣтъ, какъ являющійся составнымъ изъ краснаго и желтаго, не можетъ почитаться правильнымъ геральдическимъ цвѣтомъ, представляя безусловное отступленіе отъ основъ геральдики, тѣмъ болѣе, что въ Русскомъ гербѣ черный орелъ помѣщенъ на *золотомъ* или *желтомъ* щитѣ, а желтый и оранжевый цвѣта никакъ не могутъ почитаться однозначущими; слѣдовательно, тутъ уже безусловное начало отступленія отъ основныхъ русскихъ даже *гербовыхъ* цвѣтовъ.

При Императорѣ же Павлѣ былъ установленъ цѣлый рядъ орденскихъ костюмовъ всѣхъ Россійскихъ орденовъ; подлинный статутъ сохраняется

и теперь въ Капитулѣ Орденовъ, и замѣчательно, что у всѣхъ кавалеровъ на шляпахъ изображенъ плюмажъ изъ перьевъ *бѣлыхъ* и *красныхъ*, т. е. тѣхъ же цвѣтовъ, что были установлены Петромъ Великимъ и что сохранилось до нашихъ дней въ одномъ изъ Петергофскихъ дворцовъ, несмотря на принятіе при Русскомъ Императорскомъ Дворѣ плюмажа черно-желто-бѣлаго. Если бы неукоснительно слѣдовать геральдикѣ, то всѣ ливреи при Императорскомъ Дворѣ должны были бы быть исключительно желтыми, но таковыхъ нѣтъ—онѣ всѣ *краснаго* цвѣта, т. е, цвѣта, не входящаго въ составъ *гербовыхъ* цвѣтовъ Имперіи.

Рис. 16. Московскій гербъ по замыслу Кёне.

Заимствованъ съ рисунковъ государственной печати изъ XXXII тома второго полнаго собранія законовъ 1857 г. — Св. Георгій одѣтъ въ Западно-Европейскіе латы; колетъ золотымъ копіемъ съ крестомъ который, не православный, хотя въ текстѣ указанъ крестъ православный. Змій золотой съ зелеными крыльями.

Въ гербовомъ отдѣленіи департамента герольдіи хранится подписанный Императоромъ Павломъ и не опубликованный указъ о *новомъ* изображеніи Государственнаго герба и тутъ на шлемахъ, украшающихъ рамку, нарисованы перья: *бѣлыя*, *синія* и *красныя*, а не по гербу, какъ бы слѣдовало, если бы дѣйствительно геральдическая теорія была, въ тѣ времена въ основѣ для созданія *черно-оранжевыхъ* бантовъ на шляпахъ.

Рис. 17. Московскій гербъ по замыслу Кёне.

Заимствованъ изъ того же тома, но изъ отдѣла губернскихъ гербовъ. Св. Георгій одетъ въ Римскія одежды, что сходится съ Русскими образцами, змій *зеленый*, копье золотое и хотя въ текстѣ указано увѣнчатымъ православнымъ крестомъ, но нарисованъ не православный.

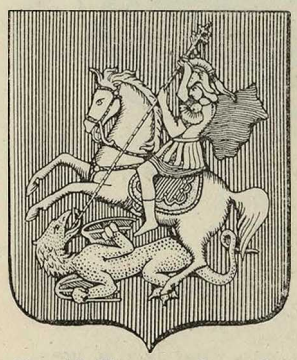


Рис. 18. Московскій гербъ по замыслу Кёне.

По тексту Кёне исполнено точно Балашевымъ въ 1889 г. Копье съ православнымъ крестомъ, змій — золотой съ зелеными крыльями.

Какъ мною представлено выше, въ Полномъ Собраніи Законовъ за 1856 годъ было объяснено: «что послѣ взятія Парижа въ 1814 году введена кокарда, соединивъ правильную гербовую кокарду съ древней Петра Великаго, которая соотвѣтствуетъ *бѣлому* или серебряному всаднику (Св. Георгію) въ Московскомъ гербѣ».

Изъясненіе совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ: 1) кокарда или, вѣрнѣе; банты были во времена Императора Павла *черно-оранжевые* — что не соотвѣтствуетъ *гербовымъ* цвѣтамъ *Россійской* Имперіи; 2) затѣмъ въ Московскомъ гербѣ, по описаніямъ Санти, «Георгій на конѣ *бѣломъ* поражающій змія; епанча и копіе желтыя, вѣнецъ желтый же, змій черный». Итакъ, *бѣлаго* въ Московскомъ гербѣ *только лошадь*, а это не главныя части герба, т. е. не поле, не главная

фигура, коей является въ данномъ случаѣ *самъ* Святый Георгій; это только лошадь, на которой онъ сидитъ, а потому столь произвольное заимствованіе бѣлаго цвѣта изъ Московскаго герба не сообразно ни съ какой геральдикой, а является лишь свободнымъ *произволомъ* и искаженнымъ цитированіемъ первоисточника.

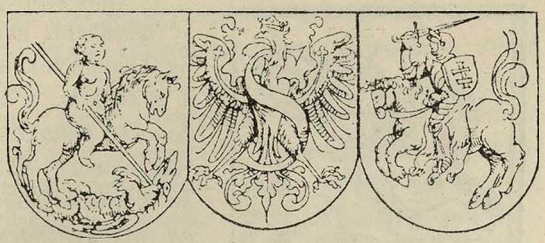


Рис. 19. Изображеніе Московскаго Герба иностранцами.

На гравюрѣ Гиршфогеля 1546 года, по срединѣ—гербъ Польскій, а по сторонамъ—Московскій и Литовскій.

Такимъ образомъ, если брать цвѣта по *гербу Имперіи*, то надо взять цвѣта по *двуглавому орлу*—цвѣтъ *черный*, по *полю желтый* или *золотой*, но, конечно, не оранжевый, а изъ Московскаго герба отнюдь немыслимо по лошади брать бѣлый цвѣтъ, а уже скорѣе по *полю* взять цвѣтъ *красный*. Самъ Святый Георгій одѣтъ въ темныя латы, такъ что бѣлаго цвѣта найти въ этомъ всадникѣ нельзя. Суммируя сказанное, оказывается что въ дѣйствительности нашихъ гербовыхъ цвѣтовъ, опредѣленныхъ въ тѣ времена, могло быть только *два—черный* и *желтый*.

Но что особенно тягостно для насъ въ настоящее время, такъ это то, что эта кокарда была установлена не въ честь какого-либо выдающагося, знаменательнаго, чисто русскаго событія, а въ честь торжествованія *священнаго союза Россіи* съ *Австріей* и *Пруссіей*. Именно такое толкованіе сему нововведенію даетъ историкъ Л.-Гв. Финляндскаго полка г. Ростковскій, который хорошо извѣстенъ своимъ научнымъ и строго обоснованнымъ трудомъ; онъ говоритъ: «въ кокардѣ нашей послѣдовало измѣненіе: прежде она была черная съ оранжевымъ, а тутъ присоединили бѣлый цвѣтъ, отчего наша кокарда, по оранжевому цвѣту, сдѣлалась сходной съ австрійской, а по цвѣту черному съ бѣлымъ съ прусской—символъ союза». *Какой ужасной насмѣшкой долженъ намъ казаться символъ союза Россіи съ Австріей и Пруссіей!* Но зная мистицизмъ Императора Александра I, эта цвѣтовая символика союза, конечно, могла существовать. Что мнѣніе г. Ростковскаго вѣрно можно еще подтвердить

Рис. 20. Изображеніе Московскаго герба иностранцами.

По гравюрѣ Гиршфогеля 1547 г., повторенной затѣмъ въ сочиненіи Герберштейна изд. 1551 г.

Рис. 21. Изображеніе Московскаго герба иностранцами.

Въ сочиненіи Герберштейна, изданіе 1550 года въ Венеціи.

тѣмъ, что именно изъ этихъ трехъ цвѣтовъ т. е. чернаго, желтаго и бѣлаго установлена въ Пруссіи ленточка медали въ честь войны 1813 г. и взятія Парижа.

Рис. 22. Изображеніе Московскаго герба иностранцами.

Въ сочиненіе Гирберштейна, изданіе 1556 года—всадникъ даже бородатый.

При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ были установлены для ношенія на фуражкахъ кокарды металлическія изъ цвѣтовъ, по срединѣ—*чернаго* и *золотого*, а по окружности — широкой *бѣлой* полосы; однако, когда дочь Императора Николая Павловича — Ольга Николаевна вышла замужъ за Короля Вюртембергскаго, въ ея штандартѣ *ея національность* показана помѣщеніемъ въ углу бѣло-сине-краснаго флага (см. рис. 26 и 27).

При празднованіи въ 1856 году въ Парижѣ мира послѣ Крымской Кампаніи, были выставлены въ Парижѣ флаги свои и русскіе, бѣло-сине-красные, которые были названы во французскихъ газетахъ «Русскими національными флагами».

Въ 1858 г. въ Полномъ Собраніи Законовъ описанъ по замыслу Кене новый флагъ *черно-желто-бѣлый*, и этотъ флагъ былъ затѣмъ введенъ, какъ флагъ *правительственный* въ отличіе отъ *обывательскаго*, каковымъ остался прежній Петровскій флагъ *бѣло-сине-красный*. И дѣйствительно, такое различіе просуществовало все царствованіе Императора Александра II, но тогда оно не было столь еще замѣтно, ибо вообще флагами украшались зданія только въ городахъ, гдѣ было вообще много флаговъ и тѣхъ, и другихъ, да къ тому же и иностранныхъ. Въ тѣ времена зданія больше украшались вывѣшиваніемъ ковровъ и цвѣтовъ, но не флагами, на что мода появилась много позднѣе.

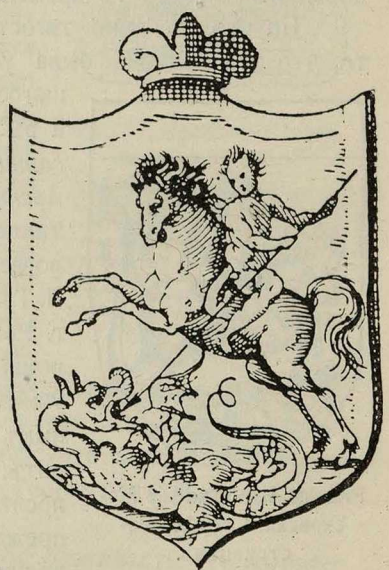


Рис. 23. Изображеніе Московскаго герба иностранцами.

По гравюрѣ Франко Форма (Franco Forma) при портретѣ Царя Ѳеодора Іоановича).

Наконецъ, нововведеніе это было даже неправильно и въ геральдическомъ отношеніи, ибо кромѣ того, что гербовыми цвѣтами продолжали быть только *черный* и *желтый*, и что бѣлый прибавленъ совершенно произвольно, но и расположеніе полосъ противно геральдическимъ основамъ, такъ какъ въ этомъ флагѣ два металла: золото (желтый цвѣтъ) и серебро (бѣлый) поставлены рядомъ, т. е. если уже хотѣли создавать геральдически правильную комбинацію изъ сихъ трехъ цвѣтовъ, то надо было черную

полосу помѣстить посрединѣ, дабы разъединить желтый и бѣлый цвѣта. Императоръ Александръ III, этотъ истинно русскій Государь, повелѣлъ 28 апрѣля 1883 г. уничтожить двойственность національности во флагахъ, что и вылилось окончательно въ законодательномъ распоряженіи такъ: «Полиція наблюдаетъ, чтобы въ тѣхъ торжественныхъ случаяхъ, когда признается возможнымъ дозволить украшеніе зданій флагами, былъ употребляемъ *исключительно русскій* флагъ, состоящій изъ трехъ полосъ: верхней — бѣлаго, средней — синяго и нижней — краснаго цвѣтовъ; употребленіе же иностранныхъ флаговъ допускается лишь по отношенію къ зданіямъ, занимаемымъ посольствами и консульствами иностранныхъ державъ, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда для чествованія пріѣзжающихъ въ Имперію членовъ царствующихъ династій и вообще почетныхъ представителей иноземныхъ государствъ, признано будетъ необходимымъ украсить дома флагами ихъ національности». (См. уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленія т. XIV, изд. 1890 года, разд. III, гл. I, ст. 129).

Рис. 24. Изображеніе Московскаго герба иностранцами.

Въ соч. Мейерберга путешествовавшаго въ Россіи въ 1661—1662 г.г. На этомъ изображеніи всадникъ одѣтъ.

Итакъ, этимъ повелѣніемъ, хотя и не *изъятъ* введенный по замыслу г. Кене флагъ *черно-желто-бѣлый*, но повелѣно во всѣхъ случаяхъ поднимать флагъ *бѣло-сине-красный*, который названъ «*исключительно русскимъ*»; и дѣйствительно, ни въ одномъ государствѣ всего міра нѣтъ флага, въ которомъ цвѣта эти были бы расположены въ томъ же порядкѣ, какъ въ нашемъ русскомъ.

То обстоятельство, что не было *Высочайшаго* повелѣнія объ упраздненіи флага *черно-желто-бѣлаго*, вызвало уже нѣсколько разъ вопросы объ его возстановленіи. Въ «*Высочайше* учрежденномъ при Министерствѣ Юстиціи Особомъ Совѣщаніи для выясненія вопроса о русскихъ государственныхъ національныхъ цвѣтахъ» голоса раздѣлились; большинство было за введеніе общимъ флагомъ новаго флага по *гербу* и при этомъ взятъ Кеневскій образецъ вверхъ ногами, т. е. получался бы флагъ *бѣло-желто-черный*. Противъ этого возсталъ я, и въ окончательномъ постановленіи ко мнѣ присоединились нѣсколько лицъ. Вынесенное заключеніе не удостоилось *Высочайшаго окончательнаго* разрѣшенія и было для разсмотрѣнія передано въ Совѣтъ Министровъ, который его передалъ «Особой Междувѣдомственной *комиссіи* при Морскомъ Министерствѣ, для дополнительнаго разсмотрѣнія съ точки зрѣнія практической пріемлемости предположеній, выработанныхъ *Высочайше* учрежденнымъ *Особымъ Совѣщаніемъ* при Министерствѣ Юстиціи, для выясненія вопроса о Русскихъ Государственныхъ цвѣтахъ»; дабы выяснить *цѣлесо-*

образность и *пріемлемость* рѣшенія большинства членовъ *Особаго Совѣщанія* (указаннаго выше), въ особой комиссіи вопросъ разрѣшился возвращеніемъ къ прежнему русскому образцу; комиссія была противъ введенія *новаго* флага, измышленнаго г. Кене, но до сихъ поръ еще не осуществилось *окончательное* уничтоженіе флага, наличіе котораго *нецѣлесообразно* и введеніе котораго *непріемлемо*.

Въ доказательство можно указать на слѣдующее: въ древнія времена не было обычая вывѣшивать всюду флаговъ, а самое названіе *національный*

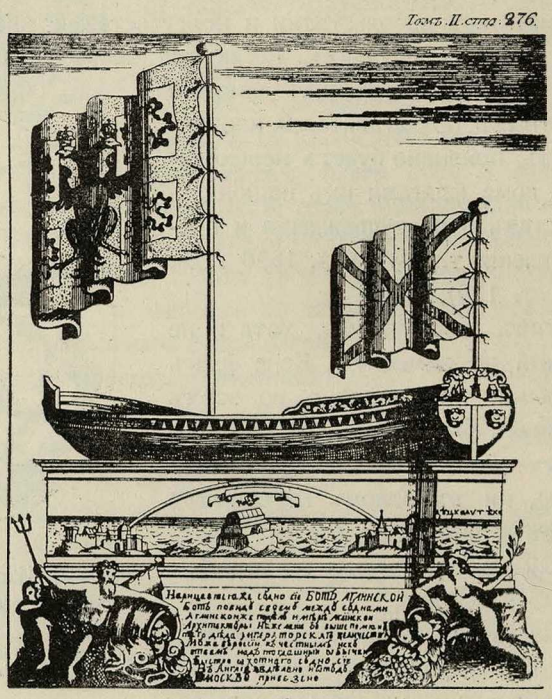


Рис. 25. Ботикъ Петра Великаго; по борту виденъ поясъ треугольниковъ, бѣлыхъ, синихъ и красныхъ. Гравюра того времени.

флагъ появилось не раньше французской революціи. До того были только флаги *правителей*, флаги правительствъ, а народъ и обыватели никакихъ флаговъ имѣть не могли. Теперь же флагъ сталъ обычнымъ украшеніемъ въ праздничный день и изъ столицы и города перешелъ въ деревню, гдѣ тоже стали флагами украшать зданія, а потому существованіе двухъ флаговъ, одного—правительственнаго и другого—обывательскаго, какъ то придумалъ Кене и его приспѣшники, особенно сказалось бы теперь, и именно въ деревнѣ, гдѣ всѣ обыватели на своихъ зданіяхъ должны бы были вывѣшивать флаги *обывательскіе* бѣло-сине-красные, равно и на зданіи сельскихъ выборныхъ лицъ, а зато на зданіи, гдѣ продается *казенная* водка,

флаги должны бы были быть *правительственные*, т. е. черно-желто-бѣлые. Вотъ было бы наглядное значеніе введенія такого обособленія обывателей и правительства во флагѣ.

Основы его, якобы геральдическія, но и это не соотвѣтствуетъ истинѣ, ибо во многихъ государствахъ нѣтъ этой, какъ будто, обязательной геральдической связи. Для доказательства перечислю государства по ихъ государственному значенію въ Европѣ.

Имперія *Австрійская*, получившая свой гербъ отъ Священной Римской Имперіи германскаго народа, имѣетъ гербовыми цвѣтами: *черный* и *желтый*, а флаговъ два — красно-бѣло-красный и красно-бѣло-зеленый.

Имперія *Германская*, созданная въ 1870 году, имѣетъ гербовыми цвѣтами *черный* и *желтый*, а національный флагъ—*черно-бѣло-красный*.

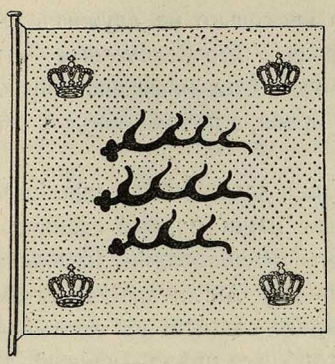


Рис. 26. Штандартъ Короля Вюртембергскаго.

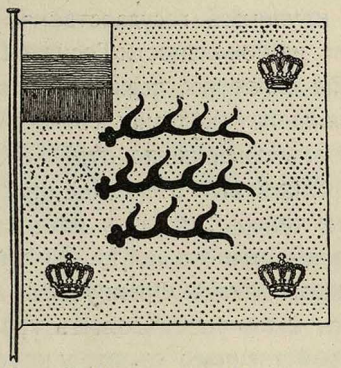


Рис. 27. Штандартъ Королевы съ русскимъ національнымъ флагомъ въ крыжѣ.

Итакъ, въ обѣихъ Имперіяхъ нѣтъ единства *гербовыхъ* цвѣтовъ съ *флажными національными*, а вдругъ у насъ захотѣли создать свой національный флагъ по правиламъ нѣмецкой геральдики, т. е., чтобы мы стали больше нѣмцами, чѣмъ сами нѣмцы; между тѣмъ имъ, создавшимъ лишь теперь свою Имперію, было бы проще всего выполнить всѣ требованія геральдики, если дѣйствительно, эти требованія жизненны.

Въ *Великобританіи*, въ Имперіи хотя и не европейской, но въ государствѣ великомъ, съ которымъ намъ, Россіи, приличествуетъ равняться, находимъ, что ея гербъ состоитъ изъ трехъ частей въ соотвѣтствіи съ тремя Королевствами, входящими въ ея составъ, а именно: въ Англіи собственно три *золотыхъ* леопарда на *красномъ* полѣ, а флагъ бѣлый съ *краснымъ* крестомъ Святаго Георгія, въ Шотландіи *красный* левъ на *желтомъ* полѣ, а флагъ *синій* съ *бѣлымъ* крестомъ Святаго Андрея и въ Ирландіи *золотая* лира на *синемъ* полѣ, а флагъ *бѣлый* съ *краснымъ* крестомъ Св. Патрика; такимъ образомъ здѣсь — полное *расхожденіе* во всѣхъ трехъ Королевствахъ *гербовыхъ* цвѣтовъ съ *флажными*, и это расхожденіе не случайное, оно зарегистрировано поколѣніями *геральдическихъ* протоколовъ, возбужден-

ными въ связи съ измѣненіями флага общаго, который получился отъ наложенія флага одного Королевства на другой въ общемъ флагѣ соединеннаго Королевства Великобританіи, — ихъ гюйсъ.

О другихъ государствахъ я не буду упоминать, ибо въ *большинствѣ* изъ числа конечно, большихъ государствъ, такого якобы обязательнаго единенія *гербовыхъ* цвѣтовъ съ *флажными не существуетъ*, а потому и у насъ вводить такое слѣпое слѣдованіе нѣмецкимъ геральдическимъ правиламъ нѣтъ положительно никакого основанія. Во флагѣ эту введенную Кене связь необходимо уничтожить въ корнѣ, чтобы и подниматься въ будущемъ не могъ этотъ вопросъ.

Дѣйствительно, штандартъ *Его Императорскаго Величества* не имѣетъ связи съ цвѣтами національнаго флага, но это явленіе общее почти всѣмъ крупнымъ государствамъ, и это нисколько не служитъ умаленіемъ единства національности Государя и народа. У *Его Величества*—штандартъ, какъ *Его* скипетръ, держава, мантія и пр. положенныя инсигніи власти, на кои *никто* изъ подданныхъ не имѣетъ права, а потому вполнѣ естественно они стоятъ совершенно отдѣльно.

Трехцвѣтный бѣло-сине-красный флагъ должно быть еще болѣе цѣненъ особенно теперь, ибо отъ насъ его взяли наши родные славяне—сербы и черногорцы; эти же цвѣта, но въ иномъ расположеніи, находятся въ національномъ флагѣ Французовъ, а равно и у Англичанъ, а потому теперь являются какъ бы символомъ тройственнаго согласія въ противовѣсъ бывшаго тройственнаго союза, у котораго гербовые цвѣта—черный, золотой, а у Пруссіи еще бѣлый.

Итакъ, сводя все сказанное въ этой части, имѣемъ, что по почину г. Кене былъ введенъ въ 1858 году новый флагъ, который, *какъ флагъ*, былъ совершенно чуждъ русской исторіи; флагъ этотъ вводился, какъ сепаратный, правительственный, въ отличіе отъ прежняго флага, который становился лишь обывательскимъ. Императоръ Александръ III повелѣлъ совершенно опредѣленно поднимать исключительно лишь одинъ флагъ *бѣло-сине-красный*, каковымъ повелѣніемъ въ сущности и былъ уничтоженъ введенный по замыслу Кене черно-желто-бѣлый флагъ.

П. Бѣлавенецъ.

Гангутская побѣда.

Но умеръ великанъ, оставивши Гангута,
Побѣду славную, какъ смѣлый образецъ.
Лейтенантъ С.

I.

Двухсотлѣтняя годовщина нашей первой морской побѣды.—Причины Великой Сѣверной войны. — Стремленіе Россіи къ Балтійскому морю и къ общенію съ Западомъ.— Мечты о возвращеніи старыхъ московскихъ вотчинъ. — Оправдательные документы нашей политики.—Союзъ съ Даніей и Польшей.—Первое десятилѣтіе войны.—Дальнѣйшіе планы и соображенія.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, 27-го іюля 1714 года, близъ Гангутскаго мыса, отдѣляющаго Финскій заливъ отъ Ботническаго, юный русскій флотъ одержалъ весьма важную въ стратегическомъ отношеніи побѣду надъ своимъ грознымъ соперникомъ, старымъ и заслуженнымъ шведскимъ флотомъ. Этотъ знаменательный въ русскихъ лѣтописяхъ бой, по завѣту самого Петра, чтится у насъ до сихъ поръ какъ *первая* морская побѣда [1]). «Объявляемъ вамъ, писалъ царь 30-го іюля Меншикову, коимъ образомъ всемогущій Господь Богъ Россію прославить изволилъ, ибо ко много дарованнымъ побѣдамъ на землѣ, нынѣ и на морѣ вѣнчати благоволилъ... и тако сею, мню николи у насъ бывшею, викторіею васъ поздравляемъ»...

Съ формальной стороны такое утвержденіе нельзя, конечно, признать вполнѣ точнымъ. И до Гангута нашъ флотъ имѣлъ немало случаевъ сразиться съ непріятельскимъ и, какъ любили выражаться въ старину, «одерживать надъ онымъ поверхность». Такихъ успѣшныхъ столкновеній у насъ насчитывалось уже достаточное количество на Чудскомъ и Ладожскомъ озерахъ, на Невѣ и, наконецъ, въ томъ же самомъ Финскомъ заливѣ, хотя и не въ такомъ значительномъ удаленіи отъ своей базы—Кронштота. Но все это были лишь слабыя попытки помѣряться съ врагомъ новымъ, еще мало извѣданнымъ, оружіемъ, прелюдіи къ настоящему серьезному дѣлу, каковымъ и былъ, безъ сомнѣнія, Гангутскій бой. Такимъ образомъ, онъ

[1]) Въ число высокоторжественныхъ дней морской уставъ включаетъ и «27 іюля, день первой побѣды, одержанной русскимъ флотомъ при Гангутѣ», почему онъ и празднуется на судахъ богослуженіемъ, расцвѣчиваніемъ флагами и салютомъ (ст. 1239—1241, изд. 1899 г.).

является однимъ изъ звеньевъ той громадной цѣпи событій, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ Великой Сѣверной войны. Почва для нея подготовлялась уже давно, а потому и причинъ для разрыва со Швеціей накопилось болѣе чѣмъ достаточно. Самою важною изъ нихъ слѣдуетъ признать наше давнишнее (со временъ Грознаго) тяготѣніе къ Балтійскому морю, сулившему бѣдной земледѣльческой странѣ широкіе горизонты и новыя средства обогащенія. Въ этомъ отношеніи Петръ шелъ по стопамъ своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ онъ особенно высоко ставилъ Іоанна IV. «Сей государь, сказалъ онъ, мой предшественникъ и образецъ, но я съ нимъ еще не могъ сравняться» [1]).

Съ громадными усиліями удалось первому московскому царю овладѣть Нарвой и стать на берегу завѣтнаго моря; но счастье было непродолжительно. Вскорѣ пришлось уступить Швеціи не только Эстляндію, но и часть собственныхъ владѣній: Ямъ, Копорье и Корелу. Они возвращены были Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и снова утеряны Василіемъ Шуйскимъ. Въ смутное время было не до возмездія и на долю перваго Романова выпала печальная обязанность закрѣпить такое невыгодное положеніе вещей Столбовскимъ договоромъ (1617 года), ради сохраненія мира, а, можетъ быть, даже и спасенія отъ конечной гибели раззоренной страны.

Вспоминая объ этомъ, Петръ въ собственноручномъ предисловіи къ морскому уставу 1720 года, между прочимъ, писалъ: «Монархію русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отмщеніе же и распространеніе сыну своему оставилъ... Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его».

Петръ не уклонился отъ своего жребія и, уладивъ кое-какъ недоразумѣнія съ Турціей, поспѣшилъ заручиться союзниками и направилъ войска къ той же Нарвѣ, казавшейся ему въ то время наиболѣе подходящею «морскою пристанью». Къ тому же эта крѣпость являлась ключемъ къ овладѣнію Ингріей (Ингерманландіей), каковая вмѣстѣ съ Кореліей и представлялись тѣми землями «отчичъ и дѣдичъ», о возвращеніи которыхъ и шла теперь рѣчь. Все это весьма подробно и краснорѣчиво изложено между прочимъ и въ особомъ современномъ трактатѣ, составленномъ по порученію царя вице-канцлеромъ Шафировымъ [2]). «Что провинціи Корелія и Інгрія, читаемъ мы на первой же страницѣ этой любопытной книги, или Карельская и Іжерская земли, со всѣми прінадлежащіми ко онымъ уѣздами,

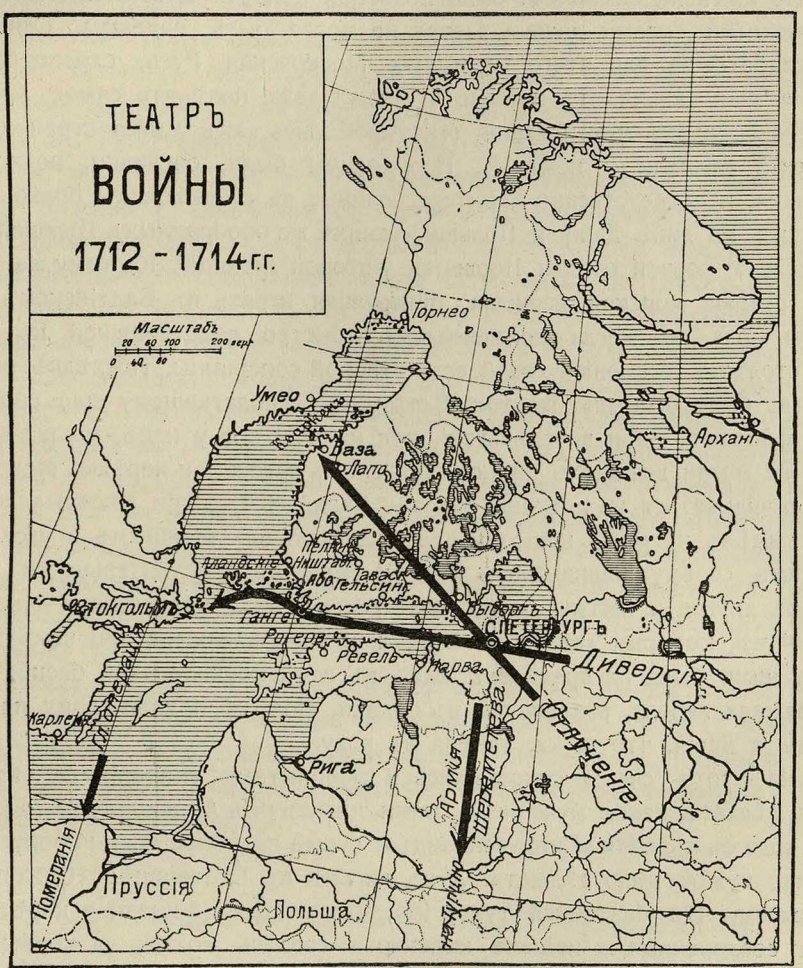
---

[1]) Штелинъ, II, с. 93—95. Москва, 1801 г.

[2]) «Разсужденіе какіе законные прічіны Его Величество Петръ Великій Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и протчая, и пр., и пр. къ начатію воіны противъ Короля Карола 12, Шведскаго 1700 году имѣлъ» и т. д. Книга въ 1/8 д. л., напечатана въ 1722 г. въ Петербургѣ и представляетъ теперь большую библ. рѣдкость. Она подписана иниціалами П. Ш., но многія мѣста изложены самимъ Петромъ. Ея заключеніе (стр. 215—230) ак. Пекарскій цѣликомъ приписываетъ царю.

городами, и мѣстами, изъ древле ко Всероссійскому імперію пріналѣжали, то не могутъ и сами Шведы отрещи. Ибо всѣ договоры и корреспонденціи отъ давніхъ лѣтъ межъ коронами Россіискою и Шведскою, о томъ ясно гласятъ» и т. д.

Эта основная причина борьбы нашей со Швеціей доминируетъ и во всѣхъ другихъ документахъ той эпохи, такъ или иначе предназначавшихся для



объясненія или оправданія русской политики. Въ апрѣлѣ 1714 г., напримѣръ, послѣ цѣлаго ряда территоріальныхъ пріобрѣтеній, наше правительство сочло нужнымъ обратить вниманіе Лондонскаго кабинета на то, что не только Ингрія и Корелія, но и большая часть Эстляндіи и Лифляндіи «издревле всегда россійской принадлежали коронѣ». Уступленныя шведамъ въ силу необходимости, «нынѣ за многіе короля ихъ неправды наслѣдственные оные земли паки къ Россіи присоединены». Годъ спустя, царь въ

такомъ же смыслѣ писалъ своему сыну, особенно подчеркивая значеніе для Россіи моря и непосредственнаго общенія съ Европой. Въ письмѣ своемъ онъ обвиняетъ шведовъ въ томъ, что они «не только ограбили толь нужными отеческими пристаньями, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли» [1]).

Но какъ ни заманчива была подобная цѣль, на достиженіе ея однѣми собственными силами даже у Петра не могло быть надежды. Слишкомъ еще слаба была для этого тогдашняя Московская Русь, страна бѣдная, отброшенная далеко отъ моря и успѣвшая даже потерять самое представленіе о выгодахъ мореплаванія («которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ» [2]). Необходимы были, очевидно, подходящіе союзники, непосредственно заинтересованные въ предстоящей борьбѣ. Они и явились въ лицѣ Даніи и Польши, такихъ же обобранныхъ Швеціей какъ и Россія. У первой отняли Норвегію, у второй Ливонію. Къ тому же, Данія, какъ старая морская держава, привыкшая играть въ Балтійскомъ морѣ видную роль, не могла примириться съ быстро возраставшей къ концу XVII столѣтія гегемоніей своей естественной соперницы. Послѣднее обстоятельство было особенно выгодно Петру, не располагавшему еще собственнымъ флотомъ. Да и впослѣдствіи, при наличіи его у насъ, мы все же еще долго не могли возлагать на него большихъ надеждъ и нерѣдко вынуждены были оглядываться на союзный флотъ. Казалось бы, при такихъ условіяхъ союзъ имѣлъ не мало шансовъ стать достаточно прочнымъ и удовлетворяющимъ своему назначенію. Между тѣмъ, въ дѣйствительности вышло совсѣмъ другое и союзниковъ смѣло можно было уподобить тѣмъ тремъ созданіямъ, которыя «везти съ поклажей возъ взялись»; при чемъ и роли между ними были распредѣлены какъ въ этой поучительной баснѣ: Россія изображала лебедя, рвавшагося въ облака, Польша, подобно раку, пятилась назадъ, а Данія, что щука, тянула въ воду.

На этотъ счетъ сохранились и любопытныя указанія самого царя. «Богъ вѣдаетъ, какое мученіе съ ними, писалъ онъ Апраксину 27-го августа 1716 года съ корабля «Ингерманландъ», сущее надобное время пропускаютъ и бутто чужое дѣло дѣлают». А въ письмѣ къ Екатеринѣ: «О здѣшнемъ объявляем, что балтаемся туне; ібо, что молодия лошади в карѣте, так наши соединенныя, а наіпаче коренного сволочь хотят, да коренныя ни думают» [3]).

Какъ бы то ни было, союзники начали военныя дѣйствія противъ общаго врага весною 1700 года, а Россія могла примкнуть къ нимъ только

---

[1]) М. Бородкинъ. Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. С.-Петербургъ. 1910 г., стр. 155.

[2]) Предисловіе къ Морскому Уставу 1720 г

[3]) Марченко. Мысли Петра Великаго о созданіи военнаго порта на Балтійскомъ побережьѣ (Воен. Сб. 1899 г., № 9).

19-го августа, послѣ заключенія мирнаго договора съ Турціей. Онъ долженъ былъ продолжаться 30 лѣтъ, но уже въ концѣ 1710 г. Порта, по наущенію бѣжавшаго подъ ея охрану Карла XII и подъ давленіемъ Франціи, нарушила свои обязательства и объявила Россіи войну. Съ громадными усиліям и жертвами удалось Петру ликвидировать ее въ слѣдующемъ году невыгоднымъ для насъ Прутскимъ трактатомъ и снова развязать себѣ руки для затянувшейся борьбы со Швеціей.

Это тѣмъ болѣе было важно, что ни захватъ Ингерманландіи, ни даже разгромъ главныхъ силъ противника на поляхъ Полтавы, не привели къ желанному миру на условіи возвращенія намъ линіи рѣки Невы, съ прилегающей къ ней территоріей, т. е. той, по образному выраженію Петра, «артеріи, черезъ которую можетъ здоровѣе и прибыльнѣе государственное сердце биться» [1]). Благодаря, съ одной стороны, удивительному упорству юнаго шведскаго короля, а съ другой—недостаточности нашихъ средствъ и нерѣшительности союзниковъ, война затянулась еще надолго. Вскорѣ же послѣ Полтавы выяснилось, что для окончательнаго подавленія воли противника придется перенести военныя дѣйствія на его собственную территорію—Скандинавскій полуостровъ, для чего необходимо предварительно справиться съ Помераніей и Финляндіей. Главный ударъ рѣшено было нанести шведамъ въ Помераніи союзными войсками сообща, произведя одновременно со стороны Финляндіи лишь диверсію для отвлеченія силъ непріятеля. Эта послѣдняя операція и явилась важнѣйшимъ объектомъ Финляндской кампаніи 1712 — 1714 годовъ. Захватъ Або и Аландскаго архипелага, этого естественнаго моста черезъ Ботническій заливъ, далъ бы намъ возможность при благопріятныхъ обстоятельствахъ угрожать даже самому Стокгольму [2]).

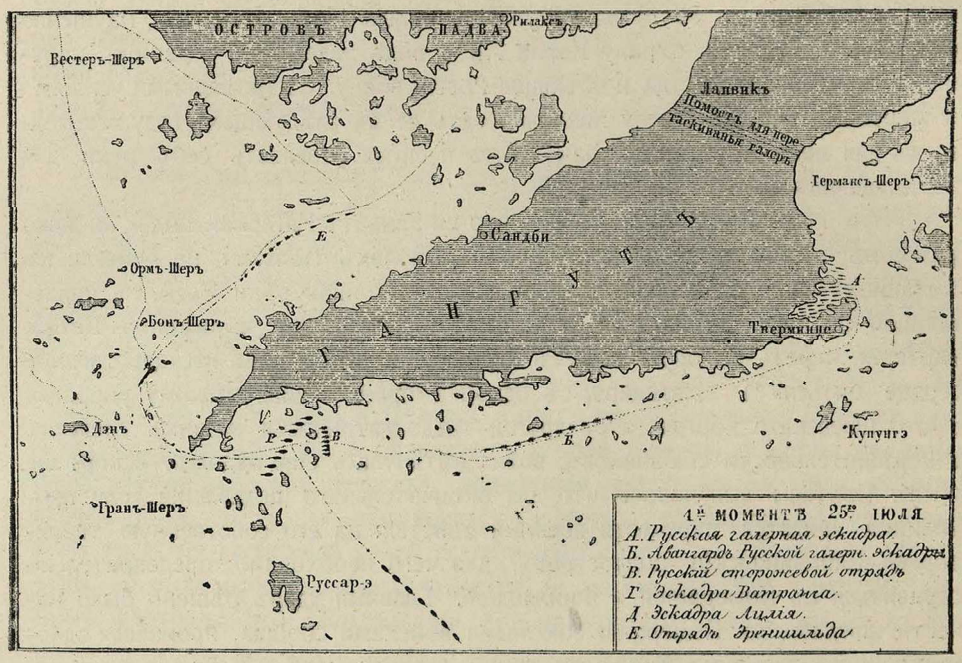
Правда, Петръ ошибся въ своихъ расчетахъ на быстрое окончаніе этой кампаніи, и она затянулась на цѣлыхъ три года. Въ числѣ различныхъ обстоятельствъ, тормозившихъ заевованіе Финляндіи, не послѣднее мѣсто занималъ и самый театръ военныхъ дѣйствій, представлявшій немало своеобразныхъ особенностей.

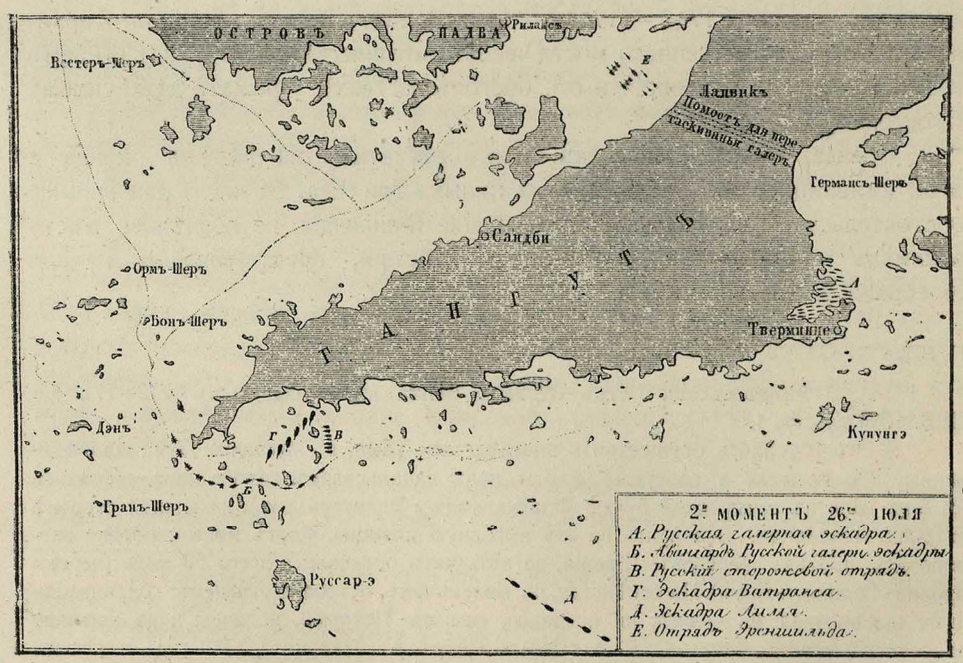
---

[1]) А. З. Мышлоевскій. Петръ Великій. Война въ Финляндіи въ 1712—1714 г.г. СПБ. 1896 г., стр. 1.

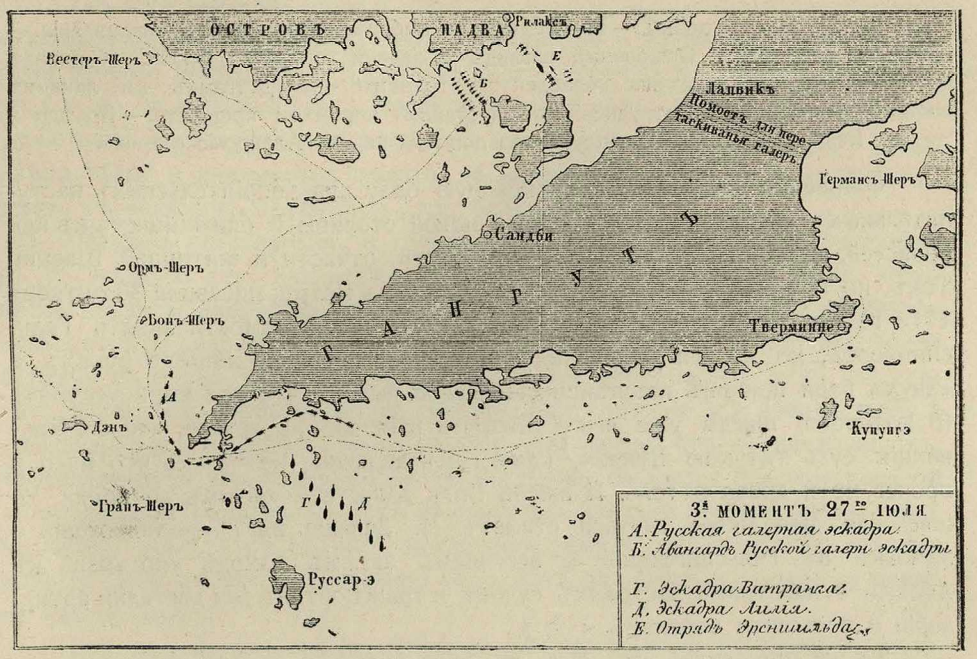
[2]) Это и удалось осуществить впослѣдствіи. Такъ, въ кампанію 1719 года соединенные корабельный и галерный флоты, подъ начальствомъ самого царя, собрались къ 8-му іюля въ прекрасной бухтѣ Флаккагамнъ (Флаккавикенъ), на южной сторонѣ острова Лямеландъ. Базируясь на эту выгодную позицію, флотъ могъ свободно оперировать противъ береговъ Швеціи, до которыхъ оставалось всего 50 миль (черезъ проливъ Аландсъ-гафъ). По сосѣдству, на маленькомъ островкѣ Ледшеръ, сохранилась даже высѣченная на камнѣ, по преданію, самимъ Петромъ, надпись: подъ короною андреевскій крестъ, буквы С. Р. А. (Цесарь Петръ Алексѣевичъ), 1719 годъ и мѣсяцъ Іюль (Iul).

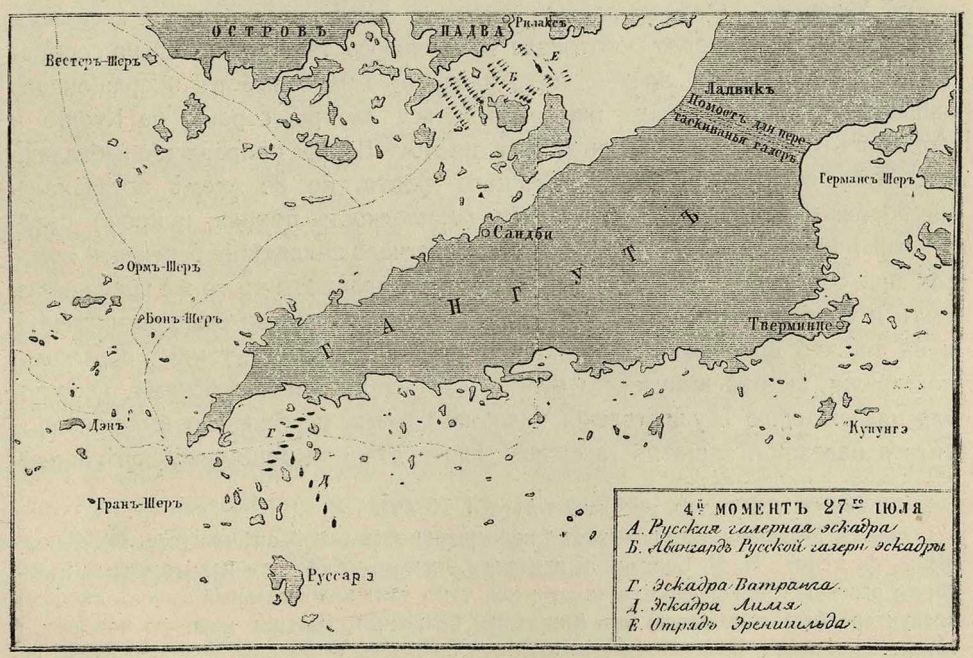
(А. Андреевъ «Финскіе шхеры». М. Сб. 1869 г., № 3).





Карта Гангутскаго боя.





Карта Гангутскаго боя.

II.

Финляндскій театръ войны. — Вліяніе его на выборъ операціоннаго направленія. — Кампанія 1712 года. — Ошибочный взглядъ на задачи галернаго флота. — Спѣшная постройка судовъ. — Покупка кораблей за границей. — Недостатокъ въ личномъ составѣ для флота. — Затрудненія съ доставкой пороха и провіанта. — Побѣды у Пелкина и Лапполы. — Неудачная попытка занять Аландскіе острова.

Финляндія представляла прекрасную базу для непріятельскихъ наступательныхъ операцій противъ нашей новой столицы и ближайшихъ къ ней областей, а вмѣстѣ съ тѣмъ могла служить отчасти и житницей Швеціи. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на дѣло самъ Петръ, писавшій 30 октября 1712 года изъ Карлсбада графу Апраксину о необходимости занять Гельсингфорсъ, но не для раззоренія или удержанія его въ нашихъ рукахъ, а «двухъ ради причинъ главнѣйшихъ: первое былобъ что при мирѣ уступить (о которомъ шведы уже ясно говорить начинаютъ), другое, что сія провинція суть титькою Швеціи, какъ самъ вѣдаешь, не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль. И ежели Богъ допуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ» [1]). Дальше идутъ распоряженія о зимовкѣ въ Гельсингфорсѣ, о весеннемъ затѣмъ походѣ «по травѣ къ Абову», о заготовкѣ ластовыхъ судовъ и транспортовъ для доставки артиллеріи и провіанта войскамъ и т. д.

Та же Финляндія для насъ, въ свою очередь, должна была служить промежуточной базой при дальнѣйшихъ операціяхъ противъ непріятельскихъ береговъ. Отсюда важное значеніе этого новаго театра военныхъ дѣйствій, съ характеромъ котораго приходилось теперь тщательно сообразоваться. Отъ этого прежде всего зависѣлъ самый выборъ операціоннаго направленія. Можно было или вторгнуться внутрь страны на Куопіо и Улеаборгъ или же идти вдоль берега на Або. Первое направленіе избавляло насъ отъ воздѣйствія непріятельскаго флота, но во всемъ остальномъ (бездорожье, враждебность населенія, безплодность похода, и проч.) представляло крупныя неудобства. Второе облегчало завладѣніе береговой полосой при содѣйствіи галернаго флота, обезпечивавшаго въ то же время нашъ тылъ и сообщенія съ базой по водѣ. Къ тому же, можно было расчитывать и на то, что прибрежные финляндскіе города, лишенные, такимъ образомъ, поддержки, скорѣе вынуждены будутъ сдаться русскимъ войскамъ. Однако, для надлежащаго осуществленія подобнаго плана необходимо было озаботиться надежной защитой галернаго флота отъ нападенія шведскаго линей-

[1]) Матер. для истор. русскаго флота, I, № 495.

А. З. Мышлаевскій указываетъ на ошибочность такой оцѣнки (стр. 40). Соглашаясь съ этимъ, М. М. Бородкинъ находитъ, однако, что Петръ все же имѣлъ нѣкоторыя основанія для подобнаго заключенія, такъ какъ значительный вывозъ лѣсныхъ продуктовъ (особенно дегтя) изъ Финляндіи приносилъ Швеціи крупную пошлину, а земледѣльческихъ продуктовъ эта область производила больше, чѣмъ ей самой необходимо было (стр. 136).

наго флота, для чего противопоставить ему свой такой же. Къ сожалѣнію, мы, какъ уже было упомянуто выше, не располагали еще тогда соотвѣтствующей морской силой. Въ этомъ собственно и заключалась слабая сторона второго направленія. Петръ не могъ, конечно, не считаться съ нею, но все же не отказался отъ морского пути, предпочитая его невыгоды неудобствамъ сухопутнаго похода по негостепріимной странѣ, гдѣ было «зѣло тѣсно и каменисто, гористо, лѣсно, и зѣло много водъ, и телѣгамъ ѣхать съ великимъ трудомъ и зѣло безкормно» [1]).

Плаваніе по шхерамъ, и теперь представляющее немало опасностей, въ тѣ времена еще значительно затруднялось отсутствіемъ лоцій, хорошихъ картъ и предостерегательныхъ знаковъ. Если къ этому прибавить недостатокъ надежныхъ лоцмановъ и постоянное опасеніе внезапной встрѣчи съ болѣе сильнымъ непріятельскимъ флотомъ, то легко представить себѣ всѣ тягости этого своеобразнаго похода по извилистымъ и совершенно неизвѣстнымъ фарватерамъ. Немудрено, что въ инструкціяхъ, составлявшихся для галернаго флота, постоянно слышится опасеніе какъ бы «безвѣстно не въѣхать въ ротъ непріятелю», для чего рекомендуется «какъ въ плаву, такъ и на стоянкѣ прилежную имѣть осторожность всякими образы, дабы непріятель внезапно не напалъ или намъ на онаго нечаянно не наѣхаться» [2]).

Всѣ упомянутыя неблагопріятныя обстоятельства, въ связи съ малочисленностью судового состава галернаго флота, настолько отразились на ходѣ кампаніи, что о захватѣ г. Або въ 1712 году не могло быть и рѣчи. Все дѣло ограничилось неудачнымъ походомъ Апраксина за Выборгъ и отступленіемъ русскихъ войскъ туда же. Главнымъ виновникомъ такой неудачи считаютъ Апраксина, показавшаго себя здѣсь недостаточно рѣшительнымъ вождемъ. При этомъ онъ выказалъ и не совсѣмъ правильный взглядъ на задачи галернаго флота. Находившаяся въ его распоряженіи небольшая галерная эскадра графа Боциса, человѣка отважнаго и предпріимчиваго, была прикована къ медленно двигавшейся вдоль берега арміи, играя при ней лишь роль продовольственнаго транспорта. Между тѣмъ, дѣйствуя въ тылу у непріятеля и угрожая его сообщеніямъ, на что указывалъ впослѣдствіи и царь, Боцисъ могъ сильно повліять на исходъ кампаніи. Опытъ ея не прошелъ, однако, для Петра даромъ и, сообразно съ его указаніями, зимой 1712—1713 года на всѣхъ тогдашнихъ верфяхъ закипѣла усиленная работа. Строили галеры, бригантины, шкуны, карбузы, тялки и другія пригодныя для дѣйствій и перевозки припасовъ въ шхерахъ суда. При такой спѣшкѣ и недостаткѣ въ свободныхъ верфяхъ объ одновременномъ усиленіи корабельнаго флота нечего было, конечно, и думать. Считая, однако, это дѣло слишкомъ въ данный моментъ важнымъ, а потому

[1]) Бородкинъ, 137.

[2]) Матер. I, № 563. Пункты, данные государемъ 6-го мая 1713 г. генералу князю Голицыну; п. 5 (всѣхъ пять).

и «промедленіе времени смерти подобнымъ», Петръ рѣшился прибѣгнуть къ покупкѣ готовыхъ кораблей за границей. Уже въ 1711 году былъ командированъ въ Данію корабельный мастеръ Ѳедоръ Салтыковъ, которому вмѣнено было въ обязанность пріобрѣтать какъ тамъ, такъ и въ Голландіи, подходящія суда, подъ главнымъ руководствомъ посланника въ Копенгагенѣ, князя Долгорукаго. Нѣсколько позже подобное же порученіе возложено было и на посланника нашего въ Голландскихъ Штатахъ, кн. Куракина. Несмотря, однако, на сравнительную дешевизну заграничныхъ судовъ [1]), пріобрѣтеніе ихъ замедлялось отчасти отсутствіемъ подходящаго товара, но больше всего финансовыми затрудненіями. «Для Бога, писалъ царь въ сентябрѣ 1712 года князю Долгорукову, крайнее попеченіе имѣйте, ибо сіе дѣло самое главное въ сей войнѣ» [2]). А полтора года спустя, Салтыковъ доносилъ царю изъ Лондона, что продавецъ Робинсонъ, получивъ за три корабля («Свивстенъ», «Лондонъ» и «Гретъ Алинъ») болѣе 80 т. фунтовъ, «тѣхъ кораблей не отпускаетъ и отпускать не хочетъ, по то число, пока ему прошлогодныхъ 4-хъ кораблей долгъ заплаченъ будетъ», составлявшій 16 тысячъ фун. съ лишнимъ [3]). Но однихъ корабельныхъ кузововъ было, конечно, недостаточно. Надо было еще снабдить ихъ артиллеріей и, что самое главное, укомплектовать подходящимъ личнымъ составомъ. Заботы объ этомъ царя достигаютъ особенной интенсивности именно въ интересующую насъ эпоху 1714 года, т. е. въ тотъ моментъ кампаніи, когда финляндская «диверсія» близится къ своему концу и начинаетъ принимать уже характеръ самостоятельной операціи.

Ни своихъ пушекъ, ни людей не хватало, а терять времени напрасно при такихъ обстоятельствахъ нельзя было. Пришлось и за этимъ обратиться за границу. Правда, англійскія пушки оказались дороже собственныхъ, но за то «здоровѣе», почему Петръ и не жалѣлъ затраченныхъ на нихъ денегъ. Съ людьми справиться было потруднѣе. Не говоря уже о необходимости заключенія съ ними довольно сложныхъ контрактовъ при наймѣ и неизбѣжности при такой спѣшкѣ и не всегда достаточномъ взаимномъ пониманіи различныхъ претензій, приходилось еще учитывать и опасность захвата набранныхъ съ такимъ трудомъ «навигаторовъ» шведскими каперами. Объ этой опасности Салтыковъ въ свое время предупреждалъ государя, а нѣсколько дней спустя, въ письмѣ отъ 8-го іюня того же 1714 года, уже доносилъ, что принятые имъ въ русскую службу англійскіе офицеры, отправленные на англійскомъ же суднѣ въ Петербургъ, взяты въ плѣнъ непріятельскими приватирами и отведены въ Китенборо [4]). Большому риску

[1]) «А здѣсь они зѣло дешево противъ нашего» доносилъ Салтыковъ царю.

[2]) Бородкинъ, 139.

[3]) В. Берхъ, Собраніе писемъ императора Петра I къ разнымъ лицамъ, съ отвѣтами на оныя. СПБ. 1821 г., II, 214; отъ 4-го февраля 1714 г.

[4]) Берхъ, Собраніе писемъ, II, 254. Случалось, что просились въ русскую службу и нѣкоторые изъ иностранныхъ матросовъ, прибывшихъ на купленныхъ за границей судахъ (id. I, 251).

подвергались также и купленные за границею корабли во время слѣдованія къ русскимъ портамъ, почему царь и требовалъ ихъ страхованія до Копенгагена, въ суммѣ, не превышающей впрочемъ 3.000 ефимковъ [1]). Здѣсь уже, подъ прикрытіемъ датскаго флота и своихъ военныхъ судовъ, они находились въ сравнительной безопасности. Несмотря на шведскій контроль, успѣвали пробираться въ Балтійское море и суда, построенныя въ Архангельскѣ.

Такъ, мало-по-малу, росъ нашъ Балтійскій флотъ, готовясь къ болѣе активному участію въ борьбѣ за господство на этомъ морѣ. Покупныя и архангельскія суда направлялись обыкновенно въ Ревель, гдѣ присоединялись къ остальному флоту.

Снабженіе нашихъ судовъ порохомъ и провіантомъ сопряжено было тоже съ немалыми затрудненіями. Изъ-за недостатка или несвоевременнаго прибытія означенныхъ припасовъ происходили нерѣдко задержки въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такая, напримѣръ, остановка произошла въ маѣ мѣсяцѣ у Березовыхъ острововъ, откуда флотъ не могъ двинуться дальше не только изъ-за льда, какъ-то утверждаютъ обыкновенно историки [2]), но и за отсутствіемъ пороха. Послѣдній изготовлялся въ Нарвѣ, откуда по рѣкѣ Наровѣ и притоку ея Расонѣ доставлялся въ устье р. Луги и далѣе моремъ къ мѣсту назначенія. Отправивъ въ Лужскую бухту 2 тялки для погрузки въ нихъ 170 пуд. ручного и 3.500 пуд. пушечнаго пороха, царь торопилъ нарвскаго оберъ-коменданта Нарышкина съ выполненіемъ этого важнаго наряда, напоминая въ своемъ письмѣ отъ 20-го мая, что дѣло «зѣло нужно за тѣмъ флотъ стоитъ» [3]).

Вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи, едва не пришлось князю Голицыну очистить Або въ самый критическій моментъ кампаніи 1714 года, до соединенія съ его корпусомъ галернаго флота. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ переписка между главными распорядителями операціи. Въ отвѣтъ на донесеніе Голицына о невозможности дольше держаться въ Або, куда доставка провіанта изъ Гельсингфорса на полковыхъ подводахъ была бы немыслима, Апраксинъ умоляетъ его не оставлять этого важнаго стратегическаго пункта, обнадеживая въ томъ, что моремъ всегда можно будетъ привезти провіантъ къ Пой-киркѣ, а оттуда и на людяхъ донести [4]). Однако, послѣ личнаго свиданія съ Голицынымъ 16-го іюня въ Гельсинг-

[1]) Тамъ же, письмо Петра къ комиссару О. А. Соловьеву отъ 2-го декабря 1714 г. Насколько опасенія царя и его агентовъ были на этотъ счетъ основательны, видно уже изъ того, что купленный въ Англіи корабль «Болинброкъ» попался въ руки шведскихъ крейсеровъ.

[2]) Соколовъ, Веселаго, Мышлаевскій и др.

[3]) Собраніе писемъ, I, 215. Нужда была и въ селитрѣ, добывавшейся въ Астрахани.

[4]) Матер. для ист. фл. I, № 815. Письмо отъ 31 мая заканчивается словами: «точію прошу конечно Абова оставить не изволь до насъ, когда случимся, тогда какъ способнѣе положимъ со общаго совѣта».

форсѣ, Апраксинъ, повидимому, отказался отъ своего первоначальнаго оптимистическаго взгляда на это дѣло и на слѣдующій же день доносилъ царю, что, хотя армія въ Або и обстоитъ благополучно, но «въ провіантѣ есть не безъ нужды, понеже водою отъ Пой-кирки провесть не возможно (у Гангута стоялъ непріятельскій флотъ); а сухимъ путемъ запастися многимъ не безъ нужды» [1]).

Какъ бы то ни было, всѣ только что приведенные и другіе неизбѣжные почти при подобной обстановкѣ недочеты не могли отклонить царя отъ осуществленія задуманнаго имъ широкаго плана «отлученія» Финляндіи и обращенія ея въ промежуточную базу для дальнѣйшаго наступленія на непріятельскую территорію. Успѣшная кампанія минувшаго года давала на это несомнѣнное право. Главные этапные пункты, Гельсингфорсъ и Або, были въ нашихъ рукахъ и въ нихъ находились провіантскіе склады. Войска зимовали какъ въ этихъ важнѣйшихъ городахъ Финляндіи, такъ и въ Тавасгусѣ. Всего у князя Голицына имѣлось около 15 тысячъ человѣкъ и съ этими небольшими силами ему предстояло не только отбросить непріятельскую армію на сѣверъ, къ Торнео, но и «выгнать съ берегу черезъ море». Послѣднее не удалось, но послѣ рѣшительныхъ побѣдъ у деревни Пелкинъ 6-го октября 1713 г. и у дер. Лаппола 19-го февраля 1714 года, шведская армія въ Финляндіи почти прекратила свое существованіе. Остатки ея, энергично преслѣдуемые Голицынымъ, отступили далеко на сѣверъ, предоставивъ русскимъ войскамъ занять Вазу. Но намѣченныя затѣмъ рекогносцировки шхерныхъ фарватеровъ и занятіе Аландскихъ острововъ не удались, вслѣдствіе противодѣйствія непріятельскаго флота. Озабочиваясь обезпеченіемъ своего галернаго флота на будущую кампанію, царь, находясь въ Або, предписалъ 2-го сентября 1713 года Апраксину тщательно изслѣдовать весь шхерный районъ отъ Або до кирки Инго (немного восточнѣе Барезунда) и нанести на карту тѣ пункты, въ которыхъ большіе корабли, подойдя близко къ берегу, «мелкимъ судамъ прешкодить могутъ»; а равно, если возможно, то для этихъ кораблей къ веснѣ «отъ большого моря ходъ испортить», т. е. преградить фарватеръ. Развѣдка возложена была на небольшой отрядъ изъ 2-хъ скампавей и 2-хъ лодокъ, а Голицыну поручено было подыскать лоцмановъ для прохода въ Ботническій заливъ [2]). Но мѣры эти, такъ же, какъ и вторая развѣдка въ маѣ 1714 года, не дали ожидаемыхъ результатовъ; хотя важное стратегическое значеніе такихъ шхерныхъ станцій, какъ Твереминэ, Гангутъ и Юнгферзундъ, выяснилось достаточно. Неудача развѣдокъ зависѣла отчасти отъ состоянія льда у Або и Гельсингфорса, отчасти же отъ присутствія непріятельскаго флота у Твереминэ и Гангута. Онъ же весною этого года не только помѣшалъ намъ занять Аландскіе острова, но, перейдя въ насту-

[1]) Собраніе писемъ, II, 25).

[2]) Р. Скаловскій. Военныя дѣйствія русскаго флота въ 1714 году, Морск. Сборн. 1851 года, V.

пленіе, отрѣзалъ сообщеніе нашихъ описныхъ партій съ Гельсингфорсомъ, произвелъ высадку у мѣстечка Нандали и захватилъ въ плѣнъ до 80 человѣкъ [1]).

Все это, конечно, должно было весьма неблагопріятно отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи и конечной ея цѣли — непосредственнаго воздѣйствія на Стокгольмъ или Карлскрону. Отказъ же Даніи въ своемъ содѣйствіи и слабость собственнаго корабельнаго флота вынудили царя окончательно отказаться отъ осуществленія столь заманчивыхъ плановъ и ограничиться болѣе скромными задачами.

III.

Переговоры съ Даніей о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ 1714 году. — Политическая обстановка къ началу этого года. — Самостоятельность Петра. — Стратегическое значеніе г. Або. — Планъ кампаніи 1714 года. — Три категоріи нашихъ силъ. — Сборы флота у Котлина. — Составъ корабельной и галерной эскадры. — Брандеры. — Морская провизія. — Собираніе свѣдѣній о непріятельскомъ флотѣ. — Неудовлетворительность развѣдки и вліяніе ея на дальнѣйшій ходъ операцій.

Еще въ ноябрѣ 1713 года царь, опираясь на достигнутые въ эту кампанію успѣхи (Гельсингфорсъ, Або, Пелкинъ и проч.) [2]), предписалъ резиденту въ Копенгагенѣ князю Долгорукову позондировать почву для переговоровъ о содѣйствіи датскаго флота въ дальнѣйшихъ совмѣстныхъ операціяхъ противъ Швеціи, главнымъ образомъ противъ Карлскроны, являвшейся вѣчной угрозой Даніи. А нѣсколько позже рѣшено было командировать туда же и спеціальнаго уполномоченнаго П. И. Ягужинскаго. Изъ переговоровъ вскорѣ выяснилось [3]), что «все состоитъ въ 2-хъ пунктахъ, безъ исправленія которыхъ конечно ничего учинить не могутъ», а именно: 1) гарантія безопасности со стороны Пруссіи, и 2) уплата субсидіи въ виду «конечной ихъ нищеты». Дѣло въ томъ, что, въ силу соглашенія Россіи съ Пруссіей, послѣдняя получила возможность хотя временно занять столь желанную для нея Померанію, только что отнятую союзниками у Швеціи. Эта безкровная побѣда значительно усиливала молодое, но честолюбивое, королевство, облегчая Фридриху-Вильгельму I осуществленіе завѣтной мечты своего предка, Великаго Курфюрста, о выступленіи на берегахъ Балтики въ качествѣ морской державы. Съ другой стороны, сама Данія, по мѣткому выраженію того же Ягужинскаго, «зѣло влакомилась въ Голштинію» и стремилась во что бы то ни стало овладѣть портомъ Тоннингеномъ, расположеннымъ при впаденіи р. Эйдера въ Нѣмецкое море. Улаженіе всѣхъ этихъ интересовъ дало бы нѣкоторую надежду на то, что датчане «еще могутъ во что знатное вступить».

---

[1]) Мышлаевскій, 317—319.

[2]) О нихъ онъ весьма остроумно поспѣшилъ оповѣстить тогда же Европу въ изданной въ Петербургѣ 3-го марта 1714 года нѣмецкой брошюрѣ. (Бородкинъ, 161).

[3]) Собр. писемъ, II, 207. Донес. Ягужинскаго 16-го января.

Въ концѣ концовъ, послѣ немалыхъ усилій, 6-го марта 1714 года была заключена конвенція на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ [1]): 1) Данія даетъ 18 кораблей; 2) Россія выставляетъ 75 тысячъ сухопутнаго войска и 12 кораблей; 3) Россія обязывается уплатить Даніи 200 тысячъ ефимковъ субсидіи; 4) командованіе соединеннымъ флотомъ предоставляется русскому царю. Но датское правительство медлило съ выполненіемъ своихъ обязательствъ, а въ русской казнѣ не имѣлось необходимой свободной наличности.

Между тѣмъ, возгорѣвшаяся въ Англіи партійная борьба помѣшала активному выступленію этой державы въ защиту Швеціи или, вѣрнѣе, для поддержанія на Балтійскомъ морѣ того пресловутаго «равновѣсія», которое не угрожало бы всесвѣтнымъ британскимъ интересамъ. А подобная же внутренняя смута въ самой Швеціи, въ связи съ разгромомъ ея сухопутныхъ силъ, ставила значительно ослабленную страну въ весьма тяжкое положеніе. Въ виду такихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствъ, Петръ Великій, вообще не любившій отказываться отъ разъ задуманнаго, рѣшилъ довершить «отлученіе» Финляндіи собственными силами. Наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ для этого при данной обстановкѣ явилось бы, безъ сомнѣнія, уничтоженіе уцѣлѣвшей пока морской силы противника. Петръ къ этому, какъ увидимъ, сознательно и стремился, но усилія его, вслѣдствіе слабости нашего корабельнаго флота и другихъ причинъ, не могли увѣнчаться успѣхомъ.

Отсюда дальнѣйшая затяжка войны еще на цѣлыхъ семь лѣтъ.

Наибольшее значеніе для насъ имѣлъ теперь г. Або. Основанный еще въ періодъ завоеванія шведами Финляндіи, въ царствованіи короля Эрика IX, въ 1156 г. [2]), онъ въ эпоху Сѣверной войны считался столицей княжества. Русскія войска заняли его въ августѣ 1713 года, но положеніе ихъ тамъ безъ поддержки флота и достаточнаго обезпеченія всѣми необходимыми припасами, какъ мы уже видѣли, не могло быть особенно прочно. А между тѣмъ, только отсюда и владѣя Аландскими островами, русская армія могла угрожать непосредственно непріятельской территоріи.

Царь это отлично понималъ, оцѣнивая стратегическое значеніе Або въ такихъ выраженіяхъ: «Понеже сентенція нашего дѣла состоитъ въ томъ, чтобы сіе княжество отъ непріятеля отлучить, и не точію отлучить, но и укоренясь по возможности въ ономъ и изъ онаго далѣе непріятелю досаждать, для чего удобнѣе всѣхъ мѣстъ представляется городъ Абовъ». Поэтому же, занявъ лично Або въ прошедшую кампанію, царь считалъ, что тѣмъ самымъ «и съ помощію Божіею сіе княжество овладѣли [3]).

Планъ кампаніи 1714 года былъ формулированъ въ приказѣ, отданномъ на полугалерѣ «Св. Наталія» 22-го мая, во время стоянки соединен-

---

[1]) Бородкинъ, 154.

[2]) Путеводитель по Финляндіи. СПБ. 1862 г.

[3]) Бородкинъ, 145—147. Матер. I, № 579.

наго флота у Березовыхъ острововъ [1]). Въ немъ кратко изложены въ 8-ми пунктахъ постановленія военнаго совѣта, состоявшагося тогда же на упомянутомъ суднѣ. Въ совѣщаніи участвовали кромѣ царя и гр. Апраксина всѣ флагманы, а также генералы Вейде и князь Долгоруковъ. Необходимо было столковаться въ виду предстоящаго раздѣленія флота и согласовать дальнѣйшія дѣйствія обѣихъ его разнородныхъ частей. Сущность «Пунктовъ о дѣйствіи настоящей кампаніи, за руками флагмановъ» сводилась къ слѣдующему:

1) Корабельному флоту идти къ Ревелю, причемъ вступать въ бой съ непріятельскимъ флотомъ только въ томъ случаѣ, если «мы сильнѣе будемъ непріятеля третьею долей кораблей, равными противъ ихъ мѣрою».

2) О прегражденіи нашему галерному флоту пути къ Або немедленно сообщить въ Ревель и «согласиться какъ лучше будетъ дѣлать». Достигнувъ же благополучно Або, двигаться черезъ Аландъ на шведскую сторону. Если же непріятель этому воспрепятствуетъ, то, оставивъ на этомъ пунктѣ часть скампавей для наблюденія, съ прочими судами слѣдовать къ Вазѣ, откуда уже по способности дѣлать поиски на непріятельскую территорію; при этомъ рекомендовалось захватить съ собой возможно больше лошадей. Въ случаѣ же невозможности учинить такого рода «знатное дѣйствіе», возвратиться къ августу мѣсяцу въ Або и затѣмъ къ Аланду, гдѣ и укрѣпиться («сдѣлать крѣпость»).

3) На «армистицію» (перемиріе) можно соглашаться лишь подъ условіемъ полученія въ залогъ до 10 ти непріятельскихъ линейныхъ кораблей.

4) «Въ землю непріятельскую негораздо вдаль заходить», а смотря по обстоятельствамъ. Сообщеніе же между обоими флотами поддерживать моремъ, черезъ Гельсингфорсъ, при помощи нарочно для этого назначенныхъ скампавей и легкихъ парусныхъ судовъ.

Для осуществленія этого плана рѣшено было употребить всѣ три категоріи силъ, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, т. е. въ центрѣ галерный флотъ, а на флангахъ армію и корабельный флотъ. Главная роль предназначалась генералъ-адмиралу Апраксину, который при содѣйствіи съ сухого пути отряда генерала Брюса, а съ моря эскадры шаутбенахта Петра Михайлова, долженъ былъ, наконецъ, добраться до завѣтнаго Або.

Весна въ этомъ году наступила поздно. Нева вскрылась только 21-го апрѣля. Флотъ едва къ 10-му мая собрался у Кронштота, но и послѣ этого ему пришлось еще ожидать здѣсь цѣлыхъ полторы недѣли, пока не очистился немного ото льда ведущій къ Березовымъ островамъ фарватеръ и не прибыли необходимые припасы. Сюда флотъ продвинулся къ 21-му мая, а на другой день состоялся упомянутый уже военный совѣтъ, постановленія, котораго въ сущности являлись, по справедливому замѣчанію генерала

---

[1]) Матер. для ист. русск. флота, I, № 804. Также у Берха, II, стр. 249, гдѣ онъ однако, почему то отнесенъ къ 12 мая.

Мышлаевскаго [1]), лишь развитіемъ резолюцій царя на вопросные пункты о дѣйствіяхъ корабельнаго флота въ 1713 году [2]). Протоколъ составленъ былъ въ двухъ экземплярахъ, подписанныхъ всѣми присутствующими, послѣ чего одинъ былъ переданъ генералъ-адмиралу, а другой корабельному шаутбенахту [3]). Этимъ имѣлось въ виду обезпечить согласованіе предстоявшихъ совмѣстныхъ операцій арміи и флота.

Эскадра царя, державшаго свой флагъ на 60 пуш. кораблѣ «Св. Екатерина» (капитанъ Гослеръ), состояла изъ 9-ти кораблей, 5-ти фрегатовъ и 4-хъ шнявъ. Къ нимъ присоединились еще отдѣленныя отъ себя Апраксинымъ 9 скампавей [4]), подъ командою генералъ-майора Головина. Въ составъ гребного или *армейскаго* флота, какъ его тогда называли [5]), входило 99 галеръ и множество транспортовъ. Число войскъ, находившихся на судахъ этого флота, доходило до 16.000 человѣкъ. Онъ дѣлился на три эскадры и девять дивизій, по 11 галеръ въ каждой.

Кромѣ того, у царя, повидимому, явилась мысль использовать въ предстоящемъ походѣ и брандеры, для чего снаряжалось нѣсколько судовъ съ зажигательными трубами. Судя по указу отъ 29-го мая, надо думать, что на такія суда отпускался какой-то легко воспламеняющійся составъ, вродѣ пресловутаго «греческаго огня», причемъ рекомендовалось «недалеко прыскать, дабы сего секрета непріятелю не открыть». Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній объ этомъ изобрѣтеніи нашемъ въ дѣлахъ не сохранилось, а самые «корабли съ зажигательными трубами» остались почему-то безъ употребленія [6]).

Для довольствія морской провизіей велѣно было погрузить на скампавеи мѣсячный запасъ, по расчету: на человѣка по 2 пуда сухарей; на 6 человѣкъ по четверику крупъ, по 4 фун. масла, по 8 фун. свинины и по 4 чарки вина (1 ведро = 100 чаркамъ); въ постные же дни, на 8 человѣкъ по 1 фунт. снятковъ. Запасъ этотъ подлежалъ расходованію только съ половины мая; до того же времени предписывалось пользоваться ранѣе принятымъ провіантомъ [7]). Къ особенной осторожности въ этомъ отношеніи побуждали непредвидѣнныя задержки въ дальнѣйшемъ нашемъ наступленіи изъ-за погоды (ледъ, противные вѣтра) и недостатка въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Стр. 374.

[2]) Матер. I, № 732.

[3]) «Журналъ или поденная записка Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, съ 1698 года даже до заключенія Ништадтскаго мира», 2 т. СПБ. Акад. Наукъ 1770 г.; I, стр. 399.

[4]) Такъ назывались галеры нѣсколько меньшихъ размѣровъ и болѣе быстроходныя (иначе *полугалеры*).

[5]) Такъ назывался *гребной* флотъ въ отличіи отъ *корабельнаго*. Названіе это объясняется какъ постоянными совмѣстными дѣйствіями этого флота съ арміей, такъ и возложеніемъ на солдатъ обязанностей гребцовъ на галерахъ.

[6]) Матер. I, № 813. Веселаго, Оч. рус. м. ист., 255.

[7]) Матер., I, № 781.

боевыхъ припасахъ (главнымъ образомъ, пороха), о чемъ уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ. Къ тому же, необходимо было собрать возможно болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о непріятельскомъ флотѣ, на что тоже требовалось не мало времени.

Весь южный берегъ, отъ Рогервика (Балтійскій портъ) до Ревеля и Кашпервика былъ усѣянъ сторожевыми постами, на обязанности которыхъ лежало предупрежденіе условными сигналами нашего флота о появленіи въ этихъ районахъ непріятельскихъ судовъ и ихъ числѣ. Въ предписаніи капитану Науму Сенявину отъ 13-го мая царь вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ, что флотъ на пути къ Ревелю «будетъ во всѣхъ пристаняхъ спрашивать о томъ, дабы нечаянно на непріятеля не напихаться». Нѣсколько позже подобные же посты выставлены были и на Гогландѣ [1]). Организованная такимъ образомъ береговая сторожевая служба дополнялась еще и болѣе активной развѣдочной службой высылаемыхъ въ море крейсеровъ, а также и опросомъ нейтральныхъ коммерческихъ судовъ.

Собранныя всѣми этими способами свѣдѣнія не давали, однако, вполнѣ яснаго представленія о мѣстонахожденіи и числѣ непріятельскихъ судовъ, но несомнѣнно указывали на присутствіе ихъ въ разныхъ пунктахъ Финскаго залива. Такъ, Сенявинъ доносилъ 7-го мая изъ Ревеля о появленіи шведовъ у Дагерорта и Рогервика, а 18-го мая о рекогносцировкѣ восемью непріятельскими судами ревельской гавани [2]).

Того же числа ревельскій комендантъ, полковникъ фонъ-Дельдинъ, донося царю о благополучномъ прибытіи изъ Риги трехъ штетинскихъ галіотовъ, добавляетъ, что командиры ихъ видѣли на пути, близъ Ревеля, 6 шведскихъ кораблей [3]). О такомъ же количествѣ непріятельскихъ судовъ, но уже собиравшихся будто бы напасть на нашъ флотъ, донесли вернувшіеся съ моря 23-го мая крейсера. По счастію, донесеніе это не подтвердилось. Три дня спустя, Голицынъ писалъ изъ Або генералъ-адмиралу, что того же 23-го числа пришло въ Гельсингфорсъ голландское судно, шкиперъ котораго сообщилъ о прегражденіи ему шведскими судами (3 корабля и 2 шнявы) доступа въ Ревель и погонѣ за нимъ, и что противъ Пой-кирки стоятъ 7 кораблей, «сквозь которые онъ, шкиперъ, проѣхалъ». Голицынъ на всякій случай принялъ свои мѣры для провѣрки этого показанія, «чтобы признать, нѣтъ ли подлогу» [4]).

Было, конечно, немало и другихъ подобныхъ донесеній. Но всѣ они носили болѣе или менѣе отрывочный характеръ и, значительно притомъ

[1]) Письма, I, 210 и 235.

[2]) Мышлаевскій, 375.

[3]) Письма, II, 252. А 17-го мая уже «шведскихъ кораблей при Ревелѣ лежало 8».

[4]) Матеріалы, I, № 805. Суда близъ Ревеля принадлежали, вѣроятно, къ отряду развѣдчиковъ, крейсеровавшихъ поперекъ залива и поддерживавшихъ связь съ главными своими силами.

запаздывая, давали весьма смутное понятіе о томъ, что въ дѣйствительности дѣлалъ непріятель въ Финскомъ заливѣ, т. е. въ районѣ, сравнительно весьма ограниченномъ и, казалось бы, доступномъ для болѣе глубокой развѣдки. Неудовлетворительность послѣдней объясняется, повидимому, неопытностью командировъ и несовершенствомъ организаціи самой развѣдочной службы на нашей эскадрѣ. Между отдѣльными крейсерами не было должной связи, почему имъ и неудалось въ концѣ концовъ исполнить самую важную часть своей задачи—установить соприкосновеніе между своей и непріятельской эскадрами.

Этимъ, по всей вѣроятности, только и можно объяснить, напримѣръ, фальшивую тревогу 23-го мая [1]).

Итакъ, впереди лежащая мѣстность не была какъ слѣдуетъ освѣщена. Отсюда весьма понятная переоцѣнка непріятельскихъ силъ и медленность наступательнаго движенія обѣихъ частей нашего флота по своимъ операціоннымъ линіямъ.

Впотьмахъ только и можно было идти ощупью.

IV.

Отношеніе царя къ «азарту». — Взглядъ его на задачи морской силы. — Раздѣленіе флота у Березовыхъ острововъ. — Переходъ корабельнаго флота въ Ревель. — Причины медленности движенія. — Значеніе Ревеля. — Составъ ревельской эскадры и ея оцѣнка. — Эпидемія на флотѣ. — Появленіе у Ревеля шведской эскадры. — «Конфузія» и неудачная погоня. — Воображаемая блокада. — Донесеніе Апраксина и «консиліумъ» на флотѣ. — Отъѣздъ царя въ шхеры.

Петръ, несмотря на свое безспорное личное мужество, не любилъ легкомысленнаго бравированія или «азардованія», какъ онъ выражался. Тѣмъ болѣе, казалось оно ему неумѣстнымъ при той обстановкѣ, въ какой находился корабельный флотъ на походѣ въ Ревель.

Правда, командовавшій этимъ флотомъ въ прошломъ году вице-адмиралъ Крюйсъ жестоко поплатился за слишкомъ ужъ буквальное толкованіе царскаго запрещенія «азардовать», слѣдствіемъ чего отчасти явилось упущеніе непріятельскихъ крейсеровъ. Обвиненный въ этомъ судомъ и сосланный въ Казань, онъ вынужденъ былъ теперь уступить свое мѣсто старшему послѣ себя флагману, шаутбенахту Петру Михайлову. Послѣдній однако, принявъ начальство надъ флотомъ, не отказался отъ своего принципа благоразумной осторожности. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтель-

---

[1]) О неудовлетворительности развѣдочной службы лучше всего свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что усмотрѣнныя нашими крейсерами въ этотъ день будто бы непріятельскіе военные корабли, оказавшіеся затѣмъ нейтральными коммерческими судами, успѣли все же проскочить мимо нашего флота къ Кронштоту. Только на пути туда они были настигнуты и опознаны спеціально высланными для этого 3 фрегатами и 2 шнявами. Виновный во всемъ этомъ недоразумѣніи начальникъ отряда крейсеровъ, капитанъ Блорій, «сидѣлъ сутки за карауломъ» (Журналъ П. В. I, 400).

ствуютъ всѣ его распоряженія. Такъ, въ цитированныхъ уже «Пунктахъ» о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля въ кампаніи 1714 года царь, напримѣръ, рекомендуетъ дальній и тяжелый обходъ Ботническимъ заливомъ шведскаго флота, буде онъ займетъ позицію въ Аланшгафѣ, избѣгая неравнаго боя, «ибо нѣтъ нужды отдавать себя въ азартъ»; въ случаѣ же набѣга на непріятельскую территорію, государь не совѣтовалъ съ пѣхотою далеко отъ берега отходить, «ибо безмѣрный есть азартъ» [1]).

Такимъ же азартомъ явилось бы, конечно, и столкновеніе 9 нашихъ кораблей съ 16 шведскими на пути въ Ревель. Необходимо было достигнуть этого порта, по возможности, безъ боя, чтобы, присоединивъ тамъ къ себѣ остальныя суда и ставъ такимъ образомъ по крайней мѣрѣ равносильнымъ непріятельскому флоту, нанести ему при первомъ удобномъ случаѣ рѣшительный ударъ.

Оправдывая такую осторожность царя и справедливо указывая въ полемикѣ своей съ Соколовымъ [2]), что она не есть еще выраженіе недовѣрчивости къ своимъ силамъ, Скаловскій, однако, слишкомъ увлекается и приходитъ къ неосновательному выводу, будто бы при тогдашнихъ обстоятельствахъ не столько важна была побѣда надъ непріятельскимъ флотомъ, сколько необходима цѣлость нашего, составлявшаго главную защиту Кронштота и Петербурга [3]). Это утвержденіе голословно и притомъ плохо вяжется со всѣми планами и распоряженіями царя. Къ тому же, ничто лучше рѣшительной побѣды на морѣ не могло бы обезопасить наши базы и обезпечить переходъ нашихъ войскъ на непріятельскую землю. Такъ, очевидно, понималъ задачу своей морской силы и самъ государь, только для этой главной цѣли и приберегая ее.

У Березовыхъ острововъ флоту предстояло раздѣлиться. Апраксинъ со своими галерами долженъ былъ пробираться дальше шхерами; выгрузить попутно въ разныхъ мѣстахъ провіантъ; принять оставшуюся въ Финляндіи дивизію Голицына; и, наконецъ, достигнувъ Або, перекинуться черезъ Аландскіе острова на шведскую сторону. На обязанности же корабельнаго флота лежало конвоированіе гребныхъ судовъ до входа въ шхеры, послѣ чего онъ могъ уже считать себя свободнымъ и слѣдовать въ Ревель на соединеніе съ поджидавшими его тамъ судами. Дальнѣйшій планъ совмѣстныхъ дѣйствій обѣихъ частей нашего флота зависѣлъ всецѣло отъ мѣропріятій непріятельскаго флота и отъ той обстановки, при которой произойдетъ встрѣча съ нимъ главныхъ силъ графа Апраксина.

31-го мая шаутбенахтъ и двинулся со своей эскадрой по назначенію. Однако, вслѣдствіе уже изложенныхъ причинъ, онъ не направился кратчайшимъ путемъ въ Ревель, а пошелъ къ Варивалдаю, гдѣ простоялъ до

[1]) Матеріалы, I, № 732.

[2]) А. Соколовъ. «Гангэуддская битва 1714 г.» (М. Сб. 1850 г., т. IV).

[3]) Р. Скаловскій. «Военныя дѣйствія русскаго флота въ 1714 году» (М. Сборн. 1851 года № 5).

5-го іюня. Затѣмъ штилевалъ у Гогланда четыре дня, въ теченіе которыхъ производились дополнительныя развѣдки о непріятельскомъ флотѣ и устанавливалась связь съ галерной эскадрой. Наконецъ, покинувъ Гогландъ 9-го іюня, наши корабли черезъ Наргенъ благополучно добрались 11-го іюня до Ревеля. Такая медленность движенія зависѣла еще и отъ другихъ обстоятельствъ Къ эскадрѣ присоединенъ былъ, какъ мы знаемъ, отрядъ изъ 9 скампавей, т. е. судовъ, не обладавшихъ мореходными качествами и потому совершенно непригодныхъ для совмѣстнаго плаванія съ парусными кораблями. Этого, конечно, не могъ не сознавать такой опытный и знающій морской офицеръ, какимъ несомнѣнно былъ уже въ то время царь. Но у него были на это свои причины. Скампавеи могли служить транспортами, а, главное, надежными буксирами въ тихую погоду. А, быть можетъ, тутъ играло роль и извѣстное предпочтеніе, невольно оказываемое полусухопутными моряками той эпохи гребнымъ судамъ передъ парусными и большее довѣріе къ первымъ. По крайней мѣрѣ, дальнѣйшія событія какъ бы оправдываютъ такое предположеніе.

На первомъ же переходѣ къ Варивалдаю обнаружилось плохое знакомство командировъ съ эволюціями и неумѣніе держать строй, о чемъ шаутбенахтъ и объявилъ въ приказѣ своемъ по эскадрѣ отъ 4-го іюня: «Понеже другой уже разъ, что по сигналамъ не держатъ линіи другъ подлѣ друга, также и дистанцію не смотрятъ» и проч. «того ради нынѣ объявляется», что впредь за каждое подобное упущеніе будетъ удерживаться мѣсячное жалованіе [1]). Такая суровость оправдывалась, вѣроятно, все тою же неизвѣстностью нашею относительно состава и расположенія непріятельскихъ судовъ, заставлявшаго слабую эскадру царя быть все время на чеку. Дѣйствительно, въ письмѣ своемъ къ Апраксину изъ того же Варивалдая, государь сообщалъ о двухъ шведскихъ крейсерахъ, помѣшавшихъ капитану Риге войти въ Кашпервикъ [2]). Оставалось надѣяться на то, что, «когда мы явимся, то принуждены они будутъ машкаръ (маскарадъ) свой снять и явно себя показать въ какой силѣ и что хотятъ дѣлать; того ради когда васъ Богъ донесетъ до Тверемида или Гангута, чтобы далѣе не изволили ходить, но тутъ стать и смотрѣть: что непріятель будетъ съ нами дѣлать» [3]).

По прибытіи въ Ревель эскадра наша могла все же чувствовать себя въ нѣкоторой безопасности. Правда, со времени присоединенія этого города къ русскимъ владѣніямъ, въ сентябрѣ 1710 года, не прошло еще и четырехъ лѣтъ, и для обращенія его въ надежную базу для нашего флота мы

---

[1]) Письма, I, 233. Предписаніе К. Ком. Шельтингу. Этотъ же документъ зарегистрованъ въ Матер. для истор. русск. флота, I, № 828, какъ указъ кораб. капитанамъ, данный у Гогланда 6-го іюня.

[2]) Донесъ объ этомъ самъ Риге, прибывшій оттуда на шнявѣ къ царю «отъ крейзеровъ» (Журналъ П. В., I, 401).

[3]) Письма, I, 226. Матер., I, № 818.

еще почти ничего сдѣлать не успѣли. Однако, уже съ осени прошлаго года здѣсь зимовалъ небольшой отрядъ изъ 3-хъ кораблей, 1 фрегата и 1 галіота, и тогда же предписано было мѣстному оберъ-коменданту Зотову озаботиться заготовленіемъ необходимыхъ матеріаловъ для укрѣпленія гавани.

Самыя же работы по постройкѣ цитадели и расширенію старой шведской гавани начались только въ январѣ 1715 года. Для временной же пока обороны бастіоновъ и стѣнокъ наличныхъ пушекъ не хватало. Впослѣдствіи, конечно, всѣ эти недочеты понемногу были устранены, но послѣ гангутской побѣды Ревель уже не играетъ своей прежней роли—значительно мѣняется обстановка.

Въ Ревелѣ къ эскадрѣ нашей присоединились 7 кораблей (5 покупныхъ и 2 архангельскихъ) съ 370 пушками. Сообщая объ этомъ князю Меншикову, Петръ заканчиваетъ свое письмо словами: «Теперь дай Боже милость свою, пытаться можно» [1]). Дѣйствительно, вскорѣ нашъ корабельный флотъ достигъ весьма солидныхъ размѣровъ, насчитывая всего 17 кораблей (42—74 пуш.), 5 фрегатовъ и 3 шнявы (18—32 пуш.), 1.070 пушекъ и до 7.000 человѣкъ команды [2]). Самыя крупныя орудія (на нижнихъ декахъ кораблей) были 18 фунт. калибра.

Располагая такими значительными силами, казалось бы, и въ самомъ дѣлѣ, можно было бы попытаться использовать ихъ для осуществленія широко задуманнаго плана «отлученія» Финляндіи, а затѣмъ и удара въ сердце противника.

Но одно число вымпеловъ и пушекъ еще не даетъ дѣйствительнаго понятія о силѣ флота. Ревельская эскадра представляла въ сущности собраніе довольно разнотипныхъ, обладавшихъ плохими мореходными качествами и слабо вооруженныхъ судовъ [3]). Къ тому же (и это главное) они были наскоро укомплектованы сборнымъ личнымъ составомъ, частью плохо, а частью и вовсе необученнымъ морскому дѣлу. Между командирами было немало свѣдущихъ и расторопныхъ офицеровъ, но имъ негдѣ и некогда было спѣться и воспитаться въ духѣ единомыслія и солидарности, безъ чего совмѣстныя дѣйствія ихъ заранѣе были обречены на неудачу. Лучшимъ доказательствомъ этого является извѣстный эпизодъ изъ кампаніи 1713 г., когда адмиралъ Крюйсъ не только упустилъ слабѣйшаго непріятеля, но и разбилъ на камняхъ свой корабль «Выборгъ». Правда, что теперь недо-

[1]) Письма, I, 238.

[2]) Въ личный составъ этого флота входило: 2.300 морскихъ служителей (т. е. собственно морскихъ чиновъ) 1.100 м. солдатъ и 3.300 солдатъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ.

[3]) Несмотря на требованіе царя покупать корабли длиною не менѣе 150 фут., годные для вооруженія 70 пушками, приходилось ограничиваться короткими (до 127 ф.) и слабыми (50 пушк.), ибо другихъ въ продажѣ не имѣлось (А. В. Невѣжинъ «Русскій флотъ на Балтійскомъ морѣ». М. Сб. 1872 г., № 2). Большинство такихъ «пріемышей» были «тупы на парусахъ» и имѣли другіе крупные недостатки (письмо царя къ Апраксину 13-го іюня 1713 г. и проч.).

статокъ эскадренной школы до нѣкоторой степени восполнялся присутствіемъ самого державнаго адмирала; но его и то не хватало на всѣ нужды государства [1]).

А тутъ, на бѣду, еще разыгралась на флотѣ жестокая эпидемія. Началась она на флагманскомъ кораблѣ «Св. Екатерина», гдѣ 14-го іюня заболѣлъ оберъ-провіантмейстеръ Тихомировъ. А затѣмъ въ теченіе одной недѣли заболѣло болѣе тысячи человѣкъ моровой язвой [2]). Пришлось поспѣшно свозить команды на берегъ и окуривать суда. И вотъ при такихъ-то тяжелыхъ обстоятельствахъ въ виду Ревеля, въ пятомъ часу дня 17-го іюня появилась шведская эскадра изъ 6 кораблей. Легко представить себѣ, что должны были пережить въ эти минуты царь и его моряки! Надо было спѣшить съ обратной посадкой полубольныхъ и истощенныхъ людей на суда и на буксирѣ у скампавей выводить ихъ на рейдъ. «Конфузія была не малая», писалъ Петръ.

Но шведы объ этомъ, къ счастію, и не догадывались, оцѣнивая наши силы лишь по числу вымпеловъ. Отсюда и спѣшный уходъ ихъ послѣ рекогносцировки на слѣдующій день къ вечеру. Погоня за ними не увѣнчалась успѣхомъ, что сильно огорчило государя. «И такимъ случаемъ, записано въ журналѣ (I, 405), непріятель ушелъ: но ежелибъ люди всѣ были на корабляхъ, то бы никоимъ образомъ непріятелю уйти было невозможно». Къ числу обстоятельствъ, объясняющихъ такую неудачу, необходимо, однако, отнести также и плохое знакомство нашихъ морскихъ офицеровъ съ мѣстностью, и отсутствіе хорошихъ лоцмановъ, послѣдствіемъ чего явилось неизбѣжное замѣшательство при выходѣ судовъ въ море и даже постановка на мель корабля «Аронделъ».

Нѣмецкій историкъ, вице-адмиралъ Кирхгофъ, совершенно невѣрно освѣщаетъ весь этотъ эпизодъ, утверждая, что шведскій отрядъ будто бы

---

[1]) «Странно, писалъ по этому поводу голландскій резидентъ Де-Би, что на царскомъ флотѣ нѣтъ хорошаго адмирала, и потому нельзя выйти въ море или предпринять какую-нибудь необходимую экспедицію безъ командованія царственнаго адмирала» (Ѳ. Ѳ. Веселаго. «Очеркъ русск. м. исторіи», 251).

[2]) Въ журналѣ Петра Великаго (I, 403) объ этомъ говорится такъ: «Въ 14 день явилась на оберъ-провіантмейстерѣ Тихомировѣ, которй былъ на кораблѣ Его Государевомъ собственномъ, язва моровая въ двухъ мѣстахъ, въ правомъ паху и на правой рукѣ». Столь быстрому распространенію болѣзни способствовало отчасти и плохое питаніе командъ, вынудившее царя даже отмѣнить постное довольствіе (Петровъ постъ). Объ этомъ онъ съ большимъ сарказмомъ писалъ главному виновнику дѣла, адмир. совѣтнику Кикину, 22-го іюня: «провіанту только до августа мѣсяца, ибо святое ваше разположеніе на петь недѣль, снетковъ ржавыхъ и воду солдаты двѣ недѣли употребляли, отъ чего безъ невелика 1.000 человѣкъ заболѣло и службы лишилось, отъ чего принужденъ я законъ вашъ отставить и давать масла и мяса, и для того по вашему расположенью мѣсецъ убыль. Правда, когда бъ шведовъ такъ кормить, зело бъ изрядно было; а нашимъ я не вотчимъ» (Сб. И. Русск. Истор. Общ., XXXIX).

«заблокировалъ русскій активный флотъ» въ Ревелѣ [1]). О блокадѣ тутъ не могло быть и рѣчи: 1) силы непріятеля были для этого слишкомъ недостаточны; 2) Петръ 18-го числа въ теченіе цѣлыхъ семи часовъ гналъ непріятеля; 3) морскія сообщенія ревельской эскадры не прерывались ни разу.

27-го іюня пришла изъ шхеръ бригантина и привезла донесеніе Апраксина о томъ, что непріятельскій флотъ преградилъ ему дальнѣйшій путь у Гангута и просьбу графа объ отвлеченіи (диверсіи) шведовъ отъ этого пункта нашимъ корабельнымъ флотомъ. На слѣдующій день состоялся «консиліумъ», отклонившій диверсію какъ вслѣдствіе слабости корабельнаго флота, такъ и на томъ основаніи, что «ибо ежели далеко быть, то ничего не сдѣлать, а ежели близко пройти, то безъ лоцмановъ отнюдь учинить нельзя [2]).

Вмѣсто того рѣшено было, если удастся найти въ шхерахъ пригодный для большихъ судовъ фарватеръ, соединиться съ галернымъ флотомъ и уже сообща предпринять, что окажется возможнымъ.

Посланные для промѣра, подъ начальствомъ капитанъ-командора Сиверса, штурмана подходящаго фарватера однако не нашли [3]).

Самъ же царь, въ виду затруднительнаго положенія Апраксина и его ходатайства, рѣшилъ отправиться въ шхеры на фрегатѣ «Св. Павелъ», подъ охраною нѣсколькихъ кораблей. Вслѣдствіе неблагопріятной погоды, это удалось ему исполнить лишь 18-го іюня, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ. Въ этотъ день государь прибылъ къ Поркалауду, гдѣ переночевалъ, а затѣмъ на полугалерѣ 19-го іюля добрался до Твереминэ. Командованіе корабельнымъ флотомъ онъ сдалъ старшему по себѣ капитанъ-командору Шельтингу, объявивъ объ этомъ въ приказѣ еще 3-го іюля.

V.

Постройка галернаго флота въ Россіи и небрежность въ этомъ отношеніи Швеціи.— Психологія «владычицы морей». — Задержка у Березовыхъ острововъ. — Положеніе въ Або и у Гангута. — Переходъ Апраксина въ Твереминэ. — Шведскій флотъ у Гангута. — Затруднительное положеніе Апраксина. — Стратегическое значеніе гангутской позиціи. — Рекогносцировка. — Прибытіе отряда Голицына. — Мѣры, принятыя Апраксинымъ въ ожиданіи царя. — Апраксинъ и Крюйсъ.

Неудача кампаніи 1712 года, быть можетъ, больше всего зависѣла отъ недостатка въ галерахъ, безъ которыхъ овладѣть финляндскими шхе-

---

[1]) «Вліяніе морской силы на Балтійскомъ морѣ въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ», I, 280.

[2]) Письма, I, 259. Царь Апраксину, 12-го іюля. Матер., I, № 862. Изъ письма Апраксина къ резиденту нашему въ Копенгагенѣ князю Долгорукову, отъ 24-го іюня, видно, что графъ надѣялся еще и на содѣйствіе датскаго флота (Матер., I, № 845). А въ донесеніи своемъ государю 14-го іюля онъ уже прямо проситъ «ежели возможно призвать датчанъ, хотя бъ не за малыя деньги, то бъ истинно флотъ непріятельскій весьма пропасть могъ» (Матер. I, № 868).

[3]) О чемъ Сиверсъ лично доложилъ генералъ-адмиралу только 28-го іюля, т. е. уже на другой день послѣ гангутскаго боя.

рами при тогдашней обстановкѣ было немыслимо. Это прекрасно сознавалъ Петръ, почему тогда же приказалъ заложить въ Петербургѣ 80 полугалеръ или скампавей (126 ф. длиной и 17 ф. шириной), изъ коихъ 50 должны были быть готовы къ веснѣ 1713 года. Къ этому же сроку готовилось до 120 бригантинъ или тендеровъ (50 ф. длиной и 14 ф. ширины). Одновременно строились 3 сильно вооруженные прама (плавучія батареи [1]). Благодаря такой кипучей дѣятельности нашихъ верфей въ Петербургѣ, Тоснѣ, Ижорѣ и въ другихъ мѣстахъ, къ началу кампаніи 1714 года мы уже имѣли грозную флотилію изъ 186 галеръ (840 оруд.) и 100 транспортныхъ судовъ [2]). Шведы объ этомъ, конечно, знали и какъ-будто даже приняли мѣры, чтобы не отстать отъ насъ въ столь важномъ дѣлѣ созданія шхернаго флота. По крайней мѣрѣ, въ началѣ 1713 года рѣшено было построить въ Стокгольмѣ и въ Финляндіи 30 галеръ. Но изъ этой затѣи ничего путнаго не вышло. Невѣжинъ объясняетъ такое нерадѣніе отсутствіемъ во главѣ морского управленія энергичнаго лица съ твердою властью [3]). Это, конечно, справедливо. Но намъ кажется, что тутъ была еще и другая болѣе важная причина.

Швеція, достигшая къ началу XVIII столѣтія наибольшаго своего могущества; ставшая не только великой державой, но и повелительницей Балтійскаго моря, на которомъ господствовалъ ея прекрасный флотъ изъ 38 линейныхъ кораблей,—никакъ не могла примириться съ мыслью о необходимости въ борьбѣ съ какою-то полудикой и сухопутной Московіею примѣняться къ ея варварскимъ пріемамъ военно-морского искусства, а тѣмъ болѣе подражать имъ.

Шведскіе моряки, повидимому, свысока смотрѣли на какіе-то тамъ плавучіе ящики, ползавшіе подобно черепахамъ между шхерными камнями. Тутъ невольно приходитъ на умъ сравненіе съ Англіей, отвергшей въ свое время съ презрѣніемъ предложенныя ей впервые въ 1805 году Фультономъ подводныя мины [4]).

Гребной флотъ застрялъ у Березовыхъ острововъ «понеже погода

---

[1]) Невѣжинъ. М. Сб. 1872 г., № 2.

[2]) Матер. I, № 766. Изъ донесенія барона де-Би генеральн. Штатамъ, 10-го апрѣля 1714 г. Собственно полугалеръ (скампавей) 126 и бригантинъ 60. Скампавея поднимала 120 чел., а бригантина 50.

[3]) «Русскій флотъ на Балтійскомъ морѣ» (М. Сб. 1872 г., № 2).

[4]) Фультонъ въ Дилѣ взорвалъ пожертвованный для этой цѣли небольшой бригъ. Присутствовавшій на опытѣ графъ С. Винцентъ (адмиралъ Джервисъ), одинъ изъ выдающихся англійскихъ моряковъ, раздосадованный благоволеніемъ къ новому страшному оружію тогдашняго премьера, съ неудовольствіемъ замѣтилъ: «Никогда не было болѣе сумасшедшаго, чѣмъ Питтъ, одобрившій способъ войны, *въ которомъ не нуждаются обладающіе первенствомъ на моряхъ* и который, если онъ удастся, долженъ отнять его у нихъ».

(Лейтенантъ Е. Аренсъ. «Историко-такт. очеркъ минныхъ заграждeній», М. Сб. 1883 года, № 9).

захватила противная, и ни которыми мѣрами до шхеровъ дойтить не можемъ», какъ о томъ доносилъ царю Апраксинъ, державшій свой флагъ на полугалерѣ «Св. Наталія» [1]). А между тѣмъ еще въ маѣ стало извѣстнымъ на флотѣ, что близъ урочища Твереминэ, «въ прошлогодскомъ мѣстѣ», расположилось 6 непріятельскихъ кораблей, не пропускавшихъ нашихъ провіантскихъ судовъ изъ Гельсингфорса въ Або [2]), гдѣ между тѣмъ уже начиналъ чувствоваться голодъ. Надо было, очевидно, спѣшить на выручку. Къ вечеру 4-го іюня флоту удалось наконецъ добраться до шхеръ, а 11-го іюня онъ уже былъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ, однако, простоялъ цѣлыхъ 10 дней.

Здѣсь пришлось выгрузить часть провіанта на берегъ и отослать порожніе транспорты обратно. Прихвативъ съ собой зимовавшіе тутъ 2 прама, 1 бомбардирскій галіотъ и нѣсколько скампавей, Апраксинъ двинулся 21-го іюля дальше, къ Пой-киркѣ (близъ г. Экнеса), гдѣ то же оставлена была часть провіанта. Въ Твереминэ флотъ пришелъ 29-го іюня [3]) и тутъ Апраксинъ могъ лично убѣдиться въ томъ, что сильный шведскій флотъ, занявъ весьма выгодную позицію близъ гангутскаго мыса, преградилъ дальнѣйшій путь нашимъ галерамъ къ Або.

Въ своихъ планахъ Петръ учитывалъ возможность и даже вѣроятіе подобнаго препятствія, и всегда заботился заблаговременно объ его устраненіи. Такъ и теперь, узнавъ объ этомъ 31-го мая, онъ тотчасъ же увѣдомилъ Апраксина и просилъ его поспѣшить съ занятіемъ столь важной позиціи. Но вслѣдствіе различныхъ причинъ (состояніе погоды, медлительность адмирала, возня съ провіантомъ, и проч.), галерный флотъ порядочно запоздалъ и прибылъ къ Гангуту уже тогда, когда здѣсь сосредоточились значительныя силы непріятельскаго флота, состоявшія изъ 28 большихъ судовъ съ 832 орудіями и 5.000 человѣкъ команды. Правда, на немъ не хватало офицеровъ; да и матеріальное снабженіе, благодаря спѣшности и истощенію казны, представлялось далеко неудовлетворительнымъ; чувствовался даже недостатокъ въ прѣсной водѣ. Объ этомъ, по слухамъ, извѣстно было и Апраксину. Но все же шведскій флотъ, окруженный еще своимъ прежнимъ ореоломъ, долженъ былъ казаться русскимъ «водоходцамъ» того времени весьма грознымъ и опаснымъ врагомъ. Это соображеніе, по всей вѣроятности, не осталось безъ вліянія и на отказъ царя отъ диверсіи, каковая, однако, при настоящихъ обстоятельствахъ могла имѣть нѣкоторые

---

[1]) Письма, II, 253.

[2]) Матер. I, № 816.

[3]) У Соколова (М. Сб. 1850 года, томъ IV) это событіе ошибочно отнесено къ 28-му іюня, такъ какъ самъ Апраксинъ въ донесеніи своемъ царю отъ 2-го іюля ясно говоритъ о приходѣ сюда галернаго флота «въ самый прошедшій праздникъ», т. е. очевидно въ день Петра и Павла, 29-го іюня (Письма, II, 268).

шансы на успѣхъ [1]). А между тѣмъ, положеніе галернаго флота въ Тверемінской бухтѣ становилось весьма незавиднымъ и при болѣе предпріимчивомъ противникѣ легко могло окончиться для насъ катастрофой. Дѣйствительно, дальнѣйшее наступленіе было немыслимо, «понеже непріятель стоитъ въ голомъ морѣ, гдѣ намъ миновать нельзя», какъ справедливо доносилъ царю Апраксинъ изъ Пой-кирки 28-го іюня [2]); оставаться же въ бухтѣ то же было весьма опасно, такъ какъ шведскій адмиралъ Ватрангъ всегда могъ отдѣлить сильную эскадру для блокады, а, при удобномъ случаѣ, и для истребленія всего стоявшаго тамъ галернаго флота. Если же къ этому прибавить и извѣстное уже отношеніе царя къ «азарту», а также плохое знакомство съ фарватерами, отсутствіе лоцмановъ и т. п., то положеніе Апраксина представится намъ дѣйствительно крайне затруднительнымъ, а предъявляемыя къ нему современнымъ историкомъ обвиненія не совсѣмъ справедливыми [3]).

Стратегическое значеніе гангутской позиціи опредѣлялось главнымъ образомъ двумя условіями: 1) выдающійся въ море мысъ какъ ножемъ отдѣлялъ Финляндскія шхеры отъ абоскихъ; 2) приглубость въ этомъ мѣстѣ береговъ позволяла близко къ нимъ держаться большимъ линейнымъ судамъ.

Мѣстное названіе этого пункта собственно *Гангеудъ* (Gangö-udd), т. е. мысъ Ганге, но у насъ, по примѣру Петра Великаго, вошло въ употребленіе слово *Гангутъ*. Онъ расположенъ на половинѣ пути отъ Петербурга къ Стокгольму и при длинѣ въ 50 верстъ имѣетъ ширину отъ $2^1/_2$ до 17 верстъ. Мысъ окруженъ многочисленными отмелями и островками, въ разстояніи другъ отъ друга примѣрно около 50—150 саженъ. Отъ него до Тверемінэ по прямой линіи 18 верстъ; шхернымъ же фарватеромъ до 20 верстъ, а корабельнымъ, т. е. моремъ (въ обходъ всѣхъ камней и мелей) цѣлыхъ 45 верстъ. Тверемінская бухта представляетъ довольно обширную водную площадь ($2^1/_2 \times 3$ версты), глубиной отъ 8 до 15 саженъ, огражденную съ моря островами, съ однимъ корабельнымъ входомъ отъ SO. Она представляетъ, такимъ образомъ, хорошую якорную стоянку, которой въ 1713 году весьма удачно воспользовался шведскій вице-адмиралъ Лилій для воспрепятствованія такому же походу галернаго флота въ Або. Петръ тогда

---

[1]) Какъ извѣстно, Петръ непремѣннымъ условіемъ для вступленія въ бой своего корабельнаго флота съ непріятельскимъ ставилъ требованіе быть сильнѣе послѣдняго $^1/_3$ долей кораблей одинаковаго ранга. Въ то время такого превосходства мы еще не имѣли, но все же, въ общемъ, нашъ флотъ былъ нѣсколько сильнѣе шведскаго, что видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Русскій флотъ—17 кор. (42—74 п.)—8 малыхъ судовъ (19—32 п.)—1.060 пуш.—7.000 человѣкъ.

Шведскій флотъ—16 кораблей (60—70 пуш.)—4 мал. судна (16 пуш.)—832 пуш.—5.000 человѣкъ.

[2]) Письма, II, 261.

[3]) Мышлаевскій, 388—400 и др.

лично осмотрѣлъ съ одного изъ ближайшихъ острововъ расположеніе непріятельской эскадры и предполагалъ даже попытаться атаковать ее брандерами [1]).

Теперь эта бухта почему-то не была своевременно занята непріятелемъ, за что ему и пришлось горько поплатиться. Правда, ошибку можно было бы еще до нѣкоторой степени исправить нападеніемъ на расположившійся здѣсь русскій флотъ или хотя бы заблокированіемъ его, какъ уже упомянуто выше (что, при наличіи одного выхода, было нетрудно). Однако, ничего подобнаго, вопреки странному утвержденію нѣмецкаго морского историка [2]), не случилось.

Устроившись поудобнѣе въ твереминской бухтѣ, генералъ-адмиралъ совмѣстно съ генераломъ Вейде и нѣсколькими офицерами отправился 1-го іюля на шлюпкахъ къ Гангуту, для рекогносцировки непріятельскаго флота и «были отъ онаго за малую милю». При этомъ они увидѣли флотъ «въ 15 парусахъ», 2 бомбардирскія судна, 1 прамъ, 8 галеръ и множество транспортовъ или чухонскихъ лайбъ («подлинно разсмотрѣть не могли»), подъ начальствомъ двухъ адмираловъ. За исключеніемъ крейсеровавшихъ въ виду эскадры 5 кораблей и 1 шнявы, всѣ остальныя суда стояли въ линіи, на якорѣ. Два дня спустя произведена была вторая рекогносцировка, но уже съ берега, со стороны мыса, на который послано было 2—3 баталіона солдатъ. Предполагалось построить здѣсь батареи, для чего Апраксинъ просилъ царя прислать ему инженера, маіора Любераса. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ просилъ указаній какъ быть, если не удастся прорваться мимо непріятеля, и гдѣ въ такомъ случаѣ скампавеямъ зимовать [3]). Во всякомъ случаѣ необходимо было готовиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и съ этою цѣлью адмиралъ вытребовалъ изъ Або князя Голицына съ 6 полками, которые 9-го іюля прибыли къ Пой-киркѣ, а на другой день моремъ въ Тверминэ.

Надо отдать справедливость Апраксину, который, по совѣщаніи съ Голицынымъ, озаботился принять самыя энергичныя мѣры для наблюденія за непріятелемъ какъ съ моря, такъ и съ суши. На гангутскомъ полуостровѣ все время поочередно дежурили 2 баталіона. На ихъ обязанности лежало: строить батареи, заготовлять фашины, забирать скотъ, недопускать сообщенія непріятельскаго флота съ берегомъ, и т. п. Для содѣйствія имъ посылался отрядъ изъ 5 скампавей, которому предписывалось держаться скрытно за островами и ежедневно къ 9 часамъ вечера присылать къ адмиралу шлюпку съ донесеніемъ [4]).

[1]) Извѣстіе объ этомъ встрѣчается только у Скаловскаго (М. Сб. 1851 года, № 5).

[2]) Кирхгофъ «Вліяніе морской силы на Балтійскомъ морѣ», I, 279.

[3]) Письма, II, 268. Донесеніе Апраксина 2-го іюля.

[4]) Матеріалы, I, №№ 858 и 859. «Указы командирамъ, которые будутъ посылаться на отводные караулы» и «Указъ маіору отъ гвардіи Волкову, отъ 3-го іюля 1714 г.». Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что столь тщательное изолированіе шведскаго флота давало смутную надежду Апраксину на оставленіе непріятелемъ гангутской позиціи изъ-за недостатка въ прѣсной водѣ.

Обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и предположеніяхъ Апраксинъ подробно доносилъ царю, прилагая соотвѣтствующіе чертежи или планы, а иногда и командируя особыхъ офицеровъ для личнаго доклада. Такъ было отправлено къ государю съ капитанъ-поручикомъ Пашковымъ и послѣднее передъ гангутскимъ боемъ письмо отъ 14-го іюля.

Въ немъ Апраксинъ, сообщая царю о результатахъ рекогносцировокъ, обращалъ его вниманіе на невозможность, если не будетъ произведена корабельнымъ флотомъ диверсія, пройти галерамъ въ Або, «развѣ повелишь идти самымъ моремъ, мимо всей линіи непріятельской, и того ежели тихой погоды не будетъ учинить не чаемъ».

Въ заключеніе адмиралъ прибавлялъ: «Мы сердечно желаемъ и просимъ В. В., чтобъ изволилъ милостиво насъ посѣтить и непріятельскій флотъ осмотрѣть и, по усмотрѣнію онаго состоянія, резолюцію учинить, не пропуская удобнаго времени».

Послѣ того, что вопросъ о диверсіи рѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ, Петру ничего другого и не оставалось дѣлать. Его мѣсто было тамъ, гдѣ завязался главный узелъ событій. Въ этомъ случаѣ Апраксинъ не послѣдовалъ примѣру Крюйса, который въ прошедшую кампанію отговорилъ царя идти вмѣстѣ съ нимъ въ море, ревниво оберегая свою самостоятельность, а можетъ быть и будущіе лавры. Напротивъ, простодушный генералъ-адмиралъ «рабски» просилъ государя выручить его изъ бѣды. И Петръ не замедлилъ явиться.

Фортуна же (какъ тогда называли судьбу), посмѣявшись зло надъ Крюйсомъ, подарила Апраксина привѣтливой улыбкой.

VI.

Прибытіе царя въ Тверминэ и личное ознакомленіе съ положеніемъ дѣла. — Перешеекъ «Dragёt». — Устройство переволоки. — Мѣры для противодѣйствія ей, принятыя непріятелемъ. — Первый прорывъ русскихъ галеръ 26-го іюля. — Неудачная попытка Эреншильда соединиться съ остальнымъ флотомъ. — Второй прорывъ 27-го іюля. — Силы и расположеніе обѣихъ сторонъ. — Бой 27-го іюля. — Потери. — Отступленіе шведскаго флота изъ Финскаго залива. — Газетныя сплетни за границей. — Значеніе гангутскаго боя. — Роль въ немъ Петра. — Результаты кампаніи 1714 г. — Сентябрьскій штормъ у Березовыхъ острововъ. — Отношеніе царя къ морской силѣ. — Къ характеристикѣ Петра. — Заключеніе.

Прибывъ на флотъ 20-го іюля и повидавшись съ генералъ-адмираломъ, государь слѣдующіе же два дня употребилъ на самое тщательное личное ознакомленіе съ положеніемъ дѣла. Въ первый день онъ осмотрѣлъ непріятельскій флотъ съ моря, а на второй — съ берега. Первоначально собранныя Апраксинымъ свѣдѣнія о числѣ и расположеніи непріятельскихъ судовъ въ общемъ подтвердились. Повидимому, ничего другого не оставалось, какъ попытаться отбить непріятеля отъ берега огнемъ батарей и затѣмъ прорваться хотя бы только съ частью галеръ. Но въ это время капитанъ-командоръ Змаевичъ донесъ о найденномъ имъ узкомъ пере-

шейкѣ, верстахъ въ трехъ сѣвернѣе Твереминэ. Тотчасъ же и безъ того малообѣщавшія работы Волкова по возведенію береговыхъ укрѣпленій были прекращены и все вниманіе сосредоточено на открытіи Змаевича.

Осмотрѣвъ указанную имъ мѣстность и убѣдившись въ томъ, что по своей малой ширинѣ (1.170 саженъ) она не можетъ представить серьезнаго препятствія для перетаскиванія галеръ волокомъ на другую сторону полуострова, царь приказалъ вечеромъ того же 23-го іюля приступить къ подготовительнымъ для этой операціи работамъ [1]). Рѣшено было построить два деревянныхъ помоста, отъ середины перешейка въ обѣ стороны, по 400 саженъ каждый, для чего ежедневно высылалось посмѣнно 1.500 рабочихъ. Собственно, предполагалось только «нѣсколько легкихъ галеръ перетащить и пропустить для дѣйствъ, и тѣмъ бы непріятеля привесть въ конфузію, чтобъ удержать непріятель никакъ не могъ» [2]).

Весь успѣхъ дѣла зависѣлъ теперь отъ сохраненія работъ въ тайнѣ, для чего и были приняты самыя строгія мѣры. Но, какъ и слѣдовало ожидать, онѣ ни къ чему не привели, такъ какъ шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Узнавъ отъ мѣстныхъ рыбаковъ о нашихъ намѣреніяхъ, командующій шведскимъ флотомъ рѣшилъ для противодѣйствія имъ отправить къ мѣсту предполагаемаго спуска галеръ на воду отрядъ шаубенахта Эреншильда изъ 10 шхерныхъ судовъ; въ то же время сильная эскадра вице-адмирала Лилія, въ 14 вымпеловъ, направилась къ Твереминской бухтѣ, чтобы запереть тамъ главныя силы галернаго флота; самъ же адмиралъ Ватрангъ съ 6 кораблями и 3 фрегатами остался на прежней позиціи.

Все это происходило 25-го іюля и сопровождалось пушечной пальбой, обратившей тогда же на себя вниманіе нашихъ сторожевыхъ судовъ, но объяснявшейся какъ «простое поздравленіе», т. е. салютъ. Съ такимъ легкомысленнымъ толкованіемъ не согласился однако шаубенахтъ Петръ Михайловъ и, съ разрѣшенія генералъ-адмирала, самъ отправился на всякій случай съ 35 скампавеями къ передовой брандвахтѣ для личныхъ наблюденій. О назначеніи Эреншильда въ то время государю еще ничего не было извѣстно [3]), а движеніе Лилія на SO вызвало на первыхъ порахъ опасеніе за ревельскую эскадру, о чемъ онъ и поспѣшилъ предупредить какъ Шельтинга, такъ и Апраксина [4]). Послѣдній, по желанію царя, прибылъ къ

[1]) Перешеекъ этотъ, носящій теперь названіе «Draget», былъ хорошо извѣстенъ и Ватрангу. Шведскій адмиралъ, если вѣрить его показаніямъ, еще въ апрѣлѣ, опасаясь, что Петръ прибѣгнетъ къ волоку, намѣревался занять Твереминскую бухту, но такъ и не собрался сдѣлать это. Подходящее для переволоки мѣсто указали два чухонца. Они же затѣмъ и провели нашъ флотъ за денежное вознагражденіе прибрежнымъ фарватеромъ вокругъ мыса (Скаловскій, 385).

[2]) Журналъ Петра Великаго, I, 407.

[3]) Объ этомъ у насъ узнали лишь во время отправленія передового отряда (Журналъ Петра Великаго, I, 409).

[4]) Письма, I, 263.

нему на передовую позицію рано утромъ 26-го іюля. Къ этому времени уже выяснилось намѣреніе Лилія обойти нашъ флотъ въ Твереминэ, что, конечно, являлось при данныхъ обстоятельствахъ весьма серьезной для него опасностью. Парализовать ее до нѣкоторой степени можно было лишь своевременнымъ выводомъ галеръ изъ узкостей. Какъ разъ въ этотъ критическій моментъ маловѣтріе отъ разныхъ румбовъ вдругъ смѣнилось полнымъ штилемъ, что сразу мѣняло всю обстановку въ нашу пользу. Корабли Ватранга обречены были на бездѣйствіе; Лилій находился далеко и лишенъ былъ по той же причинѣ возможности помочь своему начальнику; самый опасный для нашихъ галеръ противникъ, отрядъ Эреншильда, отсутствовалъ. Конечно, даже и при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ русскій галерный флотъ все же не могъ рѣшиться атаковать Ватранга въ открытомъ морѣ, но онъ могъ попытаться обойти сильнаго врага. «По многихъ воинскихъ совѣтахъ» рѣшено было отправить 20 скампавей въ образовавшійся между эскадрами Ватранга и Лилія интервалъ. Подъ начальствомъ Змаевича и Бредаля онѣ благополучно проскочили, несмотря на огонь шведскихъ кораблей, медленно буксировавшихся къ мѣсту прорыва [1]). За ними послѣдовали съ такимъ же успѣхомъ и остальныя 15 скампавей передового отряда, подъ начальствомъ капитановъ Дежиманта и Гриса. На этомъ отрядѣ находились также бригадиры Волковъ и Лефортъ.

Между тѣмъ, Эреншильдъ, убѣдившись въ отказѣ русскихъ отъ перетаскиванія галеръ черезъ перешеекъ, спѣшилъ лично доложить объ этомъ своему флагману. Но на своемъ пути уже встрѣтилъ въ разстояніи нѣсколькихъ миль авангардъ русскаго флота, почему и вынужденъ былъ вернуться обратно на прежнее мѣсто, гдѣ и заблокировалъ его Змаевичъ [2]). Послѣдній получилъ приказаніе немедленно же атаковать Эреншильда, но за наступившей темнотой пришлось отложить это до другого дня.

Тѣмъ временемъ Ватрангъ отозвалъ къ себѣ Лилія и оба адмирала съ трудомъ, при слабомъ вѣтрѣ, соединились 26-го вечеромъ. Для ускоренія этого маневра, командующій шведскимъ флотомъ, спѣша навстрѣчу своему младшему флагману, значительно удалился отъ мыса и такимъ образомъ обнажилъ шхерный фарватеръ. Такой вторичной оплошностью непріятеля, при вновь наступившемъ штилѣ, рѣшено было воспользоваться для прорыва всего остального флота на разсвѣтѣ 27-го іюля, что и удалось исполнить «отъ внутренней стороны, не огребая непріятеля».

Авангардіей командовалъ генералъ Вейде, кордебаталіей гр. Апраксинъ, аріергардіей князь Голицынъ.

Стоялъ прекрасный лѣтній день. На флотѣ нашемъ чувствовался высокій подъемъ духа.

---

[1]) «На нашихъ зѣло много стрѣляли; однакожъ не вредили ихъ ядра» (Журналъ Петра Великаго, I, 409).

[2]) Кирхгофъ, I, 280—281.

Замѣтивъ нашъ новый маневръ, шведскіе корабли стали спѣшно подтягиваться къ берегу, но только тремъ изъ нихъ посчастливилось приблизиться на пушечный выстрѣлъ и нанести незначительный вредъ нашимъ судамъ. Одному командиру оторвало ногу и одна скампавея, ставшая на мель, попала въ плѣнъ съ 232 чел. команды.

Эреншильдъ, отступая передъ превосходными силами Змаевича и уклоняясь отъ боя, свернулъ съ настоящаго фарватера и попалъ въ тупикъ Нитлаксъ-фіорда, къ деревнѣ Рилаксъ. Здѣсь Змаевичъ окончательно его заперъ. Бой сталъ неизбѣжнымъ.

Шведскія суда, имѣя въ центрѣ флагманскій 18 пуш. фрегатъ «Элефантъ» и по обѣ отъ него стороны по 3 галеры, а во второй линіи 3 шхербота, расположились полукругомъ между берегомъ и островомъ Сторенъ. Всего 10 судовъ, 122 орудія, 941 человѣкъ.

Преимущества непріятеля состояли въ сильной и удобной позиціи (обезпеченіе фланговъ, просторное размѣщеніе судовъ) и въ крупной артиллеріи (до 36 ф. калибра).

Съ нашей стороны непосредственное участіе въ бою принималъ лишь *передовой отрядъ*, уже ранѣе блокировавшій непріятеля, но не въ полномъ своемъ составѣ, а, за неимѣніемъ мѣста, только въ числѣ 23-хъ скампавей, подъ командой генерала Вейде, бригадировъ Лефорта и Волкова и капитановъ Змаевича, Дежимонта и Даміани. Всего до 115 орудій [1]) и 3 тысячъ человѣкъ. Въ центрѣ 11 скампавей и по 6 на флангахъ. Непосредственно за боевой линіей стали скампавеи царя и Апраксина; далѣе — въ 3 линіи остальныя главныя силы. На предложеніе о сдачѣ Эреншильдъ отвѣтилъ полнымъ достоинства отказомъ. Въ третьемъ часу пополудни генералъ-адмиралъ сдѣлалъ сигналъ «вступить въ бой».

Двѣ послѣдовательныя атаки нашихъ галеръ были отбиты. Но, воодушевляемыя личнымъ присутствіемъ царя и поддерживаемыя съ тыла остальной массой судовъ, онѣ бросились на непріятеля въ третій разъ и свалились съ нимъ на абордажъ; «и абордированіе такъ жестоко чинено, что отъ непріятельскихъ пушекъ нѣсколько солдатъ не ядрами и картечами, но духомъ пороховымъ разорваны», записано въ журналѣ (I, 411). Бой длился всего около двухъ часовъ, но отличался удивительной запальчивостью и упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. На жестокій огонь 90 шведскихъ орудій наши суда, сильно стѣсненныя условіями мѣстности, могли отвѣчать лишь изъ 24-хъ. А, когда дошло до рукопашной схватки, то пришлось каждое непріятельское судно брать на абордажъ. Самъ Эреншильдъ, тяжело раненый, упалъ за бортъ, запутался въ снастяхъ и былъ захваченъ капитаномъ Ингерманландскаго полка Бакѣевымъ. Всѣ непріятельскія суда по-

[1]) Скампавеи вооружались обыкновенно 5 пушками каждая: 1-й носовой, такъ называемой *куршейной,* 24-хъ фун. калибра и 4-мя бортовыми, отъ 2-хъ до 18 фун. калибра. На бригантинѣ ставилось по 4 пушки. (Матеріалы I, № 766 и другіе источники).

очередно спустили флаги, но флагманскій фрегатъ сдѣлалъ это послѣднимъ. Мы потеряли въ этомъ бою 468 чел. убитыми и ранеными (около $^1/_6$ всего личнаго состава), шведы—352 чел. ($^1/_3$ состава).

Въ окрестностяхъ дер. Рилаксъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія объ этомъ сраженіи въ формѣ такихъ мѣстныхъ названій, какъ «Заливъ убитыхъ», «Заливъ душъ» и «Гора мертвыхъ» [1]).

Узнавъ о печальной судьбѣ своего галернаго отряда, адмиралъ Ватрангъ поспѣшилъ къ Стокгольму, за который теперь больше всего стали опасаться шведы. Не поддержалъ Эреншильда и шаубенахтъ Таубе, находившійся въ это время съ однимъ кораблемъ и нѣсколькими галерами неподалеку, въ Юнгферзундѣ. Очевидно, между отдѣльными частями непріятельскаго флота не было необходимой солидарности въ дѣйствіяхъ и на службу связи не обращалось должнаго вниманія.

Въ заграничныхъ газетахъ появилось извѣстіе о полномъ будто бы пораженіи нашего флота у Гангута и спасеніи лишь царя съ однимъ кораблемъ [2]). Въ отвѣтъ на эту зловредную басню царь велѣлъ напечатать въ Ревелѣ брошюру, прославлявшую нашъ первый крупный успѣхъ на морѣ [3]). Иниціатива использованія съ такою цѣлью политическихъ памфлетовъ у насъ, въ Россіи, всецѣло принадлежитъ самому Петру.

Послѣ Полтавы почетнѣйшее мѣсто въ исторіи Сѣверной войны принадлежитъ Гангуту. Такъ смотрѣлъ на это дѣло и самъ Петръ. Въ великой борьбѣ за морскіе берега Гангутская побѣда является хотя сравнительно и небольшимъ, но блестящимъ эпизодомъ, особенно цѣннымъ для Россіи и ея великаго царя, какъ прекрасная и наглядная иллюстрація къ идеѣ о необходимости дла страны морской силы. Побѣда эта, завершившая собой небывалое напряженіе всѣхъ нашихъ силъ въ теченіе первыхъ $^2/_3$ войны (1700—1714—1721 г.г.), представляетъ, въ сущности, частную операцію, поучительную въ тактическомъ отношеніи, а въ стратегическомъ весьма плодотворную. Традиціонный со временъ Олега *волокъ*, а затѣмъ *абордажъ*, т. е. опять-таки привычная для русскихъ людей рукопашная схватка. Отсюда и выдающаяся въ этомъ бою роль петровской пѣхоты [4]). Но главная заслуга принадлежитъ, конечно, самому Петру, давшему въ этой операціи высокій образецъ военно-морского искусства. Одна угроза обхода волокомъ уже ведетъ къ раздѣленію непріятельскихъ силъ. Правда, царь не стремился къ этому сознательно, но ошибкой противника воспользовался весьма успѣшно. Прегражденіе пути у Гангута не могло, очевидно, удивить насъ, такъ какъ составляло въ ту эпоху обычное явленіе, которое при томъ учитывалось нами въ самомъ планѣ кампаніи.

---

[1]) Бородкинъ, 167.

[2]) Письма, II, 282. Донесеніе князя Долгорукова отъ 4-го августа 1714 г.

[3]) Бородкинъ, 168.

[4]) Всего участвовало, хотя и не въ полномъ составѣ, 15 полковъ; въ томъ числѣ лейбъ-гвардіи Преображенскій и Семеновскій (Мышлаевскій, 411).

Однако, оно озадачило Апраксина и поставило его въ тупикъ. Но явился Петръ, отвлекъ вниманіе непріятеля отъ главной стратегической позиціи, вывелъ его изъ бездѣйствія, однимъ словомъ, создалъ новую, благопріятную для насъ, обстановку и использовалъ ее какъ нельзя лучше. Помогли, конечно, и разныя случайности, вродѣ штиля, недостатка у шведовъ галеръ и т. п. Но и такой трудно поддающійся учету на войнѣ элементъ можетъ пригодиться лишь находчивому и свѣдущему вождю, умѣющему къ тому же рисковать, гдѣ нужно.

Главная цѣль кампаніи 1714 года—высадка въ Швеціи—не была достигнута, вслѣдствіе потери цѣлаго мѣсяца лучшаго времени и другихъ обстоятельствъ. Но путь въ Ботническій заливъ и слѣдовательно дальнѣйшее содѣйствіе галернаго флота нашей финляндской арміи были несомнѣнно обезпечены. Объ этомъ царь въ письмѣ своемъ къ Меншикову изъ Або, отъ 4-го августа, выразился, что «чрезъ помощь Божію уже намъ вездѣ отворено» [1]). Апраксинъ съ галернымъ флотомъ пошелъ въ Вазу и далѣе до Ньюкарлеби, но, не встрѣтивъ нигдѣ шведскихъ войскъ, вернулся 28-го октября на зимовку въ Ништадтъ.

Генералъ-маіоръ Головинъ высадился на шведскомъ берегу, въ Умео, и захватилъ тамъ лоцмановъ. Незначительные поиски эти, сильно раздутые молвой, произвели однако панику въ Стокгольмѣ, гдѣ дворъ сталъ даже готовиться къ отъѣзду. Это же, въ свою очередь, повліяло на улучшеніе нашихъ отношеній съ союзниками. Вотъ главнѣйшіе плоды кампаніи 1714 года и ея важнѣйшаго событія — Гангутской побѣды, отмѣченные выбитой Петромъ медалью съ характерной и краснорѣчивой надписью «Classis Russicae primitiae» (первыя побѣды русскаго флота).

На обратномъ пути въ Петербургъ государь, находясь на своемъ флагманскомъ кораблѣ «Св. Екатерина», выдержалъ у Березовыхъ острововъ жестокій штормъ отъ SW и едва не погибъ.

Опасаясь за участь отстаивавшихся въ Біоркэ-зундѣ галеръ, онъ въ ночь на 2-е сентября, не взирая на отчаянныя мольбы окружающихъ, сѣлъ въ шлюпку и благополучно достигъ берега, до котораго было около 3-хъ верстъ. Разведеннымъ здѣсь, по его приказанію, костромъ онъ оповѣстилъ флотъ о своемъ спасеніи. Легко представить себѣ тѣ чувства, которыя пришлось пережить морякамъ въ эту ужасную ночь, въ ожиданіи условнаго сигнала!

Если внезапная смерть Карла XII въ разгаръ войны (1718 года) нанесла такой ударъ Швеціи, то какъ же тяжко отразилась бы гибель величайшаго нашего генія на судьбахъ Россіи. Онъ ее всю всколыхнулъ и толкнулъ на новый путь; онъ же только и могъ довести ее до тихой пристани. Однимъ изъ наиболѣе мощныхъ средствъ для этого являлась *морская сила,* важное значеніе которой онъ старался подчеркнуть при всякомъ

[1]) Письма, I, 268.

удобномъ случаѣ. На торжественныхъ пирахъ за первымъ царскимъ тостомъ слѣдовалъ обыкновенно тостъ *за всѣхъ храбрыхъ матросовъ* (моряковъ) [1].

Отъ Апраксина онъ требовалъ возвращенія въ Петербургъ непремѣнно водою, что болѣе соотвѣтствовало его высокому званію генералъ-адмирала [2]. Наконецъ, всѣ эти награды, торжества и фейерверки по поводу одержанныхъ на морѣ побѣдъ свидѣтельствуютъ о томъ же.

Долгъ у Петра на первомъ планѣ: «Была бы жива Россія, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога». Весьма характерную въ этомъ отношеніи черточку встрѣчаемъ мы и въ письмѣ къ нему Екатерины изъ Ревеля, отъ 4-го августа 1714 года: «Я сердечно желаю счастливаго вашего сюда прибытія, писала она своему державному супругу, но вѣдаю, что ваша милость дѣло свое на жену промѣнять не изволите» [3]. И это была, конечно, чистѣйшая правда, ибо Петръ въ это время сидѣлъ уже въ Або и ему не до жены было.

Два вѣка отдѣляютъ насъ отъ этого славнаго событія, но оно до сихъ поръ не успѣло еще потускнѣть отъ времени и попрежнему представляется намъ во всемъ своемъ блескѣ. Не только гребныя галеры, но и парусные корабли давно уже исчезли съ нашего горизонта, а мы все стоимъ какъ очарованные передъ гангутской скалой, обвитой въ нашихъ воспоминаніяхъ, словно гигантской змѣей, кольцомъ петровскихъ скампавей.

Откуда же эта удивительная живучесть уже покрытаго пылью вѣковъ событія, къ тому же представляющаго лишь небольшой эпизодъ 20-лѣтней великой борьбы за господство на Балтійскомъ морѣ? Но вѣдь и въ дождевой каплѣ отражается то же необъятное солнце, что и въ цѣломъ мірѣ! Отразился въ этой операціи и дивный свѣточъ нашей исторіи—геній Петра.

На зарѣ своего бытія русскій флотъ, въ тѣсномъ общеніи съ арміей, медленно, шагъ за шагомъ, но неуклонно стремился къ достиженію главной цѣли войны—утвержденію на берегахъ когда-то Варяжскаго моря и завладѣнію «морскими пристанями», столь необходимыми для правильнаго кровообращенія въ странѣ. Гангутъ—высокій образецъ *совмѣстныхъ дѣйствій арміи и флота,* т. е. тѣхъ операцій, которыя при существующихъ географическихъ условіяхъ и политической обстановкѣ, вѣроятно, еще долгое время будутъ для насъ если не единственными, то во всякомъ случаѣ главными.

Великій вождь, этотъ неизсякаемый источникъ душевной бодрости, поспѣваетъ всюду, гдѣ въ немъ нужда. Его ждутъ какъ спасителя и поставленные, какъ всѣмъ тогда казалось, въ безвыходное положеніе у Гангута его вѣрные слуги. Его появленіе—залогъ побѣды. Его дѣйствія—высшая школа военнаго искусства. Беззавѣтное мужество вѣнчаетъ дѣло.

Е. Аренсъ.

---

[1]) Бородкинъ, 161.
[2]) Письма, I, 289.
[3]) Матеріалы I, № 896.

Олонецкія марціальныя воды при Петрѣ Великомъ.

Поиски и обнаруженіе источника. — Анализъ водъ и его результаты. — Устройство курорта. — Составъ служащихъ на водахъ. — Продовольствіе больныхъ. — Правила пользованія водами. — День на курортѣ. — Посѣщенія его Петромъ Великимъ. — Взглядъ на цѣлебную силу марціальныхъ водъ. — Судьба водъ и значеніе ихъ для олонецкаго края при Петрѣ Великомъ.

Трудно назвать другой лечебный пунктъ въ предѣлахъ нашего отечества, который имѣлъ бы судьбу, подобную судьбѣ олонецкихъ марціальныхъ водъ. Еще до своего обнаруженія онѣ представляютъ нѣчто желаемое и ожидаемое: Петръ Великій очень хотѣлъ имѣть у себя въ Россіи, какъ говорится, подъ рукой, цѣлебный источникъ, чтобы не быть въ необходимости ѣздить за границу. По приказанію его начали поиски, не расчитывая на особенное счастье, — напримѣръ, найти родникъ по сосѣдству съ любимымъ твореніемъ, Парадизомъ—Петербургомъ. Но искали нарочно, нашли нечаянно; искали доктора, открылъ рабочій.

Зимой 1714 г. партія рабочихъ, какъ это бывало и прежде, возила на заводы желѣзную руду съ такъ называемаго Равъ болота, расположеннаго въ 8 верстахъ отъ Кончезерскаго завода, 45 верстахъ отъ Петровскаго (нынѣшній Петрозаводскъ), 500—отъ Петербурга, 949—отъ Москвы. Приставленный къ возчикамъ для надзора заводскій молотовой работникъ Иванъ Рябоевъ, давно уже хворавшій, по его словамъ, «сердечною болѣзнію» и теперь едва волочившій ноги, въ поискахъ облегченія, бродилъ съ мѣста на мѣсто и въ снѣгу вдругъ увидѣлъ бившій струей родникъ, никому прежде неизвѣстный или пренебрегаемый. Начавъ пить изъ него воду, Рябоевъ черезъ три дня почувствовалъ облегченіе, а потомъ и совсѣмъ поправился,—вѣроятно, желѣзистая [1]) вода оказалась полезна ему по роду его болѣзни, относительно истиннаго характера которой точныхъ свѣдѣній не сохранилось. Не желая оставлять источника въ неизвѣстности, Рябоевъ доложилъ своему начальнику, управителю Кончезерскаго завода, Циммерману, а тотъ Геннину, начальнику и коменданту Олонецкихъ горныхъ заводовъ. Скоро объ открывшемся цѣлебномъ родникѣ узналъ и государь. Удача была неожиданная. Родникъ, о которомъ онъ мечталъ, на-

[1]) Mars—желѣзо. Отсюда марціальный-желѣзистый. Срав. кавказскій Желѣзноводскъ.

шелся, при томъ не въ далекомъ разстояніи отъ Петербурга, тамъ, гдѣ Петру хотѣлось больше всего. Вопросъ былъ только въ томъ, что скажутъ доктора о цѣлебной силѣ источника. Вдругъ онъ ни къ чему негоденъ? Если бы родникъ, для отысканія котораго были начаты спеціальные поиски, который при томъ оказался въ весьма близкомъ разстояніи отъ новой столицы и въ районѣ особенной дѣятельности Петра,—если бы этотъ родникъ вдругъ оказался ничего нестоющимъ,—государь былъ бы очень огорченъ. Все это было, конечно, принято въ соображеніе докторами Блюментростомъ и Равелинымъ, которые изслѣдовали воду «химически и практически». Изслѣдованіе Блюментроста не дошло до насъ; судя же по дознанію Равелина, произведенному въ январѣ 1718 г:, и указу Петра Великаго 20 марта 1719 г., дѣйствію водъ поддавались: поносъ (enteritis), кровавый поносъ (dysenteria), катарръ желудка (catharrus ventriculi [1]), болѣзнь печени (hepatitis [2]), рвота (vomitus), глисты (helmentiasis), желтуха (icterus [3]), сухой плевритъ (pleuritis sicca [4]), болѣзнь сѣдалищнаго нерва (Ischias [5]), катарръ кишекъ (catharrus intestinalis [6]), малокровіе (anemia [7]), суставный ревматизмъ (rheumatismus articularis [8]), задержаніе мочи (Ischuria [9]), Брайтова болѣзнь (nefritis [10]), цинга (scorbutus), ипохондрія (hypochondria), почечуйная (haemmorois), каменная (litiasis), водянка (ascites), эпилепсія (epilepsia), женскія болѣзни (amoenorrhea [11]), menorragia [12]), hernia [13]) «и отъ прочихъ болѣзней» воды «великую силу» имѣли.

Такимъ образомъ, оказывалось, что одна и та же вода пользовала массу внутреннихъ болѣзней, въ томъ числѣ, грудныя и желудочныя, спеціально женскія и даже психическія. Бо́льшаго отъ родника нельзя было, конечно, и требовать, и въ самое непродолжительное время лѣсистое мѣ-

---

[1]) «Изнемогущей стомахъ, и болѣзнь во утробѣ и удушье» (мнѣніе врачей М. А. Меньшикова и І. М. Рясенцева); или—катарръ кишечнаго тракта, осложненный болѣзнью сердца (мнѣніе д-ра Г. Г. Шумкова).

[2]) «Все тѣло желто» — (І. М. Ряс., М. А. Меньш.), или—воспаленіе 12-перстной кишки (catharrus ventriculi et intestini duodanalis) — (М. А. Меньш.).

[3]) «Обдержимъ желтою болѣзнію»—(І. М. Ряс., М. А. Меньш.).

[4]) «Въ правомъ боку изнутри жестокость»—(М. А. Меньш., І. М. Ряс.), или—увеличеніе печени («завалы») — (Г. Г. Шумк.).

[5]) «Не малое колотье въ лѣвой холкѣ»—(М. А. Меньш.).

[6]) «Вредимъ былъ проносомъ съ тяжелою болѣзнію въ утробѣ»—(М. А. Меньш).

[7]) «Не имѣлъ въ ѣствѣ вкусу и во всякихъ пищахъ противность, ночныя неспокойства и въ лицѣ цвѣтъ блѣдной»—(М. А. Меньш., Г. Г. Шумк.).

[8]) «Во всѣхъ составахъ тягость великая»—(М. А. Меньш., Г. Г. Шумк.).

[9]) «Запоръ въ уринѣ»—(М. А. Меньш.).

[10]) «Болѣзнь въ почкахъ»—(М. А. Меньш.).

[11]) «Отъ запору мѣсячной крови у женъ» — (М. А. Меньш.). Срав. Семевскій, «Цар. Прасковья», стр. 111.

[12]) «Отъ излишняго кровотеченія у оныхъ (женъ)»—(М. А. Меньш.).

[13]) «Лечатъ килы»—(М. А. Меньш.). Оставленныя безъ примѣчаній болѣзни названы прямо.

сто у Равъ болота превратилось въ многолюдный курортъ съ церковью, сохранившеюся до нынѣ [1]), тремя дворцами, отъ которыхъ теперь нѣтъ и слѣда, и помѣщеніями для личнаго состава и пріѣзжихъ, въ настоящее время также не существующими.

Составъ служащихъ у источника опредѣлялся потребностями мѣста и лицъ. Такъ какъ это было мѣсто леченія, то тутъ прежде всего была организована медицинская помощь: при водахъ былъ лекарь (съ окладомъ, какъ кажется, въ 30 руб. въ годъ). Религіозныя потребности удовлетворялись причтомъ въ составѣ священника, дьячка, пономаря и просвирни. Діакона брали съ петровскихъ заводовъ, по крайней мѣрѣ, въ 1724 г. Кромѣ того, тутъ была масса низшихъ служителей: столяры, плотники и работники въ токарнѣ,—рабочіе изъ мѣстныхъ крестьянъ или солдаты, которые въ бытность ихъ величествъ «выливали изъ колодезя марціальнаго повседневно воду», или «носили ее изъ колодезя во время питья», истопники, кухмистеры, служители въ поварнѣ, скатертной, хлѣбенной, печники, караульные солдаты съ прапорщикомъ, сержантомъ и капраломъ, конюхи, кучера и прачки. Послѣднихъ привозили съ собой и при отъѣздѣ брали обратно.

Когда такимъ образомъ постепенно все было устроено, курортъ былъ открытъ для пріѣзжающихъ въ іюнѣ 1718 г. Обрадованный «милостію, ниспосланною отъ Господа Бога», Петръ въ указахъ и частныхъ письмахъ къ вельможамъ началъ писать новооткрытому цѣлебному источнику, говоря по современному, рекламы, зазывая сюда всѣхъ. Ему вторила царица Прасковья, подхватывавшая налету доступныя своему пониманію мысли государя. Знатные, кому было дорого расположеніе царя, — а кто имъ не дорожилъ? — не отставали, и чрезвычайно быстро курортъ сталъ моднымъ, привлекши къ себѣ массу больныхъ всякаго званія и состоянія отъ царской семьи и придворныхъ, во главѣ съ генералъ-адмираломъ графомъ Ѳ. М. Апраксинымъ, до простого крестьянина отдаленнаго Бѣлозерскаго уѣзда, не считая мѣстныхъ олончанъ.

Такъ какъ докторскими правилами было признано, что весною и осенью воды недѣйствительны—отъ таянія снѣга и дождей, къ нимъ примѣшивалась другая вода и разбавляла минеральную,—то лучше всего пить воды лѣтомъ въ жары, въ іюнѣ и іюлѣ, и зимою въ морозы, съ половины января до половины марта. Къ этому времени сюда и являлись. Прибывъ на курортъ, больной отдыхалъ нѣсколько дней, особенно, если пріѣхалъ издалека. Затѣмъ, принималъ слабительное и на другой день начиналъ пить воду по наставленію лекаря, который опредѣлялъ по роду болѣзни количество воды на каждый день и совѣтамъ котораго больной обязанъ былъ отнынѣ слѣдовать. «Буде же кто отъ упрямства своего сихъ ре-

[1]) Кромѣ деревянной церкви во имя ап. Петра и Павла, до насъ сохранился марціальный колодезь, покрытый небольшой деревянной бесѣдкой, въ которой поставленъ чугунный бюстъ Петра Великаго и повѣшена чугунная доска съ надписью объ открытіи источника Геннинымъ.

гулъ хранить не станетъ, такихъ отнюдь не допускать пить оныя воды». Назначенную каждому порцію начинали пить съ ранняго утра и должны были окончить въ теченіе 2—3 часовъ и во все это время ходить. Сидѣть или тѣмъ больше лежать запрещалось безусловно. Затѣмъ, до обѣда оставляли еще промежутокъ — minimum 3 часа, а кто могъ терпѣть дольше, то тѣмъ лучше. Въ продолженіе всѣхъ этихъ утреннихъ часовъ зимой слѣдовало «отнюдь изъ избы не выходить и стужи весьма беречься»: было замѣчено, что выходившіе болѣли горломъ и грудью.

Итакъ, утромъ на марціальныхъ водахъ шло леченіе: царская семья и аристократы—въ большомъ, въ 22 окна, залѣ дворца государя; простолюдины—въ земляномъ залѣ съ 32 окнами и 4 печами, находившемся при устроенной для нихъ линнеѣ съ 20 комнатами, 40 окнами и 20 печами.

Около полудня приступали къ обѣду. Вопросъ о продовольствіи составлялъ больное мѣсто курорта. Невозможно было везти провіантъ съ собой на весь сезонъ, но не меньше затрудненій представляло и добываніе его на курортѣ. Откуда было брать провіантъ въ этомъ пустынномъ мѣстѣ для больныхъ, съѣзжавшихся въ громадномъ количествѣ, при томъ, не какихъ-либо первыхъ встрѣчныхъ, но людей, сильныхъ связями, людей, съ которыми обойтись кое-какъ было невозможно, особенно человѣку, желавшему «повышеніе чина себѣ добыть», каковъ былъ Геннинъ, тогдашній начальникъ Олонецкихъ горныхъ заводовъ? Правда, это не входило въ кругъ прямыхъ обязанностей его, но, съ другой стороны, «изъ міру ни единой ложки сметаны не идетъ», а гостей *для одною стыда* кормить и поить надобно», такъ какъ «весьма непристойно» не давать «пріѣзжимъ, которые повсегда бываютъ, подобающую честь». При такихъ условіяхъ хлѣбный паекъ, который выдавался Геннину, въ большой долѣ уходилъ на больныхъ. Въ то же время и сами больные, ѣхавшіе на воды, начинали уже въ дорогѣ покупать себѣ припасы. На разныхъ станціяхъ или, по тогдашнему, подставахъ, гдѣ перемѣняли лошадей, проѣзжимъ приносили яйца и прочій продуктъ,—«ряпчиковъ, да тетеревей, да рыбы, цыплятъ, барашковъ». Кромѣ того, мѣстные жители изъ окрестныхъ деревень Муозера, Косалмы, Шуи и болѣе дальнихъ время отъ времени подносили — «молодого барашка малинькова» (дано 1 рубль), теленка (дано 5 рублей), курицъ, масла, сметаны, овцу, куропатокъ и т. п. Продовольствіе доставляли и дальновидные правители выговской раскольничьей общины, братья Денисовы. Отъ нихъ неоднократно поступали основательные гостинцы: олени битые и живые, быки и прочая живность, за что въ 1724 г. 3 марта дано имъ 20 рублей. Кромѣ того, на водахъ были спеціальные стрѣлки 6 человѣкъ, которые ходили въ лѣсъ для битья птицы. Итакъ, продуктами, добытыми такимъ, часто случайнымъ, путемъ, кормились со дня на день, имѣя главнымъ образомъ обѣдъ и вечеромъ ужинъ. Передъ обѣдомъ можно было выпить чарку водки, «особливо анисовой». Правилами было запрещено мясо — холодное, соленое, кислое и копченое; рыба — въ томъ же

видѣ и свѣжая; молоко, яйца въ крутую, масляное кушанье, во всѣхъ видахъ овощи: огурцы, капуста, рѣпа, чеснокъ, лукъ, рѣдька, горохъ, бобы, морковь; грибы, грузди и ягоды: земляника, черника и прочія. Въ линнеѣ у простонародья, очевидно, должны были преобладать хлѣбъ да пустыя щи. Господамъ подавались: сперва похлебка, потомъ мясо: баранина, телятина, говядина, куры, рябчики, тетерева, зайцы, оленина, — вареное или жареное—и въ смятку яйца; кушанья запивали бургонскимъ, рейнвейномъ, «ренскимъ легкимъ французскимъ», или пили «легкова самова пива («по малу») или полпива». У кого не было — значитъ, въ линнеѣ, — тѣ могли другую чарку водки, но не больше; «квасу, кислыхъ щей, такожде браги» отнюдь не позволялось. Пообѣдавъ, больные могли идти на воздухъ; спать было запрещено. Отъ обѣда до ужина разрѣшено было выпить «стакана три полпива или легкова пива», или «тое же лекарственной воды». Скоротавъ въ прогулкахъ день до ужина, больные («немного») закусывали. Меню, вѣроятно, было обѣденное. Но чтобы «лутче воды дѣйствовали», рекомендовалось вечеромъ не ѣсть.

Послѣ ужина часа два-три не спали, развлекаясь, кто какъ умѣлъ. Государь, бывшій на водахъ въ зимніе сезоны 1719, 1720, 1722 и 1724 г., кромѣ прогулокъ на открытомъ воздухѣ, занимался государственными дѣлами, читалъ и пѣлъ въ церкви, игралъ на билліардѣ, въ трукъ-тафель, въ шахматы, въ бирюльки, занимался врачебной практикой, напримѣръ, больному водянкой крестьянину однажды выпускалъ воду, за что подарилъ ему одежду и два рубля деньгами (должно быть, въ утѣшеніе),—особенно же охотно работалъ на токарномъ станкѣ. Послѣ него осталось нѣсколько вещей, сдѣланныхъ имъ на водахъ,—паникадило, столъ, стулья и кресло. Часто устраивались лотереи, разыгрывались разныя бездѣлушки (фляжки, табакерки и т. п.). Екатерина была непремѣнной участницей подобныхъ развлеченій и обыкновенно брала нѣсколько билетовъ. Прочіе больные играли въ шашки, шахматы, кости, можетъ быть, въ карты — безъ Петра: извѣстно, что онъ не терпѣлъ карточной игры и даже издалъ указъ не платить проигрышей. Иногда слушали гудошниковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Были и иного рода развлеченія: «Дано мужику, которому половину бороды выбрили, десять алтынъ»; можетъ быть, и здѣсь, какъ позже въ Ярославлѣ, «слѣпые ханжи» пѣли стихи. Нѣтъ извѣстій о времяпрепровожденіи простолюдиновъ въ линнеѣ; надо полагать, они съ ранняго вечера, по обычаю русскихъ людей, укладывалась спать, не имѣя возможности развлекаться какъ-либо иначе. Утромъ больные принимались за прежнее.

Въ одно изъ посѣщеній государя (въ мартѣ 1720 г.) виновникъ возникновенія курорта, Иванъ Рябоевъ, подалъ прошеніе о назначеніи ему «чѣмъ Богъ по сердцу Твоему извѣститъ»; резолюціей государя проситель «съ домомъ его, съ землею, чѣмъ владѣетъ», освобожденъ отъ всѣхъ работъ и податей.

Окончивъ употребленіе водъ къ 15 марта или 30 іюля, больной, какъ въ началѣ, принималъ слабительное и до отъѣзда отдыхалъ нѣсколько

дней. Уѣзжая, онъ долженъ былъ уплатить «за лекарства настоящую цѣну, что надлежитъ», а дома еще 3 — 4 недѣли держаться на діэтѣ, такъ же, какъ во время пользованія водами, «ибо по отпитіи водъ болѣе дѣйство отъ оныхъ бываетъ, нежели во время питья».

Несмотря, однако, на благопріятныя условія, въ которыя былъ поставленъ курортъ, и, казалось бы, полное удовлетвореніе нуждъ больныхъ, очень скоро начался ропотъ: уже въ маѣ 1720 г., слѣдовательно, черезъ четыре лечебныхъ сезона, понадобилось изданіе указа, которымъ марціальныя воды брались подъ защиту отъ нареканій и въ которомъ обманутыя ожиданія и ропотъ приписали несоблюденію правилъ: «нѣкоторые люди», писалось въ этомъ указѣ, «яко сущіе невѣжды, не разсуждая о нерегульныхъ своихъ и глупыхъ поступкахъ, ѣздятъ къ тѣмъ водамъ, не спросясь докторовъ, нижѐ высмотря о томъ въ прежнихъ печатныхъ реестрахъ пользоваться отъ болѣзней, къ которымъ болѣзнямъ склонности ко исцѣленію не имѣютъ, вышепоказанное дарованіе Божіе, которое и уцѣнить неможно, порочатъ». До извѣстной степени упрекъ, конечно, былъ справедливъ. Могли быть и, конечно, были случаи пріѣзда больныхъ на марціальныя воды безъ докторскаго совѣта, какъ говорится, по наслышкѣ, и отсюда неудача въ леченіи. Но, съ другой стороны, перечень болѣзней, отъ которыхъ на водахъ обѣщано было исцѣленіе, былъ такъ великъ, что подъ дѣйствіе ихъ безъ особыхъ затрудненій можно было подвести любую болѣзнь любого пацієнта, почему доступъ на курортъ, въ сущности, былъ открытъ всѣмъ и каждому, за рѣдкими развѣ исключеніями. Правда и то, что нѣкоторые не очень строго придерживались предписанныхъ правилъ,—но кто? Тѣ, кто не чувствовалъ себя больнымъ, и прежде всего въ царскомъ семействѣ: мы видѣли, Екатерина I покупала и масло, и сметану и рыбу, что запрещалось «дохтурскими правилами». Очевидно, Екатерина и ей подобныя, пріѣзжавшія на воды для компаніи, слѣдуя лишь модѣ и желанію государя, сами по себѣ не испытывали въ леченіи ни малѣйшей надобности. Ясное дѣло, для такихъ пріѣзжихъ режимъ, въ сущности, былъ ненуженъ и правила докторскія необязательны. Остаются настоящіе больные. При затруднительности питанія въ пустынномъ мѣстѣ, возможно допустить, что и они тоже не всегда строго держались діэты, хотя отступленія дѣлались въ виду крайней необходимости и какъ исключеніе: кому же охота потратить даромъ время и деньги? Безспорно, этого рода пріѣзжіе старались строго выполнять правила и всѣ медицинскія требованія, и если, тѣмъ не менѣе, не получали облегченія, то причина этого заключалась въ самихъ водахъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо ли говорить о томъ, что въ дѣйствительности источникъ не могъ имѣть универсальности, ему приписанной и, конечно, не оправдавшейся послѣ? И это немало способствовало разочарованію, которое обнаружилось еще при Петрѣ Великомъ, когда не прошло и двухъ лѣтъ со дня открытія курорта. Излишне говорить, что репутація его, благоденствіе и будущность были бы прочнѣе, если бы уста-

новили цѣлебность водъ для какой-либо одной категоріи болѣзней. Для какой? Въ указѣ 28 февраля 1718 г. о результатахъ дѣйствія водъ надъ больными поименовано 10 человѣкъ; страданія почти всѣхъ ихъ связаны въ большей или меньшей степени съ заболѣваніемъ желудочно-кишечнаго тракта; въ результатѣ леченія они получили хорошій аппетитъ и сонъ. Такимъ образомъ, надо считать наиболѣе вѣроятнымъ, что воды помогали при желудочно-кишечныхъ заболѣваніяхъ. Этимъ, повидимому, и слѣдовало ограничить кругъ цѣлебности водъ. Однако, угождая государю, доктора, какъ уже выше сказано, распространили дѣйствіе ихъ на болѣзни грудныя, спеціально женскія и даже психическія, и это испортило дѣло. Но, пока живъ былъ Петръ Великій, курортъ процвѣталъ, держась грозной поддержкой государя. Съ кончиной же его оживленіе на курортѣ замираетъ, число посѣтителей уменьшается, а потомъ они и вовсе перестаютъ сюда ѣздить; та же самая Екатерина, которая почти всякій разъ пріѣзжала съ Петромъ и даже чаще его, послѣ его кончины уже ни разу не заглянула сюда; такъ же поступила и аристократія: мода на воды прошла, и слава померкла.

Какъ бы то ни было, курортъ сослужилъ свою службу Олонецкому краю, даже если вовсе отказать въ цѣлебности источнику [1]): при водахъ была организована по послѣднему слову тогдашней науки правильная медицинская помощь для населенія въ районѣ, радіусъ котораго теперь трудно даже и опредѣлить.

ЛИТЕРАТУРА.

1) «Горный Журналъ», 1826. Письма Геннина, т. I, № 24; т. II, №№ 43, 45, 50, 51; т. III, №№ 52, 64—66.
2) *Есиповъ* и *Барсовъ*. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. М., 1872; т. II, стр. 133—4, 162—6.
3) *Игнатій*, архіеп. О пришествіяхъ на Олонецъ государя Петра I. СПБ., 1842.
4) Книга указовъ Петра Великаго съ 1714 по 1725 г., стр. 86—8; 143—7.
5) *Озерецковскій*. Путешествіе по Онежскому и Ладожскому озерамъ и вокругъ Ильменя. СПБ., 1812, стр. 238.

---

[1]) Лѣтъ черезъ 25 послѣ смерти Петра Великаго, въ 1752 г., въ самой непосредственной близости къ марціальному источнику были обнаружены залежи купороса и устроенъ купоросный заводъ, на которомъ, смотря по надобности, вываривалось купороса ежегодно отъ 1000 до 3000 пудовъ и болѣе. Должно быть, имѣя въ виду это обстоятельство, бывшій директоръ Горнаго Департамента Скальковскій говоритъ: «въ терапевтическомъ отношеніи марціальныя воды, какъ содержащія сѣрнистое желѣзо, скорѣе вредны, чѣмъ полезны для здоровья, и нужно удивляться, какъ Петръ Великій пилъ ихъ, да еще зимой, въ февралѣ, въ Олонецкой губ.! Неудивительно, что при такой системѣ леченія Петръ прожилъ всего 51 годъ». Самъ Государь, впрочемъ, не только признавалъ марціальныя воды полезными для себя, но даже ставилъ ихъ выше заграничныхъ: «Могу сказать, что паче другихъ водъ, которыя мы двои, а имянно: Пирамонтскія и Шпаданскія (Спа) употребляли, отъ сихъ пользу получили». Трудно рѣшить, отъ чего зависѣла эта польза,—отъ воды или отъ пребыванія на отдыхѣ въ мѣстности, отличающейся прекраснымъ воздухомъ.

6) *А. Иванов*ъ. Петръ Великій и дѣятельность его на Олонцѣ.
7) *Азанчеев*ъ. Посѣщеніе марціальныхъ водъ олонецкимъ губернаторомъ М. М. Веселкинымъ, стр. 12—20.
8) Олонецкій сборникъ, вып. I, 1875—6, стр. 23—24, вып. III, 1894, стр. 12—13, 38, 202—6.
9) Пам. кн. Олон. губ., 1858 г. и 1860, стр. 152—3.
10) *Самойлов*ъ. Петръ Великій на марціальныхъ водахъ. СПБ., 1852.
11) *М. Семевскій*. Царица Прасковья. СПБ., 1883, стр. 111.
12) *К. Скальковскій*. Тамъ и сямъ (замѣтки и воспоминанія). На Рейнѣ. СПБ., 1901, стр. 396—7.
13) *Филиппов*ъ. Исторія Выговской пустыни. СПБ., 1864, стр. 140.
14) Чтенія въ Общ. ист. и древн. Россійск., 1894, I, 98: *Е. Барсов*ъ. Петръ Великій въ его отношеніи къ поморскому расколу.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность врачамъ: Шунгской (Олон. губ.) земской больницы М. А. Меньшикову и Новознаменской (Петроградской губ.) Г. Е. Шумкову и почтить благодарной памятью скончавшагося до появленія этой статьи въ печати врача Петрозаводской губернской земской больницы І. М. Рясенцева, которые съ полной готовностью оказывали автору цѣнное содѣйствіе своими указаніями медицинскаго характера.

В. Мегорскій.

Мѣстечко Бѣшенковичи въ 1812 году.

Нашествіе Наполеона съ его огромной арміей, для жителей нашей мѣстности, было вполнѣ неожиданно. Наполеонъ до послѣдней минуты увѣрялъ нашего Императора въ своемъ желаніи избѣжать войны, всячески старался усыпить Россію, чтобы отсрочить съ ея стороны приготовленія къ войнѣ, а самъ поспѣшно двигался къ русской границѣ, рѣкѣ Нѣману. Въ ночь съ 11 на 12 іюня Наполеонъ, безъ всякаго объявленія войны, перешелъ съ огромнымъ войскомъ близъ г. Ковно черезъ Нѣманъ. На другомъ берегу было только нѣсколько казаковъ, крайне удивленныхъ появленіемъ первыхъ французовъ. Императоръ Александръ вечеромъ 12-го іюня получилъ извѣстіе о переправѣ черезъ Нѣманъ Наполеона, будучи самъ на балу въ замкѣ Закретѣ подъ Вильною у генерала Бенингсена. 14 іюня на разсвѣтѣ Императоръ Александръ покинулъ Вильну, а 16-го въ нее вступалъ Наполеонъ со своей гвардіей и свитой.

Я не имѣю намѣренія описывать ходъ войны 1812 года, но для того, чтобы объяснить появленіе главныхъ непріятельскихъ армій въ Бѣшенковичахъ необходимо въ общихъ чертахъ разсказать начало кампаніи.

При вступленіи Наполеона въ Россію у насъ близъ западной границы были двѣ главныя дѣйствующія арміи: первая или главная западная армія, при которой находился Государь, подъ командою генерала Барклая-де-Толя и съ главною квартирой въ Вильнѣ, и вторая западная подъ начальствомъ генерала князя Багратіона, южнѣе I-й, съ главной квартирой въ Волковискѣ [1]). При небываломъ вторженіи безъ объявленія войны Наполеоновской разноплеменной 600-тысячной рати, у насъ въ I-й арміи было около 125.000, а во II-й—не болѣе 45.000 человѣкъ, и намъ оставалось только отступать передъ громаднымъ численнымъ превосходствомъ непріятеля. У насъ была еще III-я резервная обсерваціонная армія на Волыни, съ главной квартирой въ Луцкѣ. Эта армія подъ начальствомъ генерала Тормасова имѣла тоже не болѣе 46.000 человѣкъ и не играла большой роли въ началѣ кампаніи. Наполеонъ уже въ Вильнѣ отказался отъ движенія на Петербургъ и обратилъ всѣ усилія на то, чтобы помѣшать соединиться отступавшимъ нашимъ I-й

[1]) Въ штабѣ этой арміи молодымъ дипломатическимъ чиновникомъ находился мой отецъ Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ (1787—1866).

и II-й арміямъ, желая разбить ихъ порознь. I-я армія, съ Государемъ, отступила сперва къ неудачно задуманному укрѣпленному лагерю близъ г. Дриссы; Багратіонъ же, не успѣвъ соединиться съ Барклаемъ въ Виленской губерніи, отступалъ на Могилевъ. Вышло такъ, что вмѣсто того, чтобы сблизиться, пути отступленія обѣихъ нашихъ армій, вслѣдствіе быстрыхъ движеній находившагося между ними непріятеля, взаимно удалялись другъ отъ друга: I-я армія забиралась на сѣверо-востокъ, а II-я подалась на югъ. Къ счастью нашему, всѣ невыгоды остановки I-й арміи въ Дриссенскомъ укрѣпленномъ лагерѣ были еще во-время замѣчены. Государь отправился въ Москву, чтобы оттуда манифестомъ объявить всеобщее вооруженіе на защиту родины, а Барклай съ I-й арміей 2/14 іюля наконецъ покинулъ Дриссенскій лагерь и двинулся на Витебскъ, вверхъ по правому берегу Двины, чтобы соединиться съ Багратіономъ. Наполеонъ надѣялся поспѣшить во-время, чтобы отрѣзать ему путь, и понялъ, куда слѣдуетъ направить свои арміи, шедшія съ разныхъ точекъ границы. Наполеонъ тотчасъ оцѣнилъ важное стратегическое значеніе нашей здѣшней мѣстности, т. е. линію отъ Бѣшенковичей до Орши. На этой линіи вторгающемуся въ Россію изъ Польши непріятелю не приходится переправляться черезъ большія рѣки, Двина остается съ лѣвой стороны, а Днѣпръ съ правой. Это какъ будто природой устроенныя ворота для вторженія въ Центральную Россію. Вотъ причина, почему наша мѣстность играла важную роль во всѣхъ войнахъ Московскаго Государства съ Литвою, а позднѣе, въ шведскую войну, съ Карломъ XII.

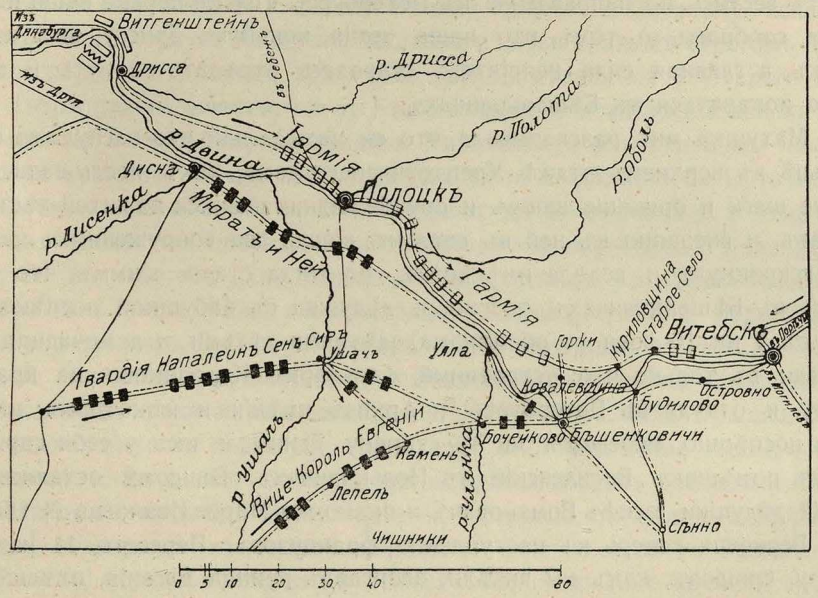
Наполеонъ приказалъ тремъ своимъ большимъ отрядамъ соединиться въ Бѣшенковичахъ къ 12/24 іюля и съ этой соединенной силой напасть на отступающаго къ Витебску Барклая. Эти три отряда были слѣдующіе: лѣвый, шелъ съ сѣверо-запада вверхъ по лѣвому берегу Двины, подъ командою Неаполитанскаго короля Іоахима Мюрата и славнаго маршала Нея; средній, съ гвардіей и самимъ Наполеономъ, шелъ отъ Вильны прямо на востокъ черезъ мѣстечко Глубокое; наконецъ, правый и наиболѣе южный, съ итальянскимъ корпусомъ вице-короля Евгенія, шелъ черезъ Ошмяны, Сморгонь и Докшицу на Лепель. Распоряженія Наполеона были сдѣланы такъ умѣло и такъ хорошо выполнены, что, дѣйствительно, эти три главные отряда пришли въ назначенный день почти одновременно въ Бѣшенковичи (см. карту).

Мы видѣли, что Барклай-де-Толли съ I-й нашей арміей 2 іюля оставилъ Дриссу, 6-го прибылъ въ Полоцкъ, 8-го вышелъ оттуда, направляясь Полоцкимъ почтовымъ трактомъ къ Витебску. Первоначально его намѣреніе было, не доходя до Витебска, изъ Куриловщины идти на Сѣнно и Оршу для быстрѣйшаго соединенія съ Багратіономъ, перейдя рѣку Двину въ Будиловѣ, гдѣ была тогда организована переправа. Это былъ старый Екатерининскій путь, по которому она слѣдовала въ Могилевъ въ 1780 г. [1]),

[1]) Тѣмъ же путемъ проѣхалъ въ сентябрѣ 1781 г. цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ супругой, направляясь въ Кіевъ и оттуда въ чужіе края.

но въ виду отсутствія продовольственныхъ магазиновъ между Двиною и Оршей, такъ какъ таковые находились въ Витебскѣ и Велижѣ, Барклай раздумалъ и пошелъ на Витебскъ черезъ Старое Село и только въ Витебскѣ 11 іюля перешелъ Двину. Въ аріергардѣ Барклая находились пѣхотный корпусъ Дохтурова и кавалерійскій корпусъ барона Корфа.

Прикрывая отступленіе, нѣкоторые летучіе отряды этихъ корпусовъ двигались по лѣвому берегу Двины и такимъ образомъ случилось, что когда авангардъ итальянскаго вице-короля принца Евгенія, первымъ изъ трехъ французскихъ отрядовъ, подошелъ 11 іюля къ Бѣшенковичамъ, то онъ нашелъ тамъ небольшой отрядъ русской кавалеріи, и тутъ произошла легкая стычка. Русскіе кавалеристы въ Бѣшенковичахъ перешли Двину, уни-



чтоживъ переправу, и отступили по Старосельской дорогѣ. При этомъ они отстрѣливались назадъ на входившихъ въ Бѣшенковичи съ юго-запада непріятелей. Вѣроятно, что у нашихъ была и легкая артиллерійская батарея [1]), потому что извѣстно, что было пущено нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, однимъ изъ которыхъ былъ тяжело раненъ французскій офицеръ, тотчасъ отосланный назадъ и скончавшійся въ пути; онъ былъ похороненъ въ Бочейковѣ. Было кромѣ него нѣсколько убитыхъ, что видно и на имѣющейся у меня старинной литографіи, представляющей видъ базарной площади въ Бѣшенковичахъ во время этой стычки. На этой картинкѣ мѣстность изображена чрезвычайно вѣрно.

[1]) При уничтоженіи переправы въ Бѣшенковичахъ дѣйствовали и наши матросы Гвардейскаго экипажа; см. ст. Виноградскаго въ № 11 «Морск. Сборника» за 1907 г.

Казаки и первые русскіе небольшіе кавалерійскіе отряды появились въ Бѣшенковичахъ, вѣроятно, 8 или 9 іюля. До ихъ появленія мѣстные жители могли и не думать, что война коснется ихъ мѣстности, и во всякомъ случаѣ не ожидали скораго прибытія самого Наполеона. Надо вспомнить, что въ то время не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни даже хорошо устроенныхъ почтъ и ежедневныхъ газетъ, и то, что происходило только въ какихъ-нибудь пятидесяти или ста верстахъ разстоянія, могло быть долго совершенно неизвѣстнымъ. Вѣроятно, тогда уже знали о переправѣ непріятеля черезъ Нѣманъ и о томъ, что онъ пошелъ на Вильну, знали быть можетъ и то, что наша армія отступила въ Дриссенскій лагерь и что непріятель за ней гнался, и могли думать, что война будетъ вестись по направленію къ Петербургу. Только первые наши казаки могли сообщить о томъ, что наша армія, покинувъ Дриссу, шла на Витебскъ, а главная сила непріятеля старалась отрѣзать ей путь и могла скоро показаться въ Бѣшенковичахъ.

Матушка мнѣ разсказывала, что ея мать только что заснула въ своей спальнѣ въ верхнемъ этажѣ Хрептовичскаго дома, какъ послышались тяжелые шаги и бряцаніе шпоръ и оружія поднимавшихся по витой лѣстницѣ солдатъ, и внезапно къ ней въ спальню вошли два вооруженныхъ казака. Она вскрикнула и велѣла имъ выйти, но тогда стало яснымъ, что оставаться въ Бѣшенковичахъ опасно, и дѣдушка съ бабушкой поспѣшно въ ночь съ 9 на 10 іюля съ обоими малолѣтними дѣтьми и домочадцами переѣхали въ только что устроенный фольваркъ Каролиново на правомъ берегу и оттуда въ Петербургъ [1]). Архивъ имѣнія и нѣкоторыя цѣнныя вещи поспѣшно перевезли на ту сторону Двины и ихъ у себя спряталъ сосѣдъ помѣщикъ Василевскій въ Польковичахъ. Въ домѣ остались дворецкій дѣдушки Іосифъ Романовичъ и экономка Марія Ивановна († 1867 г.).

Вернемся теперь къ наступленію французовъ. Первымъ, 11 іюля къ вечеру, пришелъ, какъ мы видѣли, авангардъ принца Евгенія, имѣвшій перестрѣлку съ нашими. На слѣдующій день, 12 іюля утромъ, появился отрядъ Мюрата и Нея по Уллянской дорогѣ, нѣсколько позже самъ принцъ Евгеній съ остальнымъ своимъ отрядомъ, наконецъ, послѣ полудня, главный отрядъ съ Наполеономъ и его гвардіей. Войска Евгенія, въ числѣ которыхъ находились и наполеоновскіе гвардейскіе моряки [2]) съ понтонными солдатами, тотчасъ начали строить мостъ черезъ Двину, гдѣ передъ тѣмъ наши же гвардейскіе моряки уничтожили средства переправы, т. е. паромъ и всякія барки и лодки, но мостъ успѣли кончить только по прибытіи Наполеона. Я зналъ въ Бѣшенковичахъ старика-еврея, который отлично помнилъ Наполеона, стоявшаго у берега и съ нетерпѣніемъ поджидавшаго окончанія устройства моста. Наполеону поскорѣе хотѣлось развѣдать о мѣстѣ нахо-

[1]) Имъ пришлось ѣхать по пути отступленія нашихъ войскъ на Витебскъ, оттуда на Невель и Великія Луки.

[2]) См. ст. кап. 2 р. Виноградскаго въ «Морскомъ Сборникѣ» № 11, 1907 г.

женія нашей арміи и, не дожидаясь окончанія моста, онъ приказалъ легкой баварской кавалерійской бригадѣ генерала Прейсинга перейти рѣку въ бродъ. Между тѣмъ мостъ [1]) (которымъ Наполеонъ остался недоволенъ) былъ оконченъ и Наполеонъ со свитой и баварцами поскакалъ на рекогносцировку праваго берега, лѣвой дорогой къ фольварку Горки. Проскакавъ такимъ образомъ около 10 верстъ до деревни Ковалевщина, расположенной на бугрѣ, съ котораго хорошо виденъ Полоцко-Витебскій трактъ, и узнавъ тамъ отъ лазутчиковъ, что вся армія Барклая уже прошла на Витебскъ, Наполеонъ вернулся въ Бѣшенковичи и поселился въ нашемъ усадебномъ домѣ, гдѣ, вѣроятно, уже приготовили ему и его маршаламъ ужинъ въ залѣ; войскамъ же своимъ онъ приказалъ съ ранняго утра идти лѣвымъ берегомъ къ Витебску, т. е. черезъ Нижній Кривинъ и Островну, исключая кавалерійскаго корпуса Монбрена, посланнаго ночью правымъ берегомъ Двины для преслѣдованія русскаго аріергарда, расположившагося у Стараго Села.

Тьэръ разсказываетъ, что въ Бѣшенковичахъ итальянскія войска корпуса принца Евгенія впервые увидѣли Наполеона и встрѣтили его восторженными криками. Между тѣмъ, весь день 12-го и всю ночь съ 12-го на 13-е не переставали прибывать въ Бѣшенковичи по Бочейковской и Уллянской дорогамъ несмѣтныя полчища Наполеоновской великой арміи. Безпорядокъ и хаосъ въ мѣстечкѣ, по словамъ французскихъ писателей-очевидцевъ Шамбрэ и Сегюра, были невообразимые. Всѣмъ хотѣлось подкрѣпиться пищей и отдыхомъ, но масса войскъ была слишкомъ огромна и только немногіе находили пристанище. До поздней ночи раздавались крики и брань и происходили драки изъ-за помѣщенія. На улицахъ была страшная давка и суматоха: пѣхота, кавалерія, артиллерія, многочисленные обозы, все это столпилось и не давало прохода вновь прибывающимъ войскамъ. Только съ разсвѣтомъ, по мѣрѣ выступленія на Островно, съ пылкимъ Мюратомъ впереди, водворился нѣкоторый порядокъ. Еще на пути въ Бѣшенковичи изъ Каменя, передъ ночлегомъ въ Бочейковѣ, Наполеонъ выслалъ впередъ въ Бѣшенковичи своего любимаго ординарца Хопуля (d'Hautpoul) съ приказаніемъ построить три моста черезъ Двину, приступить къ возведенію укрѣпленія (тетъ-де-пона) передъ мостами на правомъ берегу, а въ самихъ Бѣшенковичахъ устроить шесть большихъ хлѣбопекаренъ. Касательно мостовъ мы видимъ, что это приказаніе не было исполнено: былъ построенъ только одинъ мостъ на козлахъ, которымъ Наполеонъ остался недоволенъ.

Слѣдующій день 13/25 іюля былъ проведенъ Наполеономъ въ Бѣшенковичахъ въ распоряженіяхъ по движеніямъ своихъ армій, а подъ Островной къ вечеру началось кровавое сраженіе нашего авангарда подъ командою графа Остермана-Толстаго съ французскимъ авангардомъ Мюрата и Евгенія. Сраженіе, прекратившееся къ ночи, возобновилось на слѣдующій день и окончилось къ вечеру 14 іюля, когда прибылъ туда Наполеонъ,

[1]) Такъ какъ барокъ не было, пришлось строить мостъ на козлахъ и сваяхъ, причемъ, вѣроятно, матеріалъ брался отъ построекъ мѣстечка.

нашимъ отступленіемъ къ рѣчкѣ Лучёсѣ, гдѣ опять было сраженіе 15 іюля, послѣ котораго наша I-я армія отступила къ Смоленску, гдѣ и соединилась со II-й арміей кн. Багратіона. Такъ какъ разстояніе отъ Бѣшенковичей до Островно по прямой линіи около 25 верстъ, а лѣсовъ еще было мало, то я полагаю, что пальба могла быть слышна въ Бѣшенковичахъ, куда вѣроятно также доставлялись и французскіе раненые. Нашъ манежъ около дома былъ тогда обращенъ въ лазаретъ. Я помню въ 1860 году въ Штутгартѣ старика доктора Лудвига, который разсказывалъ, что, участвуя въ походѣ съ вюртембергскими войсками, онъ лежалъ больнымъ или раненымъ въ Бѣшенковскомъ манежѣ (разобраномъ по ветхости въ 1893 г.).

Пребываніе Наполеона въ Бѣшенковичахъ продолжалось двое сутокъ [1]). Мы видѣли, что онъ прибылъ 12 іюля послѣ полдня, выѣхалъ же онъ, вѣроятно, тоже послѣ полдня 14 числа, такъ какъ только подъ вечеръ присоединился къ своимъ войскамъ, второй день сражавшимся съ нашими подъ Островной. Въ книгѣ Шамбрэ [2]) (I-й томъ, стр. 379) помѣщено одно изъ писемъ, написанныхъ Наполеономъ въ Бѣшенковичахъ, въ день отъѣзда оттуда, къ маршалу Бертье, принцу Невшательскому, начальнику его главнаго штаба. Такъ какъ оно очень характерно и касается военныхъ дѣйствій въ Витебской губерніи, то я его здѣсь привожу: «Au major-général. Beszencowiczi, le 26 juillet 1812. Mon cousin, expédiez l'aide-de-camp du duc de Reggio de Thermes. Vous ferez connaitre au duc que nous marchons sur Witepsk, et que le prince d'Eckmühl a battu Bagration à Mohilow. Dites lui, qu'il faut qu'il balaye la rive droite, et pousse Wittgenstein l'épée dans les reins; qu'il doit toujours laisser dans Polotzk une petite garnison dans le cas qu'il se jetât sur la gauche; qu'après être arrivé à Witepsk, je dirigerai un corps sur Newel, qui se mettra en communication avec lui. Il est à présumer que si de Polotzk le duc faisait un mouvement sur Sebej, il obligerait Wittgenstein à s'élever pour couvrir la route de Pétersbourg. Comme Wittgenstein n'a pas dix mille hommes d'infanterie, il peut marcher haut la main sur lui. Sur ce, je prie Dieu qu'il Vous ait en sa sainte et digne garde. Napoléon».

Переводъ письма: «Главному маіору (т. е. начальнику штаба, марш. Бертье). Бѣшенковичи, 26 іюля 1812 г. Мой кузенъ (такъ титуловалъ Наполеонъ своихъ владѣтельныхъ принцевъ), отошлите адъютанта герцога Реджіо (т. е. маршала Удино) г-на де Термъ. Вы извѣстите герцога, что мы идемъ на Витебскъ и что принцъ Экмюльскій (т. е. маршалъ Даву) разбилъ Багратіона подъ Могилевомъ. Скажите ему, что онъ долженъ очистить отъ непріятеля правый берегъ и преслѣдовать Витгенштейна по пятамъ; что онъ долженъ оставить небольшой гарнизонъ въ Полоцкѣ, на случай аттаки Витгенштейна на нашъ лѣвый флангъ; что по прибытіи въ Витебскъ я вышлю отрядъ на

[1]) Послѣ Наполеона въ Бѣшенковичи прибылъ отставшій въ его аріергардѣ 6-й баварскій корпусъ генерала Сенъ-Сира, двинувшійся потомъ 21 іюля на Уллу, чтобы идти въ Плоцкъ на подкрѣпленіе Удино.

[2]) Histoire de l'expédition de Russie par le Marquis de Chambray, Paris, 1825.

Невель, который войдетъ съ нимъ въ сообщеніе. Надо полагать, что если изъ Полоцка герцогъ произведетъ движеніе на Себежъ, то онъ этимъ заставитъ Витгенштейна сойти со своего мѣста, чтобы прикрыть дорогу на Петербургъ. Такъ какъ у Витгенштейна менѣе 10 тыс. человѣкъ пѣхоты, то герцогъ можетъ его смѣло атаковать. Засимъ молю Бога, дабы Онъ сохранилъ васъ подъ своимъ кровомъ. Наполеонъ».

Шамбрэ приводитъ это письмо съ цѣлью показать привычку Наполеона презрительно относиться къ непріятельскимъ силамъ, противъ которыхъ дѣйствовали отдѣльные его отряды, какъ въ данномъ случаѣ Удино противъ Витгенштейна. Онъ не желалъ, чтобы начальники этихъ отдѣльныхъ отрядовъ слишкомъ прославились, какъ бы въ ущербъ его собственной славѣ. Если такіе генералы оказывались побѣдителями, то слава ихъ умалялась ничтожностью силъ непріятеля, въ случаѣ же пораженія они были опозорены и Наполеонъ могъ дѣлать имъ самые обидные упреки. Курьезна заключительная фраза съ призываніемъ Божіей защиты въ дѣловой военной запискѣ.

Письмо это, вѣроятно, подписано Наполеономъ въ верхней библіотекѣ нашего дома за большимъ письменнымъ столомъ дѣда. Воспоминаніемъ пребыванія Наполеона въ нашемъ домѣ остался картонъ, на обѣихъ сторонахъ котораго наклеена краткая латинская грамматика съ французской надписью: Приложеніе Геометріи къ изученію латинской грамматики, посвящено его величеству королю Римскому (т. е. въ то время годовалому ребенку сыну Наполеона). Кайма картона украшена орлами, пчелами и звѣздами, т. е. Бонапартовскими эмблемами. Вѣроятно, Наполеонъ, получая ежедневно изъ Парижа всевозможныя посылки съ дѣлами, получилъ и этотъ картонъ, оставленный имъ въ нашемъ домѣ по ненадобности [1]).

Наполеонъ 16 іюля вступилъ въ Витебскъ, упустивъ нашу I-ю армію, которая успѣла пройти къ Смоленску и соединиться тамъ со II-й арміей князя Багратіона, самъ же Наполеонъ прожилъ, какъ извѣстно, двѣ недѣли въ Витебскѣ, потерявъ драгоцѣнное время [2]). Изъ Витебска 24 іюля (5 авг. нов. ст.) онъ выслалъ назадъ въ Бѣшенковичи и оттуда въ Полоцкъ своего ординарца Хопуля, снабдивъ его инструкціей (Шамбрэ, 3 т., стр. 386), по которой Хопулю слѣдовало въ Бѣшенковичахъ убѣдиться: готовы-ли мосты черезъ Двину, замѣненъ-ли мостъ на козлахъ, который могъ быть снесенъ при подъемѣ воды въ рѣкѣ, плавучимъ мостомъ изъ плотовъ, какъ подвинулась работа мостового укрѣпленія (тетъ-де-пона) на правомъ берегу; осмотрѣть госпиталь, хлѣбопекарни, провіантскіе магазины и вообще приходитъ-ли мѣстность въ обычный порядокъ; увѣдомить о встрѣченныхъ имъ войскахъ будь то кавалерія, артиллерія, пѣхота или воинскій отрядъ; въ Бѣшенковичахъ онъ осмотритъ 4-й гвардейскій егерскій полкъ и Гес-

[1]) Картонъ этотъ подаренъ мною Московскому Музею 1812 года.

[2]) Наполеонъ одно время полагалъ остаться въ Витебскѣ и докончить кампанію въ слѣдующемъ году.

сенъ-Дармштадтскій батальонъ, которымъ приказано остаться тамъ до позднѣйшаго распоряженія. Тамъ должны быть также нѣсколько артиллерійскихъ орудій, нужно, чтобы они стояли на позиціяхъ и чтобы работали надъ мостовымъ укрѣпленіемъ, чтобы его окончить; ординарецъ узнаетъ, что слышно о казакахъ, и останется, если потребуется, цѣлый день въ Бѣшенковичахъ, чтобы все осмотрѣть и написать о томъ рапортъ, который пришлетъ съ эстафетой изъ Бѣшенковичей, затѣмъ проѣдетъ въ Полоцкъ и т. д.

По этой инструкціи видно, что Наполеонъ въ своихъ приказаніяхъ не упускалъ ни одной мелочи.

Мостовое укрѣпленіе хорошо видно и по сіе время на правомъ берегу. Разсказываютъ, что рабочихъ (вѣроятно, мѣщанъ и сосѣднихъ крестьянъ) на ночь запирали въ Николаевскую церковь (построенную при Екатеринѣ II для таможенной стражи и разобранную по ветхости въ 1895 году), чтобы они не разбѣжались.

Покойный дядя, графъ Михаилъ Иринеевичъ Хрептовичъ, разсказывалъ, что Наполеонъ, недовольный тѣмъ, что владѣлецъ Бѣшенковичей (т. е. дѣдъ мой графъ Ириней) передъ его приходомъ уѣхалъ въ Петербургъ, подарилъ все имѣніе одному изъ своихъ генераловъ. Другихъ свѣдѣній о томъ я не нашелъ; напротивъ, изъ разсказовъ старика священника Малишевскаго (умершаго лѣтъ 35 тому назадъ 80-лѣтнимъ старикомъ) знаю, что Наполеонъ пожелалъ заплатить дворецкому за поданное ему вино, а увидѣвъ въ шкафу охотничье оружіе дѣда, приложилъ свою сургучную печать, чтобы другіе французы его не трогали.

Въ домѣ все-таки не досчитались нѣсколькихъ хорошихъ картинъ, а быть можетъ еще и другихъ вещей; архивъ же, спрятанный, какъ выше сказано, въ Польковичахъ, тоже не избѣжалъ грабежа, такъ что впослѣдствіи, когда какого-нибудь документа не доставало, то сваливали это на грабежъ во время войны 1812 г. Убытки здѣсь, какъ и при всякомъ нашествіи непріятеля, должны были быть велики. Дѣло было въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда рожь уже поспѣла и яровые были высоки, а сколько полей было, вѣроятно, потоптано войсками, сколько деревень сожжено и разграблено, все это легко можно себѣ представить!

Французы и ихъ союзники занимали нашу мѣстность до 20 октября, когда въ Бѣшенковичи пришелъ высланный Витгенштейномъ послѣ сраженія при Чашникахъ отрядъ генерала Гарпе [1]), который изъ Бѣшенковичей по обѣимъ сторонамъ Двины пошелъ на Витебскъ и 26 октября овладѣлъ этимъ городомъ, взявъ въ плѣнъ небольшой французскій гарнизонъ. До прихода русскаго отряда Гарпе, въ Бѣшенковичахъ находился французскій отрядъ генерала Леграна, высланный изъ-подъ Полоцка Сенъ-Сиромъ [2]) и

[1]) Въ Бѣшенковичахъ взято было тогда въ плѣнъ около ста человѣкъ французовъ, довольно много ружей, воинская аптека и часть обоза.

[2]) Въ дивизіи, которой командовалъ ген. Легранъ, находились и португальскія войска.

отрядъ генерала Дендельса [1]), шедшій изъ Смоленской и Могилевской губ. и принадлежавшій къ свѣжей еще арміи маршала Виктора, герцога Беллунскаго. Это было 18 октября, и оба отряда, соединившись, пошли на Чашники, Дендельсъ прямо, а Легранъ кружнымъ путемъ черезъ Бочейково, такъ что послѣдній немного опоздалъ къ сраженію, бывшему 19 октября подъ Чашниками, гдѣ наши арміи Витгенштейна и Штейнгейля выдержали, натискъ французскихъ армій Сенъ-Сира и Виктора и заставили послѣдняго отступить черезъ Оксенти (близъ Почаевичей) [2]) къ Сѣнну. Наполеонъ, быстро отступавшій изъ Москвы, былъ крайне недоволенъ этимъ движеніемъ арміи Виктора на Сѣнно, т. е. почти на востокъ, такъ какъ оно открывало возможность Витгенштейну изъ Чашникъ двинуться на югъ къ Борисову и тамъ преградить дорогу бѣжавшей изъ Москвы нѣкогда «великой» арміи; поэтому онъ изъ Смоленска приказалъ Виктору во что бы ни стало выбить Витгенштейна и отбросить его черезъ Двину. Получивъ это приказаніе, маршалъ Викторъ, командовавшій всѣми французскими силами, такъ какъ Санъ-Сиръ былъ раненъ, и перешедшій уже изъ Сѣнна въ м. Черею (т. е. немного на западъ), снова двинулся на сѣверъ на Лукомль и Почаевичи. Около деревни Смолянцы (въ 3-хъ верстахъ къ сѣверу отъ Почаевичей по дорогѣ въ Бѣшенковичи) произошло 2 ноября второе кровопролитное сраженіе съ Витгенштейномъ, вышедшимъ изъ Чашникъ. Селеніе Смолянцы нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки и наконецъ осталось за французами, но позднѣе снова окончательно было отбито русскими. На слѣдующее утро Викторъ опять отступилъ къ Череѣ—не удалось ему отбросить Витгенштейна за Двину! Пока происходилъ бой въ Смолянцахъ, маршалъ Удино, выстроивъ свои войска противъ русскаго отряда Ридигера, у Почаевичей, открылъ сильную канонаду, а на другой день тоже отступилъ къ Череѣ. Сраженіе 2 ноября стоило каждой воюющей сторонѣ до трехъ тысячъ человѣкъ. Въ Почаевичахъ до сихъ поръ существуетъ рядъ кургановъ; быть можетъ, подъ ними похоронены убитые русскіе и французы. Витгенштейнъ, хотя и не былъ отброшенъ за Двину, не могъ все-таки двинуться во-время, чтобы заградить дорогу бѣжавшему Наполеону и соединиться съ идущимъ съ юга для этой цѣли Чичаговымъ. Впрочемъ, при отсутствіи телеграфа, всѣ эти движенія были неизвѣстны и Витгенштейнъ только въ началѣ ноября, черезъ вернувшагося изъ Витебска генерала Гарпе, узналъ объ оставленіи Наполеономъ Москвы (что случилось 7 октября), поздно узнали о движеніи Чичагова съ юга къ Минску, такъ что французамъ удалось-таки проскочить черезъ Березину, но съ какимъ страшнымъ уро-

---

[1]) Дендельсъ, извѣстный голландскій генералъ, бывшій съ 1808 по 1811 г. генералъ-губернаторомъ Батавіи, умеръ въ Африкѣ въ 20-хъ годахъ. Въ его дивизіи были и баденскія войска.

[2]) Село и фольваркъ, принадлежащій имѣнію Бѣшенковичи, на югъ отъ него въ 35 верстахъ уже въ Сѣнненскомъ уѣздѣ, Могилевской губ., но почти на границѣ Смолянцы еще въ Витебской губ. въ 5 верст. отъ Чашникъ.

номъ! Морозы въ нашей мѣстности начались въ томъ году въ послѣднихъ числахъ октября. Мѣсто переправы Наполеона черезъ Березину было въ Студянкѣ близъ Зембина, а Зембинъ тоже принадлежалъ тогда моему дѣду графу Иринею Хрептовичу, который позднѣе продалъ это имѣніе за его значительнымъ отдаленіемъ.

Кончаю здѣсь очеркъ отечественной войны 1812 года, насколько она касалась нашей, близъ Бѣшенковичей, мѣстности. По вѣдомости на 1812 годъ въ мѣстечкѣ Бѣшенковичахъ считалось всего 355 заселенныхъ участковъ, изъ которыхъ 266 принадлежали христіанамъ и 89 евреямъ. Записи въ экономическихъ книгахъ начинаются только съ мая 1813 г., прекратившись 10 іюля 1812 г. Не видать, какъ велось хозяйство за эти 10 мѣсяцевъ.

Графъ К. Хрептовичъ-Бутеневъ.

Къ Исторіи Отечественной войны 1812 г.

I. Пріѣздъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь 23 сентября 1812 г.

(Неизданное письмо очевидца).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, благодаря счастливой случайности, мнѣ удалось пріобрѣсти рукопись изъ собранія извѣстнаго библіофила, покойнаго С. Д. Полторацкаго. Рукопись эта—документъ несомнѣнной исторической цѣнности—представляетъ собою письмо русскаго офицера къ отцу, находившемуся въ Рязани; письмо помѣчено 25 сентября 1812 г. изъ Тарутинскаго лагеря, въ которомъ сосредоточена была вся русская армія подъ начальствомъ Кутузова. Письмо написано подъ впечатлѣніемъ событія, взволновавшаго въ то время всю нашу армію—пріѣзда въ ставку главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Наполеона, Лористона, съ письмомъ отъ Императора французовъ на имя князя Смоленскаго.

Къ сожалѣнію, фамилія автора письма неизвѣстна: сынъ пишетъ отцу и подписываетъ лишь свое имя (Саша). Изъ содержанія письма однако можно заключить, что авторъ повидимому принадлежалъ къ Рязанскимъ дворянамъ и что онъ близко стоялъ къ штабу главнокомандующаго, такъ какъ онъ довольно подробно говоритъ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ Кутузовымъ въ ожиданіи пріѣзда Лористона, и, въ общихъ чертахъ, совершенно вѣрно передаетъ содержаніе письма Наполеона къ Кутузову—что особенно характерно, если принять во вниманіе, что историческое свиданіе происходило 23-го сентября, а 25-го авторъ письма уже подробно сообщаетъ отцу объ этомъ событіи. Неизвѣстный авторъ повидимому хорошо освѣдомленъ о ходѣ нашихъ военныхъ операцій, о дѣйствіяхъ партизанскихъ отрядовъ и отдѣльныхъ корпусовъ; онъ приводитъ подробности разговора Кутузова съ Милорадовичемъ по поводу свиданія послѣдняго съ Мюратомъ — словомъ все указываетъ на несомнѣнную близость его къ главной квартирѣ. Наконецъ, изъ письма можно заключить, что авторъ обладаетъ хорошимъ перомъ, свободно излагаетъ свои мысли и прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ. Интересны описанія Тарутинскаго лагеря и настроенія нашихъ войскъ, а также разсужденія автора о возможности скораго заключенія мира и т. п.

Таково, въ краткихъ словахъ, содержаніе этого интереснаго документа, впервые появляющагося въ печати. Но прежде чѣмъ ознакомить съ нимъ читателя, считаемъ не лишнимъ дать краткую историческую справку, дабы возобновить въ его памяти событія этого знаменательнаго свиданія.

---

21 сентября 1812 года русская армія, подъ главнымъ командованіемъ Кутузова, сосредоточилась близъ с. Тарутина, на старой Калужской дорогѣ. Утромъ 23-го сентября фельдмаршалъ получилъ письмо отъ начальника штаба Великой арміи, Бертье, въ которомъ онъ сообщалъ Кутузову о желаніи Наполеона отправить къ нему своего генералъ-адъютанта Лористона [1]). Находившійся въ это время при фельдмаршалѣ князь П. М. Волконскій говоритъ по этому поводу слѣдующее:

Распечатывая письмо Бертье, Кутузовъ сказалъ: *„чего хочетъ отъ меня Наполеонъ?“* и затѣмъ спросилъ: который теперь часъ? На отвѣтъ князя Волконскаго, что теперь 10 часовъ, фельдмаршалъ сказалъ, что спросилъ объ этомъ потому, что необходимо выиграть время и по возможности долѣе держать французовъ въ бездѣйствіи. *„Обыкновенно“*,— продолжалъ фельдмаршалъ,—*„атакуютъ они не ранѣе полудня, когда отобѣдаютъ. Надобно извѣстить Лористона, что я самъ пріѣду на передовые посты для переговоровъ... а между тѣмъ пройдетъ день“*. Но вскорѣ Кутузовъ измѣнилъ свое намѣреніе и велѣлъ князю Волконскому отправиться на аванпосты, чтобы спросить Лористона о цѣли его миссіи и, если у него имѣется письмо отъ Наполеона, то взять у него это письмо. На вопросъ князя Волконскаго, какъ поступить, если онъ не захочетъ сказать о своемъ порученіи и не отдастъ письма, Кутузовъ сказалъ: *„въ такомъ случаѣ скажи ему, что пошлешь ко мнѣ за приказаніями, но только вели адъютанту ѣхать какъ можно тише“*.

Волконскій такъ и сдѣлалъ. Пріѣхавъ на аванпосты, онъ увидѣлъ нѣсколькихъ французскихъ генераловъ, разъѣзжавшихъ вдоль передовой цѣпи и вскорѣ подъѣхалъ къ нему самъ Лористонъ, который сообщилъ, что Наполеонъ поручилъ ему лично объясниться съ фельдмаршаломъ. Согласно полученной инструкціи, князь Волконскій заявилъ, что сейчасъ же пошлетъ къ фельдмаршалу адъютанта и тутъ же приказалъ своему ординарцу Нащокину [2]) ѣхать, сказавъ ему потихоньку, чтобы сначала, для виду, онъ скакалъ во весь опоръ, а когда скроется изъ виду, то ѣхалъ бы шагомъ. Послѣ этого князь Волконскій и Лористонъ рѣшили, въ ожиданіи отвѣта главнокомандующаго, вернуться каждый къ своему авангарду; но въ это время подъѣхали съ русской стороны генералы: Беннигсенъ и Милорадовичъ, а съ французской—Неаполитанскій Король Мюратъ и между ними завязалась краткая бесѣда, послѣ чего всѣ возвратились къ своимъ войскамъ.

---

[1]) Богдановичъ въ своей «Исторіи Отечеств. войны 1812 года» говоритъ, что Наполеонъ сначала хотѣлъ отправить Коленкура непосредственно къ Императору Александру, но потомъ раздумалъ, рѣшивъ начать переговоры черезъ Кутузова.

[2]) Павелъ Александровичъ, впослѣдствіи Бессарабскій Губернаторъ (въ 1854 г.).

Солнце уже совсѣмъ садилось, когда, наконецъ, вернулся Нащокинъ съ отвѣтомъ фельдмаршала, который приглашалъ Лористона въ свою главную квартиру, въ деревнѣ Леташевкѣ. Обождавъ еще нѣсколько времени князь Волконскій отправилъ адъютанта за Лористономъ, который вскорѣ пріѣхалъ къ нашей цѣпи. Поданы были дрожки, въ которыя сѣли князь Волконскій и Лористонъ, и тронулись по направленію къ главной квартирѣ.

Тарутинскій лагерь производилъ впечатлѣніе веселаго, шумнаго бивака. Войскамъ приказано было расположиться на болѣе обширномъ пространствѣ, развести огни, «варить кашу съ мясомъ и пѣть пѣсни, сопровождаемыя музыкою». Волконскій и Лористонъ ѣхали «среди шумнаго веселья войскъ и безчисленныхъ огней». Между тѣмъ фельдмаршалъ въ ожиданіи посланнаго Наполеона, смѣнилъ свой обычный сюртукъ и фуражку на мундиръ и шляпу. По свидѣтельству Толя, Свѣтлѣйшій впервые за все время кампаніи одѣлъ парадную форму, при чемъ у него даже не оказалось эполетъ, которыя онъ взялъ для этого случая у Коновницына. Выйдя на улицу, онъ сказалъ лицамъ своей свиты: *„Господа! Можетъ быть, съ Лористономъ пріѣдутъ французскіе офицеры, прошу васъ ни о чемъ другомъ не говорить съ ними, кромѣ о дождѣ и погодѣ“.*

Проѣхавъ съ кн. Волконскимъ черезъ весь лагерь, Лористонъ прибылъ въ Леташевку, гдѣ была приготовлена изба для предстоявшаго свиданія. Было $10^1/_2$ часовъ вечера, когда представитель Наполеона прибылъ въ главную квартиру Кутузова. Съ Лористономъ не было ни одного француза. Фельдмаршалъ пригласилъ Лористона въ избу и остался съ нимъ вдвоемъ. Вотъ что писалъ Кутузову Наполеонъ: «Monsieur le Prince Koutousow, J'envoie près de vous un de mes aides-de- camp généraux pour vous entretenir de plusieurs objets importants. Je désire que votre Altesse ajoute foi à ce qu'il lui dira, surtout lorsqu'il lui exprimera les sentiments d'estime et de particulière considération que j'ai depuis longtemps pour sa personne. Cette lettre n'étant à autre fin, je prie Dieu qu'il vous ait, Monsieur le prince Koutousow, en Sa sainte et digne garde“ [1]).

A. Moscou, le 3 octobre 1812. *Napoléon.*

Одинъ изъ ближайшихъ очевидцевъ Тарутинскихъ событій, будущій исторіографъ Отечественной войны, А. И. Михайловскій-Данилевскій, бывшій въ то время адъютантомъ при Кутузовѣ [2]), прямо указываетъ, что бесѣда

[1]) «Князь Кутузовъ! Я посылаю къ Вамъ одного изъ моихъ генералъ-адъютантовъ для переговоровъ по важнымъ предметамъ. Я желалъ бы, чтобы Ваша Свѣтлость довѣрили всему, что онъ Вамъ скажетъ, особенно же, когда онъ выразитъ Вамъ чувства моего особеннаго уваженія къ Особѣ Вашей. При семъ молю Бога, дабы Онъ сохранилъ Вашу Свѣтлость подъ Своимъ святымъ кровомъ. Наполеонъ. (Москва. 3 октября 1812 г.»).

[2]) Въ Тарутинѣ Данилевскому было поручено составленіе «Журнала военныхъ дѣйствій» и, благодаря отзыву о немъ генералъ-квартирмейстера Толя, Кутузовъ сталъ поручать ему самыя важныя и секретныя дѣла по главной квартирѣ. (Шильдеръ, Біографія Михайловскаго-Данилевскаго).

Кутузова съ Лористономъ происходила безъ свидѣтелей, съ глазу на глазъ [1]), и разговора ихъ поэтому никто не слышалъ. Свѣдѣнія о немъ, такимъ образомъ, можно было почерпнуть лишь изъ письма фельдмаршала, посланнаго имъ въ тотъ же день къ Государю черезъ князя Волконскаго. Вотъ это историческое письмо:

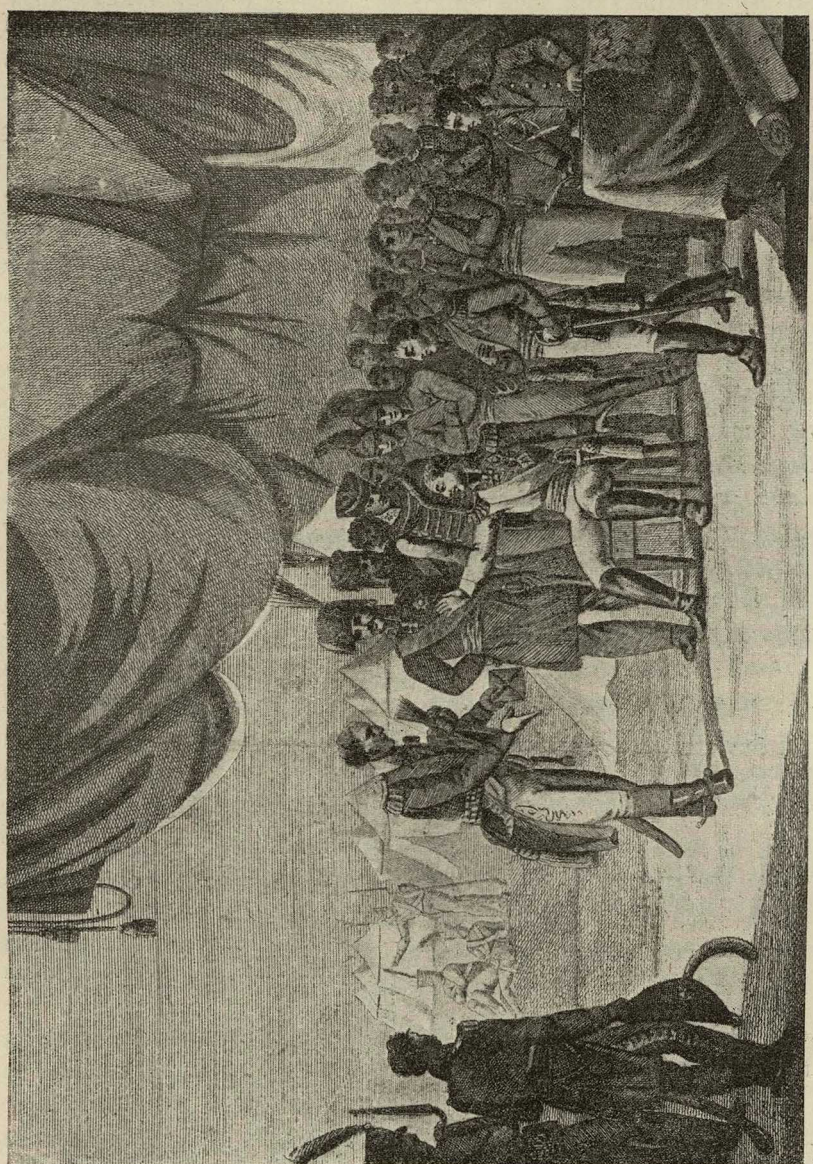
«Всемилостивѣйшій Государь! Я еще однѣ сутки долженъ былъ задержать генералъ-адъютанта князя Волконскаго, получивъ сегодняшняго утра чрезъ парламентера письмо, которымъ означено, что Императоръ Наполеонъ желаетъ съ важными препорученіями отправить ко мнѣ своего генералъ-адъютанта. Князь Волконскій донесетъ В. И. Величеству обо всѣхъ пересылкахъ, которыя къ сему случаю были и, наконецъ, къ вечеру прибылъ ко мнѣ Лористонъ, бывшій въ С.-Петербургѣ Посолъ, который, распространяясь о пожарахъ, бывшихъ въ Москвѣ, не виня французовъ, но малое число русскихъ, оставшихся въ Москвѣ, предлагалъ размѣнъ плѣнныхъ,—въ которомъ ему отъ меня отказано; а болѣе всего распространялся объ образѣ варварской войны, которую мы съ ними ведемъ: сіе относительно не къ арміи, а къ жителямъ нашимъ, которые нападаютъ на французовъ по одиночкѣ или въ маломъ числѣ ходящихъ, поджигаютъ дома свои и хлѣбъ, съ полей собранный,—съ предложеніемъ неслыханные такіе поступки унять.—Я увѣрялъ его, что если бы я желалъ перемѣнить сей образъ мыслей въ народѣ, то не могъ бы успѣть; для того, что они войну сію почитаютъ ровно какъ бы нашествіе татаръ, и я не въ состояніи перемѣнить ихъ воспитаніе. Наконецъ дошелъ до истиннаго предмета его посланія, т. е. говорить сталъ о мирѣ; что дружба, существовавшая между Вашимъ И. В. и Императоромъ Наполеономъ, разорвалась несчастнымъ образомъ, по обстоятельствамъ совсѣмъ постороннимъ и что теперь могъ бы еще быть удобный случай оную возстановить. «Cette guerre singulière, cette guerre innouie doit-elle donc durer éternellement? L'Empereur mon maître a un désir sincère de terminer ces différents entre deux nations grandes et généreuses, et à les terminer pour jamais».

«Я отвѣтствовалъ ему, что я никакого постановленія на сіе не имѣю, и что при отправленіи меня къ арміи и названіе мира ни разу не упомянули: впрочемъ всѣ сіи слова, отъ него лично слышанныя, происходятъ-ли они, такъ какъ его собственныя разсужденія, или имѣютъ источникъ свыше,—что я сего разговора ни въ которомъ случаѣ и передать Государю своему не желаю, que je serai maudit par la postérité si l'on me regardait comme le premier moteur d'un accomodement quelconque, car tel est l'èsprit actuel de ma nation. При семъ случаѣ подалъ онъ мнѣ письмо Императора Наполеона, съ коего при семъ списокъ прилагается, и просилъ меня испросить у Вашего Императорскаго Величества согласіе ему, Лористону,

---

[1]) См. описаніе Отечеств. войны. Часть III, гл. IV.

прибыть по сему предмету въ С.-Петербургъ и предложилъ, въ ожиданіи сего отвѣта, перемиріе, въ которомъ я ему отказалъ. При семъ случаѣ



Князь Кутузовъ отвергая предлагаемый Наполеономъ чрезъ Генерала Лористона миръ,

произноситъ сіи достопамятныя слова: Какъ! мнѣ предлагаютъ миръ! и кто? тотъ, который попираетъ священныя права народныя! и гдѣ? въ россіи! Нѣтъ, не-будетъ сего, пока въ Россіи есть Русскіе!

Съ гравюры, приложенной къ книгѣ «Жизнь кн. М. А. Голенищева-Кутузова». Спб. 1813.

расчитывалъ онъ съ нетерпѣніемъ время, когда на сіе отвѣтъ прійти можетъ. Сіе требованіе его обѣщалъ ему исполнить, т. е. довести о семъ желаніи Императора Наполеона Вашему Императорскому Величеству».

Князь М. Г. Кутузовъ.

Село Тарутино, сентября 23 дня 1812 г.

Въ концѣ бесѣды главнокомандующій приказалъ позвать князя Волконскаго, при которомъ повторилъ въ общихъ чертахъ все сказанное. При этомъ Лористонъ намекнулъ, что князь Волконскій могъ бы проѣхать «прямо черезъ Москву», но Кутузовъ на это не согласился. «Не лучше ли послать будетъ фельдъегеря, который доѣдетъ скорѣе»—сказалъ Лористонъ. Но Кутузовъ и въ этомъ отказалъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, подробности этого историческаго свиданія, о которомъ сообщаетъ авторъ письма.

Въ заключеніе прилагаемъ къ настоящей статьѣ снимокъ съ небольшой гравюры, изображающей свиданіе 23 сентября 1812 года. Гравюра эта, насколько мнѣ извѣстно, единственная въ русской иконографіи Отечественной войны, сюжетъ которой посвященъ этому событію. Ровинскій [1]), указывающій, что она находилась при книгѣ: «Жизнь князя М. И. Голенищева-Кутузова, СПБургъ, 1813»—не называетъ имени художника или гравера. Кутузовъ изображенъ на ней въ открытой палаткѣ сидящимъ на стулѣ, среди многочисленной свиты. Лористонъ съ поклономъ подаетъ ему письмо Наполеона. Внизу надпись: *„Князь Кутузовъ, отвергая предлагаемый Наполеономъ чрезъ генерала Лористона миръ, произноситъ сіи достопамятныя слова: „Какъ! Мнѣ предлагаютъ миръ! И кто? Тотъ, который попираетъ священныя права народныя! И гдѣ? Въ Россіи! Нѣтъ! Не будетъ сего, пока въ Россіи есть Русскіе!“*

Сюжетъ картины и самая подпись совершенно апокрифическіе, такъ какъ изъ приведенной исторической справки видно, что: 1) Лористонъ, введенный въ ставку Кутузова, бесѣдовалъ съ нимъ безъ свидѣтелей, съ глазу на глазъ; 2) что фельдмаршалъ принялъ посла Наполеона въ небольшой избѣ въ дер. Леташевкѣ [2]), а не въ обширномъ шатрѣ и окруженный пышною свитою, какъ это изображено на гравюрѣ, и 3) что содержаніе разговора Кутузова съ Лористономъ совершенно не соотвѣтствуетъ подписи.

Перейдемъ теперь къ письму неизвѣстнаго, которое сообщаемъ здѣсь во французскомъ его подлинникѣ и затѣмъ въ русскомъ переводѣ.

Bivouac de Тарутино, sur l'ancien chemin de Kalouga, le 25 Septembre 1812.

Nous sommes à la veille de grands évènemens et de grands changemens; avant hier un parlementaire est arrivé aux avant-postes et il a demandé le passage au Quartier-général pour un Aide-de-camp-général de Napoléon. On a envoyé Benigsen et le prince Volkonsky aux avant-postes pour demander ce qu'il voulait, mais il n'a pas voulu parler à personne d'autre qu'au prince Koutousoff; celui ci a d'abord promis de venir lui-même, mais ayant pensé que ce n'était pas de sa dignité, il fit dire qu'il attendrait chez lui celui que Napo-

---

[1]) См. его подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. СПБургъ. 1889. Т. I, стр. 503.

[2]) Описаніе квартиры Кутузова см. у Богдановича.

léon voudrait lui envoyer. Enfin Lauriston vint avec une lettre de son Empereur pour Koutousoff. Gette lettre ne contenait que quelques compliments et un plein-pouvoir pour Lauriston de traiter avec lui. Lauriston est resté pendant une heure et demie avec le Prince. On fit venir le prince Volkonsky, et à la suite de cette conférence celui-ci partit pour Pétersbourg; on prétend même qu'il est allé tout droit à Moscou, mais je ne le crois pas; au reste vous pouvez savoir s'il a passé par Rézan ou non. Nous ne savons pas au juste le resultat de cette conférence; il parait que Napoléon a demandé une trève, mais que Koutousoff a refusé et a simplement répondu que si l'on ne l'attaquait pas, lui de son côté se tiendrait tranquille. Nous jugeons de cela par la réponse qu'il a fait au général Miloradovitch. Celui-ci vint demander au Prince ce que signifiait la plainte que fit faire Murat sur quelques Cosaques qui avaient tiré sur son bivouac, et cela comme d'une violation de traité. Le Prince lui répondit qu'il n'avait rien promis, qu'il n'y avait pas de trève, mais qu'il ne fallait pas tirer sur les Français si ceux-ci ne s'avançaient pas.

Nous avons donc une véritable trève et cependant sans en avoir une formelle; je crois que tout sera tranquille jusqu'au retour du prince Volkonsky. Nons nous cassons la tête à savoir de quoi il peut être question, mais on ne sait rien formellement. Nous sommes prêts au combat dans une position extraordinairement forte et très resserrée: il n'y a que deux corps en ligne et cinq en reserve; tout notre front est hérissé de batteries, et si par hasard l'Empereur ordonne de continuer la guerre, Napoléon en nous attaquant pourra trouver son tombeau à Taroutino.

C'est hier et aujourd'hui que l'on a pu voir combien tout le monde désire la paix; on ne peut plus reconnaitre notre camp. Maintenant on n'entend que chants et musique, tout le monde a l'air gai, et si la pluralité des voix devait décider, la paix ne serait pas douteuse.

Malgré la convention nos partisans font leur devoir de mieux en mieux. Platoff avec 10 régiments est allé sur le chemin de Viazma sans compter une dizaine d'autres partisans qui rodent autour de Можайскъ et de Moscou. Il faut que Napoléon soit dans de mauvais draps ou bien qu'il veuille nous tromper; mais comment pourrait-il nous tromper? Car enfin cette convention ne signifie rien: il était le maître de ne pas nous attaquer et de rester tranquille, pouvant très-bien être assuré que nous n'oserions jamais l'attaquer; il faut qu'il se soit décidé à faire des propositions très acceptables. Au reste, nous saurons tout dans une dizaine de jours et en moins d'une quinzaine notre sort sera décidé. Je ne sais ce que l'on doit désirer: la guerre menée avec vigueur nous tirerait d'embarras, mais les suites d'une guerre sont toujours douteuses; d'ailleurs je n'ai pas besoin de vous dire que ce que nous avons vu jusqu'à prèsent ne promet pas beaucoup pour l'avenir. Depuis la prise de Moscou, nous n'avons eu qu'une petite guerre qui a été toute à notre avantage. Miloradovitch a eu quelques combats très-brillans et le 22 il a pris même deux canons; en outre nos partisans ont fait près de 8.000 prisonniers.

Vous voyez, mon cher père, comment vont nos affaires; nous avons reçu des renforts, on a completé les régimens, on exerce les recrues et notre armée sera plus belle que jamais. Cependant une paix avantageuse, et telle que nous pouvions l'espérer à Vilna, serait préférable aux hasards des combats: une paix honteuse ne peut ni être proposée, encore moins être acceptée.

Je n'ai pas de papier pour vous écrire, je vais donc finir. O mon père Comme il me tarde de revenir parmis vous! Mon coeur se brise à la seule idée que peut-être la guerre continuera. Au reste, que la volonté du Ciel soit faite!

Je suis avec le plus profond respect.

Votre obéissant fils *Sacha*.

Бивакъ при селѣ Тарутинѣ, на старой Калужской дорогѣ, 25 сентября 1812 г.

«Мы находимся наканунѣ великихъ событій и большихъ перемѣнъ: третьяго дня на аванпосты прибылъ парламентеръ и просилъ пропуска въ главную квартиру для генералъ-адъютанта Наполеона. На аванпосты были посланы генералы Беннигсенъ и князь Волконскій, чтобы узнать, что̀ ему нужно; но парламентеръ желалъ говорить только съ самимъ кн. Кутузовымъ. Фельдмаршалъ сначала хотѣлъ было самъ пріѣхать, но затѣмъ, считая, что это не соотвѣтствуетъ его достоинству, велѣлъ сказать, что будетъ ожидать посланнаго Наполеона. Наконецъ, прибылъ Лористонъ съ письмомъ отъ Наполеона къ Кутузову. Письмо это заключало въ себѣ нѣсколько комплиментовъ по адресу русскаго главнокомандующаго и давало Лористону полномочія на веденіе переговоровъ. Лористонъ оставался съ княземъ въ теченіе полутора часа, затѣмъ былъ вызванъ кн. Волконскій, который, по окончаніи переговоровъ, отправленъ былъ въ Петербургъ. Увѣряютъ даже будто онъ поѣхалъ прямо черезъ Москву, но я этого не думаю; во всякомъ случаѣ Вы можете узнать проѣхалъ-ли онъ черезъ *Рязань* или нѣтъ.

Мы здѣсь точно не знаемъ о результатахъ этихъ переговоровъ: Наполеонъ повидимому просилъ перемирія, но Кутузовъ на это не согласился и просто отвѣтилъ, что если его не будутъ атаковать, то и онъ съ своей стороны тоже останется въ покоѣ. Мы такъ думаемъ, основываясь на отвѣтѣ, который онъ далъ Милорадовичу. Послѣдній спрашивалъ Кутузова, какъ понять заявленіе Мюрата, который жаловался на нашихъ казаковъ, стрѣлявшихъ по его биваку и обвинялъ насъ въ нарушеніи перемирія? На это Кутузовъ отвѣтилъ, что онъ ничего не обѣщалъ, что никакого перемирія заключено не было, но прибавилъ, что не слѣдовало стрѣлять по французамъ, если они не наступали.

Итакъ, теперь у насъ настоящее перемиріе, хотя и не оффиціальное, и я думаю, что до возвращенія князя Волконскаго все будетъ покойно.

Мы ломаемъ себѣ голову, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, но оффиціально ничего у насъ неизвѣстно.

Мы приготовились къ бою и находимся на чрезвычайно сильной позиціи и очень сжатой: на фронтѣ всего два корпуса и пять корпусовъ въ резервѣ. Весь нашъ фронтъ укрѣпленъ батареями и, если бы Государю угодно было приказать продолжать войну, то Наполеонъ, напавъ на насъ, можетъ найти свою могилу въ Тарутинѣ.

Вчера и сегодня можно было убѣдиться, насколько всѣ здѣсь желаютъ мира. Нашъ лагерь неузнаваемъ: всюду слышны пѣсни и военная музыка, всѣ имѣютъ веселый видъ и, если бы зависѣло отъ большинства голосовъ— миръ былъ несомнѣнно заключенъ. Несмотря однако на переговоры, наши партизаны исполняютъ свой долгъ все съ бо́льшимъ успѣхомъ. Платовъ съ 10-ю полками дѣйствуетъ на Вяземской дорогѣ, не считая десятка партизановъ, снующихъ въ окрестностяхъ Можайска и Москвы.

Надо думать, что Наполеону приходится плохо, или что онъ хочетъ насъ обмануть. Но какъ ему обмануть насъ, потому что въ концѣ концовъ конвенція эта ничего не обозначаетъ. Въ его власти было не нападать на насъ и сидѣть спокойно, не опасаясь, что мы его атакуемъ. Надо думать, что онъ рѣшился намъ сдѣлать предложенія, вполнѣ пріемлемыя. Во всякомъ случаѣ мы все узнаемъ въ теченіе какихъ-нибудь 10 дней и менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли судьба наша рѣшится. Я не знаю, чего намъ желать: съ одной стороны, энергично веденная война могла бы намъ быть на пользу; но послѣдствія войны всегда сомнительны; притомъ же не нужно мнѣ говорить Вамъ, что все то, что мы до сихъ поръ видѣли, не обѣщаетъ намъ многаго въ будущемъ. Со времени занятія Москвы у насъ все время идетъ малая война, которая всецѣло въ нашу пользу. Милорадовичъ имѣлъ нѣсколько блестящихъ боевъ и 22-го онъ даже захватилъ двѣ пушки, а партизаны наши взяли до 8.000 плѣнныхъ.

Вы видите, дорогой батюшка, въ какомъ положеніи наши дѣла. Мы получили подкрѣпленія, полки наши пополнены, мы обучаемъ рекрутъ, и армія наша будетъ прекраснѣе чѣмъ когда-либо. Тѣмъ не менѣе выгодный миръ, т. е. такой, какой мы могли ожидать въ Вильнѣ [1]), былъ бы, конечно, предпочтительнѣе, чѣмъ случайности войны. Миръ постыдный не можетъ, конечно, намъ быть предложенъ, и тѣмъ менѣе быть принятъ нами.

У меня не хватаетъ бумаги, чтобы писать Вамъ, и потому я кончаю это письмо. О батюшка, если бы Вы знали, какъ я стремлюсь вернуться ко всѣмъ вамъ. Сердце мое разрывается при одной мысли, что война снова возгорится. Во всякомъ случаѣ, да исполнится воля Всевышняго.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія остаюсь Вашимъ покорнымъ сыномъ

Саша».

---

[1]) На условіяхъ, вѣроятно, высказанныхъ Императоромъ Александромъ графу Нарбонну во время пріѣзда его въ Вильну, въ маѣ 1812 года. *К. В.*

II. Изъ рѣдкостей моего книгохранилища.

Матеріалы для исторіи Наполеоновской сатирической литературы и иконографіи начала XIX вѣка.

Платокъ англійской работы, 1813 года, отпечатанный въ краскахъ, съ изображеніемъ сатирическихъ картинъ изъ политической жизни Наполеона I.

Изображенный на прилагаемомъ рисункѣ фотографическій снимокъ съ англійскаго платка является однимъ изъ интереснѣйшихъ сатирическихъ изданій Наполеоновской эпохи, изданій тѣмъ болѣе рѣдкихъ, что даже въ книгѣ извѣстнаго знатока англійскихъ каррикатуръ того времени—Картерета *(John Grand Carteret: Napoléon en images)* объ этомъ платкѣ ничего не упоминается.

А между тѣмъ, это былъ одинъ изъ первыхъ по времени рисунковъ, изображавшихъ бѣгство Наполеона изъ Россіи, подобно тому, какъ современная ему брошюра маіора Фуля [1]), подъ заглавіемъ: *„Rückzug der Franzosen“*, отпечатанная въ Вильнѣ, въ мартѣ 1813 года, была первымъ печатнымъ произведеніемъ, оповѣстившимъ Западную Европу о катастрофѣ, постигшей Великую армію въ Россіи. Брошюрка эта была вскорѣ переведена на главнѣйшіе Европейскіе языки, покупалась и читалась нарасхватъ. О широкомъ ея распространеніи можно судить уже потому, что въ теченіе двухъ лѣтъ, она выдержала свыше *тридцати* изданій на разныхъ языкахъ (не исключая и еврейскаго). Впрочемъ, страхъ передъ Наполеономъ въ Германіи былъ еще такъ великъ и жестокая расправа его съ Нюренбергскимъ книгопродавцемъ Пальмомъ была еще такъ свѣжа въ памяти [2]), что нѣмецкіе издатели на экземплярахъ брошюры не рѣшались выставлять ни года изданія, ни мѣста ея печатанія, прибѣгая къ вымышленнымъ названіямъ городовъ, какъ напр., «Stockholm», «Polotzk», «Smolensk» или просто писали «Germania». Этотъ же страхъ передъ Наполеономъ вѣроятно былъ причиною того, что и на описываемомъ платкѣ не выставлены ни мѣсто печатанія, ни имя художника.

Что касается происхожденія этого платка, то по отзыву извѣстнаго знатока эпохи и собирателя, покойнаго П. Я. Дашкова, онъ былъ въ началѣ 1813 года заказанъ Пруссіей одной изъ англійскихъ фабрикъ, въ

---

[1]) Маіоръ русской службы *Фуль*, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ генераломъ *Пфулемъ*, авторомъ пресловутаго укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ.

[2]) Объ этомъ Пальмѣ (Johann Philipp Palm) существуетъ цѣлая литература въ Германіи, которая считаетъ его въ числѣ своихъ національныхъ героевъ, мучениковъ за Отечество. Пальмъ въ 1806 г. напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: «*Германія въ своемъ глубокомъ униженіи*», въ которой былъ помѣщенъ рядъ чрезвычайно рѣзкихъ отзывовъ о Наполеонѣ. Пальмъ былъ схваченъ агентами Наполеона въ Нюренбергѣ и 25 августа 1806 года разстрѣлянъ въ гор. Браунау, гдѣ 60 лѣтъ спустя ему воздвигнутъ былъ памятникъ.

количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, съ цѣлью распространенія его въ Австріи и Южной Германіи, которая еще была на сторонѣ Наполеона. Заказъ былъ принятъ, платки изготовлены и на торговомъ суднѣ отправлены въ Германію. Между тѣмъ, не дойдя до мѣста назначенія, судно потерпѣло крушеніе въ Нѣмецкомъ морѣ и вмѣстѣ съ нимъ погибли и заказанные платки. Такимъ образомъ, сохранились лишь немногіе запасные экземпляры, хранившіеся на фабрикѣ, съ теченіемъ времени случайно попавшіе въ руки коллекціонеровъ и любителей и естественно сдѣлавшіеся большою рѣдкостью. Насколько мнѣ извѣстно, въ Россіи кромѣ настоящаго моего экземпляра, имѣются еще экземпляры этого платка: 1) въ Императорской Публичной библіотекѣ, въ залѣ Rossica, и 2) въ Московскомъ Музеѣ 1812 года. За границей я слышалъ объ экземплярѣ, хранящемся въ Кенигсбергскомъ историческомъ Музеѣ.

Описаніе платка.

Большой бумажный платокъ, длиною въ 1 арш. 6 вершк. и шириною въ 1 арш. 5 вершк., кирпично-краснаго цвѣта. На платкѣ отпечатаны красками 10 большихъ и малыхъ рисунковъ съ сатирическими изображеніями изъ жизни Наполеона, а по четыремъ угламъ—четыре овальной формы портрета-медальона. Всѣ рисунки тщательно исполнены и краска хорошо сохранилась, а равно напечатанныя подъ картинами подписи ясны и отчетливы. Имени художника не указано.

I. Въ центрѣ,—большая картина съ надписями на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: *„Stage of Europe decemb. 1812“, „Europäische Schaubühne im december 1812“. (Подмостки Европейской сцены въ декабрѣ 1812 года).* По срединѣ фигура бѣгущаго Наполеона съ протянутыми впередъ руками; Россія, въ образѣ Императора Александра, гонитъ его изъ своихъ предѣловъ; за Россіей идетъ слѣдомъ Швеція. Справа отъ Наполеона, въ полуоборотѣ, Прусскій Король обнажаетъ свой мечъ; рядомъ колѣнопреклоненная фигура Вестфальскаго Короля, Іеронима Бонапарта, молитвенно сложившаго руки; нѣсколько поодаль князья Рейнскаго Союза въ смущеніи обращаются къ Австріи, которая стоитъ въ выжидательной позѣ и какъ бы хочетъ сказать: «моя хата съ краю, я ничего не знаю—подождемъ дальнѣйшихъ событій». Надъ каждой изъ фигуръ видны надписи на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: *Sweden—Schweden, Russia—Russland, Prussia—Preussen, Confederation of the Rhine—Das Rheinische Bündniss, Austria—Oesterreich* и т. д. Вокругъ площадки, на которой изображены названныя фигуры и которая должна изображать «Европейскую сцену» расположены группы многочисленныхъ зрителей, оживленно жестикулирующихъ, машущихъ шляпами и указывающихъ на дѣйствующихъ лицъ разыгрывающейся европейской драмы. Двое изъ зрителей держатъ въ рукахъ пе-

чатные листы съ надписями на одномъ *Bulletin 29* [1]), на другомъ: *Dispatches of Lord Cathcart,* т. е. лживые бюллетени Наполеона, которымъ противополагаются правдивыя депеши Лорда Каткарта, тогдашняго Великобританскаго посла въ Петербургѣ.

II. Сверху надъ центральной картиной видны три аллегорическія женскія фигуры въ античныхъ костюмахъ: посрединѣ *побѣда* (victory), которая передаетъ стоящей отъ нея влѣво колѣнопреклоненной *Европѣ* (Europe) мечъ; направо видна сидящая фигура *Исторіи* (History), которая заноситъ въ свою книгу событія этой достопамятной эпохи. По обѣимъ сторонамъ картины слѣдующее пятистишіе на двухъ языкахъ:

„Victory seized his sword and it fell from his hand,
Saying: Europe your Freedom secure
Then hang it aloft in the Temple of Fame
A Trophy to Russia while time shall remain
Or the page History writes shall endure“

То же въ нѣмецкомъ переводѣ:

„Aus seiner Hand das fallend Schwert der Sieg ergriff
Und sagte: sicher nun Europa deine Freiheit“ и т. д.

III. Ниже большой картины, въ центрѣ, рисунокъ, изображающій лѣстницу (порталъ), ведущую во дворецъ. Внизу лѣстницы, на переднемъ планѣ группа изъ трехъ фигуръ: двѣ мужскихъ и одна женская. Женщина протягиваетъ руку, которую цѣлуетъ колѣнопреклоненный генералъ. Внизу подпись на двухъ языкахъ:

„Bonaparte receiving Josephine the cast off mistress
of Barras with the command of the army of Italy“.

и по-нѣмецки:

„Bonaparte empfängt Josephine die verworfene Geliebte
von Barras mit Befehle über die Italienische Armee“.

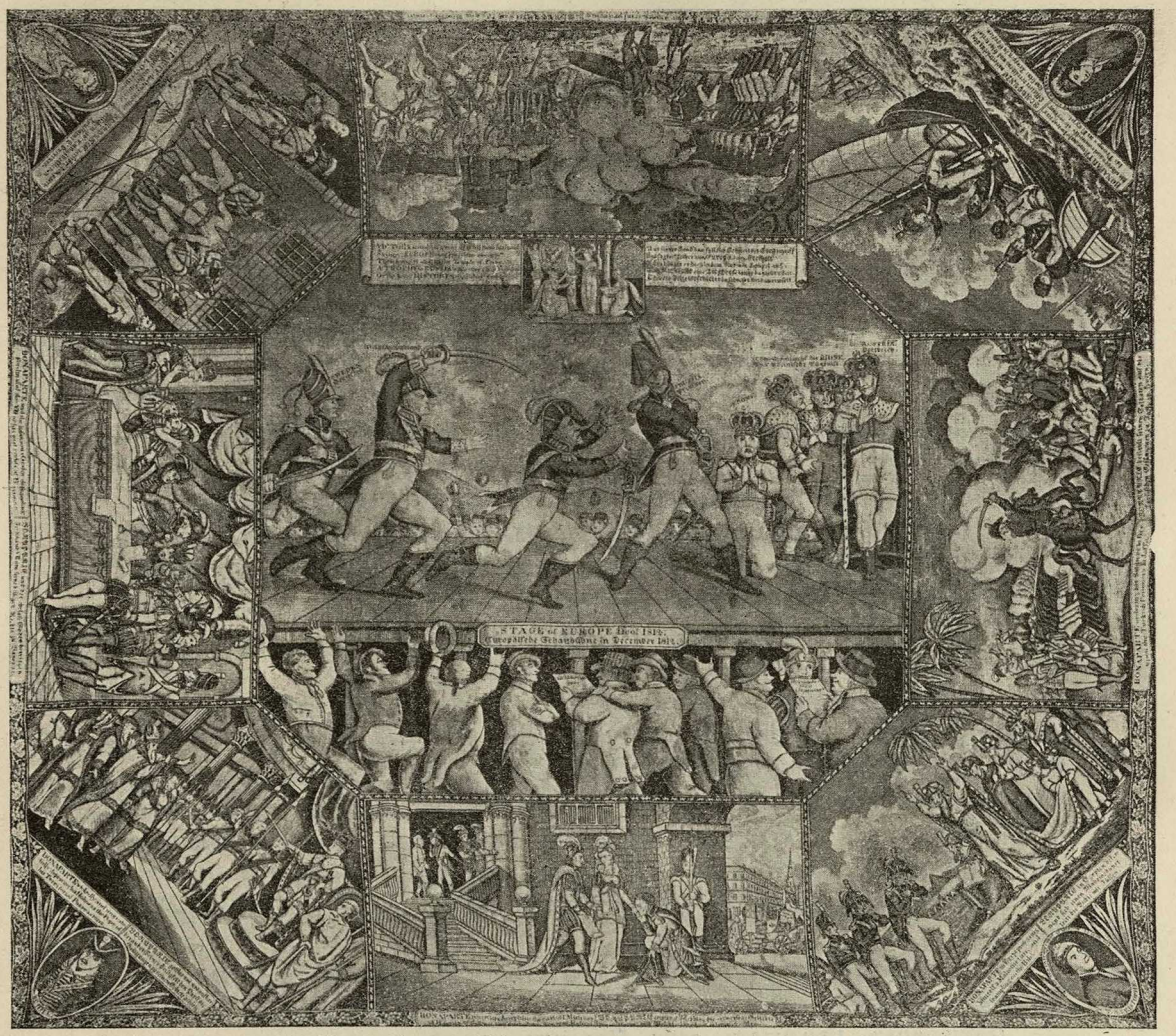
(Бонапартъ получаетъ вмѣстѣ съ Жозефиной, покинутой любезной Барраса, командованіе итальянской арміей).

IV. На противоположномъ концѣ платка, въ обратную сторону отъ зрителя, изображенъ трагическій эпизодъ казни герцога Энгіенскаго въ одномъ изъ равелиновъ Венсенскаго замка. Передъ вырытою могилою стоитъ на колѣняхъ со связанными позади руками несчастная жертва Бонапартовой жестокости; взводъ солдатъ цѣлится въ герцога, справа группа всадниковъ. Подъ картиною подпись:

---

[1]) Знаменитый 29-й бюлллетень Великой арміи, изданный 3—15 декабря 1812 г. въ м. Молодечно, начинающійся словами: *Jusqu'au 6 Novembre le temps a été parfait* и заканчивающійся успокоительною фразою: *„La santé de Sa Majésté n'a jamais été meilleure“. К. В.*

„Bonaparte after a mock trial ordering the Duke d'Enghien to be schot"
„Bonaparte nach falschem Verhöre ordiniert den Herzog d'Enghien erschossen zu werden".
(Послѣ лживаго суда Бонапартъ повелѣваетъ разстрѣлять герцога Энгіенскаго).



Платокъ съ изображеніемъ сатирическихъ картинъ изъ политической жизни Наполеона I.
Изъ собранія К. А. Военскаго.

V. На лѣвой сторонѣ платка, картина, изображающая трагикомедію въ Баіоннѣ. За большимъ столомъ сидятъ, частью стоятъ, 10 лицъ, среди которыхъ Наполеонъ, угрожая поднятымъ мечемъ, предъявляетъ присутствующимъ декретъ. Сидящая тутъ же за столомъ Испанская Королева энергично протестуетъ, въ то время какъ Король Фердинандъ спокойно

стоитъ за ея кресломъ. На переднемъ планѣ стоитъ Испанскій Министръ Годой, герцогъ Алкуида, извѣстный подъ именемъ «Князя мира» (Principe de la paz). Внизу подписи:

„Bonaparte and the infamous Godoy defrauding Ferdinand the VII-th of his just rights at Bayonne“.

„Bonaparte und der ehrlose Godoy betrigen Ferdinand VII-ten um seine Rechte zu Bayonne“.

(Бонапартъ и безчестный Годой обманнымъ образомъ лишаютъ Фердинанда VII-го его правъ въ Баіоннѣ).

VI. На правой сторонѣ платка средняя картина изображаетъ разстрѣливаніе турецкихъ плѣнныхъ въ Яффѣ. Бонапартъ верхомъ на конѣ лично отдаетъ приказаніе. Подпись внизу:

„Bonaparte ordering his soldiers to fire upon the Turkish prisoners at Jaffa“.

„Bonaparte befiehlt seinen Soldaten auf Turkische Gefangene zu feuern“.

(Бонапартъ приказываетъ своимъ солдатамъ стрѣлять въ турецкихъ плѣнныхъ).

Затѣмъ слѣдуетъ четыре меньшихъ картины по четыремъ угламъ платка.

VII. Въ лѣвомъ нижнемъ углу: *„Bonaparte wickedly and ungratefully depriving His Holiness the Pope of his territorial possessions“.*

„Bonaparte Gottlos und undankbar beraubet Seiner Heiligkeit den Papst die Besitzungen zu seinem Gebiet gehörig“.

(Безбожный и неблагодарный Бонапартъ похищаетъ у Его Святѣйшества Папы принадлежащія ему владѣнія).

VIII. Въ правомъ нижнемъ углу: Картина изображаетъ мусульманина въ чалмѣ, повидимому духовное лицо, который стоитъ съ поднятыми къ верху руками; сзади его свита и два пажа, поддерживающіе его мантію; спереди колѣнопреклоненный мусульманинъ держитъ раскрытую книгу: Коранъ. Къ этой группѣ подходитъ Бонапартъ со свитою; онъ кланяется Корану со сложенными на груди руками. Внизу подпись:

„Bonaparte in Egypte professing himself a Mahometan and trampling on the Bible“.

„Bonaparte in Egypten bekennt sich einen Mahomedaner und tritt die Biebel mit Füssen“.

(Бонапартъ признаетъ себя Магометаниномъ и попираетъ ногами Библію).

IX. Въ лѣвомъ верхнемъ углу: драма въ Сенъ-Доминго. Арестъ и наложеніе цѣпей на президента республики Сенъ-Доминго, извѣстнаго патріота, Туссена Лувертюра. Внизу подпись:

„Bonaparte destroying the patriotic but unfortunate Toussaint Louverture“.

„Bonaparte zerstört den patriotischen aber unglücklichen Toussaint Louverture“.

X. Въ правомъ верхнемъ углу: возвращеніе Бонапарта изъ Египта. Въ шлюпкѣ съ нѣсколькими гребцами, сидящими у вёселъ, стоитъ Наполеонъ, поспѣшно подымающій парусъ. Внизу подпись:

„Bonaparte meanly betryind his officers and cowardly deserting his troops in Egypte“.

„Bonaparte niederträchtig seine Officiere verrathend und feige verlassend seine Truppen in Egypten“.

(Бонапартъ обманываетъ своихъ офицеровъ и недостойнымъ образомъ покидаетъ свои войска въ Египтѣ).

Нѣсколько ниже перечисленныхъ четырехъ угловыхъ картинъ, по крайнимъ четыремъ угламъ платка—четыре овальныхъ медальона-портрета съ изображеніями четырехъ патріотовъ, разстрѣлянныхъ по приказанію Наполеона.

1. Въ лѣвомъ нижнемъ углу: портретъ прусскаго маіора Шилля, разстрѣляннаго со своими партизанами въ Штральзундѣ.

2. Въ правомъ нижнемъ углу портретъ Кристофа: *T. S. Christoph one of the patriots shot al Mockow 25 Sept. 1812“.*

3. Въ лѣвомъ верхнемъ углу: портретъ извѣстнаго Тирольскаго патріота Андрея *Гофера* (Hofer).

4. Въ правомъ верхнемъ углу портретъ Германа *Фризе*: *„Hermann Friese one of the four patriots shot at Bremen, april 5 1810.*

К. Военскій.

Имамъ Шамиль.

Болѣе чѣмъ столѣтняя война наша на Кавказѣ выдвинула цѣлый рядъ героевъ и выдающихся людей. Огромное большинство этихъ героевъ принадлежитъ нашей родной русской націи. Но были выдающіяся лица и во вражескомъ станѣ. Были и среди нашихъ враговъ люди великаго ума, безпредѣльной храбрости и славныхъ воинскихъ доблестей.

Между этими лицами первое мѣсто занимаетъ имамъ Шамиль. Это былъ великій нашъ врагъ. Это былъ человѣкъ недюжиннаго ума. Этотъ человѣкъ причинилъ намъ много, много горя. Но закончилъ онъ жизнь, склонивъ свою вражескую волю передъ величіемъ Великой Россіи. Этотъ нашъ жестокій противникъ сдался, сталъ вѣрнымъ русскимъ подданнымъ и искренно любящимъ, преданнымъ и почитающимъ Государя нашей родины.

Справедливо отдать должное этому человѣку. Величіе Россіи отъ этого не страдаетъ. Напротивъ, покореніе великаго врага, покореніе—силою, добротою и милостію дѣлаетъ ей честь.

И я хочу сказать нѣсколько словъ объ этомъ великомъ борцѣ за свои родныя горы и за свою дикую вольную волюшку.

До тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія главныя заботы русскихъ на Кавказѣ состояли въ упорядоченіи жизни христіанскихъ народовъ — грузинъ и армянъ, въ укрощеніи хищническихъ набѣговъ магометанскихъ абрековъ и въ войнахъ съ турками и персами за обладаніе Кавказомъ. Нѣтъ словъ, много въ этихъ столкновеніяхъ было пролито русской крови. Но эти схватки были періодическія, временныя, съ передышками.

Съ тридцатыхъ годовъ возникаетъ для русскихъ новая бѣда — возстаніе покорныхъ намъ народовъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Что представляли собою Чечня и Дагестанъ?

Чечня занимаетъ пространство, ограниченное съ сѣвера Терекомъ, съ запада р. Сунжею съ ея притоками, особенно р. Ассою, съ востока Качкалыковскимъ хребтомъ, съ юга Скалистымъ хребтомъ и Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ [1]). Эту мѣстность по своему положенію можно раздѣлить на три части: южную гористую, среднюю предгорье и сѣверную

---

[1]) Проф. *П. И. Ковалевскій.* Возстаніе Чечни и Дагестана въ 1877 г.

низменную или долинную. Здѣсь, въ Ичкеріи находятся грозные аулы Ведено и Дарго. Изъ снѣжныхъ горъ стекаетъ много рѣкъ, прорѣзывающихъ горы на узкія почти отвѣсныя ущелья: Асса, Фортанга, Валерикъ, Гехсъ, Урусъ-Мартанъ, Гойта, Аргунь, Балъ-Джалка, Хулхулау, Гудермесъ и Терекъ.

Главное народонаселеніе Чечни—чеченцы. Это чисто демократическій народъ. У нихъ нѣтъ ни князей, ни дворянъ, ни крестьянъ, ни даже отдѣльнаго духовнаго сословія. Всѣ равны. Всѣ невѣжественны. Всѣ фанатики—магометане. Всѣ дѣти природы. Они дѣлятся на общества. Все долинное пространство отъ Фортанги до Аксая обитается Сунженскими чеченцами. Рѣка Гойта дѣлитъ ихъ на малую западную Чечню и большую восточную Чечню. Въ большой Чечнѣ области Мичикъ, Гудермесъ и обитатели Качкалыковскаго хребта. На юго-востокѣ отъ нихъ лежитъ Ичкерія, между Хулхулау и Аксаемъ, восточнѣе Аухъ, Салатавія и Зандакъ, а у верховьевъ Яманъ-Су, Беной. На границѣ между Салатау, Аухомъ и Ичкеріей—знаменитые Самсырскіе лѣса и хутора. Къ западу лежатъ Чаберлой, Шатой, Шаро, Чанти, Ахо, Пшехо и др. Всѣ эти общества отдѣлены другъ отъ друга почти отвѣсными горами и потому составляютъ какъ бы отдѣльныя ячейки, мало сообщающіяся между собою и живущія или прозябающія почти независимо другъ отъ друга.

Всѣ эти горцы объединены однимъ—беззавѣтною жаждою свободы и независимости и всегдашнею готовностью отстаивать ее своею жизнью. Отсюда вытекала безпредѣльная воинственная и безграничная ненависть къ побѣдителямъ гяурамъ. Это дѣти природы—фанатики-магометане. Каждый народъ пріемлетъ и исповѣдуетъ ту религію, которая въ духѣ его природы. Чеченецъ — магометанинъ по природѣ. Онъ живетъ не умомъ, а фантазіей и воображеніемъ. Его мыслительная сторона слабо развита и плохо царитъ надъ его духовною жизнью. Чувственность, фантазія и воображеніе—царь его духовной жизни. Люди такого темперамента склонны къ легкому переходу въ экстазъ, а экстазъ—такое состояніе, когда человѣкъ принимаетъ невидимое—какъ бы видимое, и желаемое, ожидаемое—какъ бы настоящее. Такіе дикіе фантазеры могли быть только яркими и фанатичными магометанами. Этихъ магометанъ въ то время турецкому султану легко было возбуждать противъ гяуровъ-урусовъ.

Дагестанъ—страна горъ. Это названіе дано ему по праву. Почти вся эта страна состоитъ изъ цѣпи горъ, самымъ причудливымъ образомъ сплетающихся и сливающихся между собою. Главныя рѣки Дагестана: Андійское—Аварское—Казикумухское—и Кара-Кожу.

Главную массу населенія Дагестана составляютъ лезгины, говорящіе разными нарѣчіями. Лезгины по природѣ своей люди въ высокой степени впечатлительные, воспріимчивые, возбудимые и экспансивные. Ихъ природная обстановка, Горный Дагестанъ, бѣдная, дикая и безплодная, почти не давала пищи уму, и онъ оставался все время ихъ бытія въ дѣтскомъ состояніи. Зато эта природная обстановка много способствовала жизни

созерцательной, развитію фантазіи и воображенія. Эти стороны жизни были настолько обычны, настолько постоянны, настолько повторны, что легко могли доводить лезгина до экстаза. Бѣдная природная обстановка Чечни не давала лезгину возможности заняться хозяйствомъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, почему лезгинъ былъ безконечно бѣденъ, ѣлъ мало и плохо, одѣтъ былъ бѣдно и грязно, жилъ въ сложенной изъ камня, грязной и полной насѣкомыхъ саклѣ, вѣчно голодалъ и холодалъ. Но онъ любилъ войну, любилъ оружіе, страшно имъ дорожилъ и въ совершенствѣ владѣлъ. Въ оружіе онъ вкладывалъ душу и свою жизнь отдавалъ его примѣненію. Это былъ охотникъ, воинъ, грабитель и разбойникъ по природѣ,

По общественному строю, лезгинъ наисовершенный демократъ. Всѣ они были равны, всѣ были независимы, всѣ были свободолюбивы до безконечности. Никакого насилія надъ собою они не допускали. Даже мусульманское духовенство на нихъ оказывало ничтожное вліяніе. Своихъ старшинъ они выбирали, и тѣ властвовали не потому, что они имѣли *право*, а потому, что они *получили* право. Разъ лезгинъ сознаетъ необходимость, онъ ей покоряется.

Бѣдность жизни и обстановки Нагорнаго Дагестана заставляетъ лезгина думать и предпринимать мѣры отхожаго промысла, и этотъ природный хищникъ, неустрашимый разбойникъ и органическій грабитель, живущій рядомъ съ парящимъ и царящимъ царемъ хищниковъ, орломъ, находилъ себѣ промыселъ за горами. Тамъ была благодатная Кахетія. Туда лезгины и направляли свои хищные набѣги. Въ тѣхъ набѣгахъ лезгины видѣли средства къ жизни, удовлетвореніе хищному инстинкту, отвагу, удаль, доблесть и геройство. Его грабительскій успѣхъ — геройская и общественная заслуга. И онъ отдавалъ ей всю жизнь. Сама смерть была для него нестрашна, потому что, живя грабежомъ, онъ благодушествовалъ, а въ смерти находилъ успокоеніе,—почему онъ къ смерти относился съ презрѣніемъ. На эту почву палъ исламъ,—исламъ, ставящій цѣлью жизни помощь единовѣрцу и безконечную борьбу съ иновѣрными гяурами. А въ случаѣ паденія въ борьбѣ его ожидалъ немедленный Магометовъ рай. Лезгинъ, голодный, холодный, оборванный, идетъ прямо въ обстановку счастливаго рая и гурій... Да за такую обстановку нарочно бросятся въ бой не только голодные лезгины, а, пожалуй, и многіе изъ современныхъ христіанъ.

Изъ этого-то народа происходилъ и въ этой обстановкѣ дѣйствовалъ Шамиль.

Съ тридцатыхъ годовъ на Сѣверномъ Кавказѣ возникаетъ особенное движеніе, имѣвшее весьма важное значеніе въ дѣлѣ присоединенія Кавказа къ Россіи и причинившее намъ много потерь людьми и средствами и много хлопотъ. Это движеніе—*мюридизмъ*. Первое начало въ Россіи мюридизму положилъ мулла Магометъ. Окончательнымъ послѣдствіемъ его была священная война — *газаватъ*. Во главѣ этого военнаго движенія стоялъ

Кази-Мулла, другъ дѣтства Шамиля. Вмѣстѣ съ ними росъ, воспитывался и дѣйствовалъ и Гамзатъ. Кази-Мулла былъ первымъ имамомъ, Гамзатъ—вторымъ и Шамиль—третьимъ [1]).

Шамиль родился въ Гимрахъ, по однимъ, въ 1797 г., по другимъ, въ 1799 г., отъ аварскаго узденя Денгау Мохамеда. Уздень,—это нѣчто благородное среди остальныхъ лезгинъ, почему Шамиль, представъ передъ Барятинскимъ при сдачѣ, заявилъ: «я простой уздень». Мать Шамиля, Баху-Меседу, была аварка-бекша.

Шамиль былъ близокъ къ Кази-Муллѣ, жилъ черезъ домъ отъ него и состоялъ съ нимъ въ тѣсныхъ дружескихъ и товарищескихъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ они вошли въ жизнь, вмѣстѣ дрались и съ гяурами. Кази-Мулла былъ безспорно даровитъ. Это былъ большой политикъ и славный политическій и религіозный проповѣдникъ. Ниже стоялъ Гамзатъ, но способнѣй и даровитѣй былъ Шамиль.

Одаренный блестящими умственными способностями, Шамиль учился у лучшихъ учителей Дагестана. Говорятъ, что онъ имѣлъ уроки грамматики, логики и риторики арабскаго просвѣщенія и являлся выдающимся ученикомъ. Спеціальное образованіе онъ получилъ у извѣстнаго въ Унцукулѣ ученаго Джемалъ-Эддина. Много ему помогалъ также Кази-Мулла или Гази-Мохамедъ, его другъ и товарищъ. Но если мы допустимъ, что эта арабская наука не слишкомъ много дала свѣдѣній уму Шамиля, если она его не много просвѣтила, то несомнѣнно она дисциплинировала великія дарованія Шамиля, пріучила его къ труду, усидчивости и мышленію. Свое образованіе, весьма настойчивое, Шамиль прерывалъ только во время участія въ набѣгахъ на русскія владѣнія. Во всѣхъ набѣгахъ Кази-Муллы Шамиль являлся его главнымъ помощникомъ и отличался особенною храбростью и умѣньемъ.

Кази-Мулла покончилъ свою жизнь въ бою въ Гимрахъ. Онъ тамъ былъ окруженъ русскимъ отрядомъ. Выхода не было. Всѣмъ лезгинамъ угрожала смерть. Тѣмъ не менѣе ночью мюриды Шамиля бѣжали. Съ нимъ остались самые близкіе, рѣшившіе пожертвовать жизнью. Между ними былъ Шамиль. Начался приступъ къ башнѣ, въ которой засѣлъ Кази-Мулла. Первымъ изъ башни выскочилъ Кази-Мулла и его сразу приняли на штыки. Очередь была Шамиля. Но Шамиль спасся, благодаря своей ловкости и силѣ. Онъ выпрыгнулъ изъ верхней двери башни такъ ловко и высоко, что перескочилъ черезъ первыхъ двухъ стрѣлковъ и очутился позади нихъ. Мгновенно изрубивъ этихъ, онъ погнался за третьимъ солдатомъ и также убилъ его. Стрѣлять солдаты въ Шамиля не могли, такъ какъ отъ ихъ выстрѣловъ могли пасть свои. Бой шелъ холоднымъ оружіемъ. Вскорѣ Шамиль былъ проколотъ штыками насквозь, при чемъ правая его рука перестала двигаться. Тогда онъ сталъ защищаться лѣвою. Солдаты были такъ

[1]) Проф. *П. И. Ковалевскій*: Кавказъ. Исторія Кавказа, т. II.

ошеломлены этой отвагой и защитой, что просто ошалѣли. Это дало возможность Шамилю бѣжать, при чемъ онъ вскорѣ упалъ безъ сознанія. Всѣ сочли его мертвымъ. Но молодость и невѣроятная живучесть спасли Шамиля. Три мѣсяца онъ пролежалъ и затѣмъ опять явился на полѣ брани. Данная болѣзнь, однако, лишила его возможности замѣстить имамство Кази-Муллы, и имамомъ сталъ Гамзатъ.

Вообще Шамиль въ своей жизни имѣлъ девятнадцать ранъ холоднымъ оружіемъ и три пулевыхъ.

Въ имамство Гамзата Шамиль мало принималъ участія въ боевыхъ дѣлахъ. Онъ поправлялся послѣ послѣдняго боя. Да и имамство Гамзата длилось недолго. Гамзатъ былъ убитъ въ мечети аварцами въ отместку за убійство Гамзатомъ сыновей аварской ханши. При этомъ въ мечети были убиты и почти всѣ мюриды, бывшіе съ Гамзатомъ. Былъ тамъ и Шамиль. Но Шамиль спасся. Въ общей свалкѣ онъ услышалъ голосъ: «изрубить Шамиля, — онъ въ бѣлой чалмѣ». Тогда Шамиль схватилъ свою чалму, быстро ее надѣлъ на голову первому попавшемуся мюриду, а его папаху надѣлъ на себя. Мюрида убили, а Шамиль былъ только легко раненъ. Замѣчательно то, что мюридъ тоже слышалъ голосъ аварца, но ни секунды не задумался пожертвовать собою для Шамиля.

Только по смерти Гамзата Шамиль принялъ имамство. Съ партіей отчаянныхъ мюридовъ, Шамиль пробрался въ Гоцатль и завладѣлъ сокровищами Гамзата. Какъ бы для оправданія своего поступка, Шамиль взялъ въ жены и жену Гамзата. Сокровища играютъ важную роль не только въ просвѣщенной Европѣ. И магометанскій фанатизированный Востокъ чтитъ золотого тельца и не чуждъ жажды сокровищъ.

Теперь Шамиль является имамомъ и владыкою Чечни и Дагестана.

Шамиль обладалъ особенными военными дарованіями. Онъ проявлялъ необыкновенныя организаторскія способности: настойчивость, выдержку, чутье въ выборѣ момента нападенія, умѣнье найти надежныхъ помощниковъ, кои могли бы исполнять его планы и предначертанія. Это былъ человѣкъ твердой и непреклонной воли. Предъ нимъ преклонялось все,—даже вольные, свободолюбивые и независимые горцы всегда готовы были съ нимъ и за нимъ броситься въ огонь и въ воду. Фанатизированные мусульмане шли смѣло за Шамилемъ и несли свою жизнь во славу Аллаха и его пророка. Стоя выше всѣхъ своимъ умомъ, Шамиль сумѣлъ создать вокругъ себя великую армію изъ народа, у котораго природою была создана всеобщая воинская повинность. Если прибавить къ этому азіатскую неразборчивость въ средствахъ для достиженія намѣченной цѣли, то этимъ еще болѣе обрисуется успѣхъ Шамиля.

Гамзатъ стремился къ обладанію Аваріей. Теперь и Шамиль задался тою же цѣлью. Аварцы это предвидѣли и провѣдали, а потому обратились къ русскому правительству, за защитою и покровительствомъ. Сначала попытки Шамиля овладѣть Аваріей оказались неудачными. Туда явился

полковникъ Клюки фонъ Клюгенау и Шамилю пришлось убираться. Онъ бросился въ Гоцатль, но Клюгенау послѣдовалъ за нимъ и въ Гоцатль. Гоцатль считался неприступнымъ, почему тамъ собраны большія сокровища лезгинъ. Но русскіе взяли Гоцатль, и сокровища достались имъ.

Взятіе русскими Гоцатля заставило задуматься лезгинъ. Задумался и Шамиль.

Не смотря на широкую власть, Шамиль стоялъ у своей власти не особенно прочно. Рядъ пораженій горцевъ при Кази-Муллѣ и Гамзатѣ поколебали положеніе имама и торжество ислама надъ гяурами. Этому много способствовало и то, что русскіе были строги къ возставшимъ. Пожаръ и разореніе преслѣдовали нѣкоторые аулы. Цѣлыя общества изъявляли покорность и удаляли отъ себя мюридовъ.

Шамиль все это видѣлъ и рѣшилъ вести иную систему.

По внѣшности онъ притихъ. Онъ объявилъ себя духовнымъ проповѣдникомъ. Политическое главенство и военныя дѣйствія являются ему противными и противорѣчатъ его намѣреніямъ и проповѣди. Такъ онъ говорилъ открыто и повсюду. Но не такъ онъ дѣйствовалъ втихомолку. Онъ заявлялъ, что и русскимъ уже извѣстно мирное направленіе его дѣятельности. Шамиль отказалъ ирганойцамъ принять ихъ въ свое вѣдѣніе и заявилъ имъ, что онъ со всѣми койсубулинцами намѣренъ передаться русскимъ. Но въ это же время въ теченіе всего 1835 г. онъ тайно подбиралъ послѣдователей мюридизма и организовалъ боевые отряды.

Русская администрація повѣрила мирнымъ заявленіямъ Шамиля. Ей было желательно, чтобы Шамиль ограничилъ свою проповѣдь дѣлами религіи. Поэтому начальство легко повѣрило въ мягкія слова Шамиля. Въ это время у русскихъ было очень много дѣла на Кубани и въ Черноморьѣ.

А Шамиль энергично вооружалъ унцукульцевъ, андійцевъ и проч., а его приверженецъ Хаджи-Ташавъ подготовлялъ возстаніе въ Чечнѣ.

Въ 1836 г. Шамиль двинулся на Койсу и заставилъ койсубулинцевъ и другія близкія общества признать свою власть и званіе имама. Эти продѣлки Шамиля стали извѣстны русскимъ, и они рѣшили наказать Шамиля. Ген. Реутъ двинулся на Унцукуль. Этого было достаточно, чтобы унцукульцы опамятовались и выразили покорность. Реутъ ушелъ. Шамилю только и нужно было этого. Онъ заявилъ, что русскіе боятся лезгинъ и потому обращаются съ ними такъ слабо и нерѣшительно. Вотъ и теперь они ушли, ничего не сдѣлавъ лезгинамъ, потому что струсили лезгинъ.

Такія рѣчи Шамиля хотя и явно противорѣчили дѣйствительности, были пріятны лезгинамъ. Они имъ внимали и вѣрили. Такъ постепенно Шамиль овладѣлъ Аваріей, Чечней и ближайшими обществами.

Пришлосъ предпринять что-нибудь въ Чечнѣ. Въ 1837 г. ген. Фези выступаетъ въ Чечны и отчасти въ Дагестанъ, но это предпріятіе было настолько слабо, что опять послужило скорѣе въ пользу Шамилю, чѣмъ русскимъ.

Теперь вся Аварія была въ рукахъ Шамиля и только Хунзахъ оставался за русскими. Мехтулинскій ханъ, Ахметъ, ясно видитъ, что скоро и Хунзахъ попадетъ въ руки Шамиля, и его владѣнія станутъ сплошными. Наступаетъ интересный моментъ: къ Хунзаху одновременно направляются и ген. Фези, и Шамиль. На этотъ разъ побѣдителемъ остался Фези. Шамиль отправился въ Ашильту. Фези—за нимъ.

Шамиль занялся укрѣпленіемъ Ашильты. Весь аулъ былъ вооруженъ во всемъ величіи. Окна и двери сакель были заложены, улицы въ завалахъ, строенія и деревья на пути были уничтожены, въ стѣнахъ каменныхъ домовъ пробиты бойницы. Дикарь Шамиль устроилъ крѣпость по всѣмъ правиламъ того времени. Но... Ашильта была взята русскими.

Лезгины бѣжали въ Ахульго. Это тоже по природнымъ свойствамъ была неприступная крѣпость, причемъ Шамиль ее вооружилъ какъ только можно лучше. Дѣло, однако, окончилось въ Ахульго для Шамиля и того хуже. Ген. Фези окружилъ Ахульго. Шамиль не могъ бѣжать. Ему оставалось или пасть въ битвѣ, или сдаться. Шамиль началъ переговоры съ Фези. Въ этомъ случаѣ ген. Фези смалодушничалъ и причинилъ большой вредъ для дальнѣйшей жизни Кавказа. Ему надлежало или перебить всѣхъ лезгинъ, или безъ всякихъ условій взять ихъ въ плѣнъ. Между тѣмъ онъ повелъ переговоры, признавъ тѣмъ самымъ бунтовщика лезгина воюющей стороной. Шамиль выросъ въ глазахъ своихъ и въ глазахъ всего Дагестана. Правда, онъ призналъ себя побѣжденнымъ. Далъ присягу на вѣрность. Выдалъ заложниковъ. Но остался на волѣ и еще 22 года боролся съ Россіей...

Правда, Шамиль смирился. Да и нужно было смириться. Много мюридовъ было перебито. Многія общества были разрушены. Важныя крѣпости уничтожены. Нужно было организовать мюридовъ, обстроить общины, укрѣпить Ахульго и проч. И Шамиль энергично принялся за это дѣло.

Въ теченіе трехъ лѣтъ Шамиль не предпринималъ серьезныхъ дѣйствій. Онъ старался всѣми способами фанатизировать своихъ приверженцевъ и увеличивать ихъ число. Это ему легко удалось. Почти вся Аварія и Чечня были на его сторонѣ. Многихъ приверженцевъ онъ имѣлъ въ Табасарани и Каракайтагѣ. Онъ старался объединить разноплеменные мусульманскіе народы единствомъ вѣры и единствомъ цѣли. Отдаленная цѣль—освободиться отъ русскаго ига, ближайшая—овладѣть Хунзахомъ и всей Аваріей. Покорные ему мюриды готовы были на все.

Разумѣется, это мирное время было мирнымъ относительно. Такъ, чтобы отвлечь вниманіе русскихъ отъ работъ по укрѣпленію Ахульго, Шамиль напалъ на Ирганой и увелъ его жителей въ горы. Въ это же время онъ укрѣплялъ Чиркатъ на Аргуни, какъ промежуточный пунктъ между Салатавіей и Ахульго. Кромѣ того, для большей безопасности онъ разрушилъ спускъ съ горы Саукъ-Булахъ. Въ это же время въ Чечнѣ Ташавъ-Хаджи тоже производилъ укрѣпленія и организовалъ отрядъ.

Не смотря на кажущееся смиреніе и хитрое поведеніе, русскіе ясно видѣли направленіе дѣятельности имама. Ясно было и его усиленіе. Поэтому исключительно противъ его мѣропріятій въ Чечнѣ былъ организованъ особый чеченскій отрядъ подъ командою ген. Граббе. Этотъ отрядъ быстрымъ натискомъ совершенно уничтожилъ скопища Ташавъ-Хаджи и заставилъ его бѣжать. Всѣ укрѣпленія Ташавъ-Хаджи были снесены.

Тогда русскіе рѣшили покончить съ Ахульго. Шамиль двинулся на Аризисъ и ожидалъ русскихъ съ 16 тысячами мюридовъ. 1 іюня произошелъ жестокій бой. Въ немъ пало 2 тысячи мюридовъ и 611 русскихъ. Шамиль бѣжалъ и заперся въ Ахульго. Граббе окружилъ Ахульго и десять мѣсяцевъ держалъ его въ осадѣ. Наступилъ штурмъ. Видя неизбѣжное, Шамиль началъ переговоры съ Граббе. Граббе требовалъ безусловной сдачи. Пока велись переговоры, раненый Шамиль успѣлъ бѣжать. Ахульго было взято, но отъ этого толку было мало. Шамиль былъ свободенъ. Императоръ Николай I былъ правъ, выразивъ слѣдующее:

«Жаль, что Шамиль ушелъ и, признаюсь, опасаюсь новыхъ его козней, хотя неоспоримо, что онъ лишился большей части своихъ способовъ и своего вліянія. Посмотримъ, что далѣе будетъ»...

Раненый Шамиль бѣжалъ въ Чечню. Разбитые лезгины пали духомъ и пріуныли. Цѣлыя общества стали сдаваться, подчинялись, давали присягу и выдавали заложниковъ. Шамиль тоже притихъ. Онъ дѣйствовалъ теперь на Аргуни. Притихъ—не значило «бездѣйствовалъ и смирился». Онъ работалъ. Но созидалъ втихомолку. Потерялъ Шамиль много и въ глазахъ своихъ сотрудниковъ. Такъ, Ташавъ-хаджи осмѣлился даже провозгласить себя имамомъ. Даже русскіе дались обману. И они подумали, что Шамиль пережилъ свою славу. Графъ Граббе смотрѣлъ на Шамиля, какъ на звѣзду закатившуюся и оставилъ его безъ вниманія.

Очевидно, никто не понялъ еще Шамиля и не оцѣнилъ его по достоинству. Это былъ человѣкъ, стоящій головою выше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Это былъ человѣкъ великаго ума и несокрушимой энергіи. Не ему сдаваться еще. Не ему прекращать дѣло. Шамиль только начиналъ его. Онъ зналъ, куда онъ идетъ и шелъ неуклонно и неизмѣнно, выбирая пути и средства, соотвѣтственно обстоятельствамъ. При его умѣ и безконечной энергіи, онъ и неблагопріятныя для дѣла обстоятельства умѣлъ обращать въ свою пользу. Онъ ясно видѣлъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и какъ вести его.

Въ тиши Шамиль сплеталъ новыя сѣти и ковалъ удачно свою судьбу. Немного нужно было времени, чтобы онъ вновь окрылился и поднялся. Успѣху Шамиля много помогли сами русскіе.

Дѣло въ томъ, что горцы много страдали отъ русскихъ администраторовъ. На эти мѣста обычно поступали люди далеко не первой порядочности. Они злоупотребляли своею властью, были недобросовѣстны и подъ всѣми предлогами старались удовлетворить свою алчность. Особенно это

рѣзко сказалось въ Чечнѣ. Подъ предлогомъ распоряженія начальства — обезоружить населеніе, они отбирали лучшее оружіе и цѣнныя вещи, арестовывали по наговорамъ лучшихъ людей, обращались безчеловѣчно съ заложниками. Къ этому зложелатели удачно пустили слухъ въ народѣ, что русскіе хотятъ обратить чеченцевъ въ крестьянъ, будутъ брать въ солдаты и обращать въ христіанскую вѣру. Народъ волновался. Искали выхода и находили успокоеніе въ Шамилѣ. Шамиль охотно сталъ во главѣ этого движенія, на условіяхъ полнаго ему подчиненія и послушанія. Шамиль явился въ Чечню, и возстаніе разгорѣлось во всей Чечнѣ. И если дѣла Шамиля въ Дагестанѣ стояли невысоко, то въ Чечнѣ онъ царилъ полновластно. Теперь Шамиль объявилъ партизанскую войну. Множество мелкихъ отрядовъ день и ночь тревожили русскихъ: внезапно появляясь, они внезапно и исчезали, не оставляя слѣда. Чеченцы были неуловимы.

Три такомъ положеніи дѣла главнокомандующій Головинъ допустилъ непоправимую ошибку. Онъ вздумалъ вести переговоры съ Шамилемъ. Этимъ пріемомъ Шамиль только возвысился въ Дагестанѣ, а результатъ былъ нулевой.

Возстаніе въ Чечнѣ продолжалось. Вся малая Чечня была охвачена пожаромъ. Она опустѣла. Всѣ были въ горахъ. Всѣ были вооружены. Только тогда русскіе двинулись въ Чечню. Произошли жестокіе бои. Разумѣется, чеченцы проиграли. Но эти бои еще больше подняли славу Шамиля. Дагестанъ вновь сталъ подыматься и покоряться своему имаму. Шамиль двинулся изъ Чечни въ Дагестанъ. Онъ привлекъ къ себѣ гумбетопцевъ, андійцевъ, солотавовцевъ и др.

Шамилю нужна была Аварія, нуженъ былъ весь Дагестанъ. Онъ долженъ былъ вновь его покорить и властвовать въ немъ единолично. Въ своихъ пріемахъ онъ не стѣснялся. Онъ разорялъ тѣ аулы, которые пытались противиться его власти, уводилъ съ собою въ горы женъ и дѣтей и заставлялъ чеченцевъ выдавать своихъ дочерей замужъ за лезгина и обратно, чтобы породнить и связать эти племена между собою.

Дѣлу Шамиля много помогла измѣна Хаджи-Мурата, пользовавшагося особымъ довѣріемъ, расположеніемъ и вліяніемъ въ Аваріи, и Кибитъ-Магомы, тилитльскаго кадія, фанатика, безумно храбраго и природнаго самоучки инженера, весьма уважаемаго всѣми горцами. Эти люди, измѣнивъ русскимъ, много способствовали Шамилю овладѣть Аваріей и Дагестаномъ.

Силы мюридовъ увеличиваются. Они предпринимаютъ набѣгъ на Грузію. Предпринимаютъ и другіе набѣги, но они были отражены Познанскимъ и Аргутинскимъ-Долгоруковымъ. За то экспедиція Граббе въ Ичкерскія лѣса была для насъ весьма неудачна. Неудачи постигли Шамиля и въ Чечнѣ, гдѣ Хаджи-Ташову нанесено было пораженіе Стенбокомъ.

Шамиль, однако, не прекращаетъ сношеній и съ русскою властью, по азіатскому обычаю говоря ей фальшъ и неправду. Вотъ его письмо.

«Я извѣщаю Васъ, что, пока я живъ, не премину усердствовать вамъ, и при помощи Божіей отъ меня не произойдетъ измѣны, хотя доносчики

и стараются оклеветать меня передъ вами, но происшествіе о похищеніи жителей Инхо, между коими участвовали 2 — 3 человѣка изъ Ашильты, случилось скрытно отъ меня, ибо я тогда находился въ Гимрахъ и невиноватъ, какъ вы думаете. Будучи человѣкомъ, не могу я предузнавать скрытое и нельзя ни у кого требовать ничего свыше возможности. Я же требую у нихъ настоятельно увлеченнаго дизертира, но виновники сего не изъ покорныхъ намъ, а суть изъ жителей деревни Беклала, т. е. Гумбета, не повинующихся ни вамъ, ни мнѣ; они не изъ преданныхъ мнѣ мюридовъ и у нихъ находится дизертиръ. Жители аксалынскіе и имъ послушные Улубъ и другіе не перестаютъ дѣлать мнѣ вредъ, но я, по милости Божіей, могу отвѣчать взаимно, вы только оставьте насъ драться между собою и тогда откроется, кто изъ насъ храбрѣе и трусъ и кто останется побѣдителемъ».

Русскія власти, однако, отлично понимаютъ Шамиля и знаютъ всѣ подробности его похожденій. Вотъ что пишетъ баронъ Розенъ.

«Послѣ отношенія моего къ в. пр. отъ 23 сего іюля за № 835 о происходящемъ въ Дагестанѣ, получены мною слѣдующія извѣстія.

Дагестанскій возмутитель Шамиль, обезпечивъ повиновеніе къ себѣ принявшихъ ученіе его дагестанскихъ обществъ, взятыми отъ нихъ аманатами, распустилъ свою шайку и съ небольшимъ числомъ приверженцевъ отправился въ дер. Ашильту—постоянное свое мѣстопребываніе; но узнавши, что прапорщикъ Гаджи-Яхья, посланный Нуцалъ-ханомъ для управленія Аваріею, съ значительнымъ числомъ аварцевъ и казикумыкцевъ подступилъ къ находящемуся на границахъ Аваріи койсубулинскому селенію Мушулу, принявшему ученіе его, съ требованіемъ отъ жителей сего селенія отказаться отъ его ученія, Шамиль съ оставшимися при немъ приверженцами отправился въ Мушулу, приказавъ жителямъ преданныхъ ему деревень поспѣшать туда же; о послѣдствіяхъ сего я еще не имѣю донесеній.

Между тѣмъ дошло до моего свѣдѣнія, что хитрый возмутитель сей, умножая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе приверженцевъ своихъ, вездѣ распускаетъ слухи, что онъ не только не намѣренъ предпринимать никакихъ враждебныхъ покушеній противъ русскаго правительства и покорныхъ ему народовъ, но что онъ и самъ признаетъ себя покорнымъ нашему правительству и дѣйствуетъ только для возстановленія чистоты магометанскаго закона между непокорными намъ дагестанцами; въ доказательство сего приводитъ то, что не касается до дагестанцевъ, обитающихъ на правомъ берегу р. Койсу, и не принялъ въ свое скопище пятерыхъ человѣкъ ирганойцевъ, явившихся къ нему для участвованія въ его дѣйствіяхъ. Сверхъ того чрезъ нѣкоторыхъ по наружности преданныхъ намъ горцевъ доводитъ до свѣдѣнія мѣстнаго начальства въ Дагестанѣ, что онъ со временемъ намѣренъ предаться русскому правительству съ Койсубулинскимъ обществомъ съ тѣмъ, чтобы ему назначено было особое содержаніе, но, несмотря на таковые распускаемые имъ слухи, поступки и дѣйствія Ша-

миля рѣшительно противорѣчатъ онымъ: онъ дѣйствуетъ совокупно съ чеченскими мятежниками, которые стараются взволновать противъ насъ даже и мирныхъ своихъ единоплеменниковъ, неоднократно покушался овладѣть аварцами, видя, что они при содѣйствіи полковника Нуцалъ-хана рѣшительно противоборствуютъ ему, началъ склонять ихъ къ избранію себѣ правителемъ Али-Бека, ближайшаго родственника мятежника Гамзатъ-Бека, коего дѣдъ имѣлъ родственную связь съ извѣстнымъ Ула-ханомъ, бывшимъ до конца жизни своей намъ враждебнымъ.

Дѣятельное участіе Шамиля во всѣхъ предшествующихъ возмущеніяхъ въ Дагестанѣ и постоянное стремленіе его къ введенію зловреднаго ученія, а равно и всѣ нынѣшнія дѣйствія сего хитраго возмутителя, показываютъ, что онъ, употребляя невозможныя средства, чтобы усилиться въ Дагестанѣ и Чечнѣ, старается при томъ черезъ приверженцевъ своихъ возмутить салатавцевъ и поколебать даже кумыковъ, но что, убѣдясь примѣрами прежнихъ возмутителей въ неизбѣжномъ пораженіи при встрѣчѣ съ нашими войсками, онъ оставляетъ насъ въ покоѣ на правомъ берегу Койсу, надѣясь тѣмъ усыпить вниманіе наше и сколь возможно болѣе отдалить наступательныя наши противъ него дѣйствія, а между тѣмъ осмѣливается удостовѣрять дагестанскія общества, не токмо словесно, но и въ воззваніяхъ къ нимъ, что всѣ его предпріятія одабриваются мѣстнымъ начальствомъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и что онъ дѣйствуетъ по согласію съ онымъ».

Въ виду все болѣе и болѣе возраставшаго вліянія и могущества Шамиля, рѣшено было принять энергичныя мѣры какъ противъ Шамиля, такъ и противъ Ташова и Кибитъ-Магомы.

Между тѣмъ въ скоромъ времени ожидался пріѣздъ на Кавказъ Императора Николая. Поэтому главнокомандующій баронъ Розенъ рѣшилъ повести иную политику. Вотъ что онъ пишетъ ген. Фези:

«Въ послѣднее время главнѣйшія безпокойства въ Дагестанѣ возбуждены Шамилемъ. Покорность его нельзя считать личнымъ его поступкомъ, но болѣе знàкомъ усмиренія разныхъ лезгинскихъ племенъ, наиболѣ враждовавшихъ противъ насъ. Начавъ же нынѣ новыя дѣйствія противъ горцевъ, можно вооружить вновь не только Шамиля, но и многія лезгинскія племена, которыя теперь временно находятся въ спокойствіи»...

Хотя Шамиль проявилъ покорность, но уже 30 августа ген. Фези сообщаетъ, что дѣла Шамиля расходятся съ его словами, и онъ не вѣритъ его покорности.

Въ виду предстоявшаго посѣщенія Кавказа Императоромъ Николаемъ, было высказано пожеланіе, чтобы въ Тифлисѣ былъ представленъ Императору Шамиль и его сподвижники. По этому поводу генералъ Клюгенау имѣлъ свиданіе съ Шамилемъ. При этомъ Шамиль выразилъ полную готовность предстать передъ Государемъ, если ему не будутъ въ томъ противиться его сподвижники. Однако, Хаджи-Ташовъ, Кибитъ-Магома, Абду-

рахманъ и др. не только не согласились предстать предъ Государемъ, но даже угрожали убить Шамиля, если онъ рѣшится на это. Поэтому и Шамиль отказался отъ представленія.

Большихъ столкновеній съ русскими у Шамиля въ это время не было, за исключеніемъ стычки съ ген. Клюгенау 14 сентября 1840 г. въ «Гимрин-

Шамиль.

скихъ вертепахъ» и 10 іюня подъ Ишкартами, гдѣ Шамиль потерпѣлъ въ открытомъ бою сильное пораженіе.

Вообще чеченцы и лезгины вели удачно бой изъ засады; открытый бой они не въ состояніи были выдерживать противъ русскихъ.

Не смотря на потери, Шамиль продолжалъ дѣйствовать энергично и при томъ весьма разумно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался ввести извѣстный порядокъ въ подвластныхъ ему племенахъ. Чечню онъ раздѣлилъ на восемь наибствъ, во главѣ которыхъ стояли наибы — управители округа.

Наибства были раздѣлены на тысячи, сотни и десятки. Эти мелкіе отряды должны были слѣдить за движеніями русскихъ и всячески имъ мѣшать. Всѣ мужчины отъ 16 до 60 лѣтъ должны быть всегда готовы къ бою. Это болѣе, чѣмъ современная воинская повинность. Для надзора за исполненіемъ его велѣній назначены были особыя лица—*муртозеки*. На эти должности назначались обыкновенно люди бѣдные и простые, что ихъ привязывало къ Шамилю и дѣлало безгранично послушными. Жители обложены были большими налогами.

Обыкновенно всѣ походы на Кавказѣ русскими предпринимались весною. Зимою, по мѣрѣ возможности, солдатики отдыхали, чинились и набирались силъ. На весну—въ походъ. Уже въ 1840 г. рѣшено было проложить дорогу съ Кавказской линіи къ Сѣверному Дагестану. Главнымъ пунктомъ былъ намѣченъ Черкей. Шамиль это предвидѣлъ и принялъ свои мѣры. Черкей былъ однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Салатовіи и здѣсь Шамилю легко было сосредоточить свои отряды и дать хорошій отпоръ. Переправа черезъ Сулакъ была уничтожена лезгинами, и русскимъ пришлось наступать черезъ Кумыкскую плоскость. На пути русскихъ лежали Хубарскія возвышенности. На нихъ-то и опиралась главная защита Шамиля, Это была узкая тѣснина, весьма крѣпко и обстоятельно защищенная завалами и рвами партіей Шамиля; а сквозь эти завалы сверкали тысячи винтовокъ лезгинъ.

— Пусть спятъ спокойно салатовцы,—заявилъ Шамиль,—русскіе никогда не перейдутъ Хубара. Взять его нельзя, а перелетѣть—у нихъ нѣтъ крыльевъ.

Эти укрѣпленія шли снизу вверхъ и ихъ-то пришлось брать русскимъ. Главная задача для русскихъ — пробраться къ верхнимъ завалам и оттуда заставить лезгинъ бѣжать. Задача труднѣйшая и, казалось, невыполнимая. Но—не для русскихъ. Во главѣ русскаго отряда стояли герои Лабинцевъ и Клюгенау. Русскій отрядъ раздѣлился на двѣ части: правою командовалъ Клюгенау, лѣвою—Лабинцевъ. Съ неимовѣрной быстротой, натискомъ и энергіей бросились русскіе на завалы. Завалы за завалами падали, и лезгины бѣжали вверхъ. Особенно трудно было Лабинцеву. Онъ дѣйствовалъ противъ Ахверды-Магомы. Тамъ же былъ и Шамиль. Но русская безпредѣльная храбрость и отвага взяли свое. Лезгины бѣжали. Бѣжалъ и Шамиль. Хубара была въ рукахъ русскихъ. Черкей сдался безъ боя 14 мая 1841 г.

Всѣ эти пораженія не подорвали положенія Шамиля. Напротивъ, его имя становилось грознѣе. Къ нему шли большія и большія толпы народа. На его сторону перешли Хаджи-Муратъ, Даніэль-бекъ и др., а за этими лицами слѣдовали цѣлыя области.

Еще не вполнѣ обозначилась весна 1842 г., какъ Шамиль бросился на Гергебиль и овладѣлъ имъ. Такимъ пріемомъ Шамиль прерывалъ наши сношенія съ Аваріей. Дагестанъ весь закипѣлъ.

Теперь и со стороны русскихъ приняты были серьезныя мѣры. Генералъ Фези вновь овладѣлъ Гергебилемъ. Смирилъ онъ также Койсубулинское общество, Андалаль и захватилъ Чохъ. Шамиль отступилъ къ Гунибу и ожидалъ возвращенія Фези, чтобы напасть на него на обратномъ пути. Это намѣреніе Шамиля Фези предвидѣлъ и возвратился не прежнимъ путемъ, а черезъ Аварію.

Сила Шамиля росла. Шамиль рѣшилъ наказать русскихъ и уничтожить русскія укрѣпленія, находящіяся въ Дагестанѣ. Прежде всего онъ бросился на Унцукульское укрѣпленіе. На помощь укрѣпленію выступилъ полковникъ Висницкій съ отрядомъ. Отрядъ его былъ окруженъ лезгинами и поголовно истребленъ, при чемъ Шамиль взялъ 2 пушки. Шамиль осадилъ Унцукуль. Четыре дня отчаянно защищалось укрѣпленіе и все-таки было взято. Самъ Аллахъ ему помогаетъ въ его великомъ дѣлѣ. Вскорѣ вся Аварія была во власти Шамиля. Оставалось взять Хунзахъ и Шамиль рѣшилъ овладѣть Хунзахомъ. Однако, настойчивые бои у Хунзаха, при Зырянахъ, у Черкея и походъ на Темиръ-Ханъ-Шуру не были для Шамиля вполнѣ удачными.

Имѣя въ виду неоднократныя пораженія русскими лезгинъ и чеченцевъ въ такихъ мѣстахъ, кои Шамиль считалъ недоступными и неприступными, Шамиль рѣшилъ укрѣпиться въ Гунибѣ. Гунибъ, какъ и Андалаль, были важны для Шамиля потому, что жители этихъ мѣстъ готовили порохъ и тѣмъ отбывали воинскую повинность. Укрѣпляя Гунибъ, Шамиль пребывалъ преимущественно въ Дарго. Это была его резиденція. Отсюда онъ повелѣвалъ не только Чечнею, но и Осетіей и Черкесіей.

Въ маѣ 1842 г. русскими рѣшено было разорить Дарго и изгнать Шамиля изъ этого гнѣзда. Исходнымъ пунктомъ похода былъ Герзель-аулъ. До Дарго было всего сорокъ верстъ. Но это малое разстояніе дорого обошлось русскимъ. Въ походъ двинулись 30 мая. Въ этотъ день все шло гладко. 31 мая вошли въ Ичкерскій лѣсъ. Ичкерскій лѣсъ — могила многихъ, многихъ славныхъ сыновъ Россіи. Какъ только войска вошли въ лѣсъ и зеленая чаща его отъ взоровъ скрыла боковыя цѣпи, кругомъ загремѣла перестрѣлка, говоритъ ген. Потто [1]). За вѣковыми деревьями чеченцевъ не видно было, но пули свистали градомъ со всѣхъ сторонъ и даже сверху, съ развѣсистыхъ вершинъ чинаръ и дубовъ. Но этого мало. Какъ только ослабѣвала цѣпь нашего войска, такъ чеченцы бросались въ рукопашную. При появленіи штыковъ чеченцы исчезали. Такъ длился весь день, и только темная ночь избавила русскихъ отъ нападенія дикихъ хищниковъ. Но и ночью развѣ покой... Всякій шорохъ заставляетъ ожидать подкрадывающагося чеченца. Объ отдыхѣ не могло быть и мысли. Такъ прошло три дня и три ночи. А пройдено было всего 21 верста. Командующій отрядомъ графъ Граббе рѣшилъ вернуться. Вернулись... Но возвратъ

[1]) *В. А. Потто.* Генералъ-адъютантъ Лазаревъ, 1900.

былъ не лучшій. Отъ несчастнаго Ширванскаго полка остались ничтожные остатки. Экспедиція неудалась. Шамиль вполнѣ могъ торжествовать.

Не смотря, однако, на полный успѣхъ и въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ, Шамиль ясно видѣлъ, что въ открытомъ бою съ русскими ему не устоять. Поэтому онъ установилъ новую систему борьбы: онъ стремился завлекать небольшіе русскіе отряды въ малодоступныя мѣста и тамъ истреблялъ ихъ по частямъ.

Съ другой стороны и русскіе поняли, что принятая ими система борьбы съ Шамилемъ не оправдывается на дѣлѣ и нужно придумать что-либо новое. Рѣшили возвратиться къ той системѣ, которую такъ успѣшно примѣнялъ Ермоловъ—проложеніе дорогъ, образованіе просѣкъ и медленное рѣшительное занятіе и заселеніе русскими плоскостей и низменностей Чечни и Дагестана.

Но не такъ думалъ Петербургъ. Петербургу не нравилась эта затяжная война. Пора покончить съ нею. Пора принять крутыя мѣры — разрушить осиныя гнѣзда и захватить Шамиля. Въ петербургскихъ кабинетахъ такъ легко это дѣлается.

Интереснѣе всего то, что когда главнокомандующій на Кавказѣ дѣйствовалъ рѣшительно и сурово, то Петербургъ кричалъ: «зачѣмъ насиліе,— ласкайте ихъ»... А когда кавказскіе управители рѣшили предпринять рѣшительныя культурныя мѣры, то Петербургъ закричалъ: «распни, распни его»!..

Вотъ и теперь послѣдовалъ Высочайшій приказъ разорить Дарго и овладѣть Дагестаномъ, при чемъ изъ Петербурга же даны подробныя указанія куда идти и что послѣ дѣлать. Разъ приказано, нужно исполнить. Во главѣ экспедиціи сталъ самъ намѣстникъ Воронцовъ. Экспедиція выступила 1 мая 1845 г. Первое грозное сопротивленіе Шамиль оказалъ на вершинѣ Анчимееровскаго хребта. Но натискъ ген. Пассека и грузинскій отрядъ разбили полчища лезгинъ.

Между тѣмъ наступила непогода, грязь, холодъ, недостатокъ корма для лошадей. У перевала Кырка «окрестныя высоты каменистаго грунта, хотя и скудныя растительностью травъ, но составляя единственный способъ для подножнаго корма лошадей отряда, всѣ покрыты снѣгомъ, а выгнанные туда табуны, скоро вытоптавъ малорослую и рѣдкую траву, обратили всю окружную мѣстность въ грязное поле и тѣмъ лишили себя послѣдняго корма. Въ лагерѣ лошади стояли по сгибъ ноги въ грязи и судорожно дрожали отъ холода и голода. Мы вынуждены были кормить нашихъ лошадей сухарями, удѣляя таковыя изъ дачи своей, едва достаточной для собственнаго утоленія голода. Съ палатокъ нужно было нѣсколько разъ сметать снѣгъ, который тяжестью своею гнулъ ихъ къ землѣ» (Б. М. Колюбакинъ [1]). Солдаты грѣлись собственнымъ тѣломъ, собираясь въ кучи. Но русскій солдатъ, особенно кавказскій, снесетъ все. Всѣ шли впередъ и

[1]) *Б. М. Колюбакинъ.* Кавказская экспедиція. 1845.

впередъ. Остались Ичкерскіе лѣса,—а тамъ и Дарго. Ичкерскіе лѣса—это ужасная крѣпость. Непріятель изъ за каждаго дерева несетъ смерть, оставаясь самъ не только неуязвимымъ, но невидимымъ. На пути предстояло болѣе 30 заваловъ, а непрерывные дожди превратили дорогу въ грязное болото. Но все это вынесли наши богатыри, и 6 іюля Дарго было въ нашихъ рукахъ.

Тяжело было Шамилю отдавать свою столицу и, при приближеніи русскихъ, онъ собственноручно поджегъ свой домъ. Шамиль отступалъ. Онъ занялъ Белгатой. Тамъ были его хутора. Белгатой высился надъ Дарго, и засѣвшіе тамъ лезгины разстрѣливали русскихъ. Ген. Лабынцевъ прогналъ лезгинъ изъ Белгатоя, но съ его удаленіемъ оттуда лезгины вернулись и продолжали русскихъ безпокоить.

Мало того. Отступленіе русскихъ изъ Белгатоя принято было лезгинами за слабость и придало имъ храбрости,—для русскихъ же стало еще хуже.

Погода продолжала быть скверной. Пропитаніе и снаряды доставлялись неисправно. Войска голодали и мерзли. Провіантъ доставлялся черезъ Ичкерскіе лѣса, теперь переполненные лезгинами, жадными на добычу. Приходилось посылать большіе отряды для охраны даже малыхъ поставокъ. Каждый разъ это сопровождалось большою потерею людей и провіанта. Положеніе русскаго отряда становилось тяжелымъ и безотраднымъ.

Главнокомандующій Воронцовъ ждалъ прихода огромнаго обоза. Онъ зналъ, что лезгины не пропустятъ его черезъ Ичкерскіе лѣса безъ жестокаго нападенія. Идти ему навстрѣчу—значило рисковать арміей. Оставить безъ защиты—значило отдать обозъ непріятелю. Воронцовъ рѣшилъ послать для охраны обоза большой отрядъ подъ командою ген. Клюгенау. Въ отрядѣ были кромѣ того извѣстные боевые генералы Пассекъ и Викторовъ. При отрядѣ была кавалерія и артиллерія. Но, къ сожалѣнію, и та и другая были не защитою, а помѣхою. Примѣръ похода Граббе въ этихъ мѣстахъ не послужилъ урокомъ.

Съ великими потерями отрядъ пробился сквозь лѣсъ и встрѣтилъ обозъ. Много жертвъ пало въ темномъ бою. Особенно чувствительною потерею была смерть ген. Викторова. Но этого мало. Встрѣтивъ обозъ, отряду пришлось возвращаться тѣмъ же путемъ. За это время лезгины успѣли устроить новые завалы и засѣки. А въ одномъ мѣстѣ завалъ состоялъ изъ тѣлъ нашихъ солдатъ, павшихъ въ бою на этомъ пути. Тяжелое было возвращеніе. Потери еще большія. Но самою большою потерею была смерть ген. Пассека. Клюгенау возвратился съ жалкими остатками отряда и съ очень малымъ количествомъ провіанта. Положеніе Воронцова было крайне затруднительно. Оставаться въ Дарго безъ провіанта и снарядовъ—гибель. Возвращаться Ичкерскими лѣсами—не меньшая.

Выбрали новый путь — на Белгатой. Возвращеніе было печальное. Только приходъ отряда ген. Фрейтага выручилъ Воронцова изъ его опасной засады. Эта экспедиція извѣстна подъ именемъ *сухарной экспедиціи*.

Въ первой половинѣ 1846 г. Шамиль предпринимаетъ набѣгъ на Кабарду, опустошаетъ Казикумухъ и нападаетъ на Внезапную. Всѣ эти выпады не сдѣлали большого вреда русскимъ, зато были важны для лезгинъ и чеченцевъ, служа примѣромъ неустанной борьбы съ гяурами. Въ теченіе послѣдняго времени Шамиль вновь овладѣлъ Гергебилемъ и, не смотря на чрезвычайныя естественныя укрѣпленія, постарался укрѣпить его и искусственно.

Теперь увидѣли и русскіе, что Гергебиль дѣйствительно твердыня и таковою можетъ быть какъ для лезгинъ, такъ и для русскихъ. Поэтому рѣшено было овладѣть Гергебилемъ. Предпріятіе, однако, окончилось неудачно. «Русскія войска, врываясь въ крѣпость, встрѣтили цѣлый рядъ такихъ засадъ и капкановъ, о которыхъ у насъ не имѣли никакого представленія: то натыкались они на огонь подземныхъ казематовъ, то попадали они въ волчьи ямы такой глубины, что исчезали въ нихъ безслѣдно, то, вскакивая на сакли, проваливались сквозь ихъ фальшивыя крыши внизъ, прямо на кинжалы мюридовъ. Два раза бросались войска на приступъ и два раза, испытывая одну и ту же неудачу, отступали, устилая путь своими тѣлами» (В. А. Потто). Волей неволей пришлось отступить. Видимо, Шамиль совершенствовался въ устройствѣ защиты и весьма удачно примѣнялъ свой прирожденный геній и дарованія своихъ наибовъ, особенно Кибитъ-Магомы. Для взятія Гергебиля нужна была тяжелая артиллерія, а ея пока не было.

Иной результатъ получился въ 1847 г. Въ августѣ этого года рѣшено было взять Салты. Тамъ были Шамиль, Хаджи-Муратъ, Кибитъ-Магома, Даніэль-бекъ и др. На этотъ разъ у русскихъ была осадная артиллерія. Бой былъ жестокій. Дорого онъ стоилъ русскимъ, но Салты были взяты. Много было убито мюридовъ, и Шамиль съ наибами бѣжалъ.

Наступила осень. Пошли ливни, вьюга, снѣжные заносы. А Шамиль не унимался. Онъ бросился на Задухаръ, потомъ на Казикумухъ и старался поднять весь Дагестанъ. Въ эту пору русскіе обычно отдыхали. Теперь, однако, было не до отдыха. Пришлось гоняться за Шамилемъ. И нелегко давалась эта гонка. А гоняться было нужно. Иначе весь Дагестанъ вспыхнулъ бы. Только эта охота разрушила смѣлый планъ Шамиля и удержала Дагестанъ въ покоѣ. Лишь поздняя зима дала русскимъ отдыхъ.

Въ это время начались волненія въ Джаро-Белоканахъ. Лезгины послали просить Шамиля заступиться за нихъ. Шамиль обрадовался случаю и послалъ туда, со скопищами дагестанцевъ, Даніэль-бека. Даніэль-бекъ прибылъ въ свою прежнюю столицу Прабъ и прежде всего расправился со своими недоброжелателями. Но недолго пришлось тамъ торжествовать Даніэль-беку. Скоро нагрянулъ ген. Шварцъ и совершенно уничтожилъ скопища Даніэль-бека. Джаро-Белоканцы смирились, а Даніэль-бекъ бѣжалъ не безъ позора.

Дѣла Шамиля начали колебаться. Медленное, но устойчивое занятіе Чечни, рядъ разгромовъ горскихъ полчищъ, гибель многихъ храбрѣйшихъ

мюридовъ не могли не отозваться на положеніи Шамиля и его окружающихъ. Теперь русскіе рѣшили отмстить за Гергебиль. Взяты были Аймяки, гдѣ русскими устроено было укрѣпленіе и посаженъ русскій отрядъ.

Теперь въ свою очередь Шамиль рѣшилъ отплатить за свои неудачи и въ октябрѣ 1848 г. осадилъ укрѣпленіе Ахты. Въ Ахтѣ было около 500 солдатъ съ полковникомъ Ротомъ. Лезгинъ было болѣе 15 тысячъ, при чемъ во главѣ былъ Шамиль и его главные наибы. Приступы были непрерывные. Уже въ первый день Ротъ былъ раненъ и передалъ команду Новоселову. Рѣшено было всѣмъ умереть, но не сдаваться. Солдаты работали день и ночь. Многіе положили свою жизнь. Почти всѣ переранены. Медицинской помощи не было. Теплая пища—въ далекомъ воспоминаніи. Сухари—лакомство. Утомленіе валило солдатъ. Женщины работали рядомъ съ солдатами. А помощи нѣтъ, какъ нѣтъ. Рѣшено было въ послѣдній моментъ взорвать себя. Спиртъ былъ вылитъ вонъ, чтобы предстать передъ Великимъ Судіею въ благообразномъ видѣ. Женщины и дѣти также рѣшили взлетѣть вмѣстѣ со всѣми.

Вдругъ на окружныхъ горахъ показались русскіе штыки. То шелъ на выручку отрядъ Аргутинскаго. Отъ всего сердца раздалось «ура» осажденныхъ и не менѣе радостное «ура» у выручающихъ. Шамиль отступилъ. Лезгины горевали. Всѣ скопища ихъ бросились въ разсыпную. Но радость русскихъ была непродолжительна. Между осажденными и Аргутинскимъ лежалъ Самуръ. Моста не было. Перейти его нельзя. Аргутинскій пошелъ въ далекій обходъ. Лезгинскія скопища вновь бросились на укрѣпленіе. Ихъ радости не было конца.

— Э, яманъ урусъ! Ушелъ якши... Не придетъ теперь,—раздавались голоса горцевъ.

Начался новый приступъ. Осажденные бросали ручныя гранаты и брандкугели, зажигали фашинникъ въ траншеѣ, жгли горящую смолу и сало. Но горцы, не смотря на все, лѣзли и лѣзли. Солдаты стрѣляли въ упоръ, но горцы лѣзли съ закрытымя глазами. На одной изъ батарей раздался взрывъ. Непріятель взлетѣлъ на воздухъ. А остальные все шли и шли. Ни криковъ, ни возгласовъ не было. Слышался лишь стукъ и лязгъ оружія и стоны умирающихъ. У пороховыхъ погребовъ люди стояли съ фитилями. Ко всему остальному у осажденныхъ отведена была лезгинами вода.

Начался послѣдній приступъ. Близился конецъ Ахтѣ и его славнымъ защитникамъ. Но въ это время явился Аргутинскій. Осажденные были спасены. Съ великой досадой Шамиль долженъ былъ отступить. Шамиль поссорился съ Даніэль-бекомъ.

Спустя нѣкоторое время, Шамиль рѣшилъ сдѣлать набѣгъ на Кахетію, поручивъ Хаджи-Мурату поднять Джаро-Белоканскихъ лезгинъ. Но этотъ набѣгъ окончился неудачно. Шамиль терпѣлъ пораженія и въ Чечнѣ, и въ Дагестанѣ, и у Джаро-Белоканъ.

Тѣмъ не менѣе Шамиль не падалъ духомъ и рѣшилъ попытать счастья въ Чечнѣ. Онъ привелъ съ собою дагестанцевъ, набралъ значительное количество чеченцевъ и рѣшилъ показать русскимъ свою силу; но рѣшительныя дѣйствія Барятинскаго и скрытые и неожиданные походы ген. Бакланова вырвали успѣхъ у Шамиля и заставили его удалиться въ Дагестанъ.

Теперь Воронцовъ рѣшилъ дѣйствовать на Чечню золотомъ. Щедрость Воронцова быстро оказала вліяніе на жителей, и Шамиль скоро замѣтилъ, что въ Чечнѣ творится что-то неладное. Шамилю нужно было предпринять что-нибудь такое, что унизило бы русскихъ и подняло его въ глазахъ горцевъ. Съ этою цѣлью, собравъ болѣе 10 тысячъ горцевъ, Шамиль предпринялъ походъ на Грозную. Однако, и здѣсь произошла неудача. Принятые въ два огня, горцы бросились въ рѣку, не разбирая брода, и, провожаемые выстрѣлами, гибли во множествѣ. Погромъ былъ полный. Шамиль былъ наказанъ и еще болѣе потерялъ.

Успѣхи русскихъ отразились на отношеніи чеченцевъ и лезгинъ къ Шамилю. Многіе немирные аулы, чувствуя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, открыто заявили желаніе переселиться въ наши предѣлы и только ждали для этого благопріятнаго случая. Кавказское начальство со своей стороны спѣшило воспользоваться такимъ настроеніемъ горцевъ и обратилось къ нимъ съ воззваніемъ, въ которомъ именемъ Монарха обѣщало переселенцамъ ненарушимость ихъ земельныхъ правъ, религіи и обычаевъ, а въ будущемъ даже давало надежду, что имъ отведены будутъ опять тѣ самыя мѣста, которыя они покидали.

Шамиль задумалъ произвести вторженіе на Алозань, Джаро-Белоканы и даже въ самую Кахетію. 10 августа 1853 г. Шамиль двинулся изъ Ведено. Съ нимъ было болѣе 15 тысячъ лезгинъ и чеченцевъ. На пути къ нему пристало не меньше охотниковъ. Во главѣ отряда стоялъ Кази-Магома, сынъ Шамиля, и бывшій Елисуйскій султанъ, Даніэль-бекъ. Послѣдній особенно здѣсь былъ у мѣста по своимъ прежнимъ связямъ съ Елисуемъ и Джаро-Белоканомъ.

Въ Джаро-Белоканахъ находился небольшой отрядъ кн. Орбельяни. Положеніе русскихъ было весьма тяжелое, тѣмъ болѣе, что мѣстные лезгины, видя небольшое число русскихъ почти всецѣло присоединились къ отряду Шамиля. Тѣмъ не менѣе Орбельяни бросился на нападающихъ и подъ Закаталами они были шибко разбиты. Вскорѣ на помощь Орбельяни прибылъ Аргутинскій. Теперь положеніе лезгинъ стало очень незавиднымъ. Шамиль занялъ неприступныя горы у укрѣпленія Месседельгеръ, имѣя въ виду взять это еще незаконченное укрѣпленіе.

Первый успѣхъ русскихъ не повліялъ, однако, на туземныхъ лезгинъ. Возстаніе приняло грозный видъ, и Шамиль располагалъ очень большимъ войскомъ. Ему особенно много помогалъ Даніэль-бекъ, о которомъ здѣсь у всѣхъ сохранилась добрая память. Онъ стоялъ у Белоканъ; у Чердиклы находился отрядъ Кази-Магомы. Тѣмъ не менѣе натискъ русскихъ совер-

шенно разбилъ лезгинскіе отряды, и они должны были бѣжать. Къ сожалѣнію, бѣжавшій Кази-Магома успѣлъ захватить въ плѣнъ княгинь Чавчавадзе и Орбельяни. Месседельгеръ, однако, былъ окруженъ лезгинами. Сюда спѣшилъ Аргутинскій-Долгоруковъ. Его хорошо зналъ Шамиль по Дагестану. Не смотря на множество завалъ и засѣкъ, Шамиль понималъ, что все это не спасетъ его отъ Аргутинскаго. Шамиль расчитывалъ на помощь дикой, грозной и неприступной мѣстности. Дѣйствительно, путь, по которому Аргутинскому пришлось переваливать изъ Дагестана, былъ въ высокой степени тяжелъ. Спускъ съ Гудуръ-Дага былъ сопряженъ съ величайшими затрудненіями. Узкая скалистая тропинка, пролегающая по гребню крутой возвышенности, то подымалась на остроконечные утесы, то опускалась въ обрывистые овраги. Отрядъ слѣдовалъ по одному, но не рѣдко встрѣчались такія мѣста, гдѣ для навьюченныхъ лошадей не было никакого прохода. Кавалерія поминутно спѣшивалась, а пѣхота поддерживала вьючныхъ лошадей артиллеріи и обоза, неоднократно развьючивала ихъ и на рукахъ переносила тяжести (С. Поремо́скій [1]).

Шамиль рѣшилъ уничтожить Месседельгеръ во что бы то ни стало. Тамъ сидѣлъ полк. Кримскій съ 200 нижнихъ чиновъ. Крѣпость была окружена отрядомъ дагестанцевъ, въ 25 разъ превосходившимъ русскихъ. 4 декабря дагестанцы двинулись на укрѣпленіе. На первомъ пути они захотѣли овладѣть башней. Башню защищали девять человѣкъ, подъ командою юнкера Умнова. Съ бѣшенымъ азартомъ лезгины лѣзли на приступъ, но защитники каждый разъ отражали наступающихъ. Такая неудача была для дагестанцевъ 4 и 5 декабря. Шестого рѣшено было взять крѣпость. 48 значковъ съ дикимъ гикомъ, воемъ и стрѣльбой бросились на крѣпость Русскіе молчали. Вскорѣ лезгины взбирались на стѣны. Но здѣсь ихъ постигла штыковая смерть. Много разъ бросались отчаянные лезгины на приступъ и каждый разъ встрѣчали на стѣнахъ укрѣпленія смерть. Волей неволей пришлось отступить. Тогда уже русскіе бросились на лезгинъ, и тѣ спаслись бѣгствомъ.

Приближеніе Аргутинскаго заставило Шамиля исчезнуть и пробираться въ Дагестанъ окольными путями. «Въ продолженіе двухъ недѣль злополучная судьба ни разу не порадовала Шамиля ни однимъ даже ничтожнымъ частнымъ успѣхомъ. Груды мертвыхъ тѣлъ, брошенныхъ, вопреки обычаямъ, на полѣ брани, порѣдѣвшіе ряды своихъ сподвижниковъ, безвозвратная потеря вліянія и проклятія мѣстнаго населенія — вотъ плоды задорнаго вторженія, какіе пожалъ Шамиль на лезгинской линіи. Дѣйствія лезгинскаго отряда (Орбельяни), удерживавшаго въ теченіе двухъ недѣль многочисленнаго непріятеля, переходъ дагестанскаго отряда кн. Аргутинскаго черезъ снѣговой хребетъ зимою, такъ живо напоминающій переходы черезъ Альпы Суворова, — наконецъ, оборона двумя ротами Месседельгер-

[1]) *С. Поремо́скій.* Вторженіе Шамиля въ Джаро-Белоканскій округъ въ 1853 г.

скаго укрѣпленія противъ непріятеля, въ 25 разъ превышавшаго гарнизонъ своей численностью—это такіе факты, которые исторія Кавказской войны внесетъ золотыми буквами на свои страницы». (С. Поремб скій).

На Восточномъ Кавказѣ дѣла наши шли на улучшеніе, благодаря успѣхамъ Бакланова и Барятинскаго. Мичикъ смирился и, дѣйствительно, тамъ жить и работать можно было какъ мирнымъ чеченцамъ, такъ и русскимъ. Точно также пораженія Шамиля у Месседельгерскаго укрѣпленія, сел. Исичъ и проч. значительно охладили и Шамиля, и горцевъ. Единственнымъ успѣхомъ можно было признать его набѣгъ на Кахетію, черезъ Джаро-Белоканы, и ограбленіе Цинандаль, — но это былъ грабежъ, а не военное дѣйствіе.

Такое неуспѣшное положеніе Шамиля было для насъ тѣмъ важнѣе, что въ 1853 г. началась Турецкая война, и Шамиль дѣйствовалъ на Кавказѣ именемъ турецкаго султана, при чемъ множество турецкихъ эмиссаровъ раздувало газаватъ какъ на восточномъ, такъ и на западномъ Кавказѣ.

У Шамиля зародилась мысль утвердить имамство за своей семьей наслѣдственно. Онъ собралъ кадіевъ и народъ и сталъ жаловаться на свое тяжелое положеніе. При этомъ не преминулъ упомянуть о сложеніи съ себя имамства, предоставляя народу выбрать вмѣсто себя болѣе достойнаго. Разумѣется, его приверженцы, а за ними и народныя массы, не только оставили Шамиля имамомъ, но съ воодушевленіемъ приняли и заранѣе заготовленную формулу о наслѣдственности имамства въ потомствѣ Шамиля. Преемникомъ и наслѣдникомъ Шамиля былъ избранъ Кази-Магома. Шамиль былъ доволенъ. Шамиль былъ удовлетворенъ. Но это постановленіе народа причинило Шамилю немало и вреда. Преемственность имамства въ семействѣ Шамиля вызвала озлобленіе въ сильныхъ наибахъ, особенно у Хаджи-Мурата.

Между тѣмъ русскіе больше и больше усиливались въ Дагестанѣ. Этого не могли не видѣть ни Шамиль, ни сами лезгины. Еще болѣе поддавалась русскимъ Чечня. Тамъ русскіе забирали поля, поляны, пастбища и житницы. Одни чеченцы покорились и благоденствовали, другіе шли въ горы и озлоблялись и на гяуровъ, и на Шамиля, поставившаго ихъ въ такія условія.

Въ 1856 г. намѣстникомъ Кавказа былъ назначенъ кн. Барятинскій. Въ это время постройкою укрѣпленій Шатинскаго и Хоби-Шавдорскаго, а также ловкимъ занятіемъ Аргунскаго ущелья ген. Евдокимовымъ, не только закрѣплена была русскими Чечня, но также произведенъ былъ свободный входъ въ Дагестанъ. Ген. Евдокимовъ занялъ Шатой и тѣмъ установилъ сообщеніе съ Владикавказомъ и Закавказьемъ черезъ Хевсурію, образуя прямой путь въ Ичкерію и резиденцію Шамиля Ведено.

Дѣла Шамиля падали. Чеченцы искали у русскихъ защиты отъ шамильскихъ набѣговъ и мюридовъ, а также и сами старались изгонять мюридовъ изъ Чечни. Немало упадку значенія Шамиля способствовало и от-

паденіе отъ Шамиля главныхъ его помощниковъ, какъ Кибитъ-Магомы, Ислама, Доногомогома и др.

Взятіе ген. Евдокимовымъ Шатоя заставило Шамиля переселиться въ Ведено.

Желая подогрѣть чувства лезгинъ и чечни, Шамиль вновь поднялъ газаватъ, но на этотъ разъ его проповѣдь не имѣла успѣха. А русскіе шли и шли впередъ. Они устроили Шатывское укрѣпленіе, Евдокимовское укрѣпленіе и проч. Это уже у воротъ самой резиденціи Шамиля.

Съ 1858 г. началась концентрическая осада резиденціи Шамиля. Вліяніе Шамиля ограничивалось Дагестаномъ. Отъ него отпали уже и Хаджи-Муратъ и Даніэль-бекъ. Особенно большая потеря для Шамиля была въ лицѣ Хаджи-Мурата. А причиною тому было признаніе наслѣдственности имамства за семействомъ Шамиля. Узнавши о присягѣ, данной лезгинами Шамилю и Кази-Магомѣ, Хаджи-Муратъ заявилъ, что присяга эта вынужденная и по смерти Шамиля дѣло рѣшитъ громкое имя и шашка. Этотъ отзывъ дошелъ до Шамиля. Шамиль рѣшилъ отдѣлаться отъ Хаджи-Мурата. Для этого Шамиль послалъ его съ небольшимъ отрядомъ въ Табасарань. Туда же бросился и Аргутинскій за Хаджи-Муратомъ и разбилъ его. Въ этотъ моментъ самъ Шамиль съ 15 тысячами мюридовъ направился на Гамашинскія высоты. Но это его нападеніе оказалось для него плачевнымъ, ибо весь его отрядъ былъ уничтоженъ ген. Граматинымъ.

Неудача Хаджи-Мурата дала поводъ Шамилю обвинить его наиба въ трусости. Это обвиненіе дошло до Хаджи-Мурата. Послѣдній, возмущенный такимъ отзывомъ Шамиля, открыто заявилъ Шамилю:

— Что я не трусъ, — это знаютъ на Кавказѣ даже маленькія дѣти. И горцы, и русскіе привыкли уважать мою храбрость. Что я потерпѣлъ пораженіе, это мнѣ извинительно, потому что у меня было только шестьсотъ человѣкъ. А ты-то какъ воевалъ? у тебя было 15 тысячъ и пушки, а Граматинъ съ тремя батальонами разбилъ тебя наголову. Ты бѣжалъ, какъ заяцъ,—и значитъ трусъ не я, а ты.

Ссора вышла жестокая и хотя засимъ и послѣдовало примиреніе, но Хаджи-Муратъ рѣшилъ покинуть Шамиля.

Не смотря на величайшія естественныя и искусственныя препятствія, Ведено было окружено. 19 марта 1855 г. началась блокада Ведено. Ведено было взято и Шамиль ушелъ въ Гунибъ. Но и Гунибъ постигла та же участь осады.

16 августа къ Шамилю посланъ былъ полковникъ Лазаревъ для переговоровъ.

Шамилю предлагался свободный выходъ и безпрепятственное переселеніе въ Мекку. Сынъ Шамиля, Кази-Магома, съ которымъ велись предварительные переговоры, просилъ дать время, дабы черезъ своего гонца можно было испросить разрѣшеніе турецкаго султана на переселеніе Шамиля въ Турцію.

Тогда Барятинскій написалъ Шамилю письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы Шамиль самъ явился къ нему на переговоры. Письмо было отправлено съ поручикомъ Магомой, извѣстнымъ всѣмъ горцамъ своею ученостью и храбростью.

Шамиль не могъ удержаться отъ упрека, что такой ученый мусульманинъ, какъ онъ, Магома, находится на службѣ у невѣрныхъ.

— Шамиль, сказалъ Магома, — согласись на предложеніе сардаря, они неизмѣнны; иначе я, какъ истый мусульманинъ, не привезъ бы ихъ тебѣ. Но, зная искренность обѣщаній, я пріѣхалъ сюда въ надеждѣ, что слова мои, внушенныя доброжелательствомъ, предостерегутъ тебя отъ гибельнѣйшаго для всѣхъ насъ упорства. Вспомни Ахульго! Вспомни, сколько мусульманскихъ семействъ погибло въ его стѣнахъ и сколько ихъ скитается теперь, разселенные по Россіи, а многіе исповѣдуютъ уже христіанскую вѣру! Помни, — та же участь грозитъ и тебѣ со всѣми вѣрными и храбрѣйшими твоими слугами.

Имамъ повторилъ то же, что говорилъ и Кази-Магома о Константинополѣ и султанѣ. Въ заложники онъ предлагалъ двухъ сыновей, а взамѣнъ требовалъ одного генерала и полковника Лазарева.

Барятинскій отвѣчалъ, что онъ воюетъ не съ сыновьями Шамиля, а съ Шамилемъ и требовалъ рѣшительнаго отвѣта. Отвѣтъ послѣдовалъ.

«Мы не требуемъ отъ васъ мира и никогда не помиримся съ вами. Отъ васъ же мы просимъ только свободнаго пропуска дороги по извѣстному уже условію. Если на это будетъ согласіе, то хорошо, если же нѣтъ, то надѣемся на Бога, Который выше и сильнѣе всѣхъ. На этомъ основаніи сабля наострена и рука готова... Да совершится воля Аллаха. Гунибъ гора высокая, — на ней правовѣрные мусульмане и въ ихъ рукахъ мечи для священнаго газавата. Я стою на горѣ. Надо мною еще выше Богъ. Русскіе внизу,—пускай штурмуютъ».

24 августа начался приступъ. Къ утру совершенно неожиданно русскіе очутились на стѣнахъ Гуниба. Появленіе русскихъ такъ озадачило Шамиля, что онъ бросился къ аулу, а за нимъ послѣдовали и мюриды. Вскорѣ аулъ былъ окруженъ русскими и долженъ былъ начаться приступъ. Послано было Шамилю предложеніе сдаться, и Шамиль сдался.

Для переговоровъ Шамиль потребовалъ полковника Лазарева.

Лазаревъ явился.

— Шамиль, всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ и слава ихъ не померкнетъ въ горахъ, пока стоятъ самыя горы. Покорись же силѣ судьбы и предайся великодушію Государя. Ты этимъ спасешь тысячи людей, оставшихся тебѣ вѣрными въ самомъ несчастьи. Въ этой тысячѣ не одни мюриды, — ихъ мало, но здѣсь мирные жители, женщины и дѣти. За ихъ смѣлую и безграничную преданность они заслуживаютъ отъ тебя этой жертвы. Покажи, что ты великъ, какъ въ счастьи, такъ и въ несчастьи,

и что можешь безропотно и съ твердостью перенести опредѣленіе Всевышняго. Во имя Бога,—пойдемъ, нечего медлить...

Шамиль задумался.

«Если ты убѣжденъ, что со мною русскіе не поступятъ дурно, то иди къ моимъ сыновьямъ и останься тамъ, покуда я вернусь».

— Я пришелъ сюда по твоему желанію, чтобы вмѣстѣ идти къ главнокомандующему, а не присланъ къ тебѣ заложникомъ. Если хочешь, пойдемъ теперь же, если не хочешь, то я уйду одинъ.

Шамиль колебался.

«Ручаешься ли ты, что мнѣ позволено будетъ возвратиться къ моему семейству?»

Лазаревъ его завѣрилъ.

«Хорошо. Я пойду, но подъ условіемъ, чтобы на пути въ вашъ лагерь не было ни одного мусульманина. Я не хочу видѣть людей, измѣнившихъ мнѣ въ несчастьи».

Его желаніе было исполнено. Милиція была удалена, и при Барятинскомъ остались одни русскіе.

Завидѣвъ ѣдущаго съ Лазаревымъ Шамиля, войска разразились неистовымъ «ура». Шамиль дрогнулъ и быстро обернулъ коня. Но Лазаревъ моментально его успокоилъ, сказавъ, что это войска оказываютъ ему почетъ.

Не доходя Барятинскаго, Шамиля встрѣтилъ ген. Врангель и ласково заявилъ, что съ этого момента русскіе для него не враги, а лучшіе друзья.

Шамиль успокоился и приблизился къ кн. Барятинскому.

Князь Барятинскій ожидалъ Шамиля, сидя на камнѣ. Подойдя къ главнокомандующему, Шамиль поклонился. Возлѣ него сталъ слѣва Юнусъ, а справа Лазаревъ.

— Шамиль,—сказалъ Барятинскій,—я предлагалъ тебѣ пріѣхать въ лагерь на Кегерскія высоты, обѣщая выгодныя условія. Ты не хотѣлъ. Ну, такъ я самъ съ войскомъ пришелъ сюда, и, конечно, условія, предложенныя тебѣ прежде, теперь не имѣютъ уже мѣста, а участь твоя зависитъ отъ Государя Императора. Но я надѣюсь, что Его Величество уважитъ мое ходатайство о тебѣ.

— Сердаръ, я не внялъ твоимъ совѣтамъ. Прости и не осуждай меня. Я простой уздень, 30 лѣтъ дравшійся за религію. Но теперь народы мои измѣнили мнѣ, а наибы разбѣжались, да и самъ я утомился. Я старъ, мнѣ 63 г. Не гляди на мою черную бороду. Я сѣдъ. Поздравляю васъ съ владычествомъ надъ Дагестаномъ и отъ души желаю Государю успѣха въ управленіи горцами для ихъ блага.

«Я немедленно пошлю тебя къ Государю Императору, и одинъ изъ моихъ близкихъ повезетъ тебя. Теперь же ты, какъ военно-плѣнный, пойдешь въ лагерь, а полковникъ Лазаревъ распорядится привезти твое семейство».

Идя къ Барятинскому, Шамиль ожидалъ отъ него оскорбленій. Но когда съ нимъ заговорили дружескимъ языкомъ, онъ сначала не повѣрилъ своимъ ушамъ, а потомъ спутался въ отвѣтѣ. Изумленіе его росло болѣе и болѣе, когда онъ видѣлъ со всѣхъ сторонъ къ себѣ только самое искреннее вниманіе и уваженіе. Милости, которыми Шамиль былъ осыпанъ, наполнили сердце его благоговѣніемъ къ особѣ Государя Императора, а всеобщее радушіе и знаки самаго глубокаго уваженія, которые ему всюду оказывали, какъ знаменитому герою, сдѣлали изъ него искренняго друга русскихъ.

Шамиль былъ высокаго роста, богатырскаго сложенія. Лицо носило суровое выраженіе. Глаза блестящіе, зеленоватаго оттѣнка, покрытые густыми большими бровями. Носъ съ горбинкой, брови насупленныя. Одежда всегда обычная кавказская, съ простымъ оружіемъ. Походка у него была медленная и тяжелая. На головѣ папаха, повязанная бѣлой и зеленой кисеей. Онъ обладалъ необыкновенною физическою силою и былъ очень ловокъ и отваженъ. Въ борьбѣ съ соперниками онъ не имѣлъ равныхъ. Его гибкость, ловкость и отвага нерѣдко спасали его въ затруднительныхъ случаяхъ въ борьбѣ съ русскими. Онъ допускалъ роскошь у окружающихъ, но самъ всегда отличался простотою одежды, обращенія и обстановки. Великій умъ, изобрѣтательность, находчивость, строгость выводовъ, наблюдательность, дальновидность и широта взгляда—это черты, всюду видимыя у Шамиля. Характеръ его былъ желѣзный, непреклонный, сила воли безконечная. Самоувѣренность и чувство достоинства тѣсно связаны были съ прямотою, честностью и правдивостью. Этимъ послѣднимъ качествамъ какъ бы противорѣчатъ его измѣны и обманы русскихъ. Но не нужно забывать, что онъ сынъ Азіи, гдѣ честность не противорѣчитъ хитрости и обману. Рядомъ съ его суровостью и жестокостью къ взрослымъ, въ его душѣ помѣщались доброта и любовь къ дѣтямъ, чувство благодарности, которое онъ питалъ къ русскому Императору и Россіи, и честность и вѣрность своему слову.

Онъ сознавалъ свое достоинство, но никогда не былъ бахваломъ и хвастуномъ. Напротивъ, онъ всегда умѣлъ оцѣнивать свое положеніе и подъ конецъ жизни совершенно искренно подписывался «рабъ Божій Шамиль», а любимая жена его, Шуанетъ, подписывалась «жена бѣднаго странника Шамиля».

Послѣ свиданія съ Барятинскимъ, нѣсколько успокоенный, Шамиль отправился въ Шуру. Здѣсь онъ еще болѣе успокоился. «Я засталъ Шамиля совершенно успокоившимся, пишетъ ген. Врангель. Прежняя недовѣрчивость къ намъ замѣнилась въ немъ желаніемъ высказать твердую увѣренность въ полномъ доброжелательствѣ къ его дому. Онъ сдѣлался до того привѣтливъ и разговорчивъ, что съ нимъ какъ я, такъ и многіе другіе, бесѣдовали по нѣсколько разъ» [1]).

---

[1]) *Е. И. Козубскій.* Дагестанскій сборникъ, В. II, 1904.

Шамиль просилъ, чтобы его семья отпущена была въ Моздокъ къ роднѣ его жены Шуанетъ, и эта просьба была немедленно исполнена.

Когда по дорогѣ въ Россію Шамиль былъ въ Чиръ-Юртѣ, графъ Ностицъ очень хотѣлъ сфотографировать его. Фотографированіе происходило въ саду. Хотя Шамиль и далъ свое согласіе, однако фотографированіе неудавалось. Шамиль вертѣлся, схватывался за рукоятку кинжала и проч. Ностицу приходилось нѣсколько разъ мѣнять пластинку. Оказывается, полковой адъютантъ, опасаясь за пребываніе Шамиля съ Ностицемъ въ саду одинъ на одинъ, поставилъ цѣлую охрану солдатъ съ ружьями на перевѣсъ и съ примкнутыми штыками. Шамиль, увидя этихъ солдатъ, рѣшилъ, что его хотятъ разстрѣлять. Только когда удалили солдатъ, фотографированіе состоялось.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Шамиль, встрѣтившись съ Ностицомъ, сказалъ ему:

— Я былъ увѣренъ, что меня лишатъ жизни, и полагалъ, что тебѣ данъ приказъ разстрѣлять меня, — да и кто же могъ лучше исполнить, какъ не командиръ «шайтанъ-драгуновъ» (нижегородцевъ [1]). Къ тому же ты мнѣ сдѣлалъ новую одежду, а такъ поступали у насъ съ наибами, которыхъ я приказывалъ казнить: ихъ всегда одѣвали во все лучшее и новое. Ты меня посадилъ на стулъ въ уединенномъ саду, навелъ на меня маленькую пушку и велѣлъ сидѣть смирно. Я думалъ, если ты не попадешь, то меня добьютъ стоявшіе въ десяти шагахъ шайтанъ-драгуны. Богъ спасъ тогда тебя. Рука моя еще сильна, и я готовъ былъ вонзить кинжалъ въ твою грудь. Убили бы меня, но и ты въ живыхъ не остался бы.

Вмѣстѣ съ Шамилемъ съ Кавказа должны были выѣхать жены Шамиля, два сына его Кази-Магома и Магома-Шефи съ женами, дочери Шамиля съ мужьями и значительное количество приближенныхъ. Кази-Магома былъ женатъ на дочери Даніэль-бека, красавицѣ Кариматъ. Въ виду того, что Даніэль-бекъ подъ конецъ дѣятельности Шамиля на Кавказѣ измѣнилъ Шамилю и перешелъ на сторону русскихъ, отношеніе семьи Шамиля къ Кариматъ было очень непріятнымъ, настолько непріятнымъ, что она не была вполнѣ увѣрена за цѣлость жизни своей. Разумѣется, и отношенія семьи Шамиля къ Даніэль-беку были непріятны. Поэтому при отъѣздѣ Шамиля и его семьи въ Россію Кариматъ не захотѣла ѣхать съ ними и отправилась къ своему отцу.

По пути въ Россію очень многіе стремились посмотрѣть на великаго борца, Шамиля. Нельзя сказать, чтобы это было Шамилю особенно пріятно. Тѣмъ не менѣе любопытство русскихъ Шамиль переносилъ терпѣливо, — за то онъ очень устранялся отъ встрѣчи съ мусульманами.

Въ Петербургѣ Шамиль долженъ былъ предстать передъ великимъ Императоромъ. Императоръ Николай очень благосклонно и ласково отнесся

---

[1]) *В. А. Потто.* Исторія Нижегородскаго полка, т. VIII.

къ Шамилю и не только ничѣмъ не обидѣлъ его, а самъ отнесся къ Шамилю съ уваженіемъ и другимъ приказалъ признавать въ немъ нѣчто высокое, нѣчто царственное.

Весьма глубоко поразило это отношеніе великаго Императора къ побѣжденному и обезличенному имаму. Это перевернуло всю душу геніальнаго дикаря. Все это стояло въ коренномъ противорѣчіи съ его убѣжденіями, съ его вѣрованіями, со всею его жизнію, и въ этой великой человѣческой душѣ дало знатный плодъ: чувство благодарности, чувство искренней преданности, чувство глубокаго благоговѣнія. Непобѣдимый, властный и всегда властвовавшій въ войнѣ, Шамиль былъ побѣжденъ и покоренъ добротою и величіемъ. Когда Шамиль былъ на свадьбѣ Великаго Императора Александра III, онъ произнесъ свою замѣчательную рѣчь, которую закончилъ такъ:

— Да будетъ извѣстно всѣмъ и каждому, что старый Шамиль на склонѣ дней своихъ жалѣетъ о томъ, что онъ не можетъ родиться еще разъ, дабы посвятить свою жизнь Бѣлому Царю, благодѣяніями котораго онъ теперь пользуется.

А когда Константинополь пытался соблазнить его къ измѣнѣ Россіи развѣ не отвѣтилъ онъ:

— Глупъ тотъ человѣкъ, который при сіяніи солнца зажигаетъ свѣчу, чтобы ему было еще свѣтлѣе...

И этому человѣку можно было вѣрить. Онъ не лгалъ. Онъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы лгать. Это былъ левъ, а не шакалъ.

Мѣстомъ жительства Шамиля была назначена Калуга. Ему назначено было содержаніе 10 тысячъ рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства, кромѣ того Императоръ часто присылалъ ему подарки, прекрасныхъ лошадей и проч. Въ Калугѣ Шамиль пользовался не только свободой, но и почетами, такъ какъ всѣ военные, пріѣзжавшіе въ Калугу, должны были представляться Шамилю.

При Шамилѣ состояли приставъ и переводчикъ. Со всѣми приставами Шамиль былъ вѣжливъ и приличенъ, и только отъ пристава Пржецлавскаго ему пришлось имѣть непріятности. Съ большимъ трудомъ онъ отдѣлался отъ него, при чемъ едва не пострадалъ отъ его ложныхъ доносовъ. Шамиль зналъ, что о его жизни и поведеніи слѣдуютъ въ Петербургъ непрерывные доклады. Зналъ и то, что Государь очень интересуется его бытіемъ.

Шамиль не чуждался русскаго общества: и самъ выѣзжалъ, и у себя принималъ. Первое время выѣздовъ Шамиля поражало появленіе нашихъ дамъ безъ чадры, особенно же его смущало декольте, при чемъ онъ въ деликатной формѣ спрашивалъ:

— Не холодно ли имъ?

Въ обращеніи съ окружающими онъ былъ всегда вѣжливъ и приличенъ, особенно же ласковъ былъ съ дѣтьми, при чемъ и дѣти платили ему тою же любовью и привязанностью.

Въ обществѣ Шамиль появлялся всегда въ сопровожденіи свиты—сыновей и приближенныхъ, которые стояли по бокамъ около него и не смѣли отступить, сѣсть и вести себя развязно.

Шамиль былъ очень добръ къ бѣднымъ и нищимъ и раздавалъ все, что было у него въ рукахъ. Нищіе знали объ этомъ и всегда массою его окружали. Когда ему выговаривали, что онъ даетъ слишкомъ роскошно, онъ отвѣчалъ:

— Какъ я могу дать нищему одну—двѣ копѣйки. А вдругъ случится, что ему въ тотъ день никто болѣе не подастъ,—чѣмъ онъ будетъ сытъ?

Вообще Шамиль никогда не былъ алченъ и сребролюбивъ и къ деньгамъ относился весьма легкомысленно. Онъ былъ религіозенъ, но не былъ фанатикомъ и очень вѣротерпимъ къ народнымъ вѣрованіямъ жившихъ въ Дагестанѣ старообрядцевъ и проч.

Шамиль любилъ музыку и часто бывалъ въ театрѣ.

Къ Шамилю всѣ относились, какъ къ высочайшей особѣ. Были у него и друзья. Особенно онъ былъ друженъ съ предводителемъ дворянства Щукинымъ. Доброе отношеніе русскихъ очень трогало Шамиля, и онъ не разъ просилъ выразить его благодарность. Такъ, напримѣръ, въ Петербургъ черезъ пристава своего онъ просилъ передать публикѣ:

— Скажите имъ, что вниманіе ихъ дѣлаетъ меня вполнѣ счастливымъ и доставляетъ такое удовольствіе, какого я не испытывалъ съ полученія извѣстія объ очищеніи Дарго въ 1845 г. и какого мнѣ не доставляли даже успѣхи 1843 г. въ Дагестанѣ.

Будучи въ Калугѣ Шамиль не разъ шутилъ:

— Если бы я зналъ, что мнѣ здѣсь будетъ такъ хорошо, я бы давно самъ бѣжалъ изъ Дагестана.

Когда разъ спросили Шамиля, не желалъ ли бы онъ вернуться на Кавказъ, Шамиль, вздохнувъ, отвѣтилъ:

— Зачѣмъ! Теперь Кавказъ въ Калугѣ [1]).

Да и то правда, въ Калугѣ Шамилю и его семьѣ жилось очень недурно. Имъ отведенъ былъ одинъ изъ лучшихъ городскихъ домовъ. При Шамилѣ состоялъ значительный штатъ изъ его приближенныхъ, по его усмотрѣнію. Какъ Шамилю, такъ и его семьѣ, предоставлена была свобода выхода по Калугѣ подъ честнымъ словомъ не выходить изъ границъ Калуги. Шамилю предоставлено было право свободно посѣщать знакомыхъ и общественныя учрежденія, а равно принимать у себя кого ему угодно.

Изъ членовъ семьи Шамиля нѣкоторыя недоразумѣнія вышли съ сыномъ его Кази-Магомою. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало получить свою жену, Кариматъ, которая осталась у своего отца Даніэль-бека. Для большаго успѣха, Кази-Магома испросилъ позволеніе уѣхать на Кавказъ для

[1]) *И. Н. Захарьина* (Якунинъ). Кавказъ и его герои. 1902.

личныхъ переговоровъ. Ему это было разрѣшено, и онъ прибылъ въ Шуру. Благодаря участію въ дѣлѣ кн. Барятинскаго, дѣло это было улажено.

Но пребываніе Кази-Магомы въ Шурѣ не обошлось безъ нѣкоторыхъ политическихъ недоразумѣній. Естественно, что въ Дагестанѣ существовала партія недовольныхъ русскими. Во главѣ недовольныхъ, особенно въ Беноѣ, стоялъ Байсонгуръ. Онъ предложилъ Кази-Магомѣ провозгласить себя имамомъ и стать во главѣ движенія, но Кази-Магома рѣшительно отказался и немедленно заявилъ объ этомъ предложеніи кому слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе существуютъ довольно странныя свѣдѣнія по этому поводу.

Вотъ что писалъ ген. Евдокимовъ Меликову:

«Я узналъ [1]), что Кази-Магома предлагалъ женѣ своей бѣжать въ горы. Она сама сказала мнѣ объ этомъ, умоляя поспѣшить отправленіемъ ихъ въ Калугу и тѣмъ устранить всякую случайность... Жена его считала предложеніе мужа не шуткою и объяснила мнѣ, что если онъ, или его отецъ, узнаютъ, что она выдала секретъ Кази-Магомы, то навѣрное погубятъ ее»... Еще болѣе страннымъ является слѣдующее происшествіе. «За три дня до выѣзда изъ Шуры Кази-Магома, во второмъ часу ночи, выскочилъ изъ окна и хотѣлъ было пойти куда-то, но стоявшій тутъ же часовой остановилъ его и, не взирая на просьбы Кази-Магомы отпустить его прогуляться, часовой настоялъ, чтобы онъ обратно вошелъ въ свою комнату. Хотя Кази-Магома объяснялъ это шуточнымъ споромъ, возникшимъ между его женою и имъ, въ которомъ онъ доказывалъ, что онъ пользуется полнымъ довѣріемъ русскихъ и что присутствіе часового не помѣшаетъ ему идти, куда онъ хочетъ, и хотя объясненіе это, подтвержденное его женою, не лишено вѣроятія, ибо онъ вышелъ изъ окна въ архалукѣ безъ оружія и ни въ ту ночь, ни послѣ не открыто никакихъ признаковъ приготовленія къ побѣгу; но тѣмъ не менѣе въ народѣ распространилась молва, что онъ хотѣлъ бѣжать къ возмутившимся и, будучи своевременно схваченъ русскими, отправленъ въ Россію за карауломъ» (Е. И. Козубскій).

Всѣ эти случайности какъ и нѣкоторыя обстоятельства дальнѣйшей жизни набрасываютъ справедливую тѣнь на Кази-Магому. Это предположеніе оправдывается и послѣдующей жизнью Кази-Магомы. По смерти Шамиля Кази-Магома не только не вернулся въ Россію, но оставилъ у себя и младшаго брата Магомета и остальныхъ членовъ семьи, за исключеніемъ Магомета-Шеффи, который не выѣзжалъ въ Аравію. Поступивъ на турецкую службу, Кази-Магома въ возстаніе въ Чечнѣ и Дагестанѣ въ 1877 г. игралъ весьма недвусмысленную роль предателя и возбудителя [2]).

Тогда же, при осадѣ Баязета, Кази-Магома, дивизіонный генералъ турецкой службы, морилъ съ голоду осажденныхъ и требовалъ сдачи крѣ-

---

[1]) *Е. И. Козубскій*, l. c., 230.

[2]) Проф. *П. И. Ковалевскій*. Возстаніе въ Чечнѣ и Дагестанѣ въ 1877 г. 1914.

пости, при чемъ получилъ отличную отповѣдь отъ начальника Баязетской крѣпости, капитана Штоквича:

— Кази-Магома, вѣроятно, не научился, воюя съ нами на Кавказѣ, подъ начальствомъ своего знаменитаго отца, что русскіе умѣютъ лишь брать крѣпости, а не сдавать ихъ...

Не заслужилъ Кази-Магома славы въ Турціи. Султанъ хотѣлъ воспользоваться именемъ Шамиля въ 1877 г., но разочаровался. Кази-Магома имѣлъ только славное имя Шамиля, но не его умъ и не его доблести.

Не лишено интереса и слѣдующее происшествіе съ Кази-Магомой въ Калугѣ въ 1861 г. Кази-Магома, гуляя по улицѣ, встрѣтилъ одного татарина, который вручилъ ему письмо для передачи Шамилю, присовокупивъ, что это письмо, весьма важное и секретное, изъ Константинополя пришло въ Москву, а оттуда съ вѣрнымъ человѣкомъ въ Калугу. Вручивъ письмо, татаринъ быстро скрылся, такъ что Кази-Магома не могъ отдать его обратно и долженъ былъ доставить его отцу. Шамиль очень разсердился за пріемъ письма безъ посредства пристава и, не распечатывая, вручилъ его приставу. При этомъ онъ сказалъ:

— Глупъ тотъ человѣкъ, который при сіяніи солнца зажигаетъ свѣчу для того, чтобы ему было еще свѣтлѣе. Государь даетъ мнѣ много очень яснаго свѣта. Зачѣмъ я стану зажигать еще свѣчу? Возьми это письмо и отдай кому слѣдуетъ. Письмо гласило:

«Тому, кого Господь вывелъ изъ глубины невѣжества на вершину знаній, т. е. господину нашему Шамилю, имаму Дагестанскаго народа. Да будетъ онъ на вѣки вѣковъ благополученъ. Аминь. Настали времена прекращенія переписки о дѣлахъ, касающихся многихъ удивительныхъ и странныхъ событій, которыми занятъ умъ и смущено сердце. И нѣтъ друга, которому можно было бы излить свои жалобы, который бы открылъ нашъ путь посреди несчастій и который бы блескомъ своего совѣта разсѣялъ мглу современныхъ волненій. Однако, необходимо излить свои жалобы тому, кто обладаетъ мужественными доблестями и кто въ состояніи сочувствовать тебѣ, утѣшить тебя и раздѣлить скорби. Увы, прошло, миновало это время. Но если это угодно Всевышнему Богу, смутныя событія опять обратятся въ свѣтлыя. Мы очень желали бы видѣть твое благословенное лицо, но для насъ это невозможно, и потому мы возымѣли намѣреніе совѣтовать тебѣ, чтобы ты испросилъ позволеніе у высокаго правительства выписать къ себѣ Шайба-Эфенди, сына Хаджи Аба-Султанъ, Эфенди-Кабати; онъ будетъ, безъ сомнѣнія, такимъ для тебя, какъ ты любишь и желаешь, и будетъ во всемъ соотвѣтствовать тому, что тебѣ приличествуетъ. Молящіеся за тебя: Хаджи-Аба-Султанъ и Махмудъ-Эфенди-Хайдаки. 1276 года, 21 мѣсяца. Раджеба. P. S. Если бы ты могъ перевести къ себѣ Махмуда-Эфенди вмѣстѣ съ Шайбъ-Эфенди, то это, по нашему мнѣнію, было бы еще лучше и еще вѣрнѣе. Прощай!»...

Чѣмъ дольше жилъ Шамиль въ Россіи, тѣмъ больше и больше проникался уваженіемъ, почтеніемъ, преданностью и благодарностью къ Государю. Вотъ его собственноручное письмо на имя Императора на арабскомъ языкѣ.

«Ты, Великій Государь, побѣдилъ меня и кавказскіе народы, мнѣ подвластные,—оружіемъ. Ты, Великій Государь, подарилъ мнѣ жизнь. Ты, Великій Государь, покорилъ мое сердце благодѣяніями!.. Мой священный долгъ, какъ облагодѣтельствованнаго дряхлаго старца и покореннаго Твоею великою душою, внушить дѣтямъ моимъ ихъ обязанности передъ Россіей и ея законными царями. Я завѣщалъ имъ питать вѣчную благодарность къ Тебѣ, Государь, за всѣ благодѣянія, которыми Ты постоянно меня осыпаешь. Я завѣщалъ имъ быть вѣрными царямъ Россіи и полезными слугами новому нашему отечеству. Успокой мою старость и повели, Государь, гдѣ кажешь, принести мнѣ и дѣтямъ моимъ присягу на вѣрное подданство. Я готовъ принести ее всенародно. Въ свидѣтели вѣрности и чистоты моихъ помысловъ, я призываю въ свидѣтели Всемогущаго Бога, великаго пророка Его Магомета и даю клятву передъ недавно остывшимъ тѣломъ моей наилюбимѣйшей дочери Написатъ, на священнѣйшемъ Коранѣ. Соизволь, Государь, на мою искреннюю просьбу»...

Просьба имама была исполнена. Онъ и его семейство присягнули въ Калугѣ, при чемъ на привѣтственную рѣчь предводителя дворянства, Щукина, Шамиль отвѣтилъ:

«Принося вашему превосходительству искреннюю благодарность за поздравленіе и сочувствіе къ настоящему перевороту въ жизни моей, я очень радъ, что имѣю счастье передъ лицомъ Бога и всѣми здѣсь присутствующими, заявить тѣ чувства моей благодарности и преданности, которыми переполнено мое сердце къ великому благодѣтелю моему, Августѣйшему Государю нашему! Еще разъ передъ лицомъ Бога и здѣсь присутствующими повторяю, что искреннее убѣжденіе въ кротости и величіи души Монарха побѣдило во мнѣ всѣ пять чувствъ моихъ и привело къ сознанію, что только любовь и вѣрная преданность могутъ имѣть мѣсто въ сердцахъ людей, постигшихъ милосердіе и великую душу Государя нашего! Я старъ, трудами своими не могу доказать Государю и Россіи той истинной преданности, которую чувствую до глубины души моей; но мнѣ остается еще одно счастье — молить Бога, да продлитъ Онъ жизнь возлюбленнаго Монарха на многія лѣта, а дѣтей моихъ научитъ, чтобы они, всѣми силами души и тѣла, старались принести новому отечеству нашему ту пользу, которую оно ожидаетъ отъ вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ своихъ. Я рабъ дѣлу души и сердца моего еще и потому, что оно даетъ мнѣ и дѣтямъ моимъ удовольствіе въ лицѣ присутствующихъ здѣсь благодарить всѣхъ жителей Калуги за ихъ радушіе, гостепріимство и доброе ко мнѣ съ семействомъ расположеніе, которымъ они не оставляли меня со дня пріѣзда моего въ этотъ городъ» (Е. И. Козубскій).

Жизнь Шамиля и его семьи шла тихо, гладко и благополучно. Но перемѣна обстановки оказывала свое рѣшительное вліяніе на всѣхъ. Не стало высокихъ горъ. Не стало Дагестанскаго простора. Не стало необъятной свободы. Все это давило невольно дѣтей горъ. Все это вліяло на ихъ здоровье и организацію. Горцы стали хирѣть. Дѣти вольныхъ горъ ослабѣли, притихли и пріуныли. Тоска по родинѣ давила всѣхъ. Мужчины стали менѣе общительны и мрачны. Женщины таяли, какъ воскъ. Они задыхались отъ городской тѣсноты. Единственнымъ ихъ утѣшеніемъ было—выйти на высокій берегъ Оки и смотрѣть въ безпредѣльную даль .. Суровый климатъ вліялъ и на богатыря Шамиля. У него появились жестокія боли въ рубцахъ отъ ранъ. Имамъ старѣлъ. Погибла красавица Кариматъ. За ней послѣдовала дочь Шамиля Написатъ, а за ними и многіе другіе.

Все это дошло до Государя, и въ 1869 г. Шамиль былъ переведенъ въ Кіевъ.

Но еще раньше Шамиль просилъ Императора отпустить его съ семействомъ, кромѣ сыновей, въ Мекку, обѣщая затѣмъ немедленно возвратиться въ Россію. Просьба Шамиля была исполнена. Но имаму не удалось вернуться въ Россію. Недолго онъ прожилъ въ Аравіи. 4 февраля 1871 г. онъ скончался въ Мединѣ. Ближайшею причиною его смерти было паденіе во время пути изъ Медины въ Мекку. Семья, бывшая съ нимъ, горько оплакивала имама. Похоронили Шамиля въ Мединѣ, на кладбищѣ Джоннатъ-Эмъ-Баки.

«Популярность Шамиля между магометанскимъ населеніемъ Мекки, Медины и проч. и даже Константинополя была очень велика, и никто даже изъ владыкъ Турціи не пользовался такимъ обожаніемъ и поклоненіемъ, какія выпали на долю бывшаго властителя Кавказа. Такъ, въ мечетяхъ Мекки въ то время, когда туда приходилъ молиться Шамиль, происходила всегда такая страшная давка, что турецкая полиція и муллы рѣшили назначить для Шамиля особые ночные часы, когда жители города и богомольцы отправлялись спать. Народъ бросался за нимъ вслѣдъ и цѣловалъ не только его руки, ноги и одежду, но и тѣ мѣста на плитахъ мечети, гдѣ ступала его нога и гдѣ онъ стоялъ во время молитвы» [1]).

О пребываніи Шамиля въ Константинополѣ по пути въ Аравію говорятъ, что султанъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его посѣщенія. Но гордый Шамиль не оправдалъ его ожиданій. Онъ не искалъ падишаха, не просилъ ни о чемъ и уѣхалъ въ Аравію, не видавшись. Тѣмъ не менѣе пребываніе его въ Константинополѣ обставлено было почетомъ. Ему отведенъ былъ домъ противъ мечети Баязета и отпускались деньги на содержаніе. Его осаждали муллы и законники для бесѣдъ по поводу толкованія Корана. Шамиль неохотно принималъ посѣтителей и былъ недоволенъ новѣйшимъ направленіемъ въ исламскомъ ученіи.

---

[1]) *И. Н. Захарьинъ.* Кавказъ и его герои, 1902.

По мнѣнію И. Н. Захарьина, султанъ принялъ Шамиля въ торжественной аудіенціи, какою удостаивалъ только хедива и царственныхъ особъ, и при всѣхъ цѣловалъ его руку, а когда Шамилю приходилось проѣзжать или идти пѣшкомъ по улицамъ турецкой столицы, то османлисы падали передъ нимъ ницъ и лежали распростертыми на землѣ все время, пока онъ мимо ихъ проходилъ, или проѣзжалъ.

Мнѣ кажется, что описаніе Е. И. Козубскаго о пребываніи Шамиля и его отношеній къ султану болѣе правильны и болѣе соотвѣтствуютъ характеру Шамиля.

Шамиль былъ геній, сознавалъ свое достоинство, зналъ себѣ цѣну, высоко цѣнилъ русскаго Императора, былъ искренно преданъ ему и, основательно, не считалъ за особенную честь свиданіе съ султаномъ.

П. Ковалевскій.

Иноземцы — ратные люди на службѣ въ Московскомъ государствѣ.

Московское государство не чуждалось иностранцевъ, а наоборотъ, весьма охотно пользовалось ихъ услугами для удовлетворенія своихъ практическихъ нуждъ и прежде всего потребностей военнаго дѣла. Свидѣтельство Флетчера отъ конца XVI вѣка, что Московское государство воспрещало въѣздъ иностранцамъ въ свои предѣлы, иначе какъ по торговымъ сношеніямъ [1]) и замѣчаніе Невилля отъ конца XVII столѣтія, что «проѣздъ въ Московію дозволенъ только посланнику и торговцу» [2]), должны быть понимаемы, какъ сообщенія о томъ, что только для этихъ лицъ въ Москвѣ не требовалось разрѣшенія на право въѣзда въ предѣлы государства. Даже, больше того, московское правительство въ отношеніи торговыхъ людей шло на чрезвычайныя льготы, признавая возможнымъ сопровожденіе иностранными вооруженными командами иноземныхъ купеческихъ каравановъ по своей территоріи, особенно по Волгѣ, что и было оффиціально закрѣплено имъ въ договорѣ съ Голштиніей 1634 г., по которому купцамъ голштинской торговой компаніи предоставлялось право брать съ собою для защиты себя и своихъ товаровъ во время поѣздки по Россіи въ Персію и обратно до 400 вооруженныхъ людей [3]).

Что касается техники военнаго дѣла, то всѣ преимущества Запада въ этой области очень рано сознаются московскими государями, и еще Іоаннъ III посылалъ въ Германію пригласить на русскую службу «мастера хитрого, которой бы умѣлъ къ городомъ приступать, а другова, которой бы умѣлъ изъ пушокъ стрѣлять» [4]); тотъ же государь широко пользовался услугами итальянца-архитектора Аристотеля Фіораванти, про котораго лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ кромѣ того и «пушечникъ нарочитъ» [5]). Позже, въ 1521 году, Василій Ивановичъ, нуждаясь въ иноземцахъ техникахъ, просилъ датскаго короля прислать ему изъ Даніи «кото-

[1]) Флетчеръ Джильсъ. О государствѣ русскомъ. СПБ. 1907 г., стр. 56.
[2]) Русск. Вѣстн. 1841 г., т. III, кн. 9, стр. 597.
[3]) Акты историч., т. III, стр. 321—323.
[4]) Карамзинъ. Т. VI, примѣч. 342. Память Юрію да Халепѣ.
[5]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VI, стр. 32.

рые будутъ у тебя мастеры въ твоей землѣ орязове архитектоны и зеньядуры, и которые мастеры горазди каменного дѣла дѣлати, и литцы, которые бы умѣли лити пушки и пищали» [1]). Около 1524 г. Кампензе писалъ о Василіи III, что «онъ никогда не употребляетъ воиновъ чужеземныхъ, а набираетъ рать свою изъ собственныхъ подданныхъ» [2]) но Герберштейнъ, дольше его и болѣе основательно, два раза—въ 1517 и 1526 гг., наблюдавшій Россію, увѣряетъ, что въ его бытность Василій «имѣлъ изъ литовцевъ и всякаго сброда людей почти тысячу пятьсотъ пѣхотинцевъ», а кромѣ того у него были на службѣ итальянскіе и нѣмецкіе пушкари [3]).

Первая энергичная попытка нашихъ предковъ воротить себѣ уголокъ балтійскаго побережья при Іоаннѣ Грозномъ, на опытѣ показала все превосходство западнаго военнаго искусства и убѣдила ихъ въ необходимости въ военной техникѣ слѣдовать европейскому образцу. Первоначальная проба подкрѣплять домашнія силы иноземными отрядами, набиравшимися изъ пришельцевъ юго-западныхъ инородностей, утрачиваетъ свою исключительную привлекательность. Иноземцы до сихъ поръ употреблялись лишь въ качествѣ пушкарей и шли на сформированіе незначительныхъ частей пѣхоты. Ливонская война дала Грозному значительное число новыхъ иноземцевъ. «Въ то время между плѣнниками другихъ націй», сообщаетъ Горсей, «было восемьдесятъ пять бѣдныхъ шотландскихъ солдатъ отряда, посланнаго изъ Стокгольма и, въ числѣ ихъ, трое англичанъ, приведенныхъ вмѣстѣ съ другими въ такомъ печальномъ видѣ, что на нихъ было жалко смотрѣть. Хотя царь пылалъ яростью и гнѣвомъ противъ нихъ, мучилъ и осудилъ на жалкую смерть многихъ шведскихъ солдатъ, мнѣ удалось, однако, указать наглядно на различіе шотландцевъ—нынѣ его плѣнныхъ и шведовъ, отъ поляковъ и литовцевъ—его враговъ: шотландцы народъ иноземный, далекій, предпріимчивый, воинственный, готовый служить каждому христіанскому государю за содержаніе и жалованье; они и докажутъ это, если его величеству будетъ угодно употребить ихъ и упрочить за ними прежнее содержаніе, такъ какъ они теперь безъ службы, платья и оружія; они могли бы показать себя и свою храбрость противъ смертельныхъ враговъ его, крымскихъ татаръ. Повидимому, при Дворѣ отчасти воспользовались такимъ совѣтомъ, потому что вскорѣ лучшіе солдаты и воины изъ этихъ иностранцевъ были отобраны, а для начальства надъ остальными назначены капитаны—надъ каждыми плѣнными изъ своей націи. Имъ выданы были деньги, платье и каждодневное содержаніе ѣдой и питьемъ; они получили также лошадей, сѣно, овесъ, а для вооруженія—ружья, мечи и пистолеты. Получивъ затѣмъ жалованье и землю, на которой имъ позволено было жить, плѣнные шотландцы завелись семействами и жили въ

---

[1]) Русск. Истор. Библ., т. XVI.

[2]) Семеновъ. Библ. иностр. писат., т. I, стр. (III) 32.

[3]) Герберштейнъ. Запис. о москов. дѣл., Спб. 1908 г., стр. 76, 147, 148.

милости у царя и народа» [1]). Такъ былъ устроенъ Грознымъ и испомѣщенъ имъ отрядъ служилыхъ иноземцевъ, поселенныхъ подъ Москвой на Болвановкѣ и получившихъ право безпошлинной торговли хлѣбнымъ виномъ, медомъ и другими напитками. Позже, митрополитъ жаловался Ивану Васильевичу, что нѣмцы эти портятъ наше войско и доведутъ его до такой нищеты, что когда понадобится употребить его въ дѣло, оно не будетъ въ состояніи покупать лошадей и оружіе, потому что всѣ свои деньги промотаетъ въ нѣмецкихъ домахъ и кабакахъ [2]). Судьба, такъ хорошо устроенныхъ плѣнниковъ осталась неизвѣстной въ Ливоніи, и ливонскій лѣтописецъ Рюссовъ писалъ о нихъ, что они «хотя и были хорошо приняты русскими, но послѣ отступленія шведовъ, связаны и отвезены въ Москву, гдѣ потомъ и были всѣ умерщвлены» [3]). Въ Ливонской войнѣ Грозный еще опасался примѣнять иноземцевъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ въ Ливоніи и Швеціи, и пользовался ихъ услугами въ своихъ южныхъ и юго-восточныхъ операціяхъ, гдѣ извѣстный Георгъ Фаренсбахъ, стоявшій во главѣ семитысячнаго отряда подъ командой воеводы боярина князя Воротынскаго, близъ Оки, нанесъ жестокое пораженіе противнику и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ славу среди современниковъ [4]). Отсюда видно, что нельзя признать точнымъ мнѣніе Н. Г. Устрялова, которое такъ долго поддерживалось и другими нашими историками, что «первоначальное войско иноземнаго строя учреждено въ Россіи умомъ Бориса Годунова въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича» [5]), такъ какъ оно было заведено значительно раньше. Въ 1569 г. Іоаннъ Грозный пытался заключить договоръ съ Англіей, пятой статьей котораго предлагалъ королевѣ Елизаветѣ дать «разрѣшеніе вступить въ службу великаго князя всѣмъ тѣмъ мастерамъ и ремесленникамъ, которыхъ онъ отыщетъ въ ея королевствѣ для лучшаго устройства своего военнаго дѣла» [6]).

Иноземную рать Московскаго государства въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича въ 1588 году англійскій посланникъ Джильсъ Флетчеръ застаетъ уже состоящей изъ 4.300 человѣкъ преимущественно поляковъ, голландцевъ, шотландцевъ, грековъ, турокъ, датчанъ и шведовъ. Иноземцевъ этихъ, по его словамъ, русскіе выставляли исключительно «на границѣ, смежной съ татарами и противъ сибиряковъ, а татаръ, наоборотъ, противъ поляковъ и шведовъ, почитая благоразумнѣйшею мѣрою употреблять ихъ на противоположной границѣ [7]).

---

[1]) Горсей Джеромъ. Записки о Московіи XVI вѣка, Спб. 1909 г., стр. 42—43.

[2]) Флетчеръ. Назв. сочин., стр. 106.

[3]) Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края, т. III, Рига, 1880 г. стр. 227—228.

[4]) Полевой. Русская вивліоѳика, т. I. Москва 1834 г., стр. 191—198.

[5]) Русское войско до Петра Вел., стр. 58.

[6]) Толстой Ю. Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею. Спб. 1875 г., стр. 80.

[7]) Флетчеръ. Назван. сочин., стр. 64.

Французскій капитанъ Маржеретъ, который самъ служилъ въ иноземныхъ отрядахъ царя Бориса Годунова, застаетъ въ рядахъ московской рати до 2.500 нѣмцевъ, поляковъ и грековъ, причемъ иноземные капитаны на русской службѣ, по его словамъ, помимо денежнаго жалованья, получали еще и земельные надѣлы въ размѣрѣ отъ 600 до 1.000 четвертей, т. е. были испомѣщаемы, какъ всѣ прочіе служилые люди [1]). Въ 1601 г. въ Москву прибыло около 35 ливонскихъ гражданъ и дворянъ, вытѣсненныхъ изъ своей родины и потерявшихъ тамъ имѣнія. Они ласково были приняты Борисомъ, который, по словамъ современника, нѣмецкаго пастора Бера, привѣтствуя ихъ, сказалъ: «поздравляю васъ, чужеземцы, съ прибытіемъ въ мое государство, радуюсь благополучію вашего путешествія, меня трогаетъ несчастіе, которое принудило васъ покинуть родину и собственность; вы получите втрое болѣе того, что потеряли въ своемъ отечествѣ, вы будете не подданные, а дѣти мои, никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рядить вашихъ споровъ, дарую вамъ свободу въ обрядахъ богослуженія. Присягните только Богомъ и вѣрою своею не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему». Ливонскій дворянинъ Тизенгаузенъ благодарилъ царя за ласковое слово отъ лица всѣхъ пришельцевъ и поклялся за всѣхъ нихъ въ вѣрности до смерти своему новому государю. Прибывшіе ливонцы поступили въ вѣдѣніе Разряда, который раздѣлилъ ихъ на четыре статьи, положивъ первой 50 рублей годового денежнаго жалованья и помѣстье съ 100 душами крестьянъ, второй—30 рублей и помѣстье съ 50 крестьянами, третьей жалованья 20 рублей и помѣстье съ 30 душами и, наконецъ, четвертой—15 рублей и помѣстье съ 20 душами крестьянъ [2]).

По даннымъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка въ Казани московское правительство содержало до 100 служилыхъ нѣмцевъ и поляковъ; послѣдніе происходили изъ Полоцка и носили названіе «дрябовъ», что значитъ пѣшій солдатъ. «А нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ живутъ посадскіе люди и дряби полоцкіе, которые люди присланы съ Москвы, а написаны въ государеву службу въ пушкари и въ стрѣльцы» [3]).

Изъ иноземной дружины, служившей московскимъ государямъ, первый Самозванецъ, по словамъ Де-Ту, отобралъ себѣ три сотни тѣлохранителей французовъ, англичанъ и шотландцевъ; «сотнею французовъ начальствовалъ уроженецъ сенскій Яковъ Маржеретъ, сотникомъ англичанъ былъ Матвѣй Кнотсенъ, и шотландцевъ Альбертъ Ланта» [4]). Смутное время повліяло разрушительнымъ образомъ на иноземную дружину московскихъ государей,—она была разбросана по всей землѣ. Часть ея, правда, съ значительными пополненіями, принимала участіе въ операціяхъ Скопина-Шуй-

[1]) Устряловъ. Сказан. современ. о Дмитріи Самозванцѣ. ч. I. Спб. 1859 г., стр. 281—282.

[2]) Тамъ же, стр. 25—27.

[3]) Чечулинъ. Города Моск. госуд. Спб. 1889 г., стр. 217.

[4]) Устряловъ. Сказаніе соврем., т. I, стр. 343—344.

скаго, сборное войско котораго по отпискѣ воеводъ Богдана Нагина, Ивана Лаптева и Третьяка Сухово отъ 2 іюня 1609 г. состояло, между прочимъ, изъ «нѣметцкихъ ратныхъ людей свитцкіе земли, цесаревы области и англинцевъ, и фрянцовъ, и скотъ, и любчанъ и иныхъ земель» [1]), среди которыхъ шведы выступали, какъ извѣстно, въ качествѣ союзниковъ; что же касается остальныхъ, то они состояли на русской службѣ. Шаткое положеніе власти царя Василія Шуйскаго перекинуло иноземцевъ въ лагерь второго Самозванца, который принялъ ихъ ласково и даже наградилъ помѣстьями въ окрестностяхъ города Козельска, но скоро разочаровался въ нихъ, убѣдившись въ ихъ вѣроломствѣ, послѣ того какъ многіе изъ нихъ перешли на сторону поляковъ [2]). Вожди народнаго ополченія прямо отвергли всякія предложенія военныхъ услугъ иноземцевъ, и въ августѣ 1612 года князь Д. М. Пожарскій писалъ иностраннымъ офицерамъ Фрейгеру, Маржерету, Эстону (Астону), Гилю и другимъ, просившимся въ русскую службу, что «наемные намъ люди иныхъ государствъ нынѣ не надобеть», что «мы сами, бояре, и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяне, и дѣти боярскіе, служимъ и бьемся за святые божьи церкви, и за православную нашу крестьянскую вѣру и за свое отечество безъ жалованья и мы чаемъ милосердаго въ Троице славимаго Бога нашего милости, оборонимся отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей и сами, Россійскимъ государствомъ, и безъ наемныхъ людей» [3]).

Одинъ изъ этихъ иноземцевъ князь Артемій Астонъ въ 1615 году нова пріѣхалъ на службу въ Московское государство съ четырнадцатью своими соотечественниками англичанами и былъ поставленъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ во главѣ собранныхъ имъ иноземцевъ «стараго выѣзда»,— «130 бѣлскихъ нѣмецъ и 141 кормовыхъ иноземцовъ», предназначенныхъ для дѣйствій противъ отрядовъ Лисовскаго [4]). Прибывшіе съ Астономъ иноземцы въ отличіе отъ прежде жившихъ въ государствѣ получили наименованіе «иноземцевъ новаго выѣзда», какъ продолжали именоваться и всѣ иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву послѣ нихъ. Въ 1618 году, наканунѣ Деулинскаго перемирія, когда для спасенія отъ Владислава были вооружаемы всѣ жители Москвы, въ ней нашлось иноземцевъ стараго выѣзда 112 человѣкъ и «отставныхъ нѣмецъ и неверстанныхъ и съ нѣмокъ со вдовъ 27 человѣкъ» [5]), а въ 1629 году въ Украинскомъ разрядѣ наряду съ иноземцами стараго выѣзда состояло «гречанъ и турскихъ полонениковъ нового выѣзду кормовыхъ 19 человѣкъ» [6]). Всѣ эти иноземцы входили въ составъ кавалеріи и во главѣ ихъ ставились ротмистры, назначаемые изъ ихъ же среды.

---

[1]) Сборникъ кн. Хилкова. Спб. 1879 г., стр. 109.
[2]) Устряловъ. Сказан. современ., стр. 121 (Лѣтопись Бера).
[3]) Собр. рос. грам. и догов., т. II, стр. 606—607.
[4]) Кн. разрядн. I, стр. 96.
[5]) Тамъ же, стр. 566, 574.
[6]) Кн. разрядн. II, стр. 218.

Такъ обстояло дѣло до 1630 года, когда московское правительство сознавая всѣ преимущества иноземнаго строя, рѣшило сформировать изъ русскихъ людей полки по европейскому образцу и во главѣ ихъ, въ качествѣ командировъ и инструкторовъ, поставить иноземцевъ стараго выѣзда. «Указали есмя прибрати въ городѣхъ стараго и новаго выѣзда къ помѣстнымъ и къ кормовымъ къ московскимъ иноземцамъ изъ городовъ дѣтей боярскихъ безпомѣстныхъ, а быти имъ въ ратномъ ученьѣ на Москвѣ, у дву нѣмецкихъ полковниковъ: у Александра Лесли да у Франца Пецнера, съ московскими нѣмцы до тысячѣ человѣкъ у полковника. И наше жалованье для ихъ бѣдности дадутъ имъ по пяти рублей, да имъ же учнутъ давать поденнаго корму по алтыну человѣку на день, и пищали, и зелья и свинецъ дадутъ же изъ нашей казны [1]). А похочетъ кто изъ нихъ служити съ городомъ и мы ихъ пожалуемъ, велимъ служить съ городомъ по прежнему». Таковы были условія призыва служилыхъ людей Московскаго государства въ ряды вновь формировавшихся полковъ иноземнаго строя, но, какъ видно изъ послѣдовавшей на такой же призывъ отписки новгородскихъ воєводъ, желающихъ на него откликнулось немного, и новгородскіе воєводы 12 іюля 1630 года доносили въ Разрядъ, что «по выпискѣ изъ пятинъ пришли къ нимъ въ съѣзжую избу къ запискѣ новгородцевъ дѣтей боярскихъ восемь человѣкъ, и мы, по твоей государевѣ грамотѣ тѣмъ дѣтемъ боярскимъ сказали, что имъ быти на Москвѣ въ ратномъ ученьѣ и твое государево жалованье по пяти рублей человѣку и поденный кормъ имъ дадутъ. А что впредь у насъ объявится дѣтей боярскихъ безпомѣстныхъ, и мы тѣхъ дѣтей боярскихъ учнемъ потому жъ къ тебѣ, государю, высылать» [2]). Итакъ, задавшись цѣлью сформировать полки иноземнаго строя изъ русскихъ людей, московское правительство сразу же обращается къ основному элементу своей арміи, къ служилымъ людямъ по отечеству и ищетъ среди нихъ подходящій контингентъ, обезпечивая его содержаніемъ и предоставляя ему возможность при желаніи вернуться обратно въ ряды русскаго строя.

За годъ передъ этимъ, въ мартѣ 1629 года, полковникъ Гансъ Каспаръ фонъ-Клитцингъ изъ Эльбинга обратился черезъ посредство своихъ офицеровъ Матіаса Бенедикта и Якова Пехлера къ псковскому воеводѣ князю Дмитрію Пожарскому, съ предложеніемъ вступить на царскую службу съ тремя тысячами нѣмецкихъ пѣшихъ солдатъ и тысячью кавалеристовъ, но предложеніе это было отклонено [3]). Ровно же черезъ годъ, когда отношенія между Рѣчью Посполитой и Москвою приняли угрожающій характеръ, 30 декабря 1630 года была предложена московскому правительству та же идея найма за границей цѣлыхъ полковъ нѣмецкихъ солдатъ пользовавшимся авторитетомъ въ Москвѣ, шотландцемъ полковникомъ Алек-

[1]) Акты Моск. госуд., т. I, стр. 300—301.
[2]) Тамъ же, стр. 309.
[3]) Собран. госуд. грам. и догов., т. III. стр. 319.

сандромъ Лесли. Послѣднимъ была подана царю Михаилу Ѳеодоровичу черезъ посредство боярина князя Черкасскаго особая докладная записка, которая въ восьми статьяхъ излагала тѣ условія, которыя онъ считалъ при этомъ необходимыми. Лесли предлагалъ предварительно снестись съ правительствами Швеціи, Даніи, Англіи, Нидерландовъ и вольныхъ городовъ Гамбурга и Любека, о разрѣшеніи въ ихъ земляхъ производить наемъ солдатъ, просилъ себѣ отъ царя особую уставную договорную грамоту и наказъ «какъ ему ратныхъ людей наймовать, на сколько ихъ лѣтъ уговорить, а кто коли уговорится и до того урочнаго времени имъ не отказать, а будетъ война продлится далѣ тѣхъ уговорныхъ лѣтъ, и имъ служити и послѣ уговорнаго срока, покамѣста война поминуется». Что же касается срока найма, то онъ «чаетъ того, что они учнутъ уговариваться на три года для того, что Московское государство отъ нѣмецкихъ земель отдалено; а будетъ мочно ихъ уговорити года на два и меньше, и онъ тѣмъ государю служить радъ» [1]). Предложеніе это было принято московскимъ правительствомъ, и Лесли въ сопровожденіи стольника Ѳедора Племянникова и подъячаго Аѳанасія Аристова 13 февраля 1631 года выѣхалъ изъ Новгорода въ Швецію, «наняти въ Свеѣ охотчихъ солдатовъ пѣшихъ 5 тысячъ, призывать къ себѣ полковниковъ и капитановъ добрыхъ, которые въ полковникахъ и капитанахъ служатъ не вновѣ и которымъ бы ратное дѣло было за обычай, и съ ними о всемъ договоръ учинить подлинный и къ вѣрѣ (присягѣ) ихъ привести по ихъ закону и записи межъ себя написать и руки свои приложить да и солдатовъ наемныхъ къ вѣрѣ потомужъ привести». Съ полковникомъ Лесли были посланы «три грамоты вѣрющія, и ему тѣ грамоты давать полковникамъ порознь, чтобъ имъ было вѣрно и надежно» при вербовкѣ людей для ихъ полковъ. «А для увѣренія, чтобъ ратнымъ людямъ, которыхъ онъ самъ станетъ наймовать было вѣрно и надежно посланы, съ нимъ, съ Александромъ, государевы двѣ грамоты вѣрющія, писаны къ поморскимъ государямъ къ королямъ и арцы-князямъ и князямъ и графамъ и вольныхъ городовъ бурмистрамъ и ратманамъ и палатникамъ,—одна писана русскимъ письмомъ, а другая нѣмецкимъ». Относительно условій найма Лесли наказывалось «говорити, чтобъ они наймовались на годъ или на полтора года, а поневолѣ наймовать и на два года, а однолично бы наймовать ратныхъ людей добрыхъ и вѣрныхъ, а француженъ и иныхъ папежскія вѣры не наймовати» [2]). 25 іюня 1631 года, по призыву Лесли на русскую службу вступилъ нѣмецкій полковникъ Гансъ Фридрихъ Фуксъ изъ Старльзунда, которому и былъ порученъ имъ наборъ одного пѣхотнаго полка «добрыхъ, вѣрныхъ, досужихъ и ученыхъ нѣмецкихъ приказныхъ людей и солдатовъ» на одинъ годъ. «А будетъ, кого полонятъ или стрѣляньемъ изувѣчатъ или искортятъ, и Царскому Величе-

[1]) Тамъ же, стр. 306—310.
[2]) Тамъ же, стр 316—322.

ству произволить велѣть тѣхъ своими проторьми въ тотъ часъ выкупать и вымѣнять, а увѣчнымъ и испорченнымъ по ихъ вѣкъ, доброй кормъ давать и ихъ воздержати» брало на себя обязательство московское правительство, обѣщая въ то же время тѣмъ изъ нихъ, которые по истеченіи контракта «въ Его Царскаго Величества землѣ остаться не похотятъ, не токмо что отпускные и заслуженный платежъ давать, но сверхъ того, за ихъ службу добрымъ подаркомъ пожаловать и на нѣмецкій рубежъ поставить» [1]). Такимъ образомъ, полковникомъ Лесли было набрано четыре полка нѣмецкихъ солдатъ и доставлены имъ къ стѣнамъ Смоленска. При извѣстіи о томъ, что въ Россіи проектируется наборъ иностранныхъ солдатъ къ правительству Михаила Ѳеодоровича 18 января 1631 года поступило предложеніе, помимо Лесли, еще и отъ служившаго раньше французскому королю и венеціанскому дожу голштинскаго полковника Генриха фонъ-Дама набрать въ Сѣверной Германіи на русскую службу «ратныхъ пѣшихъ людей цѣлой регементъ, а по русски полкъ, а въ немъ 1.600 человѣкъ, а нанять де нѣмецкихъ ратныхъ людей мочно и на рубежъ привести въ восемь мѣсяцевъ или мало того поскорѣе». Предложеніе фонъ-Дама было принято и ему предписано «наймовать прямыхъ служилыхъ, извыклыхъ людей, чтобъ къ бою во всемъ были надежны», а относительно срока ихъ найма наказывалось, «чтобъ онъ ратныхъ людей наймовалъ на одинъ годъ, а большебъ года договора съ ними не становилъ» [2]). Полкъ, набранный фонъ-Дамомъ, также подъ его командой принималъ участіе при осадѣ Смоленска. Въ то же время, въ октябрѣ 1631 года прибылъ въ Россію Адамъ Колгазе, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ датскаго короля и съ предложеніемъ нанять для московской арміи трехтысячный полкъ иноземцевъ, но предложеніе это, какъ видно, было отклонено [3]).

Миссія Лесли и фонъ-Дама по найму цѣлыхъ полковъ на службу Московскаго государства, была понята неправильно нынѣ покойными нашими военными историками П. О. Бобровскимъ и Д. Ѳ. Масловскимъ, видѣвшими въ ней лишь одинъ изъ случаевъ призыва изъ за-границы значительнаго числа инструкторовъ [4]). Заблужденіе почтенныхъ авторовъ имѣетъ

[1]) Тамъ же, стр. 326—328.

[2]) Тамъ же, стр. 310—316.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Н. Н. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. I. Москва, 1894 г., стр. 219.

[4]) П. О. Бобровскій въ одной изъ своихъ работъ замѣчаетъ, что «по примѣру Швеціи, именно Густава Адольфа, и у насъ стали заводить изъ крестьянъ поселенное солдатское войско, которое на случай войны выдѣляло изъ себя опредѣленное число солдатъ для дѣйствующей арміи. Подъ Смоленскомъ въ 1632 году, Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ 6 солдатскихъ полковъ, 1 драгунскій и 1 рейтарскій. Для устройства этихъ то именно полковъ и посланы были въ 1631 году полковники фонъ-Дамъ и Лесли, первый въ Голландію, а другой въ Швецію, для набора офицеровъ, капраловъ, рейтаръ, покупки оружія, пороха и свинцу». (Юридическій Вѣстникъ, 1882 г., т. XI. стр. 254). Блоѣе категорично то же мнѣніе высказывается проф. Д. Ѳ. Масловскимъ,

своей причиной то обстоятельство, что подъ Смоленскомъ, помимо пяти нѣмецкихъ наемныхъ полковъ, принимали участіе еще шесть русскихъ солдатскихъ полковъ иноземнаго строя, состоявшихъ, по даннымъ разрядныхъ книгъ, изъ «нѣметцкихъ полковниковъ и товарищевъ ихъ и всякихъ нѣметцкихъ и русскихъ меншихъ приказныхъ людей и русскихъ солдатъ,— дѣтей боярскихъ и новокрещиновъ и татаръ и казаковъ и казачьи братьи и племянниковъ и всякихъ волныхъ людей» [1]).

Есть основаніе предполагать, что московское правительство широко пользовалось иноземцами какъ учителями и посылало русскихъ людей въ полки Лесли и фонъ-Дама, но въ такомъ количествѣ, что дѣятельность контингента этихъ полковъ не могла сводиться исключительно къ инструкторской. «Посланы на государеву службу полковники: Александръ Лесли, Индрикъ Фандамъ, Валентинъ Росформъ, Тобіасъ Унзинъ и товарищи ихъ и ихъ полковъ русскіе солдаты» [2]). Объ иноземцахъ инструкторахъ въ московской рати 1632 года находимъ свѣдѣнія и въ хронографѣ архіепископа Пахомія, откуда узнаемъ, что иниціаторомъ ихъ вызова былъ патріархъ Филаретъ. «Царь же по совѣту, паче же рѣщи по повелѣнію патріархову, писываетъ отъ Датцкое и изъ иныхъ немецкихъ земель на помощь себѣ полковниковъ имянитыхъ людей и храбрыхъ и съ ними множество солдатовъ и отверзаетъ царская своя сокровища и жалуетъ немецкихъ людей нещадно, и даетъ имъ въ наученіе ратному дѣлу русскихъ вольныхъ людей» [3]). Помимо наемныхъ нѣмецкихъ полковъ и русскихъ полковъ иноземнаго строя, въ Смоленскомъ походѣ боярина Шеина принимали участіе и отряды иноземцевъ стараго выѣзда подъ командою своихъ ротмистровъ. «Велѣно быти на твоей государевой службѣ съ нами иновѣрцомъ ротмистромъ Николаю Мустофину съ гречаны, съ сербяны, съ волошаны, съ угряны, съ мултяны, да Прокофью Мишевскому, Юрью Кулаковскому съ роты съ полякы и съ литвою», писалъ бояринъ Шеинъ въ Разрядъ 9 сентября 1632 года [4]).

Неудача подъ Смоленскомъ воочію обнаружила передъ московскимъ правительствомъ, что иноземныя войсковыя массы, навербованныя изъ кого попало и ничѣмъ не связанныя съ государствомъ, которому служатъ, кромѣ

«Царь Михаилъ послалъ», по его словамъ, «Лесли и фонъ-Дама за-границу для найма инструкторовъ, по предположенію, въ очень значительномъ числѣ (до 7.000); при такихъ условіяхъ въ 1632 году сформировались четыре солдатскихъ и одинъ копейно-рейтарскій полкъ, въ составѣ до 9.500 человѣкъ, изъ коихъ до 6.500 было русскихъ солдатъ, а иноземныхъ инструкторовъ не болѣе 2.500—3.000. Полки, по ихъ сформированіи, двинуты прямо подъ Смоленскъ къ Шеину». (Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи, вып. I, СПБ., 1891 г., стр. 21—22).

[1]) Книги разрядныя II, стр. 388.

[2]) Акты Моск. Госуд. I, стр. 525.

[3]) Поповъ Андр. Изборникъ сочин., внесен. въ хроногр. Москва, 1869 года, стр. 316.

[4]) Акты Москов. госуд.; I, стр. 390.

добычи и корыстныхъ разсчетовъ, ложились на небогатую московскую казну тяжелымъ бременемъ, дурныя стороны котораго далеко не окупались хорошими. Сама собою возникала и зрѣла мысль, что несравнимо цѣлесообразнѣе нанимать иностранцевъ для военнаго дѣла ограниченными группами, на значительные сроки и исключительно въ качествѣ инструкторовъ, выбирая среди нихъ наиболѣе опытныхъ и искусныхъ. Вотъ почему послѣ смоленской катастрофы московское правительство рѣшительно останавливается на созданіи національной арміи иноземнаго строя и начинаетъ пользоваться иностранными силами только въ качествѣ инструкторовъ. Но способъ комплектованія арміи приглашеніемъ иностранцевъ цѣлыми полками былъ оставленъ нашими предками послѣ первой неудачи не навсегда, а повторенъ ими еще разъ въ 1660 году, когда московское правительство писало къ иноземному гостю Горну въ Любекъ, «дабы онъ учинилъ договоръ вывезть въ россійскую службу полковника Максимиліана фонъ-Бурна съ четырьмя полками рейтарскими и четырьмя солдатскими учеными, со всѣмъ строемъ и съ огнестрѣльными мастерами, инженерами, пушкарями и всякими вымышленниками, полковника Вернера Дыхейке съ тремя полками рейтарскими и двумя солдатскими, полковника Генриха фонъ-Ерата съ рейтарскимъ его полкомъ на три года» [1]). Тогда же былъ отправленъ въ Лондонъ русскій уполномоченный Иванъ Гебдонъ, который представилъ Карлу II «государево желаніе нанять въ Англіи въ россійскую службу 3.000 конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей съ офицерами». Король дозволилъ, и 29 марта 1661 года послѣдовало на это утвержденіе парламента; такимъ образомъ, были наняты въ Англіи на русскую службу генералъ князь Вилимъ Келетравъ, съ офицерами и 3.000 рядовыхъ, а для встрѣчи ихъ посланы въ Архангельскъ стольникъ Лодыженскій и дворянинъ Лихачевъ «съ товарищи» [2]).

Перевороты въ Англіи и Тридцатилѣтняя война породили на Западѣ большое количество профессіоналовъ военнаго дѣла, которые видѣли въ своемъ ремеслѣ исключительно источникъ наживы и охотно предлагали свой трудъ тамъ, гдѣ встрѣчался на него спросъ. Московское правительство, рѣшившись пользоваться военными услугами иностранцевъ только въ качествѣ инструкторовъ, предпочитало необходимый контингентъ само отыскивать за-границей, отклоняя, за рѣдкимъ исключеніемъ, предложенія, поступавшія непосредственно отъ нихъ. Такъ, указомъ 1639 г. путивльскому воеводѣ воспрещалось пропускать черезъ границу иноземцевъ, ѣдущихъ на нашу сторону, исключая тѣхъ, «которые польскіе и нѣмецкіе люди полковники или иныхъ большихъ чиновъ начальные люди, а скажутся, что они великихъ думныхъ честныхъ людей дѣти и братья и племянники, и собою добры и прожиточны, и свидѣтельные листы у нихъ есть, что они

[1]) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ, ч. II, стр. 194.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 116.

великихъ думныхъ честныхъ людей дѣти, и братья, и племянники, и наперед того въ Московскомъ государствѣ въ полону и для службы не были, а пріѣхали на наше царское имя на вѣчную службу вновь». Указъ предписывалъ ихъ «разспрашивать и о пріѣздѣхъ и о вѣстѣхъ писать государю подлинно, а имъ быть на рубежѣ до указу» [1]). Актъ этотъ говоритъ объ иноземцахъ, пріѣзжавшихъ «на вѣчную службу, на царское имя», которымъ противополагались пріѣзжавшіе на время «по годамъ», «на наемъ», «по договору», и которыхъ предписывалось «ворочать обратно». Тотъ же принципъ пріема только «знатныхъ, прожиточныхъ и семьянистыхъ иноземцевъ», которые пріѣхали «на вѣчную службу и собою добры и людны», былъ выставленъ московскимъ правительствомъ и въ 1642 г. въ наказѣ псковскому воеводѣ, воспрещавшемъ въѣздъ въ предѣлы государства «обышной шляхтѣ» [2]).

Порученія по найму иноземцевъ инструкторовъ московское правительство давало своимъ посланникамъ и особо довѣреннымъ служилымъ иноземцамъ. Такъ въ 1653 году было снаряжено имъ цѣлое посольство за-границу для вызова на русскую службу иноземныхъ «военныхъ полковниковъ и добрыхъ и бывалыхъ капитановъ и поручиковъ» [3]), а въ 1658 г. посланъ въ Голландію «съ чиномъ комиссара иноземецъ Иванъ Ивановъ сынъ Гебдонъ съ сыномъ Рихардомъ для покупки ружья и призыву въ Россію офицеровъ, доктора и аптекаря» [4]). Извѣстный сотрудникъ Петра Великаго Патрикъ Гордонъ пріѣхалъ въ Россію въ 1662 г. по условію, заключенному имъ въ Польшѣ съ русскимъ посланникомъ Леонтьевымъ [5]). Но несмотря на всѣ усилія, московское правительство, за рѣдкимъ исключеніемъ, нападало на весьма неважный элементъ и по замѣчанію шведа Фарбера, относящемуся ко времени около 1646 года даже нѣмецкіе офицеры, состоявшіе на русской службѣ «были въ большинствѣ негодные люди, которые не надѣялись достигнуть значительныхъ мѣстъ въ другихъ государствахъ» [6]), а Гордонъ въ 1663 г. писалъ: «прибыло въ Россію очень много иноземныхъ офицеровъ, большая часть изъ нихъ ничтожные и дурные люди, многіе никогда не служили въ офицерскихъ чинахъ, но внѣ родины выдавали себя въ этомъ достоинствѣ». Сколь мало требовалось отъ иноземцевъ-инструкторовъ и офицеровъ, поступавшихъ на русскую службу, лучше всего видно по даннымъ смотра и набора Милославскаго въ Голландіи въ 1653 г. «Майоръ Исакъ фонъ-Буковенъ, капитаны и солдаты пришли на посольскій дворъ къ смотру: Филиппъ Албертъ фонъ-Буковенъ выходилъ съ мушкетомъ и съ пиками съ капитанскою и солдатскою, стрѣ-

[1]) Акты Моск. Госуд., т. II. стр. III.
[2]) Акты Арх. Экспед., т. III, стр. 463—464.
[3]) Бантышъ-Каменскій. Обзоръ, ч. II, стр. 148.
[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 185.
[5]) Чтенія Имп. Об. ист. и древ. рос. 1892 г., т. III, стр. 9.
[6]) Сѣверный Архивъ. 1822 г., т. I, стр. 158.

лялъ изъ мушкета и шурмовалъ пикою и шпагою различныя штуки и по досмотру *добрѣ добрѣ;* Виламъ Алимъ до досмотру *добрѣ;* Ефимъ вахмистръ по досмотру *умѣетъ;* Яковъ Рокартъ *умѣетъ;* Юрій Гаріохъ по смотру *середній,* и майоръ фонъ-Буковенъ говорилъ, что Гаріоха съ капитанскій чинъ не будетъ, какъ ему неученыхъ людей солдатской справкѣ выучить и къ бою привесть, онъ и самъ ратнаго строя ничего не знаетъ. Послы майоровы рѣчи велѣли записать и ему, майору, къ тѣмъ рѣчамъ велѣли руку приложить. Яковъ Стюартъ выходилъ съ мушкетомъ, шурмовалъ и стрѣлялъ и застрѣлилъ трехъ человѣкъ,—толмача Нечая Дрябина да двухъ солдатъ нѣмцевъ, у Нечая да у нѣмчина испортилъ по рукѣ, да на всѣхъ на нихъ прожегъ платье, за пику солдатскую приняться и шурмовать не умѣлъ и по смотру *худо добрѣ;* а майоръ фонъ-Буковенъ говорилъ, что Гаріохъ въ капитаны, а Стюартъ и въ солдаты не годится». Въ результатѣ этого смотра оказались принятыми 19 иноземцевъ.

По свѣдѣніямъ шведскаго посланника Поммеренинга двѣ тысячи дворянъ-рейтаръ, порученныхъ въ Москвѣ тому же маіору Буковену, не хотѣли позволить командовать собою голландскимъ и вообще иноземнымъ офицерамъ, которыхъ они называли некрещеными и о которыхъ отзывались, что они сами большею частію не служили, и бывшіе подъ Смоленскомъ изъ русскихъ понимаютъ больше нихъ. Изъ упомянутыхъ двухъ тысячъ дворянъ-рейтаръ двѣсти ежедневно обучалось ратному строю, готовясь сами стать инструкторами, чтобы учить своихъ товарищей и командовать ими. Наоборотъ, Мейербергъ, посѣтившій Москву въ 1661 году, отмѣчаетъ, что «справедливо удивится всякій, что московскій народъ, привыкшій ставить ни во что иноземные народы изъ гордаго своенравія, не отказываетъ въ повиновеніи иностраннымъ начальникамъ. Вся сила состоитъ въ дознанной доблести послѣднихъ, которой онъ не находитъ въ своемъ соотечественникѣ, потому что всѣ граждане здѣсь хорошо извѣстны другъ другу и ни одинъ изъ нихъ никогда не подчинится другому, о которомъ знаетъ, что и тотъ также, какъ и самъ онъ, не храбраго десятка, да и безъ всякихъ свѣдѣній. А заѣзжему воину, въ пользу котораго говоритъ молва объ его храбрости, онъ повинуется безропотно, какъ человѣку, справедливо поставленному выше него» [1]). Поступавшіе на русскую службу иноземные офицеры принимались не всегда тѣмъ чиномъ, который они имѣли за-границей, иногда высшимъ, но чаще низшимъ. Такъ, Лесли, оставивъ Россію послѣ смоленской катастрофы въ чинѣ полковника, дослужился въ Швеціи до генералъ-маіора; изъявивъ же желаніе въ концѣ 40-хъ годовъ вновь служить московскому государю, онъ былъ принятъ прежнимъ чиномъ полковника [2]). Дальнѣйшее движеніе въ чинахъ иноземъ-

[1]) Мейербергъ, баронъ Августинъ. Путешествіе въ Московію. Москва, 1874 г., стр. 180.

[2]) Цвѣтаевъ Д. Протестантство и протестанты въ Россіи. Москва. 1890 г., стр. 376.

ныхъ офицеровъ на русской службѣ шло по волѣ правительства и по представленію начальства. Такъ въ росписи иностранныхъ офицеровъ 1649 г. читаемъ: «полковникъ Гамалтовъ бьетъ челомъ Государю, что онъ (поручикъ) Олферей годенъ быть у него въ полку въ капитанахъ», или тамъ же находимъ про маіора Гуго Крафорта, что «полковникъ Мунго Кормихель бьетъ челомъ государю объ немъ маеорѣ о Гугѣ и подалъ въ росписи, что годенъ быть у него въ полку въ подполковникахъ [1]).

Относительно положенія иностранцевъ-инструкторовъ военнаго дѣла въ Московскомъ государствѣ Мейербергъ сообщаетъ, что царь Алексѣй «не тяготился платить имъ жалованье даже и задаромъ въ мирное время, чтобы имѣть ихъ всегда на-лицо при неожиданно наставшей войнѣ, но онъ жестоко издѣвался надъ условіями, которыми они обезпечивали себѣ увольненіе на родину, останавливая одного щедростью, другого просьбами, третьяго повышеніемъ и даже, если ему угодно, ссылкою въ излучистые закоулки безвыходныхъ трущобъ» [2]). Характернымъ подтвержденіемъ послѣдняго сообщенія посла германскаго императора могутъ послужить данныя объ участи не безызвѣстнаго среди московскихъ иноземцевъ генерала Николая Баумана. Прибывъ въ Россію изъ Даніи въ чинѣ полковника въ 1658 году, онъ вскорѣ обошелъ всѣхъ кандидатовъ на видныя военныя должности и былъ произведенъ въ генералъ-поручики. Въ 1662 году, ссылаясь на то, что давно миновали тѣ три года, на которые былъ приглашенъ Бауманъ, датское правительство стало требовать его возврата, на что послѣдовалъ изъ Москвы отвѣтъ только въ 1666 году и такого содержанія, что «мы генералъ-поручика Бовмана неволей держать не велимъ, а что противъ его вымыслу какіе дѣла къ нашего царскаго величества полковому дѣлу начаты и въ совершенье не приведены, и по нашему указу ему, генералъ-поручику, пробыть у насъ въ Москвѣ до тѣхъ поръ, покамѣсть у него тѣ вымышленныя имъ для полкового строенія дѣла въ совершенье будутъ приведены, и какъ они учинятся, мы его велимъ отпустить». Упорно задерживаемый на русской службѣ, энергичный иноземецъ Бауманъ продолжалъ пользоваться и разными царскими милостями, а въ 1668 году получилъ даже чинъ полнаго генерала за то, что въ предыдущую войну 1664 года, дѣйствуя въ полку князя Черкасскаго «подъ литовскими городами на приступахъ и на полевыхъ бояхъ многихъ непріятелей побивалъ и всякіе промыслы чинилъ». Генералъ Бауманъ былъ отпущенъ въ Данію лишь 30 декабря 1670 г. и только послѣ того, какъ изъ-за интригъ, направленныхъ противъ него, произошли крупные безпорядки среди иноземцевъ, и не только Москвы, но и отдаленныхъ Сѣвска и Бѣлгорода [3]). Но такіе свѣдущіе и достойные люди попадались среди служилыхъ ино-

[1]) Дополн. къ Ак. Истор., т. III, стр. 170–171.
[2]) Мейербергъ. Назв. соч.. стр. 177.
[3]) Цвѣтаевъ Д. Назв. соч., стр. 298–321.

земцевъ Московскаго государства не часто, основнымъ контингентомъ ихъ были тѣ отбросы военныхъ кадровъ, которые породила Тридцатилѣтняя война и которые не находили примѣненія у себя дома. «И межъ такими людьми», какъ характеризуетъ ихъ нравы одно изъ тогдашнихъ военныхъ руководствъ, «услышишь проклинаніе, клятвы, свары и брани, кражу и грабежъ и всякія бездѣльныя мѣры» [1]). То же видно и изъ челобитной коломенцевъ,—посадскихъ людей, поповъ, стрѣльцовъ, пушкарей и воротниковъ отъ 1654 года, гдѣ они жаловались, что «маюръ Андрей Цѣй съ товарищи своими по вечеромъ, ночи, послѣ барабаннаго бою, съ солдаты по вся дни по улицамъ ходятъ и ихъ де поповъ хватаютъ и бьютъ и увѣчатъ напрасно, и отводятъ къ нему маюру на дворъ и запираютъ въ подклѣтъ и мучатъ для своей бездѣльной корысти» [2]).

Что касается юридическаго положенія служилыхъ иноземцевъ въ Московскомъ государствѣ, то они чаще всего бывали близки къ городовому дворянству и обезпечивались, подобно послѣднему, населенными помѣстьями, но еще Михаилъ Ѳеодоровичъ съ Филаретомъ Никитичемъ замѣтили, что русскимъ людямъ, живущимъ за нѣмцами, чинится «тѣснота и осквернѣніе» [3]), а благочестивому царю Алексѣю Михайловичу «вѣдомо учинилося, что они, некрещеные нѣмцы, своимъ крестьянамъ чинили всякій налогъ и утѣсненіе въ нашей православной христіанской вѣрѣ греческаго закона и крестьянскимъ душамъ многое осквернѣніе и многіе изъ крестьянъ безъ отцовъ духовныхъ, безъ покаянія помирали, и въ великій постъ и въ иные посты мясо и всякій скоромъ съ ними, нѣмцы, ѣли и съ ними неволею всячески пріобщалися и отъ святыни, по неволѣ отъ нихъ, нѣмецъ, отлучилися». Результатомъ этого появился царскій указъ объ отобраніи помѣстій отъ иноземцевъ и повелѣніе «иноземцомъ, всякихъ чиновъ людемъ, вотчины свои продавать русскимъ людемъ, а иноземцомъ некрещеннымъ не продавать» [4]). Царю Алексѣю Михаиловичу приписывается также и изданіе указа, опредѣлявшаго «еретиковъ и всякихъ нѣмцовъ на воеводства не посылать и воеводами не опредѣлять, а быть имъ только на Москвѣ и записываться имъ по черной сотнѣ и въ службу царскую вступать, по нужѣ, въ ратную» [5]).

Всѣ иноземцы, обитавшіе въ Москвѣ, составляли какъ бы особый классъ, жившій сначала въ Наливкахъ, а позже на Болвановкѣ и въ приязскомъ селеніи, получившемъ названіе Нѣмецкой Слободы. Неурядицы Смутнаго времени разсѣяли оставшихся въ странѣ иноземцевъ по территоріи всего государства, и только съ воцареніемъ дома Романовыхъ они

[1]) Военный журналъ 1853 г., № IV, стр. 32.

[2]) Акты Историч., т. IV, стр. 201.

[3]) Полн. Собр. Зак., т. I, стр. 128.

[4]) Цвѣтаевъ. Назван. соч. стр. 377, 674. Полн. Собр. Зак., т. I, стр. 308. Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію. Спб. 1906 г., стр. 306.

[5]) Русск. Старина 1871 г., т. III, стр. 393, и 1882 г., т. IV, стр. 277.

снова стали стягиваться къ центру, къ Москвѣ, и селиться въ Бѣломъ и Большомъ городахъ, пока въ 1643 году не послѣдовало повелѣнія: въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ и за городомъ и въ слободахъ нѣмцамъ и нѣмкамъ вдовымъ не покупать и не брать въ закладъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ у русскихъ людей. Указъ этотъ позже вошелъ почти тѣми же самыми словами и въ соборное уложеніе царя Алексѣя Михаиловича [1]). Но это была временная мѣра, такъ какъ въ 1652 году, послѣ опустошительныхъ пожаровъ, всѣ иноземцы были удалены за Москву, гдѣ «по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Руссіи Аѳанасій Ивановъ Нестеровъ да дьяки Ѳедоръ Ивановъ да Богданъ Арефьевъ строили Новую Иноземскую Слободу за Покровскими воротами, за Земляным городомъ, подлѣ Яузы рѣки, гдѣ были напередъ сего нѣмецкіе дворы, при прежнихъ великихъ государѣхъ до московскаго разоренья, и роздали въ той Нѣмецкой слободѣ подъ дворы земли, размѣря противъ наказу, каковъ имъ данъ изъ Земскаго приказа». Причемъ было дано «служивымъ нѣмцамъ *первая статья* вдоль по 40, поперекъ по 20 сажень; *другая статья* вдоль по 30, поперекъ по 15 сажень; *третья статья* вдоль по 15, поперекъ по 10 сажень; а *меньшихъ статей* нѣмцамъ: сержантамъ, и капраламъ, и полковымъ обозничимъ и всякихъ мелкихъ чиновъ служилымъ нѣмцамъ вдоль по 10, поперекъ по 8 сажень» [2]). Военно-служилые иноземцы, обитавшіе въ стратегическихъ пунктахъ Сѣвскѣ, Бѣлгородѣ, Астрахани и нѣкоторыхъ другихъ, по словамъ Олеарія, нерѣдко имѣли тамъ свои семьи и дома и были соорганизованы подобно московскимъ, но на свое пребываніе тамъ смотрѣли, какъ на временное, и стремились въ Москву къ своему домашнему очагу.

Еще Мейербергъ отмѣтилъ, что царь «войско свое не ввѣряетъ никакому другому вождю, кромѣ москвитянина» [3]). И дѣйствительно, не говоря про военное, даже въ мирное время, назначая иноземныхъ офицеровъ инструкторами для обученія солдатскому строю, поселенныхъ на нѣмецкой украйнѣ солдатъ, московское правительство велитъ мѣстному воеводѣ Иванису Кайсарову «вѣдать въ Сумерской волости и въ Старопольѣ крестьянъ во всякихъ дѣлѣхъ судомъ и управою и салдатцкому строю учить ему Иванису... и того Иванису беречь надъ иноземцы начальными людьми смотрѣть, чтобы они Сумерскія волости и Старополья крестьяномъ, которые будутъ въ солдатцкой службѣ, никакіе налоги и насильства и никакого поруганья не дѣлали, и ничего съ нихъ не имали и убытковъ имъ никакихъ не чинили, а учили бъ ихъ неоплошно» [4]).

Что касается юридическаго положенія иноземцевъ начальныхъ людей,

---

[1]) Неволинъ. Полн. собр. соч., т. IV. Спб. 1857 г., стр. 274.
[2]) Полн. Собр. Закон., т. I, стр. 273.
[3]) Мейербергъ. Назван. соч., стр. 182.
[4]) Дополн. къ Акт. Историч., т. III, стр. 232—233.

то прямой зависимости ихъ отъ русскихъ воеводъ установить нельзя. Такъ, при осадѣ Смоленска, Шеинъ собралъ однажды военный совѣтъ,— не испробовать ли открытую атаку королевскаго обоза. Полковникъ Лесли совѣтовалъ прямо ударить на непріятеля, а полковникъ Сандерсонъ, родомъ англичанинъ, полагалъ, что слѣдуетъ держаться за окопами. Пылкій и ревнивый Лесли назвалъ Сандерсона измѣнникомъ. Шеинъ успѣлъ развести соперниковъ и принялъ мнѣніе Лесли. Вскорѣ, терпя отъ холода, наши пошли въ лѣсъ за дровами, гдѣ на нихъ напали поляки и убили до 500 человѣкъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до русскаго лагеря, то Шеинъ въ сопровожденіи Лесли и Сандерсона отправился на мѣсто катастрофы; и здѣсь, указывая на трупы павшихъ, Лесли укорилъ Сандерсона: «это твоя работа, ты далъ знать королю, что наши пойдутъ въ лѣсъ». Оскорбленный англичанинъ закричалъ: «лжешь». Лесли же, не говоря ни слова, застрѣлилъ его изъ пистолета, за что не былъ подвергнутъ суду Шеина, и этотъ самоуправный поступокъ его остался безнаказаннымъ [1]).

Отсутствіе дисциплинарной власти у русскихъ воеводъ по отношенію къ иноземнымъ начальнымъ людямъ видно и изъ слѣдующихъ словъ царскаго наказа 1649 г. В. А. Чеглокову и С. П. Елагину,—велѣно «Василью Александровичу и Степану полковникомъ говорить, чтобъ они товарищевъ своихъ ото всякого воровства унимали и въ томъ на себя государевы опалы не навели, а подначальныхъ людей и салдатъ отъ воровства велѣть унимать (имъ воеводамъ) съ наказаніемъ». Наказъ этотъ говоритъ объ иноземцахъ полковникахъ, назначенныхъ къ обученію заонѣжскихъ и лопскихъ поселенныхъ солдатъ [2]).

Несвѣжую струю съ культурнаго Запада вносили въ Москву пріѣзжіе иноземцы-инструкторы, которые сами скорѣе поддавались мѣстному вліянію и заживались въ пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ, досиживаясь нерѣдко въ своей деревнѣ до третьяго нѣта и бѣгали со службы, за что предписывалось бить ихъ кнутомъ и батогами, понижать въ чинахъ и высылать за-границу [3]). Такъ въ разборной книгѣ 1671 года находимъ: «Маіоръ рейтарскаго строю Адамъ Ларкъ, жалованья ему 16 рублевъ въ мѣсяцъ, на службѣ великаго государя не былъ, и за то ему учинено наказаніе: вмѣсто кнута бить батоги, велѣно написать въ ротмистры и послать на службу въ Тамбовъ; дана ему государева грамота, и онъ, взявъ государеву грамоту, на службу не поѣхалъ, и ему за то чинено другое наказанье: бить батоги жъ, вмѣсто кнута, и написать въ поручики, отпустить велѣно во свою землю». Такъ же точно и «капитанъ Григорій Гамербекъ на службѣ великаго государя не былъ: и за то ему учинено наказаніе: вмѣсто кнута

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. IX, стр. 224—225.

[2]) Дополн. къ Акт. Историч., т. III, стр. 232—233.

[3]) Устряловъ. Русское войско до Петра Вел., стр. 66 и др. Полн. Собр. Зак., т. I, стр. 9. Уложен. гл. VII, ст. 9.

бить батоги, и іюня въ 14 день велѣно его написать въ поручики и послать на службу въ Тамбовъ; и онъ послѣ того на службу не поѣхалъ же, и іюня жъ въ 18 день, учинено ему другое наказаніе: бить батоги жъ, и велѣно его написать въ прапорщики и отпустить въ свою землю» [1]). Но не всегда Московское правительство прибѣгало къ такимъ суровымъ мѣрамъ. Такъ, иноземцевъ полковниковъ и другихъ начальствующихъ лицъ, бѣжавшихъ въ 1667 году изъ Гадича въ Москву, было велѣно всего лишь «отпустить въ свои земли» съ удержаніемъ за нѣсколько прошлыхъ мѣсяцевъ жалованья, «а будетъ вскорѣ не поѣдутъ, выслать ихъ съ Москвы за приставы» [2]).

С. М. Соловьевъ характеризуетъ нашихъ служилыхъ иноземцевъ, какъ казаковъ Западной Европы. Тамъ не было степей, но было два выхода, или плыть за океанъ, какъ у нашихъ идти за Камень, или «служить въ семи ордахъ семи королямъ».—«Волею или неволею, оторвавшіеся отъ родной страны, мѣняющіе службу, знамена, смотря потому, гдѣ выгоднѣе, составляя пеструю дружину пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ, служилые иноземцы были совершеннѣйшіе космополиты, отличавшіеся полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ той страны, гдѣ они временно поселились, отличавшіеся легкою нравственностью, побольше жалованья, побольше добычи—оставалось всегда главною цѣлью. Трудно было сыскать между ними кого-нибудь съ научнымъ образованіемъ, но это были обыкновенно люди живые, развитые, много видѣвшіе, много испытавшіе, имѣвшіе много кой о чемъ поразсказать, пріятные и веселые собесѣдники, любившіе хорошо, весело пожить, попировать за полночь, беззаботные, живущіе день за день, привыкшіе къ крутымъ поворотамъ судьбы,—нынче хорошо, завтра дурно, нынче побѣда, богатая добыча, завтра проигранное сраженіе, добыча отнята, самъ въ плѣну» [3]). Характеристика эта высокохудожественна, какъ и все вышедшее изъ подъ пера нашего знаменитаго историка; она кладетъ рядъ мѣткихъ штриховъ, рельефно вырисовывающихъ фигуру служилаго иноземца Московскаго государства, но все же ее нельзя признать чуждой нѣкоторой идеализаціи и, кромѣ того, какъ это видно, она во многомъ отступаетъ отъ дѣйствительныхъ фактовъ и наблюденій современниковъ.

А. Бородинъ.

---

[1]) Ивановъ П. Описаніе Государ. Архива Старыхъ Дѣлъ. Москва. 1850 г., стр. 305.
[2]) Дополн. къ Акт. Историч., т. V, стр. 208.
[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XIII, стр. 218 - 219.

Петръ Великій и народное просвѣщеніе [1]).

Интересный докладъ Ѳ. Г. Бернштама, выслушанный обществомъ ревнителей исторіи, обрисовалъ живыми чертами Петра Великаго во время пребыванія его за границею. Тутъ и его мелкіе, но характерные недостатки, сказывающіеся въ просьбѣ о присылкѣ большого количества «крѣпыша», тутъ и его обширный пытливый умъ, умѣвшій быстро отличать внѣшнее и показное отъ полезнаго и достойнаго пересадки на русскую почву...

Трудно жилось русскому человѣку въ XVII вѣкѣ. Съ востока и запада враждебно окружали его иноземцы, возбуждая его крайнее недовѣріе,—чуждые ему по вѣрѣ, по образу жизни, по языку, непонятные въ своемъ общественномъ устройствѣ,—всегда могущіе то угрожать силою, то дѣйствовать хитростью и коварствомъ. Противъ всѣхъ надо было быть насторожѣ и сторониться отъ нихъ. Поэтому личныя свѣдѣнія людей Московской земли о чужихъ странахъ были крайне скудны и поверхностны. Еще болѣе недостаточны и въ значительной мѣрѣ фантастичны были свѣдѣнія научнаго характера, преимущественно изъ области космографіи. Хотя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и была дана въ 1639 году Олеарію грамота о томъ, что «вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ въ *астрономіи и географусѣ*, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ; а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ», но еще сорокъ лѣтъ спустя Симеонъ Полоцкій опредѣлялъ число языческихъ боговъ въ 30.000 и писалъ, что видимый міръ состоитъ изъ естества небесъ и естества стихійнаго, небеса же суть троякія: небо *эмпирейское* въ 428.000 верстъ, небо *кристальное* и затѣмъ *твердь*, на которой водружены звѣзды и планеты и т. д.

Какія космографическія и политико-экономическія понятія были распространены въ нашемъ обществѣ до конца XVII столѣтія и находили себѣ выраженіе не только въ рукописныхъ хронографахъ, но и въ печатныхъ сочиненіяхъ, видно изъ того, что тамъ трактовалось о «Мазическомъ царствѣ дѣвичьемъ»,—жительницы котораго «сходятся съ Эѳіопами

[1]) Настоящій докладъ былъ прочитанъ А. Ѳ. Кони, нынѣ почетнымъ членомъ Императорскаго Общества Ревнителей Исторіи, въ общемъ собраніи 18 февраля 1915 г.
Ред.

съ году на годъ: мужской полъ отдаютъ Эѳіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляютъ»,—о великанахъ съ песьими головами, о змѣяхъ, у которыхъ «лицо дѣвическое, до пупа человѣкъ, а отъ пупа хоботъ зміевъ, крылаты, а зовомы василиски»,—«о людяхъ Астромовехъ, кои живутъ въ индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обѣихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучего и отъ яблокъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покамѣстъ у нихъ запахи есть, по та мѣста и живутъ»,—и о людяхъ «Монокуляхъ объ одной ногѣ, а коли солнце печетъ и они могутъ покрытись ногою, какъ лапой» и т. д.

Въ этого рода сочиненіяхъ описанію сосѣдей нашихъ съ Запада отводилось меньше мѣста, чѣмъ фантастическому описанію «дивіихъ людей», да и характеристики этихъ сосѣдей отличались большою краткостью. Такъ, французы оказывались «зѣло храбры, но невѣрны и въ обѣтѣхъ своихъ не крѣпки, а пьютъ много», жители «королевства агленскаго—нѣмцы купеческіе и богатые, воинскихъ людей у нихъ мало, а сами мудры и докторуваты, а пьютъ много», а люди королевства польскаго «величавы и обманчивы,—пьютъ зѣло много, платья носятъ зѣло цвѣтно и всякимъ слабостямъ покорны, а вольность имѣютъ велику, паче всѣхъ земель».

Хотя старая Русь имѣла довольно богатую духовную письменность,—хотя она обладала многими лѣтописями, сказаніями и поэтическими легендами, но во всѣхъ нихъ было отсутствіе свѣдѣній о западѣ Европы и о явленіяхъ природы. Четіи-Минеи, Китежскій лѣтописецъ 1167 года, переписка Новгородскаго Архіепископа Василія съ Тверскимъ Епископомъ Ѳеодоромъ въ XIV вѣкѣ о раѣ видимомъ и раѣ мысленномъ и т. п. полны поэтическихъ образовъ, но не имѣютъ никакого отношенія къ современной имъ дѣйствительности, а такія сочиненія, какъ, напримѣръ, Домострой или трудъ Котошихина, касаются исключительно внутренняго быта и обычаевъ старой Россіи.

Не было и *личнаго* ознакомленія русскихъ людей съ Западомъ. Путешествія и паломничества послѣднихъ направлялись на Востокъ. Повѣствованія о нихъ крайне односторонни и содержатъ въ себѣ наблюденія чисто внѣшняго характера. Таковы описанія хожденій въ Святую Землю въ XVI вѣкѣ игумена Даніила и старца Леонтія, въ XV вѣкѣ инока Симеона и купца Афанасія Никитина и въ XVII вѣкѣ купца Василія Гагары. Всѣ эти описанія наполнены, главнымъ образомъ, разсказами о святыняхъ, храмахъ и мѣстахъ, освященныхъ чудесами, при чемъ все это воспринято авторами съ крайнею довѣрчивостью. Такъ, напримѣръ, Гагара разсказываетъ, что видѣлъ въ Іерусалимѣ пупъ земли и щель, ведущую въ адъ, и вѣритъ въ то, что близъ Тифлиса въ горахъ живутъ цари Гогъ и Магогъ, а между двумя вершинами Арарата стоитъ Ноевъ ковчегъ.

Отчеты и статейные списки служилыхъ людей, посылаемыхъ въ чужестранныя земли въ XVII вѣкѣ, отличаются лишь свѣдѣніями, почерпнутыми изъ внѣшней наблюдательности, лишенной анализа, или принятыми

на вѣру данными сомнительнаго достоинства. Примѣромъ можетъ служить отчетъ посольства къ Алтынъ-царю (Монголія) казаковъ Тюменева и Петрова въ 1617 году. Посламъ въ числѣ пяти человѣкъ предписано было давать поденнаго корму «на человѣка въ день по два калача да говядины какъ имъ можно сытымъ быть, да питья всѣмъ вопче по тринадцать чарокъ вина, три ведра пива и ведро меду». Они доносили между прочимъ: «а на завтрее того дни ѣли мы у Алтынъ-царя, а царь передъ нами государю шертвовалъ по своей мусулской вѣре: подымалъ на руки бога своего честна. А богъ у нихъ вылитъ въ золотѣ, что робеночекъ невеликъ, а царь говорилъ, что у нихъ только и вѣры, что они боговъ своихъ подымаютъ и имъ кланяются, а не прикладываютца. А на отпускѣ далъ имъ царь своего жалованья по три коня да одному изъ нихъ далъ дѣвку и та у него дѣвка въ дороге у Сали Вычегодцкой умерла, а везъ онъ ѣе к Москве, да имъ же далъ по шубе боранье опушены соболье». Такъ въ другомъ отчетѣ въ 1697 году разсказывается, что около Сициліанскаго острова стоитъ гора Струмболій, на верху которой непрестанно горитъ огонь, а въ горѣ, по словамъ жителей, обиталище дьяволанъ, а также, что въ Венеціи у сенатора много натуральныхъ вещей и въ томъ числѣ каменные рака отъ натуры великіе, курица о четырехъ ногахъ и василискъ, который можетъ умертвить человѣка зрѣніемъ. Съ начала XVIII столѣтія поѣздки русскихъ людей въ Западную Европу становятся чаще, но вниманіе путешественниковъ въ первое время, главнымъ образомъ, обращается на явленія природы и на то, что «преудивительно» поразило ихъ взоръ своимъ несоотвѣтствіемъ видѣнному на родинѣ. Ихъ, между прочимъ, приводитъ въ удивленіе «предивной работы божница, во имя поганскаго бога Венуса и поганской богини Діаны и Меркурія, коимъ приносилъ жертвы проклятый Неронъ и за ту свою къ нимъ любовь купно есть въ пеклѣ». Также удивляютъ ихъ «въ спиритусахъ бальзамные младенцы въ склянницахъ стеклянныхъ и плаваютъ въ томъ спиритусѣ и стоятъ такъ хоть тысячу лѣтъ, не испортятся, а также разныя животныя также въ спиритусахъ—крокодилы малые и ехидны и мартышки не токмо здѣшнихъ европскихъ, но наипаче оріентальныхъ, остинскихъ и вестинскихъ государствъ». Путешественники во многомъ затруднялись незнаніемъ мѣстнаго языка, а также трудностью пути, при чемъ имъ приходилось «видѣть много смертныхъ страховъ отъ зѣло прискорбнаго и труднаго пути, отъ безмѣрно многаго каменья остраго по дорогѣ самой тѣсной среди безмѣрно высокихъ каменныхъ горъ». Поэтому подробностей о внутреннемъ политическомъ устройствѣ, характерѣ народа и его вѣрованіяхъ почти не встрѣчается, кромѣ нѣкоторыхъ замѣчаній относительно свѣтскаго обращенія, а также женскаго пола и развлеченій въ театрахъ и на ярмаркахъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о существующихъ въ западной Европѣ свѣтскихъ правилахъ становились у насъ извѣстными уже въ XVII вѣкѣ. Недаромъ еще при царевичахъ Петрѣ и Иванѣ состоялъ иностранецъ Рам-

бурхъ для преподаванія «танцовальнаго искусства и поступи нѣмецкихъ учтивствъ». Послѣднія впрочемъ далеко не всѣмъ приходились по сердцу, и одна изъ русскихъ царевенъ, жившая при дворѣ нѣмецкаго принца, жаловалась, что ей тошно становится: «отъ куплиментовъ нѣмецкихъ и отъ присѣданія хвоста».

Въ 1709 году для общаго свѣдѣнія была даже переведена съ латинскаго и издана «краткая книжица политичныхъ или гражданскихъ обходительныхъ поступковъ по правиламъ Мазариновымъ».

Стольникъ Толстой въ 1697 году находилъ, что «народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ и строенъ и политиченъ, высокъ, тонокъ и во всемъ изряденъ, а къ ручному дѣлу не очень охочъ, больше заживаютъ въ прохладахъ. Венеціане же люди умные, политичные и ученыхъ людей зѣло много: однакожъ нравы имѣютъ видомъ не ласковые, а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны. Между собою не любятъ веселиться и въ домы другъ къ другу на обѣды и вечеры не съѣзжаются, и народъ самый трезвый, никакого человѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь, а питей всякихъ, винъ виноградныхъ разныхъ множество изрядныхъ, также розолиновъ и водокъ анисовыхъ изрядныхъ изъ виноградного вина сытеныхъ много, только мало ихъ употребляютъ, а больше употребляютъ въ питьяхъ лимонадовъ, симады, кафы, чекулаты и иныхъ тому жъ подобныхъ, съ которыхъ человѣку пьяну быть невозможно». Матвѣевъ въ 1705 г. пишетъ: «Женскій полъ во Франціи никакого зазору отнюдь не имѣетъ во всѣхъ честныхъ обращаться поведеніяхъ съ мужескимъ поломъ, какъ бы сами мужи, со всякимъ сладкимъ и человѣколюднымъ пріемствомъ и учтивостью. Особенно же высокихъ фамилій дамы между собою повседневно съѣзжаются и, имѣя музыки, сами на нихъ играютъ беззазорно и поютъ куда свободно. Не токмо особъ чинныхъ изъ господъ французовъ, но и изъ иностранныхъ свободно есть пріѣздъ съ ними веселиться, что онѣ за честь еще и за увеселеніе вмѣняютъ».

Свѣдѣнія такого рода и имъ подобныя, конечно, съ трудомъ могли проникать въ общество и не служили ему на пользу. Съ этимъ, однако, не могъ примириться тотъ «работникъ вѣчный на тронѣ», который «не презиралъ страны родной, но зналъ ея предназначенье» и «самодержавною рукой» въ ней «смѣло сѣялъ просвѣщенье». Первый, въ сущности, сознательный путешественникъ по западной Европѣ, онъ желалъ распространенія пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній по родной землѣ. Отсюда его заботы о водвореніи просвѣщенія. Онъ учреждаетъ Академію Наукъ, основываетъ первую газету. Но для школъ у него нѣтъ средствъ въ надлежащемъ размѣрѣ, и онъ начинаетъ вліять на живые и воспріимчивые умы книгой, пропагандируя, такимъ образомъ, болѣе обширныя и вѣрныя свѣдѣнія о природѣ и о чужихъ странахъ. Такъ появляются, по его почину и подъ его надзоромъ и даже при его личномъ участіи, переводы книгъ: «Геометрія сирѣчь землемѣріе», «Географія генеральная или повсюдная»,

«Книга мирозрѣнія» Гюйгенса и др. Переводы эти должны были быть тщательно провѣрены и освобождены отъ лишняго, содержащагося въ оригиналѣ. Предписывая указомъ 1720 г. Синоду заботиться о переводѣ книгъ по хлѣбопашеству, Петръ пишетъ: «понеже нѣмцы многими разсказами негодными свои книги наполняютъ только для того, чтобы велики казались—чего переводить не надлежитъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желаетъ точности въ переводахъ, поручаемыхъ дѣйствительно знающимъ людямъ. «Переводчики, говоритъ онъ, должны имѣть художество и языки, а не имѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть правильно не можетъ». Поэтому въ 1719 году въ Москвѣ выходитъ нынѣ чрезвычайно рѣдкая и мало извѣстная книга подъ названіемъ «*Земноводнаю круга краткое описаніе изъ старыя и новыя геіграфіи по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Яіана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцигѣ напечатано, а нынѣ повелѣніемъ великаю Государя, Царя и Великаю Князя Петра Перваю, всероссійскаю Императора, при наслѣдственномъ благороднѣйшемъ Государѣ Царевичѣ Петрѣ Петровичѣ—на россійскомъ напечатано въ Москвѣ*»,

Книга эта, удовлетворяя любознательности русскихъ людей, призванныхъ Петромъ Великимъ къ болѣе широкому кругозору, является интересной еще и потому, что представляетъ собой характеристику взглядовъ современнаго Петру западно-европейскаго образованнаго общества на различныя историческія явленія и бытовыя стороны жизни.

«Описаніе земноводнаго круга» отпечатано на прекрасной, плотной бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ и представляетъ собою большой томъ in quarto, съ пятью гравюрами на мѣди. Первая изображаетъ Атланта, держащаго на ременахъ свой міръ, по борту ея надпись «несу всѣхъ носящо, старъ сый толь тяжкое бремя, се зрящъ, всякъ учися—не трать всуе время». Вторая, съ надписью «европы описаніе», изображаетъ женщину въ царскомъ одѣяніи. По борту написано «сія трехъ частей и мудрости царица, въ храбрости въ силѣ какъ въ звѣздахъ дѣнница». Гравюра «описаніе Азіи», изображающая торговцевъ въ восточномъ одѣяніи, окружена надписью: «сія сіяла въ силѣ своей славна, но днесь, при лучшихъ не столь стала явна», «Африки описаніе»—съ изображеніемъ негровъ, слоновъ, львовъ—сопровождается надписью: «Аще и подъ солнцемъ, но черна есть тѣломъ, паче же грубымъ и гнуснымъ своимъ дѣломъ». Наконецъ, послѣдняя гравюра, съ фигурой царя инковъ, бобрами, черепахами и змѣями, предшествуя описанію Америки—повѣствуетъ, «что пользуетъ симъ множество богатства, егда не имутъ мудрости изрядства».

Въ книгѣ 426 страницъ. Она раздѣляется на «предъ-уготовленіе на географію» и на отдѣлы, называемые—ландкарта европейская, азіатская, африканская, американская и о незнаемыхъ земляхъ. Каждая ландкарта содержитъ описаніе всѣхъ странъ, входящихъ въ соотвѣтствующую часть свѣта. Въ концѣ книги помѣщена глава «о глобусѣ», содержащая главныя

основанія математической географіи. По вопросу о вращеніи земли эта послѣдняя глава высказывается очень осторожно. «Солнце причиняетъ день, а понеже на свѣтѣ день и нощь мѣняются того ради безъ сомнѣнія изъ того слѣдуетъ, что либо солнце съ фирмаментомъ, т.-е. съ твердію небесною, или земля движутся. Еже ли по человѣческому уму разсуждать, то, кажется, имовѣрнѣе, что солнце стоитъ, а земля движется, ибо и т. д. И сей аргументъ защищалъ и содержалъ Николай Коперникъ духовный человѣкъ въ Фрауенбурхѣ въ прусахъ, что и нынѣ многіе пріемлютъ и оному послѣдуютъ. Между тѣмъ понеже именно въ священной библіи написано, что солнце течетъ въ кругъ, а земля недвижима стоитъ, того ради святому писанію больше въ томъ вѣрить надлежитъ, нежели человѣческому мнѣнію. Сей же аргументъ особливо славный дацкій математікъ Тихо Браге хранилъ, чему и донынѣ всѣ согласуются, которые святому писанію не охотно прекословятъ. Мы (глаголетъ авторъ книги сея) согласуемся мнѣнію Тихонскому и вѣримъ, что земля недвижима стоитъ, а противъ того весь фирмаментъ непрестанно около земли обращается».

Изложеніе физической географіи стремится въ книгѣ къ большой образности. Напримѣръ, на вопросъ — какъ раздѣляется Италія? дается отвѣтъ, что лучше при фигурѣ *сапога* остаться, а сапогъ раздѣляется на три части: верхняя — гдѣ отвороты, средняя — голеница и нижняя — ступень.

Яганъ Гибнеръ, авторъ этого «Земноводнаго круга» — особенно интересуется нравами и свойствами жителей разныхъ странъ, а также ихъ учрежденіями. Описывая послѣднія, онъ старается, однако, отмежеваться отъ области «политики», «исторіи» и «генеалогіи», но, тѣмъ не менѣе, часто обращается къ историческимъ фактамъ, давая имъ живое и своеобразное освѣщеніе. Характеристики отдѣльныхъ народовъ, при чемъ, конечно, наибольшее мѣсто отводится Европѣ, нерѣдко поразительны по своей вѣрности и умѣнью сочетать и выставить рельефно отличительныя свойства народнаго характера. Мѣткіе и рѣшительные приговоры почти чрезъ двѣсти лѣтъ не утрачиваютъ своего значенія и примѣнимости въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и къ настоящему времени. Вотъ какъ, напримѣръ, рисуетъ авторъ *французовъ* въ отвѣтѣ на вопросъ о томъ, «*Какія жители обрѣтаются во Франціи?*» — «сіи жители въ ученіи зѣло любопытны, въ экзерциціяхъ поспѣшны, въ войнѣ высокоумны, храбры и скоропостижны, — къ чужестраннымъ учтивы и вѣжливы, — въ платьѣ перемѣнны и замысловаты, — въ языкѣ своемъ искусны и благопріятны, королю своему вѣрны и во всѣхъ дѣлахъ *скорую имѣютъ резолюцію*». Если отбросить стертую рукою исторіи «вѣрность своему королю» и не поставить на счетъ храбрости французовъ ихъ пораженій въ 1870—1871 гг., отнеся ихъ, по всей справедливости, къ бездарнымъ «высокоумнымъ» военачальникамъ и «скоропостижнымъ» политикамъ, имѣвшимъ слишкомъ «скорую резолюцію» — то предъ нами будетъ живое изображеніе современныхъ французовъ со всѣми ихъ отличительными свойствами. Къ другимъ двумъ романскимъ націямъ «Описаніе земноводнаго

круга» относится съ бо̀льшею критикою. Отвѣтъ на вопросъ о «состояніи жителей *гишпанскихъ*» указываетъ, что у «оныхъ хвалятъ остроуміе ихъ и постоянство, а противъ того хулятъ ихъ гордость и лѣнивство», что «особый языкъ ихъ съ латинскимъ во многомъ сходенъ и такимъ образомъ кажется, что оный отъ латинскаго родился» и что, наконецъ, «проѣзжія люди и иностранныя — корчмами зѣло недовольны». Отмѣчено враждебное отношеніе испанцевъ къ французамъ: — «между гишпанцами и французами природная ли или обыклая антипатія состоитъ — о томъ еще и донынѣ диспутуется». Но что стоитъ внѣ спора, это — экономическое истощеніе страны и ея малая населенность. «Гишпанія въ протчемъ гораздо столько жителей не имѣетъ сколькобъ оная обнять могла, а причины ктому отчасти за воздухомъ (... сія земля гораздо жарчае, нежели Германія, говорится въ другомъ мѣстѣ...), а отчасти за *невременною любовію*, также и ради безмѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія мароновъ и для жестокой інквизиціи и для многихъ оттуда переведенцевъ быть являются»... Къ малой населенности Испаніи авторъ возвращается и говоря о Франціи, въ которой «примѣчается въ лошадяхъ скудость, для того говоритца ежелибъ въ Гишпаніи столько людей родилось, какъ во Франціи, а во Франціи столькобъ лошадей, какъ въ Гишпаніи, то бы обоимъ королевствамъ нужды не было». Вѣрными чертами намѣчаются, такимъ образомъ, тѣ язвы, которыя разъѣли организмъ богатой и когда-то вполнѣ культурной страны и отодвинули ее на задній планъ исторической сцены. Политическая мудрость и благородная терпимость звучатъ въ этомъ перечисленіи причинъ паденія Испаніи и звучатъ въ то время, когда эти свойства вовсе еще не сдѣлались достояніемъ здраваго государственнаго управленія. Достаточно припомнить, что̀ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ происходило среди народа, «имѣющаго скорую резолюцію» по поводу отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 году, когда «разослалъ король драгунъ своихъ гугенотовъ отъ вѣры ихъ обратить въ католицкую, чего ради нѣкоторыя отреклись отъ вѣры, дабы избыть мученія, нѣкоторыя же до смерти замучилися, а многія оставя имѣніе свое и пожитки поѣхали въ швейцары, въ Голландію и Англію, кромѣ тѣхъ, кои въ севенскихъ горахъ пребываютъ и нѣсколько лѣтъ калвинскую вѣру противъ королевскихъ войскъ шпагою обороняли, однакожъ мало имъ въ томъ удачи было». Авторъ книги, какъ мы увидимъ ниже, еще разъ возвращается къ вопросу о религіозной терпимости, говоря объ Испаніи. «Гишпанцы» и «французы» служатъ мѣриломъ для оцѣнки *итальянцевъ*. «Не можно лучше итальянскаго права описать кромѣ что когда говорится: что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостію и французскою безпечальностію или веселостію». Разсаднику искусствъ и наукъ, озаренному свѣтомъ Возрожденія—отдается справедливость: «итальянская нація достойна похвалы, ибо они суть остроумны, понеже они въ музыкѣ, и въ архитектурномъ и въ живописномъ и въ протчихъ художествахъ и мудрыхъ искусствахъ предъ другими народами не мало превосходитъ». Но несимпатичныя

свойства народа, пустившаго, между прочимъ, въ свѣтъ поговорку «la vendetta é una meta ché e bisogna mangiare a freddo» (мщеніе — кушанье, которое надо ѣсть холоднымъ), не ускользаетъ отъ автора. «Имъ (т.-е. итальянцамъ) приписуется, говоритъ онъ, ревнованіе невѣдомо, либо за хулу или яко благочестіе, также и привеликое непреступное злопамятство». Забота о положеніи путешественниковъ сказывается и при описаніи Италіи, гдѣ «прежде сего отъ бандітовъ или разбойниковъ, а особливо внизу въ Неаполи зѣло опасно пріѣзжимъ бывало, однакожъ нынѣ оныя гораздо успокоены и утолены». Но особо лестнымъ мнѣніемъ Ягана Гибнера, а быть можетъ и русскаго переводчика, украсившаго подлинный текстъ доброжелательными прибавками (подобно тому, какъ съ очевидностью измѣненъ и сокращенъ, примѣнительно къ взглядамъ русскихъ читателей текстъ отвѣтовъ о Россіи), пользуется излюбленная Петромъ Голландія. «Ремесло жителей оной есть купечество, которое въ Голландіи такъ возвысилось и весьма имовѣрно, что во всемъ свѣтѣ только кораблей не обрѣтается сколько въ семъ маломъ государствѣ находится. И кто вѣдаетъ, что народъ оной зѣло правдивъ, простосердеченъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, береженъ и *саможелателенъ*, тотъ не удивляется, что они въ купечествѣ всѣхъ другихъ народовъ превосходятъ. Но при томъ необъятномъ купечествѣ не покидаютъ оныя и книжнаго ученія, которое у нихъ такъ въ землѣ той распространилось, что они многія иныя земли въ томъ посрамить могутъ». Эта характеристика получаетъ особую цѣну при сравненіи голландцевъ съ португальцами, «кои большое прилежаніе имѣютъ къ купечеству и торговлю во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта въ добромъ имѣютъ состояніи, — но также склонны къ всѣмъ добродѣтелямъ и *порокамъ*, которые съ симъ ремесломъ слѣдуютъ, а особливо ученіе тамо велми уничтожено, а во время мира можетъ быть и воинскую храбрость весьма позабыли». Не менѣе голландцевъ нравится автору и населеніе *Граубиндинской* земли (Граубюнденъ), гдѣ «зачинается рѣка Ренъ» и гдѣ «жители живутъ зѣло единодушно, мало знаютъ о излишнихъ роскошахъ и прихотяхъ и однимъ словомъ являются яко бы изъ стараго свѣта остались», — при чемъ къ ихъ союзу относится и достопамятный городъ Семпахъ, «понеже тамо въ 1386 году достались естрейхерцамъ отъ швейцаръ немилостивые побои». *Англіи* посвящено въ «Земноводномъ кругѣ» много отвѣтовъ, въ которыхъ по отношенію къ Ирландіи высказывается взглядъ, донынѣ раздѣляемый большинствомъ «благонамѣренныхъ» англичанъ, видящихъ въ великодушныхъ и мудрыхъ предложеніяхъ Гладстона чуть не проповѣдь полнаго государственнаго разложенія Британіи «О жителяхъ Ирландіи мало добраго *пишутъ*, — говоритъ Гибнеръ, — кромѣ того, что они къ работѣ лѣнивы, къ тому же худыя и упрямыя люди и понеже англічане усмотрѣли, что невозможно закоснѣлаго въ нихъ нрава перемѣнить и исправить, того ради многихъ переведенцевъ изъ Англіи туда на житье отправили, а противъ того многими тысящами ірландцевъ другихъ потентамъ поступились». Самый краткій и жестокій отзывъ дается о не-

большомъ государствѣ въ восточной части Азіи и Европы, при чемъ говорится, что земля въ немъ сама по себѣ весьма хороша, но жители «не гораздо добры, ибо хотя они больше въ христіанской вѣрѣ признаваются, однако толь плохіе имѣютъ обычаи, что обычайно нѣкоторые дѣти отъ отца воровать, а одъ матери бл.....ть научаются».

Вопросы вѣры и государственнаго устройства весьма интересуютъ составителя «Земноводнаго круга», хотя онъ и оговаривается неоднократно, что «состояніе правительства надлежитъ въ *политику*, — обстоятельства королевскаго дома въ *генеалогію*, а *протчее* — въ *исторію*».

На вопросъ «кто государствуетъ во Франціи?» — онъ отвѣчаетъ: «Франція всегда особливаго своего короля имѣла, прежде сего королевская власть зѣло была принуждена, когда парламенты еще въ великой чести и славѣ жили, однако, нынѣ то пресѣклось, ибо король французскій есть нынѣ самовластнѣйшій въ свѣтѣ потентатъ». Даже и въ сопредѣльныхъ земляхъ, напримѣръ, въ *Лотрингенъ* (Лотарингіи) имѣетъ французскій король свободный проходъ чрезъ всю землю, «однако безъ *поврежденія* жителей». Въ иныя условія поставлена королевская власть, напримѣръ, въ Польшѣ, странѣ — «которая довольно вездѣ многолюдна и шляхты въ ней есть неслыханное множество, которая въ германіи и прусамъ живутъ суть учтивѣе, нежели тѣ, которыя позади на россійскихъ и татарскихъ границахъ обрѣтаются». Когда король польскій «Яганъ Третій для своей охоты веселое мѣсто, недалеко отъ Варшавы, Вилановъ построилъ, поляки сперва не хотѣли того видѣть, ибо по основательному ихъ закону и праву король не имѣетъ ничего собственнаго содержать». Еще болѣе стѣснено и тревожно положеніе королевской власти въ *Шотландіи*, ибо «шкоты не такъ обходительны, какъ англичане, а особливо горскія шкоты и которые по островамъ живутъ, понеже оныя такъ дики и нелюдимы, что обычайно они дикія шкоты называются, въ прочемъ къ бунту они склонняе англичанъ и едва не всѣхъ иныхъ народовъ охотняе; однакожъ ежели учинится бунтъ, то они предъ англичаны и едва не передъ всѣми другими націями гораздо жестоко въ томъ поступаютъ».

Обращаясь къ вопросамъ о вѣроисповѣданіяхъ, «Описаніе земноводнаго круга» указываетъ, что Италія «къ тому удостоена, что глава римскаго католицкаго сонмища, зовомый викарій или намѣстникъ Хрістовъ, непремѣнно тамо резиденцію свою имѣетъ, однако несмотря на то нигдѣ столько легкомысленныхъ и безчинныхъ въ римской вѣрѣ поступокъ не бываетъ, удивительно жъ и сіе, что въ самомъ Римѣ жиды вѣру свою отправлять могутъ, а реформаторамъ того не дозволено». Отсутствіе терпимости въ католицизмѣ и его вредныя послѣдствія сказались съ особою силою въ *Гишпаніи*, гдѣ «всѣ сряду имѣютъ римскую католицкую вѣру», и гдѣ за 200 лѣтъ было «жидовъ и срацынъ много, но оныя милльонами выгнанны оттоль». Кромѣ того, «незадолго предъ реформаціею и духовный судъ, по гишпански інквизиціонъ называется отъ Фердинанда католика въ ішпаніи

зачался, отъ котораго щастливо или больше несчастливо препона учинилась, что свѣтъ евангельскія истины никогда въ Гишпаніи просіять не могъ».

Противоположность исключительному преобладанію католицизма представляютъ нѣкоторыя страны, въ которыхъ свобода вѣроисповѣданія и отправленія религіозныхъ обрядовъ вызываетъ у составителя «Земноводнаго круга» на ряду съ сочувствіемъ и ироническія замѣчанія. Такъ въ Голландіи «начальная вѣра есть реформатская, однако, при той и иныя вѣры всего свѣта отправлять свободно, хотя нѣкоторыя изъ того числа и гораздо глупы и удивительны находятся». Широкая вѣротерпимость въ Польшѣ охарактеризована такъ: «начальная вѣра есть римская, которую король и знатнѣйшія въ государствѣ исповѣдываютъ, однако и иныхъ причастники вѣръ, яко греки, соціани, реформаты, жиды, лютеры и турки не только тамо стерпимы бываютъ, но и подъ польскою обороною вѣры своя отправляютъ, а особливо жидамъ тамъ лучше удача, нежели въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ». «Удивительно, — говорится далѣе въ описаніи начальнаго города въ Литвѣ — Вилня, — что въ городѣ ономъ по вся недѣли три субботы празднуются, ибо христіане празднуютъ въ воскресенье, жиды въ субботу, а турки въ пятницу». Не осталось безъ отмѣты и узкая нетерпимость англичанъ къ католикамъ. «Хотя Англія вся калвинскую вѣру держитъ, однакожъ обрѣтаются между эпископскими, презвитерскими, пуританами — конформитаны, не конформитаны, сепараты, індепенденты и протчія неразрѣшимыя расколы; квакеровъ и протчихъ такихъ же сумасбродовъ полоумныхъ довольно, токмо однихъ католиковъ не терпятъ». «Описаніе земноводнаго круга» въ разныхъ мѣстахъ отдаетъ справедливость религіозной пропагандѣ католиковъ среди нехристіанскихъ племенъ Азіи. Пальма первенства здѣсь принадлежитъ ордену, «зачинщикомъ и уставщикомъ» котораго былъ «Ігнаціусъ Лойола», проживавшій въ 1520 году въ Пампелонѣ («городъ стоитъ веселъ и добрѣ укрѣпленъ»), столь сильно израненный, что ему «удобнѣе было постричца, нежели женитца». Хотя Хрістосъ и апостолы его Евангеліе прежде въ Азіи благовѣствовали, однако «жители азіатскія не смотря на то благодати такой сподобитися сами себя недостойными явили, но по нынѣ большая часть оныхъ въ махометанской слѣпотѣ и заблужденіи погрязли. Европейцы, а особливо езуиты зѣло до нынѣ трудились, дабы христіанскую вѣру тамо распространить, токмо, хотя посланныя ихъ много о обращеніи своемъ разглашаютъ, однако всюду тамо во утѣсненіи вѣры жить и въ разныхъ мѣстѣхъ въ книги съ мученики вписыватися принуждены бываютъ». Поэтому — временные успѣхи христіанской пропаганды бываютъ въ Азіи не прочны. Такъ, напримѣръ, въ 1685 году французскіе іезуиты, поселившись въ Сіамѣ, «такъ у онаго короля себя въ кредитѣ поставили, что не только землю, но и самаго короля въ христіанскую обратить вѣру уповали, но какъ новый король вступилъ, тогда оныя тамо зѣло ненавидимы были». Такъ португальцы близъ ста лѣтъ (т. е. въ началѣ XVII в.) «такъ зѣло въ Японѣ усилились, что и цесаря онаго въ

христіанскую вѣру обратить уповали, но голанцы не дали себя усыпить пока на португальцевъ такъ японовъ озлобили, что въ 1626 году ихъ многія тысячи ужаснымъ образомъ за христіанскую вѣру тамо порублено, а иныя до смерти замучены, отчего христіанское имя и до нынѣ тамо противно и не терпимо»... Успѣшнѣе дѣйствуютъ духовно-рыцарскіе ордены и въ особенности орденъ «Яганскихъ кавалеровъ», которымъ принадлежитъ островъ Мальта, гдѣ «великій государь мальтійскій имѣетъ свою резиденцію и какъ достойной принцъ себя содержитъ». Вступающій въ орденъ, повѣствуетъ авторъ, не можетъ жениться, «при томъ же имѣетъ присягу учинить, что оной туркамъ всякій уронъ причинять тщатися будетъ, для того у сего острова всегда нѣсколько галеръ обрѣтается, отъ которыхъ туркамъ подлинно многія чинятся досады».

Сѣверъ Европы, Россія и внѣевропейскія страны описываются въ «Земноводномъ кругѣ» значительно короче западной Европы. — Жители *Даніи* характеризуются какъ «учинившіеся толь искусны, что ни въ мирныхъ, ни въ военныхъ художествахъ другимъ европейцамъ не уступаютъ», а жители Норвегіи, какъ такіе «кои во всѣхъ своихъ дѣлахъ, поступкахъ и порядкахъ съ датчаны не *сходны*». Швеція соприкасаетея съ Россіею чрезъ *Лапландъ*, сирѣчь *Лаппія швецика*, гдѣ жители «зѣло дикія и суровыя и варварскія люди», при чемъ «ради великія пустоты и не многихъ жителей завелись въ Лапландіи и ожились многія дикія звѣри, между которыми особливо елени знакомиты суть». Жители ближайшей къ россійскимъ границамъ Финляндіи могутъ «гораздо снести стужу и иную тягость въ работѣ, того ради оныя угодны въ войнѣ бываютъ». Недалеко отъ Финляндіи, въ Ингерманландіи, лежащей «между синусомъ финскимъ и Ладожскомъ озеромъ», находится и «*Санктъ-Петерсбрукъ*», крѣпость и купеческій городъ, который нынѣ царствующій монархъ Петръ Первый построилъ и отъ часу оный возрастаетъ и прибавляется и въ красотѣ и силѣ своей процвѣтаетъ». Хотя *Москва* и признается въ «Земноводномъ кругѣ» начальнымъ городомъ всей земли и столицею царскою и патріарха греческаго, но о «красотѣ и силѣ» ея ничего не говорится, а упоминается лишь, что городъ состоитъ «во многихъ тысячахъ домовъ, которыя токмо изъ дерева и глины весьма бѣдно склеены, отъ чего и убытокъ великъ бываетъ ежели когда нѣсколько тысячъ домовъ згоритъ». Въ этомъ приниженіи Москвы — видна угодливая рука переводчика. Ему же, конечно, принадлежитъ и заявленіе, что въ Россіи «жители прежде сего не гораздо были искусны, но нынѣ царствующій государь Петръ Первый трудится, дабы оныя ѣздили въ иныя страны и другимъ европейскимъ обычаямъ подражали и обучаяся навыкали». — Съ разныхъ сторонъ Русская земля окружена татарами, при чемъ, хотя русскія границы «отъ самыхъ тѣхъ варварскихъ народовъ вподлино неразмѣрены,— но новѣйшія географы разсуждаютъ, что крайнія границы русскія весьма не такъ далече отдалены отъ Хины, нежели какъ оныя въ обычайныхъ ландкартахъ означе бываютъ». «Описаніе земноводнаго круга» перечисляетъ

до 12 татарскихъ племенъ, живущихъ подъ разными наименованіями на русскихъ границахъ и, между прочимъ, «около рѣки Танаи, гдѣ живали древле храбрыя жены амазоны» и даже въ Украйнѣ, недалеко отъ Кіева... «толь далеко распространилась и разсѣялась сія гадина»... *Государству Хинскому*, по предположеніямъ географовъ сопредѣльному съ Россіею, посвящено довольно подробное описаніе. «Оная земля не можетъ довольно описана быть ради своего плодоносія и богатства въ золотѣ и каменіяхъ драгоцѣнныхъ. Прежде сего былъ въ той землѣ особливый государь, который хинской цесарь назывался. Но въ 1630 году напали татары съ такою силою, что сіе неподобное государство подъ власть свою привели и такимъ образомъ нынѣ нарочитая часть тартаріи и государство хинское одному владѣтелю подвержены, которой хинской царь и татарской ханъ вмѣстѣ называется. Новыя описанія повѣствуютъ, что сей царь между великою стѣною и тартаріею на 100 миль землю весьма опустошить повелѣлъ, дабы никакое животное не могло тамо питатися и можетъ быть для того, чтобы его другія татары иногда такимъ же образомъ въ Хинѣ не посѣтили, какъ онъ учинилъ».

Африка — полна «незнаемыхъ земель» и «неудобопамятныхъ королевствъ», а также разныхъ звѣрей, какъ-то — долгихъ обезьянъ, драконовъ, т. е. зміевъ великихъ, львовъ, слоновъ и «струсовъ» коихъ и имъ подобныхъ такое множество при рѣкахъ находится, что никто не можетъ безопасно проѣхать. Жители тамошніе «суть всюду дикія и необходительныя люди; повыше къ медитеранскому морю еще оныя отъ части бѣляе, а которыя пониже тамо живутъ, оныя суть чернообразны; которыя живутъ въ верху признаваются въ махометанской вѣрѣ, но и христіане между нихъ находятся, но оные больше христіанское имя носятъ, нежели дѣла отправляютъ; тѣже, которые къ западу при еѳіопскомъ морѣ живутъ городовъ не имѣютъ и никакого короля не знаютъ, но токмо скитаются вездѣ въ оной землѣ и не многимъ лутче звѣрей, а наипаче, что оныя человѣческое мясо жрутъ, въ землѣ своей называются они готентотенъ, а говорятъ языкомъ подобно какъ у насъ куры кричатъ». Христіанскую вѣру исповѣдуютъ также цесарь и жители *Мурінской земли или Габесиніи*, но только «оная вѣра отъ европской во многихъ вещахъ не сходна». Король этого государства «отъ африканъ именуетца великой негуцъ; прежде сего въ простомъ народѣ назывался онъ священникъ Іоаннъ или Жанъ, но нынѣ отъ такого безумнаго имени отвыкли, ибо подлиннѣе о томъ увѣдомлены».

Судьбы туземцевъ *Америки* даютъ поводъ автору очертить въ отвѣтѣ на вопросъ — кому принадлежитъ Америка? — безчеловѣчную и близорукую политику испанцевъ послѣ открытія этой части свѣта. «Доколѣ земля сія отъ европейцевъ не найдена была имѣла оная въ разныхъ мѣстахъ особливыхъ своихъ королей. Но какъ гишпанцы сперва тамо прибыли, стали оные умышлять какъ бы жителей тѣхъ искоренить и оную землю себѣ въ собственное владѣніе привлечь, что съ немалымъ свирѣпствомъ учинено.

А папа, хотя свою учтивость и податливость оказать, подарилъ всю оную землю гишпанцамъ. Но языческія короли въ Америкѣ не мало тому смѣялись, что папа раздаетъ королевства чужія».

«Земля оная не подобна другимъ, а наипаче богата золотомъ и серебромъ (говоря въ другомъ мѣстѣ о Калифорніи, авторъ впрочемъ высказываетъ мысль, что «мало тамъ каково прибитку ожидать (!) того ради о ней мало мы освѣдомы»), такъ что гишпанцы многія корабельныя флоты нагружены сребромъ оттоль получали и ежелибъ они съ людьми тоя земли пріятнѣе поступили, то неисчетное бъ богатство получили, но понеже они многіе милліоны людей немилосерднымъ образомъ погубили, того ради сами жители многія рудокопныя заводы разорили. Жители оныя были остраго ума, что можно признать изъ многихъ ихъ искусныхъ вымысловъ»...

Наконецъ надо замѣтить, что авторъ относится съ большою осторожностью ко всѣмъ «празднымъ и нарочитымъ вымысламъ» и тщательно опровергаетъ въ своей книгѣ различныя легенды, связанныя съ тою или другою мѣстностью, или приписываемыя ей чудесныя свойства. Это его стремленіе доходитъ до того, что какъ указано выше, онъ рѣшается держаться «тихонскаго» ученія о вращеніи земли изъ осторожности, и даже, говоря о Палестинѣ, объясняетъ, что «иностраннымъ показуютъ тамо гробъ святый и католики обыкли для того часто по обѣщанію туда ходить; токмо понеже обѣтованная земля не токмо отъ римлянъ, но потомъ отъ турокъ не единожды разорена бывала, того ради, отъ нѣкіихъ сумнительно — прямой ли оной есть гробъ Хрістовъ?» — Только въ одномъ мѣстѣ онъ измѣняетъ своему скептицизму. «Слоны на острову Цейлонѣ, говоритъ онъ, такую имѣютъ честь, что всѣ слоны на свѣтѣ онымъ поклоняются, когда гдѣ сойдутся»...

Въ заключеніе — нѣсколько словъ по поводу языка перечисленныхъ выше сочиненій. До Петра Великаго и, въ значительной степени, при немъ — почти все писалось на возвышенномъ и прекрасномъ церковно-славянскомъ или на старомъ русскомъ языкѣ, на образность и сжатость котораго церковный языкъ оказывалъ замѣтное вліяніе. Скупость и полновѣсность слова Макарьевской Минеи-Четіи слѣдовало бы внимательно изучать и писателямъ, и ораторамъ. Еще въ 1874 году гр. Л. Н. Толстой въ письмахъ къ архимандриту Леониду говорилъ: «Мнѣ сообщили радостное извѣстіе, что дѣло составленія для народа книги чтенія изъ избранныхъ житій не только одобрено вами, но что вы обѣщаете даже и личное ваше содѣйствіе этому дѣлу. Я догадываюсь, какія сокровища — подобныхъ которымъ не имѣетъ ни одинъ народъ — таятся въ нашей древней литературѣ. И какъ вѣрно чутье народа, тянущее его къ древнему русскому»... И дѣйствительно, какъ содержательны, напримѣръ, такія выраженія: — «положить человѣка въ сердцѣ своемъ; — воевать тайнымъ коварствомъ на истину во образѣ правды; — тѣсное и прискорбное житіе; — общій естества человѣческаго смертный долгъ; — инокъ, корчемствующій божію благодать; — сѣдина и престарѣлость

(св. Поликарпа), кротость же и свѣтлость и тихость честнаго лица его» и т. д. — Языкъ свѣтскихъ произведеній этого времени отличается изобразительностью и подчасъ, на нашъ современный взглядъ, нѣкоторой наивностью. Такъ, напримѣръ, Ксенія Годунова описывается, какъ «отроковица чюднаго домышленія, зѣлною красотою лѣпа, бровми союзна, тѣломъ изобильна, возрастомъ ни высока, ни низка, волосы имѣя черны, аки трубы на плечахъ лежаще». Тотъ же языкъ встрѣчаемъ мы въ письмахъ и дѣловыхъ бумагахъ. Стоитъ припомнить переписку Курбскаго съ Иваномъ Грознымъ или слѣдующее мѣсто изъ слѣдственнаго дѣла 1692 года о Дмитріи Тверитиновѣ: «онъ же, *будучи преиибателенъ* не токмо духомъ, но и тѣломъ, и утѣшно-вѣжливо говоря и мастеря совратился въ Луторову ересь и другихъ соврати...» Въ изложеніи законодательныхъ памятниковъ этого времени къ тексту закона нерѣдко примѣшивается и поученіе. Такъ, напримѣръ, ст. 200 уложенія царя Алексѣя Михайловича (глава X. О судѣ) говоритъ: «а будетъ кто къ кому пріѣдетъ на дворъ насильствомъ, умысла воровски... кто, бороняся отъ себя, котораго убьетъ до смерти... и сыщется про то допряма, что онъ то убойство учинилъ по неволѣ, отъ себя бороняся, и ему того въ вину не ставити; а кого онъ убьетъ и ему то убойство учинится отъ себя: *не пріѣзжай въ чужой домъ насильствомъ*...» Такъ, въ Воинскомъ Уставѣ Петра Великаго 1716 года въ толкованіи на Артикулъ 157 повторяется правило Каролины: «du sollst nicht erst den Schlag erwarten», но къ нему добавляется: «ибо иначе случиться можетъ, что и противиться весьма забудетъ». — Нельзя, наконецъ, не отмѣтить чудеснаго величаваго языка Духовнаго Регламента: «не суетный на совѣсти нашей возымѣли страхъ; не рабствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою, не плѣняяся страстями...» и рядомъ съ нимъ полнаго силы и негодованія языка писемъ Петра къ Алексѣю. «Ограбилъ меня Богъ сыномъ», говорилъ о послѣднемъ несчастный отецъ.

Съ Петра однако начинается и порча языка, отчасти подъ вліяніемъ внесенія въ обиходъ новыхъ понятій, а отчасти подъ иноземнымъ вліяніемъ, стремившимся замѣнить русскія слова чуждыми и заимствованными. Особенно это усиливается во времена Анны, Елизаветы и Петра III. Тутъ мы встрѣчаемся съ такими, якобы удобопонятными русскому человѣку, выраженіями, какъ парадная бета (ложе), каструмъ долорисъ, — синтура (ceinture) фунеральная и т. п. Даже графъ Никита Панинъ въ докладѣ Екатеринѣ II о царствованіи Елисаветы называетъ это время: *сей эпокъ*. Лишь съ Ломоносова начинаетъ русскій языкъ вступать въ свои права, чтобы развернуться во всей своей мощи, глубинѣ и богатствѣ — у Пушкина и Грибоѣдова. Первый изъ нихъ часто и со свойственной ему проникновенностью создаетъ удивительные по красотѣ поэтическіе отрывки, полные прелестью языка былинъ, слова о полку Игореви, лѣтописныхъ сказаній и другихъ произведеній старой литературы. Стоитъ вспомнить, «Начало сказки» и въ особенности «Старицу-Пророчицу». Вліяніе этого стараго, поэтическаго и образ-

наго языка и его глубокое изученіе сказываются и въ недавнемъ произведеніи М. В. Бѣляева. Его либретто къ «Сказанію о невидимомъ градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи» (1907 года) полно удивительныхъ красотъ въ духѣ такого именно языка.

Книга Гибнера написана языкомъ яснымъ и сильнымъ, который очевидно ничего не потерялъ въ оригинальности и силѣ при переводѣ. Этому можно позавидовать и въ наше время, когда у насъ нѣтъ безусловно вѣрнаго перевода даже Святаго Евангелія и когда не только въ повседневной печати, но даже и въ сочиненіяхъ серьезнаго характера приходится встрѣчаться съ почти невѣроятнымъ невѣжествомъ переводчиковъ. Достаточно указать хотя бы, напримѣръ, на переводъ словъ «et caeteres» (и прочіе) собственнымъ именемъ г-на Цетереса, — названіе верховнаго судьи въ Англіи (lord chief-justice) лордомъ Шифомъ, — на помѣщеніе извѣстій, что г. Рембауръ-Сементъ (rembоursement) примирить всѣхъ въ Портсмутѣ, — именованіе революціоннаго трибунала, — comité du salut publique — Комитетомъ общественнаго здравія — и улицы Via Venti Settembre въ Римѣ — улицей сентябрьскихъ вѣтровъ, — повѣствованіе о томъ, что г-жа Роланъ внушила образъ дѣйствій г-ну Жирондэ. Утвержденіе, что въ Испаніи въ высшихъ сферахъ всегда играетъ роль Карманьола (вмѣсто Камарильи) вводитъ насъ уже въ область невѣжества собственнаго производства. Наудачу можно въ ней отмѣтить такія фразы, какъ «вѣчно жаждущій Танталъ, черпающій изъ рѣшета Донаидъ», — «некому остановить этотъ потокъ торричеліевой пустоты», — «величественный пасхальный ударъ Царя-Колокола» — а также ссылки на извѣстную русскую комедію «Мѣщанинъ въ дворянствѣ» и на заключительныя слова комедіи Островскаго: «пошли вонъ, дураки!» Указъ Петра Синоду очевидно не утратилъ своего основанія и доселѣ...

А. Ѳ. Кони.

Капитулъ Феникса.

Высшее тайное масонское правленіе въ Россіи (1778—1822 гг.).

ГЛАВА I.

«Буди ревностный, огненный, неустрашимый воинъ подъ сею хоругвіею».
Обрядъ посвященія въ Рыцари Востока и Іерусалима въ Капитулѣ Феникса.

«Il vaut mieux être maître que valêt;
«Plus noble d'être libre qu'esclave».
Обрядовыя слова посвященія въ Рыцари Храма Капитула Феникса.

Русскіе Вольные Каменщики XVIII вѣка именовали себя ищущими свѣта Премудрости мистическими философами.

Въ непрестанномъ исканіи истиннаго масонства русскіе Вольные Каменщики вводили въ ложахъ Россіи всѣ болѣе или менѣе выдающіяся системы, признанныя за границею [1]). Но не всѣ системы прививались въ русскихъ ложахъ въ одинаковой мѣрѣ и получали одинаковое распространеніе, и всего лишь двѣ системы временно пользовались благорасположеніемъ правительственной власти: англійская система при Императрицѣ Екатеринѣ II и шведская—въ царствованіе Императора Александра I.

Главари, водители масонской братіи въ Петербургѣ, неудовлетворенные системами, принятыми русскими ложами до 1775 года, возъимѣли

[1]) Распространенность въ Россіи различнѣйшихъ системъ подтверждается не только документами, но также отзывами современниковъ. Такъ, напримѣръ, прусскій гофратъ Фишеръ, самъ ревностный масонъ и хорошо знакомый съ масонскими теченіями XVIII вѣка въ Россіи, въ запискѣ отъ 1806 г. отмѣчаетъ: «Когда масонство дозволено было въ Россіи правительствомъ, здѣсь существовали всевозможныя системы, какія только тогда были въ ходу».

мысль обратиться съ просьбою «открыть великій свѣтъ» (т. е. доступъ къ таинствамъ) къ Швеціи, система коей славилась древностью происхожденія, чистотою правилъ и глубокими познаніями въ области тайныхъ наукъ.

Для переговоровъ съ Верховною Орденскою властью Швеціи избранъ былъ образованный молодой царедворецъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ [1]). Внучатный племянникъ убѣжденнаго масона, оберъ-гофмейстера,

[1]) Кн. А. Б. Куракинъ родился 18 января 1752 г., скончался 25 іюля 1818 г. Въ дѣтскіе годы Куракинъ воспитывался съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, и это соученичество породило обоюдную любовь: Цесаревичъ называлъ Куракина «своею душою» и на могильномъ камнѣ, поставленномъ кн. Александру Борисовичу Императрицею Маріею Ѳеодоровною въ Павловскѣ, надписано: «Другу Супруга моего». По отзыву современниковъ, князь Куракинъ со своей стороны питалъ къ Великому Князю привязанность «чистосердечную, безкорыстную, безпредѣльную». Въ числѣ уловителей въ сѣти масонскаго Ордена Цесаревича Павла Петровича настойчиво указывается и князь Куракинъ. (Р. Старина 1908 г. Октябрь 6, стр. 85—95 «Два портрета Императора Павла съ масонскими эмблемами»). Съ дѣтства записанный въ л.-гв. Семеновскій, а затѣмъ въ л.-гв. Конный полки, Куракинъ не пошелъ выше подпоручика и по примѣру дѣда и прадѣда избралъ карьеру дипломата; свое образованіе Куракинъ закончилъ слушаніемъ лекцій при Лейденскомъ университетѣ и путешествіемъ по чужимъ землямъ. По возвращеніи въ Россію въ 1773 г. получилъ званіе камеръ-юнкера, а въ 1778 г. дѣйствительнаго камергера и послѣдовательно назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената и избранъ С.-Петербургскимъ предводителемъ дворянства. Въ 1781 г. путешествовалъ по Европѣ въ свитѣ Великокняжеской четы и по воспоминаніямъ иностранцевъ былъ наилюбезнѣйшимъ и блестящимъ кавалеромъ среди приближенныхъ графа и графини Сѣверныхъ. Въ 1783 г. Куракинъ былъ высланъ изъ Петербурга и поселился въ Саратовской губ., въ селѣ Надеждинѣ. Въ числѣ причинъ, вызвавшихъ гнѣвъ Императрицы Екатерины II-й, важнѣйшею было участіе кн. Куракина въ насажденіи шведскаго масонства въ Россію.

Съ воцареніемъ Великаго Князя, Куракинъ былъ возвращенъ, осыпанъ милостями, назначенъ вице-канцлеромъ. Какъ и многіе другіе масоны, не страшившіеся напоминать царственному брату, Императору Павлу I, о клятвахъ Ордену, Куракинъ впалъ въ немилость и временно былъ высланъ въ Москву; незадолго до 1801 г. онъ вновь вызванъ къ двору и удостоенъ довѣрія Царственнаго друга. При Императорѣ Александрѣ I Куракинъ былъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ. На него возлагались и дипломатическія порученія; въ 1803—1812 г.г. онъ состоялъ посломъ въ Парижѣ. По отзывамъ современниковъ, кн. Куракинъ былъ однимъ изъ такихъ лицъ, «мимо коихъ въ воспоминаніяхъ, не останавливаясь, никакъ пройти невозможно», «его достохвальныя свойства и извинительныя слабости равно заслуживаютъ быть извѣстными». Прозванный брилліантовымъ княземъ за любовь къ роскоши и блеску (а иными приравненный даже павлину), «этотъ великолѣпный вельможа хотѣлъ казаться не модникомъ, а великимъ господиномъ», «ѣздилъ въ громадной позлащенной каретѣ цугомъ, съ лакеями и скороходами, носилъ бархатъ и парчу, алмазы горѣли на пуговицахъ, пряжкахъ и перстняхъ, строгій этикетъ царилъ въ обиходѣ», цѣлый штатъ слугъ и любезниковъ окружалъ его, и однако онъ не разорялся: онъ зналъ счетъ деньгамъ и толкъ въ дѣлахъ! Князь самолично управлялъ громадными имѣніями, строился, занимался сельскимъ хозяйствомъ, торговыми дѣлами и даже не брезгалъ откупомъ.

Но не князя-дѣльца выдвигали масоны, поручая ему подчасъ водительство въ ложахъ. Нѣтъ, «лучезарное тихонравіе его долго уважалось и плѣняло, а также благородство, постоянство и нѣжность въ дружбѣ», а на молодые умы умиряюще дѣйствовала «плавная, осторожная рѣчь».

графа Никиты Ивановича Панина, Куракинъ былъ имъ посвященъ въ масонство на 21 году и выказалъ большое рвеніе къ воспріятію Орденскаго ученія. Любимый соученикъ Наслѣдника Престола Великаго Князя Павла Петровича, товарищъ его дѣтства и отрочества, Куракинъ, исканіями масоновъ, былъ отправленъ съ посольствомъ въ Стокгольмъ для объявленія шведскому королю вторичнаго брака Цесаревича.

Князь **А. Б. Куракинъ.**
1752—1818.
Peint par le Chev. Roslin. Gravé par A. Radigues,
Agrégé de l'Acad. Imp. des B. Arts de St. P. 1779.
Собр. С. П. Виноградова въ Москвѣ.

Русскій посолъ встрѣтилъ почетъ и радушіе, а полномочія именитыхъ русскихъ масоновъ отверзли ему двери шведскихъ ложъ. Ознакомившись съ желаніями русскихъ собратьевъ по Ордену, шведскіе масоны съ чрезвычайною готовностью пошли имъ навстрѣчу, и герцогъ Карлъ Зюдерманландскій лично посвятилъ князя Куракина въ тайны шведскаго обряда въ декабрѣ 1776 года.

Новопосвященному вельможному брату шведскіе масоны оказывали всячески и братскую любовь, и желаніе чрезъ его посредство прочно наса-

дить въ русскихъ ложахъ шведскую систему, однако условіемъ сообщенія высшихъ таинствъ шведскаго обряда ставили полное подчиненіе дѣятельности русскихъ ложъ Верховному Орденскому правленію Швеціи — Великому Стокгольмскому Капитулу.

Князь Куракинъ, въ силу данныхъ ему полномочій, подписалъ актъ подчиненія [1]), послѣ чего ему были вручены: «учредительная грамота (конституція) на основаніе въ Петербургѣ главноуправляющей ложи шведской системы, Капитула Феникса», «дипломъ князю Гавріилу Петровичу Гагарину на званіе управляющаго Префекта Капитула», Клейноды, т. е. обрядовые предметы для Капитула и низшихъ ложъ, знамя Орденское, подъ коимъ приносилась клятва вѣрности, и походное, «водружаемое во времена тяжкія гоненій, раздоровъ, борьбы», великій Орденскій мечъ, корона мудрости, скипетръ и жезлы, лампада, колоколъ, ключъ, сѣкира, молотъ, рыцарскіе доспѣхи, символы высшихъ посвященій, отличительные знаки степеней и должностей. Однако, князь Куракинъ получилъ не всѣ акты, нужные для открытія Капитула: недостающіе долженъ былъ привести самолично король Густавъ III, предполагавшій посѣтить Россію лѣтомъ 1777 г.

Но не сбылись сокровенныя надежды главы шведскаго Великаго Каменщичества, короля чародѣя, обаятельнаго въ обхожденіи, искусившагося въ масонской пропагандѣ; ему не удалось увлечь умъ великой Екатерины фееричною грезою возстановленія когда-то славнаго Ордена Храмовниковъ и въ свой пріѣздъ Густавъ III не открылъ главноуправляющей ложи шведской системы въ Петербургѣ. Хотя, нѣтъ сомнѣнія, пріѣздъ верховнаго вождя шведскаго масонства способствовалъ скрѣпленію только что возникшей связи русскихъ и шведскихъ масоновъ. 27 іюня въ петербургской ложѣ Аполлона было устроено блестящее торжество въ честь высокаго гостя, Царственнаго масона, на которомъ король лично присутствовалъ. Ложа Аполлона была въ то время одною изъ многолюднѣйшихъ, а по составу своихъ членовъ — знатнѣйшею; она помѣщалась въ собственномъ домѣ, устроенномъ по масонскому плану на Васильевскомъ островѣ.

На торжествѣ присутствовали члены дружественныхъ ложъ, и король лично могъ присмотрѣться къ братьямъ, намѣченнымъ для руководительства въ будущемъ русскими ложами, принявшими шведскій обрядъ.

Открытіе Капитула, по невѣдомымъ доселѣ въ точности причинамъ, было отложено; 5 сентября 1777 г. въ письмѣ къ князю А. Б. Куракину депутатъ Швеціи, Кауницъ Ритбергъ, высказываетъ большое сожалѣніе

---

[1]) Письмо Адама Левенгаупта, исполнявшаго должность обрядоначальника при посвященіи кн. Куракина въ Стокгольмѣ, рисуетъ тотъ восторгъ, коимъ преисполнились шведскіе масоны, когда Куракинымъ приняты были признанныя шведскою масонскою властью условія о подчиненіи въ будущемъ русскихъ ложъ Швеціи и о введеніи въ Россіи шведскаго обряда. Левенгауптъ пишетъ, что ждетъ не дождется, когда увѣнчано будетъ возстановленіе Ордена въ Россіи. Куракина онъ именуетъ этимъ возстановителемъ. (Арх. кн. Куракина, VIII, 300—302).

по поводу такого замедленія [1]). Капитулъ наконецъ былъ открытъ въ послѣдній мѣсяцъ 1777 г. по масонскому счисленію, т. е. въ февралѣ 1778 г., ибо Каменщики первымъ мѣсяцемъ почитали мартъ. 10 апрѣля 1778 г. заключенъ былъ договоръ, «основное условіе» между Шведскимъ и Русскимъ Капитулами, которымъ точно и во всѣхъ подробностяхъ опредѣлены были взаимоотношенія шведскихъ и русскихъ Каменщиковъ. Во главѣ Капитула поставленъ былъ Префектомъ князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ [2]), принявшій на себя весьма нелегкую «должность охраненія въ тайнѣ отъ масонской толпы учрежденіе Капитула Феникса и сообщенія о существованіи его лишь надежнѣйшимъ приверженцамъ нововведенной системы, избраннымъ, просвѣтленнымъ братьямъ». Всѣ дѣйствія вновь учрежденнаго Капитула были подчинены шведскому водительству, и князь Гагаринъ являлся отвѣтственнымъ лицомъ предъ шведскимъ верховнымъ Каменщическимъ правленіемъ.

Какія цѣли ставились Капитулу? Какія были права его?

Капитулъ Феникса долженствовалъ содѣйствовать союзу знатнаго дворянства двухъ сосѣднихъ сѣверныхъ странъ, объединяя именитѣйшіе роды—русскіе и шведскіе—на основахъ каменщичества и въ подчиненіи ихъ одной волѣ.

Какія дали открывалъ взорамъ короля-мечтателя этотъ замыселъ!

Въ силу данныхъ инструкцій Капитулъ Феникса являлся для русскихъ Каменщиковъ шведскаго обряда тайнымъ верховнымъ правленіемъ и тайнымъ верховнымъ судилищемъ, окончательное утвержденіе постановленій коего зависило отъ главноуправляющаго шведскаго Капитула.

Въ теченіе послѣдующаго года Швеція усиленно печется объ укрѣпленіи своей власти въ Россіи и о привлеченіи въ свой союзъ все большаго числа ложъ. Къ веснѣ 1779 года успѣхи шведской системы настолько были очевидны и князь Г. П. Гагаринъ настолько выказалъ ревность въ служеніи

---

[1]) Три письма Кауница Ритберга князю А. Б. Куракину отъ 2 іюня, 3 и 16 сентября 1777 г. Пекарскій. Дополн. къ истор. масон. въ Россіи въ XVIII в., стр. 59—63.

[2]) Кн. Г. П. Гагаринъ род. 9 января 1745 г., † съ 18 на 19 января 1803 г. Годъ вступленія въ Орденъ не установленъ, но въ началѣ 70 гг. имя кн. Гагарина внесено И. П. Елагинымъ въ списки кандидатовъ на высокія посвященія, а запушевнымъ другомъ своимъ А. Б. Куракинымъ онъ посвященъ въ высокія степени шведской системы въ 1776 г.

Свое образованіе кн. Гагаринъ дополнилъ заграничнымъ путешествіемъ. Съ 1781 г. оберъ-прокуроръ 6 Департамента Сената въ Москвѣ, послѣ 1786 г. пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и состоялъ главнымъ директоромъ Государственнаго заемнаго и вспомогательныхъ банковъ, затѣмъ министромъ коммерціи, когда и издалъ «банкротскій уставъ». Особыми милостями взысканъ Императоромъ Павломъ I. Современники рисуютъ Гагарина человѣкомъ сложной двойственной натуры, полной рѣзкихъ противорѣчій: безусловно умный, глубоко вдумчивый, склонный къ мистикѣ и философіи, съ усердіемъ изучающій богословіе, издающій акафисты и пишущій назидательныя сочиненія, онъ въ то же время слыветъ вольнодумцемъ и на вопросы нравственности иногда смотритъ какъ на условный предразсудокъ. По смерти изданы были его сочиненія, между прочимъ: «Забава моего уединенія въ селѣ Богословскомъ».

новому дѣлу, что герцогъ Карлъ Зюдерманландскій почелъ возможнымъ и своевременнымъ утвердить его въ званіи Оберъ-Мейстера всѣхъ ложъ, работавшихъ въ Россіи по шведской системѣ.

7 мая 1779 г. патентъ [1]) былъ скрѣпленъ печатью и собственноручной

Князь **Г. П. Гагаринъ.**
1745—1808.
Русскіе портреты. Изд. Великаго Князя Николая Михаиловича.

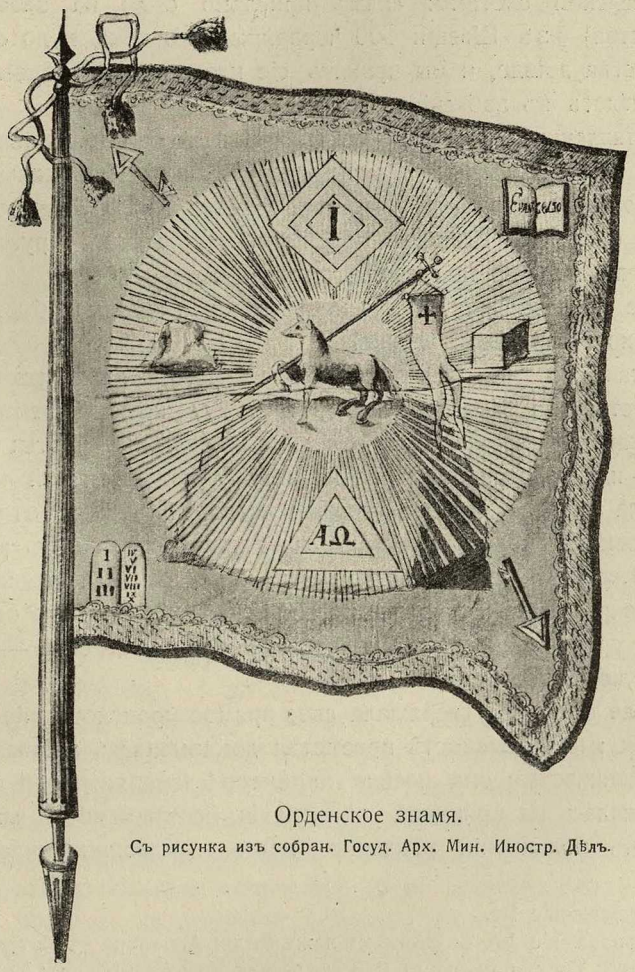
подписью герцога Зюдерманландскаго и всѣхъ великихъ должностныхъ лицъ [2]) Верховнаго шведскаго каменщическаго правленія, а 25 мая состоялось

[1]) См. приложеніе 2-е.

[2]) Должностными лицами были: Великій Намѣстный Провинціальный Мастеръ графъ Фр. Хорнъ; Оберъ-Канцлеръ гр. Нильсъ Бьэлке; Великій Витія ф. Стенхагенъ; Великій Инквизиторъ баронъ Павелъ Пфейфъ; 1-й Великій Визитаторъ Е. ф. Стоккенстрѣмъ, 2-й – гр. С. Левенгауптъ и 3-й – С. ф. Лейонгельмъ; 1-й Вел. Стражъ баронъ С. А. Вахтмейстеръ и 2-й—гр. А. Н. Стенбокъ; Вел. Казнохранитель Е. ф. Плумменфельдъ; Вел. Дародатель баронъ фр. Спарре; Вел. Обрядоначальникъ баронъ І. Г. Оксеншерна и за Великаго секретаря Карлъ Фр. ф. Фреденхеймъ. (Провинціальный архивъ въ Ревелѣ. Масонскія бумаги ложи Изиды и ложи Трехъ Сѣкиръ).

торжественное открытіе въ Петербургѣ Великой Національной ложи, какъ явнаго правленія для всѣхъ русскихъ ложъ, признавшихъ шведскую систему. Торжество открытія происходило подъ предсѣдательствомъ князя Г. П. Гагарина, въ Орденскомъ одѣяніи, при соблюденіи ритуаловъ и въ обрядовой обстановкѣ.

Указомъ Верховнаго шведскаго Капитула всѣ члены союза обя-



Орденское знамя.
Съ рисунка изъ собран. Госуд. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

зывались быть въ безусловномъ подчиненіи князю Г. П. Гагарину, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, яко нарушители клятвы вѣрности.

Торжественно открытая Великая Національная ложа лишь для непосвященныхъ въ высочайшія степени являлась Высшимъ правленіемъ, на самомъ же дѣлѣ таковымъ продолжалъ быть тайный Капитулъ Феникса.

Въ томъ же 1779 году союзъ шведскихъ ложъ или, какъ ихъ начали именовать, «Гагаринскихъ ложъ» уже привлекъ вниманіе правительственной власти въ Россіи. Петербургскій полиціймейстеръ Петръ Васильевичъ Лопу-

хинъ дважды посѣтилъ гагаринскія ложи «для узнанія и донесенія Ея Величеству о перепискѣ ихъ съ герцогомъ Карломъ Зюдерманландскимъ». Чѣмъ именно было возбуждено недовольство правительства, узнаемъ изъ донесенія князя А. А. Прозоровскаго въ 1790 году на московскихъ масоновъ; Прозоровскій напоминалъ Государынѣ о ея неудовольствіи по поводу денежной поддержки, оказанной Швеціею русскимъ масонамъ при установленіи шведской системы: «намъ прислано было на заведеніе онаго (т. е. масонства) изъ Швеціи 500 червонныхъ, о чемъ и до свѣдѣнія Вашего Величества дошло, и Вы принять сіе изволили съ гнѣвомъ, но наконецъ сіе осталось въ забвеніи».

Предоставленный забвенію союзъ росъ и крѣпъ. 5 января 1780 г. изъ Швеціи были присланы «Законы для Великой Національной ложи [1]), а 18 мая особымъ актомъ за подписью герцога Карла Зюдерманландскаго приняты въ братскую цѣпь, узаконены и утверждены 14 русскихъ ложъ, начавшихъ работать по шведскимъ актамъ [2]).

Что же представляла собою нововведенная система, быстро распространившая по Россіи свое вліяніе?

Шведская система представляла соединеніе Символическаго Іоанновскаго масонства съ Храмовничествомъ и Розенкрейцерствомъ, причемъ каждая составная часть внесла свои отличительныя черты: Іоанновское масонство — идею достиженія рая на землѣ (по масонской терминологіи «златаго вѣка Астреи») путемъ усовершенствованія каждой отдѣльной личности; Храмовничество—идею борьбы на жизнь и смерть съ врагами христіанства, со всякимъ зломъ и насиліемъ, какой бы образъ оно ни принимало; Храмовничество же вносило внѣшній блескъ, красоту одеждъ, пышные обряды средневѣковаго рыцарства; Розенкрейцерство — мистическій піэтизмъ, изученіе теозофіи и алхиміи.

Шведская система утверждала свое прямое происхожденіе отъ Ордена Рыцарей Храма; непрерывность преемства доказывалась знаніемъ важныхъ тайнъ Храмовничества; она носила характеръ іерархической патріархальности и держалась на принципѣ самовластія, несмѣняемости властей и безпрекословномъ подчиненіи младшихъ ложъ и младшихъ членовъ болѣе

---

[1]) См. приложеніе 1-е.

[2]) См. приложеніе 3-е. 14 русскихъ ложъ были: Аполлона въ Петербургѣ; Трехъ Мечей въ Москвѣ; Трехъ Сѣкиръ въ Ревелѣ; Феникса въ Петербургѣ; Трехъ Христіанскихъ Добродѣтелей въ Москвѣ; Св. Александра въ Петербургѣ; Аписа въ Москвѣ; Блистающей Звѣзды въ Петербургѣ; Военнаго союза въ Кинбурнѣ; Благотворительности въ Петербургѣ; Горуса въ Петербургѣ; Нептуна въ Кронштадтѣ; Озириса въ Москвѣ и Союза молодыхъ воиновъ, на французскомъ нарѣчіи говорящихъ. Интересно, что первою узаконенною ложею почиталась ложа Аполлона, имѣвшая возможность подъ своимъ кровомъ принимать короля Густава III-го. До сего времени изслѣдователями въ печати было указано не болѣе 13 ложъ. Въ «Allgemens Handbuch der Freimaurerei, изд. 2-е, Leipzig 1863—1867—11 ложъ, а въ Nettelbladt's Prov. Kalender 1836 г.—13; отсюда эту неточную цифру заимствовалъ и академикъ А. Пыпинъ.

старымъ. Степеней насчитывалось десять: Іоанновскія степени: 1) ученикъ, 2) товарищъ, 3) мастеръ (составляли первый отдѣлъ); Андреевскія или шотландскія степени: 4) ученикъ-подмастерье и 5) мастеръ (второй отдѣлъ); Рыцарскія степени: 6) Братья стуарты или Рыцари Востока и Іерусалима, 7) Братья избранники царя Соломона или Рыцари Храма, или Запада, или Ключа, 8) Ближніе св. Іоанна или Братья бѣлой ленты, 9) Ближніе св. Андрея или Братья фіолетовой ленты, называемые часто Рыцарями пурпуровой ленты (третій отдѣлъ); 10) Братья Розоваго Креста, которые подраздѣлялись на три класса: 1-й классъ, состоящій изъ членовъ Капитула, не занимающихъ въ немъ должностей, 2-й — изъ великихъ должностныхъ лицъ Капитула, 3-й—Великаго правящаго мастера, каковымъ въ Швеціи былъ самъ король. 10-я степень составляла такъ называемый Просвѣтленный Капитулъ. По уставу должностными лицами Капитуловъ вообще могли быть лишь потомственные дворяне, считавшіе не менѣе четырехъ поколѣній предковъ-дворянъ.

Наименованіе «шведской» система получила на томъ основаніи, что она постепенно сложилась изъ вышеуказанныхъ системъ именно въ Швеціи, и развитіемъ своимъ главнымъ образомъ обязана была шведскому королю Густаву III-му, приложившему много труда для ея образованія; она признана была Великою ложею въ Стокгольмѣ «совершенною и справедливою» (по масонскому выраженію). Въ 1780 году шведская система достигла наивысшаго могущества и блеска. Великая Стокгольмская ложа была преобразована, король обезпечилъ ей свое покровительство особымъ дипломомъ и съ большою торжественностью, въ присутствіи 400 масоновъ, собравшихся въ залѣ Стокгольмской биржи, ввелъ своего брата, герцога Карла Зюдерманландскаго въ должность Великаго мастера, причемъ возложилъ на него горностаевую мантію въ знакъ царственности искусства Вольныхъ Каменщиковъ.

Въ самый годъ торжества шведской системы окончательно была организована въ Россіи Національная ложа дарованіемъ ей подробной инструкціи. Изъ этой инструкціи, отъ 9 мая 1780 года, подлинникъ коей, за подписаніемъ герцога Карла Зюдерманландскаго, сохранился въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ [1]), мы узнаемъ, что шведская система на первыхъ же порахъ встрѣтила большое сочувствіе среди петербургскихъ масоновъ и что Швеція, опираясь на основной договоръ 1778 года, требовала безпрекословнаго повиновенія русскихъ ложъ главному шведскому Капитулу и почитала необходимымъ учрежденіе Директоріи при петербургскомъ Капитулѣ, т. е. совѣта, въ составъ коего долженствовали войти избранные изъ среды избранныхъ, заслужившіе наивысшаго довѣрія, члены Капитула. Въ силу инструкціи, не всему Капитулу, а именно его Директоріи присваива-

[1]) И. М. Р. М. Въ коллекціи масонскихъ иностранныхъ рукописей № 374. Instruction pour le directoire établi à St.-Petersbourg, donnée à Stokholm le 9 mai 1780.

лось важное право суда надъ членами масонскаго Ордена и наблюденіе за сохраненіемъ Орденскихъ законовъ, статутовъ и обрядовъ.

Знаменательно, что инструкція 1780 года была въ силѣ въ «ложахъ россійскихъ», принявшихъ шведскій обрядъ, не только въ XVIII, но и въ XIX вѣкѣ до запрещенія всѣхъ вольнокаменщическихъ работъ въ 1822 г. Инструкція начиналась какъ бы предисловіемъ, выяснявшимъ причины ея составленія, а затѣмъ уже слѣдовали статьи за номерами; чрезъ посредство инструкціи герцогъ Карлъ Зюдерманландскій устанавливалъ окончательно власть свою надъ русскимъ братствомъ, присоединившимся къ шведскому союзу; начало грамоты гласило: «Мы, Карлъ, Божіею милостью наслѣдный принцъ Шведскій, Готскій и Вандальскій, герцогъ Зюдерманландскій, наслѣдникъ Норвежскій, герцогъ Шлезвигъ-Гольштинскій, Стормарскій, Дитмарскій, графъ Ольденбургскій и Дельменгорскій, великій адмиралъ Шведскій, непремѣнный генеральный визитаторъ и главный герольдмейстеръ священнаго Ордена Храма Іерусалимскаго, великій провинціальный мастеръ VII и IX провинціи (т. е. Швеціи и Россіи), въ Орденѣ именуемый рыцарь и братъ животворящаго солнца, симъ объявляемъ:

«Что, принимая во вниманіе сколь похвальныя, столь же отмѣнныя преданность и усердіе къ общему благу нашего священнаго Ордена, выказанныя братьями достопочтеннаго Капитула, основаннаго нами въ Петербургѣ, съ первой минуты, какъ мы почли нужнымъ возжечь въ нихъ свѣтъ, и принимая во вниманіе мѣстность Россійской Имперіи, обширное пространство коей для поддержанія добраго порядка и точнаго выполненія законовъ требуетъ особаго надзора, коимъ бы могли быть предотвращены или безъ промедленія исправлены злоупотребленія и безпорядки, могущіе вкрасться какъ въ масонскія ложи, такъ и въ разные Капитулы [1]), кои въ будущемъ могли бы быть учреждены въ этой Имперіи, мы нашли нужнымъ согласно постановленію второй статьи договора 10 апрѣля 1778 г. [2]) учредить Директорію въ Петербургѣ, каковая не только бы блюла сохраненіе законовъ, статутовъ и обрядовъ священнаго Ордена, но разрѣшала бы и судила всѣ несогласія, могущія возникнуть между братьями какъ масонами, такъ и храмовниками, кои работаютъ съ цѣлью распространенія и поддержанія свѣта, а посему и не должны подлежать вѣдѣнію профанскихъ [3]) судей, ибо до нихъ не принадлежитъ о семъ судить».

---

[1]) Масонскія ложи, работавшія въ трехъ степеняхъ ученика, товарища и мастера, назывались Іоанновскими; признававшія кромѣ того шотландскія степени, ученика-подмастерья и мастера — Андреевскими или шотландскими; включавшія же рыцарскія степени—Капитулами. Условіемъ учрежденія Капитула было наличіе въ данной мѣстности по меньшей мѣрѣ трехъ дѣйствующихъ Іоанновскихъ ложъ и одной Шотландской. Смотря по числу членовъ Капитулъ бывалъ законный при 27 рыцаряхъ, обыкновенный при 49 и совершенный при 81; въ счетъ не включались предсѣдатель и духовныя лица.

[2]) Договоръ, представлявшій собою такъ называемый «актъ строгаго послушанія», т. е. полнаго подчиненія.

[3]) Т. е. не посвященныхъ въ масонскій Орденъ.

«На сей конецъ пожелали мы даровать достопочтеннымъ братьямъ, имѣющимъ образовать вышеупомянутую Директорію, инструкцію, которая, будучи основана на древнихъ законахъ и обычаяхъ, издревле принятыхъ и установленныхъ въ нашемъ священномъ Орденѣ, послужитъ имъ уставомъ, слѣдуя коему, будутъ они впредь править всѣми дѣлами, имѣющими какое-либо отношеніе къ св. Ордену Храма Іерусалимскаго на всемъ пространствѣ Имперіи всея Россіи.

«Уповаемъ, впрочемъ, что сіи достойные братья повиновеніемъ и точностью въ исполненіи статей (инструкціи) вполнѣ оправдаютъ ожиданія наши и нѣжное довѣріе, кое имѣемъ мы къ ихъ рвенію».

Присланная инструкція дѣйствительно служила доказательствомъ большого довѣрія къ лицамъ, коимъ она была вручена, ибо въ ней, чернымъ по бѣлому, изложена была вся организація вновь созданнаго тайнаго правленія и выяснена степень его подчиненія Швеціи.

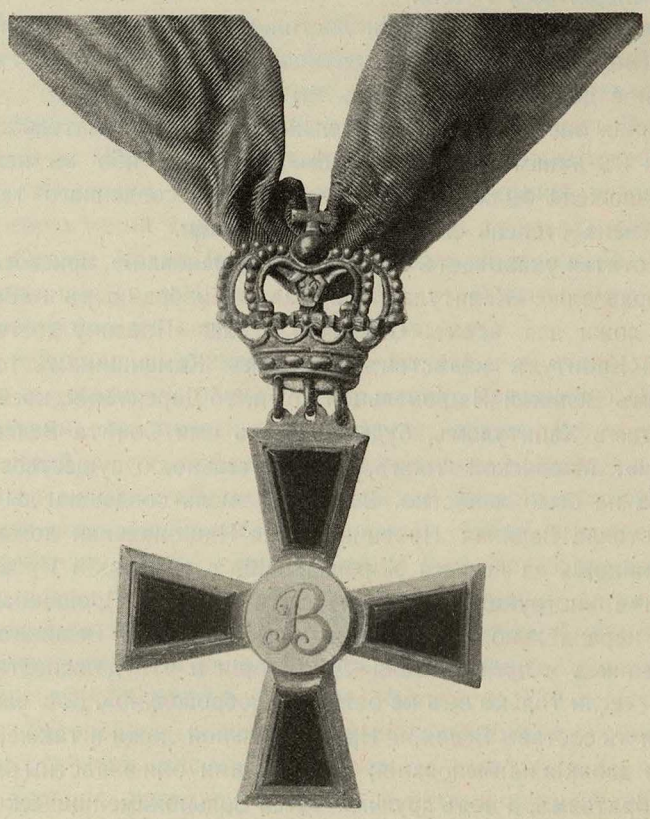
Первая статья указываетъ на двойное наименованіе, присвоенное этому верховному правленію: «Капитула Феникса» для избранныхъ и «Великой Національной», ложи для всѣхъ. Статья гласила: «Поелику достопочтенный петербургскій Капитулъ извѣстенъ братьямъ Каменщикамъ только подъ наименованіемъ Великой Національной ложи, то Директорія, коей присвоено управленіе этимъ Капитуломъ, будетъ носить имя Совѣта Великой Національной ложи». Масонской толпѣ, слѣдовательно, о существованіи Капитула Феникса не было извѣстно. Во главѣ вновь создавшагося союза для этой толпы стояла Великая Провинціальная Національная ложа и верховнымъ начальникомъ ея являлся Управляющій, т. е. Великій Провинціальный мастеръ. Далѣе инструкціею изъясняется, что званіе Провинціальнаго Мастера было нераздѣльно со званіями и должностями Великаго Префекта Капитула Феникса и предсѣдателя Директоріи и что должности эти были пожизненны, «если только онъ не оставитъ добровольно». Всѣ члены Директоріи входили въ составъ Великой Провинціальной ложи и также, какъ Префектъ, имѣли двоякія наименованія; подъ одними они извѣстны были только избраннымъ братьямъ, а подъ другими—всей Вольнокаменщической толпѣ [1]).

Въ составъ Директоріи входили, кромѣ Великаго Префекта, Канцлеръ, Вице-канцлеръ, Прелатъ Петербургскаго Капитула, Начальникъ нововступающихъ, Великій Хранитель архива, Деканъ, Прокураторъ, первый и второй Великіе Инспекторы Храма, Великій Казнохранитель, Великій Дародатель, Великій Герольдмейстеръ; сверхъ того, Директоріи разрѣшалось избрать секретаря и архиваріуса, но безъ права голоса, и—въ крайнихъ случаяхъ—помощниковъ для нихъ.

---

[1]) Субъ-префектъ Директоріи, онъ же Вел. Нам. Мастеръ Вел. Пров. ложи; Вице-канцлеръ, онъ же Вел. Витія; Начальникъ нововступающихъ, онъ же Вел. Инквизиторъ; Вел. Хранитель Архива, онъ же 1-й Вел. Визитаторъ; Деканъ и Прокураторъ, они же 2-й и 3-й Вел. Визитаторы; Вел. Инспекторъ Храма, онъ же Вел. Надзиратель; Вел. Герольдмейстеръ, онъ же Вел. Маршалъ.

Должностнымъ лицомъ Директоріи могъ быть масонъ, имѣвшій не менѣе 7 степеней посвященія; вся же Директорія раздѣлялась на двѣ палаты, нижнюю, исполнительную, въ составъ коей входили рыцари 7-й и 8-й степени, и верхнюю, законодательную, которую образовывали рыцари 9-й степени; члены верхней палаты именовались Командорами и въ отличіе носили нашейный золотой крестъ, вѣнчанный короной [1]).



Крестъ Командоровъ Капитула Феникса.
Собр. Имп. Общ. Люб. Древн. Письмен. въ Пгр. и бывшаго музея Плюшкина въ Псковѣ.

Всѣ нити управленія союзомъ сосредоточивались въ Директоріи, и безъ ея вѣдома не могъ быть принятъ ни одинъ новый членъ въ ложахъ союза;

[1]) Крестъ былъ іоанновской формы, золотой, крытый красною эмалью съ бѣлымъ фарфоровымъ медальономъ; въ центрѣ медальона изображалась латинская буква B. Буква эта, между прочимъ, означала слово «Bustos», сожженный, напоминая о смерти гросмейстера Молэ и служа символомъ просвѣтленныхъ братьевъ Каменщиковъ, у коихъ земныя страсти, какъ бренное тѣло гросмейстера, были уничтожены, но духъ во всѣхъ испытаніяхъ оставался побѣдителемъ. Объ украшеніяхъ свободныхъ каменщиковъ шведской системы смотри приложеніе № 9.

съ ея же вѣдома поступали и расходовались деньги. «Каждая ложа Каменщиковъ какъ Іоанновскихъ, такъ и св. Андрея, называемая Шотландской, и каждый Капитулъ, который существуетъ или будетъ впредь существовать на всемъ пространствѣ Имперіи всея Россіи, обязаны во всемъ и безъ замедленія повиноваться Директоріи, представлять ей точное донесеніе о своемъ состояніи, о производствѣ своихъ работъ, о своихъ денежныхъ дѣлахъ, о принятіяхъ [1])».

Всѣ союзныя ложи находились въ строгомъ послушаніи у Директоріи. «Никому не дозволяется», гласитъ та же статья, «дѣлать какія бы то не было нововведенія, приводить въ исполненіе какой-либо проектъ безъ вѣдома, тѣмъ менѣе вопреки мнѣнію и безъ одобренія Директоріи». Въ случаѣ нарушенія должности повиновенія виновные подвергались наказаніямъ, установленнымъ законами, и вычеркивались, исключались «яко отщепенцы, измѣнники и клятвопреступники изъ списка истинныхъ Свободныхъ Каменщиковъ и вѣрныхъ Рыцарей Храма».

Всевластная Директорія въ свой чередъ подчинялась Провинціальному мастеру IX провинціи, т. е. герцогу Карлу Зюдерманландскому. Вотъ какими выраженіями опредѣлена эта зависимость [2]): «Такъ какъ Директорія Россіи зависитъ единственно отъ Великаго Провинціальнаго мастера IX провинціи, она обязана будетъ строго исполнять всѣ статьи договора 1778 года и никогда самовластно ничего новаго не учреждать, не получивъ предварительно согласія Великаго Провинціальнаго мастера. На этотъ конецъ Директорія будетъ поддерживать постоянную переписку съ Директоріею Сѣвернаго Пріората, имѣющей пребываніе въ Стокгольмѣ, сообщать ей не только все то, что могло бы какимъ-нибудь образомъ касаться общаго блага Ордена, но также и все, что относится къ частнымъ дѣламъ ложъ и Капитуловъ и что могло бы заслуживать вниманіе Великаго Провинціальнаго Мастера. Поэтому петербургская Директорія будетъ каждые полгода посылать Вел. Директоріи въ Стокгольмъ точный отчетъ о Ложахъ и Капитулахъ, работающихъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, и въ концѣ каждаго года краткій общій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, кои произошли въ теченіе года».

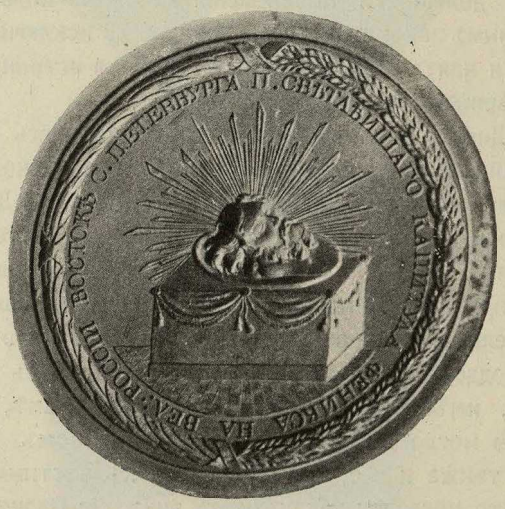
Не довольствуясь отчетностью петербургской Директоріи, Стокгольмскій Великій Капитулъ выговорилъ себѣ право присутствія въ засѣданіяхъ Директоріи одному изъ своихъ представителей, назначаемому по усмотрѣнію Великаго Провинціальнаго мастера IX провинціи. Этотъ представитель имѣлъ право голоса и таковымъ же преимуществомъ могъ пользоваться представитель Россійской Директоріи въ Стокгольмской. Присутствіе пред-

[1]) Статья 5-я инструкціи. Статьею 8-ю еще болѣе опредѣленно изъяснено относительно денежныхъ дѣлъ: «Такъ какъ Директорія имѣетъ главное начальство и надзоръ за всѣми кассами и экономіею Ложъ и Капитуловъ, то послѣдніе обязаны въ концѣ каждаго полугодія отдавать Директоріи отчетъ въ ихъ употребленіи».

[2]) Ibid. Статья 4-я.

ставителей въ Верховныхъ правленіяхъ должно было, по объясненію шведскихъ властей, «содѣйствовать поддержанію тѣсной связи и добраго согласія между двумя Капитулами».

Въ соблюденіи всѣхъ статей инструкціи требовалась отъ членовъ Капитула присяга по приложенной формулѣ на Крестѣ и Евангеліи. Присяга начиналась: «Я, N. N., обѣщаюсь предъ Господомъ Богомъ и клянусь Св. Евангеліемъ», а заканчивалась: «Обѣщаюсь блюсти все это свято и искренно въ силу креста, который ношу, какъ подобаетъ истинному, свободному и вѣрному Рыцарю Ордена Храма нашего Господа Іисуса Христа». Присяга на вѣрность Ордену, на преданность и покорство герцогу Карлу Зюдерманландскому была такъ составлена, что давала возможность русскимъ



Печать Свѣтлѣйшаго Капитула Феникса.
Имп. Моск. и Рум. Музей.

братьямъ приносить ее, не нарушая вѣрноподданическаго долга въ отношеніи своего государя; клятвою требовалось «повиноваться ему (т. е. герцогу Карлу Зюдерманландскому) во всемъ, что не противно вѣрности, повиновенію и покорности, коими я обязанъ моимъ законнымъ государямъ и какъ свѣтскимъ, такъ и церковнымъ властямъ».

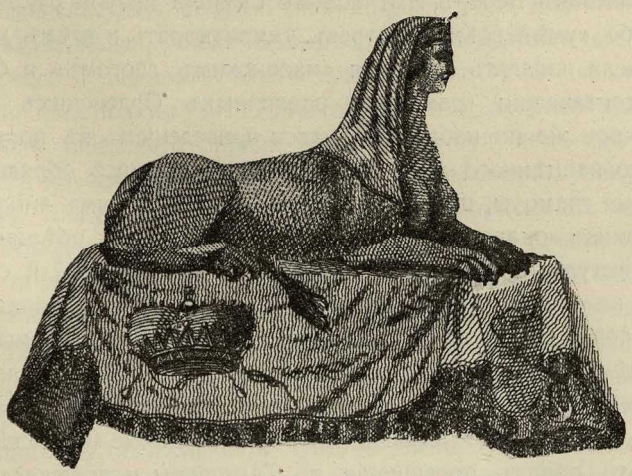
Не временнымъ правленіемъ предназначенъ былъ Швеціею служить Капитулъ Феникса: онъ учрежденъ былъ на вѣчныя времена и пребываніе долженствовалъ имѣть въ столицѣ Имперіи.

По законамъ Вольныхъ Каменщиковъ каждая ложа имѣла свой отличительный знакъ или гербъ, поэтому-то и Директоріи Шведскою Орденскою властью былъ присланъ гербъ, утвержденный герцогомъ Карломъ Зюдерманландскимъ и точное описаніе коего было включено въ инструкцію; кромѣ того, герольдмейстеру вмѣнялось въ обязанность составленіе

проектовъ и рисунковъ гербовъ, сочиненіе символическихъ прозваній и девизовъ для братьевъ, достигшихъ 7-й степени и вступившихъ въ члены Капитула. Имя, девизъ и гербъ, данный новопосвященному Рыцарю Храма, герольдмейстеръ обязывался вносить въ Великій матрикулъ Капитула, а впослѣдствіи къ нимъ присовокупить и жизнеописаніе каждаго Рыцаря [1]).

Одновременно съ инструкціею были присланы для россійскаго братства нѣсколько шифровъ для тайной переписки и печать для Капитула Феникса и первой шотландской ложи (шведскаго обряда) Сфинкса, учрежденной 20-го апрѣля 1780 г.

Свѣтлѣйшій Капитулъ Феникса приступилъ къ работамъ. Борьба съ невѣріемъ (съ вольнодумствомъ, какъ говорилось въ тѣ времена) и возстановленіе когда-то славнаго Ордена Храмовниковъ [2]), вотъ въ чемъ заключался «великій чертежъ», врученный членамъ Капитула.



Символъ шотландской ложи Сфинкса.
Госуд. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Графы Апраксины, князья Гагарины, Долгорукіе, Куракины, князь Н. В. Репнинъ, графы А. С. Строгановъ, А. И. Мусинъ-Пушкинъ и Шуваловы были первыми работниками на новомъ поприщѣ, первыми столпами Капитула. Собранія тайнаго правленія и пріемы въ рыцарскія степени совершались

---

[1]) Къ сожалѣнію, не сохранилась книга тайныхъ Орденскихъ именъ; это и понятно: эту книгу тщательно скрывали, дабы не дать ключа къ именамъ, коими подписаны протоколы тайнаго Капитула Феникса.

[2]) Орденъ Рыцарей Храма учрежденъ въ Іерусалимѣ въ 1118 г. Г. де Пайеномъ и де Сенъ Омеромъ совмѣстно съ 6 или 7 другими рыцарями для вооруженной защиты паломниковъ. Балдуинъ II принесъ Ордену въ даръ свой дворецъ, по преданію стоявшій на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда высился Храмъ Соломоновъ. Отсюда якобы прозваніе Ордена—Орденомъ Храма; по иному сказанію, слово Храмъ просто было символомъ христіанства, завѣты и святыни коего должны были охранять рыцари.

въ домѣ ложи Ураніи, въ Академической слободкѣ Васильевскаго Острова [1]), при соблюденіи всѣхъ предписанныхъ обрядовъ.

На первый же годъ были установлены 7 дней собраній Великой Провинціальной ложи и изъ нихъ 3 торжественныхъ: день учрежденія 25 мая, день всеобщаго Орденскаго праздника 24 іюня Св. Іоанна Предтечи и день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя 29 августа; кромѣ того, торжествовались дни—27 января Іоанна Златоуста и 30 ноября, Св. Апостола Андрея. Тогда какъ собранія Капитула окружены были величайшею тайною, на собранія Великой Національной ложи приглашались всѣ члены союзныхъ ложъ, и они оканчивались братскими трапезами съ произнесеніемъ многихъ здравицъ; здравицы Россійской Царствующей семьѣ и Великой ложѣ Шведской съ ея Гросмейстеромъ—произносились стоя.

Великимъ Секретаремъ Великой Національной ложи избранъ былъ Иванъ Васильевичъ Беберъ, тотчасъ же ставшій правой рукою князя Г. П. Гагарина, ибо, «умѣя всѣхъ братьевъ умиротворять и всѣмъ угодить», онъ притомъ мысли излагать научился «масонскимъ слогомъ» и былъ незамѣнимъ при составленіи грамотъ и различныхъ Орденскихъ циркуляровъ. Беберъ тотчасъ же по избраніи занялся приведеніемъ въ порядокъ архива ложи, самаго наицѣннаго достоянія, заключавшаго всѣ обрядники, законы, учредительныя грамоты, патенты высшимъ должностнымъ лицамъ Капитула и пр., но архивъ оказался неполнымъ: несмотря на обѣщанія, Шведскій Главный Капитулъ прислалъ акты посвященій лишь до 7-й степени включительно, и на всѣ настоянія русскихъ братьевъ отвѣтствовалъ лишь письмами, преисполненными «политическихъ учтивствъ» и обѣщаніями доставить все недостающее въ ближайшемъ будущемъ. По ритуаламъ 7-й степени Рыцарей Храма, Запада или Ключа производились затѣмъ пріемы въ Капитулъ Феникса и содѣлывались такъ называемые «шведскіе Тампліеры».

Этотъ-то обрядъ посвященія въ Тампліеры и включалъ идею союза высшаго дворянства; для пріема требовалась подробная родословная въ доказательство благородства происхожденія, требовалось имѣть въ 16 колѣнахъ дворянскую кровь и не имѣть по крайности въ 4 колѣнахъ предками ни мавровъ, ни турокъ, ни іудеевъ. Церемоніалы посвященій были чрезвычайно пышные, при посвященіи въ мірскіе и въ духовные рыцари одѣянія требовали большихъ расходовъ и большіе взносы опредѣлялись на содержаніе обрядового Капитула со всей его вычурной обстановкой. И позднѣе, въ XIX вѣкѣ, русскіе масоны не имѣли въ своихъ архивахъ ритуаловъ выше 7-й степени, почему въ слѣдующей главѣ мною и приводится посвященіе именно въ эту «вышнюю степень русскаго Капитула».

Не смотря на усиленныя работы Капитула Феникса, ему не удалось объединить въ союзѣ шведскаго обряда всѣ работавшія въ Россіи ложи;

[1]) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ «Studen Gasse», означающее по предположенію П. Н. Стоплянскаго Академическую слободку на Васильевскомъ Островѣ, въ 14—15-й линіяхъ.

въ лонѣ Ордена происходили раздоры. Самъ Великій Мастеръ англійскихъ ложъ Россіи, сенаторъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, содѣйствовавшій отправленію князя А. Б. Куракина въ Швецію и снабжавшій его полномочіями, не только не занялъ первенствующаго мѣста въ Капитулѣ Феникса, но совершенно уклонился отъ общенія съ нимъ, продолжая, какъ выражался самъ, на островѣ своемъ «взывать аки пророкъ въ пустынѣ» къ разбредшимся братьямъ, призывая ихъ къ работамъ въ англійскихъ ложахъ [1]). Съ княземъ Г. П. Гагаринымъ у Елагина произошло охлажденіе: принявъ патентъ на высокое посвященіе отъ Швеціи, Елагинъ отъ всякихъ связывающихъ себя обѣщаній уклонился, впредь до ознакомленія со всѣми актами нововведенной системы и требовалъ настойчиво «поступленія по всѣмъ строгостямъ законовъ съ нѣкіимъ Г. Розенбергомъ [2]), обманувшимъ довѣренность братьевъ и не передавшимъ тотчасъ же всѣхъ, врученныхъ ему шведскими властями, документовъ». Кромѣ того, Елагинъ осторожный, «не легко дѣлавшій зло, также какъ добро», по отзывамъ масоновъ, устрашался «рабскаго подчиненія», коего требовала система шведская, включавшая «строгое послушаніе», и сталъ однимъ изъ противниковъ широкаго распространенія шведскаго обряда, опасаясь въ будущемъ для всего Ордена въ Россіи отъ нововведенной системы «великаго вреда». Вскорѣ же число противниковъ шведскаго союза умножилось: привыкшіе къ простотѣ англійскаго обряда и къ «легкости правленія», на законахъ точныхъ установленнаго, поражались «безумными требованіями шведскихъ братьевъ», безпрекословнымъ повиновеніемъ и пышными, даже съ «церковными» иногда обрядами сходными посвященіями высокихъ степеней. Недовольство Императрицы Екатерины II возникшимъ подчиненіемъ знатныхъ вельможъ ея государства герцогу Зюдерманландскому усиливало опасенія за могущія въ будущемъ возникнуть осложненія и чувства чисто національныя превозмогли въ «нѣкоемъ числѣ братій» искусно привитый уже масонствомъ вообще «праводушный космополитизмъ».

Въ 1781 г. князь Г. П. Гагаринъ, по желанію Императрицы, принялъ службу въ Москвѣ и Капитулъ Феникса «пріостановился въ работахъ», но ихъ не прервалъ: онъ какъ бы подраздѣлился, и вмѣсто одного образовалось два очага для распространенія шведской системы и два правленія, два тайныя отдѣленія одного и того же,—въ двухъ столицахъ, первопрестольной и сѣверной.

Шведская система успѣла пустить глубокіе корни. Старое барство, армія и флотъ имѣли свои ложи; за арміями онѣ слѣдовали въ походъ и уходили въ море съ отплывавшими въ бой кораблями. Одна изъ такихъ

---

[1]) У И. П. Елагина въ покояхъ дворца на Елагиномъ островѣ собиралась ложа подъ наименованіемъ ложи Музъ.

[2]) Г. Розенбергъ состоялъ при посольствѣ Куракина въ Стокгольмѣ и снискалъ довѣріе Шведскаго Капитула, чрезъ его посредство переславшаго въ Россію важныя грамоты.

ложъ, подъ наименованіемъ ложи «Нептуна», работала на кораблѣ Ростиславѣ, гдѣ почти весь офицерскій составъ и многіе изъ матросовъ солдатъ были масоны. Адмиралъ С. К. Грейгъ былъ управляющимъ мастеромъ ложи и подчиненъ по шведскому масонству герцогу Карлу Зюдерманландскому, являвшемуся въ кампанію 1788 года врагомъ Россіи: однако Грейгъ и всѣ масоны моряки выказали себя вѣрными «россіянами» и покрыли славою свои имена: они въ герцогѣ Зюдерманландскомъ усматривали «нарушителя мира» и поднимали мечи на начальника по Ордену, какъ, преступившаго

П. И. Голенищевъ-Кутузовъ.
1767–1829.
Собраніе А. В. Морозова въ Москвѣ.

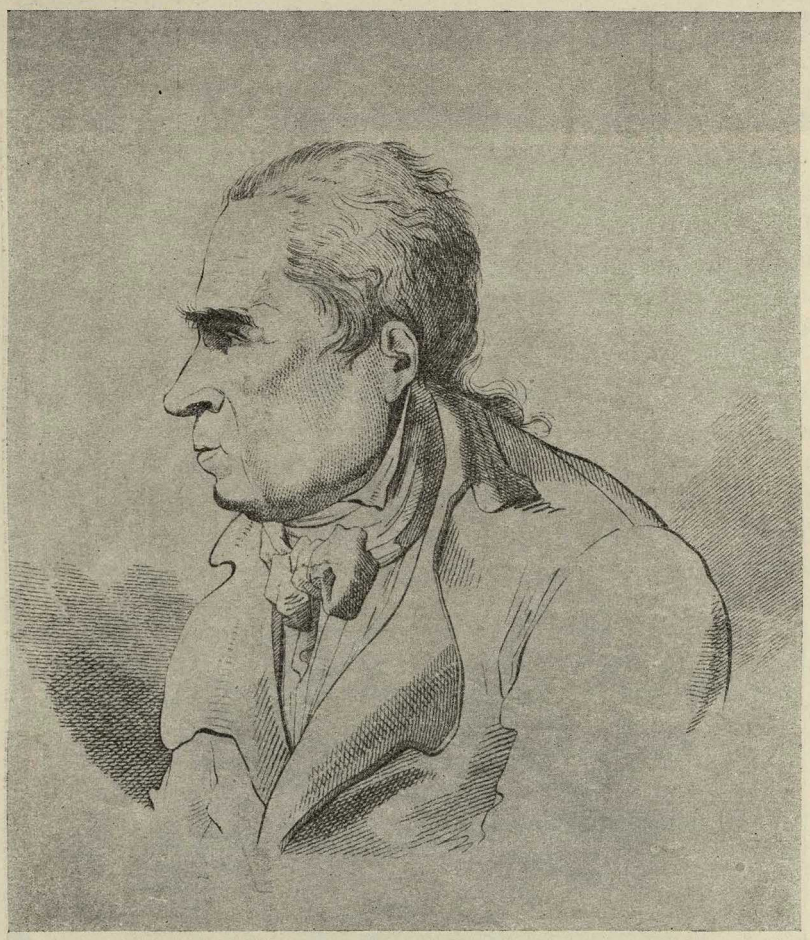
законы масонскіе: «Вселенной миръ, тишина и спокойствіе — цѣль Ордена свободныхъ каменщиковъ».

Молодой генеральсъ-адъютантъ адмирала Грейга Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ [1]) былъ избранъ ложею Нептуна для храненія актовъ

---

[1]) Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. 1 ноября 1767 года, † 13 сентября 1829 года. Въ 1798 году былъ однимъ изъ кураторовъ московскаго университета, въ 1810 году назначенъ его попечителемъ; членъ Императорской Академіи Наукъ. Въ Москвѣ, въ продолженіе царствованія Императора Александра I вокругъ него группировалась часть розенкрейцеровъ. Написалъ множество стиховъ и перевелъ Пиндара и Сафо. Принималъ участіе въ изданіи въ 1804—1806 гг. въ Москвѣ журнала «Другъ Просвѣщенія». Однако, именно отношеніе его къ просвѣщенію было своеобразное: онъ желалъ въ основу его полагать Библію и мистическія сочиненія и въ свѣтскомъ просвѣщеніи нерѣдко усматривалъ «одно вольномысліе, достойное всяческаго порицанія». А. И. Писаревъ зло высмѣивалъ П. И. Голенищева-Кутузова въ неизданной сатирѣ «Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнаса» (сообщ. М. Лонгиновымъ въ Библіографич. Запискахъ 1859 г. № 20, стр. 617), называя его «гонителемъ и грековъ, и французовъ».

ложи [1]) и увезъ ихъ въ трехзамочномъ ларцѣ [2]) съ корабля послѣ Гохландскаго сраженія, когда отправленъ былъ съ донесеніемъ Императрицѣ объ



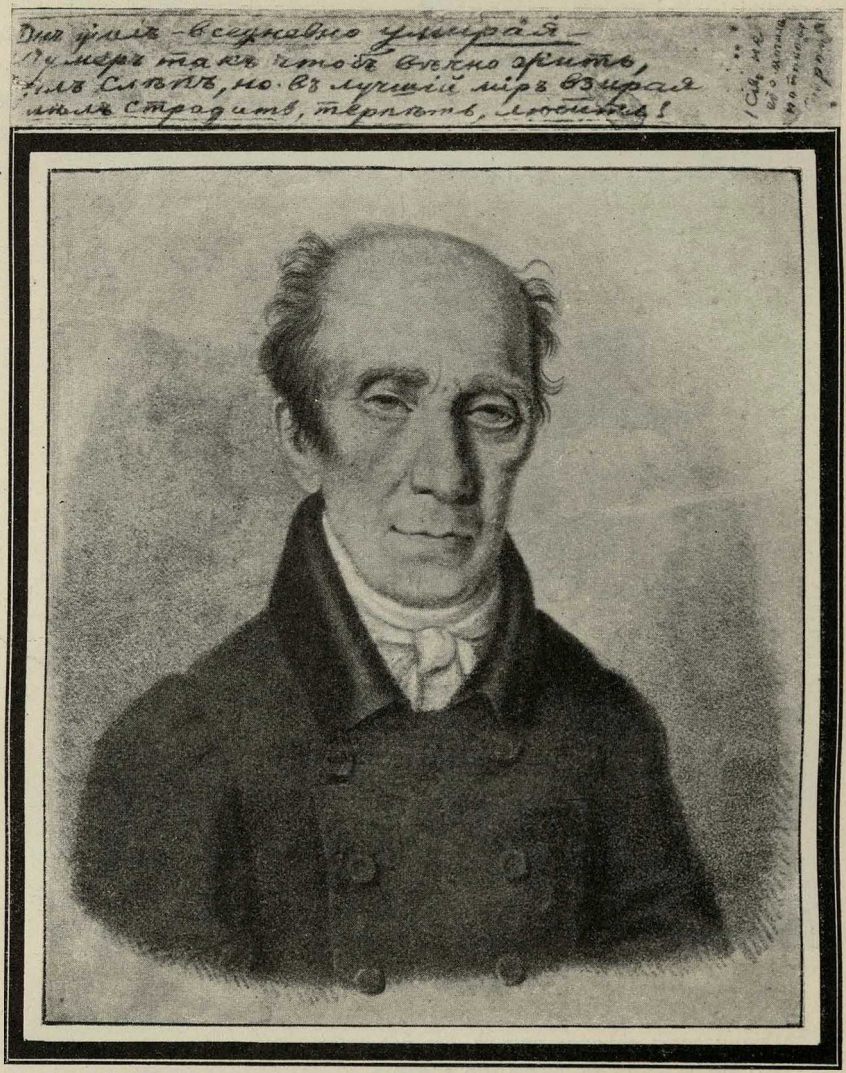
I. А. Поздѣевъ.
1746–1820.

Премудрость вышняя лучемъ его пронзила,
А сила красоту въ душѣ его вселила,
Въ немъ сердце бьется съ тѣмъ и въ жилахъ льется кровь,
Чтобъ чувствовать, питать и проливать любовь.

Собр. Д. А. Ровинскаго; Импер. Моск. и Румянц. Музей.

[1]) На нѣмецкомъ языкѣ. Акты же на англійскомъ языкѣ остались у С. К. Грейга, на кораблѣ.

[2]) Интереснѣйшій масонскій трехзамочный ларецъ прекрасной сохранности недавно пріобрѣтенъ профессоромъ С. Ф. Платоновымъ, любезно сообщившимъ мнѣ объ этомъ пріобрѣтеніи. Ларецъ—большой, тяжеловѣсный, краснаго дерева съ инкрустированными эмблемами, изображаемыми обычно на такихъ ларцахъ,—два ключа, положенные крестъ на крестъ, и молотъ. Сохранились всѣ три ключа и замокъ съ секретомъ.



Руфь Семеновичъ Степановъ.

1745—1828.

Рукоп. Отдѣл. Импер. Публичн. Библ.

одержанной надъ шведами побѣдѣ. Эти акты шведской системы ему суждено было сохранить во все время безпокойныхъ годинъ масонства, во время распаденія кружка Н. И. Новикова и запрета ложъ въ царствованіе Императора Павла I, ибо, когда кончилась кампанія, ложа Нептуна не возобновила работъ, отношенія правительства Императрицы Екатерины къ масонскимъ работамъ стали отрицательными.

Во время слѣдствія надъ Н. И. Новиковымъ и единомышленниками его, «многіе поколебались въ вѣрности Ордену» и большинство ложъ было закрыто. Одна ложа не прерывала однако своихъ работъ и даже связи со Швеціею; это была ложа «Пеликана» или, какъ она еще называлась, «Благодѣянія къ Пеликану»; въ архивѣ этой ложи сохранились ритуалы шведскаго союза, и она подъ наименованіемъ ложи «Александра благотворительности къ коронованному Пеликану» возобновила работы шведской системы, едва забрезжилъ разсвѣтъ царенія Императора Александра I.

Капитулъ Феникса былъ во времена испытаній стойкости Ордена, какъ «искра, сокрытая въ пеплѣ»; обрядовыхъ посвященій не было, но право суда надъ братьями онъ сохранялъ и насажденіе идей шведской системы продолжалъ. Всѣ акты и обрядники «на возможный случай» розысковъ правительства не были сосредоточены въ однѣхъ рукахъ: часть хранилась въ семьѣ князя Г. П. Гагарина, часть въ рукахъ преданныхъ Ордену И. В. Бебера, И. И. Вейса и купца Людера. Въ безпокойное время объединялись масоны разныхъ толковъ въ желаніи сохранить огонь масонства для «будущаго», забывая о «различностяхъ» путей и системъ, коими шли къ общенамѣченной цѣли всемірнаго союза. Такимъ же образомъ и убѣжденные розенкрейцеры, І. А. Поздѣевъ [1]) и Р. С. Степановъ, помогали

---

[1]) Воспроизведенное подъ портретомъ четверостишіе рѣзко противорѣчитъ мнѣнію біографовъ: І. А. Поздѣевъ ими изображенъ злостнымъ крѣпостникомъ, обскурантомъ и себялюбцемъ. Въ воспоминаніяхъ современниковъ сохранился двойственный образъ Поздѣева, документальныя данныя также оставляютъ двойственное впечатлѣніе, и трудно рѣшить, гдѣ истина; одно внѣ сомнѣнія, это была сложная, богато одаренная натура съ сильною волей и умѣньемъ подчинять вліянію своему даже недюжинные умы. Надгробная рѣчь А. Ѳ. Лабзина даетъ свѣтлые штрихи и подчеркиваетъ непоколебавшуюся вѣрность І. А. Поздѣева Ордену во времена тяжкія, равно какъ и въ благопріятныя; онъ называетъ его однимъ изъ столповъ Ордена.

І. А.—помѣщикъ Вологодской и Псковской губ., въ военной службѣ былъ до 1774 г., когда вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Съ 1782—84 г. состоялъ правителемъ канцеляріи при московскомъ градоначальникѣ, извѣстномъ масонѣ гр. З. Г. Чернышевѣ, а затѣмъ жилъ, какъ говорили, на волѣ и почти весь досугъ посвящалъ изученію теозофіи и черныхъ книгъ; собраніе рукописей и книгъ Орденскихъ по братству Златорозоваго Креста и другихъ системъ у Поздѣева было замѣчательное и масоны ѣздили къ нему гостить и поучаться. Такъ, гр. М. Ю. Віельгорскій подолгу гостилъ у него на Стекляномъ заводѣ, въ имѣніи Нелюбовскомъ, Вологодской губерніи. Заставляетъ призадуматься, какъ могъ гр. Віельгорскій, извѣстный своей просвѣщенной гуманностью, спокойно заниматься «работою надъ дикимъ камнемъ», «самоуглубленіемъ и бореніемъ съ ветхимъ человѣкомъ», т. е. со страстями своими,

сохранять сочиненія мистиковъ, чтимыхъ братьями шведскихъ ложъ, и обрядники рыцарскихъ посвященій Капитула [1]).

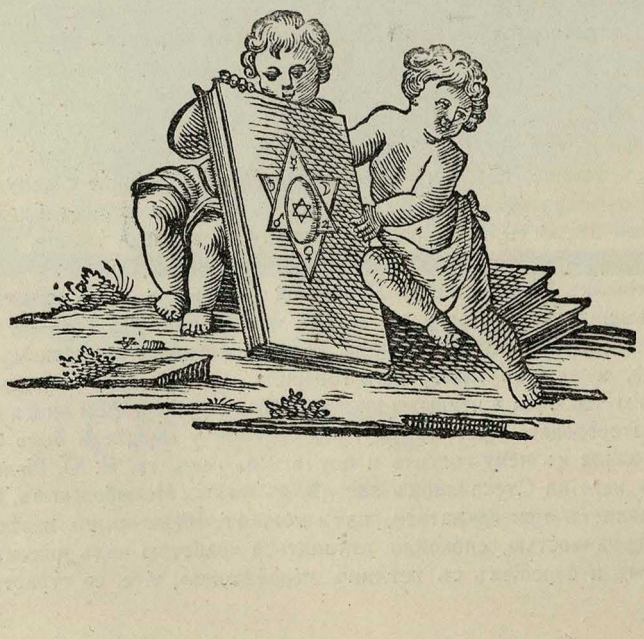
въ имѣніи человѣка, отъ жестокаго обращенія коего разбѣгались и бунтовали крѣпостные? Невольно приходитъ на умъ пословица, что «добрая слава на печи лежитъ, а дурная по свѣту бѣжитъ»; можетъ быть, и І. А. Поздѣевъ могъ говорить: «о, лучше я, чѣмъ обо мнѣ молва сказуетъ!»

Поздѣевъ погребенъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Спасо-Андроніева монастыря; на памятникѣ надпись: «Смиряяся вознесется» (Мѳ. XXIII, ст. 12).

Два сына Поздѣева, Алексѣй и Николай, были отцемъ увлечены въ масонство; изъ нихъ Алексѣй въ Орденѣ занялъ видное мѣсто. І. А. былъ членомъ новиковскаго кружка и занималъ отвѣтственныя должности по братству Златорозоваго креста.

[1]) Портретъ Степанова воспроизведенъ съ рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Пгр. (Q. III, № 180); воспроизведенное четверостишіе сочинено масономъ А. М. Зиловымъ для надгробнаго памятника Степанову, погребенному въ Москвѣ, на кладбищѣ Спасо-Андроніева монастыря. Р. С. Степановъ глубоко чтился масонами Александровскаго времени и былъ однимъ изъ главныхъ ихъ «водителей»; посвященный въ высшія степени братства Златорозоваго Креста, онъ собиралъ вокругъ себя учениковъ, и его бесѣды въ многочисленныхъ спискахъ ходили по рукамъ. Другъ І. А. Поздѣева, онъ жилъ въ его домѣ и послѣдніе годы жизни былъ слѣпъ. Окружающіе имѣли въ немъ живой примѣръ побѣды духа надъ плотью; терпѣніе его въ страданіяхъ вызывало удивленіе, и Зиловъ, близко знавшій его, «потщтился изобразить чувства масоновъ» въ четверостишіи надгробья.

Своего сына Аркадія Степановъ также воспиталъ «въ духѣ Орденскомъ» и лично присутствовалъ при посвященіи его въ московской ложѣ «Ищущихъ Манны». «Въ профанскомъ свѣтѣ», по выраженію масоновъ, Степановъ «не достигъ высокихъ ступеней», онъ былъ всего надворнымъ совѣтникомъ.



ГЛАВА II.

«Pro Deo et Ordin'».
Кличъ Рыцарей Храма въ Россіи.

«Священный Союзъ таковъ, что, сплетясь гармонически руками и сердцами, всѣ идутъ впередъ. Всѣ сильны и крѣпки одинъ другимъ».
Изреченія гр. М. Ю. Віельгорскаго.

Орденъ существенно непоколебимъ и неизмѣняемъ, а потому и есть та цѣль, къ которой мы должны стремиться; исполнители же онаго суть только средства, чрезъ которыя мы къ ней приводимся, а для сего и не надлежитъ намъ засматриваться и взирать на нихъ, какъ на самую цѣль, ибо они суть временны и подвержены перемѣнѣ. Орденъ же есть вѣченъ». Такъ говорили масоны, подъ Орденомъ разумѣя основы Вольнокаменщическаго ученія.

Каковы же были основы шведской системы, открывавшіяся высокопосвященнымъ членамъ Капитула Феникса, каковы были тѣ обряды и символы, познать кои верховные, неизвѣстные Орденскіе начальники призывали избранныхъ изъ среды избранныхъ?

Капитулъ Феникса трояко раздѣленъ: въ немъ предверіе, храмъ и святилище или придѣлъ.

Небо означается свѣтлымъ престоломъ въ придѣлѣ; самый придѣлъ есть «покой въ лонѣ Божества избранныхъ, къ совершенству достигшихъ, просвѣтленныхъ, Божеская натура Христа, сверхчувственное, невидимое, духовное, духъ въ природѣ и человѣкѣ»; самый храмъ—«соединеніе Божескаго съ человѣческимъ, видимою бывшая натура Христа, душа человѣческая, народъ вѣрующихъ»; преддверіе же—«видимый міръ, матерія, тѣло человѣческое, всѣ, познавшіе тьму грѣха и возжелавшіе свѣта истинной премудрости».

Бѣлой завѣсой сокрытъ придѣлъ отъ взоровъ непросвѣтленныхъ; на бѣлой ткани краснымъ шелкомъ шитъ тамплiерскiй крестъ и только двѣ латинскiя буквы V. V. «Приди и узришь свѣтъ»—такъ толкуются русскими Рыцарями Храма два слова «veni, vidi» — «дошедшiй прозрѣетъ».

Въ золотыхъ трехсвѣчникахъ и семисвѣчникахъ свѣтятъ высокiя восковыя свѣчи: въ средоточiи Капитула, въ мѣстѣ вѣрующихъ, находится 81 свѣча. Кроваво-красными тканями сплошь затянуты стѣны; красное сукно на полу; на четверо, по дiагонали, Андреевскимъ крестомъ разсѣчено оно зелеными полосами.

На Востокѣ 7 крутыхъ ступеней ведутъ къ жертвеннику и трону Префекта. Но тронъ, одѣтый царственнымъ пурпуромъ, почти скрытъ низко спадающей бѣлотканной сѣнью балдахина; только жертвенникъ выдвинутъ и на бѣло-шелковомъ покровѣ его рдѣетъ осьмиконечный крестъ Храмовниковъ; львиныя головы служатъ подножiемъ жертвеннику.

На жертвенникѣ—высѣченный изъ камня гробъ съ изображенiемъ послѣдняго Гросмейстера Храмовниковъ, Жака Молэ въ Орденскомъ одѣяніи; на крышкѣ гроба латинскiя буквы I. B. M. B. A. D. I. C. 1314. Слѣва отъ жертвенника вѣетъ походное знамя: оно красное, съ бѣлымъ крестомъ и «во времена тревожныя для Ордена» водружается въ Капитулѣ.

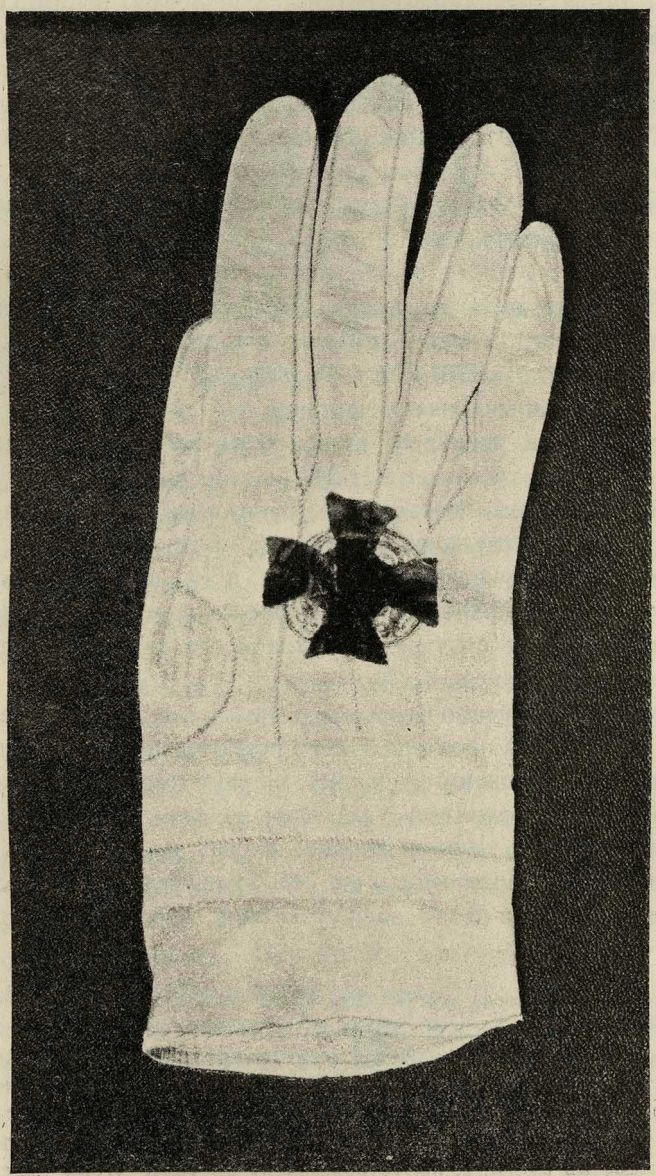
Посреди зала черная висѣлица съ подвѣшеннымъ большимъ золотымъ крестомъ Храмовниковъ; у подножiя разостланъ черный гробовой покровъ, весь затканный золотомъ пламени. Слѣва, въ полномъ вооруженiи когда-то властнаго Ордена Тамплiеровъ, недвижно, на стражѣ стоитъ рыцарь съ опущеннымъ забраломъ.

Звономъ мечей открывается Капитулъ. Великiй Префектъ ударяетъ мечомъ своимъ о жертвенникъ, великiе блюстители храма звонкими ударами скрещиваютъ мечи. Трижды ударяетъ Великiй Префектъ молотомъ о жертвенникъ и блюстители храма вторятъ ударами по мечамъ; вновь ударяетъ Префектъ единожды и блюстители храма взаимно ударяютъ по мечу; когда же Великiй Префектъ и блюстители храма четверократно ударятъ каждый молотомъ своимъ, Капитулъ объявляется открытымъ, и всѣ рыцари скрещиваютъ на груди руки обычнымъ знакомъ вѣрности Рыцарей Храма.

Всѣ рыцари—въ обрядовомъ одѣяніи: въ бѣлыхъ шерстяныхъ плащахъ съ краснымъ осьмиконечнымъ нагруднымъ крестомъ, въ золотисто-парчевыхъ супервестахъ съ бѣлымъ крестомъ, въ бѣлыхъ черноокаймленныхъ долматикахъ, въ красношелковыхъ поясахъ, въ ботфортахъ со шпорами, въ бѣлыхъ шляпахъ съ красными кокардами и вѣющими бѣлыми перьями, въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ съ краснымъ крестомъ поверхъ орденскаго герба своего, у каждаго различнаго. Нашейныя и чрезплечныя ленты, алыя, зеленыя, бѣлыя, золотомъ окаймленныя, пурпурово-фiолетовыя; звѣзды; кресты золотые, красно-эмалевые, осыпанные цѣнными каменьями; нашейныя цѣпи, — всѣ эти предметы указываютъ на различныя степени посвященiя. У всѣхъ въ рукахъ мечи, длинные, обоюдоострые, съ короною и крестомъ

на рукояти: это—Рыцари Храма русскаго посвященія; посвященные въ Швеціи,—въ рыцарскихъ доспѣхахъ, въ кольчугахъ, въ бронѣ и въ шлемѣ.

Вызванный юнѣйшій герольдъ выкликаетъ поимянно всѣхъ приглашенныхъ къ собранію членовъ Капитула; бѣлая шелковая мантія съ золотымъ отличаетъ герольда; на его шляпѣ красныя и бѣлыя перья.



Бѣлая лайковая перчатка съ краснымъ Іоанновскимъ крестомъ поверхъ Орденскаго герба.
Рижскій Соборный Музей.

Великій Префектъ приказываетъ внести клейноды. Оба герольда и оба обрядоначальника въ сопровожденіи великихъ офиціаловъ направляются въ придѣлъ, гдѣ хранятся клейноды Ордена. Обратно шествіе слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: два обрядоначальника, два герольда, блюститель хоругви, блюстители короны и лампады, меча и наугольника, великій казнохранитель съ лентами и кольцами, секретарь со шпорами, пріоръ со священной Библіей, въ концѣ два великіе блюстители храма. На отдѣльные столы полагаются клейноды. Библію пріоръ въ сопутствіи блюстителей храма возлагаетъ на жертвенникъ, и Префектъ занимаетъ свое мѣсто, раскрывая библію на XXI главѣ Откровенія Св. Іоанна; обнаженный мечъ свой кладетъ онъ на открытыя страницы святой книги.

«Просвѣщенные братья, блюстители храма, который часъ?» вопрошаетъ Великій Префектъ.

«Солнце правды сіяетъ на высотѣ Востока», раздается отвѣтъ.

«Свѣтъ солнца да возсіяетъ въ душахъ нашихъ!» восклицаетъ Префектъ и первые звуки тихой музыки оглашаютъ Капитулъ. Невидимый хоръ поетъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ...» и, скрестивъ на груди руки, рыцари преклоняютъ колѣни.

Еще замираютъ послѣднія слова воспѣтаго гимна, когда Префектъ начинаетъ молиться—громко, отчетливо, не поднимаясь съ колѣнъ: «Божественный Великій нашъ Мастеръ да благословитъ сегодняшнее собраніе наше, да будетъ Онъ среди насъ и, подавъ намъ благодатію своею силу исполнять всѣ каменщическія добродѣтели, пріобщитъ нѣкогда насъ, недостойныхъ, къ числу избранныхъ въ священныя рати, имъ же дарованъ вѣнецъ побѣды и ихъ же поставитъ въ хранители дивныхъ путей, ведущихъ въ преславныя вѣчности храмъ [1])».

«Капитулъ совершенно открытъ», возвѣщаетъ Великій Префектъ, поднимаясь съ колѣнъ. «Да прочтена будетъ родословная ищущаго посвященія!»

Документъ въ должномъ порядкѣ, ищущій высшихъ познаній можетъ быть введенъ. Два поручителя удаляются за нимъ и, подведя его къ дверямъ Капитула, семью ударами просятъ входа; каждый ударъ знаменуетъ пройденную степень посвященія; на седьмомъ ударѣ дверь раскрывается.

Съ мечемъ, готовый на защиту Ордена, входитъ посвящаемый: онъ

---

[1]) Молитва эта иногда замѣнялась одною изъ слѣдующихъ: a) «Духъ, всюдусущій, непостижимый! Ты, вся создавый, Вседержитель, просвѣти насъ пламенникомъ истины, красы непреходящей, направи волю нашу по стезямъ праведнымъ, показующимъ смертнымъ всемогущество Твое, содѣлай, да по истеченіи жизни нашей удостоены будемъ сопричислиться славы Твоея и во вѣки вѣковъ прославлять благодѣянія Твои». b) «Всѣ мы грѣшны, слабы, бренны, безпрестанно падаемъ, не внемлемъ гласу, вопіющему въ пустынѣ, пріуготовляющему къ тому, чтобы подойти подъ сію священную хоругвь, подъ коею единственно мы освященіе получить можемъ. Помоги же намъ, Воплощенная, Неизрѣченная Любовь, сотвори, да сила Твоя въ нашей немощи совершается, да свѣтъ Твой въ нашей тьмѣ возсіяетъ и тьму нашу поглотитъ!»

въ полукафтаньи желтой кожи, въ высокихъ ботфортахъ [1]), въ шляпѣ, въ перевязи Рыцарей Востока, зеленой съ тремя алыми крестами; въ рукахъ его двѣ грамоты — одна родословная, другая—призывъ къ высшимъ работамъ [2]), присланный безъ его просьбы Великимъ Префектомъ Капитула.

Безъ трепета, завидѣвъ висѣлицу, становится онъ подъ нею, выражая презрѣніе къ смертной мукѣ; поручители, отобравъ призывную грамоту, сжигаютъ ее и дуновеніемъ развѣваютъ легкій сѣрый пепелъ, а Великій Канцлеръ требуетъ клятвеннаго подтвержденія достовѣрности представляемой родословной и возобновленія всѣхъ клятвъ, ранѣе данныхъ «быть вѣрнымъ, скромнымъ, покорнымъ, стойкимъ, ревностнымъ огненнымъ борцомъ и доблестнымъ, благороднымъ Рыцаремъ».

«Клянешься ли Всемогущимъ и честію Вольнаго Каменщика содѣйствовать процвѣтанію Ордена и защищать Орденъ отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ?»

«Клянусь!»—отвѣтствуетъ посвящаемый.— «Клянусь Святымъ Евангеліемъ и симъ знаменемъ Креста — покорствовать и подчиняться повелѣніямъ начальниковъ и на призывъ ихъ поспѣшать сразиться со врагами Креста и Ордена копьемъ, мечемъ, щитомъ не на жизнь, а на смерть».

«Девизомъ да будетъ тебѣ побѣда или смерть!» — восклицаютъ Рыцари, выражая согласіе на пріемъ испытуемаго въ свою среду.

Двѣ клятвы еще приноситъ посвящаемый: клятву храненія тайны и клятву отнюдь не вступать въ ряды Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ число мальтійскихъ Рыцарей, ни даже простымъ рядовымъ воиномъ бороться въ рядахъ ихъ. Вносятъ рыцарскіе доспѣхи, выдѣланные «по образцу Храмовническому».

Сойдя съ трона, Великій Префектъ приступаетъ къ посвященію. Онъ произноситъ ритуальныя слова, поручители облекаютъ посвящаемаго въ рыцарскіе доспѣхи.

«Облекитесь во всеоружіе Божіе, чтобы вамъ можно было стать противъ козней діавольскихъ, потому что наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ». Послѣ этихъ словъ одѣваютъ латы [3]).

«Для сего пріимите всеоружіе Божіе, дабы вы могли противостать въ день злый и, все преодолѣвъ, устоять» [4]). При этомъ одѣваютъ нарукавники.

«И шлемъ спасенія возьмите [5]), дабы подъ знаменемъ креста не убояться ударовъ и засадъ вражескихъ». Возлагаютъ шлемъ.

---

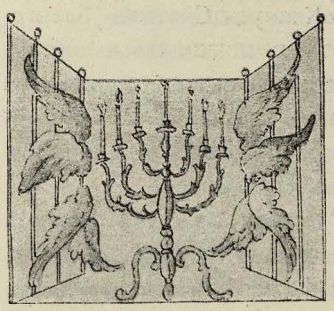
[1]) См. приложеніе № 5.
[2]) См. приложеніе № 6.
[3]) Посланіе къ Ефесянамъ Св. Апостола Павла, гл. 6, ст. 11, 12.
[4]) ibid. гл. 6, с. 13.
[5]) ibid. гл. 6, ст. 17, первая часть, вторая въ посланіи не имѣется.

«И будьте яко гроза Божья въ часъ боя, обувъ ноги въ готовность благовѣствовать миръ» [1]). Подвязываютъ шпоры.

«Препояшьте мечъ духовный, который есть слово Божіе [2]). Лишь побѣдителямъ возвращается мечъ Рыцарей Храма съ поля брани». Препоясываютъ мечъ.

«Примите кольцо сіе во знаменіе неразрывнаго союза, заключеннаго вами въ день сей съ Орденомъ Господа нашего, Орденомъ Храма Святаго. Во мгновеніе сіе вошли вы въ тѣснѣйшее единеніе съ нами, да будете отнынѣ яко перстень и печать на десницѣ Божіей». Одѣваютъ гладкое золотое кольцо съ вырѣзаннымъ на немъ девизомъ.

«Крестъ да будетъ оправданіемъ вашимъ, а лента сія ежечаснымъ напоминаніемъ, да потщитеся всею жизнію вашею заслужить оправданіе сіе». Одѣваютъ красный эмалевый осьмиконечный крестъ въ золотой оправѣ; онъ привѣшенъ на бѣлой струйчатой шелковой лентѣ съ зелеными каймами.



Обрядовый семисвѣчникъ, осѣненный крылами Херувимовъ.
Госуд. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Прикрывъ ладонями лицо свое, посвящаемый склоняетъ колѣна. Великій Префектъ двумя крестообразными ударами Орденскаго меча посвящаетъ его въ Воинствующіе Рыцари.

«Да будешь господиномъ, а не слугою», ударъ по правому плечу.

«Да будешь мужемъ свободнымъ, а не рабомъ», ударъ по лѣвому плечу.

Благословляя, возлагаетъ Великій Префектъ руки на склоненную еще голову посвящаемаго: «благословеніе Господне да будетъ надъ приходомъ и исходомъ твоимъ и да ниспошлетъ Господь тебѣ мирное и благополучное житіе». Префектъ оборачиваетъ мечъ такъ, чтобы посвящаемый могъ приложиться ко Кресту, вдѣланному въ драгоцѣнную рукоять и посвящаемый цѣлуетъ Крестъ.

Герольды возглашаютъ Орденское символическое имя, данное юнѣйшему рыцарю, а Герольдмейстеръ заноситъ его въ великую книгу Капитула.

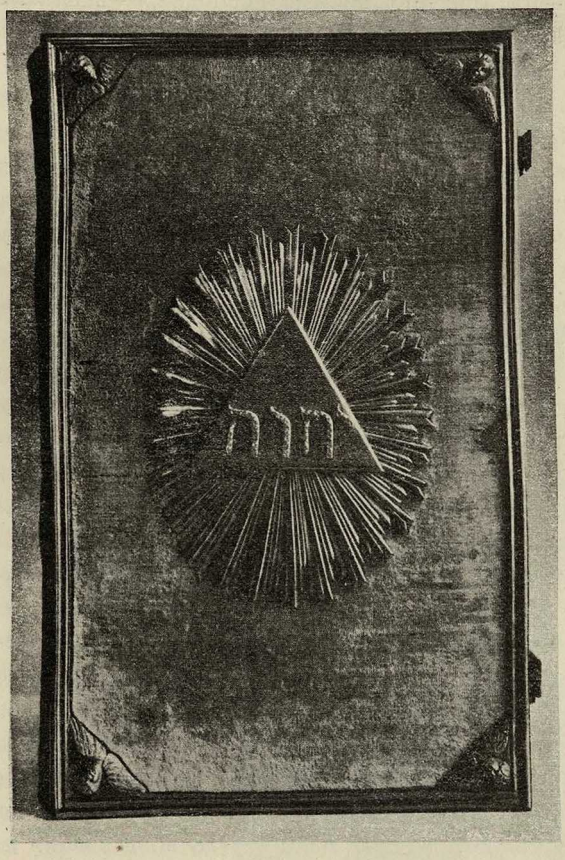
Но обрядъ еще не конченъ.

«Лишь въ мірскіе рыцари посвящены вы»,—возвѣщаетъ Великій Префектъ, когда поручители помогаютъ посвящаемому подняться съ колѣнъ,—но предки наши, древніе Рыцари Храма, были и рыцарями духовными; единеніе ваше съ Орденомъ да завершится въ придѣлѣ».

Колеблясь, распахивается бѣлая шерстяная завѣса, и святилище открывается очамъ посвящаемаго. Искусно освѣщенный придѣлъ кажется удлиненнымъ. Въ отдаленіи неясныя очертанія горы, на вершинѣ коей блеститъ золотой крестъ съ алою розою; это—гора Ѳаворъ. Подъ багровою, словно

[1]) ibid. гл. 6, ст. 15.
[2]) ibid. гл. 6, ст. 17, вторая половина.

расторгнутою завѣсою—великій алтарь; златыми крылами Херувимовъ осѣнены огни священнаго семисвѣчника, возжены всѣ семь сьѣчей, дабы отчетливо видны были слова Откровенія Св. Іоанна Богослова, на коихъ отверзта Священная Библія. Тутъ же на алтарѣ мерцаетъ лампада разума



Библія, бывшая въ употребленіи у масоновъ.
Импер. Моск. и Румянц. Музей.

и ярко сверкаетъ золотая корона вѣчной жизни, безсмертія, на кровавомъ пурпурѣ покрова.

Хоругвь Ордена осѣняетъ алтарь и знамя Ордена: хоругвь багровая съ Божественнымъ Агнцемъ и священными символами Ордена, а знамя Ордена бѣлое съ краснымъ крестомъ о восьми концахъ. Золотой скипетръ—знакъ всемогущества и золотой ключъ съ треугольникомъ — знакъ всевѣдѣнія—тутъ же на алтарѣ.

Курятся ѳиміамы.

Предъ алтаремъ старѣйшее духовное лицо [1]) Ордена; два младшихъ духовныхъ лица у купели и кадильницы.

[1]) Въ подлинникѣ «prélat».

Не одинокимъ входитъ въ придѣлъ посвящаемый: ему предшествуютъ оба обрядоначальника съ бѣлыми жезлами изъ благородной слоновой кости, оба стуарта съ золотыми сѣкирами, герольды; окруженъ онъ поручителями и обоими блюстителями храма.

«Благословенъ грядущій во Имя Господне,»—воспѣваетъ хоръ, вторя словамъ старѣйшаго прелата,—«Осанна въ Вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Еще одну клятву требуетъ Орденъ: преклонивъ колѣни предъ алтаремъ, съ двумя перстами на Святомъ Евангеліи, клянется рыцарь: «Во имя трижды Великаго Строителя Вселенной, Царя и Господа нашего обязуюсь непрестанное имѣть блюденіе надъ собою, бороться со страстями своими и съ Божіею помощью ихъ побороть». «Обязуюсь еще всегда исповѣдывать и никогда не отринуть едино-вѣрную религію Апостольскую, Евангельскую, защищать ее до самой кончины моей и, если бы того потребовалось, пожертвовать кровію и жизнію моею, во исполненіе чего молю Всевысочайшаго Строителя ниспослать мнѣ благословеніе Свое». Онъ лобызаетъ Евангеліе, и воспріемники, поднявъ, разоружаютъ его, а старѣйшій прелатъ, возлагая руку на его голову, говоритъ:

«Отложите прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ [1]), облекитесь въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины».

Второй прелатъ подноситъ чашу омовенія и посвящаемый [2]) свершаетъ омовеніе рукъ, лба, груди подъ слова старѣйшаго: «Да омоетъ Господь сердце твое кровію Агнца, и да обрящешь вѣчное спасеніе».

Третій прелатъ облачаетъ его въ бѣлый долматикъ, когда старѣйшій говоритъ: «Да облечетъ Господь тебя облаченіемъ смиренія и любви, дабы во всеоружіи возмогъ ты противостать врагамъ душевнымъ и тѣлеснымъ».

Второй прелатъ опоясываетъ его и прикрѣпляетъ кинжалъ, когда старѣйшій говоритъ: «Да опояшетъ Господь чресла твои поясомъ чистоты, дабы пребывала въ тебѣ живою добродѣтель воздержанія и непорочности». «Да вооружитъ Господь тебя мечемъ Духа Святаго, да во всеоружіи возможешь бороться со всѣми врагами Святаго Храма», — продолжаетъ старѣйшій, пока третій прелатъ одѣваетъ перевязь и прикрѣпляетъ мечъ.

Завязывая красный нашейный шнуръ, первый прелатъ восклицаетъ «Да озаритъ Господь тебя свѣтомъ истины Своея и да приведетъ тебя ко святой горѣ Своей!» Обрядъ облаченія приходитъ къ концу; не въ доспѣхи воинскіе, но въ одежды смиренія и послушанія одѣтъ духовный рыцарь и одѣяніе его завершаетъ старѣйшій прелатъ, накидывая ему на плечи большой бѣлый плащъ Храмовниковъ: «Да не оставитъ Господь тебя милостію Своею, дабы въ бѣломъ одѣяніи святости, оправданный Крестомъ и Кровію

---

[1]) Посланіе къ Ефесянамъ Св. Апостола Павла, гл. IV, 22, 24.

[2]) Въ подлинникѣ «novice».

Іисуса Христа, одержавъ побѣду надъ врагами твоими, видимости и невидимости, возмогъ прославити Господа и узрѣть Бога! Да благословитъ тебя и да сохранитъ Предвѣчный, Альфа и Омега, Начало и Конецъ, благословенно будетъ пресвятое имя Его во вѣки вѣковъ».

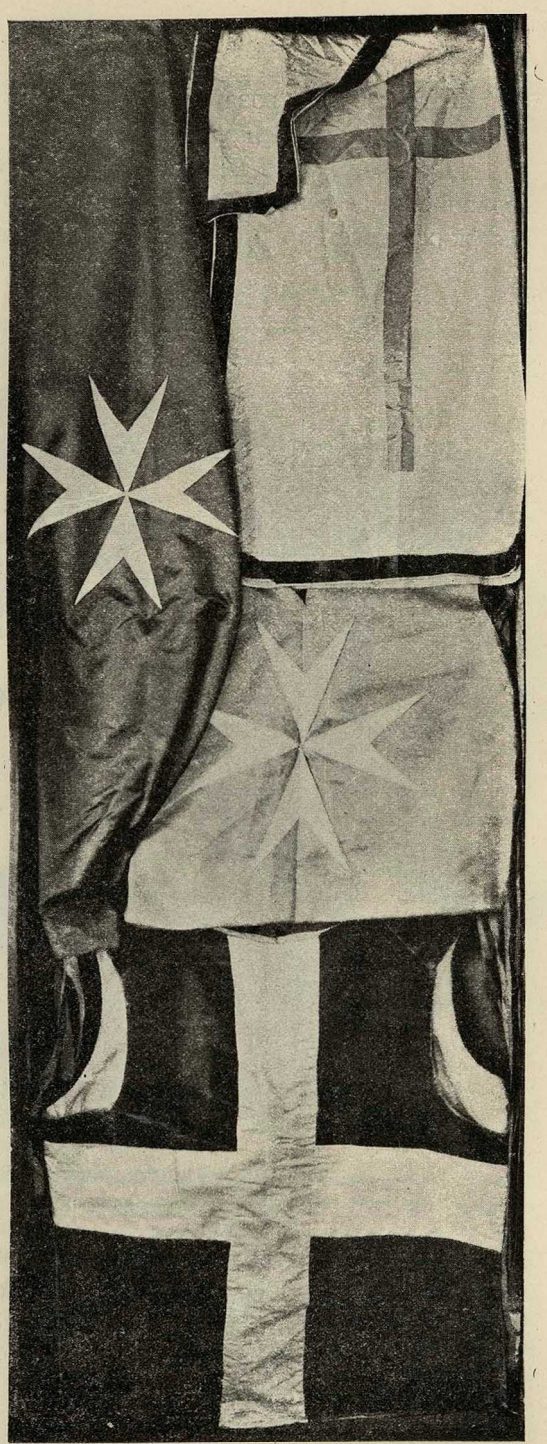
Вновь склоняетъ Рыцарь колѣни, старѣйшій прелатъ срѣзаетъ прядь волосъ за правымъ ухомъ у затылка, при тихомъ шопотѣ молитвъ. Сильнѣе курится ѳиміамъ, словно облакомъ святости окутывая новопосвященнаго, внимающаго словамъ послѣдняго благословенія: «Боже, ущедри ны и благослови ны, просвѣти лице Твое на ны и помилуй ны, и даруй намъ миръ Твой».

«И увидѣлъ я новое небо и новую землю»,—продолжаетъ тотъ же прелатъ, поднимая Святую Книгу и въ словахъ давно ему извѣстныхъ, но давно имъ не читанныхъ и полузабытыхъ Откровенія Св. Іоанна Богослова, новопосвященному Духовному Рыцарю слышится словно что-то новое,—такъ преисполненъ онъ нежданно новыми ощущеніями. «И смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее прошло».

Громко, восторженно, въ тишину придѣла врываются звуки обрядового пѣснопѣнія:

«Одѣтый въ снѣжну бѣлизну
Лечу въ надзвѣздну высоту».

Хоръ поетъ все громче и громче, а Рыцари, окруживъ

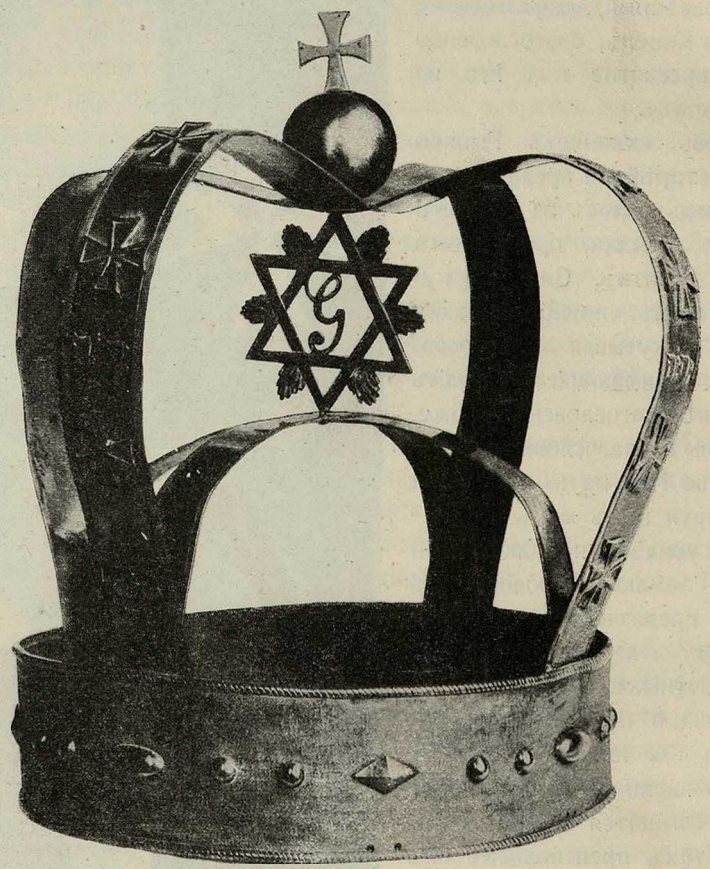


Орденское одѣяніе Рыцарей Храма въ Россіи: поясъ, долматикъ и супервесты.

Имп. Общ. Люб. Др. Письм.

младшаго собрата, возвращаются съ нимъ въ Капитулъ, въ залъ рыцарей, къ подножію жертвенника.

Стоя, ожидаетъ Великій Префектъ. Онъ въ полномъ торжественномъ одѣяніи, въ коронѣ, въ нашейной золотой цѣпи изъ 9 маленькихъ іоанновскихъ крестовъ и съ большимъ нагруднымъ крестомъ красной эмали; въ



Корона мудрости, носимая Великимъ Префектомъ.
Собраніе Д. Ѳ. Кобеко.

рукахъ его скипетръ; по правую руку высшее духовное лицо Ордена, великій дародатель, на немъ красное, стариннаго покроя обрядовое торжественное платье съ мантіею, на груди золотой крестъ, на бѣлой эмали коего въ центрѣ символическій Агнецъ съ хоругвіею и круговой надписью: «Agnus Dei qui tollit peccata mundi» [1]).

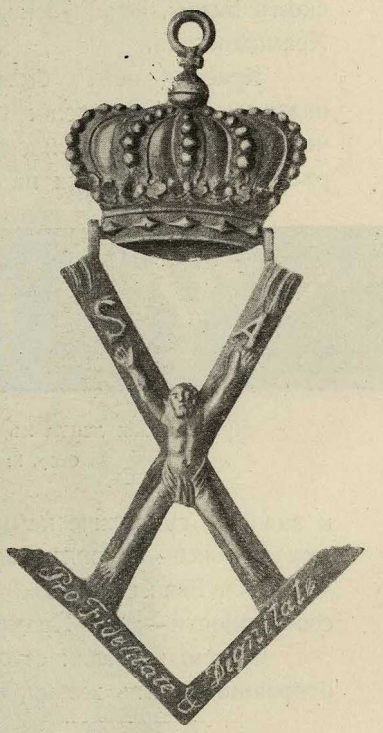
«Достойный Рыцарь! Орденъ Храма, нѣкогда жертва гордости, зависти, скупости и измѣны не погибъ вовсе!» — восклицаетъ Префектъ.

[1]) На оборотѣ Креста въ медальонѣ изображено распятіе или терновый вѣнецъ.

«Вѣрные рыцари сберегаютъ таинства и обряды его. Отнынѣ умножилась рать ихъ тобою. Я пріемлю тебя совершенно и на вѣки въ цѣпь, никогда не разрывавшуюся древняго Ордена Храма».

Трижды осѣняется юнѣйшій рыцарь великою хоругвіею. Обрядъ свершенъ. Новое звено приковано къ старой цѣпи.

Истинная исторія Ордена Храмовниковъ, скрашенная легендою, дѣйствительность и вымыселъ, искусно и тонко сплетенные, открывались Рыцарю, вновь посвященному. Съ изумленіемъ узналъ онъ о томъ, что всѣ обряды предшествовавшихъ, пройденныхъ имъ степеней посвященія въ символахъ и обрядахъ своихъ скрывали исторію средневѣковаго Храмовничества. Столь много разъ видѣнныя буквы I и B на столбахъ свѣта и тьмы и буква M на гробѣ убіеннаго Строителя Соломонова храма, кромѣ открытаго ему ранѣе значенія, знаменовали сожженнаго Гросмейстера Храмовниковъ Іакова Бургундіуса Молэ, трое взбунтовавшихся каменщиковъ, убившихъ Адонирама, были не что иное, какъ зависть, злоба и корысть, причины гибели Ордена Рыцарей Храма, а три удара молота, коими Великій Мастеръ возвращаетъ къ жизни убіеннаго архитектора, три обѣта древнихъ Храмовниковъ — vota obedientia, castitatis и paupertatis, строгимъ наблюденіемъ коихъ Ордену можетъ возвращена быть былая слава [1]). Даже стукъ молота, сѣкиры



Крестъ Св. Андрея.
Собр. гр. И. И. Толстого.

[1]) Въ началѣ своей дѣятельности Орденъ Рыцарей Храма неуклонно выполнялъ свои два главныхъ обѣта: обѣтъ бѣдности и безпрекословнаго послушанія. Это былъ братскій союзъ, сильный своимъ единодушіемъ, воинскою дисциплиною, безстрашіемъ, чистотою и возвышенностью нравовъ, широтою умственной жизни. Быстро возраставшее могущество Ордена привлекало къ вступленію въ него богатое, знатное дворянство, которое въ свою очередь щедрыми вкладами способствовало чрезвычайному обогащенію Ордена. Но по мѣрѣ возрастанія силы Ордена стали забываться великіе обѣты, легшіе въ его основу; нравы теряли чистоту; сіяніе военной славы, богатства, могущество власти окружали Орденъ и въ то же время устои стали расшатываться. Проявляемая Орденомъ самодѣятельность при его богатствѣ не была на руку ни духовнымъ, ни свѣтскимъ властямъ, съ которыми онъ вступалъ даже въ борьбу. Въ 1306 году начатъ былъ процессъ съ Храмовниками папою Климентомъ V и французскимъ королемъ Филиппомъ IV Красивымъ, приведшій къ казни гросмейстера Ордена, 19 марта 1314 г. въ Парижѣ. Къ Храмовникамъ было предъявлено обвиненіе въ ереси, въ непризнаваніи Іисуса Христа Богочеловѣкомъ и Спасителемъ міра, въ отрицаніи чудесности Его рожденія, въ отрицаніи таинствъ, даже въ идолопоклонствѣ.

или меча при открытіи работъ въ ложахъ напоминалъ о мученичествѣ, принятомъ Храмовниками; въ различныхъ сочетаніяхъ число ударовъ составляло годъ казни Іакова Молэ. Буква G въ центрѣ пламенѣющей звѣзды означала не только геометрію, какъ символъ строительнаго искусства, или Genitrix въ смыслѣ поклоненія силамъ природы, она значила еще слово французское Gibet и шведское Galge, т. е. висѣлицу, послужившую орудіемъ казни Храмовниковъ, а латинская буква B въ центрѣ креста или на гробовомъ покровѣ знаменовала слово сожженный (на латинскомъ bustus, французскомъ brulé, шведскомъ bränd)—въ память сожженія Храмовниковъ.

Красный цвѣтъ былъ цвѣтомъ пролитой крови, бѣлый и зеленый — надежды возстановленія Ордена въ первоначальной чистотѣ, кинжалъ на черной лентѣ, съ девизомъ «побѣда или смерть»—знакъ безтрепетной рѣшимости сражаться на смерть съ врагами свѣта и Ордена. Открывалось

Чрезплечная лента къ коей подвѣшивается кинжалъ въ 7-й степени.
Собр. Импер. Общ. Любител. Древ. Письменности.

и значеніе символическаго ковра, разстилаемаго въ Капитулѣ; лампада на жертвенникѣ—символъ Священнаго Писанія, Ангелъ, Левъ, Волъ и Орелъ—четырехъ Евангелистовъ, 12 пламенниковъ—12 Апостоловъ, «а все сіе въ совокупности—вѣра Храмовниковъ, на святыхъ истинахъ основанная».

Словно исчезали столѣтія... Посвященный чувствовалъ себя внезапно оторваннымъ отъ жизни, внѣ времени и пространства. Рѣчи о достиженіи

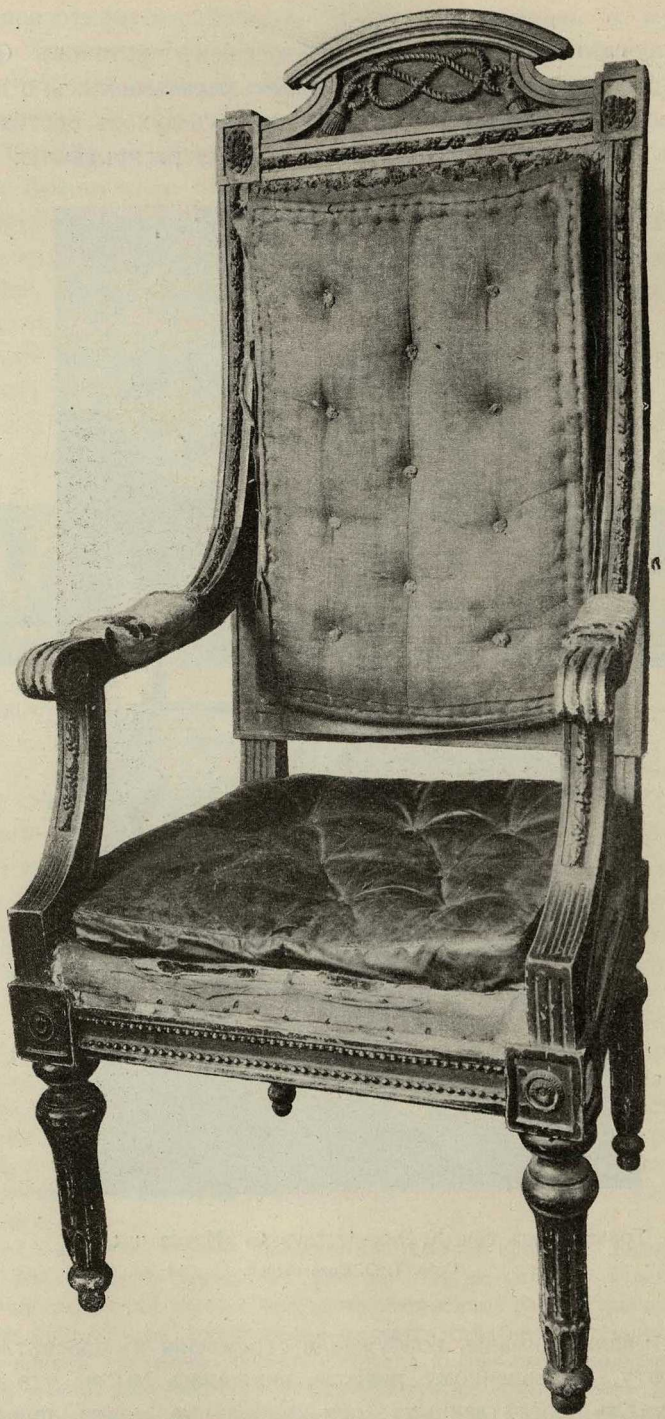
Однако масоны тѣхъ системъ, кои утверждали непрерывавшуюся преемственность съ Храмовниками, отрицали правильность и обоснованность обвиненій Храмовниковъ въ ереси и, утверждая свою связь съ ними, указывали лишь на свѣтлыя стороны Ордена. Трагическая смерть гросмейстера Жака Молэ на кострѣ, проклятіе Ордена папою и его разореніе толкуются масонами какъ нѣчто несправедливое, незаслуженное, а потому и сама казнь Храмовниковъ выставляется подвигомъ мученичества, достойнымъ восхваленія и подражанія, ибо эта смерть-жертва жизнью за торжество идеи.

Шестая и седьмая степени шведской системы въ обрядахъ посвященія изображаютъ исторію Рыцарей Храма. Въ шестой степени свѣтлыя страницы — начало Ордена; новопосвящаемый Рыцарь клятвенно обязывается распространять и защищать христіанскую вѣру. Очень любопытнымъ является сдѣланное русскими масонами добавленіе въ клятвѣ, что распространять слѣдуетъ именно *православную* христіанскую вѣру. Этимъ лишній разъ подтверждается, что русскіе вольные каменщики въ масонство вливали временами чисто національныя идеи, заставляя какъ бы отклоняться отъ широкой дороги космополитизма.

«высшаго просвѣтленія, строгимъ наблюденіемъ уставовъ Орденскихъ изустно старѣйшими братьями посвященнымъ передаваемыхъ, о достиженіи вершинъ экстаза и общеніи съ міромъ свѣтлыхъ духовъ, достиженіи тѣхъ вершинъ, съ коихъ прозрѣвшему духовному оку раскрываются всѣ тайны

Гравюра изъ соч. К. Эккартсгаузена «Наука числъ».
Собр. Т. О. Соколовской.

бытія», охватывали вниманіе, возбуждали стремленія къ просвѣтленію. Ревностному брату, посвященному рыцарю, внушалась мысль, что власть на землѣ есть удѣлъ просвѣтленныхъ: они—избранные, коимъ принадлежитъ вести къ свѣту и блаженству весь міръ, «ибо не въ юдоль плача Великій Строитель міра назначалъ обратиться Вселенной»; малое число призванныхъ

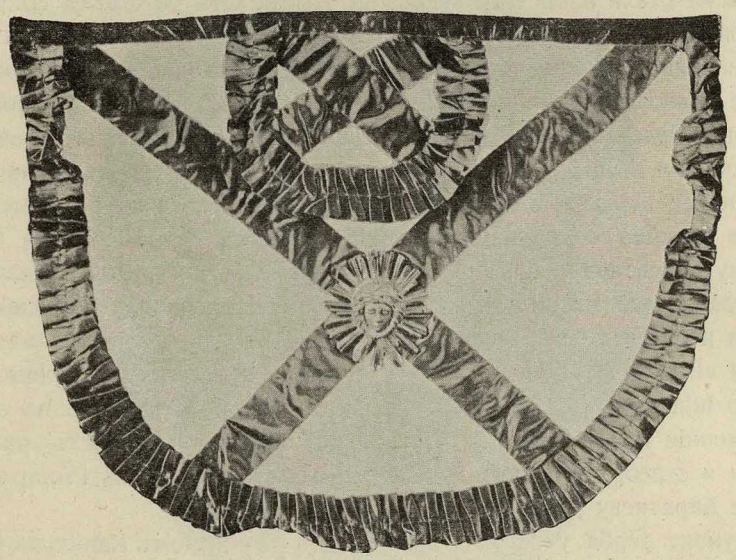


Кресло Великаго Префекта въ Велик. Директоріальн. ложѣ.

Импер. Моск. и Румянц. Музей.

къ высшему посвященію не должно колебать замыселъ «нравами возвысить всѣ народы къ свободѣ». Мыслями, сокрытыми въ «іероглифахъ», были преисполнены рѣчи; въ нихъ больше постигались, нежели понимались задачи Союза.

Сложный обрядъ посвященія, богатое убранство Капитула, дорого стоющіе клейноды, орденскія одѣянія, въ коихъ краска пурпура спорила цѣнностью съ златотканной парчей, блескомъ шелка, бѣлизною и пышностью вѣющихъ перьевъ и искусною выдѣлкою рыцарскихъ доспѣховъ, давали возможность именовать Капитулъ Феникса блистательнымъ. И хотя московскіе розенкрейцеры, осуждая вычурность обрядовъ русскаго Храмовничества, говорили, что Капитулъ блистательнымъ долженъ почитаться не



Запонъ рыцарей 6, 7 и 8 степени.
Собр. Д. Ѳ. Кобеко.

по 81 свѣчи, кои въ немъ возжигаются, но по богатству «архивы», однако, они же въ посланіи къ герцогу Фердинанду Брауншвейгскому, еще въ началѣ 80-хъ гг. XVIII вѣка, писали: «Пышныя церемоніи рыцарства, кресты, кольца, эпанчи и родословныя поколѣнія должны были произвести великое впечатлѣніе надъ націею военною, въ которой одно токмо знатное дворянство работами занималось. Сверхъ того, богатое дворянство наше, такъ же какъ и вездѣ, воспитано весьма чувственнымъ образомъ и слѣдственно ничто такъ не способно показать ему отношенія умозрительныя, какъ такой языкъ, который дѣйствуетъ на всѣ органы его». Отмѣчая, что особенно среди военныхъ распространился шведскій обрядъ, они тутъ же пояснили, что въ Россіи всѣ рыцарскія посвященія не почитаются смѣшными. «Весьма справедливо, что церемоніи сіи дѣлаются очень смѣшными, коль скоро онѣ не будутъ соразмѣрны особамъ; напротивъ, между нами

таковая воинская пышность не можетъ быть непріятной, ибо всѣ члены наши предводительствовали баталіонами и цѣлыми арміями! Весьма приличествуютъ и кресты оные особамъ, которыя и въ общежитіи таковыми знаками чести украшены или которыя ничего такъ жадно не желаютъ, какъ полученія оныхъ».

Писавшіе не преувеличивали: и въ XVIII, и XIX вѣкахъ именитое старое барство устремлялось въ союзъ шведскихъ ложъ, а «избранные изъ среды избранныхъ» образовывали Капитулъ Феникса. Но имена «посвященныхъ и просвѣтленныхъ Рыцарей Великихъ Каменщиковъ» не всѣ извѣстны, ибо ихъ сокрывали подъ Орденскими прозваніями и девизами, дабы «власть имѣвшіе» не стали извѣстны масонской толпѣ. Отъ XIX вѣка сохранились протоколы Капитула Феникса, подписанные Орденскими прозваньями, есть и разрозненные списки членовъ Капитула, въ коихъ фамиліи замѣнены тѣми же символическими именами, а въ перепискѣ масоновъ иногда указанъ лишь Орденскій девизъ того, либо другого брата, взамѣнъ имени. Орденское имя было своего рода шифромъ. Рисунки гербовъ членовъ Капитула Феникса исключительно рѣдко встрѣчаются и мною воспроизводится наиболѣе хорошо сохранившійся гербъ, нѣкогда данный князю Михаилу Петровичу Баратаеву, одному изъ наиболѣе ревностныхъ и пламенныхъ распространителей масонства въ царствованіе Императора Александра I.

При посвященіи въ Рыцари Храма князь Баратаевъ [1]) получилъ Орденское имя «Eques ab aquila magna» и въ девизъ изреченіе «Solem intueor nec timeo fulmen» (т. е. «Рыцарь великаго орла» — «Смотрю на солнце и блеска молніи не страшусь»). Прекрасно сохранили яркость раскраски, позолоты и серебра рисунокъ герба и патентъ на степень Рыцаря Храма, выданные Баратаеву Директоріей Капитула Феникса.

Рисунокъ герба утвержденъ Великимъ Канцлеромъ Капитула Карломъ Осиповичемъ Оде де Сіономъ, въ Орденѣ «Рыцаремъ Твердыни Сіона», и Великимъ Секретаремъ Іосифомъ Далмасомъ, «Рыцаремъ Звѣзды», приложившимъ свою Орденскую печать. Дипломъ за отсутствіемъ Великаго Префекта подписалъ графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ Брюсъ, «Рыцарь счастли-

[1]) Кн. М. П. Баратаевъ древне-грузинскаго рода, сынъ симбирскаго губернатора генералъ-поручика П. М. Баратаева. Получивъ домашнее образованіе, въ 1796 г. вступилъ въ 11-й артиллерійскій полкъ, въ 1805 г. вышелъ въ отставку, а въ 1806 г. вновь вступилъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ и участвовалъ въ кампаніи 1809 г., послѣ чего вышелъ вторично въ отставку съ чиномъ штабсъ-ротмистра. Въ 1816 г. избранъ Симбирскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а съ 1820 по 1835 г. безсмѣнно былъ губернскимъ дворянскимъ предводителемъ. Извѣстенъ, какъ общественный дѣятель и нумизматъ. Его сочиненіе «Нумизматическіе факты Грузинскаго царства», Спб., 1844, изданное имъ на собственныя средства, съ прекрасными рисунками и текстомъ на русскомъ, французскомъ и грузинскомъ языкахъ, доставило ему почетный отзывъ Императорской Академіи Наукъ и званіе сочлена Парижской Академіи. Кн. М. П. настолько былъ преданъ Ордену, что сына своего съ 9-го дня по рожденіи поручилъ духовному покровительству масоновъ.

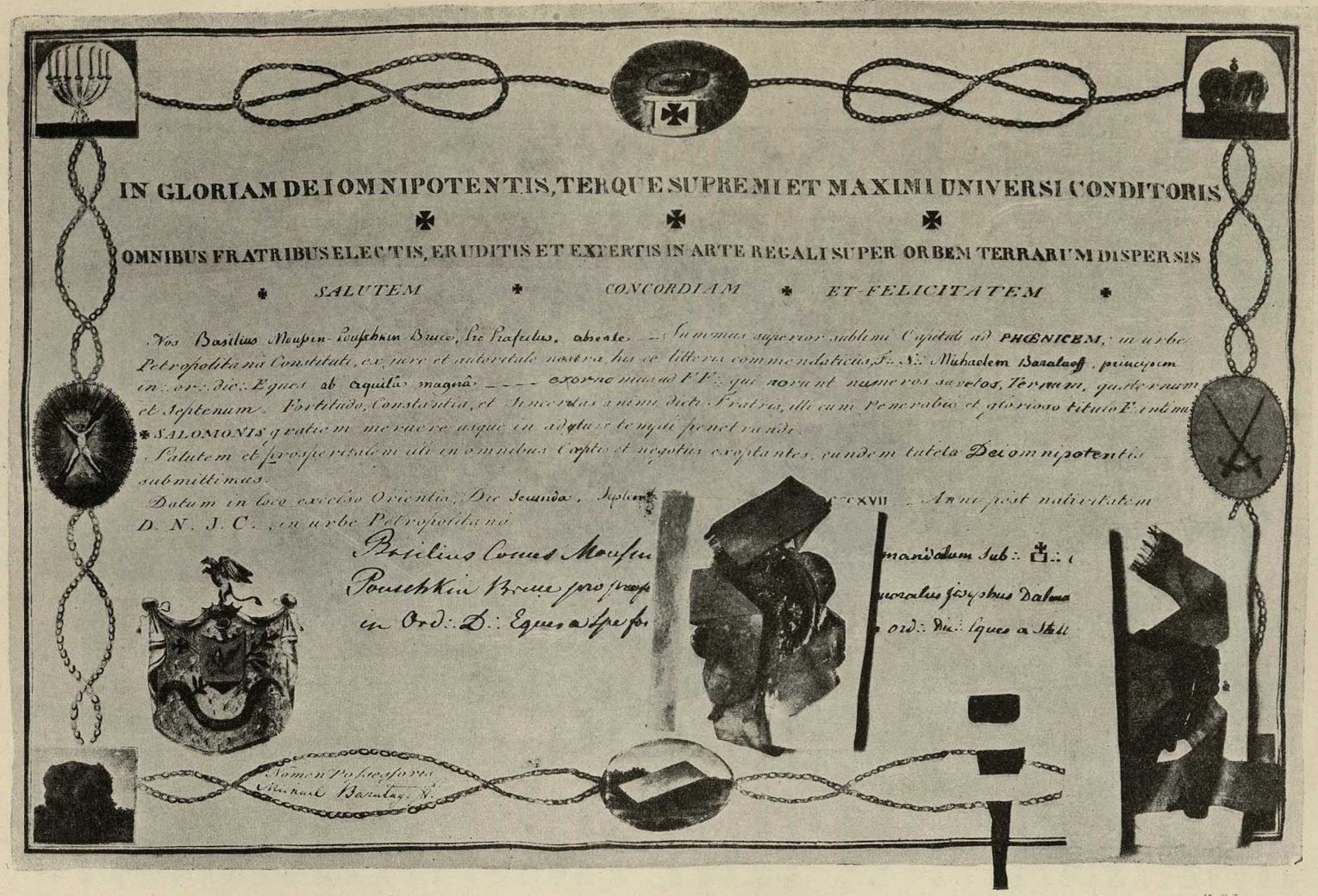
вой надежды» и тотъ же Далмасъ за Секретаря. Обѣ подписи скрѣплены Орденскими печатями названныхъ рыцарей.

Самый дипломъ на пергаментѣ: въ цвѣта Вольныхъ и Великихъ Каменщиковъ, въ лазурь, золото и пурпуръ окрашены изображенія на дипломѣ. Вислая печать въ большой золоченой кустодіи, на красной и зеленой лентахъ; скрѣплена она краснымъ шнуромъ. Красный сургучъ печати разсы-

1784—1856.

Изъ книги Н. Веселовскаго „Истор. Импер. Русск. Археол. Общ.“.

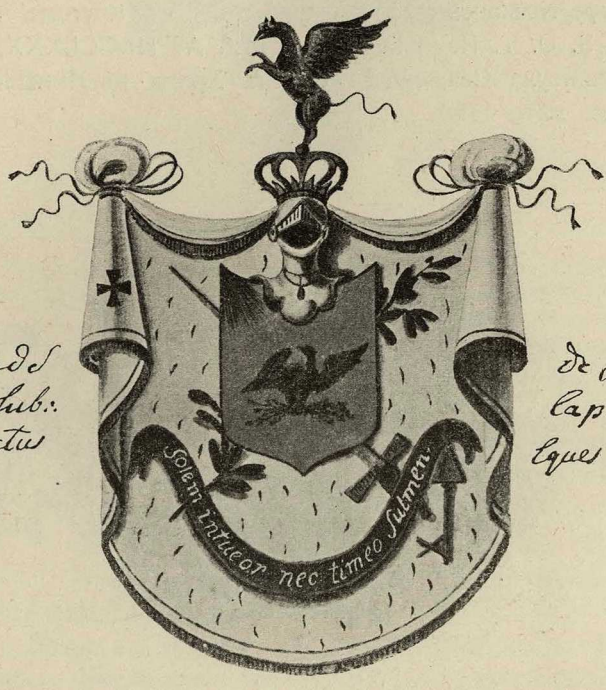
пался, но изъ уцѣлѣвшихъ крохъ можно еще составить всевидящее око въ треугольникѣ, окруженномъ сіяніемъ, одноглаваго орла со щитомъ, на коемъ іоанновскій крестъ и мозаичный полъ; можно набрать еще и часть надписи, часть словъ: Sig. Dir. Capitul. и дату DCCLXX. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ 1817 году патенты членовъ Капитула Феникса продолжались скрѣпляться Великою печатью Директоріи, утвержденной для Россіи въ Шведскомъ Главномъ Капитулѣ и присланной въ 1780 году Директоріи одновременно съ инструкціею.



Дипломъ, выданный Кн. М. П. Баратаеву при посвященіи его въ степень Рыцаря Храма."

Собр. Госуд. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

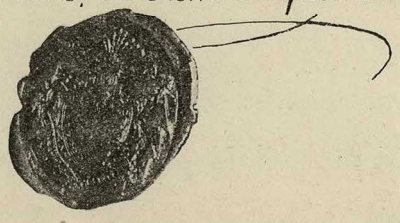
. F.·. P. Michael Barataeff in ordine dictus Eques
ab Aquilâ magnâ



Carolus Audé
Cancellarius Sub.·.
in ordine dictus

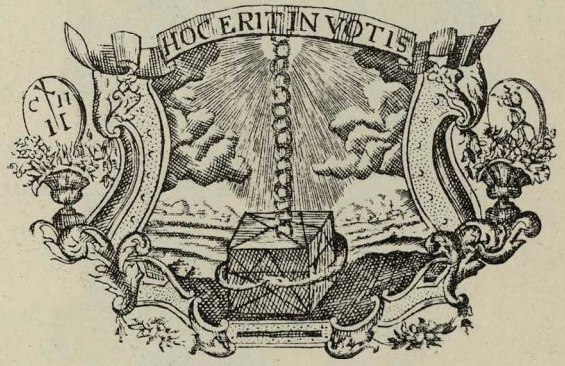
de Sion Magnus
Cap.·. ad Phœnicem
Eques a Monte Lione

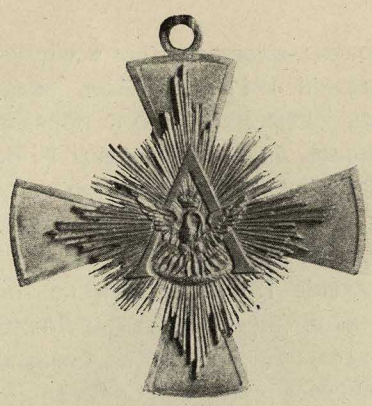
Ad mandatum Sub.·. Cap.·. ad Phœnicem, in Or.·.
Petropolitano die 3ᵃ mensis Junii, anno D.·. N.·.
J.·. C.·. MVIIIXVII. Honoratus Joseph Dalmas, Magnus
Secretarius, in Ord.·. Dic.·. Eques a Stellâ.



Масонскій гербъ Князя М. П. Баратаева.
Собр. Госуд. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Описан гербовой печати включено было въ Инструкцію; текстъ гласилъ: «Мы даемъ нашей любезной Директоріи симъ нами установленной, въ гербъ серебрянаго орла на красномъ полѣ, сидящаго на мозаичномъ полу изъ песка и серебра; на право онъ держитъ гербъ Священнаго Ордена, именно красный крестъ на серебряномъ полѣ, а позади щита онъ держитъ зеленую пальмовую вѣтвь. Надъ орломъ въ сіяніи лучей золотой треугольникъ съ Всевидящимъ Окомъ. Кругомъ надпись: Sigill. Dir. Capitulor. S. O. T. H. in Imp. Russ. inst. A° MDCCLXXX, т. е. Печать Директоріи Капитула Священнаго Ордена Храма въ Имперіи Россійской, учрежденной въ лѣто 1780.





ГЛАВА III.

«Друзья и братья! возсылайте
Моленья къ щедрымъ небесамъ,
Въ любви другъ друга подкрѣпляйте,
Сердецъ курите ѳиміамъ».

Изъ пѣсни Свободно-Каменщической.

Александръ! Александръ! Имя, восторгомъ преисполняющее сердца всѣхъ подданныхъ его! Имя и насъ содѣлывающее столь благополучными!» [1]) пѣлъ хоръ масоновъ шведской системы 30 августа 1811 г. въ Великой Директоріальной Ложѣ Владиміра къ Порядку: три соединенныя ложи Александра Благотворительности къ Коронованному Пеликану, Елисаветы къ Добродѣтели и Петра къ Истинѣ свершали торжество въ честь тезоименитства Монарха-Покровителя вольно-каменщическихъ работъ въ Россіи. Прославляя Императора Александра I, хоръ пѣлъ: «Любовью да почтится онъ благоговѣйно у жертвенниковъ каменщиковъ, ибо расцвѣтаетъ счастье каменщиковъ, какъ отъ солнечныхъ лучей отъ царской милости Его».

«Прошли годины испытанія», — восклицали масоны-риторы, въ краткомъ очеркѣ изображая то время, когда не смѣли собираться и въ тайнѣ для работъ своихъ. Но нынѣ «счастье, счастье нашъ удѣлъ», — заключали

---

[1]) Тверская Губернская Ученая Архивная Комиссія, бумаги П. И. Голенищева-Кутузова. Подлинникъ на нѣмецкомъ языкѣ, не датированный, озаглавленъ: «Bei der Nahmens Feier des Kaysers Alexander und der Kayserin Elisabeth. Cantate in den unter der Grossen Russischen Directorial Loge St. Wolodimir zur Ordnung stehenden drey vereinigten Logen Alexander zur Wohlthätigkeit, Elisabeth zur Treue und Peter zur Wahrheit».

Отличительный знакъ ложи Александра Благотворительности къ Коронованному Пеликану изображенъ въ заставкѣ настоящей главы. Крестъ былъ серебряный, сіяніе, буква А и пеликанъ золотыя. На оборотѣ креста надпись 11 Oct. 5805, включенная въ кругъ, образованный змѣею, держащею въ пасти свой хвостъ. Подлинникъ имѣется въ моемъ собраніи.

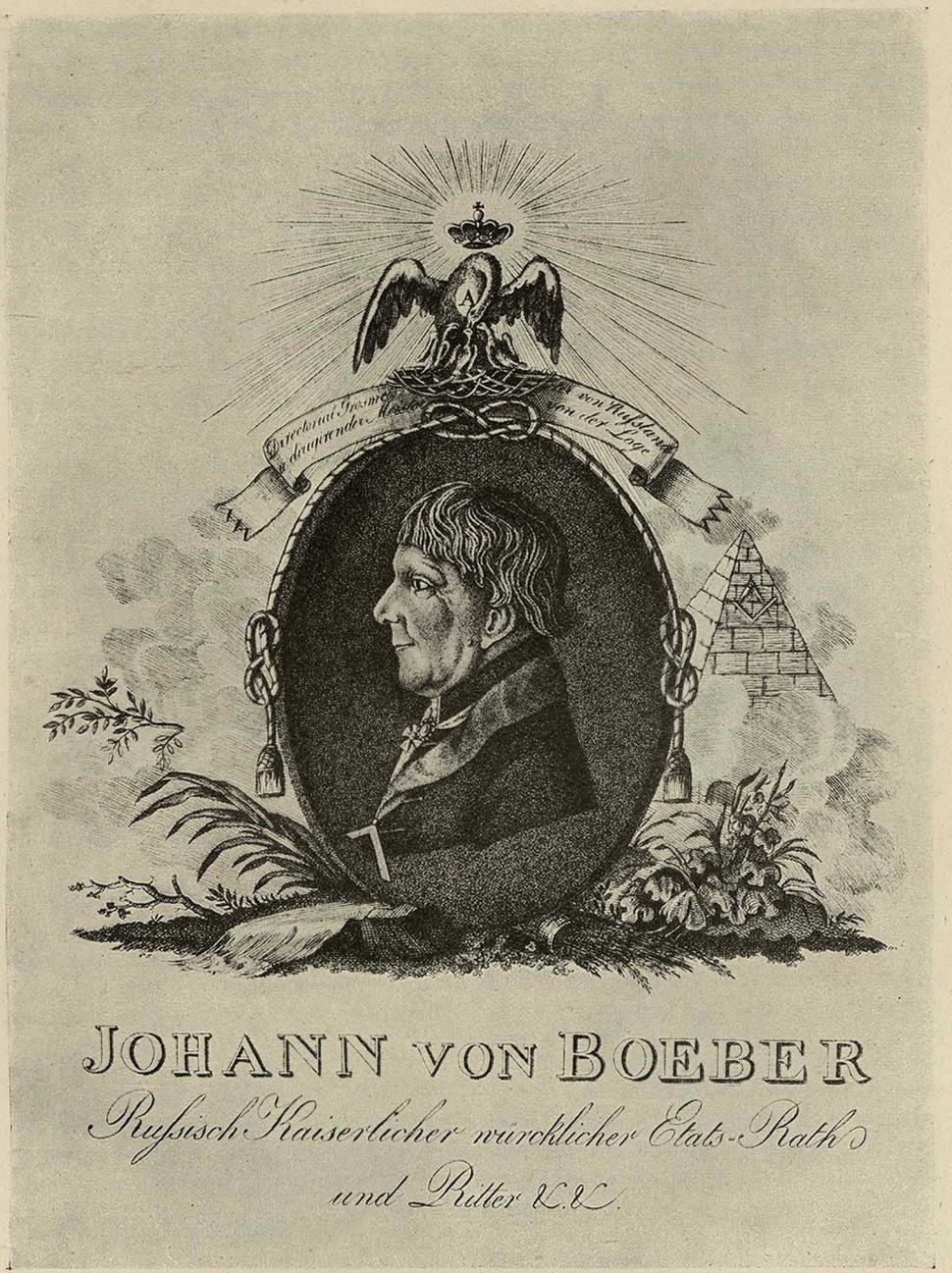
они рѣчи свои. И масонамъ-водителямъ, и всей братіи дали будушаго казались свѣтлыми! Послѣдній 1811 годъ былъ знаменательнымъ: вытребованные правительствомъ акты масонскихъ обрядовъ и установленій, просмотрѣнные и разрѣшенные, были возвращены И. В. Беберу, управляющему Великой Директоріальной Ложи; правительство не запретило дальнѣйшихъ работъ, оно даже предлагало свое покровительство. Тяжкія времена боязни миновали, и вѣрные братья, сохранявшіе «искру древняго искусства подъ пепломъ тайны», въ теченіе 1811 г. успѣли не только организовать правильныя работы въ Великой Директоріальной Ложѣ, но и возстановить въ прежнемъ видѣ блистательный Капитулъ Феникса съ Директоріею подъ наименованіемъ Верховнаго Орденскаго Совѣта.

Капитулъ Феникса, вновь приступившій къ правильнымъ работамъ, согласно «Конституціоннаго патента, полученнаго прежде изъ Швеціи», былъ однако въ другомъ положеніи, нежели при своемъ основаніи. Россія, признанная на Вильгельмсбадскомъ Конвентѣ въ 1782 г. самостоятельною 8-ю Орденскою Провинціею, не имѣла болѣе необходимости быть въ полномъ подчиненіи у Швецкаго Капитула, первоначально учредившаго Капитулъ Феникса въ Россіи. Единогласнымъ постановленіемъ старѣйшихъ братьевъ высшаго посвященія Высокопросвѣщеннымъ Префектомъ Капитула Феникса содѣлался И. В. Беберъ, и ему же присвоено наименованіе Викарія Соломона, Мудраго изъ Мудрыхъ; въ Великой Книгѣ Рыцарей онъ записанъ подъ именемъ «Eques ab Ave Minerva», съ девизомъ «Prudentor», «ибо разуміемъ успѣлъ снискать не токмо высокопочитаніе братіи, но и вѣру правительства, чѣмъ несказанную услугу Ордену оказалъ, разсѣивъ могущія быть сомнѣнія и тѣмъ содѣйствовавъ открытію работъ каменщическихъ». Есть преданіе, что именно Беберу, въ личной аудіенціи у Императора Александра I, удалось не только убѣдить государя въ пользѣ Вольнаго Каменщичества для Россіи, но и увлечь его въ лоно Ордена [1]).

Если преданіе это и не вполнѣ соотвѣтствовало бы истинѣ, то оно указываетъ, однако, какимъ ореоломъ окружалась личность Бебера, какъ властнаго и мудраго масона, когда его, скромнаго инспектора 2-го Кадетскаго корпуса [2]), молва называетъ—причиною увлеченія Императора Александра I

[1]) Acta Latomorum, Par. 1815, I, 218 стр. Объ этомъ же имѣется указаніе и въ разсказѣ ревностнаго масона полковника П. И. Брозина.

[2]) И. В. Беберъ род. въ Веймарѣ 22 декабря 1746 г., посвященъ въ Петербургской ложѣ Аполлона въ 1776 г. и вскорѣ же отмѣченъ масонскими властями за благоразуміе и рачительность. Трудъ былъ его призваніемъ и удовольствіемъ. Педагогическая дѣятельность была «профанскою должностью Бебера», по выраженію масоновъ. Въ 1783 г. онъ назначенъ былъ инспекторомъ Артиллерійскаго и Инженернаго Шляхетнаго корпуса, съ 1792 г. состоялъ Директоромъ училищъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, а въ 1797 г. вновь опредѣленъ инспекторомъ въ корпусъ (съ 1800 г. 2-й Кадетскій), гдѣ прослужилъ до своей смерти. Въ корпусѣ преподавалъ математику и физику; наукою вообще очень интересовался, былъ членомъ многихъ обществъ, а



И. В. Беберъ.
1746—1820.

Съ гравюры Дюрфельдта. Импер. Эрмитажъ; грав. отдѣл.

масонствомъ, а ни кого иного изъ большого круга масоновъ, именитыхъ русскихъ баръ, приближенныхъ юнаго монарха. Въ отзывахъ современниковъ новый всесильный глава ложъ шведскаго обряда рисуется человѣкомъ сильной воли, большимъ труженикомъ, до корня изучившимъ всѣ тонкости различныхъ масонскихъ системъ Въ то же время онъ сильно увлекался тайными науками и ученіемъ Эмануила Сведенборга и общеніе съ невидимымъ «простому оку смертнаго и непросвѣтленнаго» недоступнымъ міромъ свѣтлыхъ духовъ кажется ему вполнѣ возможнымъ. Преподаватель математики и физики, Беберъ въ своей библіотекѣ и архивѣ собираетъ древнѣйшія сочиненія по наукѣ чиселъ, кабалѣ, магіи, и въ сложнѣйшихъ исчисленіяхъ тщится найти «Ключъ къ таинствамъ натуры», когда его матеріальная природа, не поддаваясь веленіямъ духа, отказывается подчиниться восторгамъ экстаза.

Капитулъ Феникса, извѣстный въ XVIII в. всему братству подъ наименованіемъ Великой Національной Ложи, съ 1810 г. «вынаружился» подъ названіемъ Великой Директоріальной Ложи Владиміра къ Порядку. Устройствомъ точно уподобясь Великой Національной Ложѣ, она однако имѣла не всѣ ея акты, ритуалы и клейноды, большинство коихъ оставалось въ семьѣ князя Г. П. Гагарина. Печать установлена была новая, измѣнены были также надписи на Орденскомъ мечѣ.

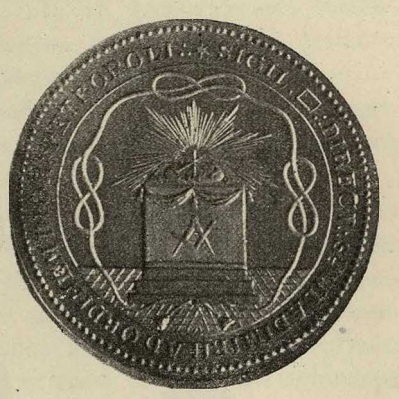
Великій Орденскій мечъ сохранился въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ; мною воспроизведена рукоять меча; голубой бархатъ ноженъ поблекъ и стерся, но позлащенная мѣдь «рукояти фигурной»—прекрасной сохранности и ясно на ней читается рѣзная надпись.

Подъ властью Великаго Орденскаго меча, въ строгомъ послушаніи

съ 1796 г. членомъ-корреспондентомъ Импер. Академіи Наукъ. Скончался въ ночь съ 14 на 15 іюля 1820 г. и погребенъ на Смоленскомъ Петерб. лютеранскомъ кладбищѣ.

Сынъ Бебера, Петръ-Карлъ, воспитанникъ 2-го Кадетскаго корпуса, вступилъ на службу въ 1802 г. колонновожатымъ по квартирмейстерской части. Посвященъ въ масоны въ Швеціи, гдѣ принимался съ особою ласкою, какъ сынъ Великаго Мастера, правящаго союзомъ ложъ шведскаго обряда въ Россіи. Любопытно, что ему пришлось принять дѣятельное участіе въ шведской кампаніи и получить знаки Высочайшей милости русскаго государя и шведскаго короля. При осадѣ Свартгольма строилъ батареи, за которыя удостоенъ Императоромъ Александромъ I брилліантовымъ перстнемъ. По окончаніи кампаніи назначенъ для опредѣленія границъ между Россіею и Швеціею и составленія подробныхъ картъ, за что отъ русскаго государя пожалованъ чиномъ поручика и орденомъ св. Анны 3-й степени, а отъ шведскаго короля перстнемъ съ алмазами и 300 червонныхъ. Умеръ въ 1813 г. отъ слѣдствій тяжелыхъ контузій, полученныхъ въ наполеоновскія войны; масоны торжественно свершили по немъ траурную ложу и постановили его подробный послужной списокъ хранить въ Орденскомъ архивѣ въ доказательство, что луфтонъ (сынъ масона, посвященный въ масонство) на полѣ брани умѣлъ быть героемъ: за сраженія при Бородинѣ, Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ и Бауценѣ Беберъ за храбрость удостоенъ былъ чинами и орденами св. Владиміра 4-й степени, св. Анны 2-й степени и золотою шпагою съ надписью «за храбрость».

Капитулу и Великой Директоріальной Ложѣ Владиміра къ Порядку, къ 1811 г. находилось, какъ сказано, три ложи; всѣ онѣ произошли отъ ложи XVIII вѣка «Пеликана», сохранившей малый кругъ братьевъ шведской системы, неустрашенныхъ испытаніями и продолжавшихъ свои работы въ тайнѣ Ложа Пеликана, при первыхъ проблескахъ царскаго благоволенія, выпросила право переименованія въ честь милостиваго монарха въ ложу «Александра Благотворительности къ Коронованному Пеликану» и въ 1805 г. 11 октября раздала братьямъ свой новый символическій знакъ въ видѣ креста іоанновской формы, украшеннаго изображеніемъ пеликана и первой буквы имени государя. Дѣлаясь отважнѣе и увеличивая быстро кругъ работающихъ, ложа эта образовала вторую, назвавъ ее въ честь Императрицы Елизаветы; третья ложа была названа въ память Императора Петра I, по преданію открывшаго свѣтъ масонства въ Россіи, ложею «Петра къ Истинѣ». Всѣ три ложи работали въ одномъ домѣ, имѣя общую кассу и общіе обрядники шведской системы, сохраненные ложею Пеликана, усерднымъ членомъ коей былъ Беберъ, принявшій полную власть, великій молотъ управляющаго союзомъ и великій мечъ верховнаго судьи.



Печать Великой Директоріальной Ложи Владиміра къ Порядку.

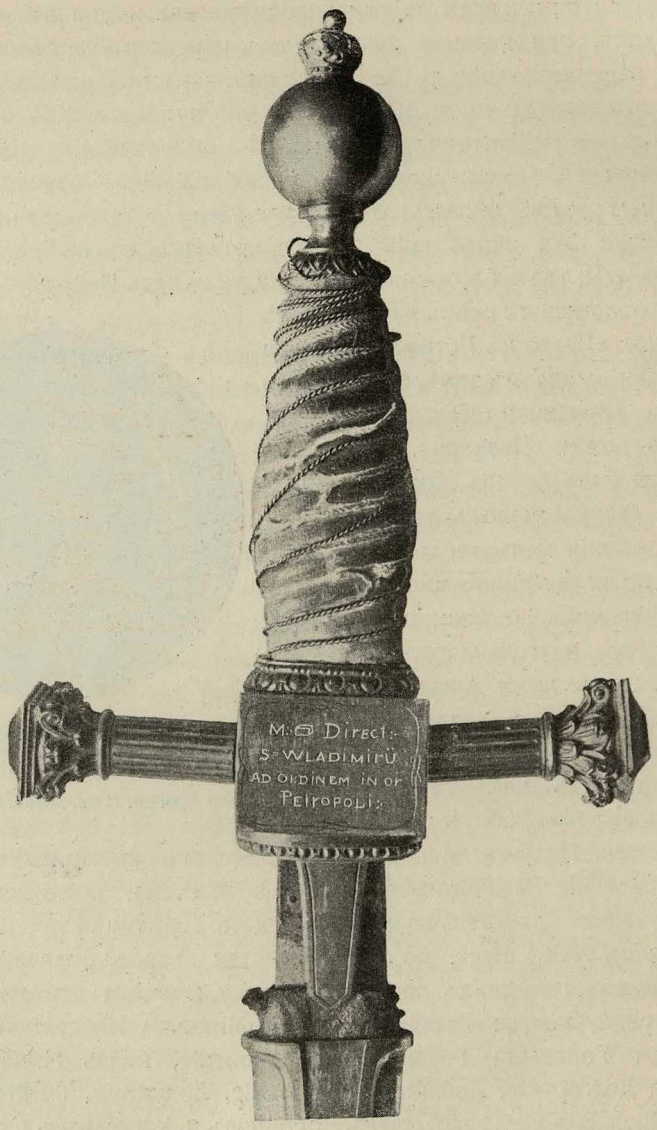
Импер. Моск. и Рум. Музей.

На воспроизведенномъ мною портретѣ Беберъ изображенъ со знакомъ Управляющаго Мастера, наугольникомъ; надъ его головою—символъ ложи Александра коронованнаго Пеликана и связанная угломъ вервь братскаго единенія. Вдали справа виднѣется пирамида, какъ символъ мистическаго направленія работъ управляемаго Беберомъ союза. Надпись на портретѣ указываетъ на занимаемое имъ въ братствѣ положеніе Великаго Управляющаго Мастера, подписью означено его мірское званіе—дѣйствительнаго статскаго совѣтника русской службы.

Какъ и въ XVIII вѣкѣ, по преимуществу старое, родовитое барство влилось въ союзъ шведскихъ ложъ и встало у кормила правленія — князь М. П. Баратаевъ, князья Гагарины, князь Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ, князья Голицыны, Грузинскіе, Волконскіе, князь Михаилъ Давыдовъ, князья Долгорукіе, Лобановы-Ростовскіе, Лопухины, Трубецкіе, графы Апраксины, Віельгорскіе, графъ Иванъ Воронцовъ и Александръ Остерманъ—Толстой, графы Потоцкіе, Разумовскіе, Строгановы, Толстые, Тышкевичи, Чаплицъ, Чернышевы, Шуваловы, и цѣлыми семьями братья Бороздины, Головины, Ланскіе, Нарышкины, Римскіе-Корсаковы и мн. др.

Не забывая цѣлей Орденскихъ, эти русскіе масоны-баре рѣшили въ то же время по преимуществу использовать масонство на благо Россіи. Сплотившись въ тѣсный союзъ «Духовныхъ Рыцарей», они полагали встать

«аки стражи» за интересы родины, проникшись мыслью, что именно имъ, свыше намѣченнымъ» и къ «Свѣту Истины приведеннымъ благимъ Промысломъ» предначертано вести сородичей своихъ къ совершенству.



Орденскій мечъ Великой Директоріальной Ложи
Владиміра къ Порядку.

Импер. Моск. и Ист. Музей.

Не подчиняясь по наружности ни Швеціи, ни инымъ иноземнымъ державамъ, русскій Капитулъ Феникса однако не прерывалъ совершенно сношеній съ Востоками другихъ странъ, ибо, прервавъ, онъ обратился бы въ

ничего не значущее самочинное учрежденіе; правда, изъ подвластнаго, подчиненнаго онъ содѣлался равноправнымъ другимъ Капитуламъ, но продолжалъ быть лишь однимъ звеномъ въ общей міровой цѣпи масонства, съ коей его соединяла общность обрядовъ, символовъ, преданій и законовъ.

Главнымъ же образомъ не желали порвать цѣпь всемірнаго братства члены Капитула, направлявшіе работы всего русскаго масонскаго союза, ибо имъ извѣстно было, что надъ всѣми наивысшими масонскими правленіями всѣхъ странъ главенствуетъ одна Великая ложа «Великихъ Помазанниковъ Божіихъ», и въ члены этой міровой ложи избираются наивысше просвѣтленные братья изъ всѣхъ свѣтлѣйшихъ Капитуловъ. Эта Великая міровая ложа, образуя невидимый Капитулъ, имена сочленовъ коего навсегда пребываютъ неизвѣстными непринадлежащимъ къ оному, имѣетъ цѣлью бороться со зломъ и насиліемъ въ мірѣ, съ деспотизмомъ правителей и постепенно подымать духовный уровень всѣхъ народовъ земного шара, «насаждая древо свободы на развалинахъ насилія».

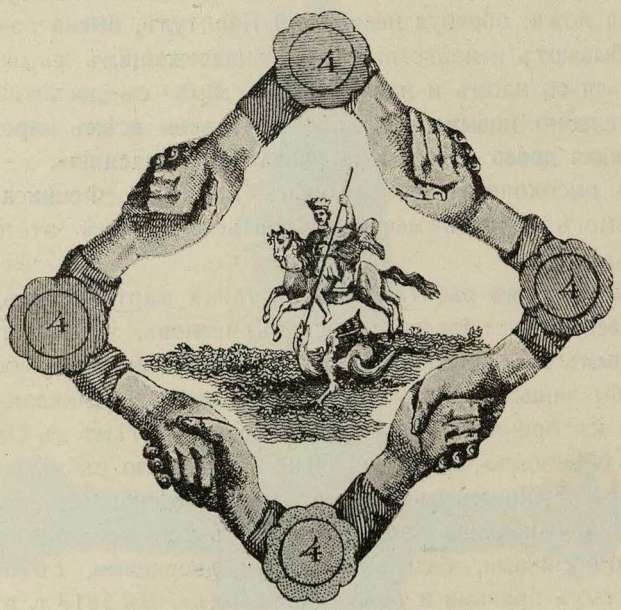
Каждый высокопосвященный членъ Капитула Феникса въ тайникѣ души своей могъ лелѣять мечту содѣлаться членомъ этого невидимаго Всемірнаго Капитула.

Въ 1812 г., кромѣ работавшихъ въ тайнѣ мартинистовъ, все братство слѣдовало шведскимъ обрядамъ; составъ членовъ, вновь вступавшихъ не былъ случайнымъ: въ «должность» членамъ Капитула вмѣнялось тщательно слѣдить, чтобы лишь избранные, одаренные люди проникали въ братство; намѣченныхъ къ принятію профановъ увлекали затѣмъ въ Орденъ «строго обдуманнымъ образомъ», и это уловленіе составляло работу шотландскихъ мастеровъ, посвященныхъ въ V-ую степень шведскаго обряда.

Ясно обнаруживались желанія масоновъ того времени наполнить русскія ложи «Россіянами, благорожденными дворянами, съ познаніями въ наукахъ, чистыхъ нравами и тѣломъ здравыхъ». Въ 1813 г. это національное движеніе въ русскомъ братствѣ отмѣчается даже въ донесеніяхъ полицейскихъ властей, гдѣ говорится, что Беберъ совершенно подпалъ вліянію русской партіи, желающей занять первенствующее мѣсто, чѣмъ вызывается ропотъ въ иноземной. Стараніями русской партіи обрядники переводятся на россійскій языкъ и работы въ ложахъ открываются на «любезномъ отечественномъ языкѣ». Выдвигаются молодыя силы, представители національнаго направленія, гр. Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, Сергѣй Степановичъ Ланской, Андрей Петровичъ Римскій-Корсаковъ.

Ложи получаютъ яркую окраску, кружковую, какъ бы кастовую, ибо и распредѣленіе членовъ по ложамъ не случайно: кажущееся «доброе желаніе» вступающихъ искусно руководится предначертаніями Капитуляровъ: такъ, въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели и въ ложѣ Соединенныхъ Друзей сбираются по преимуществу высшее русское дворянство, чины придворные, гражданскіе и военные, «люди въ общежитіи именитые», какъ нѣкогда выражался И. П. Елагинъ; въ ложѣ Палестины—представители науки,

искусствъ и иноземцы изъ французовъ; въ ложѣ Петра къ Истинѣ сосредоточивается нѣмецкій элементъ и главнымъ образомъ врачи и люди «инженернаго ученія»; въ ложѣ Александра къ коронованному Пеликану къ сообществу старыхъ членовъ Екатерининской ложи присоединяются все болѣе люди изъ купечества и ремесла, ибо масонскимъ завѣтамъ «надлежитъ и нижніе слои облагораживать», но въ купечествѣ и ремесленничествѣ поддаются пропагандѣ главнымъ образомъ иноземцы, которые вскорѣ въ великомъ числѣ наполняютъ ложу Александра. Въ ложѣ Нептуна къ Надеждѣ въ Кронштадтѣ объединяются моряки русскіе и иноземные, въ Ревель-



Символъ шотландской ложи Св. Георгія.
Гос. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

ской ложѣ Изиды—прибалтійское дворянство, въ ложѣ Іордана въ Θеодосіи—иностранная колонія и мѣстная русская интеллигенція.

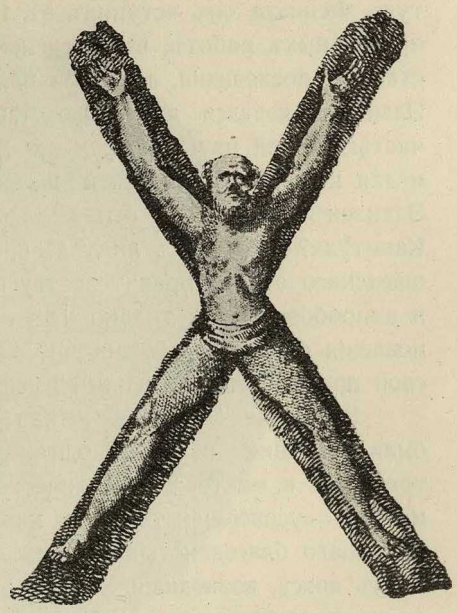
Кромѣ вышеназванныхъ, іоанновскихъ ложъ, продолжаетъ работать старая шотландская ложа Сфинкса и образованная при началѣ наполеоновскихъ войнъ ложа св. Георгія,—также шотландская.

Во главу ложи Сфинска всталъ А. А. Жеребцовъ, Обермейстеромъ ложи св. Георгія согласился быть самъ Беберъ.

Капитулъ Феникса, Великая Директоріальная ложа Владиміра къ порядку, шотландскія и іоанновскія ложи размѣщены были въ одномъ домѣ, но ритуально разубранныя залы высокихъ степеней были недоступны братьямъ нижнихъ ложъ и строго охранены отъ взоровъ непосвященныхъ.

Приглашенія въ собранія шотландскихъ ложъ были наичаще печатныя [1]), съ изображеніемъ малой гербовой печати: Андреевскаго Креста, включеннаго въ четыре концентрическіе элипсы, и круговой надписи «Сообщество св. Андрея». Въ зависимости отъ того, въ которой изъ ложъ намѣчались работы, къ надписи добавлялось наименованіе ложи: «Сфинкса» или «Св. Георгія»; въ іоанновскихъ ложахъ на приглашеніи печатался символическій знакъ каждой ложи. Служащій братъ, посвященный въ ученическую степень, обходилъ всѣхъ братій и обязанъ былъ требовать подписи каждаго съ означеніемъ, предполагаетъ ли онъ быть на собраніи [2]).

Но чѣмъ болѣе росъ союзъ, тѣмъ большее число различнаго рода людей вливалось въ него, и 1814 годъ въ исторіи русскаго масонства былъ особо важенъ: свершился распадъ. Возникъ споръ о значеніи высокихъ степеней, о желательности замѣнить самовластное управленіе подчасъ неизвѣстныхъ Орденскихъ начальниковъ выборнымъ, «легкимъ», отвѣтственнымъ. Проникавшія со времени наполеоновскихъ войнъ изъ-за границы идеи о преобразованіи Ордена, исключавшія занятія тайными науками и запрещавшія работы по возстановленію угасшихъ древнихъ рыцарскихъ Орденовъ, нашли своихъ послѣдователей. И. В. Беберъ объявилъ тогда отказъ отъ званія гросмейстера и предложилъ избрать взамѣнъ П. А. Шувалова, достойнаго великаго каменщика. Въ Іоанновъ день были оглашены новые выборы, но до прибытія Шувалова изъ арміи у кормила остался Беберъ. По пріѣздѣ, Шуваловъ отъ высокой должности, однако,



Изображеніе Св. Апостола Андрея на грамотахъ шотландскихъ ложъ.

Госуд. Архивъ. Съ диплома, даннаго декабристу П. И. Пестелю.

[1]) Сохранились свѣдѣнія о стоимости такихъ печатныхъ пригласительныхъ билетовъ: мѣдная доска-матрица обошлась въ 25 рублей, за каждую стопу бумаги уплачивалось 40 рублей, за печатаніе каждыхъ 500 билетовъ 10 рублей. (Протоколъ ложи Сфинкса отъ 12 мая 1814 г.).

[2]) Не взирая на сравнительно малый кругъ масоновъ въ Петербургѣ, съ мнѣніемъ его очень считались. Яркимъ примѣромъ можетъ служить пояснительное донесеніе полицейскаго управленія 10-го октября 1813 г., представленное высшимъ властямъ по поводу разрѣшенія къ постановкѣ на нѣмецкомъ театрѣ пьесы: «Сыновья Долины». Съ великимъ стараніемъ въ донесеніи доказывалось, что не было ни малѣйшаго намѣренія допустить осмѣяніе масонскихъ обрядовъ и таинствъ при разрѣшеніи играть «Die Söhne des Thales», также какъ и ранѣе шедшей на французскомъ театрѣ трагедіи Ренуарда «Les Templiers».

отказался, и выборъ палъ на графа В. В. Мусина-Пушкина, согласившагося править только іоанновскими ложами. Власть надъ высокими степенями и Капитуломъ осталась за Беберомъ. Толчекъ къ распаду союза шведскихъ ложъ и умаленію власти Капитула былъ данъ письмомъ одного изъ высокопосвященныхъ, заявившаго о незаконномъ существованіи въ Россіи самого Капитула Феникса. Этотъ дерзновенный братъ былъ представителемъ иноземной партіи, особливо нѣмецкой, старшій врачъ Обуховской больницы, Егоръ Егоровичъ Эллизенъ, человѣкъ высокихъ добродѣтелей, большой благотворитель, ума положительнаго, сторонникъ точной науки. Въ Капитулъ Феникса онъ вступилъ въ 1811 г., тотчасъ по возобновленіи въ немъ правильныхъ работъ, въ шведской системѣ былъ издавна, получивъ всѣ степени посвященія, дававшія право присутствія въ тайномъ правленіи [1]). Эллизенъ являлся лишь представителемъ цѣлой группы людей, большею частью людей науки и средняго достатка, пожелавшихъ новыхъ порядковъ и для коихъ высокія степени шведской системы были недосягаемы. Имѣлъ ли Эллизенъ какія-либо основанія заявлять о незаконности существованія Капитула? На самомъ ли дѣлѣ представлены были всѣ безъ исключенія акты шведскаго обряда правительству въ 1810 г., всѣ ли они были просмотрѣны и аппробованы или только часть ихъ? и почему, если всѣ обряды и установленія были аппробованы, Капитулъ Феникса продолжалъ подписывать свои протоколы Орденскими именами?

Заявленіе Эллизена имѣло основаніе. Въ 1810 году представлены были обрядники и уставы однѣхъ только іоанновскихъ степеней, ученика, товарища и мастера символическаго, голубого масонства, имѣвшаго предметомъ «усовершенствованіе каждой отдѣльной личности для достиженія всеобщаго благоденствія на землѣ», златого вѣка Астреи. Ни акты шотландскихъ ложъ, возводившихъ въ «должность» разнасажденіе завѣтовъ Орденскихъ и изученіе тайныхъ наукъ, ни акты рыцарскихъ степеней, связывавшихъ посвящаемыхъ обѣтами бороться не на жизнь, а на смерть съ всякимъ проявленіемъ деспотизма, мірского и духовнаго, представлены не были.

Въ письмѣ Е. Е. Эллизена, Великому Префекту И. В. Беберу читаемъ: «акты высшихъ степеней не были предъявлены правительству, слѣдственно отъ онаго не одобрены и не приняты, а посему здѣшняя Шотландская ложа и Капитулъ не имѣютъ даже права раздавать высшія степени». Эллизенъ, въ этомъ письмѣ, отъ 16 іюля 1814 г., рѣзко отказывается отъ званія Командора и сочлена Капитула, выражая желаніе «отойти отъ всего того, что за третью степень распространяется», изъясняя, что увѣрился

[1]) Іоганнъ-Георгій-Давидъ Эллизенъ родился въ Бломменбургѣ, въ Брауншвейгскихъ владѣніяхъ. Пріѣхавъ въ Россію, занялъ должность губернскаго доктора, а затѣмъ главнаго врача Обуховской больницы. Впослѣдствіи штатсъ-физикъ и членъ Спб. медицинской коллегіи. Написалъ «Фармакопею» (1797) и статью «Объ опасности преждевременнаго погребенія мертвыхъ» (1801). Издавалъ «Врачебныя Вѣдомости» въ Спб. съ 1792 г.

во вредѣ высокихъ степеней. Въ письмѣ Эллизена важенъ не личный взглядъ его на вредъ или пользу высокихъ степеней, въ коихъ онъ пребывалъ, не смущаясь, нѣсколько лѣтъ, не отвращеніе его отъ занятій оккультными науками, вызыванія духовъ, или свершенія мистически религіозныхъ обрядовъ, или пышныхъ церемоніаловъ рыцарскихъ посвященій. Здѣсь важно то обвиненіе, которое онъ бросаетъ главѣ союза Беберу о «незаконности» существованія въ Россіи Капитула и шотландскихъ ложъ, о непредъявленіи правительству актовъ высшихъ степеней наравнѣ съ актами нижнихъ степеней. Какъ командоръ, Эллизенъ принадлежалъ не только къ сочле-

Е. Е. Эллизенъ.
1756—1830.
Работа изъ воска К. Леберехта. Ссбств. Д. Г. Розалліонъ-Сошальскаго.

намъ Капитула, но къ кругу избранныхъ, т. е. Директоріи Капитула, и ему конечно, извѣстно было, что предъявлялось на просмотръ. Поэтому-то совершенно понятно, что тогда какъ іоанновскія ложи обязались доставлять протоколы своихъ засѣданій, списки членовъ и впередъ на годъ точную роспись днямъ и часамъ работъ, Капитулъ Феникса продолжалъ работать втайнѣ и его протоколы подписывались Орденскими именами.

Письмо Эллизена, по выраженію И. В. Бебера, «декламировавшаго противъ высокихъ степеней», вызвало Капитулъ Феникса къ усиленной дѣятельности: рѣшено было учредить по древнему образцу шотландскую Директорію для управленія ложами Сфинкса и Св. Георгія въ цѣляхъ боль-

шаго порядка и для охраненія неколебимыми Орденскихъ традицій въ средѣ шотландскихъ братьевъ, являвшихся главными распространителями масонства. 29 декабря 1814 г. созваны были въ объединенное засѣданіе члены ложъ Св. Георгія и Сфинкса для объявленія имъ объ этомъ постановленіи, и открытіе Директоріи назначено на 8 января 1815 г. Кромѣ того, рѣшено исключить изъ списка союза 6 братьевъ, не подписавшихъ акта отъ 21 іюля [1]) о несочувствіи Эллизену. На собраніи предсѣдательствовалъ А. А. Жеребцовъ и лично опрашивалъ всѣхъ присутствовавшихъ послѣ прочтенія секретаремъ установленій для Директоріи «ихъ о семъ мнѣніе и отъ всѣхъ получилъ единодушное согласіе и одобреніе». Члены блистательнаго Капитула Феникса тѣмъ болѣе спѣшили съ открытіемъ Директоріи, что 20 апрѣля исполнялось 35 лѣтъ со дня учрежденія первой Шотландской ложи шведскаго обряда въ Россіи. Этотъ день и предполагалось отмѣтить торжественнымъ собраніемъ и чтеніемъ историческаго очерка о дѣятельности Шотландскаго братства за все время его работъ.

20 апрѣля торжество состоялось въ ложѣ Сфинкса, и рѣшено впредь ежегодно торжествовать день ея учрежденія [2]). Все братство обрадовано было цѣннымъ даромъ одного изъ старѣйшихъ братьевъ, масона вѣка Екатерины, И. И. Вейса [3]), представившаго сбереженные имъ «подлинные акты шотландскихъ степеней за собственноручнымъ подписаніемъ шведскаго короля Карла XIII, бывшаго герцога Зюдерманландскаго».

Волненія въ братствѣ не утишились. Замѣна Бебера гр. В. В. Мусинымъ-Пушкинымъ не принесла успокоенія, ибо возникшее двоевластіе лишь питало распрю сторонниковъ высокихъ степеней съ ихъ противниками. Обѣ враждующія партіи, стараясь привлечь наибольшее число приверженцевъ, развили пропаганду въ средѣ масонскаго братства. Отзвуки борьбы масоновъ достигали до профановъ и обсуждались публикою въ ожиданіи, кто возьметъ верхъ. Идеи свободы и самоуправленія увлекали многіе умы и слово «конституція», которымъ озаглавили «братья обновители», сторонники Эллизена и выборнаго начала, сводъ законовъ для своихъ ложъ, обсуждалось не въ однихъ только масонскихъ кругахъ.

Въ профанскомъ обществѣ Эллизенъ, стоявшій за отверженіе всякой тайны, разъяснялъ съ помощью своихъ адептовъ (не открывая, впрочемъ, обрядовъ и таинствъ посвященій высокихъ степеней, въ храненіи коихъ давалъ клятвы), что высшія степени являются учрежденіемъ устарѣлымъ, что въ другихъ государствахъ масоны зависятъ отъ одного лишь, ими

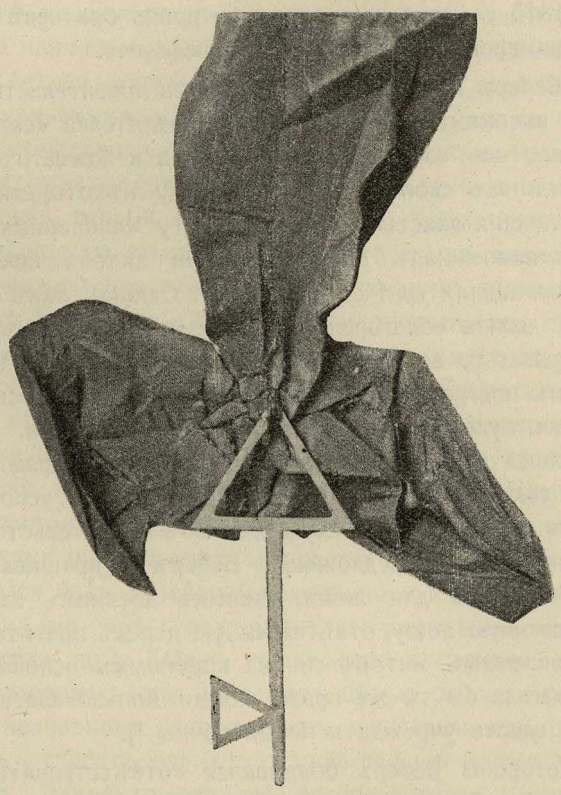
---

[1]) Протоколъ ложи Сфинкса отъ 29 декабря 1814 г. Рукоп. Отд. Импер. Публ. Библ.; F. III. № 72.

[2]) Протоколъ ложи Сфинкса за 20 апрѣля 1815 г. Рукоп. Отд. Имп. Публ. Библ. F. III. № 72.

[3]) Tableau de la Gr. Loge Astrée pour l'an 5820—21. Вейсъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; онъ былъ учредителемъ ложи Нептуна и великимъ мастеромъ ложи Апполона.

самими избраннаго, отвѣтственнаго Великаго Мастера, а не подчиняются братьямъ высокихъ степеней и подчасъ неизвѣстнымъ начальникамъ, что яркимъ примѣромъ политической основы шведской системы, по которой работалъ союзъ Великой Директоріальной ложи Владиміра въ Россіи,—есть сама Швеція. Напоминая о введеніи въ Россіи системы шведской со строгимъ послушаніемъ стараніями короля Густава III, Эллизенъ указывалъ, что именно Густавъ III воспользовался масонскою организаціею для «низвер-



Ключъ Іоанновскаго мастера.
Импер. Акад. Наукъ; рукоп. отдѣл.

женія власти государственныхъ чиновъ и возстановленія Монархіи». «Самъ король или наслѣдникъ престола—глава высшихъ градусовъ и все устройство Верховнаго Совѣта (онъ не называлъ Капитула Феникса) есть политическая основа, подающая королю способы привлекать къ себѣ между высшими классами множество приверженцевъ, дабы чрезъ нихъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ не только на прочихъ братьевъ, но и на всѣ вообще умы».

Тщетно капитулъ Феникса чрезвычайными мѣрами старался укрѣпить пошатнувшіеся устои системы строгаго послушанія, предписывая «строжайшее наблюденіе ложами древнихъ уставовъ и обрядовъ», «тѣснѣйшее

единеніе братства» путемъ постоянныхъ собраній и ограниченіе въ пріемахъ, «дабы волки, въ овечьей шкурѣ ходящіе и языкомъ агнчимъ глаголющіе», не проникли въ ложи союза и не внесли соблазна; всѣ эти мѣры не могли принести желанной пользы тотчасъ же. Между тѣмъ Эллизенъ, не довольствуясь замѣтнымъ успѣхомъ проводимыхъ имъ идей, желалъ вмѣшательства правительственной власти для наилучшаго и скорѣйшаго устроенія Ордена въ Россіи и во всеобщій Орденскій праздникъ, въ Іоанновъ день, 24 іюня 1815 г., явно выразившаяся рознь братьевъ указала на невозможность примиренія и необходимость реформъ.

Тогда-то Беберъ почелъ нужнымъ подать правительству записку. Защищая пользу высокихъ степеней, какъ охранителей «святыхъ завѣтовъ христіанства» противъ «ополчившагося невѣрія и ложнаго философствованія», «сумѣвшихъ ядъ свой излить» и «между нѣкоторыми» масонами, и пользу сосредоточенія власти въ маломъ кругу «избранныхъ и отличныхъ братьевъ», онъ напоминалъ объ «апробаціи актовъ шведской системы министромъ просвѣщенія гр. Разумовскимъ». Однако, какъ бы въ оправданіе даннаго ему девиза «благоразуміе», Беберъ утишилъ гнѣвъ свой и предложилъ правительству, во избѣжаніе необходимости входить въ распри ложъ, «поставить преграду между несогласующимися сторонами и постановить, что каждая будетъ управляться своими правилами, не имѣя между собою ни малѣйшей точки соединенія». Таковой распорядокъ «не только не расторгнетъ союзъ, но возстановитъ общую тишину, успокоивъ братьевъ въ точныхъ ихъ мнѣніяхъ». На случай, еслибъ правительство соблагоизволило на внесенное имъ предложеніе, Беберъ испрашивалъ разрѣшеніе тотчасъ же образовать для ложъ, вѣрныхъ древнимъ законамъ, новую Великую Управляющую ложу, отвѣтственную передъ правительствомъ, подъ его, Бебера, правленіемъ, «чтобъ сія, на коренныхъ основаніяхъ возобновленная, ложа имѣла бы тѣ же права, коими пользовалась Директоріальная ложа, т. е. власть учреждать новыя ложи» [1]).

Съ своей стороны Беберъ обязывался «отвѣтствовать предъ лицемъ правительства во всемъ томъ, что происходить будетъ въ собраніяхъ, какихъ бы степеней оныя не были-бъ», и «всѣ свои старанія и силы употребить не только дабы точно представить нужныя донесенія, но и сохранить должную любовь между всѣми братьями, дабы не возродилась какая-либо кислота противъ тѣхъ, кои правиться будутъ другою Директоріею».

Представленіе Бебера было ко времени. «Главнокомандующій въ С.-Петербургѣ, разсмотрѣвъ всѣ представленныя по оному поводу бумаги и не находя въ нихъ ничего предосудительнаго, согласился на сіе, тѣмъ болѣе, что онъ въ сей мѣрѣ видѣлъ не только прекращеніе докучливыхъ состя-

---

[1]) Записка И. В. Бебера отъ 26 іюля 1815 г. Военно-Учен. Архивъ. О масонскихъ ложахъ и другихъ тайныхъ обществахъ, ч. I, д. № 1021 (А) (4).

заній между ложами, но и способъ удобнѣе наблюдать за дѣяніями всего общества» [1]).

Эллизенъ тотчасъ же воспользовался разрѣшеніемъ правительственныхъ властей и учредилъ союзъ изъ ложъ «Петра къ Правдѣ», «Палестины», «Изиды» и «Нептуна», составивъ и представивъ правительству подлинный «основной соединительный договоръ» этихъ ложъ за подписью избраннаго Великаго Мастера союза гр. В. В. Мусина-Пушкина-Брюса и представителей соединившихся ложъ. Великой правящей ложи новаго союза придано было наименованіе богини златаго вѣка и законности—Астреи.

Союзъ Астреи долженствовалъ управляться представителями, отвѣтственными, смѣняемыми, избранными изъ среды самихъ братьевъ членами подъ предводительствомъ гр. В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, поручителя и представителя союза предъ правительствомъ; по отношенію къ союзу онъ лишь «стражъ закона», первый его исполнитель. Директоріальная ложа Астрея обязалась никогда не зависѣть отъ неизвѣстныхъ начальниковъ или иноземныхъ масонскихъ правленій, не имѣть никакихъ тайнъ отъ правительства и въ предметѣ работъ изысканій сверхъестественныхъ таинствъ, не слѣдовать правиламъ «Иллюминатовъ, Мистиковъ, Алхимистовъ, убѣгать всѣхъ подобныхъ несообразностей съ естественнымъ и положительнымъ закономъ и, наконецъ, не стараться о возстановленіи древнихъ рыцарскихъ Орденовъ» [2]).

Законами Великой ложи Астреи произносился грозный приговоръ не только системѣ іерархическаго правленія, существовавшей дотолѣ, властной Директоріальной ложи Владиміра, но и предметамъ ея работъ: занятію тайными науками и стремленію воскресить рыцарскій Орденъ Тампліеровъ. Ударъ наносился безъ колебаній, обдуманно и съ хладною кровью и даже, какъ говорили, «не безъ снисходительнаго посмѣянія» «несообразностямъ» союза шведскихъ ложъ. Одно лишь звено соединяло «возставшихъ» съ покинутымъ союзомъ: «они признаютъ цѣлью работъ своихъ—усовершеніе благополучія человѣковъ исправленіемъ нравственности, распространеніемъ добродѣтели»,—гласитъ одинъ изъ параграфовъ новаго Уложенія Великой ложи Астреи. Этимъ-то звеномъ воспользовался Капитулъ Феникса, и «мудрый изъ мудрыхъ», глава его—Беберъ первый подалъ голосъ за союзъ съ новою Великою ложею. Слова Бебера являлись плодомъ строго обдуманнаго вновь принятаго плана дѣйствій Верховнаго Орденскаго Совѣта Капитула Феникса, а не единоличнымъ его измышленіемъ и произнесены они были не незамедлительно, а лишь 2 августа 1816 г.

Что же предпринималъ и какъ дѣйствовалъ Капитулъ Феникса вслѣдъ за рѣшеніемъ правительства признать существованія двухъ равноправныхъ Великихъ Управляющихъ ложъ въ Россіи?

Положеніе Капитула было трудное. Графъ Василій Валентиновичъ,

---

[1]) Записка о масонскихъ ложахъ и основной договоръ союза Астреи. Ibid.

[2]) Уложеніе Вел. мас. ложи Астреи. 1815 г. ч. I, гл. I, 51 – 6.

официально считавшійся Великимъ Мастеромъ Великой Директоріальной ложи Владиміра, правилъ лишь іоанновскими степенями, и интересы высокихъ степеней «по должности его» были внѣ круга его заботъ, а потому, когда было оформлено учрежденіе новаго союза Астреи и предположено торжество открытія новой Великой ложи назначить на 30 августа, день тезоименитства государя, графъ Мусинъ-Пушкинъ предложилъ закрыть Великую Директоріальную ложу, какъ впредь излишнюю. Это было 11 августа 1815 г. Братья высшихъ степеней воспротивились этому рѣшенію, ссылаясь на разрѣшеніе работъ Директоріальной ложѣ, полученное свыше, почему и «закрытіе Великой ложи можетъ быть постановлено только Августѣйшимъ Государемъ»; братья, пребывшіе вѣрными шведскому обряду, «извѣстному великодушному Императору, потребовали возобновленія дѣятельности Великой ложи съ новымъ составомъ должностныхъ лицъ». Орденскій совѣтъ далъ согласіе, и новый составъ ложи выбранъ 10 ноября 1815 г.

Сильно старившійся Беберъ отказывался отъ всевластія въ виду несомнѣнно предстоявшихъ въ будущемъ великихъ треволненій въ россійскомъ братствѣ. Общимъ желаніемъ замѣстителемъ Бебера предназначенъ «управлявшій съ толикимъ успѣхомъ шотландскою ложею Сфинкса» генералъ-маіоръ А. А. Жеребцовъ [1]), сумѣвшій собрать въ Андреевскую ложу болѣе 100 членовъ и одновременно вести работы на трехъ языкахъ, наблюдая чи-

[1]) А. А. Жеребцовъ принятъ въ масонство въ Парижѣ, во время консульства. Удостоенный высокихъ степеней французской системы, онъ получилъ право учрежденія новыхъ ложъ и обрядники для веденія по нимъ работъ въ ложахъ. Въ 1802 г. онъ въ силу данныхъ ему грамотъ открылъ въ Петербургѣ ложу «Соединенныхъ Друзей», сдѣлавшуюся блестящею и людною: въ ней принялъ участіе цесаревичъ Константинъ Павловичъ и къ 1810 г. число ея членовъ достигло 79. Съ первыхъ же шаговъ своей масонской дѣятельности Жеребцовъ сумѣлъ пріобрѣсти вліяніе на многихъ братьевъ. Его стараніями и по выпискамъ изъ принадлежавшихъ ему актовъ открыты была ложи французской системы «Палестины» въ Петербургѣ и «Іордана» въ Ѳеодосіи. Ко времени выборовъ А. А. Жеребцовъ состоялъ членомъ болѣе 20 ложъ, въ томъ числѣ и иноземныхъ. Въ Капитулѣ носилъ имя «Рыцаря вѣнчаннаго Креста» и девизъ имѣлъ: «Вскорѣ ярче заблеститъ».

Годовъ рожденія и кончины Жеребцова не удалось установить ни официальными источниками, ни запросами у потомковъ, также не розысканъ мною и портретъ его. Воспроизведенный въ недавно изданномъ сборникѣ масонскихъ статей «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ» портретъ изображаетъ не Александра Александровича, а Александра Алексѣевича Жеребцова.

Съ 1783 г. А. А. Жеребцовъ записанъ былъ капраломъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ, съ 1788 г. числился сержантомъ, а съ 1795 г. прапорщикомъ. Оставивъ военную службу въ 1796 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ и въ числѣ 6 придворныхъ опредѣленъ состоять при супругѣ великаго князя Константина Павловича, Аннѣ Ѳедоровнѣ. Въ 1798 г. получилъ званіе камергера (Архивъ Мин. Импер. Двора). По запискамъ фонъ Гельбига посланъ былъ въ Берлинъ съ извѣстіемъ о смерти Императора Павла I, но не выказалъ дипломатическихъ способностей. Мать А. А. Жеребцова, Ольга Александровна, урожденная Зубова, какъ извѣстно, причастна была заговору 11 марта 1801 г. Съ 1807 г. Жеребцовъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Г. фонъ Гельбигъ. Русскіе избранники, перев. В. М. Бильбасова. Берлинъ, 1900 г., стр. 499.

стоту Орденскаго ученія. Въ новый составъ Великой ложи вошли: Великій Мастеръ А. А. Жеребцовъ, 1-й Великій Намѣстный Мастеръ—графъ М. Ю. Віельгорскій, 2-й—графъ П. А. Шуваловъ [1]), 1-й и 2-й Надзиратели—баронъ Г. Ѳ. Корфъ [2]) и С. С. Ланской, Великій Канцлеръ Г. Буденброкъ [3]), Великій Маршалъ—С. С. Потоцкій [4]). На выборѣ новаго состава пріостановилась дѣятель-

---

Дипломатъ «не искусный» Жеребцовъ оказался храбрѣйшимъ воиномъ, безстрашнымъ и хладнокровнымъ. Въ рядахъ петербургскаго ополченія въ 1812 г. Жеребцовъ получилъ 3 награды за храбрость. Отличившись при Полоцкѣ 6 и 7 октября, онъ получилъ орденъ св. Анны 3 класса «за особенную храбрость и хладнокровіе, съ какою водилъ онъ своихъ воиновъ», кои «весьма много способствовали прогнанію непріятеля даже до самыхъ его укрѣпленій, гдѣ подъ жестокимъ батарейнымъ огнемъ служилъ примѣромъ твердости и неустрашимости». Описывая битву при Полоцкѣ, Б. В. Штейнгель вспоминаетъ Жеребцова: «Здѣсь дѣйствительный камергеръ Жеребцовъ, командуя 4-ю дружиною, съ хладнокровіемъ смотритъ на прострѣленную пулями шинель свою и на ужасный свистъ ядеръ, кои близъ него на части разрывали воиновъ и кровію окропляли безстрашныхъ». (Записки фл.-лейт. Б. В. Штейнгеля 1814 г. касательно составленія и самаго похода санктпетербургскаго ополченія. Спб. ч. I, стр. 123). За сраженіе 19 октября при Чашникахъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія и ордена св. Владиміра 4-й ст. Объ участіи Жеребцова въ сраженіе 19 ноября при Борисовѣ, гдѣ онъ командовалъ бригадою, ген.-отъ-кав. П. А. Витгенштейнъ писалъ: «Начальствуя ввѣренной ему 2-й бригадою, былъ вездѣ первый, подавалъ примѣръ своимъ подчиненнымъ, высылалъ стрѣлковъ, не упуская ихъ поддерживать и во всѣхъ важныхъ и опасныхъ случаяхъ находясь самъ, благоразумнымъ своимъ распоряженіемъ отвращалъ всѣ могущія произойти отъ того невыгодныя для насъ послѣдствія, нанося непріятелю величайшій вредъ».

Принадлежность къ французскому толку масонскаго Ордена не послужила Жеребцову препоною выполнить долгъ защитника отечества въ борьбѣ съ сынами Франціи, ибо въ данномъ случаѣ, какъ и въ войнѣ со Швеціей при Екатеринѣ II, нарушителями «всеобщаго мира», «зломъ, одѣтымъ въ броню завоевателя», являлись не россіяне, и это-то давало масонамъ право бороться не на жизнь, а на смерть, съ собратьями по Ордену, преступившими законы Орденскіе о наблюденіи мира.

[1]) Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ (1774—1823)—генералъ-адъютантъ Императора Александра I. Получилъ орденъ Св. Георгія 4 ст. за штурмъ Праги будучи двадцати лѣтъ отъ роду. Участникъ Суворовскаго похода и Наполеоновскихъ войнъ. По словамъ біографа, любимой его мыслью было дѣлать добро, которое онъ скрывалъ отъ окружающихъ: отличаясь человѣколюбіемъ, онъ ни о комъ дурно не отзывался и былъ врагъ злословія. Орденское имя—Рыцарь Факела истины; девизъ—Свѣтомъ побѣждать тьму.

[2]) Баронъ Ульрихъ-Казимиръ-Генрихъ Ѳедоровичъ Корфъ (1765—1823)—сенаторъ, тайный совѣтникъ, писатель. По словамъ его біографа, онъ принадлежалъ къ типу трудолюбцевъ, много читалъ и дѣлалъ обширныя выписки изъ прочитаннаго. Орденское имя—Рыцарь Священнаго Огня; девизъ—Умѣренно и мудро.

[3]) Густавъ-Іоганнъ Буденброкъ (1758–1821)—докторъ правъ, писатель; участвовалъ въ освобожденіи крестьянъ Лифляндской губерніи. Орденское имя—Рыцарь Пламени; девизъ—Не весь умру.

[4]) Станиславъ Станиславовичъ Потоцкій (1787—1831)—генералъ-адъютантъ Императора Александра I; участвовалъ въ Наполеоновскихъ войнахъ: имѣлъ орденъ Св. Георгія 4 ст. Орденское имя—Рыцарь Покоющагося льва; девизъ—Покоится, но не спитъ.

ность Капитула. Беберъ, имѣвъ личные переговоры съ Главнокомандующимъ, никакихъ мѣръ къ устройству на прочныхъ основахъ Великой Директоріальной ложи не предпринималъ: онъ выжидалъ прибытія Государя, дабы представить на «праведный судъ» все происшедшее въ надеждѣ хотя бы наружнымъ образомъ охранить прежде бывшее первенство своему союзу. Произошла заминка въ представленіи министерству полиціи краткихъ отчетовъ о дѣятельности союзныхъ ложъ, ибо Жеребцовъ часто отсутствовалъ, а гр. Віельгорскій «о семъ не старался вовсе». Между тѣмъ Великая ложа Астрея съ первыхъ же шаговъ вынаружила большое тщаніе въ исполненіи требованій правительства и представленіемъ протоколовъ засѣданій удостовѣрила въ своемъ праводушіи: «дѣла ея имѣютъ ходъ правильный и ничего предосудительнаго не замѣчено», — гласило заключеніе министра полиціи. Въ сентябрѣ Великая ложа Астрея основала новую ложу Избраннаго Михаила, а въ октябрѣ въ союзъ ея перешла и ложа Александра къ Коронованному Пеликану, къ величайшему оскорбленію Капитула Феникса. Особенно волновались молодые капитуляры — бездѣйствіемъ Бебера и на свой страхъ стали «прилежать» о приростаніи союза своего. Такъ, безъ предварительнаго разрѣшенія правительства положена была основа ложамъ Полярной Звѣзды въ Вологдѣ и Трехъ Добродѣтелей въ Петербургѣ. 10-го ноября формально утверждена ложа Пламенѣщей Звѣзды въ Петербургѣ а 26-го ноября положено возобновить въ Полтавѣ ложу Трехъ Коронованныхъ Мечей. Главнокомандующій, извѣстясь о возникновеніи новыхъ ложъ, потребовалъ объясненій отъ И. В. Бебера, но тотъ указалъ на гр. Віельгорскаго, какъ на главнаго правителя всѣми дѣлами, самостоятельно, безъ его согласія, съ помощью высокихъ членовъ «все учинившаго», и къ отвѣту призванъ былъ графъ Михаилъ Юрьевичъ [1]).

---

[1]) Гр. М. Ю. Віельгорскій род. 31 октября 1788 г., † 28 августа 1856 г. Въ масоны посвященъ въ 1810 г. въ ложѣ Палестины и въ теченіе года получилъ всѣ три іоанновскія степени; въ 1814 г. избранъ управляющимъ этой же ложи. Въ 1812 г. числился въ спискахъ ложи Соединенныхъ Друзей въ 7-й степени высокаго Розенкрейцера французской системы, а въ 1815 г. въ 9-й степени шведской системы въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели; правилъ затѣмъ шотландскими ложами Александра Златого Льва и Сфинкса. Онъ былъ такъ называемымъ «пламеннымъ искателемъ премудрости», стремясь найти ключъ высшихъ познаній въ различнѣйшихъ системахъ масонства. Въ Капитулѣ записанъ подъ Орденскимъ именемъ «Рыцарь Бѣлаго лебедя» съ девизомъ «Непорочность».

О служебной и общественной дѣятельности Віельгорскаго есть и документальныя данныя, и много воспоминаній его современниковъ. Въ 1804 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры и началъ службу въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1812 г. перешелъ въ вѣдомство Министерства Народн. Просвѣщенія, а въ 1818 г.,— въ Мин. Внутр. Дѣлъ. Съ 1826 г. вновь переведенъ въ Мин. Народн. Просвѣщ., послѣдовательно занималъ должности попечителя Харьковск. Учебнаго Округа, члена главнаго правленія училищъ въ Спб. и Комитета Главн. Театральн. Дирекціи. Съ 1832 г. почетный опекунъ Спб. Опекунскаго Совѣта, управлялъ Спб. Воспитательнымъ Домомъ, Маріинской больницей, Училищемъ Глухонѣмыхъ. Съ 1838 г. гофмейстеръ, въ

Графъ **М. Ю. Віельгорскій.**
1788—1856.
Съ гравюры Т. Райта. Собранія С. П. Виноградова.

Главнокомандующій въ личной бесѣдѣ замѣтилъ приглашенному гр. Віельгорскому «всю неосновательность и неосмотрительность его поступковъ», графъ принесъ извиненія и обѣщалъ вскорѣ же представить письменное всему объясненіе. Такое объясненіе до конца января 1816 г. представлено не было, а между тѣмъ 11 января состоялось торжество инсталлаціи ложи Трехъ Добродѣтелей.

Но, тогда какъ часть капитуляровъ главныя силы прилагала къ умноженію членовъ союза и ложъ, главноотвѣтственные предъ лицемъ правительства Беберъ и Жеребцовъ сильно тревожились незаконными работами своего союза, переходомъ ложъ въ союзъ Астреи и дальнѣйшими отношеніями съ этимъ союзомъ, крѣпчавшимъ съ изумительной быстротою.

Имѣя пребываніе въ Митавѣ, Жеребцовъ не переставалъ направлять работы своего союза письменно, однако главныя заботы лежали на графѣ Віельгорскомъ, которому Беберъ помогалъ своимъ опытомъ и порывы коего сдерживалъ своимъ разуміемъ; въ правленіи негласно большое участіе принимали еще Н. М. Бороздинъ [1]), С. С. Ланской [2]), смѣнившій Г. Корфа при выборахъ 19 мая, и П. А. Ржевскій, замѣнившій С. С. Потоцкаго.

1845 г. зачисленъ членомъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, а въ 1846 г. пожалованъ въ оберъ-шенки.

Отзывы современниковъ о гр. Віельгорскомъ односторонни въ воздаяніи ему похвалъ; даже Ф. Ф. Вигель, не щедрый на похвалы, отмѣчаетъ: «достоинства его внушали къ нему всеобщую любовь и уваженіе, ни непріязненнаго, ни обиднаго чувства никогда ни въ одномъ человѣкѣ онъ не возбуждалъ». Соллогубъ такъ очертилъ Віельгорскаго: «Онъ не искалъ извѣстности, уклонялся отъ борьбы, и несмотря или, можетъ быть, именно поэтому былъ личностью необыкновенной: философъ, критикъ, лингвистъ, медикъ, теологъ, герметикъ, почетный членъ всѣхъ масонскихъ ложъ, душа всѣхъ обществъ, семьянинъ, эпикуреецъ, царедворецъ, сановникъ, артистъ, музыкантъ, товарищъ, судья, онъ былъ живой энциклопедіей самыхъ глубокихъ познаній, образцомъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ и самаго игриваго ума». Князь Вяземскій рисуетъ гр. Віельгорскаго разнообразнымъ «до невозможности»: «но многострунный міръ былъ общимъ строемъ связанъ, и нота вѣрная во всемъ была слышна». По благородству помысловъ и жизни былъ истинный вельможа, но безпечный, разсѣянный, «онъ не любилъ борьбы, съ прибрежья наблюдалъ житейскихъ волнъ игру». Въ письмахъ М. А. Волковой лѣтомъ 1812 г., ежедневно проводившей время съ семьею Віельгорскихъ, гр. Михаилъ Юрьевичъ очерченъ добрѣйшимъ изъ людей.

Кончина гр. Віельгорскаго оставила большую пустоту въ кругу его многочисленнѣйшихъ друзей и знакомыхъ; князь П. А. Вяземскій посвятилъ ему, оплакивая звучныя строфы, полныя глубокаго чувства, подъ заглавіемъ «Поминки» (напеч. въ Русск. Архивѣ 1877, I, 542—545). Погребенъ гр. Віельгорскій на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

[1]) Н. М. Бороздинъ (род. 2 ноября 1777 г., † 14 ноября 1830 г.)—генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, имѣлъ ордена Св. Георгія 3 и 4 ст. Орденское имя Бороздина—Рыцарь Вооруженнаго льва; орденскій девизъ—Не безнаказанно нападать.

[2]) С. С. Ланской (род. 23 декабря 1787 г., † 26 января 1862 г.) въ Орденъ масонскій посвященъ въ началѣ 1810 г. и къ 30 іюня уже выдвинутъ изъ братской среды полученіемъ, до истеченія назначеннаго законами срока, диплома на всѣ три іоанновскія степени; въ январѣ 1811 г. удостоенъ 7-й степени французскаго обряда, высокаго

Къ ранней осени все еще не улажены были дѣла союза, и Жеребцовъ торопилъ, желая стройнаго распорядка. Капитуляры усилили работы, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всѣ дѣла были приведены къ благополучному концу. Въ засѣданіяхъ 2-го и 8-го августа проведенъ вопросъ о соглашеніи съ Астреей: рѣшено заключить конкордатъ, т. е. «актъ взаимныхъ отношеній Двухъ Великихъ Ложъ». 5-го сентября въ засѣданіи присутствовалъ А. А. Жеребцовъ и постановлено сообщить С. К. Вязмятинову требуемыя свѣдѣнія о Директоріальной ложѣ и благодарить его за вниманіе къ братству. 19-го сентября Жеребцовъ вновь созвалъ уже «чрезвычайное собраніе» и, сказавъ «слово», закончилъ приказомъ Великимъ Надзирателямъ «возгласить» закрытіе Великой Директоріальной ложи Владиміра къ Порядку и замѣну

Розенкрейцера, князя Орла и Пеликана. Въ 1813 г. занималъ должность Намѣстнаго Мастера ложи Палестины; по переходѣ ея въ союзъ Астреи былъ Намѣстнымъ Мастеромъ ложи Елизаветы къ Добродѣтели, съ 1816 по 1817 г., а съ 1818 по 1822 г.— Управляющимъ Мастеромъ. Съ учрежденія шотландской ложи Александра Златаго Льва въ 1816 г. Ланской избранъ ея Намѣстнымъ Мастеромъ и въ таковую же должность въ 1817 г. въ Великую Провинціальную ложу. Въ силу Орденскаго закона онъ занялъ тогда же въ Капитулѣ Феникса должность субпрефекта. Орденское имя Ланского было «Рыцарь Воскресшаго Феникса», девизъ—«Изъ смерти жизнь».

Наслѣдіемъ Ланского для историковъ масонства служитъ интереснѣйшій архивъ, хранящійся въ И. М. и Р. Музеѣ, ибо Ланской былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ водителей масонской братіи. При ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели Ланской учредилъ «общество для призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ», которое, бывъ удостоено Высочайшаго утвержденія, составило Комитетъ въ Вѣдомствѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества; онъ же образовалъ совмѣстно съ гр. М. Ю. Віельгорскимъ «братскую вспомогательную кассу», включавшую пенсіонную и похоронную для членовъ Ордена; устроеніе тюремныхъ комитетовъ и развитіе библейскаго общества многимъ также обязаны Ланскому.

Сынъ гофмаршала, члена государственнаго совѣта, Ланской, получивъ домашнее образованіе, съ 13 лѣтъ началъ службу въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ 1801 г. онъ назначенъ переводчикомъ коллегіи, въ 1804 г. произведенъ въ коллежскіе ассесоры, въ 1806 г. пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера. Съ 1809 г. помѣщенъ за оберъ-прокурорскій столъ 1 Департамента сената, съ 1815 г. переведенъ въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ и, состоя однимъ изъ директоровъ комиссіи погашенія долговъ, нерѣдко замѣнялъ управляющаго ею въ 1817—23 гг. Въ 1819 г. произведенъ въ дѣйствит. статск. совѣтники. Выйдя въ отставку, служилъ по выборамъ дворянства въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губ., и съ 1826 г. два трехлѣтія сряду былъ выбранъ совѣстнымъ судьею. Въ 1830 г. назначенъ губернаторомъ въ Кострому, въ 1834 г. сенаторомъ, а въ 1839 г. почетнымъ опекуномъ Спб. Опекунскаго Совѣта и въ 1850 г. членомъ Государственнаго Совѣта, а черезъ 5 лѣтъ принялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. При проведеніи великой реформы раскрѣпощенія крестьянъ Ланской явился неутомимымъ, пламеннымъ пособникомъ Государя, все свое вниманіе, силы и знаніе посвящая этому важнѣйшему государственному дѣлу, ратуя за одновременное повсемѣстное освобожденіе крестьянъ и за надѣлъ ихъ достаткомъ земли, пашнею, выгонами и т. д. Въ 1856 г. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 23 апрѣля С. С. Ланской былъ съ нисходящимъ потомствомъ возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Погребенъ на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ подъ церковью Смоленской Божіей Матери.

ея новою «Великою Провинціальною ложею». Открытіе новой Великой ложи предположено на начало ноября. Въ промежутокъ времени съ 19 сентября по

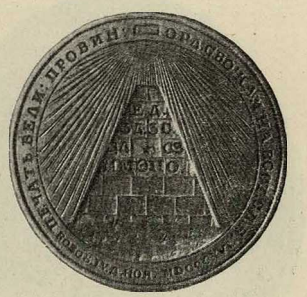
С. С. Ланской.
1787—1862.
Съ пастели. Собств. А. С. Перфильевой.

начало ноября Капитулъ подъ руководствомъ Жеребцова и въ присутствіи Бебера усиленно занимался пересмотромъ устава прежде дѣйствовавшей Великой ложи и выработкой проекта договора съ Астреей.

4-го ноября въ присутствіи всѣхъ членовъ союза и представителей Астреи, принявшей предложенія дружества, произошло торжество открытія Великой Провинціальной ложи, а 12-го декабря подписанъ конкордатъ.

Такимъ образомъ, Капитулъ Феникса, продолжая неизмѣнно работать въ тиши и тайнѣ для явныхъ работъ своихъ, принялъ третій образъ, третье наименованіе въ Россіи, и цѣлью братьевъ, управляющихъ союзомъ Великой Провинціальной ложи, заявилъ: «поддерживать съ Божіею помощью древнее и истинное Свободное Каменщичество между немногочисленными, но вѣрными братьями, которыхъ Провидѣніе ввѣрило ихъ попеченію. Они надѣются, что Великій Архитекторъ Вселенной, во вниманіе къ тому благу, которое должно произойти отсюда для ихъ отечества, благословитъ ихъ слабые труды и что истинный свѣтъ сохранится и распространится въ Россіи, не смотря на мракъ, который старается затмить его, но который не можетъ и никогда не сможетъ понять его и еще менѣе восторжествовать надъ нимъ» [1]).

Великой Провинціальной ложѣ присвоена была печать новаго образца: взамѣнъ открыто стоящаго масонскаго жертвенника, наиважнѣйшихъ клейнодовъ и братской верви единенія, изображенныхъ на печати закрывшейся Великой ложи, принята была пирамида съ усѣченною вершиною, освѣщенная лучами солнца. На пирамидѣ вырѣзаны начальныя буквы наименованій ложъ союза.



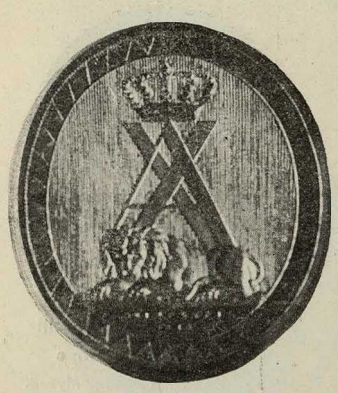
Печать Великой Провинціальной ложи.
Импер. Моск. и Румянц. Музей.

Языкомъ символовъ, понятнымъ посвященнымъ, выражалось измѣнившееся положеніе Великой ложи шведскаго обряда. «Яко пирамида устремляется она вверхъ, къ точкѣ совершенства, къ солнцу вѣчнаго блаженства, но она усѣчена, ограничена въ своемъ стремленіи» и отсутствія единодушія въ братьяхъ, малое число ложъ, не заполняющихъ даже площадь ея, отчасти служатъ тому причиною. Кромѣ того, пирамида указывала еще на нѣкую тайну, сокрытую отъ глазъ непосвященныхъ.

Признаніе правительствомъ двухъ Великихъ Управляющихъ ложъ на равныхъ правахъ, давало возможность свободно развиваться вновь возникшему союзу Астреи и тѣмъ самымъ распространяться системамъ, подры-

[1]) Моск. Румянц. Музей, № 2. «Instruction für den Hochw. Br. Wiebel auf seiner bevorstehenden Reise nach Russland». Нѣмецкому масону Вибелю, ѣхавшему въ Россію, было поручено собрать свѣдѣнія о русскихъ ложахъ. Самъ I. B. Вибель имѣлъ званіе лейбъ-медика прусскаго короля Фридриха Вильгельма III и въ масонскихъ ложахъ занималъ довольно видное мѣсто. Отвѣты на инструкцію писаны по-французски, и въ Музеѣ сохранились въ 2-хъ экземплярахъ. Инструкція указана Ешевскимъ (Сочин. т. III, стр. 456—57) и Пыпинымъ (Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. «Вѣстн. Европы», т. IV, іюнь 1872 г.).

вавшимъ значеніе высокихъ степеней съ ихъ мистикой и занятіями оккультными науками. А. Ѳ. Лабзинъ не могъ оставаться безсловеснымъ свидѣтелемъ происходившихъ перемѣнъ, всей переоцѣнки цѣнностей братьями, еще такъ недавно почитавшими высокоцѣннымъ и безусловно необходимымъ все, что теперь ими же осмѣивалось и съ ожесточеніемъ отвергалось. 28 мая 1816 г. А. Ѳ. Лабзинъ писалъ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ А. Н. Голицыну о необходимости поставить ложи на хорошую ногу, либо ихъ вовсе запретить; хотя Лабзинъ и пишетъ, что плохи всѣ ложи, однако, изъясняя, что цѣль его не въ томъ, чтобы понудить совершенно запретить русскія ложи, а въ томъ, чтобы исторгнуть плевелы, а пшеницу сохранить, показываетъ, что не всѣ ложи въ одинаковой мѣрѣ были ему ненавистны. Изъ того же письма выясняется, какія именно ложи имъ почитаются вредными. Это—ложи, проповѣдующія вольномысліе. «Есть управляющіе ложами люди весьма вредные, не только невѣрующіе, но и не скрывающіе своего невѣрія. За что же давать развращать молодыхъ людей, вступающихъ иногда туда и не съ худымъ намѣреніемъ?» Лабзинъ даже проситъ князя Голицына не официально, а такъ, «между разговоромъ» представить объ этомъ государю [1]). П. И. Голенищевъ-Кутузовъ пишетъ цѣлый рядъ донесеній въ обличеніе ложнаго масонства. Между тѣмъ Великая ложа Астрея, боровшаяся съ проявленіями крайняго мистицизма, не проповѣдывала атеизма...



Печать шотландской ложи Александра Златаго Льва. Импер. Моск. и Румянц. Музей.

Правительственныя власти однако отъ дальнѣйшихъ вмѣшательствъ въ распрю двухъ союзовъ отклонялись, ограничиваясь точнѣйшимъ предписаніемъ главарямъ о ихъ обязательствахъ по отношенію къ правительству, и союзъ Астреи быстро крѣпъ, множилось число членовъ и число ложъ.

Для Капитула Феникса послѣдующія годины были преисполнены великихъ испытаній: правда, въ декабрѣ удалось открыть Іоанновскую ложу Трехъ Свѣтилъ и ритуально инсталлировать шотландскую Александра Златаго Льва въ Петербургѣ, но не прекращался переходъ въ союзъ Великой ложи Астреи не только братьевъ «единично», либо «совмѣстно съ единомыслящими», переходили ложи въ полномъ составѣ, вновь образованныя ложи и старѣйшія! Особый ударъ Капитулу Феникса нанесенъ былъ въ концѣ 1816 года, когда явнымъ стало тяготѣніе И. В. Бебера и многихъ «первѣйшихъ капитуляровъ» къ новообразованному союзу Астреи. Вкругъ Бебера обособилось большинство иностранной братіи, присоединились нѣкоторые русскіе,

[1]) Н. Дубровинъ. «Наши мистики-сектанты». А. Ѳ. Лабзинъ и его «Сіонскій Вѣстникъ». Русск. Стар.», 1894 г., № 12, стр. 101.

и начаты были переговоры съ управителями Астреи. Сомнѣнія въ конечномъ исходѣ переговоровъ быть не могло: высокопосвященнымъ братьямъ, изъявившимъ желаніе покинуть Провинціальный союзъ, правителями Астреи обѣщанъ былъ всевозможный почетъ.

Правда, И. В. Беберъ уже не правилъ кормиломъ Капитула, но онъ не оставлялъ совѣтомъ новыхъ водителей, а обаяніе его «великихъ познаній Орденскихъ, многаго опыта, великоразумія и прекраснодушія» были еще въ полной силѣ; потому-то тягчайшимъ ударомъ для всего союза былъ уходъ И. В. Бебера.

Въ столь трудное время Капитулъ долженъ былъ принять быстрыя рѣшенія, и замѣнявшій А. А. Жеребцова гр. М. Ю. Віельгорскій созвалъ чрезвычайное собраніе Капитула 17 марта 1817 г., въ 2 часа пополудни.

Объявивъ собравшимся капитулярамъ о переходѣ въ союзъ Астреи двухъ ложъ — недавно образованной ложи Пламенѣющей Звѣзды и старой ложи Соединенныхъ Друзей, гр. Віельгорскій съ печалью добавилъ, что въ числѣ членовъ этихъ ложъ — многіе братья высокихъ посвященій, члены Капитула и во главѣ всѣхъ Викарій Соломона, И. В. Беберъ. Разрѣшенію Капитула предлагался вопросъ: «могутъ ли всѣ сіи братья оставаться въ должностяхъ, кои они занимали въ Капитулѣ, или нѣтъ? «По внимательномъ разсмотрѣніи, рѣшено было—не считать всѣхъ перешедшихъ отнынѣ членами не только Капитула, но даже союза». Полное исключеніе всѣхъ отпавшихъ имѣло однако кромѣ идейнаго и существенное значеніе: въ шотландской ложѣ Св. Георгія осталось всего 2 члена. Вмѣстѣ со своимъ Обермейстеромъ И. В. Бебером перешли въ союзъ Астреи всѣ остальные братья этой ложи, и ее по необходимости пришлось закрыть.

Печать шотландской Директоріи соединенныхъ Андреевскихъ ложъ Сфинкса и Александра Златаго Льва.
Импер. Моск. и Румянц. Музей.

Закрытіе шотландской ложи Св. Георгія имѣло слѣдствіемъ преобразованіе Шотландской Директоріи; постановлено новыми основательницами ея почитать лишь двѣ шотландскія ложи: Сфинкса и Александра Златаго Льва, коимъ и «даровать новую печать» съ соотвѣтственными эмблемами. Капитуляры въ этомъ чрезвычайномъ засѣданіи были преисполнены рѣшимости: такъ, постановлено было впредь въ ложахъ Св. Андрея и въ Шотландской Директоріи всѣ работы вести исключительно на россійскомъ языкѣ и приступить къ упорядоченію законовъ для Шотландской Директоріи незамедлительно. Совершеніе работъ на одномъ русскомъ языкѣ вызвано было тѣмъ, что изъ числа перешедшихъ въ союзъ Астреи, за исключеніемъ двоихъ, всѣ остальные братья были иноземнаго происхожденія.

Съ уходомъ И. В. Бебера вся власть по управленію союзомъ сосредо-

точилась въ рукахъ гр. М. Ю. Віельгорскаго и С. С. Ланского, ибо А. А. Жеребцовъ зачастую былъ въ отъѣздѣ. Новые водители, сильно увлекшіеся масонствомъ, убѣжденные сторонники высокихъ посвященій и іерархической системы правленія, не щадили силъ своихъ для поддержанія въ братьяхъ, «пребывшихъ вѣрными», любви къ Каменщическимъ работамъ.

Не довольствуясь обычными ритуальными работами въ ложахъ и собраніями въ ложахъ же на поучительныя бесѣды, гр. М. Ю. Віельгорскій и С. С. Ланской собирали у себя на дому членовъ союза. Гр. Віельгорскій жилъ въ собственномъ домѣ, въ Прачешномъ переулкѣ, С. С. Ланской на Большой Подъяческой, а Капитулъ Феникса и ложи союза помѣщались въ домѣ купца Королева, въ Новомъ переулкѣ.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей первой половины XIX вѣка, меценатъ, другъ науки, литературы, искусства, знатокъ музыки, самъ композиторъ и исполнитель, геніальный диллетантъ, по отзыву Шумана. Провинціальный союзъ цѣлями работъ своихъ подъ водительствомъ его «вяще утвердилъ» стремленіе ко всему «высокому и прекрасному» и въ Капитулѣ сбирался цвѣтъ интеллигенціи, какъ сбирался и въ гостепріимномъ домѣ Віельгорскаго.

По словамъ князя П. А. Вяземскаго, звучными строфами воспѣвшаго Віельгорскаго, домъ графа былъ открытъ всѣмъ. «Всемірной ярмаркой и выставкой всесвѣтной былъ кабинетъ его открытый настежъ всѣмъ; кто приносилъ туда залогъ мечты завѣтной, кто мысль, кто плодъ труда, кто приходилъ ни съ чѣмъ. Актеръ, магнетизеръ, мыслитель величавый, скрипачъ и букинистъ и теноръ и хирургъ, и всѣ искатели, которые за славой, да и за деньгами тѣснятся въ Петербургъ,—всѣ проявлялись здѣсь на пробѣ и поклонѣ, здѣсь былъ ихъ первый шагъ съ залогомъ на успѣхъ. Хозяинъ ласковый въ домашнемъ Вавилонѣ умѣлъ все выслушать и надоумить всѣхъ».

Віельгорскій, въ самыхъ тогда цвѣтущихъ лѣтахъ, съ живостью, увлекаясь, отдавался масонскимъ работамъ, столь соотвѣтствовавшимъ пытливымъ запросамъ его ума, порывамъ и стремленіямъ души къ «узнанію невѣдомаго и постиженію истины». Въ Капитулѣ сбиралась богатѣйшая печатная и рукописная библіотека по преимуществу мистически-теозофская; обряды посвященій не только не были упрощены, но за выполненіемъ ихъ въ точности Віельгорскій слѣдилъ неуклонно, ритуальной обстановкѣ придавая большое значеніе. Постоянно занятый «духовною бранью» съ «ветхимъ человѣкомъ», занятый самоуглубленіемъ и борьбою со слабостями и страстями своими, какъ самъ сознавался онъ С. С. Ланскому, Віельгорскій въ обхожденіи съ другими былъ мягокъ и сердоболенъ; разсѣянный, иногда даже лѣнивый, въ дѣлахъ лично его касающихся, онъ былъ совсѣмъ инымъ, когда раздавался призывъ къ доброму дѣлу на помогу ближнему.

«Тутъ лѣни не было, раздумья и отсрочки,
«Былъ онъ и бодръ и скоръ на добрыя дѣла»,

восклицаетъ князь Вяземскій.

Мягкаго характера, Віельгорскій находился подъ большимъ вліяніемъ мистиковъ Н. С. Гамалѣи, А. Ѳ. Лабзина, І. А. Поздѣева, Р. С. Степанова, и нерѣдко произносилъ въ ложахъ рѣчи, сочиненныя этими старшими братьями по масонству; но въ поучительныхъ бесѣдахъ съ меньшими братьями открывалъ, по отзывамъ современниковъ, всѣ святыя сокровища своей души. Бесѣды Віельгорскаго сохранились во многихъ спискахъ, но лишь въ отрывкахъ. Сильный характеромъ, властный, рѣшительный и настойчивый, притомъ умѣлый организаторъ, С. С. Ланской часто направлялъ руль масонскаго корабля, когда колебался Віельгорскій. Искусный витія, Ланской часто выступалъ въ большихъ и малыхъ кругахъ братій, въ рѣчахъ его отражался умъ, склонный къ критикѣ и даже «легкому, хотя и горькому осмѣянію»; въ тайныхъ собраніяхъ Капитула Ланской говорилъ о наилучшей организаціи союза, вдаваясь въ мельчайшее обсужденіе законоположеній, а въ торжественныхъ собраніяхъ Вел. Провинціальной ложи—о высокомъ призваніи Вольныхъ Каменщиковъ примѣромъ правильной жизни дѣйствовать на сердца профановъ; о воспитаніи въ чистыхъ нравахъ и помыслахъ подрастающаго поколѣнія онъ непрестанно толковалъ въ поучительныхъ ложахъ, а въ тѣсномъ кругу теозофовъ-мечтателей—объ экстатическомъ состояніи, о возможныхъ достиженіяхъ путемъ воспитанія въ себѣ «небеснаго человѣка». Но красною нитью во всѣхъ рѣчахъ Ланского проходитъ стараніе пробудить въ окружающихъ чувство человѣческаго достоинства, ненависть ко злу и насилію, въ какомъ бы образѣ оно не являлось. Цѣлью просвѣтленныхъ каменщиковъ онъ устанавливалъ привлеченіе ко свѣту возможно большаго числа людей, дабы увеличеніемъ рати служителей свѣту побѣдить легіоны тьмы. За порогомъ масонскихъ ложъ Ланской осуществлялъ проповѣдуемыя имъ мысли: на воскресныхъ собраніяхъ въ домѣ Ланского бывало много народу, и А. П. Бѣляевъ такъ о нихъ вспоминаетъ: «съ демократическимъ и христіанскимъ восторгомъ видѣлъ простыхъ ремесленниковъ, сидѣвшихъ въ залѣ со всѣми, много высшими ихъ лицами».

Поучительныя бесѣды бывали на дому еще и у графа Гр. Ив. Чернышева, у И. М. Евреинова, А. Е. Кишенскаго и Г. П. Апухтина, убѣжденныхъ великихъ Каменщиковъ, обладавшихъ даромъ красно говорить.

Упорядоченіе по наружности взаимоотношеній съ Вел. Ложею Астреей не успокоило Капитуляровъ. Правители Астреи съ удивленіемъ отмѣчаютъ готовность главарей Провинціальнаго союза на всевозможныя уступки, даже на принятіе части новаго Уложенія при условіи возврата всего Братства къ единой системѣ, шведской.

И дѣйствительно, Командоры Капитула въ программу дальнѣйшей своей дѣятельности первымъ пунктомъ ставятъ достиженіе, во что бы то ни стало, возсоединенія всѣхъ работающихъ въ Россіи Вольныхъ Каменщиковъ и уничтоженіе параграфа Уложенія Астреи о терпимости ко всѣмъ системамъ.

Своеобразенъ первый шагъ Капитуляровъ въ этомъ направленіи: постановлено использовать именно параграфъ Уложенія Астреи о терпимости ко всѣмъ системамъ для устроенія «Обрядоваго Капитула» при союзѣ Астреи для вѣданія дѣлами братьевъ, прилежающихъ къ высокимъ степенямъ. Обрядовому Капитулу присвоена была затѣмъ особая отъ Вел. Ложи Астреи организація, особая печать и подчиненъ онъ гр. В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу, какъ бывшему члену блистательнаго Капитула Феникса, Рыцарю Счастливой Надежды. Такимъ образомъ, заложенъ былъ очагъ для поддержанія идеи высокихъ посвященій въ самомъ ложѣ союза, почитавшаго ихъ вредности.

Для вящшаго укрѣпленія союза Провинціальнаго въ томъ же 1817 году предпринятъ Капитуломъ рядъ мѣръ: окончательно выработаны и утверждены положенія для управляющихъ ложами и для «устроенія братской вспомогательной кассы». Наконецъ, открыты новыя ложи: ложа Сѣверныхъ Друзей взамѣнъ ложи Пламенѣющей Звѣзды въ Петербургѣ, ложа Ищущихъ Манны въ Москвѣ и ложа Эвксинскаго Понта въ Одессѣ.

17-го января 1818 г., въ 6 час. дня, гр. М. Ю. Віельгорскій открылъ чрезвычайное засѣданіе въ блистательномъ Капитулѣ Феникса, обратившись къ рыцарямъ со словами: «Извѣстно вамъ, высокопочтенные братья, что по кореннымъ законамъ союза нашего, членомъ высокихъ степеней онаго быть можетъ токмо такой братъ, который есть членъ іоанновской ложи сего же союза. Отпаденіе двухъ ложъ причиною, что блестящій Капитулъ лишился большей части своихъ членовъ и великихъ чиновниковъ. Различныя обстоятельства союза препятствовали приступить къ назначенію на убылыя мѣста другихъ, но наконецъ Верховный Совѣтъ Орденскій, коему благоустройство Капитула толико драгоцѣнно, въ засѣданіи своемъ, бывшемъ въ 5-й день 8-го мѣсяца 5817 г. (5 октября 1817 г.), разсуждая о необходимости содержать Капитулъ въ принадлежащемъ оному блескѣ, распредѣлилъ замѣщеніе должностей и вслѣдствіе того нынѣ великіе чиновники и офиціалы суть:

Великій Префектъ, Командоръ А. А. Жеребцовъ.

Великій Субъ-Префектъ, Командоръ гр. М. Ю. Віельгорскій, въ отсутствіи Великаго Префекта правящій Капитуломъ; въ случаѣ же его отсутствія Капитулъ ввѣряется Командору С. С. Ланскому.

Блюститель Короны Фед. Фед. Герландъ.

» Лампады гр. Дм. Александр. Зубовъ.

» Меча Пав. Серг. Ланской.

» Наугольника Ив. Мих. Евреиновъ.

» Хоругви Пав. Алексѣев. Ржевскій.

» Шпоръ Хрис. Ив. Уттехтъ.

1-й Блюститель Храма Петръ Ив. Левенгагенъ.

2-й » » Ром. Серг. Щулепниковъ.

Канцлеръ гр. Григ. Ив. Чернышевъ.

1-й Герольдъ Ив. Андр. Мѣльниковъ.
2-й » кн. Пав. Петр. Лопухинъ.
Великій Секретарь Андрей Петр. Римскій-Корсаковъ.
Великій Казнохранитель Петръ Ив. Рубецъ.
1-й Великій Обрядоначальникъ Петръ Ив. Мунтъ.
2-й » » Андрей Леонтьев. Грессанъ.

Сообщая о семъ къ свѣдѣнію вашему, высокопочтенные братья, я назначаю въ будущую пятницу, 25 числа, 6 час. пополудни, днемъ торжественнаго собранія Капитула для введенія великихъ чиновниковъ и офиціаловъ въ ихъ должности. Брату Римскому-Корсакову поручаю о семъ послать повѣстки».

Кромѣ должностныхъ лицъ въ Капитулѣ, по словамъ гр. Віельгорскаго, членами были: Командоры С. С. Потоцкій и Ник. Мих. Бороздинъ; VIII степени гр. П. А. Шуваловъ; VII степени Фед. Фед. Франкенъ и Александръ Никол. Муравьевъ; VI степени Дмитр. Яковлев. Ртищевъ, Фед. Карп. Неймичъ, Яковъ Александр. Кашперовъ, кн. Серг. Григ. Волконскій, Александръ Ив. Дмитріевъ-Мамоновъ, Серг. Павл. фонъ-Визинъ, Петръ Александр. Курбатовъ и Никол. Александр. Головинъ. Всего составъ опредѣляется въ 5 Командоровъ, 11 братьевъ VIII степени, 7 — VII и 8 — VI.

Гр. Віельгорскій закончилъ собраніе объявленіемъ предложенія Верховнаго Совѣта, «чтобы введена была въ Капитулъ обрядовая одежда великимъ должностнымъ лицамъ, согласно законамъ, украшать и отличать ихъ долженствующая», а прочіе имѣли бы банты на треугольныхъ шляпахъ. «Я приглашаю всѣхъ братьевъ, какъ должностныхъ, такъ и недолжностныхъ, принять всевозможныя мѣры, дабы блестящій Капитулъ Феникса въ торжественномъ своемъ, въ будущую пятницу, собраніи украсился приличными, въ законахъ означенными, рыцарскими одеждами».

Въ напоминаніе затѣмъ оглашены были изъ законовъ соотвѣтственныя статьи.

Такимъ образомъ, въ противовѣсъ стремленію правителей союза Астреи къ упрощенію обрядовой стороны масонства, высшее тайное правленіе, Капитулъ Феникса, настаивало на соблюденіи традицій во всей неприкосновенности, слѣдя за малѣйшими упущеніями. Егоръ Егоровичъ Эллизенъ, еще въ 1814 году упрекавшій Капитулъ Феникса въ сохраненіи «Ордена Тампліеровъ не только какъ одежду, но какъ церемоніи и акты», не смогъ въ него внести желанныхъ имъ перемѣнъ.

Сношенія съ Великимъ Стокгольмскимъ Капитуломъ поддерживались неизмѣнно. Свѣтлѣйшій Капитулъ Феникса тотчасъ же извѣщенъ былъ объ утратѣ, понесенной братствомъ, какъ только скончался 24-го января 1818 г. Верховный Начальникъ союза шведскихъ ложъ король Карлъ XIII.

Циркулярно, во всѣ ложи Россіи, почитавшія шведскій обрядъ, Капитуломъ Феникса спѣшно разослана была рѣчь въ память почившаго короля, сочиненная стуартомъ Вел. Національной ложи въ Стокгольмѣ Арвидомъ

Давидомъ Гюммелемъ. Капитуломъ предлагалось въ траурной ложѣ по Великомъ братѣ повторить эту рѣчь, признанную достойною почившаго шведскимъ Капитуломъ. Сохранился русскій переводъ разосланной рѣчи, бывшею обычною траурною рѣчь, т. е. одновременно и поминаніемъ, и критико-біографическимъ очеркомъ усопшаго.

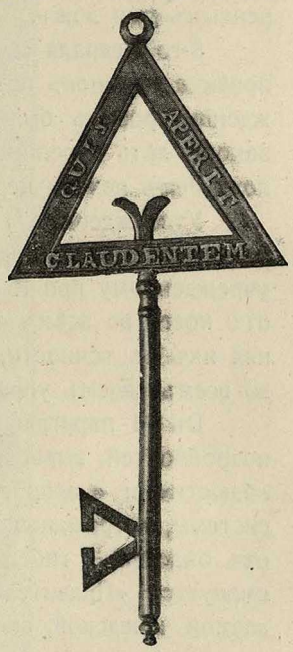
Вспоминая, что Карлъ XIII, еще въ бытность герцогомъ Зюдерманландскимъ, облеченъ былъ королемъ Густавомъ III властью править Орденомъ въ Швеціи и придалъ ему необычайный блескъ, риторъ отмѣчаетъ, что и вступивъ на престолъ, онъ пребылъ Ордену вѣрнымъ, «снабженный скипетромъ, онъ не оставилъ молотка», а потому, разбираетъ жизнь его, «сидящаго на престолѣ посреди храбрыхъ или управляющаго работами Великой Національной ложи», и дѣятельность какъ «воина, царя и первосвященника-масона, хранителя заповѣднаго таинства всезнанія». Рѣчью славословился почившій и превозносились его душевная доброта, спокойствіе и уравновѣшенность; «просвѣщеннѣйшій изъ братій, не превозносится онъ надъ ними гордостью», но и не забываетъ величіе сана царскаго самодержца. «Всѣ сердца отверзаются его взору, всѣ лица растворяются веселостью», восклицаетъ риторъ и, описавъ великаго масона, пребывающаго въ блаженномъ спокойствіи на одрѣ смерти, въ предвкушеніи вѣчнаго блаженства, заканчиваетъ рѣчь свою такъ: «Мастеръ вступилъ въ истинное святилище храма. Врата за нимъ затворились. Онъ сокрылся навсегда отъ взоровъ нашихъ. Сія истина исполняетъ душу нашу печалью и соболѣзнованіемъ. Повергая себя предъ стопами Великаго Строителя Вселенной, мы удивимся Его опредѣленіямъ, благоговѣемъ къ нему въ безмолвіи и не дерзаемъ произнести о себѣ сожалѣнія. Десница, которая поразила, одна исцѣлить можетъ. Богъ, благоизволившій покровительствовать работамъ нашимъ, не оставитъ безъ попеченій дѣла праведныхъ. Государи признали истину сего правила, предписаннаго Мудрѣйшимъ изъ Мудрыхъ. Аще убо наслаждаетесь престолами и скипетры, о царіе людей, почтите Премудрость, да во вѣки царствуете. И Карлъ XIII съ высоты новаго своего жилища, находясь возлѣ безсмертнаго Якова Моллея, еще будетъ пещись о насъ, ежели мы въ чистыхъ и благодарныхъ сердцахъ благоговѣйно станемъ хранить себѣ его въ примѣръ и воспоминаніе». Рѣчь доказываетъ глубокую вѣру масоновъ въ загробную жизнь, въ безсмертіе душъ и въ заступничество предъ Великимъ Зиждителемъ міра — праведныхъ усопшихъ за пребывающихъ еще на землѣ ихъ единомышленниковъ [1]).

Званіе Великаго Мастера Шведской Великой ложи принялъ принцъ Оскаръ, и первый же годъ его власти ознаменованъ былъ событіемъ боль-

[1]) Госуд. Арх. бумаги кн. М. П. Баратаева. Папка № 488. Краткая рѣчь въ память Карла XIII короля Швеціи и Норвегіи и Великаго Мастера Шведскихъ Вольныхъ Каменщиковъ. Сочиненіе Арвида Давида Гюммеля Вестрогота, кавалера Ордена св. Владиміра, брата Стуарта Вел. Нац. ложи въ Штокгольмѣ. Написано въ день годичнаго воспоминанія кончины Іакова Моллея.

шой важности: состоялось возсоединеніе Великой Шведской ложи съ Великою ложею Германской земли. Въ союзномъ договорѣ объявлялось братству, что германскихъ братьевъ искони соединяютъ съ сѣверными собратьями единство ученія, тождество происхожденія, единство формы и сущности и что они члены одного тѣла, одушевленнаго однимъ духомъ.

Великая ложа Германской земли обратилась и къ Капитулу Феникса съ предложеніемъ такого же единенія, въ цѣляхъ борьбы съ возрастающимъ вліяніемъ преобразованныхъ ложъ, со Шредеровой системой, «которая все больше и больше распространяетъ свои вѣтви». Послѣдовавшій отвѣтъ графа М. Ю. Віельгорскаго, достаточно холодный и сдержанный, не скрѣпляетъ никакими обѣщаніями чисто формальныхъ отношеній, дотолѣ бывшихъ съ Германскою ложею, и на просьбу сообщить шифръ Капитула Феникса онъ отвѣчаетъ отказомъ.



Ключъ Всезнанія.
Изъ собр. Т. О. Соколовской.

Отказомъ же отвѣтствовалъ Капитулъ и на предложеніе Испанскаго Великаго Востока вступить въ тѣснѣйшую связь, и въ послѣдующіе годы о дружбѣ русскихъ и испанскихъ братьевъ не поминается вовсе. Между тѣмъ, съ полномочіями отъ Испанскаго Востока въ 1818 г. присланъ былъ Великій Обрядоначальникъ Испанскаго Капитула, донъ-Жуанъ ванъ-Халенъ, въ Орденѣ Velox, предложившій подъ условіемъ нерушимой сокровенности полное единеніе Русскаго и Испанскаго Капитуловъ, сообщеніе всѣхъ работъ и даже mot de semestre, включающее программу на каждый годъ и обычно составлявшее важнѣйшую тайну. Союзъ не былъ принятъ, какъ нѣчто оформленное, опредѣленное, по причинѣ непрочнаго положенія Каменщическаго сообщества въ Испаніи, гдѣ оно не пользовалось расположеніемъ правительства и гдѣ многіе братья Каменщики даже подверглись гоненію. Графъ Віельгорскій, выражая мнѣніе Капитула, однако удостовѣрилъ ванъ-Халена въ неизмѣнной готовности русскаго братства оказывать помогу всѣмъ испанскимъ братьямъ, страдающимъ за принадлежность къ братству, и тотчасъ же испанскому посланцу, направлявшему путь свой въ Англію, была выдана денежная помощь. Любопытно, что графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ также оказалъ ванъ-Халену помощь именемъ союза Великой ложи Астреи и что въ 1819 г. испанскій масонъ-гонецъ, на возвратномъ пути изъ Англіи чрезъ Россію, вернулъ россійскимъ братьямъ одолженныя ими деньги.

Во всѣ послѣдующія годины Каменщическихъ работъ въ Россіи происходилъ непрестанный обмѣнъ членскими списками, краткими отчетами

о дѣятельности съ иноземными Востоками; слово «чужеземецъ» смѣнялось словомъ «братъ» при входѣ въ дружественную ложу, но послѣ предварительныхъ строжайшихъ испытаній.

Русскіе масоны, посвященные за границею, принимались въ соотвѣтствующую степень каждой системы лишь въ томъ случаѣ, если принесутъ всѣ присяги предшествовавшихъ степеней на открытомъ Евангеліи и обнаженномъ мечѣ и докажутъ знанія всѣхъ тайнъ пройденныхъ степеней.

Графъ Віельгорскій силу союза видѣлъ въ крѣпчайшей, законами установленной организаціи и очень прилежалъ [1]) къ лучшему устроенію ввѣренныхъ ему ложъ.

8-го февраля состоялось собраніе Верховнаго Совѣта для заслушанія проекта законовъ преобразованной Шотландской Директоріи. Послѣ обсужденія проектъ былъ утвержденъ и подписанъ, а затѣмъ постановлено: законы дать переписать и за подписаніемъ всѣхъ членовъ совѣта и приложеніемъ печати передать Директоріи для исполненія.

Утвержденные [2]) законы ставили Шотландскую Директорію въ полную зависимость отъ Верховнаго Совѣта Капитула Феникса. «Она подчинена учрежденному при Капитулѣ Феникса на Востокѣ Спб. Верховному Совѣту, отъ коего во всѣхъ случаяхъ получаетъ разрѣшеніе и предписанія, исполняя ихъ въ точности, безъ всякаго относительства и отдавая ему отчетъ во всемъ своемъ управленіи».

Въ 81 параграфѣ заключены всѣ законоположенія, до мельчайшихъ подробностей вырисовывающія устроеніе Директоріи, главная цѣль коей «блюсти» и «распространять» истинное шотландское масонство древней системы, «ограждать братьевъ отъ вліянія вредныхъ системъ», «охранять отъ бѣдствій и гибели». Въ первоначальной редакціи законовъ Директорія именуется «Правительницей и хранительницей конституціи древней, называемой шведской, системы». «Шотландская Директорія есть начальство, управленію коего подчинены всѣ составленныя изъ шотландскихъ братьевъ» ложи св. Андрея Провинціальнаго союза, и она имѣетъ власть и право съ утвержденія Верховнаго Совѣта «остановить и даже вовсе закрыть» работы въ подвѣдомственныхъ ей ложахъ «непокорныхъ или неблагонадежныхъ».

Работы Директоріи происходить должны въ особой комнатѣ, все убранство коей составляетъ длинный столъ, крытый краснымъ сукномъ съ вышитымъ на немъ зеленымъ крестомъ св. Андрея; на столѣ св. Библія и сѣкира. Ни пріемныхъ, ни поучительныхъ ложъ Директорія не держитъ, ибо единственный ея «предметъ»—все то, что относится къ благоустройству подчиненныхъ ей ложъ св. Андрея, однако каждое собраніе ея начинается и кончается молитвою [3]).

---

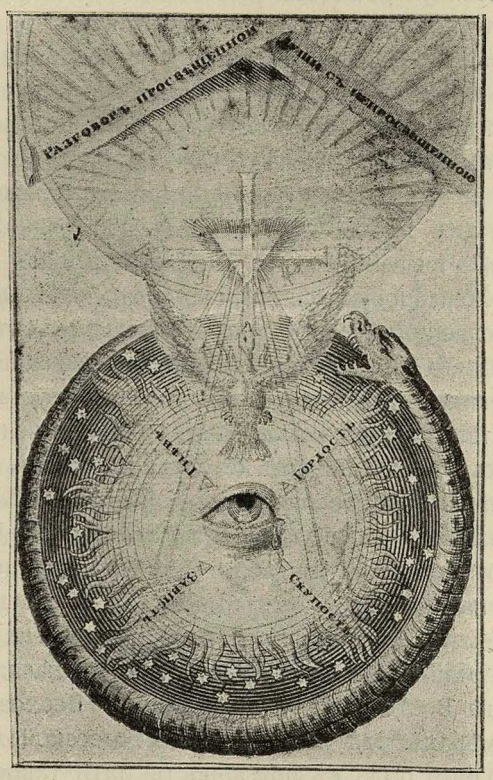
[1]) Имп. Моск. и Рум. Муз. Масонскія рукописи № 1950. Протоколы и документы Верховн. Совѣта и Капит. Феникса.

[2]) ibid. № 1946. Уставъ шотландскихъ ложъ и законы шотландск. Директоріи въ нѣсколькихъ спискахъ и редакціяхъ, 1780—1820 г.г.

[3]) См. приложеніе № 4.

Не взирая на стараніе Капитуляровъ, «высокія степени», какъ прозывали Провинціальный союзъ правители Астреи, все не могли оправиться послѣ распада союза и отступленія столь многихъ видныхъ членовъ.

Чѣмъ же объясняется преуспѣяніе Астреи? Главнымъ образомъ, обнародованіемъ законовъ, до мельчайшихъ подробностей, опредѣлявшихъ предѣлы масонской верховной власти, вводившихъ строго организованное масонское судопроизводство и общій распорядокъ. Астрея сразу вошла въ



Гравюра изъ сочиненія Іак. Бёма, «Christosophia или путь къ Христу».
Изд. 1815 г. Изъ собр. Д. М. Остафьева.

моду, организація ея почиталась образцовою и многіе братья въ успѣшномъ развитіи вновь созданнаго союза видѣли доказательство превосходства выборнаго, отвѣтственнаго правленія надъ іерархическимъ, неограниченнымъ, самовластнымъ. Правительство выражало союзу свое благорасположеніе; вновь создававшимся ложамъ Государь не препятствовалъ именоваться въ его честь, и въ торжественныхъ собраніяхъ говорилось о поддержкѣ Ордена Императоромъ Александромъ I. Когда же въ союзѣ Астреи для братьевъ высокихъ степеней былъ организованъ особый ритуальный

Капитулъ, вѣдавшій ихъ дѣлами и даже выдававшій грамоты и акты ложамъ для работъ въ высокихъ степеняхъ, союзъ быстро сталъ пополняться членами изъ Провинціальнаго союза, которыхъ тяготила его желѣзная дисциплина. Стало вскорѣ замѣчаться охлажденіе къ своему союзу самого Великаго Префекта А. А. Жеребцова, и весною Капитулъ Феникса постигло новое испытаніе: Капитуляры освѣдомились о разрѣшеніи, данномъ Жеребцовымъ на переходъ ложи Сѣверныхъ Друзей въ Астрею.

Въ рукахъ Капитуляровъ была копія съ письма Жеребцова, и имъ предстояло рѣшить почти столь же трудный вопросъ, какъ при уходѣ Бебера: продолжать ли считать Жеребцова членомъ Капитула? Рѣшеніе состоялось лишь позднею осенью, 7-го октября, въ Верховномъ Совѣтѣ, а объявлено въ засѣданіи Капитула 17-го декабря. Постановлено было не считать Жеребцова впредь ни членомъ Совѣта, ни Великимъ Префектомъ и поставить его о томъ въ извѣстность письмомъ, приличнымъ высокому званію его и заслугамъ предъ Орденомъ. Въ этомъ же засѣданіи возглашенъ новый Великій Префектъ гр. М. Ю. Віельгорскій.

Письмомъ къ Жеребцову не спѣшили; оно отослано было лишь въ январѣ 1819 г., но преисполнено учтивствъ: на отошедшаго отъ союза призывалась не кара праведнаго неба, а благословеніе Всевысочайшаго Архитектора.

Капитулъ Феникса, однако, былъ твердъ; неустанно работая по насажденію масонства, онъ неизмѣнно слѣдовалъ намѣченной цѣли, и Капитулярамъ вмѣнялось въ обязанность не только слѣдить за преуспѣяніемъ ложъ, но давать имъ желанное направленіе. Такъ, А. П. Римскому-Корсакову [1]) поручено было развить одесскую ложу Эвксинскаго Понта, и онъ, преуспѣвъ, прислалъ отчетъ 27-го сентября 1818 г., писанный на возвратномъ пути, въ Москвѣ, начинавшійся такъ: «Высокопросвѣщенный Верховный Совѣтъ союза Великой Провинціальной ложи, отъ члена брата А. П. Римскаго-Корсакова. Преданность и любовь! Когда въ началѣ текущаго года, въ бытность мою на Востокѣ Спб., въ засѣданіи Верховнаго Совѣта разсуждаемо было о мѣрахъ для благосостоянія одесской ложи Эвксинскаго Понта, то вмѣнено мнѣ было въ обязанность дать такое, съ Божіею помощью, направленіе тамошнимъ членамъ, чтобы современемъ открыть тамъ можно было шотландскую ложу. Благодареніе Великому Строителю Вселенной, сему важному дѣлу положено основаніе».

Прилагая просьбу о разрѣшеніи на открытіе ложи св. Андрея отъ членовъ одесской ложи, онъ проситъ не замедлить отвѣтомъ, дабы не расхолодить братьевъ. Винясь въ томъ, что самолично ввелъ нѣкоторыя дополненія къ актамъ, «сообразуясь съ состояніемъ духа» членовъ ложи, онъ проситъ утвердить измѣненія, ибо братья «столь чувствуютъ себя довольными, что всякая перемѣна можетъ показаться имъ непріятною». 7-го октября письмо уже было заслушано въ Капитулѣ, разрѣщено желае-

[1]) Имп. Моск. и Румянц. Музей. Масонск. рукоп. № 1950.

мое наименованіе «Трехъ царствъ природы» и дѣлу данъ дальнѣйшій ходъ. О распространеніи шотландскихъ ложъ особенно прилагалось стараніе, ибо въ нихъ готовились будущіе бойцы и насадители идей союза. Въ ложахъ св. Андрея прививались братьямъ «высокіе порывы», воспитывались мыслители-мистики.

Творенія извѣстныхъ мистиковъ были духовною пищею шотландскихъ ложъ: Іоаннъ Арндтъ, Яковъ Бемъ, Жанна Марія де ла Мотъ Гіонъ, Генрихъ Юнгъ Штиллингъ, Карлъ Эккартсгаузенъ и др. старательно изучались.

Переводчика и издателя многихъ мистическихъ книгъ Александра Федоровича Лабзина особенно чтили. Въ шотландскихъ ложахъ и въ Капитулѣ, братъ высокихъ посвященій, правящій независимой ложею, не числившійся членомъ союза, Лабзинъ могъ посѣщать всѣ ложи, «когда заблаго-разсудитъ», ибо «всѣмъ извѣстенъ по отличнымъ своимъ талантамъ и въ особенности по трудамъ изданія» въ истинномъ духѣ свободныхъ Каменщиковъ [1]).

Въ 1819 г. Великій Префектъ Капитула гр. Віельгорскій былъ озабоченъ все явственнѣе выступавшимъ неблагорасположеніемъ къ работамъ Каменщическимъ—и правительства, и части общества. «Всѣ состоянія ненавидятъ и гонятъ масоновъ», повторяетъ онъ не разъ и призываетъ братьевъ къ величайшей осторожности въ обхожденіи съ непосвященными, вящей осторожности еще въ пріемахъ новыхъ членовъ въ ложи. Пусть кругъ будетъ малъ, но крѣпокъ,—вотъ его мнѣніе и мнѣніе всѣхъ Капитуляровъ, ибо въ переходное время большое число не крѣпкихъ духомъ братьевъ всегда бывало во вредъ. Но ограничивая пріемныя собранія, Віельгорскій увеличиваетъ число поучительныхъ ложъ, и засѣданія въ различныхъ ложахъ союза распредѣляются такимъ образомъ, чтобы ежедневно усердный братъ могъ быть въ кругу посвященныхъ. Пламенными рѣчами выдѣляются: Андрей Петровичъ Римскій-Корсаковъ, Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ и Николай Александровичъ Головинъ [2]).

Въ то время, какъ графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ изыскиваетъ средства заслужить полезною дѣятельностью на почвѣ благотворенія благоволеніе правительства и даже испрашиваетъ чрезъ посредство министра полиціи С. К. Вязмятинова и министра духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына

---

[1]) Импер. Публ. Библ. Рукоп. отд. F. III. 72. Протоколъ ложи Сфинкса 9 февраля 1814 г.

[2]) Римскій-Карсаковъ—ст. сов., нач. отд. въ Мин. Вн. Д.; посвященъ въ ложѣ Елис. къ Добр. въ 1811 г. Нам. мастеръ—въ шотл. ложѣ Александра Златаго Льва, Вел. Секр. Капит. Феникса. Съ 20 октября 1819 г.—мастеръ стула ложи Трехъ Добродѣтелей. Орденское имя—Рыцарь Пчелы; девизъ—Трудъ лучше всего соединяетъ. Кайсаровъ-камергеръ; прокуроръ сената; позднѣе—дѣйств. тайн. сов., сенат., 1-й надзир. ложи Елис. къ Добр.; риторъ шотландской ложи Алекс. Злат. Льва съ ноября 1818 г. Головинъ—статск. сов.; въ орденѣ—Рыцарь Рыбарь съ девизомъ Трудъ и постоянство. Членъ ложи Ищущихъ Манны. Имѣлъ большое вліяніе въ московскихъ масонскихъ кругахъ, какъ высокообразованный и умный братъ.

покровительство Государя, Великіе Капитуляры озабочены сосредоточеніемъ власти надъ братіею въ крѣпкихъ рукахъ. Все бо̀льшія строгости вводятся въ правленіи Провинціальнымъ союзомъ, отмѣняется свобода выборовъ должностныхъ лицъ въ ложахъ съ тѣмъ, чтобы впредь таковые назначались только Капитуломъ, а въ устроеніи Директоріи самого Капитула возвращаются къ древнему порядку выдѣленія изъ Верховной Директоріи невидимыхъ начальниковъ.

3-го апрѣля въ засѣданіи Орденскаго Совѣта, графъ Віельгорскій въ пространной рѣчи описалъ всѣ преобразованія, свершенныя за послѣднее время въ Орденскомъ правленіи, и пояснилъ, что крайнія обстоятельства побудили его совмѣстно съ С. С. Ланскимъ возобновить древне существовавшее высшее правленіе Ордена, которое и будетъ именоваться «Верховною Директоріею» и состоять изъ однихъ Командоровъ. Имена Командоровъ, за исключеніемъ двухъ, его и Ланского, пребудутъ неизвѣстными.

Въ это-то трудное время Россійское братство было огорчено ожидавшейся со дня на день кончиной И. В. Бебера, тихо угасавшаго.

Въ письмѣ отъ 5-го іюля 1820 г. одного изъ Капитуляровъ къ другому, Рыцаря Прозорливаго къ Рыцарю Великаго Орла, читаемъ:

«La faulx du temps est sur le point de s'apésentir sur notre bien vénéré et bien aimé frère Boeber qui est déjà préparé à s'embarquer dans la barque de Caron pour parcourir les voyages aériens qui conduisent à la béatitude. Nous regretterons tous amèrement un aussi digne frère». Письмо не было еще отослано, когда въ ночь съ 15 на 16 іюля Беберъ скончался, о чемъ и сообщалось въ припискѣ: «Le plus vertueux des hommes, le meilleur des maçons a terminé sa longue et pénible carrière, pleurons sur sa perte, mais envions sa destinée». «Сіе плачевное происшествіе весьма скоро распространилось между масонами», — сообщалъ циркуляръ, разосланный масонской братіи съ «начертаніемъ похоронъ» Бебера. «Масоны встрѣчали другъ друга на улицахъ съ видомъ прискорбія и унынія, со слезами на глазахъ; они, пожимая другъ другу руку, вѣщали съ выраженіемъ глубочайшей скорби—Беберъ скончался; сіи слова означали: мы лишились нашего отца, нашей подпоры, нашего лучшаго друга! Траурная доска Великой ложи Астреи возбуждала горесть, а предметъ ея еще того болѣе и потому никто не хотѣлъ пропустить, чтобы не воздать послѣдняго долга почившему». Кончина Бебера объединила оба союза общимъ горемъ великой утраты «истинно мудраго» масона, «руководившаго братій примѣромъ великихъ добродѣтелей».

На похороны Бебера, къ 6 час. веч. 18 іюля, въ церковь св. Екатерины, близъ 1-й линіи Васильевскаго Острова, собрались члены обоихъ союзовъ, «всѣ, кто по лѣтнему времени въ столицѣ или по близости пребываніе имѣли». Посреди церкви, разубранной зеленью, на катафалкѣ былъ гробъ, на немъ мечъ и шляпа, а по катафалку размѣщены гербы и ордена отошедшаго въ вѣчность. Два масона въ печальныхъ шарфахъ стояли возлѣ

гроба. Пасторъ Цахертъ сказалъ надгробное слово, и воспѣта была масонская кантата, сочиненная масономъ капельмейстеромъ Затценгоферомъ. Печально величественная кантата тронула сердца, и въ церкви воцарилось горестнѣйшее молчаніе.

Вмѣстѣ съ офицерами 2-го корпуса масоны взялись за скобы гроба, когда поданъ былъ знакъ къ выносу, и они же окружили гробъ и шли слѣдомъ, наблюдая, чтобы члены Великихъ ложъ были впереди и всѣ вмѣстѣ. Далѣе слѣдовала семья почившаго и большой отрядъ воспитанниковъ корпуса. Многіе братья несли предъ гробомъ похоронные жезлы, другіе — подушки съ орденами, всѣ же прочіе «цвѣты и вѣтви лиственныя». Вкругъ шествія пламенѣли возженные погребальные свѣтильники, несли ихъ младшіе братья. День воскресный привлекъ на улицы много досужихъ обывателей, торжественное шествіе обращало вниманіе и толпа провожающихъ увеличилась и содѣлалась великою, когда къ 9 часамъ вечера достигла вратъ кладбища.

Масоны окружили могилу; масонъ пасторъ Августъ Ганъ произнесъ, благословляя, послѣднія слова любви и мира, громкій гимнъ огласилъ тишину кладбища; пѣли хоромъ всѣ масоны.

Печать Верховной Директоріи союза Великой Провинціальной ложи.
Импер. Моск. и Румянц. Музей.

26-го іюля состоялось печальное засѣданіе, посвященное памяти Бебера, и постановлено «на могилѣ его воздвигнуть мавзолей, дабы возвѣстить грядущимъ поколѣніямъ неразрывность священныхъ узъ, сопрягающихъ истинныхъ Каменщиковъ».

Великая траурная ложа свершена была много позже, 29-го декабря, въ присутствіи болѣе 500 братьевъ, съ наблюденіемъ всѣхъ ритуаловъ и возможнаго торжества.

Память Бебера одинаково чтилась братьями всѣхъ системъ. Семьѣ почившаго оказана была большая подмога, но, не ограничившись этимъ, подпискою, собрано 2.620 руб. на памятникъ, для коего три почтенныхъ брата потрудились сочинить проектъ: К. А. Леберехтъ [1]), Виттенгеймъ [2]) и Ф. Вендрамини [3]). Кромѣ сего, чтитель покойнаго, графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ, принесъ въ даръ братству бюстъ Бебера къ Іоаннову дню 1821 г.

---

[1]) Карлъ Александровичъ Леберехтъ, ст. сов., главный медальеръ СПБ. Монетнаго Двора; скончался 30 сентября 1827 г.

[2]) Оттонъ де Виттенгеймъ, статскій совѣтникъ.

[3]) Францъ Вендрамини, 1778—22 февраля 1856 г.; граверъ пунктиромъ; профессоръ гравированія на мѣди.

Наступилъ 1821 годъ. Ложи въ Польшѣ въ этомъ году закрылись, говорилось о возможности закрытія ложъ въ Россіи, но сами говорившіе не вѣрили тому.

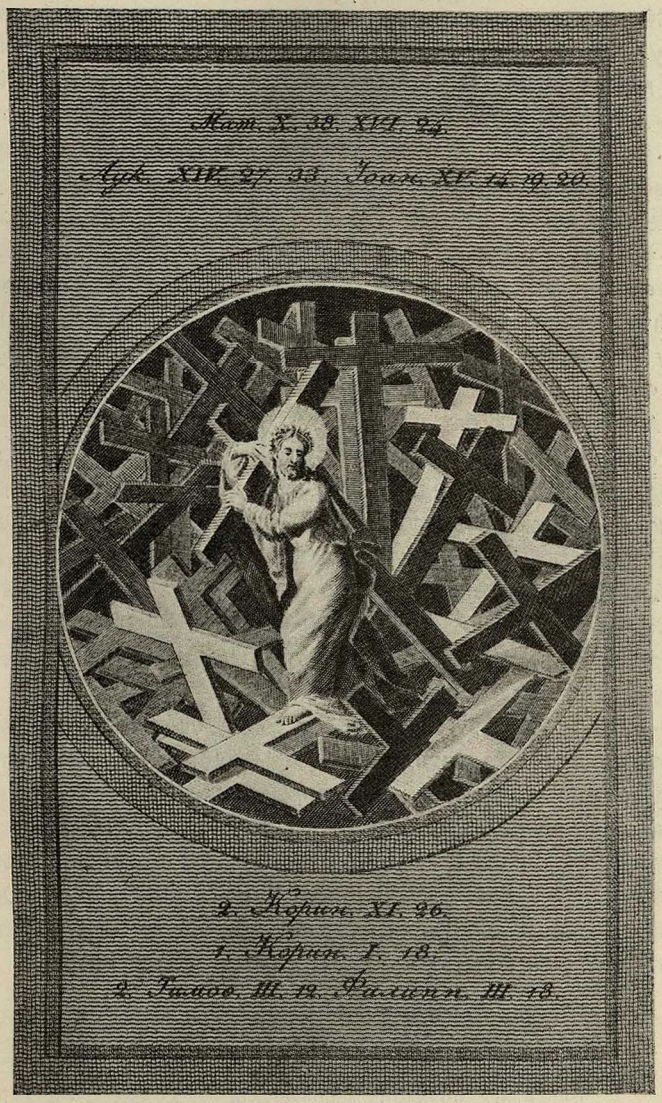
Въ Орденѣ С. С. Ланской обрѣлъ большее значеніе, нежели гр. Віельгорскій; властный характеръ едва ли не былъ тому главною причиною, точность и планомѣрность въ работѣ содѣйствовали впечатлѣнію на всю братію, а потому, когда рѣшено было открыть новую тайную ложу теоретической степени въ Петербургѣ, гр. Віельгорскій вошелъ въ нее членомъ, а Ланской предсѣдателемъ. Открытіе состоялось 7-го апрѣля, въ Великій Четвертокъ, рѣчью Ланского; ложа была посвящена Св. Іоанну Богослову.

Хрустальный кубокъ для вина съ символами высокаго посвященія.
Собран. П. И. Щукина.

Длинна, витіевата была рѣчь Ланского, но не красивыми оборотами, не глубоко продуманными нравоученіями важна она для изслѣдователя, а упоминаніемъ о высокихъ Орденскихъ начальникахъ, коими онъ призванъ къ работамъ. «Отеческими попеченіями Ордена мы не оставлены», восклицаетъ Ланской, «не только разрѣшено, но и повелѣно намъ собираться межъ собою и поучаться. Получивъ приказаніе заниматься съ вами, я съ трепетомъ приступаю къ сему, но долгъ повиноваться начальству подкрѣпляетъ меня!» Онъ приглашаетъ собравшихся возблагодарить за особое попеченіе. Рѣчь Ланского не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что существовалъ дѣйствительно тотъ Невидимый Капитулъ, коему повиновались и за страхъ, и за совѣсть правившіе Капитуломъ Феникса въ Россіи, наивысшіе, извѣстные намъ до сего времени русскіе масоны. Кто были эти неизвѣстные Орденскіе начальники и гдѣ имѣли они пребываніе, о томъ до нынѣ неизвѣстно. О деректівахъ же этого невидимаго Капитула позволяетъ намъ судить лишь дѣятельность выдающихся масоновъ, членовъ Капитула Феникса.

Ярко мистическая окраска новой тайной ложи обрисовывается уже первымъ собраніемъ, на коемъ свершенъ былъ обрядъ Воспоминанія Тайной Вечери съ преломленіемъ хлѣба и отпитіемъ вина во оставленіе грѣховъ. Хлѣбъ переломилъ С. С. Ланской, ибо духовнаго лица въ средѣ петербургской братіи тогда не было, а по правиламъ Капитула обрядъ свершать могъ каждый братъ чистой жизни. Ланской увѣщевалъ братьевъ начать «путь Креста» въ бореніи со зломъ.

Капитулъ Феникса въ то же время озабоченъ былъ работами тайной ложи въ Москвѣ, подъ руководствомъ П. И. Голенищева-Кутузова, почитая ее «зданіемъ на пескѣ», ибо Управляющій Мастеръ этой ложи



Съ гравюры внѣ текста изъ сочиненія «Таинство Креста Іисуса Христова и членовъ Его».
Издан. 1814 г. Изъ собран. Т. О. Соколовской.

имѣлъ много враговъ. Капитуляры прибѣгнули къ чрезвычайной мѣрѣ для сокрытія работъ тайной ложи Нептуна и для снятія съ себя отвѣтственности въ ея работахъ въ будущемъ; рѣшено было испросить учредитель-

ную грамоту отъ Великой ложи Астреи для новой ложи, въ которую войти намѣрены «отдѣлившіеся по наружности члены ложи Нептуна». Ложа «Гарпократа, которая есть явная, учреждается единственно для прикрытія ложи Нептуна, которая есть тайная», гласило объясненіе, и грамота новой ложѣ, выданная Капитуломъ Феникса, предписывала «единодушіе, согласіе и любовь между обѣими ложами, по наружности составляющими лишь разныя тѣла, онѣ по внутренности должны быть единая душа, единый духъ, единая мысль». По наружности новая ложа входила въ составъ союза Астреи, тайно же она ставилась въ полное подчиненіе Капитулу Феникса.

Таковой распорядокъ доказываетъ, что союзъ Астреи считался въ большей безопасности, нежели союзъ Великой Провинціальной ложи. Не взирая на то, что сенаторъ Е. А. Кушелевъ, избранный Великимъ Намѣстнымъ Мастеромъ Великой ложи Астреи, въ докладныхъ запискахъ Государю, свидѣтельствовалъ о вольномысліи многихъ членовъ, о «несвойственномъ духу Россійской Имперіи выборномъ конституціонномъ» правленіи, Капитулъ Феникса ставилъ зависящія отъ него ложи подъ охрану Великой ложи Астреи, какъ бы признавая тѣмъ себя не въ силахъ открыто защитить свой союзъ. Но съ другой стороны, въ это же самое время, Капитуляры одерживали большую побѣду: задуманное сразу же послѣ раздѣленія союза возможное возсоединеніе было рѣшено; Великая ложа Астрея уступила и 12-го іюня предложила всѣмъ ложамъ своего союза «введеніе однородной системы для всего Ордена возвращеніемъ къ принятой нѣкогда въ Великой Директоріальной ложѣ Владиміра къ Порядку истинной, древней, шведской системѣ»; кромѣ того, рѣшено въ Уложеніи уничтожить параграфы о терпимости ко всѣмъ системамъ.

29-го іюня князь А. Н. Голицынъ сообщилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о послѣдовавшемъ запрещеніи печатать «масонскія пѣсни и другія сочиненія», т. е. накладывалось veto на масонскую литературу.

Все же, не взирая на явные признаки надвигавшагося запрещенія, масоны какъ бы не вѣрили въ его возможность. 12-е декабря было отпраздновано съ обычнымъ торжествомъ; поэтъ Николай Ѳедоровичъ Остолоповъ [1]) сочинилъ особую оду, которая въ рукописи роздана была братіи.

Привожу эту любопытную оду въ краткомъ варіантѣ.

«Ликуй, о сонмъ друзей священный!
Сей день на радость обреченъ;
Въ сей день монархъ нашъ несравненный
Для блага подданныхъ рожденъ!
Въ сей день природа торжествуетъ,
Она ярчайшій свѣтъ даруетъ
Полночнымъ счастливымъ странамъ,

[1]) Родился 1783 г., † 1833 г. Писатель, поэтъ, хорошо образованный, онъ занималъ также и общественно-гражданскія должности; такъ въ 1814—1819 гг. былъ Вологодскимъ вице-губернаторомъ, съ 1825—27 г. — директоромъ Спб. театровъ.

И мракъ скрывается ужасный,
И солнца лучъ крестообразный
Скорѣй является очамъ.

Не исчислять твои дѣянья,
Благословенный царь сердецъ,
Не обращать другихъ вниманье
На твой безсмертія вѣнецъ,
Сіяющій въ звѣздахъ Эфира,
Моя стремится нынѣ лира!
Ей не достичь сей высоты,
Хочу въ сердечныхъ выраженьяхъ
Вѣщать о тѣхъ благотвореньяхъ,
Ка..ія намъ являешь Ты!

Судьбы всегда непостижимы.
Почти отъ первыхъ міра лѣтъ
Бывали мудрые гонимы!
Ужели ненавистенъ свѣтъ,
Намъ обличающій пороки,
Ужель высокіе уроки
Любить и ближнихъ, и Творца
И отгонять зловредны страсти
Могли вовлечь людей въ напасти
Въ развратъ повергнуть ихъ сердца!

О, памятны еще тѣ годы,
Возлюбленные братья, вамъ,
Какъ не было и здѣсь свободы
Масонамъ посѣщать свой храмъ,
Какъ суевѣрье угрожало
Простерти ядоносно жало
На кругъ избраннѣйшій мужей...
Но—днесь... угодно Высшей волѣ,
Да насъ ничто ужъ не страшитъ,
Днесь съ Александромъ на престолѣ
Сама Премудрость возсѣдитъ.
Она свой взоръ къ намъ обращаетъ
И съ видомъ благостнымъ вѣщаетъ:
«Я знаю вашихъ цѣль работъ!
Она священна и полезна;
Васъ не постигнетъ участь слезна,
Отъ прежнихъ бѣдъ,—я вамъ оплотъ!»
Какъ мореходецъ отъ волненья,
Обрѣтшій въ пристани покой,
Лишь чувствуетъ восторгъ спасенья,
Благословляя жребій свой,
Такъ мы забудемъ всѣ страданья...
Прошли годины испытанья,
И радость, радость нашъ удѣлъ!
Связуйся крѣпче узелъ братства!
Мы счастливы, намъ нѣтъ препятства
Для добрыхъ и великихъ дѣлъ!» [1]).

[1]) На тотъ же торжественный день была сочинена еще и другая ода, воспѣвавшая монарха-человѣка: «Народовъ сильныхъ побѣдитель, онъ славою вѣнчалъ свой вѣкъ, но блага подданныхъ рачитель, онъ вмѣстѣ—царь и человѣкъ» и т. д.

Въ болѣе пространномъ варіантѣ этой оды масоны молятъ Великаго Строителя міра о ниспосланіи долгоденствія доброму монарху, о дарованіи возможности свободнымъ Каменщикамъ завершить строеніе духовнаго храма, дабы воскресить златой вѣкъ въ Россіи. Особенно обращаетъ вниманіе восклицаніе Остолопова о несуществованіи препятства къ производству масонскихъ работъ и приглашеніе радоваться, что всѣ годины испытанія миновали,—именно въ такой моментъ, когда эти годины возобновились въ Россіи. Вольные Каменщики попробовали вновь прибѣгнуть къ пріему И. В. Лопухина, издавшаго въ царствованіе Императрицы Екатерины II извѣстный нравственный катехизисъ франкъ-масонскій, съ цѣлью доказать «до очевидности» изложеніемъ правилъ Орденскихъ — благонамѣренность россійскихъ братьевъ Каменщиковъ. При усилившемся контролѣ надъ ложами, масоны ни минуты не могли сомнѣваться, что ода, написанная масономъ-поэтомъ на день рожденія Императора и произнесенная на торжественномъ собраніи, въ присутствіи многочисленной братіи, не будетъ доведена до свѣдѣнія Государя. Смѣлыя слова о Высочайшемъ покровительствѣ, коимъ на протяженіи многихъ лѣтъ пользовались ложи въ Россіи, могли, какъ напоминаніе о быломъ благоволеніи, можетъ быть, еще отвратить надвигавшееся окончательное запрещеніе собраній,—мечтали масоны и тутъ же они утверждаютъ, что ихъ цѣль — поддержаніе вѣры и златого вѣка на основахъ взаимной любви. Остолоповъ не былъ подвергнутъ никакому взысканію за сочиненную имъ вольную оду, потому что еще боролись наверху два теченія, двѣ партіи, и происходили колебанія. Когда по доносу служащаго, въ декабрѣ 1821 г., была запечатана ложа А. Ѳ. Лабзина, Государь послѣ доклада, освѣдомившись, что это была не болѣе какъ обыкновенная масонская ложа, даже выразилъ недовольство и повелѣлъ ее распечатать. Надежды на возможность минованія недовольства, на возвратъ болѣе спокойныхъ годинъ не оставляли многихъ масоновъ и въ далекой провинціи, какъ и въ столицахъ возникали новые кружки, т. е. масоны объединялись въ новыя ложи.

1822 годъ начался обычнымъ порядкомъ, по масонскому счисленію 1-го марта. Для Союза Вел. Провинціальной Ложи отпечатана была роспись работамъ впредь на 12 мѣсяцевъ и роздана братіи. Вѣрными союзу пребывали: Ложи Св. Іоанна Предтечи: Елисаветы къ Добродѣтели, Дубовой Долины къ Вѣрности, Орфея, Трехъ небесныхъ Добродѣтелей и Трехъ Свѣтилъ въ Петербургѣ, Ищущихъ Манны въ Москвѣ и Евксинскаго Понта въ Одессѣ; Ложи Св. Іоанна Богослова: одна въ Петербургѣ и одна въ Москвѣ и ложи Св. Андрея Первозваннаго: Сфинкса и Александра Златаго Льва въ Петербургѣ и Трехъ Царствъ Природы въ Одессѣ.

12-го марта при совмѣстномъ торжествованіи обоими союзами «дня вступленія на прародительскій престолъ благословеннаго Александра», графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ возгласилъ свершившееся единеніе двухъ россійскихъ союзовъ, долгіе годы раздѣленныхъ различіемъ системъ. «1822 годъ, долженствуетъ содѣлаться эпохою въ исторіи Вольнаго Камен-

Любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ.

Къ Римл. V, 5.

Съ гравюры Н. А. Уткина, внѣ текста, изъ сочиненія «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова». Изд. 1820 г.

Изъ собр. Т. О. Соколовской.

щичества», воскликнулъ онъ, ибо союзъ Великой Ложи Астреи принялъ предложеніе возвращенія къ единой общей системѣ, въ таковомъ рѣшеніи усматривая благо для всего братства.

При наблюденіи всѣхъ обрядовъ въ Іоанновъ день, 24-го іюня 1822 г., происходило торжество въ Великой Провинціальной ложѣ; братьевъ собралось много. Съ пламенною рѣчью выступалъ великій витія Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ. Смѣло и даже рѣзко громилъ онъ современное общество, призывалъ къ уваженію добродѣтели и къ признанію въ каждомъ человѣкѣ брата своего, взывалъ къ людямъ, стоящимъ на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы: къ окруженнымъ славою вельможамъ, къ гражданамъ низшаго состоянія, къ призываемымъ на защиту престола и отечества, къ правителямъ народовъ и истолкователямъ законовъ!

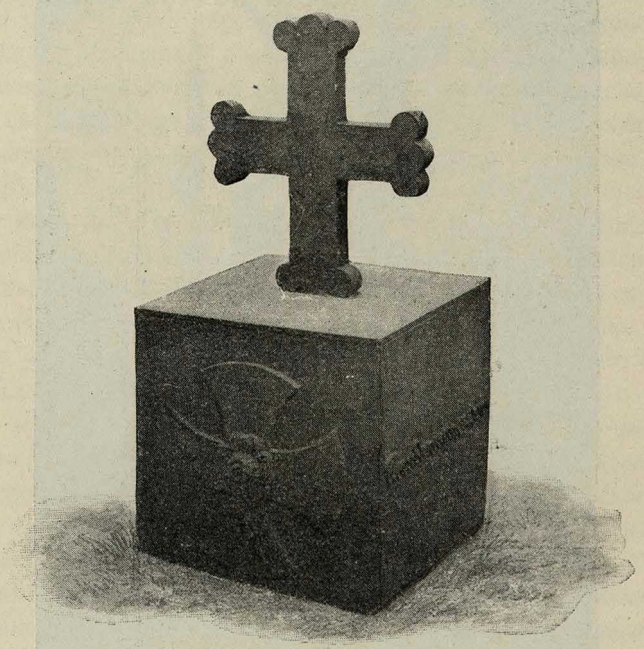
«Вельможа, окруженный славою, властью и блескомъ, при исполненіи своихъ обязанностей—одобреніе совѣсти да предпочитаетъ ласкательствамъ самолюбія и въ самомъ маломъ своемъ подчиненномъ да созерцаетъ онъ такого же человѣка и брата!» «Изобилующій дарами богатства да подаетъ собою примѣръ милосердія къ неимущимъ и да обрѣтаютъ они болѣе наслажденія въ извлеченіи изъ нищеты семейства, нежели въ испещреніи себя и домовъ своихъ убранствомъ и угощеніи ласкателей своихъ жирными столами». «Учители человѣковъ, братьевъ нашихъ, да научаютъ другихъ примѣромъ своимъ терпимости и безкорыстному безпристрастію, да не преслѣдуютъ они человѣка за его слабости, но да излѣчаютъ его отъ порока и да судятъ сами себя съ бо́льшею строгостью, нежели своего ближняго». «Гражданинъ низшаго состоянія да послужитъ примѣромъ честности въ своемъ промыслѣ, благопристойности въ наружномъ обхожденіи и тѣмъ да облагородитъ званіе, въ которое онъ поставленъ Промысломъ». «Призываемый на защиту престола и отечества воинъ въ самомъ пылу сраженія да покажетъ собою примѣръ попечительнаго человѣколюбія». «Правители народовъ и истолкователи законовъ да подаютъ собою примѣръ безмолвнаго имъ повиновенія, исполняя сами законы гражданскіе и волю своего Государя, да уважаютъ они въ гражданинѣ добродѣтель, а не происхожденіе, и ласкательство да не заступаетъ у нихъ мѣсто заслугъ, оказываемыхъ Отечеству». Укоряя братьевъ въ малодушіи, въ боязни насмѣшекъ, онъ призываетъ ихъ къ дѣятельности. «Тотъ себя обманываетъ, кто думаетъ, что съ перемѣною обстоятельствъ онъ успѣетъ еще почистить свое сердце и просвѣтить свой разумъ и обратиться отъ міра къ Богу. Не обстоятельства дѣлаютъ насъ, а мы дѣлаемъ обстоятельства худшими». «Время не ждетъ, дни и годы исчезаютъ, какъ сонъ утренній». Великій масонъ витія напоминаетъ, что въ задачахъ Ордена включено исправленіе всего рода человѣческаго посредствомъ предложенія ему въ членахъ примѣра благочестія и добродѣтели, ибо примѣръ сильнѣе всѣхъ увѣщаній дѣйствуетъ въ сердцѣ человѣческомъ. «Необходимость въ исполненіи сей обязанности», восклицалъ Кайсаровъ, «тѣмъ чувствительнѣе въ

наши времена, что почти всѣ стыдятся быть добродѣтельными и желаютъ лучше казаться загадкою, нежели быть признанными за то, что въ самомъ дѣлѣ суть!» «Въ наши времена, въ которыя величайшіе злодѣи пользуются уваженіемъ, въ которыя лесть предпочитается истинѣ, блескъ — достоинству, такъ называемое умѣнье жить — чистосердечію и благочестію, въ которыя всѣ болѣе или менѣе гордятся быть мастерами притворства, въ

Съ гравюры внѣ текста изъ сочиненія «Истина Религіи». Изд. 1820 г.
Изъ собранія Т. О. Соколовской.

которыя всѣ болѣе или менѣе раболѣпствуютъ эгоизму». Тотъ недостоинъ званія вольнаго Каменщика, кто бездѣйствуетъ; великій витія напоминаетъ о клятвахъ распространять свѣтъ, не щадя жизни, слѣдуя высокому примѣру патрона Ордена св. Іоанна: «Если и явный злодѣй не страшится публично хвастаться правилами и подвигами своими, то неужели ты, носящій званіе Свободнаго Каменщика, ученикъ Іоанновскій, устыдишься показывать собою образецъ добродѣтели?»

Безтрепетная рѣчь Кайсарова сказана была не только съ вѣдома, но по указу Капитула Феникса. Была ли рѣчь эта вызвана убѣжденіемъ въ таковой силѣ Каменщическаго братства, коей ничего страшиться не приходится и все высказывать безнаказанно дозволено? Или рѣчь эта была послѣдній кликъ осужденнаго на смерть, вѣдающаго, что слова, которыя онъ сейчасъ еще сможетъ кликнуть толпѣ, будутъ послѣдними словами? Трудно рѣшить! Можно съ увѣренностью только сказать, что русскіе Вольные Каменщики не ждали столь скораго запрещенія работъ своихъ, и указъ 1-го августа поразилъ ихъ изумленіемъ. Рыцарь Златой Цѣпи писалъ С. С. Ланскому 26-го октября: «Случившееся съ нами было неожиданно, пришло



Памятникъ Н. А. Головину въ Московскомъ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ.

какъ тать, всякое наказаніе такъ приходитъ; кого изъ насъ нашло оно бдящимъ и молящимся?» «Большая часть братій была объята страхомъ и боязнью какого-то гоненія», печалуется онъ и лишь истинные братья вѣрно постигли случившееся, «какъ наказаніе Господне за лѣнь, безпечность и нерадѣніе къ исполненію завѣтовъ Орденскихъ». «Хотя, можетъ быть, истинные, вѣрные и добрыми подвигами подвизающіеся братья ни мало не потеряютъ отъ запрещенія наружныхъ работъ», восклицаетъ С. П. фонъ-Визинъ, «но мы, бѣдные, слабые, страстьми и слабостями обуреваемые, соблазнами внѣшними и внутренними колеблемые братья много потеряли отъ такового запрещенія, мы лишились наружнаго пункта соединенія и вмѣстѣ съ нимъ лишились всѣхъ его благотворныхъ вліяній!» Удрученный членъ Капитула

Феникса ни мгновенія не колеблется въ вѣрѣ, что постигшее несчастье преходяще; крѣпко убѣжденіе его, что Орденъ не можетъ быть уничтоженъ. «Онъ стоитъ и до скончанія вѣковъ непоколебимо стоять будетъ, тьма не обниметъ его свѣта», восклицаетъ онъ въ экстазѣ; чрезъ Орденъ заключенной братской связи уничтожить нельзя, «чувства искренней дружбы остаются неизмѣнны, несмотря ни на какія превратности здѣшняго міра, когда они основываются на единомыслiи и единодушномъ исканіи нетлѣнныхъ благъ».

Исчезъ ли Капитулъ Феникса послѣ запрета масонства? Нѣтъ. Въ 1822 г. онъ утратилъ лишь свой внѣшній образъ, не стало Великой Про-

Памятникъ Н. А. Головину въ Московскомъ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ.

винціальной ложи, но главари, Капитуляры, выработавъ правила еще строжайшія для охраны тайны собраній, продолжали въ тѣсномъ кругу содружество свое еще до 60-хъ годовъ XIX вѣка. Не сбылись мечтанія короля-чародѣя Густава III о сближеніи всего сѣвернаго дворянства: Капитулъ Феникса въ Россіи объединилъ лишь цвѣтъ русскихъ баръ на протяженіи многихъ лѣтъ. До насъ не дошли имена всѣхъ русскихъ Рыцарей Храма, ибо не нашлась еще Великая Рыцарская книга Капитула, гдѣ вписаны имена, родословныя и дѣла ихъ на прочномъ пергаментѣ, намъ неизвѣстны и наименованія всѣхъ ложъ, созданныхъ Капитуломъ, ибо не нашлась еще и Великая Синяя книга, въ коей Великій Префектъ вписывалъ всѣ Россійскія ложи, въ строгомъ послушаніи у Капитула бывшія.

Въ старомъ домѣ І. А. Поздѣева, на окрайнѣ Москвы еще многіе годы послѣ запрещенія сбирались члены Капитула и ревностные братья даже наѣзжали изъ сѣверной столицы. Но домъ строенъ былъ особымъ образомъ, съ заботою, чтобы «мірской шумъ не тревожилъ въ немъ для бесѣдъ собиравшихся» и звуки не проникали въ домъ; не слышны были зато и любопытствующимъ рѣчи, кои говорились на собраніяхъ. Въ 1828 г. посланнымъ изъ Петербурга была взята, по указу правительства, вся цѣнная библіотека, сохранявшаяся въ домѣ Поздѣева, сундуки съ рукописями и символическими украшеніями. Но собранія не прекратились и въ сохранившихся рѣчахъ, говоренныхъ на собраніяхъ, въ этомъ старомъ домѣ С. С. Ланскимъ, гр. М. Ю. Віельгорскимъ, Н. А. Головинымъ, А. І. Поздѣевымъ, были слова все тѣ же, что и до запрета 1822 г.: о борьбѣ со зломъ въ мірѣ и въ самомъ себѣ, о восхожденіи по таинственной лѣстницѣ или о цѣпи, соединяющей міръ земли и тлѣнья съ міромъ духа. На лѣстницѣ этой много ступеней, въ цѣпи—много звеньевъ, но главнѣйшія изъ нихъ—самопознаніе, покаяніе, устройство внутренняго храма, высшее прозрѣніе, у иныхъ ликующій экстазъ, у другихъ великое безмолвіе созерцанія.

Надъ уходившими въ міръ вѣчнаго блаженства, умиравшими вѣрными Рыцарями—братья воздвигали памятники, кресты и пирамиды, изукрашенные эмблемами высокихъ посвященій,—мистическою розою и таинственнымъ Фениксомъ...

Т. Соколовская.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе № 1.

ЗАКОНЫ

Русской Великой Національной ложи, данные 5-го января 1780 г.

§ 1. Понеже Великая Національная ложа русскаго государства имѣетъ подъ своею властью провинціи, населенныя братьями различныхъ народностей, она должна имѣть въ числѣ своихъ Великихъ Чиновниковъ по два для замѣщенія нѣкоторыхъ должностей, какъ это явствуетъ изъ послѣдующаго установленія.

Установленія, касающіяся Великихъ Чиновниковъ Великой Національной ложи.

1. Великій Національный Мастеръ.
2. Два Великихъ Національныхъ Намѣстныхъ Мастера.
3. Два Великихъ Надзирателя: одинъ для русскаго языка, а другой для нѣмецкаго.
4. Два Великихъ Секретаря, также по одному изъ обѣихъ націй.
5. Также два Великихъ Ритора.
6. Одинъ Великій Казнохранитель.
7. Одинъ Великій Хранитель меча или Обрядоначальникъ.
8. Два Великихъ Милостынесобирателя.

Кромѣ того, Великая ложа имѣетъ еще своего Великаго Привратника или Стража.

§ 2. Великій Мастеръ или его Намѣстный Мастеръ имѣютъ власть и право не только присутствовать при работахъ всякой подвластной ложи, но если имъ заблагоразсудится, и руководить работами, имѣя при этомъ Мастера Стула по лѣвую руку. Въ такомъ случаѣ они могутъ брать съ собою обоихъ Великихъ Надзирателей для выполненія своихъ приказаній; однако же братья Великіе Надзиратели не могутъ исполнять свои дожности въ ложахъ ни самовольно въ отсутствіи Великаго Мастера, ни безъ его указа, ибо Великій Мастеръ можетъ поручить временное исполненіе этихъ должностей постояннымъ братьямъ Надзирателямъ ложи или кому-либо изъ прочихъ братьевъ.

NB. Какъ выше указано Великіе Намѣстные Мастера имѣютъ право присутствовать и управлять работающими ложами съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что русскій Великій Намѣстный Мастеръ управляетъ въ русскихъ, а нѣмецкій въ нѣмецкихъ ложахъ.

§ 3. Кромѣ перечисленныхъ въ § 1 Великихъ чиновниковъ, членами Великой ложи почитаются всѣ Мастера, Намѣстные Мастера и Надзиратели подвластныхъ ей ложъ.

§ 4. Великая ложа собирается въ полномъ составѣ своемъ 7 разъ въ году, а именно: въ первый день каждой четверти года и въ три праздничные дня: въ день Св. Іоанна 24 іюня, въ день Усѣкновенія главы Св. Іоанна Предтечи 29 августа и въ день учрежденія Великой ложи 25 мая.

§ 5. Въ квартальныхъ собраніяхъ Великая ложа заслушиваетъ доклады отдѣльныхъ ложъ, подвергаетъ вообще обсужденію все относящееся до вольнаго каменщичества, доводитъ до свѣдѣній братій о введеніи новыхъ установленій, принимаетъ апелляціи союзныхъ ложъ и разрѣшаетъ ихъ соотвѣтственно законамъ; наконецъ, она же сообщаетъ братьямъ о всемъ томъ, что требуется знать союзнымъ ложамъ.

§ 6. Къ торжествованію трехъ великихъ празднествъ Великая ложа можетъ приглашать братьевъ, несостоящихъ ея членами. Какимъ образомъ происходятъ эти торжества согласно древнимъ обычаямъ описано въ особой книгѣ.

Въ дни этихъ торжествъ въ Великой ложѣ не принимаются къ обсужденію никакія дѣла.

§ 7. Кромѣ вышеперечисленныхъ 7 собраній Великій Мастеръ имѣетъ право по мѣрѣ надобности, какъ часто онъ заблагоразсудитъ, собирать Великихъ чиновниковъ.

§ 8. Во всѣхъ общихъ собраніяхъ Великой ложи, каждый членъ имѣетъ одинъ голосъ, Великій же мастеръ два голоса, если дѣло не предоставлено благоусмотрѣнію Великаго Мастера.

Всѣ тѣ братія, кои ранѣе состояли Великими Мастерами, Намѣстными Мастерами и Великими Надзирателями или же продолжаютъ занимать эти должности — состоятъ членами Великой ложи и имѣютъ въ ней свой голосъ.

§ 10. Управляющіе Мастера союзныхъ ложъ, Намѣстные Мастера и Надзиратели являются въ Великую ложу въ своихъ украшеніяхъ. Ежели бы одинъ изъ этихъ должностныхъ лицъ, вслѣдствіе чего-либо помѣшавшаго ему, не могъ присутствовать въ Великой ложѣ, то онъ можетъ своимъ замѣстителемъ послать такого брата, который занимаетъ соотвѣтствующую должность, потому что таковой уже числится членомъ Великой ложи. Ежели же таковаго брата не окажется, онъ взамѣнъ себя никого не посылаетъ.

§ 11. Буде что воспрепятствуетъ брату явиться въ Великую ложу, онъ обязанъ объ этомъ донести. Тотъ, кто, не заявивъ объ этомъ, не явится—подвергается штрафу.

§ 12. Въ часъ, назначенный къ открытію Великой ложи, Обрядоначальникъ вызываетъ всѣ ложи по старшинству ихъ учрежденія. По открытіи ложи Обрядоначальникъ поимянно выкликаетъ всѣхъ сочленовъ, и кто изъ нихъ не окажется налицо, не заявивъ объ этомъ, подвергается штрафу въ пользу бѣдныхъ. Этотъ штрафъ равенъ рублю.

§ 13. Въ послѣдній мѣсяцъ каждой четверти года Великій Мастеръ посылаетъ своихъ Намѣстныхъ Мастеровъ или кого другого изъ Великихъ чиновниковъ для осмотра работающихъ союзныхъ ложъ. Такой братъ снабжается надлежащимъ письменнымъ удостовѣреніемъ въ томъ, что онъ уполномоченъ для осмотра ложъ.

§ 14. Кромѣ того Великій Мастеръ обязанъ въ сообществѣ со своими чиновниками, по меньшей мѣрѣ разъ въ годъ посѣтить работающія союзныя ложи.

§ 15. Въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ Провинціальнаго Мастера, осмотръ поручается старѣйшему Мастеру находящихся тамъ ложъ или иному кому изъ братьевъ, коего признаетъ на то способнымъ Великая ложа.

§ 16. Ежели Мастеръ Стула имѣетъ степень не выше іоанновскаго мастера, онъ обязанъ передать молотокъ шотландскому брату, буде тотъ посѣтитъ ложу, а таковой въ свою очередь тотчасъ обязанъ передать молотокъ брату вышнихъ степеней при входѣ таковаго въ ложу. Этимъ братьямъ самимъ извѣстно, кому они обязаны передать молотокъ.

§ 17. Для Національнаго Мастера въ каждой работающей ложѣ должно поставлять кресло по правую руку близъ алтаря. Это кресло даже въ отсутствіи его никто, кромѣ Великаго Намѣстнаго Мастера занять не имѣетъ права.

§ 18. Поелику нѣкоторымъ Мастерамъ Стула неизвѣстно, какого рода знаки почитанія оказываются братьямъ высшихъ степеней при входѣ ихъ въ ложу, то симъ

предписывается для наблюденія слѣдующее: братья, носящіе пурпурную ленту имѣютъ право пройти черезъ коверъ, носящіе зеленыя ленты — идутъ справа отъ ковра и занимаютъ мѣста на этой же сторонѣ; шотландскіе братья идутъ слѣва отъ ковра и садятся на этой же сторонѣ.

§ 19. Ежели кто-либо изъ братьевъ совершитъ проступокъ, то Мастеръ Стула имѣетъ право позвать его къ себѣ и въ присутствіи чиновниковъ ложи уговаривать его исправиться. Ежели же эти уговоры его не исправятъ, то Мастеръ Стула доводитъ о томъ до свѣдѣнія Великой ложи. Также, ежели бы братъ не былъ доволенъ приговоромъ своей ложи, онъ можетъ апеллировать въ Великую ложу.

§ 20. Ни одинъ Мастеръ Стула не имѣетъ права разрѣшить входъ въ свою ложу такому посѣтителю, который принадлежитъ къ ложамъ, не состоящимъ въ союзѣ съ нами, а особливо къ такимъ ложамъ, кои, работая въ русскомъ государствѣ, не пожелали подчиниться своей законной Матери (т. е. Великой Національной ложѣ). Ежели бы однако Мастеръ Стула вслѣдствіе достоуважительныхъ причинъ желалъ допустить такого брата въ ложу, онъ непремѣнно долженъ испросить на то дозволенія Великаго Національнаго мастера.

§ 21. Для большаго порядка и дабы число служащихъ братьевъ не умножалось чрезмѣрно, Великая Національная ложа на свой счетъ будетъ содержать узаконенное число таковыхъ, кои обязаны будутъ присутствовать въ ложахъ при всѣхъ работахъ и потому ни одна ложа союза не имѣетъ права приводить съ собою въ Великую ложу своихъ служащихъ братьевъ, хотя бы братья высшихъ степеней просили привезти своихъ служащихъ братьевъ для улучшенія услугъ.

§ 22. Хотя бы и полагалось, чтобы Великій Національный Мастеръ и чиновники Великой ложи не управляли союзными ложами и въ нихъ не занимали должностей, однако, принимая во вниманіе теперешнее состояніе Ордена въ здѣшнемъ государствѣ, имъ это разрѣшается.

§ 23. Въ столовыхъ ложахъ должно стрѣлять за слѣдующія здравицы въ такомъ порядкѣ:

1) За здравіе Царствующей Семьи и всѣхъ Великихъ Покровителей Ордена. Эта здравица стрѣляется стоя и ранѣе нежели садятся за столъ.

2) За здравіе Высокопочтенной Шведской ложи и ея Гросмейстера. Стрѣляютъ стоя.

3) За здравіе Русской Національной ложи, ея Великаго Мастера и великихъ чиновниковъ — стоя.

4) За здравіе Мастера Стула — стоя, если онъ не избавитъ отъ этого.

5) Чиновниковъ ложи — сидя.

6) Союзныхъ ложъ.

7) Братьевъ посѣтителей.

8) Новопринятаго или повышеннаго брата.

Къ этой здравицѣ присоединяютъ прочія, за какія пожелаютъ стрѣлять братья.

9) Всѣхъ вольныхъ каменщиковъ, разсѣянныхъ по всему шару земному. При этой здравицѣ составляется цѣпь.

По окончаніи ложи разрѣшается стрѣлять за здравіе сестеръ-каменщицъ, но безъ обрядовыхъ знаковъ [1]).

---

[1]) Переводъ съ нѣмецкаго подлинника, хранящагося въ музеѣ Тверской ученой архивной комиссіи и озаглавленнаго: «Gesetze der Russischen Grossen National Loge. Verordnet den 5 januar Anno 5780. № 196». Рукопись XVIII вѣка, въ листъ, тщательнаго письма, скрѣплена красною сургучною печатью ложи Нептуна.

Приложеніе № 2.

Патентъ князю Г. П. Гагарину [1]).

Во славу Всевышняго, въ святомъ тріединствѣ Великаго Строителя Вселенной.

Мы, Карлъ, Божіею милостіею, наслѣдный принцъ Шведскій, Готскій и Вандальскій, герцогъ Зюдерманландскій, наслѣдникъ Норвежскій, герцогъ Шлезвигъ-Гольштинскій, Стормарскій, графъ Ольденбургскій и Дельменгорскій, просвѣтленный Магистръ и мудрѣйшій Викарій Соломона сѣверной провинціи, образованной изъ Шведскаго и Готскаго государства, Великаго герцогства Финляндскаго и государства Россійскаго, Префектъ и верховный начальникъ всѣхъ, въ областяхъ сихъ законно установленныхъ и правильно работающихъ ложъ св. Андрея и св. Іоанна.

Симъ изъявляемъ всѣмъ Высокопросвѣтленнымъ и Просвѣтленнымъ, Высокопросвѣщеннымъ и Просвѣщеннымъ, Высокопочтеннымъ, Почтеннымъ, Рачительнымъ и Ревностнымъ братьямъ и Рыцарямъ Свободнымъ каменщикамъ, Великимъ Провинціальнымъ Мастерамъ, Великимъ Намѣстнымъ Провинціальнымъ Мастерамъ, членамъ Верховнаго Орденскаго Совѣта, Великимъ Офиціаламъ, Командорамъ, Рыцарямъ Пурпуровой ленты, Рыцарямъ Ближнимъ Соломона и братьямъ Стуартамъ, въ нижнихъ ложахъ предсѣдающимъ Мастерамъ, Намѣстнымъ Мастерамъ, Надзирателямъ и другимъ должностнымъ членамъ ложи, Шотландскимъ Мастерамъ, братьямъ Избраннымъ, Іоанновскимъ Мастерамъ, Собратьямъ и Ученикамъ—миръ, единеніе, спасеніе и благословеніе числами освященными 3, 7 и 9 [2]), а равно и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ Тріединый Богъ, Всевысочайшій Строитель міра, Хранитель Ордена нашего, по милосердію Своему покровомъ Своимъ намъ учинить благосоизволитъ.

Поелику Высокопросвѣтленный Свободный Каменщикъ и Рыцарь Пурпуровой Ленты, князь Гавріилъ Гагаринъ, камеръ-юнкеръ Россійскаго Ея Императорскаго Величества Двора, надлежаще и покорно выполнялъ велѣнія наши, кои нами во славу, поддержаніе и процвѣтаніе Ордена издаются, а равно постоянно нами признаваемъ былъ усерднымъ, стойкимъ, честнымъ, вѣрнымъ и послушнымъ, мы, по испытаніи свершенныхъ имъ работъ, усмотрѣли, что названный князь совершенно усвоилъ Царственное Искусство Вольныхъ Каменщиковъ, а потому, во вниманіе ко всему вышесказанному и въ ознаменованіе искреннѣйшаго дружества передаемъ мы сему сіятельному князю Верховное Управленіе подъ главенствомъ нашимъ надъ всѣми ложами земли Русской, нами утвержденными, съ назначеніемъ его ихъ Обермейстеромъ.

Посему повелѣваемъ мы всѣмъ братьямъ и Рыцарямъ Свободнымъ каменщикамъ, принадлежащимъ союзу русской Провинціальной ложи, Управляющимъ и Намѣстнымъ Мастерамъ ложъ, Надзирателямъ и Офиціаламъ, также и Шотландскимъ Мастерамъ, всѣмъ вообще Избраннымъ братьямъ, Іоанновскимъ Мастерамъ, Собратьямъ и Ученикамъ да послушенствуютъ они поименованному князю и остерегаются преступать присягу, данную ими яко братьями и Рыцарями Свободными Каменщиками добровольно и безъ принужденія, и тѣмъ самымъ не подвергнуть себя обвиненію и наказанію, коему они подлежатъ въ силу данной ими клятвы.

Сіе дано во увѣреніе всѣмъ присутствующимъ, отсутствующимъ и по всему шару земному разсѣяннымъ Братьямъ и Рыцарямъ Свободнымъ Каменщикамъ, коихъ мы совмѣстно съ поименованнымъ княземъ поручаемъ покрову и милосердію Всевысочайшаго Строителя, Великаго Господа Бога.

---

[1]) Провинціальный музей въ городѣ Ревелѣ, собраніе бумагъ ложи Изиды и ложи Трехъ Сѣкиръ. Патентъ сохранился въ нѣмецкомъ текстѣ, съ котораго и сдѣланъ настоящій переводъ со строгимъ соблюденіемъ всѣхъ выраженій обрядниковъ и патентовъ 70 и 80 гг. XVIII вѣка шведскаго обряда въ Россіи.

[2]) Обычное у масоновъ обрядовое выраженіе высшаго благословенія числами всесовершенства духовнаго.

Въ вящее утвержденіе собственноручно подписали мы грамоту сію съ приложеніемъ герцогской печати нашей. Дано на Востокѣ Стокгольма, въ правленіи нашемъ, въ мѣстѣ, гдѣ сіяніе свѣта озаряетъ работы и изгоняетъ мракъ. VII дня V мѣсяца лѣта спасенія 1779.

Карлъ +

Верховный Начальникъ и мудрѣйшій Викарій Соломона.

Фр. Хорнъ + графъ
Намѣстный Провинціальный Мастеръ.

Нильсъ Бьелке + графъ
Оберъ-Канцлеръ.

ф. Стенхагенъ +
Великій Витія.

Павелъ Пфейфъ + баронъ
Великій Инквизиторъ.

Е. ф. Стоккенстремъ + гр.
1-й Вел. Визитаторъ.

С. Левенгауптъ + графъ
2-й Вел. Визитаторъ.

С. ф. Лейонгельмъ + баронъ
3-й Вел. Визитаторъ.

С. А. Вахтмейстеръ + баронъ
1-й Вел. Надзиратель.

А. Н. Стенбоккъ + графъ
2-й Вел. Надзиратель.

С. ф. Плуменфельтъ +
Вел. Казнохранитель.

Фр. Спарре + баронъ
Вел. Дародатель.

І. Г. Оксеншерна + баронъ
Вел. Обрядоначальникъ [1]).

Карлъ Фреденгеймъ
за Великаго Секретаря.

Приложеніе № 3.

Актъ узаконенія 14 русскихъ ложъ герцогомъ Карломъ Зюдерманландскимъ.

«Deo Altissimo, Totius Universi Ter Maximo Conditori Gloria.

Nos Carolus, Dei Gratia, Svecorum, Gothorum, Vandalorumque, Princeps hereditarius Dux Südermanniae, Haeres Norvegiae, Dux Slesvici, Holsatiae, Stormariae et Ditmarsiae, Comes in Oldenburg et Delmenhort etc. Regni Sveciae Supremus Thalassiarcha etc. illuminatissimus Vicarius Sapientissimi Salomonis per Provincias VII et IX consitutus, in quarum ultima situm est Imperium Russicum: Curator et Praefectus omnium in nominatis Provinciis Exercentium Conviviorum St. Andrae et St. Johannis Legitime Consitutorum: Fratribus Nostris Illuminatissimis, Maxime Illuminatis, Illuminatis, Clarissimis, Praeclaris, Claris, Reverendissimis, Reverendis, Sedulis in Opere et Aemulantibus Liberis et Rite Receptis Equitibus Murariis: Supreme Magistro Provinciali, Ejusdem Vicario, Consilio Supremo Prowinciali, Summis Officiariis, Commendatoribus, Purpuratis, Intimi Salomonis, Fratribus Steuardis, Magistris moderamen gerentibus Conviviorum, Eorumque Vicariis, Fratribus Custodiariis et Officiariis reliquis, Magistris, Sociis et Tironibus Convivii S-te Johannis Pacem, Concordiam et Incrementum, per Numeros Sanctos 3, 7, 9 utet quaeque Faustissima Ordinis Nostri, Summus Magister, Dominus et Protector, Totius Universi Ter Maximus Conditor, Nobis largiri dignetur exoptamus.

Benevole annuentes Petitioni Magni Convivii Provincialis in Imperio Russico, pro impetranda Confirmatione Conviviorum S-te Johannis, quae, ad hoc usque Tempus, in dicto Imperio existunt, Institutionem Illorum, praesentibus hisce Litteris Patentibus confirmamus et corroboramus. Et sunt quidem Haec, ad tenorem Rationum Nobis exhibitarum, Sequentibus Numeris Nominibusque: 1. ab *Apolline*: Petropoli. 2. a *Tribus Gladiis*: Moscoviae. 3. a *Tribus Bipennibus*: Revaliae. 4. *Phoenix:* Petropoli. 5. a *Tribus Virtutibus Christianis*: Moscoviae. 6. a *St. Alexandro*: Petropoli. 7. ab *Api*: Moscoviae. 8. a *Stella Corusca*: Petropoli. 9. *Sodalitium Militare*: Kinburniae. 10. a *Muni-*

[1]) Знакъ креста, поставленный послѣ именъ, обычно означалъ «вышнее посвященіе» или принадлежность къ высшему правящему Капитулу.

ficentia: Petropoli. 11. ab *Horo*: Petropoli. 12. a *Neptuno*: Cronstadii. 13. ab *Osiri*: Moscoviae. 14. *Sodalitium Tironum Militarium*, Gallico Idiomate loquens Illis igitur concessum erit, inceptum Oepus prossequi, et Lumen ulterius spargere, secundum Scientias unicuique Convivio proprias; nempe Convivia St. Johannis per Gradus Tironum, Sociorum ef Magistrorum St. Johannis; Ea Conditione, ut Convivio Magno Provinciale in Imperio Russico, Obedientiae Jure, obstricti, et Fastis Convivii Provincialis inscripta sint.

Magistris Conviviorum, Eurumque Vicariis, Fratribus denique Custodiariis, utet reliquis, officiariis, prout Eorem Munera antiquitus instituta feruntur. Omnia Jura, quae illis ad Normam Legum Nostrarum competent, concedimus, Illosque, Altissimi Totius Universi conditoris Tutelae et Praesidio, commendamus.

In quorum Majus Robur hasce Litteras, Manu Nosträ Propriä, Signavimus et Secreto Nostro munivi jussimus. Dabantur in Oriente Metropoleos Holmiae, a Sede Nostra, ubi Luminis Splendor Operi praelucet, et nullus Tenebris locus. Die 18 Mensis 5-te Anno 1780 A: O: R:

Carolus+
Dux Süd:
Nicolaus Comes Bielke
Magn: Cancell: Ord:
Mur: in Su:

Hac Copia in omnibus cum originali concordare attestor.
G. I. de Rosenberg [1]).

Приложеніе № 4.

Молитва при открытіи Шотландской Директоріи.

«Высочайшій Строитель, Спаситель и Господь нашъ! Ниспошли благословеніе Твое на сегодняшнее собраніе наше и даждь намъ духъ премудрости, разума и совѣта въ занятіи нашемъ. Аминь».

При закрытіи Директоріи.

«Благословеніе небесъ да снидетъ на насъ и на всѣхъ истинныхъ шотландскихъ братьевъ и да украситъ оно и обновитъ насъ всѣми нравственными и общественными добродѣтелями. Аминь».

Клятва членовъ Директоріи.

«Я обѣщаюсь и клянусь предъ Всевысочайшимъ Строителемъ Вселенной и предъ собранными здѣсь членами Шотландской Директоріи Союза Великой Провинціальной ложи въ томъ, что яко членъ сея Директоріи употреблять буду вѣрность, усердіе и дѣятельность во всѣхъ распоряженіяхъ касательно Шотландскаго братства въ семъ союзѣ находящагося, неутомимое прилагая попеченіе о благоденствіи и процвѣтаніи онаго. Я обѣщаюсь также оказывать полную довѣренность и повиновеніе начальствующему надъ Директоріею Верховному Орденскому Совѣту и ничего такого не дѣлать и не предпринимать, что могло бы быть противно законамъ отъ оной Директоріи даннымъ. Да поможетъ мнѣ въ семъ Господь Богъ и Его милосердіе. Аминь» [2]).

---

[1]) Ревельскій Провинціальный Музей, собраніе масонскихъ бумагъ, принадлежавшихъ архиву ложи «Трехъ Сѣкиръ», работавшей въ Ревелѣ.

[2]) И. М. Р. М. Масонскія рукописи. № 1946.

Приложеніе № 5.

Призваніе Рыцаря Востока къ вышнему посвященію и одобреніе его примѣрному шествію по стезѣ Добродѣтели.

«Мы, N. N., Великій Мастеръ Рыцарей Востока и Іерусалима, такъ и префектъ Капитула всякому достойному брату Рыцарю Востока и Іерусалима N. N.

Здравіе.

Поведеніе безупречное, жизнь примѣрная, рвеніе, выказанное и доказанное Вами во всѣхъ случаяхъ, вотъ причины, побуждающія призвать Васъ нынѣ къ высшей работѣ и къ познанію происхожденія нашего.

Особая цѣна, придаваемая личности и качествамъ Вашимъ еще увеличится, неразрывныя узы дружества, кои мы заключимъ съ Вами, навсегда соединятъ участь Вашу съ участью нашею и каждаго брата.

Подъ печатью одной и той же клятвы, обязующей насъ нерушимо хранить ввѣренныя намъ тайны Рыцарей Востока и Іерусалима, обращаемся къ Вамъ письмомъ симъ подъ условіемъ сохраненія его въ тайнѣ отъ всѣхъ братьевъ Рыцарей Востока и Іерусалима и предать его по прочтеніи пламени, нынѣ сущаго и прежде бывшаго печальнымъ свидѣтелемъ злосчастныхъ судебъ нашихъ.

Въ силу сихъ обязательствъ Мы повелѣваемъ Вамъ, братъ Рыцарь N. N., явиться . дня . . . мѣсяца . . . года отъ Р. Хр. . . часа въ преддверіе Капитула, наблюдая слѣдующее:

1. Надлежитъ Вамъ быть въ полукафтаньи желтой кожи, либо сукна, въ ботфортахъ со шпорами, вооруженнымъ мечемъ и украшеннымъ лентою Рыцарей Востока и Іерусалима.

2. Надлежитъ Вамъ имѣть при себѣ родословное древо въ доказательство благородства происхожденія Вашего.

3. Надлежитъ Вамъ избрать двухъ воспріемниковъ-поручителей изъ числа офиціаловъ Капитула.

Съ чувствомъ братской любви выражаемъ Вамъ пожеланія блаженства и преуспѣянія во всѣхъ начинаніяхъ Вашихъ. Молимъ Высочайшаго Строителя Вселенныя, да приметъ Васъ, братъ Рыцарь N. N., подъ святое, великое охраненіе Свое [1]).

Дано въ свѣтлѣйшемъ Капитулѣ . дня . . мѣсяца . . . лѣта отъ Р. Хр.

N. N. Великій Мастеръ.

N. N. Секретарь Капитула».

Приложеніе № 6.

Одобрительная грамота князю П. П. Лопухину на представленіе для пріема въ VII степень Рыцарей Храма. Черновикъ.

«Мы, Михаилъ, Eques a Cygno Argenteo, Управляющій Капитуломъ Рыцарей Востока и Іерусалима, такъ какъ и Рыцарей Храма, поздравляемъ любимаго нашего брата, князя Павла Петровича Лопухина, свидѣтельствуя, что мы разсматривали родословную Вашу и, увѣрены будучи, что Вы имѣете качества, которыя по нашему

---

[1]) Переводъ съ французскаго текста. И. О. Л. Др. П. Масонскія рукописи. № 6513. F. CCLXV, 8. Actes concernant le Chapitre des chevaliers d'occident ou Templiers.

уставу потребны для доставленія Вамъ входа въ святилище наше, въ которомъ Вы получите неизреченное благо ближе (познать) происхожденіе Ордена и внидите въ тѣснѣйшую съ нимъ связь, вручаемъ мы Вамъ сію одобрительную грамоту съ тѣмъ условіемъ, что Вы ее сохраните въ тайнѣ отъ прочихъ Рыцарей Востока и по принятіи оной въ Капитулѣ предадите пламени.

Вслѣдствіе сего Вы должны явиться въ преддверіе нашего Капитула въ 17-й день сего мѣсяца и должны избрать двухъ поручителей изъ числа чиновниковъ.

Впрочемъ желаемъ Вамъ благоденствія и успѣха въ благомъ предпринимаемомъ подвигѣ и поручаемъ Васъ храненію святому Великаго Строителя Вселенныя.

Дано въ Высокопросвѣщенномъ Капитулѣ Феникса въ 9-й день 5 мѣсяца, лѣта истиннаго Спасенія 1817» [1]).

Michel Eques a Cygno Argenteo.
I. Comes et Praeses Capitulum Phoenix.

Приложеніе № 7.

Клятва Рыцарей Храма, даваемая во внутреннемъ святилищѣ духовнымъ лицомъ православнаго или лютеранскаго вѣроисповѣданія.

«Предъ лицемъ трижды Великаго Властителя и Строителя Вселенной обязуюсь непрестанно быть въ бореніи со страстями своими, прилагая всевозможное стараніе милостію Божіею одерживать надъ ними верхъ или по крайности не допускать страстямъ покорять себя, но управлять ими во славу Великаго Строителя, на пользу собственнаго себя совершенствованія и въ примѣръ прочимъ всѣмъ собратіямъ своимъ.

Обязуюсь, во-вторыхъ, во всю жизнь свою исповѣдывать истинную вѣру Апостольскую, оставаться неизмѣнно вѣрнымъ исповѣданію своему по самый часъ кончины своей и даже, если бы того потребовали обстоятельства, пожертвовать за вѣру кровью и жизнью своею.

Въ третьихъ, обязуюсь ревностно слѣдовать по стопамъ того, кто мнѣ указалъ путь сей и, елико возможно будетъ, потчтиться собственнымъ поведеніемъ своимъ служить въ примѣръ всѣмъ тѣмъ, сердца и души коихъ мнѣ препоручены будутъ, да возмогу вести ихъ ко славѣ Божіей; обязуюсь также послушествовать приказаніямъ, кои мнѣ даваться будутъ тѣмъ или тѣми, кому принадлежитъ управленіе духовными чинами храма.

Да будетъ мнѣ милостивъ Великій Строитель Вселенныя и да ниспошлетъ благословеніе свое во исполненіе мною нынѣ принятыхъ обязательствъ» [2]).

---

[1]) И. М. Р. М. Масонскія рукописи. № 868.
Князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ (род. 1778 г., † 1873 г.) генералъ-лейтенантъ. Принятъ въ ложу Соединенныхъ Друзей въ 1803 г. Учредитель ложи Трехъ Добродѣтелей, въ которой состоялъ 1-мъ Надзирателемъ съ 11-го генваря 1816 по 1-е февраля 1817 г., Намѣстнымъ Мастеромъ съ 1-го февраля по 14-е іюня 1817 г., Мастеромъ Стула, т. е. управляющимъ съ 14-го іюня 1817 г. по 19-е августа 1818 г. Послѣ посвященія въ 7-ю степень былъ удостоенъ званія Великаго Герольда Капитула Феникса 18-го генваря 1818 г. Орденское имя Лопухина—Рыцарь Восходящаго Солнца.

[2]) Переводъ съ французскаго текста. И. О. Л. Др. П. Масонскія рукописи. № 6513. F. CCLXV, 8. Actes concernant le chapitre des chevaliers d'occident ou Templiers.

Приложеніе № 8.

Образецъ рекомендательнаго письма Рыцарю Храма.

.+.

Во славу Господа, Всесильнаго, трижды Великаго Строителя Вселенной.

.+. .+. .+.

Всѣмъ братьямъ, разсѣяннымъ по шару земному, избраннымъ, просвѣщеннымъ, познавшимъ тайну Царственнаго Искусства.

.+. Здравіе, .+. единеніе .+. и блаженство.

.+. Мы, Великій Мастеръ, изъ числа избранныхъ, освѣдомленный о высокихъ познаніяхъ братьевъ каменщиковъ сообщества N. N. на Востокѣ города N. N., даемъ, по праву и власти намъ присущей, сію одобрительную грамоту брату N. N. для сообщенія братьямъ, коимъ извѣстно число освѣщенное 3. Рвеніе, мужество, постоянство и чистосердечіе доставили ему входъ во внутренній Храмъ Соломоновъ и почетное, достославное наименованіе брата Ближняго Соломона. Мы желаемъ ему всевозможнаго благополучія и преуспѣянія во всѣхъ начинаніяхъ его, препоручая покрову Господа Всесильнаго [1]).

Дано на Высотѣ Востока . . . дня . . . мѣсяца . . въ годъ по Р. Хр. . . . Въ городѣ N. N.

N. N. Великій Мастеръ.

N. N. Канцлеръ.

N. N. Секретарь.

Приложеніе № 9.

Обрядовые знаки, запоны и ленты Шведской системы.

1) Ученики носятъ въ петлицѣ кафтана неполированную серебряную лопатку, подвѣшенную на бѣломъ кожаномъ ремешкѣ. Запонъ ихъ изъ бѣлой кожи [2]).

2) Подмастерья носятъ серебряныя полированныя лопаточки, подвѣшенныя на бѣлыхъ ленточкахъ. Ихъ запоны изъ бѣлой кожи, обшиты бѣлыми ленточками и украшены тремя бѣлыми розетами изъ лентъ.

3) Мастера носятъ нашейную ленту, цвѣта, принятаго ложею; на лентѣ привѣшенъ ключъ изъ слоновой кости. Запоны изъ бѣлой кожи, обшиты лентами и украшены розетами того же цвѣта, какъ нашейная лента.

4) Избранные братья шотландскихъ ложъ носятъ съ лѣваго плеча на правую сторону черную ленту съ бѣлыми полосами. Къ лентѣ привѣшенъ кинжалъ. Кромѣ того, они носятъ нашейную ленту уже чрезплечной, на коей привѣшенъ искусственный черепъ. Запоны ихъ изъ черной кожи, украшены бѣлыми ленточками и 4 бѣлыми розетами. На клапанѣ запона находится черепъ, вышитый серебромъ.

5) Шотландскіе Мастера носятъ съ праваго плеча на лѣвую сторону широкую красную ленту съ зеленой каймой, на коей привѣшена 6-конечная звѣзда съ буквою G въ центрѣ. На шеѣ они носятъ зеленую ленту, на которой привѣшенъ крестъ

---

[1]) Переводъ съ французскаго текста. И. О. Л. Др. П. Масонскія рукописи. № 6513. F. CCLXV, 8. Actes concernant le chapitre des chevaliers d'occident ou Templiers.

[2]) Выдержка изъ обрядника шведской системы; переводъ съ нѣмецкой рукописи Тверской губернской ученой архивной комиссіи.

св. Андрея. Запоны ихъ изъ бѣлой кожи, подбиты и обшиты краснымъ шелкомъ. По серединѣ запона находится 6-конечная звѣзда съ буквою G въ центрѣ. Украшенія золотыя.

6) Братья Стуарты носятъ съ праваго плеча на лѣвую сторону зеленую ленту, на коей находятся 5 красныхъ розетокъ, къ лентѣ привѣшенъ золотой ключъ.

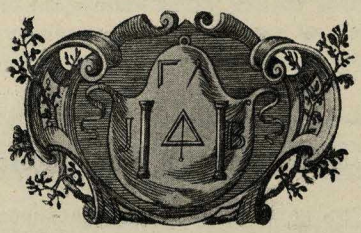
7) Братья Ближніе св. Іоанна имѣютъ тѣ же украшенія, съ тою однако разницею, что лента носится съ лѣваго плеча на правый бокъ.

8) Избранные св. Іоанна носятъ съ лѣваго плеча на правую сторону пурпуровую ленту съ золотой каймой На лентѣ привѣшенъ золотой ключъ.

Всѣ послѣднія три степени имѣютъ однородные запоны изъ бѣлой кожи, подбитые зеленымъ шелкомъ и украшенные зеленымъ крестомъ св. Апостола Андрея, пересѣкающимъ весь запонъ.

9) Командоры (начальники) Ордена свободныхъ каменщиковъ имѣютъ въ отличіе отъ Избранныхъ св. Іоанна еще красную нашейную зубчатую ленту, на коей привѣшенъ красный эмалевый крестъ, въ центрѣ котораго изображена буква В. Ихъ запоны совершенно бѣлые.

Т. Соколовская.



Мурманскій инокъ.

Посвящается памяти архимандрита Іонафана.

Не перевелся у простого люда русскаго, православнаго, старый обычай: тяжкій недугъ, лихая напасть посѣтятъ домъ вѣрующаго человѣка, и несутся горячія молитвы къ небеснымъ заступникамъ, даются зароки и обѣщанія послужить Богу за чудесную помощь въ бѣдѣ. Разнедужился, обмеръ у матери любимый ребенокъ, и готова она отдать его на служеніе богоугодное въ далекую честную обитель, лишь бы живъ остался. Идутъ паломники по обѣщанію своему въ отдаленные монастыри, ведутъ и посылаютъ туда выздоровѣвшихъ дѣтей своихъ, будущихъ трудниковъ монастырскихъ. Грѣхъ большой не исполнить даннаго святителямъ обѣта...

Таковы обстоятельства, которыя привели семнадцатилѣтняго юношу Ивана Ѳеодоровича Баранова въ Соловецкій монастырь, пользующійся особенно большою извѣстностью у жителей сѣверныхъ русскихъ губерній.

Иванъ Ѳеодоровичъ, будущій архимандритъ Іонафанъ, родился въ 1850 году въ крестьянской семьѣ Боровичскаго уѣзда, Новгородской губ. Не успѣвъ окончить курса низшей лѣсной школы, онъ по обѣту матери оказался въ числѣ «годовиковъ» монастыря, постепенно сжился съ нимъ и принялъ въ немъ впослѣдствіи постриженіе (1880 г.).

Монастырская жизнь, монашескій укладъ довершили воспитаніе о. Іонафана и въ соединеніи съ суровыми условіями трудовой жизни на Сѣверѣ выработали изъ юноши стойкаго дѣятеля, не боявшагося ни физическаго труда, ни напряженія воли.

Незаурядныя способности молодого іеромонаха выдвинули его изъ прочей монастырской братіи, и въ 1890 году онъ былъ назначенъ на отвѣтственный постъ настоятеля-устроителя самаго сѣвернаго на земномъ шарѣ Трифоно-Печенгскаго монастыря.

Жизнь о. Іонафана такъ тѣсно связана съ развитіемъ этого монастыря, являющагося нынѣ единственнымъ очагомъ культуры на нашемъ далекомъ Мурманѣ, что трудно себѣ представить этотъ неизбалованный природою и заботами правительства край безъ крупной личности о. Іонафана. Утрата такого дѣятеля, какимъ былъ о. Іонафанъ, для государства должна быть весьма ощутительна.

Быть можетъ—и дай Богъ,—Трифоно-Печенгскій монастырь и впредь будетъ высоко держать знамя культуры и не утратитъ государственнаго значенія, какого онъ достигъ при покойномъ своемъ архимандритѣ-настоятелѣ, но для этого уже не потребуется столько энергіи и умѣнья, которыя были проявлены о. Іонафаномъ.

Передъ туристомъ, совершающимъ путь на пароходѣ изъ Архангельска вдоль Мурмана, открываются суровыя картины арктической природы.

Пустынный берегъ загроможденъ высокими, угрюмыми горами, замѣтно

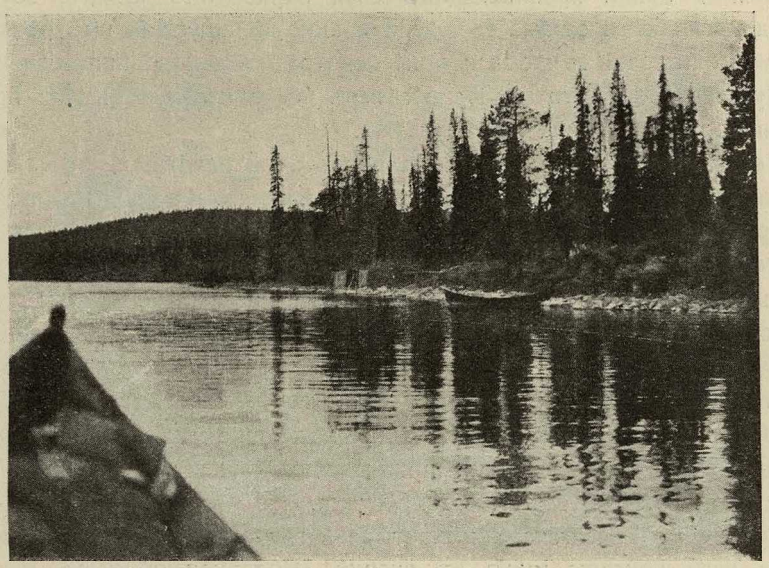
Архимандритъ Іонафанъ.
† 24 февраля 1915 г.

тронутыми процессомъ вывѣтриванія. Иногда горы принимаютъ видъ набросанныхъ какой-то гигантскою рукою другъ на друга колоссальныхъ кубовъ и параллелепипедовъ, изборожденныхъ трещинами. Кое-гдѣ горы прерываются слѣдами ледниковъ въ видѣ широкихъ каменистыхъ донныхъ моренъ, похожихъ издали на гигантскіе, нарочно устроенные къ морю спуски, вымощенные булыжникомъ.

По мѣрѣ приближенія парохода къ нашей границѣ съ Норвегіею, береговой пейзажъ нѣсколько смягчается, но все-таки унынiемъ вѣетъ отъ него на туриста, располагающаго полнымъ комфортомъ на пароходѣ. Наконецъ судно вступаетъ въ воды, обогрѣваемыя теплымъ Гольфстремомъ, и только здѣсь можно замѣтить на берегу проблески растительной жизни.

Паутина горныхъ рѣчекъ и сѣть озеръ хотя и заболочиваютъ почву, но на тонкомъ торфяномъ слоѣ позволяютъ расти низкорослымъ деревьямъ и кустарникамъ. Въ одной изъ такихъ мѣстностей лопарской тундры, недалеко сравнительно отъ норвежской границы, пріютился Печенгскій монастырь.

Мурманскій берегъ имѣетъ очень мало осѣдлаго населенія. Оживляется онъ нѣсколько лѣтомъ, когда на морскіе промыслы являются поморы промышлять треску. Приходятъ они главнымъ образомъ съ Кемскаго берега Бѣлаго моря, т. е. изъ внутреннихъ частей Архангельской губерніи, разсыпаются на житье въ облюбованныхъ прибрежныхъ становищахъ и уходятъ по окончаніи лова на зиму домой.



Видъ тундры лѣтомъ.

Какъ живутъ въ заброшенномъ краю эти «труженики моря», мнѣ довелось увидѣть нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это было въ одномъ изъ крупныхъ Мурманскихъ становищъ—Гавриловѣ.

Грязный, ненадежный съ виду рыбачій карбасъ, съ затопленнымъ водою дномъ, принялъ меня съ парохода и доставилъ къ грудѣ скользкихъ отъ воды прибрежныхъ валуновъ, по которымъ предстояло добраться до берега. Налипшіе массами на мокрыхъ камняхъ фукусы, усоногіе рачки, «морскія блюдечки» и съѣдобныя ракушки мѣшали увѣренности въ движеніяхъ по валунамъ. Но, вотъ и берегъ, неровный, скалистый, кое-гдѣ поросшій чахлою травою. На берегу безпорядочно разбросаны жалкія рыбачьи жилища, похожія на хижины дикарей. Одну стѣну хижины образуетъ скала, другую стѣну замѣняетъ бокъ разбитой лодки. Крыша — днище стараго

карбаса. Между лачугами развѣшаны рыболовныя снасти. На жердяхъ нанизана для сушки треска, распространяющая нестерпимую вонь. Кругомъ на землѣ догнивали брошенныя внутренности и головы выпотрошенной рыбы. Тутъ же нечистоты...

Единственнымъ признакомъ культуры являлась расположившаяся на видномъ мѣстѣ, въ хорошо сколоченномъ домѣ, блаженной памяти казенная винная лавка. Какая, однако, это была культура, и какъ ею пользовалось населеніе, было видно по валявшимся кое-гдѣ на камняхъ трупамъ охмѣлѣвшихъ до безчувствія рыбаковъ.

Только старые поморы да мальчишки «зуйки» работали надъ наживленіемъ безконечныхъ ярусовъ [1]).

Пьяные крики пропивающихъ свой заработокъ гулякъ, заунывные звуки доносившейся откуда-то пѣсни и аккомпанирующія имъ рѣзкія стенанія многочисленныхъ чаекъ на фонѣ безотрадной декораціи наводили тоску.

Чувствовалось, что здѣсь на сѣверѣ человѣкъ не тотъ царь природы, который создаетъ вокругъ себя уютъ...

Не безъ удовольствія удалился я отъ этой печальной обстановки на свой пароходъ, казавшійся мнѣ послѣ испытаннаго идеальнымъ носителемъ культуры на полярномъ кругѣ.

Неудивительно, что это посѣщеніе берега сильно понизило у меня охоту къ экскурсіямъ съ парохода въ другіе населенные пункты Мурмана, обстановка которыхъ могла быть только нѣсколько лучше или еще хуже.

Поэтому, когда мнѣ на дальнѣйшемъ пути предложили въ компаніи съ другими пассажирами парохода осмотрѣть Печенгскій монастырь, первою мыслью моею было отказаться. Только нежеланіе остаться на пароходѣ въ одиночествѣ побудило меня принять предложеніе, и я отправился, не ожидая ничего новаго отъ такой прогулки.

Посѣщеніе Печенгскаго монастыря и глубокія впечатлѣнія, вынесенныя изъ него, описаны мною въ очеркѣ «Полярная обитель» въ январскомъ нумерѣ «Историческаго Вѣстника» за 1907 годъ.

Въ дѣтствѣ мы всѣ увлекаемся чтеніемъ повѣстей о приключеніяхъ на сушѣ и на морѣ, въ которыхъ авторы ставятъ своихъ героевъ въ труднѣйшее положеніе. Насъ манятъ въ этихъ разсказахъ энергія, изобрѣтательность, талантъ дѣйствующихъ лицъ, позволяющіе имъ выходить побѣдителями изъ такихъ условій, которыя гибельны для рядовыхъ людей.

Кто не волновался въ свое время, переживая вмѣстѣ съ «Робинзономъ» или какимъ-нибудь «Слѣдопытомъ» въ дѣвственной преріи удары судьбы и удачное разрѣшеніе ими всѣхъ затрудненій. Ощущенія эти

---

[1]) Длинная веревка съ отходящими отъ нея тонкими короткими бичевками, заканчивающимися крючками, на которые насаживается наживка въ видѣ мелкой рыбешки. *А. Г.*

притупляются у насъ съ возрастомъ. Простое сомнѣніе, да живутъ ли въ дѣйствительности такіе сильные люди, уже позволяютъ прежнимъ впечатлѣніямъ «порасти травой забвенія». Жизненный опытъ внушаетъ мысль о томъ, что борьба съ суровыми условіями природы невозможна и почти всегда кончается печально для человѣка.

Посѣщеніе Печенгскаго монастыря не только воскрешаетъ давно забытыя бодрящія ощущенія юности, но открываетъ реальный фактъ благополучнаго и цѣлесообразнаго существованія людей въ суровой полярной обстановкѣ и укрѣпляетъ вѣру въ разумъ, терпѣніе и находчивость человѣка.

Не въ канцеляріяхъ, засѣданіяхъ и комиссіяхъ, а здѣсь, на далекомъ

Видъ тундры лѣтомъ.

Мурманѣ, въ полярной обители, можно воочію видѣть, какъ дѣлается «государево дѣло» и въ чемъ оно состоитъ. Здѣсь становится понятною историческая роль нашихъ монастырей, какъ разсадниковъ культуры.

Говорить о роли монастырей, какъ и о роли всякой общественной организаціи,—это, значитъ, говорить объ отдѣльныхъ лицахъ, являющихся въ нихъ главными двигателями. Значеніе каждой организаціи придаетъ лицо или группа лицъ, стоящихъ во главѣ. Уходитъ свѣтлая личность въ область исторіи, и роль монастыря прерывается до того времени, пока ушедшему не подыщется достойный преемникъ,

Печенгскій монастырь всталъ твердо на ноги только при о. Іонафанѣ. Покойный архимандритъ былъ тою главною осью, на которой основано выдающееся значеніе этого монастыря для Мурмана.

Толчокъ къ возобновленію Печенгскаго монастыря дало празднованіе въ 1886 году въ Архангельской губерніи 300-лѣтія со дня кончины преп. Трифона.

Къ тому времени въ Лопарской тундрѣ, на рѣкѣ Печенгѣ, верстахъ въ 20 отъ моря сохранилась отъ бывшаго когда-то монастыря полуразвалившаяся церковка, въ которой почивали мощи преподобнаго, избравшаго цѣлью жизни просвѣщеніе лопарей. Древній монастырь, собственно, былъ расположенъ на берегу залива при впаденіи р. Печенги въ море, но былъ сравненъ съ землею еще въ концѣ XVI вѣка при нападеніи разбойничьей шайки, поголовно перебившей монаховъ. Около уцѣлѣвшаго остатка, церковки, и предположено было начать возобновленіе монастыря. Св. Синодъ съ своимъ оберъ-прокуроромъ, К. П. Побѣдоносцевымъ рѣшилъ поставить это дѣло на прочную почву. Возобновляемый монастырь былъ приписанъ къ Соловецкому монастырю, который обязывался выдавать ему ежегодную субсидію въ 9.500 р. и выдѣлить изъ своей среды часть монашеской братіи для подчиненнаго ему монастыря.

Несмотря однако на извѣстныя хозяйственныя и административныя качества этого сѣвернаго культурнаго центра, дѣло съ новымъ монастыремъ нѣсколько лѣтъ не могло наладиться. Пріѣхали на Печенгу 11 соловецкихъ монаховъ съ настоятелемъ, о. Никандромъ, принялись горячо за работу, но энергіи ихъ не хватило на преодолѣніе всѣхъ затрудненій, какія ставила имъ суровая, дѣвственная полярная обстановка. Нѣкоторая пассивность руководителей ставила дѣло возобновленія монастыря въ опасное положеніе.

Мѣсто, гдѣ стояла старая церковь, оказалось сильно заболоченнымъ. Цынга, лихорадка угрожали монахамъ, отрѣзаннымъ отъ внѣшняго міра топкою тундрою и трудно проходимыми горными тропками. Денежные рессурсы быстро изсякали на пріобрѣтеніе необходимаго для жизни. Въ монастырской кассѣ начали образовываться дефициты, а за ними долги.

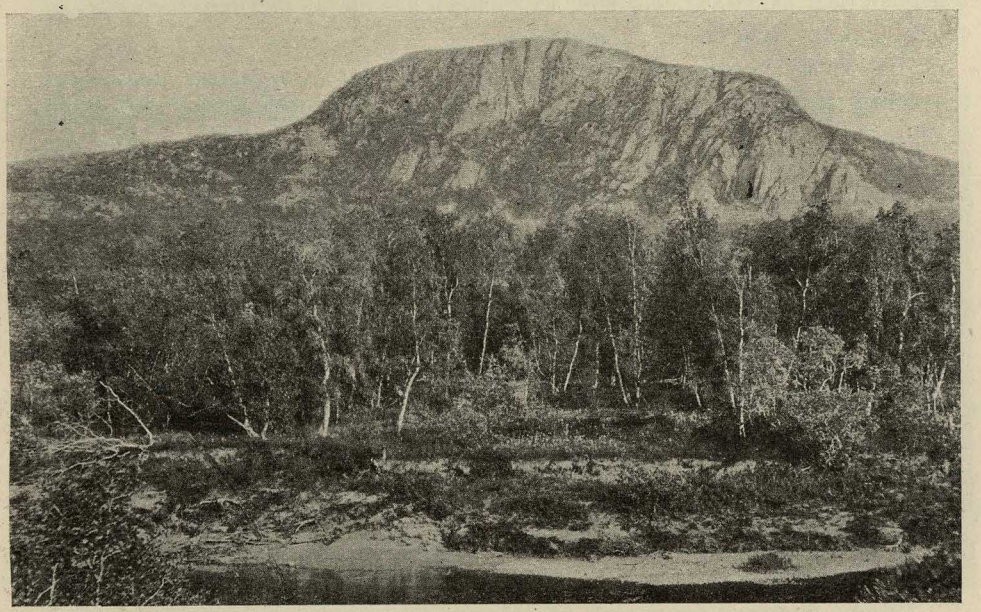
Проекту возобновленія монастыря угрожалъ провалъ. Но тутъ случай выдвинулъ о. Іонафана. Онъ, будучи назначенъ въ 1890 году настоятелемъ Печенгскаго монастыря, сразу повелъ дѣло широко, сумѣлъ вдохнуть энергію въ души пріунывшей братіи и съ помощью ея и приходившихъ въ новый монастырь богомольцевъ-трудниковъ достигъ большихъ успѣховъ.

О. Іонафанъ, благодаря ясности своего ума и богато развитымъ административно-хозяйственнымъ способностямъ, понялъ, какимъ путемъ надо идти къ поставленной цѣли. Самое пониманіе этой цѣли у него, повидимому, было гораздо шире, чѣмъ у иниціаторовъ возобновленія обители. Судя по его дѣятельности, о. Іонафанъ не ограничилъ свои планы узкими предѣлами церковныхъ достиженій, но стремился создать дѣйствительный зародышъ русской культуры на Мурманѣ.

Созданный имъ форпостъ русской осѣдлой жизни на дальнемъ сѣверѣ Европы заставляетъ насъ относиться къ этому заброшенному краю съ глубокимъ чувствомъ собственника и сознательно дорожить имъ.

Съ прибытіемъ о. Іонафана на Печенгу закипѣла работа. Прежде всего, послѣ обезпеченія себя жильемъ, монахи принялись за осушеніе тундры. Даже необходимость отведенія русла рѣки въ новое ложе не испугала монаховъ. Работы въ этомъ направленіи закончены блестяще. Устроенъ водопроводъ. Быстрина горной рѣчки использована для устройства двигателя.

Разсчитывать на большой притокъ богомольцевъ, представляющихъ для большинства нашихъ монастырей крупный источникъ дохода, о. Іонафанъ не могъ. Немногочисленные паломники на Печенгу, число коихъ, включая туристовъ и иностранцевъ, немногимъ болѣе 1000 человѣкъ въ годъ, это не тѣ многіе десятки тысячъ богомольцевъ, которые уже благо-



Тундра и гора у монастыря.

даря своей численности обогащаютъ другіе монастыри, располагающіе къ тому же во всякое время болѣе удобными, чѣмъ на Печенгу, путями сообщенія. Нельзя было ожидать и большихъ пожертвованій на новый, почти никому невѣдомый монастырь.

Ясно представляя себѣ все это, о. Іонафанъ рѣшаетъ организовать широкое натуральное хозяйство для самостоятельнаго обезпеченія всѣхъ почти жизненныхъ потребностей монастыря. Мало того, по мѣрѣ возможности онъ расширяетъ это хозяйство, совершенствуетъ его и, достигнувъ для обители полнаго культурнаго благополучія, выдѣляетъ избытокъ монастырскихъ фабрикатовъ на рынокъ и этимъ накопляетъ въ монастырской кассѣ денежную наличность, какъ хорошій хозяинъ.

Велико восхищеніе туриста, который послѣ посѣщенія какого-нибудь

еще не попавшаго въ сферу вліянія монастыря становища, въ родѣ вышеописаннаго Гаврилова, и даже сонной Мурманской столицы, г. Александровска, попадаетъ на территорію Печенгскаго монастыря.

Первое, что бросается въ глаза—это великолѣпная грунтовая дорога, для устройства которой монахамъ потребовалось прорывать многосаженными глубокими траншеями толстый тундровый и глинистый слой, чтобы обнажить водопроницаемые слои, куда могла бы быть спущена влага.

Въ современныхъ условіяхъ площадь монастырскихъ владѣній достигаетъ свыше 12.000 десятинъ, включая принадлежащіе монастырю въ 30 верстахъ отъ берега Айновы острова. Вся почти эта площадь умѣло использована монастыремъ. За время настоятельства о. Іонафана построено 3 церкви (деревянныхъ), часовня, 45 жилыхъ зданій, 35 нежилыхъ построекъ, сложено всего 128 печей разнаго типа.

Въ числѣ построекъ сооружены лѣсопилка, три завода: кирпичный, гончарный и смолокуренный, на которомъ, кромѣ смолы и угля, добывается скипидаръ. Монастырь имѣетъ мастерскія: столярную, слесарную, кузнечную, сапожную, портняжную, переплетную, шорную, каретную, малярную, судовую и серебрильную. Всѣ мастерскія хорошо оборудованы машинами, станками и необходимыми инструментами. Лѣсопилка, много машинъ и станковъ приводятся въ движеніе передачею отъ водяного двигателя. Тотъ же двигатель питаетъ динамо, освѣщающую часть монастырскихъ зданій.

Обитель владѣетъ собственною сооруженною монахами телефонною линіею протяженіемъ въ 14 верстъ. Сѣть грунтовыхъ дорогъ во владѣніяхъ монастыря составляетъ свыше 20 верстъ.

Монахамъ пришлось превратиться въ плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ, горшечниковъ, слесарей, кожевниковъ, переплетчиковъ, маляровъ, портныхъ, шорниковъ, судовыхъ рабочихъ, механиковъ, монтеровъ и электротехниковъ [1]).

Трудъ и молитва — вотъ главное правило полярной обители.

Между братіею оказалось нѣсколько русскихъ самородковъ-изобрѣтателей. Одинъ изъ нихъ устроилъ универсальный винторѣзно-токарный станокъ, другой конструировалъ водяной двигатель и кромѣ того оказался превосходнымъ электротехникомъ. Изобрѣтены глиномятныя машины. Даже свои часовщики имѣются въ монастырѣ, производящіе сложныя починки тонкихъ часовыхъ механизмовъ.

Всѣ дорожныя и гидротехническія сооруженія, электрическія и механическія установки сдѣланы монахами подъ непосредственнымъ наблюденіемъ о. Іонафана. Природный умъ русскаго человѣка позволилъ монастырю обойтись безъ помощи инженеровъ-спеціалистовъ. Работы въ мастерскихъ производятся также безъ приглашенныхъ со стороны мастеровъ. Между

---

[1]) Число монаховъ вмѣстѣ съ послушниками доходитъ до 50 человѣкъ. Число трудниковъ-мірянъ — до 150.

тѣмъ издѣлія многихъ мастерскихъ монастыря пріобрѣли извѣстность на Мурманѣ и охотно раскупаются на сторону.

Это ли не торжество русскаго духа, вызванное изъ небытія о. Іонафаномъ?

Не меньше восхищенія у туриста вызываетъ и усадебное хозяйство, заведенное на Печенгѣ о. Іонафаномъ.

Въ этой области обработки земли и извлеченія изъ нея максимума выгоды, быть можетъ, юношескіе годы ученья и крестьянскіе навыки самого о. Іонафана нашли непосредственное приложеніе. По крайней мѣрѣ, я вспо-

Монастырскій храмъ, пристроенный къ древней церкви.

минаю, съ какою особенною интонаціею покойный архимандритъ задерживалъ вниманіе туриста на монастырскомъ огородѣ—этомъ невиданномъ явленіи нашего Дальняго Сѣвера.

На полярномъ кругѣ, конечно, приходится цѣнить возможность получать свѣжую растительную пищу. Такая возможность достигнута монастыремъ. Огородъ даетъ достаточно картофеля, зеленаго луку и нѣкоторое количество другихъ овощей. Но не на это обращалось вниманіе туриста, а на достиженіе положительныхъ результатовъ даже въ огородной культурѣ въ томъ краю, который въ представленіи большинства нашей публики мало на что годенъ. Казалось, что о. Іонафанъ, демонстрируя свой огородъ, хочетъ указать, что и здѣсь любовное отношеніе къ исконной кормилицѣ русской — землѣ — вознаграждаетъ труды работника.

Обширныя пространства осушенной тундры дали возможность о. Іонафану завести на Печенгѣ травосѣяніе и луговодство. Собираемое съ покосовъ превосходное сѣно до 30.000 пудовъ въ годъ позволило монастырю имѣть большой скотный дворъ и организовать молочное хозяйство. Коровы колоссальной холмогорской породы числомъ до 40 головъ давали удои свыше 3.000 ведеръ въ годъ. Избытокъ молочныхъ продуктовъ пускался монастыремъ въ продажу. Близокъ былъ къ разрѣшенію вопросъ о сыроваренiи. Приплодъ рогатаго скота составлялъ крупную статью дохода въ монастырскомъ бюджетѣ.

Кромѣ двухъ съ половиною десятковъ рабочихъ лошадей, содержимыхъ монастыремъ, о. Іонафанъ развелъ большія стада крупнопородныхъ оленей (до 1.500 головъ). Скотоводство монастыря можетъ имѣть блестящую будущность. Шкуры, кожи, клей, какъ продукты скотоводческаго хозяйства, уже 5 лѣтъ тому назадъ превысили потребность въ нихъ самого монастыря и шли въ продажу.

Живя въ прибрежной полосѣ, близъ изобилующаго рыбою Сѣвернаго Ледовитаго океана, о. Іонафанъ не могъ не обратить вниманія на рыболовный промыселъ. Ловля въ рѣкахъ семги и въ морѣ трески, палтуса, камбалы не только даетъ монастырской братіи обильную пищу, но и служитъ для монастыря источникомъ дохода.

Зоркій хозяйственный глазъ о. Іонафана не проглядѣлъ даже того обстоятельства, что монастырь можетъ извлекать пользу изъ морошки, покрывающей въ изобиліи земельныя владѣнія монастыря. Въ 1908 году морошки, имѣющей на Сѣверѣ значеніе противоцынготнаго средства, монастыремъ продано на 1.500 руб., да еще оставлено для монастырскихъ нуждъ.

Наконецъ, въ сферу хозяйственной эксплоатаціи Печенгскаго монастыря попала полярная гага, пухъ которой цѣнится очень высоко на рынкахъ. Добываніе этого пуха изъ гнѣздъ развито въ сѣверной Норвегіи; у насъ же въ Россіи первая попытка добыванія пуха сдѣлана о. Іонафаномъ, до котораго гага подвергалась почти полному истребленію на Мурманѣ. По отзывамъ спеціалистовъ охрана гаги въ монастырскихъ владѣніяхъ и дѣло гагачьяго промысла монастыремъ поставлены блестяще.

Итакъ во всемъ Печенгскій монастырь, подъ твердымъ, методичнымъ управленіемъ о. Іонафана, дѣлалъ широкіе шаги, не боясь новыхъ путей и не только обезпечивая себя необходимымъ для жизни, но создавая и открывая для другихъ культурныя цѣнности, казавшіяся ранѣе недостижимыми на Дальнемъ Сѣверѣ.

Поэтому совершенно естественно, что поглядѣть на возникшій монастырь, познакомиться съ русскою культурною жизнью и, пожалуй, поучиться на примѣрѣ пріѣзжали на Печенгу англичане, сосѣдніе норвежцы—учителя, пасторы и даже епископъ изъ Тромзё. Наѣзжали въ монастырь и отдѣльные представители русской науки и власти...

Бюджетъ монастыря при о. Іонафанѣ окрѣпъ. Несмотря на уменьшеніе субсидіи отъ Соловецкаго монастыря съ 9.500 р. до 3.000 р., о. Іонафанъ не только погасилъ старые долги, но довелъ ежегодный доходъ, главнымъ образомъ продажею монастырскихъ издѣлій и продуктовъ, до 8.000 р. въ годъ и болѣе. Уже въ 1909 году монастырь имѣлъ нѣкоторую небольшую запасную наличность въ процентныхъ бумагахъ.

Нельзя сказать, чтобы почитатели монастыря обходили его въ своихъ пожертвованіяхъ. Но самъ о. Іонафанъ особенно цѣнилъ пожертвованія въ видѣ необходимыхъ для монастыря практическихъ предметовъ и услугъ,

Общій видъ монастыря.

которые способны были расширить поле примѣненія рабочей силы монастырской братіи.

Въ этомъ отношеніи цѣнными для монастыря являлись Высочайше пожалованныя двѣ динамомашины для освѣщенія, въ которомъ на сѣверѣ большая потребность въ долгую полярную зиму, и принесенная монастырю въ даръ, въ цѣляхъ развитія рыболовства, шлюпка съ керосиновымъ двигателемъ отъ эскадры корабельныхъ гардемаринъ, посѣтившей Мурманъ въ 1906 году. Много помогло монастырю Товарищество Архангельско-Мурманскаго пароходства, доставляя на Печенгу лѣсные матеріалы безплатно, а прочіе грузы по удешевленному тарифу.

Однако дѣятельность монастыря при о. Іонафанѣ не замкнулась въ

область накопленія матеріальныхъ благъ и созданія личнаго комфорта. Покойный архимандритъ обратилъ серьезное вниманіе на духовно-просвѣтительную задачу монастыря.

Кромѣ переданнаго монастыремъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія начальнаго училища, монастырь открылъ приходскую школу для дѣтей инородцевъ съ пансіономъ, въ которой учатся дѣти окрестныхъ лопарей, а также зырянъ, кареловъ и финновъ-колонистовъ. Въ монастырѣ устраиваются чтенія для народа, иллюстрируемыя проекціоннымъ фонаремъ. Монастырь обучаетъ юношей-трудниковъ ремесламъ, устраиваетъ бесѣды, сопровождаемыя хоровымъ пѣніемъ подъ піанино и демонстраціею въ граммофонѣ церковныхъ напѣвовъ. Монастырь располагаетъ небольшою духовно-нравственною, историческою и популярною библіотекою. Благотворительная поддержка окрестному населенію монастыремъ организована весьма широко. При монастырѣ имѣется небольшая больница подъ управленіемъ фельдшера. Словомъ, обитель даетъ все, что можетъ, для немногочисленныхъ мѣстныхъ жителей, а изъ зимняго досуга монаховъ и трудниковъ-мірянъ совершенно изгоняетъ праздность.

Девизомъ о. Іонафана съ братіею было: монастырь для народа, а не народъ для монастыря. Можно сказать, что покойный архимандритъ въ этомъ отношеніи не разошелся съ завѣтами преп. Трифона, своего предшественника по созданію монастыря на Печенгѣ.

Судьба не слишкомъ благоволитъ вообще къ сѣверо-европейской окраинѣ нашего отечества. Не вызываетъ къ себѣ этотъ край широкаго интереса со стороны общества и не привлекаетъ пристальнаго вниманія правительственной власти, несмотря на то, что богатые рессурсы этой окраины въ настоящее время уже достаточно выяснены. Было время, когда возникъ было къ Мурману интересъ благодаря энергіи нѣкоторыхъ прозорливыхъ государственныхъ дѣятелей. Но сошли эти дѣятели со сцены (М. И. Кази, А. П. Энгельгардтъ), и интересъ потухъ. Къ несчастью для Мурмана явился еще конкурентъ въ видѣ Дальняго Востока, стремленіе на который въ результатѣ не оправдало ожиданій. Если бы столько же денегъ было затрачено на оживленіе Мурмана, сколько понадобилось для Дальняго Востока, какіе плоды принесло бы это въ послѣдующее время! Вѣдь Мурманъ—это естественный портъ Россіи, всегда открытый и незамерзающій. Къ стыду нашему, небогатая Норвегія не пренебрегаетъ своими сѣверными провинціями, граничащими съ нашимъ Мурманомъ. Напротивъ того, на сколько ей цѣненъ каждый фіордъ на Ледовитомъ Океанѣ, можно судить по возникающимъ въ Норвегіи по временамъ опасеніямъ, какъ бы могучая сѣверная сосѣдка не потребовала возврата прилегающихъ къ Мурману заливовъ, составлявшихъ нѣкогда собственность Московскаго Государства, но, по недоразумѣнію, не такъ сравнительно еще давно оказавшихся во владѣніи Норвегіи.

О. Іонафанъ оставался послѣднимъ изъ могиканъ-пропагандистовъ сѣвера. Захваченный идеею важности для отечества Мурмана, о. Іонафанъ не только осуществлялъ эту идею въ своей практической дѣятельности, но и распространялъ ее при случаѣ въ печати во время своихъ наѣздовъ въ Петроградъ. Мнѣ лично припоминается его статья въ «Россіи» за 1907 г. подъ названіемъ «Портъ на Мурманѣ». Но главнымъ образомъ онъ былъ энергичный мѣстный дѣятель-практикъ, и въ этомъ его исключительная заслуга передъ родиною.

О. Іонафанъ былъ невысокаго роста, худощавый, закаленнаго здоровья, съ чисто русскимъ обликомъ. Въ своихъ дѣловыхъ зимнихъ разъ-

Паломники лопари зимою.

ѣздахъ по краю не разъ онъ подвергался риску замерзнуть. Неутомимый работникъ въ пору короткаго полярнаго лѣта, когда монастырь особенно нуждался въ хозяйскомъ глазѣ и руководствѣ настоятеля, онъ могъ пользоваться отпускомъ лишь осенью и зимою. Въ это время онъ изрѣдка и совершалъ поѣздки въ Петроградъ. Въ такое время года путешествіе съ Печенги на оленяхъ въ Архангельскъ, а раньше и до Вологды, требуетъ отъ путешественника большой выносливости. Крошечный, для одного человѣка, полярный экипажикъ въ видѣ корыта безъ полозьевъ—балокъ, запряженный пятеркою оленей, на ухабахъ опрокидывается. Сидящій плотно на днѣ балка ѣздокъ валится вмѣстѣ съ экипажемъ набокъ и волочится по снѣгу, пока ему на ходу не удастся поставить корыто дномъ на снѣгъ или остановить оленей.

Такія неудобства тысячеверстной поѣздки не останавливали архимандрита Іонафана, когда ему требовалось ѣхать въ столицу по дѣламъ монастыря, испытывавшаго нерѣдкія тренія со стороны губернской и соловецкой властей.

Игнорированіе собственныхъ удобствъ и самоограниченіе о. Іонафана доходили до того, что разъ, когда онъ пріѣхалъ въ Петроградъ зимою, его слишкомъ легкая верхняя одежда обратила на себя вниманіе постороннихъ людей; были собраны деньги, и куплена ему мѣховая теплая ряса.

Немногочисленныхъ лѣтнихъ туристовъ, попадавшихъ лишь къ вечеру на Печенгу, о. Іонафанъ, несмотря на физическую усталость послѣ своихъ дневныхъ трудовъ, встрѣчалъ всегда радушно и радостно. Обыкновенно онъ самъ руководилъ осмотромъ монастыря, давалъ подробнѣйшія объясненія и готовъ былъ провести ночь безъ сна, сопровождая путешественниковъ сначала въ тарантасѣ, а потомъ въ монастырской шлюпкѣ, обратно на рейдъ, гдѣ останавливаются пароходы Архангельско-Мурманскаго Общества, поджидающіе подъ утро возвращенія туристовъ.

О. Іонафанъ не дѣлалъ никакой разницы между туристами, не справлялся объ ихъ религіи и общественномъ положеніи. Повидимому, ему всѣ посѣтители были милы уже потому, что онъ видѣлъ съ ихъ сторонъ интересъ къ любимымъ его дѣтищамъ—обители и Мурману. Въ его обращеніи съ посѣтителями монастыря не было ничего напускного и ничего, что давало бы чувствовать, что вы попали въ монастырь, гдѣ обязаны соотвѣтственно настроить себя. Онъ давалъ полную свободу въ выборѣ настроенія.

Начиная осмотръ съ церкви монастыря и его священныхъ реликвій, туристъ видѣлъ въ о. Іонафанѣ достойнаго представителя духовной іерархіи. Переходя затѣмъ къ монастырскимъ мастерскимъ, къ огороду и т. п., посѣтитель чувствовалъ въ покойномъ архимандритѣ выдающагося хозяина благоустроеннаго имѣнія или профессора, показывающаго чудеса своей лабораторіи.

Чуждый даже тѣни хвастовства и рекламы, въ обычной монашеской рабочей одеждѣ, скромный, онъ стремился даже отъ случайныхъ посѣтителей извлечь новыя полезныя для монастыря свѣдѣнія по части различныхъ усовершенствованій и производилъ на собесѣдника обаятельное впечатлѣніе.

Мнѣ помнится, какъ оживился взглядъ его сѣрыхъ спокойныхъ глазъ, когда онъ узналъ, что среди посѣтившей монастырь компаніи туристовъ оказался инженеръ, съ которымъ онъ могъ поговорить по техническимъ вопросамъ.

Не у одного, вѣроятно, меня шевелился тревожный вопросъ въ началѣ нынѣшней войны, когда появился слухъ о посылкѣ германской крейсерской эскадры въ сѣверныя воды, не случилось бы чего съ Печенгскимъ монастыремъ. Къ счастью этотъ слухъ не оправдался. Но зная рѣшительный характеръ о. Іонафана, я успокаивался на томъ, что въ случаѣ боевого

столкновенія судьба монастыря будетъ счастливѣе, чѣмъ при нападеніи на него въ XVI вѣкѣ разбойничьей банды. Я помню, какъ о. Іонафанъ при мнѣ, еще за 9 лѣтъ до нынѣшней войны, на заданный ему кѣмъ-то вопросъ, не задумываясь отвѣтилъ, что въ случаѣ нужды монастырь самъ сумѣетъ отлить для защиты пушки.

Теперь, кажется, снова вспомнили про Мурманъ, снова заговорили (въ который разъ?!) о проведеніи на Мурманъ желѣзной дороги, даже, какъ будто, что-то начали дѣлать въ этомъ направленіи. И вотъ, при такихъ-то обстоятельствахъ смерть о. Іонафана кажется особенно обидною. Не обремененный еще годами (67 лѣтъ), о. Іонафанъ могъ бы дожить до осуществленія его главныхъ упованій на желѣзную дорогу въ тотъ край, которому онъ отдалъ лучшую половину своей полезной жизни. Какъ бы пригодился въ этомъ вопросѣ его опытъ мѣстнаго дѣятеля!

Судьба рѣшила иначе. Миръ его праху!

Faciant meliora potentes, но то, что сдѣлано для Мурмана о. Іонафаномъ, ставитъ его на видное мѣсто среди замѣчательныхъ русскихъ людей — богатырей дѣла [1]).

Аркадій Григорьевъ.

---

[1]) Фактическія данныя, касающіяся возобновленія и дѣятельности Печенгскаго монастыря, почерпнуты авторомъ изъ различныхъ матеріаловъ, любезно предоставленныхъ Н. Ф. Корольковымъ, личнымъ другомъ о. Іонафана и искреннимъ почитателемъ Печенгскаго монастыря. Отъ него же получена и большая часть фотографій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

С. Ф. Либровичъ: «**Исторія книги въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до конца царствованія Императора Павла I**». Въ двухъ частяхъ. Цѣна 2 р.

Вотъ это типъ книги, дѣйствительно популяризующей знаніе: живой, понятный образъ изложенія мыслей въ связи съ простымъ слогомъ дѣлаетъ эту книгу удобно, даже легко читаемой каждымъ грамотнымъ человѣкомъ, независимо отъ его возраста и образованія.

Первая часть даетъ намъ полную картину развитія, сначала рукописныхъ, а потомъ и печатныхъ книгъ на Руси съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка, попутно представляя и очеркъ возникновенія и хода просвѣщенія въ ней. Заканчивается первая часть описаніемъ первыхъ печатныхъ книгъ свѣтскаго содержанія. До тѣхъ же поръ, книги на Руси служили почти исключительно цѣлямъ духовнымъ, церковнымъ. Замѣтимъ кстати, что однимъ изъ центровъ, гдѣ печатались русскія книги, былъ городъ Львовъ, нынѣшняя столица Червонной Руси, ожидающей своего возсоединенія. Дано много рисунковъ азбукъ, рукописныхъ и печатныхъ страницъ, заставокъ, украшеній и т. п.

Вторая часть ведетъ читателя къ первымъ въ Россіи печатнымъ книгамъ научнаго характера, къ первой русской газетѣ, появившейся въ 1702 г., къ первому гражданскому шрифту, замѣнившему впервые древнеславянскій въ напечатанной въ 1708 г. «Геометріи», за которой послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ переводныхъ съ иностраннаго книгъ практическихъ наукъ, печатавшихся по приказанію Великаго Преобразователя Петра I.

Но, увы. «Первыя петровскія изданія, отпечатанныя гражданскимъ шрифтомъ, считаются теперь большой рѣдкостью... ибо... число собирателей книгъ ограничивалось всего нѣсколькими болѣе просвѣщенными людьми, а запасъ книгъ, лежавшій въ типографіяхъ, впослѣдствіи, для очищенія мѣста, то употреблялся на обертки вновь выходящихъ книгъ, то просто уничтожался», повѣствуетъ авторъ.

Но при Петрѣ В., который отлично сознавалъ всю силу печатнаго слова и умѣлъ пользоваться имъ для достиженія своихъ просвѣтительныхъ цѣлей, книгопечатаніе все же достигло небывалаго до тѣхъ поръ развитія.

При Аннѣ Іоанновнѣ въ книгахъ начинаетъ главнымъ образомъ выступать интересъ къ поэзіи, исторіи, а при Елизаветѣ усиленно проявляется спросъ на буквари (въ 1748 г.—17.000). Грамотность начинаетъ усиленно распространяться.

При Екатеринѣ печать служитъ уже всевозможнымъ цѣлямъ, въ томъ числѣ философско-мистическимъ, политическимъ (Радищевъ, Новиковъ), драматическимъ и проч., наконецъ появляются впервые и пользуются огромнымъ успѣхомъ романы, конечно, въ громадномъ большинствѣ переводные. Книга достигла полнаго своего развитія.

Съ внѣшней стороны, книга не оставляетъ желать лучшаго, а громадное количество рисунковъ, почти на каждой страницѣ, пріятно разнообразитъ и поясняетъ текстъ, способствуя легкости чтенія и пониманія его. Это—книга, которую съ одина-

ковымъ удовольствіемъ прочтутъ и гимназистъ, и простой грамотный крестьянинъ, и образованный человѣкъ; а, прочтя, они увидятъ, что получили не только «исторію книги въ Россіи», а попутно и нѣчто большее—исторію просвѣщенія на Руси.

Авторъ дѣлаетъ своимъ трудомъ немалый вкладъ въ дѣло народнаго просвѣщенія, за который его можно только поблагодарить, а книгу его поставить въ примѣръ другимъ лицамъ, желающимъ популяризировать иныя отрасли знанія.

Г. Л.

«Записки жены декабриста П. Е. Анненковой». (Книгоиздат. «Прометей»).

Хотя на обложкѣ книжки, въ перечисленіи изданій того же издательства, къ этому заглавію прибавлено еще: «Вступительная статья и примѣчанія П. Е. Щеголева», но въ присланномъ для отзыва экземплярѣ таковыхъ не оказалось, и книга начинается прямо съ фразы «Я помню себя очень рано...»

Это очень жаль, потому что безъ этого вступленія мы не знаемъ, откуда эти записки, когда и на какомъ языкѣ написаны; не знаемъ, словомъ, исторіи ихъ, и все это лишь постепенно, по мѣрѣ чтенія, болѣе или менѣе выясняется для читателя. Но и такъ мы можемъ только догадываться, что написаны онѣ были по-французски, ибо авторъ говоритъ, что плохо изъясняется по-русски и что онѣ составлены уже по возвращеніи изъ Сибири. Но гдѣ находится оригиналъ, откуда онъ попалъ въ руки издательства, останавливается ли повѣствованіе дѣйствительно въ 1830 г. или существуетъ еще продолженіе и въ книжкѣ дано только начало — всего этого мы не знаемъ и это, повторяю, очень жаль.

Что сказать о самыхъ запискахъ? Это романъ, переносящій насъ изъ хаоса французской революціи и террора, среди которыхъ родилась Полина Гебль (Gueuble) и эпохи первой Имперіи, въ которую она выросла, въ барскую Россію начала XIX вѣка, куда она бѣжала бѣдной швеей и гдѣ познакомилась съ блестящимъ кавалергардомъ, будущимъ своимъ каторжникомъ-мужемъ; изъ приволья приволжскихъ степей и помѣщичьяго быта, читатель попадаетъ въ душныя комнаты и залы самодурки-матери Анненкова, прихотямъ и капризамъ которой, какъ и эгоизму, нѣтъ предѣловъ, а оттуда въ казематы Петропавловской крѣпости, переполненной декабристами...

Черезъ два только года, Полинѣ удается выпросить у Императора Николая Павловича разрѣшеніе ѣхать въ Сибирь вѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ, томящимся тамъ; быстрѣе фельдъ-егеря доѣзжаетъ молодая женщина до Читы, гдѣ добрый и симпатичный комендантъ Лепарскій служитъ ей посаженнымъ отцомъ, а жена декабриста фонъ-Визина посаженной матерью, на свадьбѣ; затѣмъ идетъ житье-бытье въ Читѣ, переводъ узниковъ въ августѣ 1830 г. на Петровскій заводъ... и на этомъ прерываются записки и кончается книжка.

А вамъ хотѣлось бы знать, «что же было дальше?» Такъ сумѣлъ заинтересовать васъ симпатичный авторъ своимъ непосредственнымъ разсказомъ, чуждымъ предубѣжденій и всякихъ предвзятостей; это, кажется, впрочемъ, общая черта воспоминаній всѣхъ декабристовъ и ихъ женъ: перенесенное, пережитое, какъ бы очистило, возвысило ихъ духъ, позволяя обо всѣхъ и обо всемъ судить безпристрастно, даже снисходительно.

Внѣшность книжки вполнѣ удовлетворительна. Непріятно поражаетъ глазъ только плохое правописаніе французскихъ словъ и фразъ, напр. «diligense» вмѣсто «diligence», «Chorlotte Cordée» вмѣсто «Charlotte Cordée» и т. д. Вѣроятно, это недосмотръ корректора; если бы это было намѣренное сохраненіе правописанія подлинника, то слѣдовало бы это оговорить. Приходится еще сожалѣть, что не приложенъ портретъ автора, а есть только портретъ мужа, И. А. Анненкова. Въ общемъ же, повторяемъ «Записки» читаются съ большимъ интересомъ и можно только пожалѣть о краткости ихъ.

Г. Л.

Русскій Некрополь въ чужихъ краяхъ. *Вып. I. Парижъ и его окрестности.*

Можно только съ благодарностью привѣтствовать появленіе новаго изданія Е. И. В. Великаго Князя Николая Михаиловича «Русскій Некрополь въ чужихъ краяхъ», съ первымъ выпускомъ котораго (Парижъ и его окрестности. Петроградъ, типогр. Стасюлевича, 1915 г.) я только что ознакомился.

Нельзя не воздать должной похвалы и составителю выпуска г. Вл. Андерсону, дѣйствовавшему по порученію Великаго Князя. Сообщивъ въ предисловіи много любопытныхъ историческихъ и другихъ данныхъ о кладбищахъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ, г. Андерсонъ даетъ подробный списокъ найденныхъ имъ на этихъ кладбищахъ могилахъ русскихъ и польскихъ людей, тамъ похороненныхъ. Но онъ даже этимъ не ограничился, а къ списку прибавилъ рядъ именъ лицъ, о которыхъ по приведеннымъ справкамъ извѣстно, что они скончались въ Парижѣ, но могилъ ихъ не найдено. Такихъ лицъ я насчиталъ въ спискѣ 124 человѣка, въ томъ числѣ 29 разстрѣлянныхъ въ 1871 г. коммунаровъ, изъ которыхъ одинъ только Потапенко (стр. 70) русскій, а остальные 28 поляки.

И въ общемъ спискѣ покойниковъ польскій элементъ преобладаетъ въ огромной степени: изъ 1579 приведенныхъ лицъ на долю русскихъ, считая и офранцуженныхъ русскихъ и балтійскихъ нѣмцевъ, приходится не болѣе 474 лицъ—остальныя 1105 лицъ поляки, либо иностранцы. Послѣднихъ приведено около десятка, отношеніе которыхъ къ Россіи не всегда понятно, напримѣръ англичанинъ Russel (стр. 75), американка Bancroft (стр. 10) и другія.

Многія лица женскаго пола, бывшія въ бракѣ одинъ или нѣсколько разъ, внесены въ алфавитный списокъ подъ всѣми принадлежавшими имъ фамиліями, что, удлиняя списокъ, много усложнило и безъ того не малый трудъ г. Андерсона.

Крайне добросовѣстное отношеніе къ принятой на себя задачѣ, тѣмъ не менѣе не оградило г. Андерсона отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, вполнѣ извинительныхъ, но, такъ какъ цѣль подобныхъ изданій—служить справочникомъ для занимающихся исторіей, то ошибки въ нихъ требуютъ исправленія и я поэтому полагаю полезнымъ отмѣтить тѣ нѣкоторые недочеты въ трудѣ, которые мнѣ бросились въ глаза.

Начну съ того, что нигдѣ въ книжкѣ не объяснено значеніе звѣздочекъ, поставленныхъ передъ многими фамиліями, не объяснено и значеніе скобокъ, окаймляющихъ отчества многихъ покойниковъ. Кромѣ того, неизвѣстно съ точностью, что именно заимствовано изъ надгробныхъ надписей, приведенныхъ очевидно въ сокращенномъ видѣ. Сказано въ предисловіи (стр. XXIII) что, когда не указанъ языкъ надписи, слѣдуетъ понимать французскій языкъ. Однако, на могилѣ моего отца по-французски вырѣзано только: M-r Bouténeff, ministre de Russie à Constantinople et à Rome, приведенныя же слова взяты съ русской надписи на его могилѣ. Относительно многихъ надписей съ неуказаннымъ языкомъ является-таки сомнѣніе, что онѣ составлены по-французски, напримѣръ, Бураковъ, Екатеринославскій помѣщикъ, стр. 10.

Зная Монмартрское кладбище, вслѣдствіе нахожденія тамъ могилы моего отца А. П. Бутенева (передъ именемъ котораго на стр. 10 также стоитъ непонятная мнѣ звѣздочка и надгробная надпись котораго, имѣющаяся на двухъ языкахъ, невѣрно приведена), я не нашелъ въ спискѣ существующей тамъ могилы графини Юліи Станиславовны Бобринской, рожденной Юноша-Бѣлинской, похороненной въ отдѣльной могилѣ рядомъ съ могилой ея сына графа Павла Павловича Бобринскаго, умершаго болѣе 30 лѣтъ ранѣе матери (стр. 6).

Въ спискѣ погребенныхъ на кладбищѣ Père Lachaise на стр. 93, я къ великому удивленію нашелъ своего родного дядю оберъ-камергера Высочайшаго Двора графа Михаила Иринеевича Хрептовича, дѣйствительно скончавшагося въ Парижѣ $^{2}/_{14}$ февраля 1892 года, *но ни единой минуты не пролежавшаго въ Парижской землѣ*, такъ какъ мы съ покойнымъ братомъ немедленно послѣ отпѣванія въ приходской церкви

St.-Pierre de Chaillot (дядя мой былъ католикомъ) перевезли его тѣло, согласно волѣ покойнаго, въ Баденъ-Баденъ, гдѣ на старомъ Лихтентальскомъ кладбищѣ похоронили его въ одной могилѣ съ его женой, умершей въ 1875 году, графиней Еленой Карловной, урожденной гр. Нессельроде.

Эти двѣ неточности обнаружены мною на основаніи личнаго опыта, но есть и другія, бросившіяся въ глаза при ознакомленіи съ книгой.

Напримѣръ, на стр. 85 показанъ погребеннымъ на кладбищѣ Père Lachaise графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, умершій въ 1879 году, 81 года отъ роду. Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ *былъ всего только одинъ*, хорошо извѣстный бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Новороссійскій Генералъ-Губернаторъ, вѣчный гражданинъ города Одессы, родившійся въ 1795 г. и умершій (вѣроятно) въ Одессѣ въ 1891 году, имѣя 96 лѣтъ отъ роду. Графъ жилъ послѣдніе 33 года почти безвыѣздно въ Одессѣ, отлучаясь иногда только на воды въ Гаштейнъ, но и то, когда онъ былъ помоложе, а въ 96 лѣтъ онъ врядъ-ли выѣзжалъ изъ Одессы. Такъ какъ и года рожденія, и кончины не тѣ, то является подозрѣніе не похороненъ-ли тамъ какой-нибудь просто Строгановъ, не графъ?

Затѣмъ вотъ еще нѣкоторыя неточности и опечатки. Извѣстный настоятель Парижской посольской церкви протоіерей Прилежаевъ названъ на стр. 72 Прилетаевымъ. Адмиралъ графъ Евфимъ Васильевичъ Путятинъ, могила котораго не отыскана, названъ на той же страницѣ Ефремомъ. Дочь адмирала Павла Васильевича Чичагова на стр. 95 названа Васильевной, а не Павловной, и отчество Чичагова заключено въ скобки, надо надѣяться, что не по сомнѣнію въ правильности. На стр. 55 и 65 неправильно названа Агриппина Ивановна Мансурова сестрой князя Николая Алексѣевича Орлова; въ дѣйствительности-же, какъ это видно на стр. 88, она по отцу была княжна Трубецкая—сестра того князя Николая Ивановича Трубецкого, который показанъ на той-же 88 страницѣ похороненнымъ въ Samois и на дочери котораго, Екатеринѣ былъ женатъ князь Николай Алексѣевичъ Орловъ, извѣстный нашъ посолъ при французской республикѣ. Сказанныя на стр. 65 о князѣ Н. А. Орловѣ слова, что, «долго живя во Франціи, князь перешелъ въ католичество», относятся, я полагаю, не къ князю Н. А Орлову, а къ его тестю, кн. Н. И. Трубецкому. На стр. 71 показана, два раза почти кряду, одна и та же графиня М. А. Потоцкая, рожденная княжна Салтыкова, супруга извѣстнаго оберъ-гофмейстера графа Болеслава Потоцкаго.

На стр. 18 показана похороненной въ Монморанси «княгиня Кунигунда Гедроицъ, фрейлина Императрицъ Всероссійскихъ, статсъ-дама Е. В. Императрицы Жозефины, род. въ Вильнѣ 1793 г. († 1886 г.)». Является сомнѣніе, правильно-ли она здѣсь названа княгиней, а не княжной, и затѣмъ, какъ она могла быть не старше 21 года статсъ-дамой Жозефины, умершей въ 1814 году? Въ имѣемомъ у меня Наполеоновскомъ придворномъ календарѣ на 1814 годъ, таковой при дворѣ Жозефины не показано. Единственное объясненіе что она, будучи русской полькой и фрейлиной, вышла очень молодой замужъ за француза и тогда была при дворѣ Жозефины, а позднѣе вторымъ бракомъ была женою князя Гедроица, а третьимъ тайнымъ бракомъ, быть можетъ, и Бялопіотровича. Любопытно, что подъ фамиліей Пуалли похоронена (стр. 72) воспѣтая Пушкинымъ въ «Онѣгинѣ» Нина Воронская.

Жаль, что были включены въ списки Парижскаго Некрополя извѣстные русскіе люди, могилы которыхъ въ Парижѣ не отыскались. Надо полагать, что подобно Михаилу Васильевичу Пашкову (стр. 67), лежащему на кладбищѣ Московскаго Новодѣвичьяго Монастыря, тѣла многихъ изъ нихъ окажутся перевезенными въ Россію [1]).

Графъ К. Хрептовичъ-Бутеневъ.

---

[1]) Вслѣдствіе недостатка мѣста библіографическій отдѣлъ появляется, вопреки желаніямъ Редакціи, въ очень скромномъ объемѣ. *Ред.*

СМѢСЬ.

Отвѣтъ гимназиста на экзаменѣ всеобщей исторіи.

Онъ все основательно нѣсколько разъ прочиталъ и также основательно все перепуталъ.

Вынимаетъ билетъ о Юліѣ Цезарѣ.

«Что вы можете сказать о Юліѣ Цезарѣ?»

— Юлій Цезарь... Юлій Цезарь... былъ разбитъ во время тридцатилѣтней войны между Алой и Бѣлой розой на р. Калкѣ полчищами Гунновъ подъ начальствомъ.. Марафона; заключивъ съ ними миръ... Кучукъ-Кайнарджинскій, онъ удалился въ... Карѳагенъ. Здѣсь онъ влюбился въ мѣстную дидону, т. е. царицу, по имени... Брунгильда. Придравшись къ тому, что мужъ ея, Ганнибалъ, безъ его на то прагматической санкціи, прикрѣпилъ свой щитъ на вратахъ Царьграда, убилъ его и повѣсилъ его трупъ передъ городскими воротами; съ тѣхъ поръ и стали говорить: «Hannibal aute portas».

За пристрастіе къ охотѣ на львовъ въ африканскихъ окрестностяхъ Карѳагена, которою онъ увлекался вмѣстѣ со своимъ вѣрнымъ слугою Личардою, Цезарь былъ прозванъ «Ричардъ Львиное сердце».

Соскучившись по родинѣ, Цезарь вскорѣ переселился въ Италію, вмѣстѣ съ женою и со своимъ братомъ Помпеемъ.

Здѣсь онъ на охотѣ случайно убилъ волчицу, вскормившую его дѣтей... Филимона и Бавкиду и на этомъ мѣстѣ основалъ городъ, который поэтому (!) и назвалъ Римомъ. Жена Цезаря, несмотря на то, что была выше подозрѣній, увлеклась молодымъ египетскимъ принцемъ... Піамомъ и, воспользовавшись тѣмъ, что Цезарь мылся въ кровавой стокгольмской банѣ, въ темную Варфоломѣевскую ночь бѣжала съ Піамомъ въ Ниневію, гдѣ построила висячіе сады, за что и была прозвана Семирамидой.

Цезарь долго грустилъ, но наконецъ, по совѣту знаменитыхъ современныхъ ученыхъ Гуттенберга и Бертольда Шварца, рѣшилъ открыть Америку.

Прослушавъ въ храмѣ Соломона Сицилійскую вечерню, которую служилъ извѣстный проповѣдникъ Петръ Амьенскій, онъ вмѣстѣ съ братомъ Помпеемъ сѣлъ на три корабля, называвшихся «Трирема», «Каравелла» и... «Грэдъ-Истернъ» и отправился черезъ океанъ.

Онъ благополучно проплылъ между Сциллой и Харибдой, причемъ потопилъ лодку Харона, прикрѣпленную къ Тарпейской скалѣ цѣпью Гименея, завязанной Гордіевымъ узломъ. Среди океана онъ завязъ въ водорослях Саргассова моря и у него не хватило припасовъ, почему онъ долженъ былъ питаться лишь Колумбовымъ яйцомъ.

Достигши наконецъ береговъ Америки, онъ на мѣстѣ высадки въ память этого событія поставилъ Геркулесовы столбы, причемъ произнесъ рѣчь посполитую. Осно-

ванный здѣсь городъ поэтому получилъ имя Геркуланумъ; другой же, заложенный рядомъ братомъ его Помпеемъ — Помпея. Оба эти города—Геркуланумъ и Помпея — были, какъ извѣстно, впослѣдствіи засыпаны пепломъ. Произошло это потому, что Цезарь научилъ американцевъ сажать и курить табакъ, а также и картофель. Поэтому былъ названъ «картофельнымъ» тотъ бунтъ, который подняли противъ Цезаря мексиканцы подъ начальствомъ эрцгерцога Максимиліана, изъ династіи Атцековъ, желавшаго учрежденія республики.

При усмиреніи этого бунта Цезарь и погибъ во время Ледоваго побоища, будучи укушенъ змѣею Клеопатры, выползшей изъ черепа коня Олега — Пегаса, который вмѣстѣ съ конемъ Буцефаломъ возилъ колесницу Аполлона и содержался въ Авгіевыхъ конюшняхъ, выстроенныхъ извѣстнымъ архитекторомъ Архимедомъ. Эта смерть была предсказана Цезарю знаменитой Аэндорской волшебницей Пифіей еще въ дѣтствѣ, когда онъ еще забавлялся олимпійскими играми, составленными для него Гомеромъ во время Троянской войны. *Х.*

Перепечатка всѣхъ статей и иллюстрацій воспрещается.
(Законъ 20 марта 1911 г.).

Редакторъ *М. Х. Соколовскій.*

21 u. ver.

H

2014058303